

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Донина Ольга Валерьевна

СКРЫТАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ВАРИАНТАХ ЯЗЫКА

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
доцент О.О. Борискина

Воронеж 2016

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретическая база исследования	14
1.1. Категоризация в лингвистике	14
1.2. Метафора как механизм категоризации	23
1.3. Национальная специфика языковой категоризации: связь языка, сознания и культуры	28
1.4. Именная классификативность	34
1.5. Скрытая языковая категоризация мира	40
1.6. Вариативность английского языка.....	44
1.7. Способы представления вариативности английского языка.....	53
1.8. Языковой континуум	63
1.9. Исследование эмоций в лингвистике и когнитивной науке.....	70
1.10. Способ описания ареальной вариативности эмоциональных переживаний. Методика исследования.....	99
Выводы	113
Глава 2. Криптоклассная категоризация эмоций	121
2.1. Криптоклассный анализ эмонимов	121
2.1.1. Emotion.....	121
2.1.2. Feeling.....	132
2.1.3. Hope	142
2.1.4. Surprise	149
2.1.5. Anger.....	156
2.1.6. Passion	166
2.1.7. Interest.....	175
2.1.8. Happiness.....	183

2.1.9. Joy	192
2.1.10. Fear.....	200
2.1.11. Pleasure	209
2.1.12. Pride	216
2.1.13. Pity	223
2.1.14. Relief.....	229
2.1.15. Concern	236
2.1.16. Distress.....	244
2.1.17. Terror	250
2.1.18. Grief	258
2.1.19. Sympathy	266
2.1.20. Love	274
2.1.21. Shame.....	284
2.1.22. Guilt	293
2.1.23. Anxiety.....	301
2.2. Категоризация эмоций и стратификация вариантов английского языка	310
2.3. Эмоциональное благополучие через призму скрытой языковой категоризации эмоций	328
Выводы	335
Заключение	338
Глоссарий используемых терминов и сокращений	344
Список литературы	347
Приложение 1. Культурно-историческая справка по идиомам.	
Приложение 2. Таблица базовых эмоций.	
Приложение 3. Дерево решений. Правила.	
Приложение 4. Криптоклассные цепочки последовательностей и таксономии.	

Введение

Диссертационное исследование имен эмоционального состояния в близкородственных идиомах выполнено в рамках одного из направлений работы Воронежской лексико-типологической группы, занимающейся изучением типов именной классификативности, присущих языкам мира, и поиском нетривиальных семантических элементов, общих для универсального грамматического набора и для набора универсальных лексических параметров. Основная работа проводится в русле исследований *лексико-грамматических* классов имен, которые в одних языках оформлены грамматически в виде рода (русский, немецкий, испанский) или именного класса (языки Африки), а в других выражены лексически, т.е. относятся к скрытой грамматике и могут быть выявлены только через классификаторы. Такие лексико-грамматические классы называются *криптоклассами* (*скрытыми классами*).

Сама возможность использования оппозиции *phenotype VS cryptotype* в метаязыковой функции описания именной классификативности в языке точно представлена в набросках статей Б. Ли Уорфа, опубликованных посмертно в 1956. Попытка описания криптоклассов русских имен [Кретов 1992] была, по сути, возрождением идеи Б. Ли Уорфа. Толчком к исследованию послужили труды по скрытой грамматике С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1972], а также идеи А.К. Жолковского и Ю.Д. Апресяна об универсальности и вариативности грамматических значений разных языков [Жолковский 1964], [Апресян 1967]. Выявленные на типологической основе именные криптоклассы английского языка описаны в работе [Борискина 2011].

Методологическую базу исследования также составили труды по системной лингвистике (В. фон Гумбольдт, И.И. Срезневский, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г.П. Мельников); типологические исследования, в особенности представителей Московской лексико-типологической группы Е.В. Рахилиной (MLexT) и ее последователей: Т.И. Резниковой, В.А. Кругляковой, Л.О. Наний; описание классификаторов в языках мира (Б. Ли Уорф, К. Аллан, А. Айхенвальд), теория именной классификативности В.А. Виноградова, опыт описания метафорики и национальной специфики

языковой категоризации мира (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В. В. Морковкин, В. Г. Гак, Р.С. Кимов, И.М. Кобозева, Э. Будаев, А.П. Чудинов и др.); работы, посвященные вариативности английского языка и контактной вариантологии, или лингвоконтактологии (Б. Качру, Т. МакАртур, Э. Шнайдер, Дж. Дженкинс, П. Стривенс, Г. Нельсон, З.Г. Прошина, О.В. Первашова и др.), исследования в области классификации эмоций и эмотиологии (П. Экман, К. Изард, В. Паррот, Р. Плутчик, Р. Лазарус, В.И. Шаховский, З.Е. Фомина, В.Ю. Апресян, Л.Г. Бабенко, Е.Н. Винарская, М.В. Енева, Л.М. Кольцова, С.Е. Токмакова, Е.В. Тронева, О.Б. Пономарева, Н.А. Красавский, А.П. Седых, Е.Ю. Мягкова, В.М. Круглов, П.Е. Клобуков, Л.А. Калимуллина, С.Ю. Перфильева, Мун Чун Ок и др.), исследования явных классов в языках мира (А.И. Коваль, В.А. Виноградов, К.А. Гилярова, А.А. Кибрик, А. Айхенвальд и др.).

Актуальность исследования продиктована, в первую очередь, необходимостью расширения знаний о содержательной близости и специфике идиомов, а также о закономерностях языкового варьирования. Традиционно, описывая ареальную вариативность языка, говорят о лексических, грамматических, фонологических или супrasegmentных особенностях диалектов (вариантов) или идиомов. Однако ареальную вариативность можно наблюдать и в особенностях скрытой языковой категоризации мира.

Варьирование языка на примере эмонимов (обозначений эмоций) в близкородственных идиомах рассматривается в рамках английского языкового хронотопа. Предпринята попытка определить степень влияния таких факторов, как время и пространство на языковую дифференциацию идиомов.

Исследование выполнено на материале английского языка не случайно. Этот язык вследствие своей географической мобильности и колониального распространения за почти 500-летнюю историю стал обслуживать языковые сообщества в разных уголках земли, что привело к появлению большого количества национальных вариантов английского.

Согласно исследованиям в области произносительной нормы, лексики и грамматики отдельных национальных вариантов английского, эти идиомы все сильнее отдаляются от британского варианта, равно как и друг от друга. С другой стороны, английский используется в качестве языка межкультурного

общения, или глобального языка (global English). Интерес лингвистов к глобальности и вариативности английского языка объясняется неоднородностью его функционирования в различных языковых ситуациях и ареалах. Недостаточная изученность ареальной вариативности и глобальности английского языка признается как зарубежными, так и российскими лингвистами. Внимание ученых привлекают вопросы сходств и различий между территориальными вариантами, взаимовлияния ареальных вариантов, а также особенности лингвистической ситуации в англоговорящих странах.

В отечественной лингвистической традиции все ещё принято описывать устройство и функционирование английского языка вне его ареальной или национальной отнесенности, а процессы, происходящие в нем (например, словообразование, сочетаемость, метафоризация), изучаются преимущественно с опорой на лексикографические источники прошлого века. Хотя в последние годы ситуация меняется, и катализатором этого стало появление электронных лингвистических ресурсов, в которых содержатся тексты двадцати национальных вариантов английского языка. В зарубежной науке понятие национального/территориального варианта английского языка уже широко используется. Однако большинство современных работ зарубежных лингвистов посвящены вопросам поиска различий между такими признанными и устоявшимися территориальными вариантами как британский, американский, австралийский. В тени остаются национальные варианты английского в Африке и Азии.

Обзор существующих подходов к проблеме языковой вариативности и методик сравнения вариантов показал, что при всей релевантности их применения для описания внешних языковых явлений, они не всегда пригодны для выявления глубинных, когнитивно-обусловленных особенностей функционирования языка в разных частях англоязычного пространства.

Чтобы выяснить наследуются ли механизмы и способы языковой категоризации эмоций в процессе ареального отдаления вариантов английского, чтобы определить насколько аналогичны образы эмоций в языковом сознании сообществ, говорящих на разных вариантах одного и того же языка, мы привлекли методику криптоклассного анализа.

Такая методика представляется нам востребованной, ориентированной на достижение новейших научных результатов, а их внедрение в научный оборот или общественную практику будет способствовать решению теоретических проблем лингвоконтактологии. Сказанное выше определяет **актуальность** настоящего исследования.

Объектом исследования является лексико-синтаксическая метафорическая сочетаемость 23-х имен эмоционального состояния и чувственного переживания английского языка, для краткости называемые в работе **эмонимами**: *emotion* (эмоция), *feeling* (чувство), *hope* (надежда), *surprise* (удивление), *anger* (гнев), *passion* (страсть), *happiness* (счастье), *interest* (интерес), *fear* (страх), *joy* (радость), *grief* (горе), *sympathy* (сочувствие), *terror* (ужас), *pleasure* (удовольствие), *love* (любовь), *pride* (гордость), *pity* (жалось), *relief* (облегчение), *concern* (участие), *distress* (страдание), *shame* (стыд), *guilt* (вина), *anxiety* (тревога).

Исследовательский корпус словоупотреблений 23-х английских эмонимов, сформированный на основании результатов полуавтоматической обработки корпусных запросов, насчитывает **64.702 словоупотребления**.

В качестве **предмета исследования** в работе выступает криптоклассная представленность рассматриваемых эмонимов в 20-ти национальных вариантах английского языка: британском (British English), ирландском (Hiberno-English/Irish English), американском (American English), канадском (Canadian English), австралийском (Australian English), новозеландском (New Zealand English), ямайском (Jamaican English), индийском (Indian English), пакистанском (Pakistani English), филиппинском (Philippine English), сингапурском (Singapore English), шриланкийском (Sri Lankan English), гонконгском (Hong Kong English), малайзийском (Malaysian English), бангладешском (Bangladeshi English), кенийском (Kenyan English), южноафриканском (South African English), нигерийском (Nigerian English), ганском (Ghanaian English), танзанийском (Tanzanian English).

Материалом исследования послужили:

1. Электронные национальные корпуса Corpus of Global Web-based English (GloWbE) (<http://corpus.byu.edu/glowbe/>) (1.9 млрд. слов) и NOW Corpus (“News On the Web”) (<http://corpus.byu.edu/now/>) (2.8 млрд. слов).
2. Информационный лингвистический ресурс «Криптоклассы английского языка», созданный в рамках совместного проекта отделения Теоретической и прикладной лингвистики и научно-методического центра Компьютерной Лингвистики ВГУ.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей языковой категоризации эмоциональных состояний по идиомам при изучении механизмов описания ареальной вариативности на основе сопоставления криптоклассной специфики эмонимов в идиомах.

Для достижения цели в работе ставятся и решаются следующие **задачи**:

- 1) изучить накопленный в лингвистике опыт выявления именной классификативности языка и описания ареальной вариативности английского языка;
- 2) обосновать ограничение исследовательского списка эмонимов;
- 3) сформировать исследовательский корпус словоупотреблений 23-х английских эмонимов на основании результатов полуавтоматической обработки корпусных запросов;
- 4) определить вхождение исследуемых эмонимов в криптоклассы английского языка по идиомам;
- 5) установить коэффициент корреляции между корпусами для проверки представленности исследуемого материала в используемых ресурсах;
- 6) вычислить тесноту связи между двадцатью вариантами английского языка в общем в сфере именной классификативности на примере эмонимов;
- 7) представить количественные данные в виде *криптоклассных портретов* эмоций, статистические данные – в виде *карт* эмоций, визуализировать когнитивный континуум средствами компьютерной графики;

- 8) разместить полученные данные на платформе кафедрального информационного лингвистического ресурса COEL (<http://www.rgph.vsu.ru/coel/contexts.php>);
- 9) сгруппировать идиомы в виде кластеров;
- 10) выявить общие закономерности криптоклассного поведения эмонимов посредством сопоставления криптоклассной специфики имен эмоций по кластерам;
- 11) рассмотреть механизм описания ареальной вариативности языка.

При написании работы в методологическом плане применялась следующая совокупность **методов исследования**: общенаучный индуктивный метод, описательный метод, метод лингвистического наблюдения, корпусные методы изучения языка, криптоклассный анализ данных, когнитивная интерпретация полученных данных, методы лингвистической статистики и прогностики (Data Mining, кластерный анализ), компьютерно-когнитивное графическое моделирование лингвистических объектов.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что для описания семантической близости ареальных вариантов языка применим метод криптоклассного анализа, с помощью которого можно установить связь вариативности языка с хронотопом, выяснив действительно ли ареально близкие идиомы демонстрируют больше сходств в скрытой категоризации мира по сравнению с географически удаленными.

На защиту выносятся следующие положения:

1. На примере эмонимов *криптоклассный метод* описания семантической близости вариантов языка позволил установить, что языковая вариативность скоррелирована с хронотопом: коэффициент корреляции между географически близкими вариантами языка выше, чем между ареально удаленными; географический фактор важнее, чем временной.

2. Чем дольше существует языковой ареал, тем он устойчивее. Коэффициент корреляции идиомов внутреннего круга (по модели Б. Качру) не опускается ниже 92%, что указывает на высокую согласованность «устоявшихся» вариантов английского языка, таких как Британский и

Ирландский, Американский и Канадский, Австралийский и Новозеландский в связи с длительными по времени языковыми контактами между ними.

3. Варианты внешнего круга (по модели Б. Качру) согласуются на 74%-80%, что обусловлено меньшей степенью «сформированности», или устойчивости, связанной с менее длительным использованием идиомов африканского и азиатского ареалов и менее тесными контактами между ними.

4. В результате комплексной методики, включающей применение методов корпусной лингвистики, математической статистики и криптоклассного метода описания вариативности языка, было выявлено, что *устоявшиеся* варианты английского языка по таким ареалам как европейский, американский и австралийский могут быть определены как *диалекты* языка, в то время как идиомы, которые все ещё находятся в стадии становления в рамках азиатского и африканского ареалов, следует квалифицировать как *самостоятельные языки с высоким уровнем генетической близости*.

5. Идиомы по ареалам демонстрируют во многом аналогичную, но не идентичную картину скрытой категоризации эмоций. Полученные данные свидетельствуют о когнитивной общности чувственных и эмоциональных переживаний в разных лингвокультурах англосферы. Общность осмысления эмоций проявляется в том, что эмонимы употребляются в одинаковых, похожих или сопоставимых классифицирующих конструкциях и относятся к одним и тем же криптоклассам во всех двадцати вариантах английского. При этом в целом криптоклассные предпочтения имен по частотности ранжируются следующим образом: Res Parvae (то, что можно взять в руку, или *рукоятное*) → Res Liquidae (*жидкое*) → Res Acutae (*острое*) → Res Filiformes (*нитевидное*) → Res Longae Penetrantes (*длинно-тонкое стабильной формы*) → Res Rotundae (*круглое*) (см. глоссарий).

6. Категоризация эмоций в разных вариантах английского неоднородна и представляет собой когнитивный континуум, связанный с весом и различием криптоклассных приоритетов. Криптокласс «Res Parvae» является приоритетным в метафорическом представлении имен по сравнению с другими описанными на настоящий момент криптоклассами английского языка, что связано с антропоцентричностью языка. Чаще говорят о *рукоятном* (т.е.

относящемся к криптоклассу Res Parvae) гневе (anger), удивлении (surprise), радости (happiness, joy), удовольствию (pleasure), жалости (pity), ужасе (terror), горе (grief), озабоченности (concern). Вторым по представленности при категоризации эмоций выступает криптокласс «Res Liquidae», что связано со способностью эмоций наполнять человека (как контейнер) и изменчивостью их природы. Чаще говорят о *жидкой* (т.е. относящемся к криптоклассу Res Liquidae) эмоциях (emotion), сочувствии (sympathy) и страсти (passion). Криптокласс Res Acutae является наиболее приоритетным для трех имен: чаще говорят об *остром* страдании (distress), тревоге (anxiety) и облегчении (relief).

Научная новизна диссертационного исследования заключается, во-первых, в том, что в нем впервые была установлена теснота связи между отдельными вариантами английского языка по ареалам, что позволило скоррелировать такие разные аспекты научного знания как хронотоп и скрытая языковая категоризация эмоций.

Во-вторых, впервые к изучению семантической близости языков привлекается материал 20-ти близкородственных идиомов, при этом впервые к исследованию привлекаются данные «редких» (мало описанных) вариантов английского языка (например, варианты Нигерии и Ганы) наравне с традиционно изучаемыми (американским, британским, австралийским, новозеландским).

В-третьих, в работе представлен новаторский подход к описанию языковой вариативности, опирающийся на корпусные методы исследования, точные методы и криптоклассный анализ метафорической словосочетаемости. При этом, впервые для языкового обозначения как чувственных переживаний, так и эмоциональных состояний (в отличие от самих чувств и эмоций) был использован термин *эмоним*, рядоположный другим терминам русскоязычной науки: синоним, омоним, гипероним, этноним, гидроним и т.д. Использование термина позволило нивелировать разницу между чувствами и эмоциями, которая оказалась несущественной для целей настоящего исследования.

В-четвёртых, в результате проведенного исследования удалось обосновать возможность моделирования когнитивного континуума языковой

категоризации эмоций и смоделировать когнитивный континуум категоризации каждой из рассматриваемых эмоций по данным электронных корпусов, что стало новым шагом в решении задач компьютерно-когнитивного графического представления лингвистических объектов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что предложенный подход к описанию ареальной вариативности языка, полученные данные и теоретические выводы способствуют приращению науки в аспекте теории языка, с одной стороны, углубляя и развивая языковую типологию, в частности, теорию криптоклассов; с другой – содействуя осмыслению результатов миграции Нового времени и их влияния на современное территориальное распространение языков. Полученные данные позволяют расширить наше понимание национально-культурной специфики в восприятии мира.

Практическая ценность проделанной работы состоит в пополнении информационного лингвистического ресурса COEL, а также в возможности использования материалов и методики исследования для создания обучающих программ в области информационных технологий, равно как и в практике преподавания иностранных языков и теоретических курсов, и в организации и проведении учебных практик на отделении фундаментальной и прикладной лингвистики. На основе полученных данных может быть создана компьютерная программа, позволяющая устанавливать ареальную принадлежность варианта языка.

Апробация основных положений и результатов исследования осуществлялась на научных сессиях Воронежского государственного университета (Воронеж, апрель 2015, апрель 2016); на конференциях «Проблемы компьютерной лингвистики» (Воронеж, сентябрь 2013, март 2015), «Проблемы лексико-семантической типологии» (Воронеж, октябрь 2014, март 2016), «Перевод: язык и культура» (Воронеж, май 2014), «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (Воронеж, октябрь 2015), «Иноязычная коммуникативная культура в повышении качества профессиональной подготовки специалистов. I Всероссийская НПК» (Воронеж, апрель 2016), «Седьмая международная конференция по когнитивной науке» (Калининград,

июнь 2016), «Политическая коммуникация» (Екатеринбург, сентябрь 2016); на Международном симпозиуме «Метафора как средство коммуникации знания» (Пермь, октябрь 2016); тема исследования обсуждалась на научных аспирантских семинарах факультета романо-германской филологии и заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета (2013-2016 гг.). По корпусным методам исследования метафорической сочетаемости английского языка создано учебно-методическое пособие «Методические указания по проведению компьютерного исследования криптоклассов английского языка».

Глава 1. Теоретическая база исследования

1.1. Категоризация в лингвистике

Результаты познания явлений и сущностей, не имеющих предметного референта, оформляются (получают форму) в языке через скрытые механизмы языковой категоризации, в основном через метафоризацию, причем в разных языках – по-разному. Задача лингвиста – выявить и описать такие механизмы с учетом знаний о типологической и ареальной вариативности языков, с опорой на корпусные данные, таким образом, чтобы полученные результаты были «понятны и интересны представителям более зрелых наук», что в свою очередь будет способствовать развитию общей теории когнитивной системы [Кибрик 2014]. Именно так А.А. Кибрик в своем обращении к участникам шестой международной конференции по когнитивной науке обозначил задачу инкорпорации лингвистики в когнитивную науку и конвергенции теорий, имеющих дело с изучением когнитивных процессов.

Когнитивные аспекты языка и механизмы формирования значения на современном этапе научного познания находятся в фокусе внимания ученых независимо от их специализации, при этом особое внимание уделяется вопросам концептуализации и категоризации действительности. В лингвистике, равно как и в смежных областях знаний, таких как психология, медицина, философия, логика, нейронаука, регулярно появляются новые исследования о познавательных процессах человека, его когнитивных способностях, особенностях человеческого мозга, языковом сознании, связи языка и мышления.

Под «языковым сознанием», которое по точному замечанию Т.Н. Ушаковой «укореняет связь лингвистического явления (языка) с психологическим феноменом (сознанием)» [Ушакова 2004, с. 8], одни лингвисты подразумевают «совокупность языковых значений, представляющих собой систему исторически сложившегося, специфического для данного народа преломления «внеязыковой» действительности, выделения в ней определенных сторон, характеристик, которые в других языках не выделяются или выделяются иначе» [Гальперин 1977, с.7], тогда как другие сводят это сложное

явление к вербализуемым лексическими средствами национального языка результатам ментальной деятельности (см., например, [Овчинникова 2008]). Несмотря на неоднозначность употребления термина «языковое сознание», актуальность и необходимость его изучения принимается безоговорочно. Предлагают разные методы и способы изучения форм языкового сознания, одним из которых является исследование механизмов категоризации окружающего мира человеком в виде языковых категорий.

Языковая категория в разных лингвистических школах понимается несколько по-разному: традиционно «категория – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некий признак, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (падежа, одушевленности/неодушевленности, вида)» [Языкознание 1998, с.215]. Еще И. Кант писал: «Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категориям» [Кант 2016, с.150]. В когнитивной лингвистике под категорией понимают и концептуальное объединение объектов на основе общего концепта», и «определенные концептуальные структуры, или формы осмысления мира в языке с помощью которых человек упорядочивает полученные знания о мире и о себе и которые обеспечивают единство языка как системы во всех его индивидуальных проявлениях» [Болдырев 2006, с.5]. По мнению Е.С. Кубряковой категоризация – одно из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека», которое показывает «как человек понимает и интерпретирует окружающую его действительность, что попадает в фокус его понимания» [Кубрякова 2004, с.9]. Были выявлены параллели между усвоением категории формы в онтогенезе и базовыми признаками формы в языке, т.е. основания для категоризации, которые применяют дети, похожи на системы классификаторов в языках мира [Гилярова 2002].

Одним из первых, кто обратил внимание на вопросы языковой категоризации мира в своем учении о внутренней формальности языка, был А.А. Потебня: «слово заключает в себе указание на известное содержание, свойственное ему одному и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которое содержание этого слова подводится» [Потебня 1958, с.25], замечая, что наравне с грамматической возможна лексическая категоризация: «Есть языки, в коих подведение лексического содержания под общие схемы, каковы предмет и его пространственные отношения, действие, время, лицо и проч., требует каждый раз нового усилия мысли. То, что мы представляем формой, в них является лишь содержанием, так что грамматической формы они вовсе не имеют. В них, например, категория множественного числа выражается словами *много, все*; категория времени такими словами как *когда-то, давно...*» [Потебня 1958, с.38]. Данная мысль А.А. Потебни подтверждается последними исследованиями нейрофизиологов, которые указывают на тесные связи между областями головного мозга, отвечающими за грамматику (область Брока) и семантику (область Вернике) [Рамачандран 2012]. А.В. Бондарко ввел в лингвистику понятие категориальности [Бондарко 1976, 1978], которое рассматривали в своих трудах такие отечественные лингвисты, как Ю.Д. Апресян [Апресян 1963, 1967], Н.Д. Арутюнова в теории метафоры [Арутюнова 1974, 1979, 1990, 2009], А.Л. Шарандин в теории лексической грамматики [Шарандин 2001], Т.В. Булыгина, описывающая скрытые грамматические категории в русском языке [Булыгина 1980, 1990, 1997], В.Г. Гак, рассматривающий метафоричность [Гак 1986, 1987, 1988], В.А. Виноградов, А.А. Кретов, О.О. Борискина в теории языковой категориальности [Борискина 2003, 2011] и многие другие.

Э. Рош [Rosch 1973] показала, что категории являются множествами с размытыми границами и внутренней структурой, в рамках которой некоторые члены выступают как прототипы, и что при этом среди самих категорий существует иерархия и выделяются наиболее абстрактные и культурно значимые концепты базового уровня категоризации. Таким образом, была сформулирована концепция семантики прототипов, объединяющая теорию

прототипов и теорию категоризации, которая подчеркивала, что на создание ментальных образов непосредственно влияют индивидуальные особенности восприятия и нейрофизиология [Кравченко 2015]. О недискретности, размытости границ категорий писал также Л. Виттгенштейн [Wittgenstein 1958], разрабатывающий понятие семейного (фамильного) сходства – черты, объединяющей членов класса. Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1997] изложила основные характеристики современного прототипического подхода к категоризации, среди которых выделила то, что «члены категории не равны по своему статусу внутри категории, они разнятся по степени схожести с эталоном – прототипом» и «категории прототипического характера, объединяя единицы с различным набором признаков и частично нетождественными характеристиками, оказываются категориями с размытыми неопределенными границами» [Боярская 2011]. Отсутствие четкости границ у классов коррелирует с теорией размытых множеств Л. Заде [Zadeh 1965], в рамках которой отмечается градуированная оценка принадлежности объекта множеству. Подобного подхода придерживается также и Дж. Лакофф: «категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения – восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии и ментальной образности в целом, с другой» [Lakoff 1987, p.23].

Нейробиологи и нейрофизиологи также внесли свой вклад в понимание процессов категоризации и категориальности. Так, нейробиологами, активно использующими методы нейроимиджинга, было выявлено, что категоризация является естественным механизмом мозга, с помощью которого он способен справляться с обработкой больших объемов информации – в префронтальной коре были найдены нейроны, отвечающие за категоризацию [Freedman et al. 2001]: «Категоризация — одно из самых важных ментальных действий, которым мы владеем и которое применяем постоянно» [Млодинов 2012, с.236]. Интересно, что открытия в нейронауках свидетельствуют о том, что А.А. Потемня был прав, утверждая, что «слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак. Образ стола может иметь много признаков, но слово *стол* значит только посланное (корень *стл* тот же, что в глаголе *стлать*) и поэтому оно может одинаково

обозначать всякие столы, независимо от их формы, величины, материала» [Потебня 1989, с.97].

Очевидно, в ходе эволюции человек перестал анализировать каждый объект, попадающий в его поле зрения, индивидуально и начал выделять наиболее яркие, существенные черты объекта, улавливать его общую суть, сопоставлять с ранее виденным, относить к определенной категории и оценивать в соответствии с приписанным классом. Тем самым человеку удалось упростить действительность и, как следствие, увеличить свою реактивность: «Если бы нам пришлось разбираться со всем, что мы видим, с каждым зрительным впечатлением отдельно и, всякий раз открывая глаза, все это увязывать заново, мы бы сошли с ума» [Klein 1999, p.234], категоризация - «это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других» [Кубрякова 2004, с.96]. Категоризация является неосознаваемым процессом избавления от несущественного и выделения главного, при этом «категория насыщает все объекты, которые в нее входят, одним и тем же умозрительным и эмоциональным духом» [Gordon 1954, p.252]. У. Липпманн считал, что: «в целом, окружающая среда – слишком сложное и изменяющееся образование, чтобы можно было познавать ее напрямую...Но поскольку нам приходится действовать в этой среде, прежде чем начать с ней оперировать, необходимо воссоздать ее на более простой модели» [Липпманн 2004, с.240]. Наш мозг создает модели окружающей действительности (которые мы воспринимаем как реальность) на основе сигналов, поступающих от органов чувств (при этом в отсутствии сигналов мозг достраивает картинку самостоятельно – в качестве примера можно рассматривать заполнение слепого пятна [Ramachandran 1991] или конфабуляции [Haidt 2001], [Nisbett 1977a], когда человек заполняет лакуны памяти вымышленными воспоминаниями, за что отвечает левое полушарие головного мозга [Le Doux 1996]; [Gazzaniga 1998]). Данный факт подтверждает идеи солипсизма и сенсуализма: ср. также принцип обратимости позиции наблюдателя в описаниях мира [Кубрякова 1999]; декогеренцию [Castagnino et al. 2008] и редукцию фон Неймана (коллапс волновой функции) [Нейман 1964]

в квантовой физике [Hackermüller et al. 2004], [Stick et al. 2006], [Streed et al. 2006]; «эффект Зайонца» (эффект социальной фасилитации) [Zajonc 1965], «эффект Хотторна» [Mayo 1949] и «реактивный эффект» [Webb 1966] в психологии. Таким же образом мозг способен строить модели внутреннего мира других людей (на основе зеркальных нейронов и павловского метода формирования условного рефлекса) [Wolpert 2003], что позволяет нам сопоставлять полученные модели, создавать на их основе более оптимальные и передавать последующим поколениям [Фрит 2012] – именно так и рождается культура.

В конце апреля 2016 года был составлен подробный атлас семантического словаря мозга [Huth et al. 2016] (интерактивная модель представлена на сайте <http://gallantlab.org/>), который показал, что большинство зон семантической системы репрезентируют информацию о специфических семантических группах связанных концептов, т.е. слова группируются, категоризируются в мозге по смыслу, например, эмоционально насыщенные понятия локализованы в угловой извилине сзади теменной доли, а числа – в предцентральной борозде. Исследование подтвердило предыдущие результаты, что, во-первых, существуют определенные области коры головного мозга, ответственные за семантическую систему [Binder et al. 2009], и, во-вторых, что различные области коры специализируются на различных понятийных категориях (таких, например, как орудия, здания, животные) [Mitchell et al. 2008]. Было выявлено, что более трети поверхности обоих полушарий задействованы в семантической интерпретации, и тематика семантических полей коррелирует с функциями областей, близ которых они локализованы: к примеру, визуальные понятия расположены около зрительной коры головного мозга. При этом каждое слово располагается в нескольких участках мозга, а каждый участок коры связан с группой слов, таким образом создаются сети, представляющие значение каждого слова, которое мы используем, и именно этот механизм может быть родоначальником *метафоры*, сущность которой «состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Баранов 1997]. В рамках экспериментальной психосемантики была предложена методология построения семантических пространств, «отражающих

семантическую организацию различных уровней категоризации» [Петренко 1988]: наиболее глубинным уровнем является обобщение на основе кинестезии – самый универсальный механизм для человечества [Osgood 1962], единицей которого выступает коннотативное значение. Далее значение эволюционирует из эмоционально насыщенного, семантически расплывчатого в культурно опосредованное, предметно-категориальное, семантически более расчлененное; из коннотата в денотат.

«Понимание того, как мы действительно осуществляем категоризацию, является необходимым для понимания того, как мы мыслим и как мы действуем, и в итоге для понимания того, что делает нас людьми» [Lakoff 1987, p.20].

На современном этапе развития цивилизации, определяемом как век информационных и коммуникационных технологий (ICT age), взаимодействие лингвистики и кибернетики становится наиболее актуальным в связи с созданием продуктов нового поколения, и особенно при разработке искусственного интеллекта. Наиболее релевантными для создания программного обеспечения выступают вопросы категоризации и концептуализации. Стоит упомянуть, к примеру, что при разработке парсеров и тегов инженерами использовались принципы языковой категоризации. Показательно также использование category-driven подхода в современной лексикографии, где каждое слово может входить одновременно в несколько категорий, а категории связаны между собой, образуя сеть [Белова 2007]. Тенденция мультидисциплинарного подхода в науке способствует тому, что лингвисты все больше интересуются «сферой тех психологических процессов индивида, посредством которых языковой материал организуется в человеческом мозгу и в нужный момент извлекается» [Зорькина 2003, с.205]. Достаточно продуктивным результатом взаимодействия лингвистики, психологии и теории искусственного интеллекта является теория фреймов М. Минского, разработанная для исследования восприятия многомерных ситуаций. На ее основе появились когнитивная модель памяти человека и фреймовая модель представлений знаний. Согласно этим теориям восприятие действительности происходит через сопоставление фреймов, хранящихся в

памяти и информации, полученной из внеязыковой действительности. Фрейм (frame) рассматривают, как структуру данных, отражающую стереотипную ситуацию или шаблон для класса объектов. Сценарии (scripts) являются системой связанных между собой фреймов, применяемой для описания сложного события. Помимо фреймов и сценариев выделяют и другие виды семантических представлений, такие как сетевые и графовые модели, логические и продукционные модели, а также графы знаний. Сетевые модели формализуют устройство человеческой памяти. Так, еще в середине XX века функционирование долговременной памяти было описано при помощи сетевых представлений (например, в модели TLC – Teachable Language Comprehender). Семантическая сеть (semantic network) является разновидностью сетевой модели и представляет знания о фрагменте действительности в виде ориентированного графа, где понятия хранятся в узлах, а дуги отражают отношения между ними. Также применяются дефинитивные сети (definition networks) Р. Брахмана и пропозициональные сети (propositional networks) С. Шапиро. Концептуальный граф (conceptual graph), являющийся разновидностью сети, был предложен Дж. Совой; он представляет собой конечный связный двудольный граф, где в прямоугольниках изображены понятия, а в овалах – концептуальные отношения. Под графами знаний (knowledge graphs) понимают базы знаний, иерархически организованные и нацеленные на задачи оптимизации информационного поиска. Аналогичным ресурсом является Knowledge Vault, основным отличием которого от графа знаний является отражение степени истинности или ложности [Прикладная и компьютерная лингвистика 2016].

В рамках распространяющегося направления семантического моделирования в лингвистике появляются термины упаковка информации (packaging of information), дублетность, ребрендинг, нанесение на карту (mapping), семантические карты и т.д., объединяемые идеей о «взаимопереходности и непрерывности концептуальных систем, о чем писали и А. Уайтхед, и Р.И. Павилёнис. Таким образом лингвистика интегрируется в когнитивную науку. Идея пересечения смыслов, интеграции, наложения понятий становится доминирующей как в современной лингвистике, так и в когнитивной науке

[Тимошенко 2016, с.16]. Московская лексико-типологическая группа (MLexT) разрабатывает проект «Типологически ориентированная база данных: лексическая организация качественных признаков», где сопоставляются лексико-семантические системы различных языков с целью нахождения универсальных закономерностей. В рамках подобных лексико-типологических исследований были рассмотрены глаголы плавания, глаголы позиции, глаголы боли, глаголы разрушения и пр. В основе данного подхода лежат идеи Московской семантической школы, исследующей мотивированность значения и сочетаемостные различия (ср., мысль М.М. Маковского о том, что комбинаторика выступает основным принципом организации всех языковых единиц, что позволяет, например, выделить такое направление как комбинаторная лексикология [Архипова 2016]): «Исследуя сочетаемость квазисинонимичных слов одного семантического поля, можно определить различия в их семантике не только для одного, но и для многих языков сразу, построив четкую структуру прямых значений выбранного поля. Эта структура будет опираться на характерные для данного поля ситуации-фреймы, которые описывают соответствующие лексемы, противопоставляя их лексически или объединяя в одном слове. Такое структурирование семантической информации и составляет предлагаемый в работах MLexT фреймовый подход» [Наний 2016, с.10]. В рамках данного подхода в целях лексической типологии было предложено составление семантических карт, представляющих собой граф, в вершинах которого располагаются фреймы определенного семантического поля, при этом на карте отражаются все фреймы, обнаруженные в различных языках (подробно о методике см., например, [Рахилина, Резникова 2013]). Несмотря на то, что семантические карты были также предложены А. Франсуа [François 2008] для регистрации колексификации (т.е. объединения сходных значений в одной лексеме), основным отличием указанных методик является то, что в центре семантической карты А. Франсуа находится определенное словарное значение, в то время как методика MLexT опирается на типичные ситуации (фреймы), т.е. семантическое поле рассматривается не как гомогенный объект, а как множество типичных ситуаций: «Мы сравниваем два языка не исходя из их лексических единиц, а исходя из некоторого

типологического представления о поле, и это вклад фреймового подхода в методологию такого рода исследований» [Наний 2016, с.11]. В рамках подхода объекты внешнего мира рассматриваются как представляющие один из нескольких топологических типов [Рахилина 2000] (или эталонных форм) (например, ВЕРЕВКИ, ПАЛКИ и т.д.), для каждого типа характерен определенный набор признаков, определяющих сочетаемость относящихся к нему объектов, при этом важную роль играет метафорический перенос: «семантика исходного фрейма определяет стратегии семантических сдвигов и ввиду этого, как правило, порождает свою группу метафор» [Наний 2016, с.24], поля характеризуются связанностью (или непрерывностью) в связи с коллексификацией фреймов различных семантических зон. Лексическая типология показывает, что «лексика при всем ее разнообразии, как и грамматика, имеет системный характер: лексикализации подвергаются совершенно определенные значения, входящие в своего рода универсальный набор лексических значений. При этом, как и в грамматических системах, разные значения из этого универсального набора могут объединяться в одной лексеме, следуя стратегии, принятой в данном языке» [Круглякова, Рахилина 2010, с.246].

1.2. Метафора как механизм категоризации

Вопросы метафоры поднимались еще в работах Аристотеля [Аристотель 1978, 1998], Исократа [Исократ 2013], Цицерона [Цицерон 1994], Квинтилиана [Квинтилиан 1834], Т. Гоббса [Гоббс 2001], Дж. Локка [Локк 1988], но Ж.Ж. Руссо был первым, кто рассматривал метафору как базовый элемент языка [Руссо 1961], говоря о том, что изначально язык появился с целью вербализации чувств и, как следствие, был метафоричным по своей сути. Подобных взглядов придерживался и А. В. Шлегель, подчеркивающий связь метафоры и первоначальной картины мира (Шлегель; цит. по: [Wellek 1955]). Ф. Ницше говорит о гносеологической функции метафоры, указывая на то, что человек способен познать вещи только через их вторичную репрезентацию, т.е. метафору (Ницше; цит. по [Делез 2003]).

Современные исследователи только недавно пришли к единодушному мнению, что, хотя метафору долгое время и изучали как троп в рамках

литературоведения, данный феномен является психологическим и репрезентирует один из типов мышления. О метафоричности мышления писали С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Э. Кассирер, А. Ричардс, Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Ницше, П. Рикёр, Л. Витгенштейн, Дж. Сёрль, Д. Давидсон и др. «Метафора является одним из основных средств порождения нового знания» [Сергеев 1987, с.10], [Маннерман 1990] посредством «видения одного объекта через другой» [Плотинский 2001, с.71]. Именно такое понимание метафоры лежит в основе исследований по когнитивной теории метафоры [Metaphor and Thought 1993]: «Когнитивная парадигма позволяет рассматривать метафору как средство концептуализации все более и более незнакомых и абстрактных понятий посредством обращения к опыту знакомому и конкретному. Следовательно, в данном случае метафора не может быть ограничена только сферой языка, метафора здесь – феномен более широкий, основанный на когнитивной функции мышления – мыслить метафорически» [Абросимова 2015, с.33].

С. Ульман [Ullman 1966] заострил внимание на универсальном характере метафоры, Б. Скиннер – на универсальном характере аналогии, считая, что в неизвестной ситуации метафорический способ переноса уже имеющегося опыта является наиболее эффективным в языке [Skinner 1957]. Сторонники психоаналитического подхода рассматривают метафорический перенос как вытесненное переживание, таким образом подчеркивая его подсознательную основу [Sharpe 1940].

В настоящее время существуют четыре подхода, в рамках которых рассматривается метафора: «метафорическое сплетение» (взаимное влияние значений слов в рамках метафорической рамки [Beardsly 1962]); прагматический подход (важен скрытый смысл, который говорящий вкладывает в метафору); компаративистский подход (метафора как языковой троп, как неполное сравнение [Fogelin 2011]) и прямолинейный подход (метафора вызывает «эффект обрамления» (по Р. Морану)), т.е. реципиент сопоставляет первичный и вторичный субъекты, находя сходства и различия, и, таким образом, воспринимает новое свойство первоначального субъекта.

Теория концептуальной интеграции (conceptual integration) или теория блендинга (conceptual blending), основателями которой являются М. Тернер и

Ж. Фоконье, появилась как альтернатива двухдоменной модели метафоры (two-domain model). В ее рамках возникла многопространственная модель (many-space model), создатели которой предлагают рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства (Input Space I, Input Space II) (соответствующие сфере-источнику и сфере-цели Дж. Лакоффа и М. Джонсона), общее пространство (Generic Space) (содержит абстрактные элементы характерные для обоих исходных пространств) и смешанное пространство (blended space) или бленд (blend) (где смешиваются элементы исходных пространств, рождая новую структуру) [Turner, Fauconnier 1995, 2000]. А. Мусолфф предлагает ввести понятие концептуальной "эволюции" (conceptual evolution) метафор, подчеркивая, что наряду с традицией метафорам приходится проявлять «концептуальную гибкость» в изменяющемся дискурсе [Musolff 2004]. Й. Цинкен подчеркивает необходимость обращать внимание на культурный и исторический опыт (в том числе на языковую картину мира, социальные стереотипы, культурный контекст) во время анализа метафор и выделяет интертекстуальные метафоры в отдельную группу [Zinken 2002, 2003]. С ним согласны И. Хеллстен [Hellsten 1997] и Р. Пэрис [Paris 2002], выделяющие исторические метафоры (historical metaphors) в отдельную группу. В рамках теории «телесного разума» Д. Ричи выдвинул коннективную теорию метафорической интерпретации [Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b], в которой было предложено включать в анализ метафоры коммуникативный и когнитивный контекст, т.к. «метафоры отображают когнитивные ответы на прототипические ситуации, а не на проекцию одного концепта на другой» [Будаев 2007, с.25]. Для проверки гипотезы «телесного разума» был проведен эксперимент [Gibbs 2002], показавший связь между моторикой испытуемых и использованием антропоморфных метафор. Была обнаружена зона мозга (нижняя теменная доля), развившаяся для кроссmodalной абстракции, которая выступила экзаптацией для абстракций более высокого уровня и приобрела специализацию в зависимости от полушария: «правая – для визуально-пространственных и телесных метафор и абстракций и левая – для языковых метафор, включая каламбуры и игру слов» [Рамачандран 2012, с.210].

В своем исследовании метафорической сочетаемости мы считаем метафору важным механизмом, с помощью которого человеческое мышление осваивает окружающий мир, дает возможность перенести уже имеющиеся знания об определенной сфере понятий на пока не знакомые области: «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [Lakoff 1993, p.203]. Не совсем понятно, при этом, почему многие современные исследователи метафоры ссылаются на основателей когнитивной теории метафоры, а не на работы А.А. Потебни, И.И. Срезневского, В.Г. Гака, Н.Д. Арутюновой. Ведь именно из работ русских и советских лингвистов мы узнали о том, что язык наполнен неосознаваемыми, «мертвыми» метафорами, которые все еще содержат в себе первоначальные представления о мироустройстве.

О метафоричности как о «единственном первоначальном» способе категоризации, доступном языку, писал ещё в позапрошлом веке А.А. Потебня [Потебня 1976]. Для В.Г. Гака метафора - «неизбежное явление человеческого мышления и человеческого языка, несущее важнейшую функцию в познании и описании мира» [Гак 1993, с.136]. По мнению Н. Д. Арутюновой метафоризация «возникает в результате сдвига сочетаемости признаков слов и создаёт полисемию» [Арутюнова 1978, с.336]. Она считает, что формирование новых значений является основной функцией метафоры: «Из средств создания образа метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений. Метафора — орудие не только наименования признака, но и самого выделения признака. Метафора и создает значение, и дает ему имя» [Арутюнова 1978, с.336]. Н. Д. Арутюнова выделяет когнитивные, образные идентифицирующие, номинативные и генерализирующие метафоры, в то время как В. Н. Телия делит метафоры на оценочные, предикативные, идентифицирующие и образные [Телия 1988а, 1988b]. Р. С. Кимов рассматривает метафору и метонимию «как средства хранения гносеологического образа мира, как сущности, на которых основывается, прежде всего, эпидигматическая (семантическая) производность, обеспечивая тем самым единство внутрилексических связей полисеманта и его формальное тождество». Метафора и метонимия рассматриваются «не только как средство фиксации результатов познания, но и как способы

концептуализации и категоризации новой информации, получаемой человеком извне, как средство членения пространственно-временного континуума и формирования языковой картины мира» [Кимов 2010а, с.5]. А. П. Чудинов разрабатывает теорию метафорического моделирования [Чудинов 2001], где метафорическая модель представляет собой схему в сознании носителей языка, при помощи которой человек мыслит и действует, объединяющую понятийные сферы: «X подобен Y», т.е. фреймы сферы-источника выступают базисом для моделирования сферы-мишени (в терминах когнитивного подхода). В.П. Москвин выделяет признаки классификации метафор: тематическая принадлежность, основной субъект, вспомогательный субъект, общность основного и вспомогательного субъекта, степень целостности, языковые уровни, количество единиц-носителей метафорического значения, наличие ключевого слова в контексте, и др. [Москвин 2000].

Интерес к выявлению культурной специфики через призму метафоры проявляется на уровне глобальной политики: так, разведкой США был запущен научный проект «Metaphor», одной из заявленных целей которого является «автоматическое извлечение культурных данных из анализа метафор» [Будаев 2015], в том числе и на английском языке, что должно облегчить контроль над гражданами англоговорящих государств. Политическую метафору изучают в двух аспектах: сознание определяет метафоры и метафоры определяют сознание [Будаев 2007]. Проводятся исследования метафоры и в рамках корпусной лингвистики, что способствует выявлению «коллективного подсознательного» (см., например, [Баранов 2004]) и указывает на появление новых концептов, связанными с изменениями в обществе [Hunston 2005]. По мнению А.П. Чудинова, метафора необходима для категоризации окружающего мира, она является «основной ментальной функцией, способом познания, структурирования и объяснения действительности» [Чудинов 2001, с.7]. Л.В. Шабанов считает, что метафора может быть рассмотрена как ключ к пониманию создания ментального представления о мире [Шабанов 2007].

Вслед за А.А. Кретовым мы признаем триединую роль метафоры (познавательную, унифицирующую и стабилизирующую), которая позволяет «преодолевать дискретность лексико-семантической системы и связывать

порою весьма далекие участки семантического пространства» [Кретов 1987, с. 69]. Для нашего исследования важно понимание метафоры как универсального, т.е. присущего всем языкам, механизма языковой категоризации мира, сохраняющего предшествующее состояние языка.

1.3. Национальная специфика языковой категоризации: связь языка, сознания и культуры

Языковому своеобразию и универсальности при наименовании и категоризации предметов было посвящено большое количество исследований.

«Язык можно уподобить своеобразной когнитивно-этнической вакцине, а сам процесс усвоения этого языка – когнитивно-этнической иммунизации, через которую непременно проходит каждый новый член этнического сообщества. Важнейшее следствие такой иммунизации состоит в придании языковой личности свойственной данному этносу когнитивной ориентации, в приобщении её к непрерывной культурной традиции соответствующего народа» [Морковкин 1997, с.47-48]. Индивид постигает культуру через язык, становится агентом культуры, начинает категоризовать мир в соответствии с требованиями культуры и языка: «культура – это групповой способ структурирования мира для того, чтобы избежать хаоса и обеспечить выживание группы; язык – это система символов, которая представляет и отмечает это структурирование. Языковые различия – не просто дело классификации, они отражают истинные различия во взглядах на мир» [Мацумото 2003, с.45]. Л.С. Выготский [Выготский 1982] и А.Р. Лурия [Лурия 1974] полагали, что мозг имеет ряд потенциалов, но «соответствующие функциональные структуры мозга формируются прижизненно под воздействием культуры». Этому же мнению придерживаются Т.Д. Черниговская и В.Л. Деглин [Черниговская 1986, с.83]. Еще Р. Якобсон писал о «необычайно высокой степени подобия между системами передачи генетической и вербальной информации» [Jakobson 1970, p.437]: «Генетический код, первичное проявление жизни, и язык как всеобщее достояние человечества, обеспечившее его исключительный скачок от генетики к цивилизации, – это два фундаментальных хранилища передаваемой от предков к потомкам информации. Молекулярная

наследственность (heredity) и вербальное наследие (legacy) – необходимое предусловие культурной традиции» [Jakobson 1970, p. 440]. Интересно, что в последнем номере «Вопросов языкознания» обсуждается необходимость сближения языка и генетического кода: предлагается рассматривать процессы обработки генетической информации как коммуникацию, геном – как гипертекст, состоящий из упорядоченного подмножества других текстов, синтез белка (генетическую трансляцию) – как лингво-семиотический процесс, последовательности нуклеотидов – как последовательности букв в словах, ДНК – как язык (программу), РНК – как речь (реализацию этой программы), языки и тексты, в том числе и генетические, – как подобие биосистем с их такими давно известными свойствами, как выживаемость, адаптируемость к новой среде (языковой, социокультурной и т. п.), способность к самовоспроизведению, мутациям (трансформациям), селекции мутаций, контактам и порождению гибридов и т. д. Текст может быть рассмотрен как квазиорганизм, обладающий памятью, креативно-когнитивными характеристиками и коммуникативным потенциалом, а клетка (ее рибосома) – как обладающая квазиинтеллектом и способностью оперировать абстрактными семиотическими последовательностями» [Золян 2016, с.114]. В современной когнитивной науке разрабатываются гиперсетевая модель мозга – коннектом (см. работы [Hagmann et al. 2008], [Sporns, Tononi, Kötter 2005], [White et al. 1986] и проекты The Human Connectome Project [<https://www.humanconnectome.org/>], Open Connectome Project [<http://www.openconnectomeproject.org/>]) и когнитома (т.е. полной системы субъективного опыта, сформированной у организма в процессе эволюции, развития и индивидуального познания (см. работы [Анохин 2013, 2014, 2015, 2016], [Клещенко 2012])). В частности, было предложено рассматривать язык как двунаправленный интерфейс между нейросетью мозга, когнитомом, и обществом, когнитивной социальной сетью или социальным когнитомом (так же, как чувственный опыт, квалиа, является интерфейсом между мозгом и физическим миром), причем семантика языка определяется обеими сетями [Михайлов 2015]. В то же время подчеркивается гетерархическая модель когнитивной метасистемы, состоящей из когнитивного агента, когнитивного сообщества и системы знаний [Янковская 2013].

Исследования по пластичности мозга [Дойдж 2013] показывают, что не только мозг создает культуру, но и культура (а также характерные для нее виды деятельности и специализации) способна формировать сознание и изменять нейронные карты и связи и, как следствие биологическую структуру мозга: «Языковая среда ведет к образованию неизменных различий в структурах и функциях мозга. В зависимости от того, является ваш родной язык японским или одним из западных языков, гласные звуки и звуки животных обрабатываются в левом или в правом полушарии, вне связи с вашим генетическим происхождением...Левое хвостатое ядро (nucleus caudatus) контролирует, какая именно речевая система мозга используется. Язык и культурное окружение определяют не только, какие системы мозга заняты обработкой речи, но и как именно могут интерпретироваться выражения лица; как люди привыкли, окинув взглядом, схватывать образ и то, что их окружает» [Свааб 2013, с.59]. Различия в направлениях развития человеческого мышления базируются на многообразии видов деятельности и необходимости взаимодействовать с определенными культурными текстами [Tulviste 1978] (любопытно, что в рамках эволюционной психофизиологии были обнаружены электрические осцилляции в биокоммуникации, организованные в паттерны, как знаки, которые понятны всем членам определенного сообщества, группе организмов конкретного вида [Греченко 2016]). Психологи говорят о пластичности восприятия: «различие убеждений людей из разных культур не может быть вызвано различием свойственных им когнитивных процессов. Скорее это должно быть связано с тем, что они наблюдают разные аспекты мира или изучают разные вещи» [Nisbett 2003, p.472], таким образом, культура и язык влияют на наше восприятие и интерпретацию мира. Когнитивный стиль личности также оказывается социокультурно обусловленным [Witkin 1982], [Cools, Van den Broeck 2007], [Разумникова 2009]. По мнению антропологов, авторов статьи в журнале Nature от 28.07.2016, даже предпочтения в музыке коренятся в культуре [McDermott et al. 2016]. Помимо этого, согласно статье от 22.11.2016 [Montemurro, Zanette 2016], отражающей результаты исследования на материале базы данных Google Ngram, содержащей тексты с 1700 г. по 2008 г., существительные в английском, русском, французском, немецком, итальянском

и испанском языках обладают 14-летним циклом увеличения и спада частоты употреблений, при этом данные фазы совпадают у близкородственных слов, схожих по семантике, и сильно отличаются у несвязанных семантически лексем. Данный факт цикличности употребления существительных связывается исследователями с изменениями в культурной среде, обуславливающими выбор тематики авторами книг. Но, как оказалось, не только культура выступает обуславливающим фактором, окружающая среда также может влиять на язык: в недавнем исследовании было выявлено, что на языках, в которых понятия «снег» и «лед» обозначаются одним словом, говорят в странах с более теплым климатом, из чего ученые делают вывод, что вариации в семантических категориях различных языков обусловлены локальной коммуникативной необходимостью, т.е. язык обусловлен средой [Regier, Carstensen, Kemp 2016] (ср., «отсутствие названий для незначимого – это не исключение, а правило, действующее в языке повсеместно» (Е.В. Рахилина, цит. по [Кимов 2000а, с.19])). Географический и исторический факторы также важны: так, при статистическом анализе данных WALS на базе языков Евразии было выявлено, что редкие типологические характеристики (*rare typological features*) намного чаще встречаются в горной местности, чем на равнинах, что может быть интерпретировано как показатель активного обмена признаками (*active feature sharing*) на равнинных территориях, связанных с переселениями населения (*population shifts*) [Daniel 2010]. Также было показано, что на акустические свойства плача младенца влияет тип языка его матери, который обуславливает формирование данных различий еще в пренатальном периоде [Wermke et al. 2016a, 2016b], а языковая среда, окружающая ребенка в первые два года жизни, влияет на его нервную систему, формируя морфо-функциональные структуры мозга, т.е. определенный паттерн обработки речевой информации, поэтому, даже при смене языковой среды, мозг будет воспринимать этот первый язык как родной, активизируя определенные паттерны активности [Pierce et al. 2015]. Помимо этого последние исследования [Geipel et al. 2016] показывают, что использование иностранного языка влияет на нравственные суждения людей: при знакомстве с неоднозначной ситуацией на иностранном для себя языке человек больше склонен подходить к ней с позиции утилитаризма, уделять

больше внимания последствиям поступков, а не намерениям, лежащим в их основе. Исследователи рассматривают связь ментальности, национального характера, и языка посредством изучения коннотаций этнонимов (см., например, [Кобозева 1995]). Дж. Кэрол и Дж. Касагранде [Carroll, Casagrande 1958], изучающие детей, говорящих на языке навахо и на английском, показали, что и язык может влиять на способы познания детьми окружающего мира: была выявлена связь между *системой классификации форм* в навахо и тем, что дети, для которых этот язык был родным, чаще классифицируют предметы, обращая внимание на их форму. А. Ниекава-Ховард [Howard, Niekaawa Howard 1976] выявила корреляцию между частым использованием пассивных форм в японской грамматике и тенденцией японцев считать других людей и внешние обстоятельства ответственными за происходящее, т.е. обладающих внешним локусом контроля или экстернальностью [Rotter 1954]. Наличие безличных синтаксических конструкций в русском языке связывают с тенденцией нашей культуры к фатализму [Вежбицкая 1996], [Апресян 2006]. Подобные исследования подтверждают слова Б. Уорфа: «фондовая лингвистическая система (другими словами, грамматика) каждого языка является не просто инструментом воспроизведения для озвучивания представлений, но скорее сама по себе является оформлением мыслей, программой и руководством для мыслительной деятельности человека, для анализа его впечатлений, для синтеза его основного мыслительного инвентаря» [Whorf 1956, p.212]. Язык также оказывает влияние на способы организации и воспроизведения явлений в памяти [Santa, Baker 1975], большее количество слов в пределах одной категории (расширение гипонимии) способствует более дробному членению окружающего мира, различению нюансов действительности (ср., «разные языки в различной степени осуществляют категоризацию понятий» [Гумбольдт 1984, с.119]). Таким образом, можно говорить о том, что «различные языки ставят различные задания перед познанием и по-разному его обеспечивают» [Hunt, Agnoli 1991, p.387]. Результаты многочисленных исследований в области цветообозначений (обзор в [Берри, Пуртинга, Сигалл, Дасен 2007] и [Мацумото 2003]), [Gilbert, Regier, Kay, Ivry 2006], [Winawer et al. 2007], [Tan et al. 2008], [Гончаров 2010, 2013а, 2013б, 2015] «подкрепляют мнение о том, что структура лингвистических

категорий искажает восприятие, распространяя дистанции восприятия вплоть до границ категорий» [Englewood 2000]. Интересны также работы по изучению пространственной ориентации (обзор в [Берри, Пуртинга, Сигалл, Дасен 2007]), которые, несмотря на ее обусловленность биологическим аппаратом (зрением, бинауральным слухом и вестибулярной системой), подчеркивают разделение на относительную (эго-ориентированную) и абсолютную (геоцентрическую) ориентации в зависимости от пространственной терминологии в языке [Levinson 1998] (ср. нейропсихологические исследования по относительной и абсолютной ориентации в пространстве [Robertson 2004]; сопоставление концептуализации пространства сознанием и языком [Апресян 2011а]).

При исследовании «вербальных сетей» в нервной системе было выявлено, что ментальный опыт индивида и национальная специфика способны формировать вербальные ассоциации и участвовать в перестройке физиологических временных связей [Лурия, Виноградова 1971], [Ушакова 1979, 2000]. Учитывая разницу ментальных образов, стоящих за языковыми знаками, в процессе межкультурной коммуникации необходимо не только обладать единым языком, но и общностью сознания: «общество, предоставляя каждому индивиду культуру для присвоения и построения своей личности, позволяет ему формировать себя, с одной стороны, как целостного общественного человека, а с другой стороны, ограничивает его рамками своей культуры, объемом культурных предметов. Именно общность присвоенной культуры обеспечивает возможность знакового общения, когда коммуниканты, манипулируя в межкультурном пространстве телами знаков, могут ассоциировать с ними одинаковые ментальные образы» [Тарасов 2000, с.9-10].

Другими словами, национальный характер языковой категоризации обусловлен особенностями национального восприятия окружающего мира, что иногда называют национальной картиной мира. А.П. Комаров выделяет факторы, определяющие национальную специфику языка [Комаров 1991]:

- 1) селективная деятельность сознания по отражению действительности;
- 2) избирательность признаков для отражения;
- 3) особенности географических и климатических условий;
- 4) особенности социальных и хозяйственных условий;

5) особенности культуры;

6) особенности национального самосознания, психики, характера; психологические и эмоциональные особенности.

Национальная специфика категоризации мира в разных языках является актуальным предметом лингвистических разработок и имеет длительную традицию изучения. Многочисленные сопоставительные исследования убедительно показывают, что не только структура и объем лексики, но и план содержания отдельных имен различаются по языкам. Однако насколько верно данное утверждение применительно к вариантам или диалектам одного языка? Сохраняется ли однородность языковой категоризации, в случае если язык достаточно длительное время используется разными языковыми сообществами в разных точках земного шара? Взять, к примеру, английское языковое пространство, или англосферу, которое простирается по всему миру от Великобритании и США до многих бывших британских колоний, где английский язык обладает официальным статусом наравне с местными языками, например, Индия или ЮАР. В своем исследовании мы задались целью ответить на этот вопрос.

1.4. Именная классификативность

В результате категоризации одинаковых или кажущихся одинаковыми явлений действительности мы получаем имена (этап номинализации), в частности, имена существительные, которые в дальнейшем распределяются по языковым классам, разрядам, категориям на основании общих признаков. Показателем принадлежности имени к определенному классу в ткани текста служит *классификатор*, который призван структурировать семантическое пространство. «Семантическое пространство языка существует как стремящееся к бесконечности множество концептов, связанных классификаторами в разнообразные группы, классы, ряды и поля, составляющие в конечном итоге определяющее начало устройства системы любого языка» [Панкина 2004, с.148].

Классификаторы позволяют проанализировать, как человек категоризирует действительность, разбивая явления окружающего мира на классы при помощи

языка. Все языки мира категоризуют существительные и их референты, опираясь на их семантические и синтаксические характеристики. Первые работы в данной области появились в 1930-е гг. [Royer 1929], [Haas 1942], [Worsley 1954], но систематическое изучение вопросов классификативности началось по сути порядка 30-40 лет назад по двум основным направлениям: изучение отдельных типов классификаторов и создание типологии, при этом интерес ко второму направлению в конце XX – начале XXI вв. усилился в связи с финансированием полевых экспедиций.

Согласно В.А. Виноградову «классификаторы (нумеративы, числовые детерминативы) – лексико-грамматический разряд слов, служащих в ряде языков для оформления счётных конструкций «числительное + существительное». В последних классификатор занимает позицию, непосредственно примыкающую к числительному, независимо от свойственного данному языку порядка членов этой конструкции, например бирм. *ɔ tə -louŋ* ‘один кувшин’, кит. *и -тяолу 一條路* ‘одна дорога’ (*louŋ*, *тяо* – классификаторы). В некоторых языках, наряду с числовыми классификаторами, выделяются классификаторы в посессивных конструкциях. Классификаторы обычно образуют особый функциональный подкласс существительных и, будучи по языкам в разной мере грамматикализованными, могут сами выступать как опорное имя в счётной конструкции, ср. в бирм. *eiŋtə -eiŋ* ‘один дом’ (буквально – дом один дом). Количество классификаторов различно в разных языках – от нескольких десятков до нескольких сотен. Классификаторы соотносятся с группировкой существительных по денотативным признакам, отражающей классификацию человеком объектов действительности по их форме, объёму, состоянию и т. п. (включая одушевлённость/неодушевлённость). Так, в языке целталь (группа майя) для существительных выделяется 80 семантических областей, каждая из которых обслуживается несколькими классификаторами; например, семантическая область «промежутки между вертикальными, расположенными в ряд предметами» имеет 2 классификатора – *kaŋ* (при более узких промежутках) и *hahp* (при более широких), ср. *ɕaʔ-kaŋs 'uhteʔ* ‘два (узких) просвета между

досками (забора)'. В некоторых языках (например, в кхмерском языке) возможно опущение классификаторов, что связано со стилистической окраской речи; иногда (например, в целталь) классификаторы могут выступать без опорного существительного. В языках с классификаторами, в отличие от языков, имеющих род, разбиение имён на семантические классы носит нежёсткий характер: одно и то же существительное может выступать с разными классификаторами в зависимости от того, какие признаки денотата актуальны в данный момент для говорящего. Классификаторы широко представлены в языках Юго-Восточной Азии, а также в языках Средней Азии, Африки, Америки. Функционально с классификаторами сближаются так называемые счётные слова европейских языков (типа «штука», «пара»), но они факультативны в языке и не связаны с классификацией предметов. Иногда классификаторы отождествляются с показателями именных классов, которые, в отличие от классификаторов, являются чисто грамматическими элементами, не способными к самостоятельному употреблению и обязательными в структуре существительных и/или согласуемых с ними слов» [БЭС Языкознание 2000, с. 227]. Понятие *classifier* появилось в зарубежной лингвистике благодаря К. Аллану, под которым он понимал слово или морфему, используемую в паре с существительным для классификации последнего в зависимости от референта (ср., «A classifier, sometimes called a counter word, is a word or affix that is used to accompany nouns and can be considered to "classify" the noun depending on the type of its referent» [Allan 1977]).

Что считать классификаторами и в каких языках они используются? Единодушия по этим вопросам среди лингвистов не наблюдается. *Классификаторы* (от лат. *classis* - разряд, класс и *faciо* - делаю, раскладываю) могут быть как формальными (например, аффиксы, окончания, отдельные слова), так и скрытыми, не проявляющими себя в ткани текста и тогда их называют когнитивными. Так, Л. Янда предлагает считать русские глагольные приставки классифицирующими конструкциями, т.к. они, как и классификаторы, описывают форму объекта/события [Janda 1984], а А. Айхенвальд относит к классификаторам и показатели грамматического

рода). Считается, что их можно обнаружить путем анализа лексики и фразеологии.

В последнее время в отечественной науке появилось много работ, посвященных описанию когнитивных классификаторов. Когнитивные классификаторы, «скрытые ментальные сущности, использующиеся в процессе вторичной категоризации» [Тарасова 2012, с.34], выступают как классификационные категории, помогающие человеку упорядочивать окружающую реальность и язык в процессе познания (когниции), при этом, по мнению некоторых лингвистов, именно когнитивные классификаторы «членят» действительность в процессе категоризации: «из опыта анализа действительности человек выводит классификационные категории, которые затем прикладывает к воспринимаемой и осмысляемой действительности» [Попова, Стернин 2007].

В.А. Плунгян и О.И. Романова [Плунгян, Романова 1990] выделяют общие свойства классификаторов: 1) они образуют закрытое множество; 2) их употребление обуславливается семантикой («если объект меняет свои свойства (движущийся → неподвижный, живой → мертвый, мягкий → твердый) или рассматривается с точки зрения разных свойств (то вместилище, то преграда), что должно отразиться на его сочетаемости с классификаторами» [Плунгян, Романова 1990, с.237]); 3) одно имя способно сочетаться с различными классификаторами; классы могут пересекаться. Классификаторы характеризуют особенности сочетаемости существительных. Выделяют неспециализированные классификаторы, классификационный признак которых выражается не формально, а присутствует в семантике и может быть выявлен при анализе сочетаемости этих лексем с существительными. На материале 37 языков Азии была выявлена градация встречаемости классификаторов: наиболее часто встречающимися являются классификаторы, категоризирующие объекты по признаки одушевленности / неодушевленности, на втором месте идет категория формы объектов, а на третьем – функция [Adams, Conklin 1973]. У.Б. Макгрегор и М. Гернер среди критериев классификаторов выделяют: 1) количество сочетаний классификатор с классифицирующими единицами конечно; 2) в группу классификатор входит больше одного элемента; 3) группа

классифицируемых элементом количественно превосходит группу классификаторов; 4) минимум две группы классифицируемых элементов с двумя различными классификаторами должны отличаться друг от друга [Янда 2012].

Выделение классов имен в разных языках происходит по разному принципу. Лингвисты исследуют различия между типами именных классификаций (О.Г. Ревзина, Дж. Гринберг и др.). Среди классификативных типов называют: род (в индоевропейских языках), именные классы (в кавказских языках), нумеративы/счетные классификаторы (в языках Юго-Восточной Азии). В.А. Виноградов предложил выделять типы именной классификативности малых степеней грамматикализованности (на шкале классификативности представляющих зону скрытой категориальности). Его шкала классификативности выглядит следующим образом: эпидигматика → эхосемия → эхоморфия → нумеративы → именные классы → род. При наличии именных классов в языке принадлежность к классу выражена морфологически (хотя она может быть и стерта, как, например, в языке догон, где она проявляется только в контексте употребления); нумеративные классификаторы разбивают имена на статичные классы; при эхоморфии категориальный признак проявляется в морфеме признакового слова (примером могут служить атапаскские языки); эпидигматика охватывает все виды лексической сопряженности (как внутрисловной, так и межсловной; метафора, полисемия) и связана с признаками, объединяющими варианты многозначного слова. Эпидигматика может быть обозначена как переход к логическому мышлению, то, что С.Д. Кацнельсон называл скрытой грамматикой – основой всякого грамматического строя; эхосемия проявляется в стремлении уловить подобие (например, вода течет → жизнь течет) и выполняет функцию различения классов объектов (текущее/нетекущее). О.О. Борискина сопоставила типы классификативности и стадии развития языка [Борискина 2011а].

А. Айхенвальд рассматривает классификаторы как механизмы именной категоризации и предлагает свою типологию. Она попыталась систематизировать способы категоризации существительных в различных языках, обобщив опыт своего исследования примерно 500 различных языков –

представителей всех языковых семей и лингвистических регионов планеты, в работе “Classifiers. A Typology of Noun Categorization devices” [Aikhenvald 2000], где классификаторы определяются ею как морфемы, проявляющиеся в поверхностных структурах при заданных условиях и обозначающие характерные воспринимаемые или приписываемые черты объекта, к которому относится ассоциируемое с классификатором существительное (ср., «Classifiers are defined as morphemes which occur in surface structures under specifiable conditions, denote some salient perceived or imputed characteristics of the entity to which an associated noun refers»). Использование классификаторов возможно только в определенных синтаксических конструкциях – морфосинтаксических единицах, таких как, например, придаточные предложения, именные и глагольные группы, содержащих определенные типы морфем, определяемые семантическими характеристиками референта главного слова. Автор отмечает, что использует классификатор как обобщающий термин для различных механизмов категоризации существительных (ср., «the term 'classifiers' is as an umbrella label for a wide range of noun categorization devices» [Aikhenvald 2000, p.5]). А. Айхенвальд предложила типологию классификаторов, в которую включила [Aikhenvald 2000, p. 17]:

- именные классы и категория рода (noun class and gender systems)
- именные классификаторы (noun classifiers)
- числительные классификаторы (numeral classifiers)
- притяжательные классификаторы (classifiers in possessive constructions)
- глагольные классификаторы (verbal classifiers)
- локативные классификаторы (locative classifiers)
- дейктические классификаторы (deictic classifiers)

А. Айхенвальд отмечает, что среди систем именных классификаторов наиболее распространенным является грамматический род, на втором месте – системы числовых классификаторов, представляющих собой подтип именных классификаторов, т.к. они определяют имена существительные. Род отнесен к классификаторам, т.к. он опирается на яркий семантический признак референта

(его пол или одушевленность). Типы классификаторов, обозначенные в её исследовании, соответствуют определенным прототипам, отражающим все их функциональные свойства. Удаленные от ядра классы представляют различные точки в континууме типологических параметров именной категоризации, т.е. отражают различную степень прототипических характеристик каждого типа. При описании и анализе данных механизмов именной категоризации конкретного языка важно разместить их в континууме равномерно меняющихся параметров, вместо того, чтобы пытаться подогнать их под закрепленные в лингвистике шаблоны «языковых типов» [Aikhenvald 2000, p. 14]. Именная система представлена разными типами классификативности в разных языках. Мы в своей работе рассматриваем классифицирующие синтаксические средства, а именно – коллострукции (см.ниже).

1.5. Скрытая языковая категоризация мира

Если язык не выработал морфологических средств для классификации объектов, именная классификативность может проявляться в языковом типе малой степени грамматикализованности (например, в английском языке категория исчисляемости/неисчисляемости проявляется скрыто, посредством сочетаемости с лексемами *much/many* и *a few/a little*). К скрытой категориальности относятся криптотип (термин Б.Уорфа), эпидигматика, эхосемия, эхоморфия (по шкале В.А. Виноградова), криптоклассы (О.О. Борискина, А.А. Кретов).

А.А. Кретов и О.О. Борискина говорят о том, что «Языковая Категоризация Мира – это уникальное для каждого этноса разрешение противоречия между дискретностью формы и континуальностью содержания языковых знаков через систему языковых категорий, как явных, так и скрытых (криптоклассов), обусловленное «наивной» систематизацией вербализованного человеческого опыта» [Борискина 2003, с.6] и вводят понятие криптоклассной категоризации мира.

Впервые термин **cryptotype** (в качестве скрытой именной категории, проявляемой только при помощи реактивности, т.е. способности слов избирательно вступать в отношения сочетаемости или «формы проявления

категориального признака имени в сочетаемости с признаковыми словами» [Борискина 2011a, с.15]) появился в работе Б. Уорфа, который рассуждал о наличии в языке скрытых, т.е. морфологически немаркированных, классов (covert categories) наравне с классами, выраженными морфемно (overt categories) [Whorf 1956]. Подобные классы «не характеризуются постоянными морфологическими показателями, но узнаются лишь по характерному для членов подобных классов взаимодействию с контекстами, в которых они могут встречаться» [Блэк 1960, с.202]. При изучении языка североамериканских индейцев, навахо, Б.Уорф обнаружил классификационные глаголы, через которые категоризуются имена и назвал подобное явление скрытой классификативностью (covert classification). В российской лингвистике вопросами скрытой грамматики занимался С.Д. Кацнельсон. Он отчетливо понимал, что скрытые категории «... менее всего паллиатив, к которому прибегают языки, не имеющие «подлинных форм». Все больше и больше данных указывают на то, что грамматика этого типа «заложена в природе любого языка и что именно она является основой всякого грамматического строя» [Кацнельсон 2004, с.79]. И.М. Кобозева, рассматривая вопросы лексической семантики, пишет, что содержательно одинаковый компонент, выраженный в одних языках грамматически, в других может оказаться лексическим [Кобозева 2000]. Так, при выявлении базовых значений параметров формы её ученицей К.А. Гиляровой на материале 57 языков при помощи семантического анализа классификаторов были отобраны грамматикализованные значения, которые и стали определяться как базовые [Гилярова 2002]. О метафорическом расширении (на материале языков Африки) писала также А. Айхенвальд.

На кафедре теоретической и прикладной лингвистики ВГУ занимаются изучением разных способов именной классификативности в языках мира. На фоне грамматически выраженных и хорошо описанных именных категорий в одних языках выделяются скрытые типы именной классификативности малых степеней грамматикализации (*криптоклассы*). В работе «Криптоклассы английского языка» О.О. Борискиной [Борискина 2011a] явление скрытой

категориальности рассматривается как результат сложного взаимодействия лексической и грамматической категоризации.

Исследователи, развивающие теорию криптоклассов, определяют *криптокласс* как «лексико-грамматическую категорию существительного, состоящую в распределении имен по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (конструкцию или словоформу) и имеющую соответствие в явной грамматической категории хотя бы одного языка мира» [Кретов 2010, с.9]. Связи между членами криптокласса лежат в глубинах подсознания («коллективного бессознательного» определенного языкового коллектива) и человек использует такие знания неосознанно. Принадлежность имени к криптоклассу базируется на его сходстве с эталоном определенного признака, при этом тот факт, что в один криптокласс попадают семантически различные сущности, говорит о том, что криптоклассная категоризация является глубинным уровнем языковой категориальности, основывающейся на мифологическом мышлении, т.е. на «наивной» языковой картине мира.

Криптоклассное исследование абстрактной лексики предполагает изучение скрытых лексико-семантических классов имен существительных и их метафорическую сочетаемость [Кретов 2004], [Boriskina, Marchenko 2010], [Борискина 2008, 2009, 2010a]. Криптоклассы изучаются в контексте соседних и более отдаленных вариантов системы, с использованием этимологических данных и данных культуры.

В стане типологов бурные дискуссии вызывают вопросы лингвистических категорий и универсалий, подчеркивающие различные подходы к пониманию фундаментальных основ лингвистической типологии у сторонников категориального универсализма ('categorical universalism') и последователей категориального партикуляризма ('categorical particularism'): универсалисты полагают, что существует набор универсалий, из которого каждый язык «выбирает» конкретные категории для проявления, в то время как партикуляристы склонны отвергать идею универсалий, утверждая, что каждый язык может быть описан только в собственных терминах [Croft 2001],

[Haspelmath 2010], причем данная оппозиция не совпадает с различием между приверженцами генеративного и функционально-типологических подходов к языку (ср., [Dixon 2010] и [Haspelmath 2010]). Работая в типологической парадигме лингвистического знания, мы считаем себя универсалистами, т.к. теория криптокласса и методика его описания основывается на положении, что следует описать грамматические классы во всех языках, что позволит выявить скрытые классы (криптоклассы) [Борискина 2000, 2009, 2012, 2014], [Boriskina, Marchenko 2010], [Борискина, Донина 2011d], [Донина 2013]. Как известно, в естественном языке определенного языкового сообщества закрепляются и оформляются далеко не все категориальные признаки, выделенные в результате коллективного когнитивного опыта, а лишь те, которые являются когнитивно релевантными для данной языковой общности. В английском, например, помимо таких хрестоматийных классов как исчисляемые vs. неисчисляемые в рамках традиционного подхода к классификации имен существительных, можно выделить и скрытые именные классы (криптоклассы), в основании которых лежат семантические категориальные признаки, значимые для грамматической классификации имен в языках Африки (например, именные классы в языках банту), для согласовательных классов атапаскских языков или систем со счетными классификаторами языков Юго-Восточной Азии [Boriskina, Marchenko 2010], [Boriskina 2011]. Такие признаки, по нашему мнению, могут лежать на пересечении универсального грамматического набора и набора универсальных лексических параметров. По всей видимости, ввиду своей когнитивной значимости, именно такие признаки должны входить в универсальный фонд системных языковых значений (выраженных грамматически в одних языках и лексически – в других). О.О. Борискиной [Борискина 2011a] были выделены характеристики именного криптокласса:

- 1) контрастивный принцип выявления криптоклассов (при наличии явной грамматической категории в других языках);
- 2) криптокласс как грамматическая лакуна языка;
- 3) в основании криптокласса лежит семантический категориальный признак;

- 4) использование этимологических данных и данных культуры для выявления криптокласса;
- 5) проявленность криптокласса коллокацией;
- 6) когнитивная и психолингвистическая однородность криптокласса;
- 7) перцептивный характер криптоклассной категоризации (восприятие сходства или различия имен с эталонами криптокласса);
- 8) творческий характер криптоклассной системы (возможность порождать новые метафоры);
- 9) неравномерная криптоклассная распределенность имен.

На настоящий момент выделено и описано 6 криптоклассов английского языка, имеющих соответствие в виде явных лексико-грамматических категорий других языков мира: Res Liquidae (эталон – ‘вода’), Res Acutae (эталон – ‘шип’), Res Filiformes (эталон – ‘нить’), Res Rotundae (эталон – ‘мяч’), Res Parvae (эталон – ‘камень’), Res Longae Penetrantes (эталон – ‘копьё’) [Борискина 2011e], [Борискина, Доница 2011d]. Криптоклассы характеризуются когнитивной однородностью на фоне семантической гетерогенности [Борискина, Доница 2011d].

1.6. Вариативность английского языка

Одной из актуальнейших проблема нашего времени является определение языка народа как «язык» или как «диалект». Эта оппозиция рассматривалась многими исследователями, в том числе Дж.А. Грирсоном [Grierson 1927], Б. Казаку [Cazacu 1959], К. Хегером [Heger 1969], Г.А. Климовым [Климов 1974], Р. Лечем [Леч 1972], Л.Э. Калнынь [Калнынь 1976], Д.И. Эдельманом [Эдельман 1978, 1980] и др., но до сих пор не существует единого мнения по ее решению. В целях примирения иногда в лингвистике используется термин «идиом», объединяющий понятия *язык, диалект, говор, наречие и пр.* По определению В.А. Виноградова, идиом (от греч. *ἰδίωμα* – особенность, своеобразие) – это «общий термин для обозначения различных языковых образований – языка, диалекта, говора, литературного языка, его варианта и других форм существования языка. Термин «идиом» используется в тех случаях, когда определение точного лингвистического статуса языкового

образования затруднено (например, для многих языковых ситуаций в странах Африки невозможно однозначно разграничить языки и диалекты) или когда такое определение несущественно в рамках решаемой задачи (например, при социолингвистическом описании функциональной стратификации сосуществующих в обществе языковых образований). Идиом – понятие чисто функциональное и не предполагает никаких специальных структурных характеристик» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с.171]. Некоторые лингвисты [Мусорин 2001], [Эдельман 1980], [Саркисян 2015] выделяют следующие критерии самостоятельного языка: 1) отсутствие взаимопонимания между носителями; 2) различные литературно-письменные формы; 3) наличие традиций перевода; 4) «языковое самосознание» носителей [Мечковская 1994]; 5) наличие лингвонима; 6) происхождение; 7) несовпадение территории распространения. Помимо этого, ученые склонны рассматривать *идиом* как *язык*, если он: 1) «функционально полноценен; 2) имеет собственный письменный стандарт, независимый от других языков; 3) функционирует в разных сферах письменного и устного общения; 4) имеет определённый официальный статус, закреплённый законодательно на местном или более высоком уровне» [Саркисян 2015, с.114], в противном случае его относят к диалектам. Д. Долби [Dalby 2000] предложил выделять три уровня генетической близости: 1) отряд (англ. Set), предусматривающий 23-35% совпадений в базовом словаре; 2) звено (англ. Chain), где процент лексических совпадений – 36-50%; 3) ячейка (англ. Net) со степенью близости 51-70%. Внутри ячеек он также выделяет три уровня: 1) внешний язык – отражает степень близости в 71-85% совпадений в базовом словаре (соответствует самостоятельному языку или кластеру близкородственных языков); 2) внутренний язык с 86% лексических совпадений (соответствует наречиям или группе диалектов); 3) диалект (соответствует территориальной, письменной или социальной разновидности внутреннего языка). В систематике языков [Коряков, Майсак 2001] [Коряков 2006] данный подход был эмпирически проверен и взят за основу определения критериев выделения таксонов нижних уровней в четырехчастной шкале языковой систематики на базе 100-словного списка Сводеша: 1) язык (<89 % совпадений в 100-словном базовом списке)

(т.е. время распада по формуле Сводеша-Старостина более - 1100 лет назад), 2) наречие (89 – 97 %), 3) диалект (97 – 99 %) (т.е. время распада – меньше 560 лет назад), 4) говор. Указанные уровни коррелируют со степенью взаимопонятности: 1) между языками взаимопонятность затруднена, 2) между наречиями существует неполная взаимопонятность, 3) между диалектами существует практически полная взаимопонятность [Саркисян 2015].

Проблема языковой вариативности активно разрабатывается в современной лингвистике. Наряду с термином «вариативность» используют понятие «вариантность» [Вербицкая 1984], [Вишневская 2002], [Прошина 2010а], [Солнцев 1984], но А.А. Худяков [Худяков 2005] считает, что предпочтительным является именно понятие «вариативность», т.к. «вариантность» предполагает не только наличие различных вариантов, но и присутствие инварианта, который не всегда возможно выделить. Термин *вариативность* ввел в лингвистический обиход Ф. де Соссюр в качестве обозначения одного из свойств языкового знака – стремления к изменчивости [Лукина 2014]. Впоследствии термин получил широкое применение в различных областях лингвистики. Его использовали в своих работах [Гальперин 2005], [Горбачевич 1979], [Домашнев 1990а, 1990b]. В теории языка вариативность, с одной стороны, понимается, как характеристика языковой изменчивости в диахронии и, в то же время, как «характеристика способа существования и функционирования единиц в синхронии» [Языкознание 1998, с.31]. Совокупность идиомов или вариантов языка Е. Косериу называет диасистемой [Косериу 1963]; понятие диасистемы рассматривалось Ж. Кабатеком [Kabatek 2000], П. Кохом [Koch 2001], У. Лабовым [Labov 2004], Г. Фолкером [Völker 2009], Ф. Гадэ [Gadet 2007], А. Дюфтером [Dufter, Stark 2007] и другими учеными.

«Языковой ареал, географическое пространство распространения языка» [Словарь лингвистических терминов 2010] определяют как языковое пространство или *sprachraum* [Lameli 2013]. Основными западными языковыми пространствами по количеству носителей являются английское, испанское, португальское и французское. Английское языковое пространство или англосфера (Anglosphere) простирается по всему миру от Великобритании,

Ирландии, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии до многих бывших британских колоний, где английский язык обладает официальным статусом наравне с местными языками, например, Индия и ЮАР [Viereck, Viereck, Ramisch 2002]. Языки, используемые в нескольких государствах, каждое из которых выработало свой стандартный национальный языковой вариант, иногда называют плюрицентрическими [Stewart 1968], [Kloss 1976] (в отличие от моноцентрических). К таким языкам относится и английский. Как правило, плюрицентрические языки появляются после вторжения колонизаторов или из-за распада единого языкового сообщества [Clyne 1992]. К характеристикам плюрицентрических языков относят: 1) наличие нескольких стандартных вариантов языка; 2) присутствие нескольких центров развития; 3) существование собственных кодифицированных норм в каждом центре; 4) трансграничность, следовательно, плюрицентрический язык является диатопической системой, т.е. пространственно дифференцированной; 5) частое несовпадение языковой и этнической идентичности, т.е. язык является полиэтническим и поликультурным [Шайбакова 2014]; 6) часто является неавтохтонным языком, т.е. находящимся не в месте возникновения (в противоположность автохтонному); 7) часто является импортированным (или внешним) металектом, т.е. привнесённым извне языком, получившим официальный статус [Панькин, Филиппов 2011]; 8) часто сопровождается проксимальной формой языковых контактов, т.е. непосредственный языковой контакт происходит в условиях билингвизма, что может повлиять на один из языков (в отличие от дистальной формы, т.е. условий монолингвизма) [Бертагаев 1972]. Стоит заметить, что в месте возникновения плюрицентрические языки будут соответствовать моноцентрическим языкам. Закрепленные официально стандарты плюрицентрического языка называют **языковыми вариантами**.

Варианты английского языка отличаются произношением, лексикой, орфографией и пр. [Crystal 2003a], [Matthews 2007], также они отражают идентичность нации, в которой используются: «Английский язык – это средство рассказать остальному миру об их идентичности, культуре, политике, религии и способе жизни» [Smith 1983, p. 9] (цит. по [Прошина 2010с, с.99]).

Несмотря на то, что английский рассматривается как симметричный случай плюрицентрического языка, т.к. нет явного доминирования одного варианта над другими, британский и американский варианты являются наиболее изучаемыми в качестве второго языка: британский английский, как правило, преобладает в бывших колониях, таких как Малайзия, Индия, Пакистан, Сингапур, а также изучается в европейских странах; американский английский доминирует в Латинской Америке, Корее, Тайване, Китае и Японии [Yuko 2007], [Riney, Takagi, Inutsuka 2005]; на Филиппинах на английский язык, который преимущественно используется в качестве второго языка, основное влияние оказал американский английский; варианты Австралии, Новой Зеландии и Канады редко преподаются за границей в качестве второго языка. Английский язык исторически рассматривается как плюрицентрический, т.к. изначально до Акта об унии в 1707 году он использовался двумя независимыми государствами Англии и Шотландии. В англоязычной современной лингвистике для обозначения вариантов английского языка используются различные названия: non-native Englishes (не-родной), second language (L2) varieties (английский как второй язык), World Englishes (мировые варианты английского языка), nativized (нативизированные), indigenized (организованные на месте), localized (локализованные), domesticated Englishes (освоенные), Postcolonial Englishes (постколониальные), New Englishes (новые варианты английского языка) [Schneider 2007]. При этом последние рассматриваются, например, в работах [Pride 1982], [Platt 1982] как варианты Азии и Африки, в противовес «старым вариантам английского» ('old Englishes'), таким как австралийский, американский, британский, ирландский и др. [Kachru 1992]; «каждый «новый» вариант представляет собой иерархию, в которой местная национальная форма английского языка сосуществует с многочисленными английскими пиджинами и креолами» [Первашова 2005, с.17]. Обзор зарубежных исследований (см., например, [Kirkpatrick 2010], [Kachru 2006с], [Mesthrie 2008], [Watts, Trudgill 2002], [Schreier et al. 2010, 2015]) показал, что в основном лингвисты занимаются изучением грамматических, фонологических, синтаксических, морфологических, лексических и дискурсивных особенностей вариантов английского языка, таких как британский, ирландский,

американский, канадский, австралийский, новозеландский, индийский, а также вариантов Шри-Ланки, Сингапура, Малайзии, Филиппин, Таиланда, Вьетнама, Индонезии, Камеруна, Танзании, ЮАР, Нигерии, Сьерра-Леоне, Ботсваны, Колумбии, Ямайки, Барбадоса, Фиджи, Японии, Кореи, Китая, Тайваня, Гонконга, стран Южной Америки, Европы, а также славянских стран.

Необходимость исследования новых языковых форм и вариантов привела к развитию отдельного лингвистического направления в отечественной лингвистике – контактной вариантологии [Прошина 2010b] или лингвоконтактологии [Прошина 2005], которое базируется на лингвистической парадигме Б. Качру World Englishes Paradigm [Kachru 1992, 2006a, 2009], также в его основе лежат идеи У. Вайнрайха [Вайнрайх 2000], Э. Хаугена [Хауген 1972], В.Ю. Розенцвейга [Розенцвейг 1972], Ю.А. Жлуктенко [Жлуктенко 1974] и др. З.Г. Прошиной были выделены социолингвистические постулаты контактной вариантологии: 1) английский язык «стал вторичным средством выражения культурной идентичности народов, благодаря его способности к аккультурации, т. е. выражению разных культур»; 2) вариант английского языка – это возникшее в результате интерференции «социолингвистическое функциональное образование, несущее на себе отпечатки автохтонного языка и приспособленное передавать локальную культуру» [Прошина 2012, с.202-203], «когнитивные особенности картины мира, свойственной данному этносу» [Прошина 2005, с.126]; 3) все варианты английского языка являются равными. Мировые варианты английского языка (World Englishes) определяют как местные формы (local forms) английского языка, развившиеся в результате того, что интеръязык стал в этом регионе стандартом [Rudby, Saraceni 2006]. Существует различие между мировым английским языком (World English) и мировыми вариантами английского языками (World Englishes): под мировым английским понимают английский как лингва франка (English as a lingua franca (ELF)), в то время как мировые варианты английского языка обозначают различные формы английского, образовавшиеся в различных областях по всему миру. Английский в качестве лингва франка (ELF) в мировом масштабе является достаточно новым феноменом: «мы живем в первом поколении ELF» (ср., ‘On this count, we are living in the first generation of ELF’) [Mauranen 2012,

p.3]. Мировые варианты английского языка отличаются (как в плане грамматики, так и в плане лексики) от стандартного английского (Standard English), который является наиболее распространенной формой английского языка в мире [Rudby, Saraceni 2006], именно его используют как международный язык образования, управления, бизнеса, авиации, навигации, развлечений и других сфер, связанных с международными институтами. В современном мире одновременно реализуются две тенденции: с одной стороны, империализм английского языка, превалирующего над другими языками [Phillipson 1992], с другой, диверсификация, вследствие которой происходит «мультипликация» национальных вариантов английского как средство самоидентификации использующих их этносов или социалем, т.е. «любых социальных общностей людей, пользующихся одним языком (род, племя, народность, нация) или какой-л. формой его существования (диалектом, профессиональным жаргоном и т. п.)» [Словарь социолингвистических терминов 2006, с.198], [Дешериев 1977]. Исследованием вариантов английского языка в зарубежной лингвистике занимаются довольно широко: рассматриваются особенности грамматики, фонологии, синтаксиса, морфологии, лексики, дискурса; изучаются как варианты внутреннего круга (по модели Б. Качру) (американский, канадский, британский, ирландский, австралийский, новозеландский), так и варианты внешнего и расширяющегося кругов (варианты Индии, Шри-Ланки, Ботсваны, Сингапура, Малайзии, Филиппин, Японии, Кореи, Китая, Колумбии, Камеруна, Персии, Танзании, славянских и европейских стран) (например, [Readings in English as an International Language 1983]; [Kirkpatrick 2010], [Kachru 1982, 1983, 1986, 2004, 2006b, 2006c, 2008, 2009]; [Crystal 1997]; [McArthur 1998a, 2002]; [The Three Circles of English. Language specialists talk about the English language 2001]; [Brutt-Griffler 2002]; [Bolton 2003]; [Jenkins 2003]; [Melchers, Shaw 2011]; [Stanlaw 2004]; [Honna 2005]; [Kirkpatrick 2007]; [Schneider 2007]; [Mesthrie 2008]; [Schreier 2008]; [Schreier et al. 2010]; [Xu 2010]; [Bailey 1973, 1982, 1991], [Phillipson 1992, 2010, 2013]; [Pride 1982]; [Platt 1982]; [Pennycook 1994], в 1988 году был сформирован Международный комитет по изучению мировых вариантов английского языка (International Committee of the Study of World

Englishes (ICWE)), а в 1992 году появилась Международная ассоциация мировых вариантов английского языка (International Association for World Englishes (IAWE)); также издается журнал *World Englishes*). Да и в отечественном языкознании данная проблематика становится все более актуальной, правда диапазон вариантов достаточно узок. Например, рассматривают региональные и социальные формы вариативности английского языка [Крицберг 2014], территориальную диалектическую вариативность английского языка [Ломаев 2011], [Беляева1962]; [Прошина 2001, 2005, 2010, 2011, 2012, 2014a, 2014b]; [Proshina 2007]; [Russian Englishes 2005]; [Ильина 2007]; [Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго-Восточной Азии 2007]; [Иванкова 2006, 2009]; [Завьялова 2010]).

В работе ‘World Englishes and Corpora Studies’ [Nelson 2006] приводится обзор возможностей изучения национальных вариантов английского языка посредством корпусной лингвистики. В статье рассматриваются как корпуса отдельных национальных вариантов (такие как: Brown corpus, The Lancaster-Oslo/Bergen (LOB) corpus, представляющие американский и британский варианты, Kolhapur corpus – индийский вариант, The Australian Corpus of English (ACE) – корпус австралийского английского, The two Wellington corpora: of written New Zealand English (WWC) and of spoken New Zealand English (WSC) – корпуса письменного и разговорного новозеландского английского языка), так и корпус вариантов расширяющегося круга – International Corpus of Learner English (ICLE), составленный из примеров употреблений изучающих английский язык в качестве иностранного языка (EFL) (при этом их родными языками выступают французский, немецкий, нидерландский, испанский, шведский, финский, чешский, японский, китайский, польский и русский (подробнее см. [Granger 1996]), а также параллельный корпус ICE, содержащий британский (ICE-GB), новозеландский (ICE-NZ), сингапурский (ICE-SIN), индийский (ICE-IND), восточноафриканский (East Africa) (ICE-EA), и филиппинский (ICE-PHI) варианты. Среди недостатков исследований национальных вариантов, а также корпусов, их представляющих, следует назвать, во-первых, сравнение (эксплицитное или имплицитное) вариантов английского с британским или американским, т.е. утверждение их в

качестве стандартов, и, во-вторых, недостаточную представленность в работах и корпусах африканских национальных вариантов (например, Нигерии, Ганы и т.д.), без которых представление о World Englishes не может быть полным. Исследования корпуса ICE [Meyer 1996], [Leitner, Hesselmann 1996], [Bauer, Holmes 1996], [Schmied, Hudson-Ettle 1996], [Sand 1998, 1999], [Nelson 2003] показали, что никаких фундаментальных категориальных отличий между индийским английским и другими национальными вариантами выявлено не было, но также не было обнаружено полной идентичности структур и предпочтений (ср., “no fundamental, categorical difference between Indian English and any other of the national varieties was detected, but on the other hand there is no full identity of patterns and preferences to be observed”) [Schneider 2000, p. 133]. Интересно также признание того факта, что различия между вариантами английского состоят не в наличии или отсутствии изучаемого явления, а в разнице дистрибуций, т.е. в степени проявления определенного признака в варианте, ср., “difference between varieties is not one of absence or presence, but of different distributions...in these terms at least, the difference is one of degree, not of kind” [Nelson 2006, p. 742]. Среди теоретических перспектив изучения вариантов английского языка, которые открывает перед исследователями возможность использования корпусов, называют поиск ядра языка (“common core”), объединяющего все национальные варианты. При этом особое внимание отводится использованию корпусных технологий в изучении языковой вариативности. По мнению Э. Шнайдера увеличение корпусных исследований национальных вариантов позволит обобщить прототипические пути лингвистической эволюции вариантов английского языка. Ср., “it is likely that at some point a larger set of such corpus-based results, drawn from further corpora and varieties will allow generalizations as to prototypical paths of linguistic evolution in New Varieties of English” [Schneider 2000, p. 134].

Согласно данным Ethnologue-Languages of the World, CIA-US, Unesco, United National, University of Dusseldorf, в качестве родного английский используют 335 миллионов человек, из них 225 миллионов проживают в США; по-английски говорят в 110 странах, что является наивысшим показателем среди всех языков мира. Согласно Д. Кристалу, в общей сложности 670

миллионов человек используют английский язык «в качестве родного или почти-родного (near-native)» [Crystal 1997, p.92], а, если принимать критерий «разумной компетенции» ('reasonable competence'), то это число увеличится до 1,2 – 1,5 млрд. человек, при этом английские контактные языки, т.е. пиджины и креолы, используют более 35 млн. человек [Первашова 2005]: «сегодня на одного носителя английского языка приходится четыре пользователя английским как вторым или иностранным языком» [Прошина 2010b, с.173].

1.7. Способы представления вариативности английского языка

Э. Шнайдер группирует различные лингвистические подходы к изучению национальных вариантов английского языка в четыре группы: теоретические, политические, описательные и прикладные, расположенные на двух осях – «внимание к языковой структуре» и «уровень генерализации» [Schneider 2007].

Один из наиболее распространенных подходов к разделению вариантов английского языка на три типа был критически рассмотрен Т. МакАртуром в работе «The English Languages» [McArthur 1998a]: 1) английский в качестве родного языка (English as a native language – ENL; в настоящий момент примерно 320-380 млн. говорящих – данные по [Crystal 2003b]), 2) английский в качестве второго языка (English as a second language – ESL; приблизительно 300-500 млн. говорящих), и 3) английский в качестве иностранного языка (English as a foreign language – EFL; более 1 млрд. обладающих достаточной компетенцией 'reasonable competence'); при этом в настоящее время высказывают мнения о некорректности выделения EFL группы и предложения описывать ее как ELF группу (English as lingua franca) [Galloway 2015]. Т. МакАртур оговаривает следующие трудности трехчастной категоризации: 1) ENL (английский в качестве родного языка) не является единым вариантом английского; разновидности английского языка, рассматриваемые как «стандарт», отличаются в зависимости от страны; 2) пиджины и креольские языки исключены из этой категоризации; 3) большое количество, говорящих на ENL, проживают в ESL странах в результате колонизации; 4) большое количество, говорящих на ESL, проживают в ENL странах вследствие иммиграции; 5) классификация основывается на концепте монолингвизма, в то

время как билингвизм и мультилингвизм широко распространены по всему миру, и английский язык, помимо всего прочего, используется, например, в процессе переключения кодов (code-mixing и code-switching); б) классификация базируется на разделении носителей и не-носителей (non-native speakers) английского языка (т.е. тех, кто изучил английский в процессе обучения), где первая группа по умолчанию превосходит вторую, в независимости от уровня владения языком [McArthur 1998a].

В связи с глобальным использованием английского языка актуальной является одна из наиболее широко распространенных попыток систематизации вариантов английского языка – концепция «Трех концентрических кругов» Б. Качру [Kachru 2006d], в рамках которой было предложено распределять страны, активно использующие английский язык, по трем группам (рис.1).

Рис.1. Модель трех концентрических кругов Б. Качру

Три концентрических круга представляют типы распространения, закономерности приобретения, а также функциональное распределение английского языка в различных культурных контекстах: 1) «Внутренний круг» (Inner Circle) – страны, в которых английский язык является первым, официальным и родным для большинства носителей (ENL countries – English as a Native Language) [Kachru 1992, p.356]. Исторически это первая диаспора

миграции из Англии, т.е. США, Австралия, Ирландия и пр., список этих стран фиксирован и в них используются варианты, приближенные к стандартному английскому [Hu 2011]. Данный круг является «нормообеспечивающим» ('norm-providing') [Прошина 2012], [Kachru 1985]. 2) «Внешний круг» (Outer Circle) включает страны, где английский является вторым официальным языком, но не выступает как родной или коренной (ESL countries – English as a Second Language), в основном это бывшие колонии англоговорящих государств, такие как Индия, Нигерия, Пакистан, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Ямайка и т.д. Список этих стран также довольно фиксирован, хотя все они используют различные местные варианты английского языка, которые часто имеют сходства внутри регионов, таких как Африка, Восточная Азия и пр. Носители часто способны свободно общаться по-английски в большинстве типов коммуникаций [Hu 2011]. Данный круг является «норморазвивающим» ('norm-developing') [Tripathi 1998]. 3) «Расширяющийся круг» (Expanding Circle) – страны, в которых английский не имеет официального статуса и призван обслуживать межкультурную коммуникацию (EFL countries – English as a Foreign Language), такие как Китай, Россия, Саудовская Аравия и Корея. Именно на эту группу приходится наибольшее число разновидностей английского (и по прогнозам новые варианты английского будут развиваться именно в этом круге – в EFL (English as a Foreign Language) регионах [Yano 2001]), ведь в каждом варианте английского языка из расширяющегося круга отражается местный язык и культура, история коренного населения, литературные обычаи, общественные контексты и стандарты коммуникации отдельных стран (не похожие на британские или американские) [Hu 2011]. Данный круг является «нормозависимым» ('norm-dependent'). Таким образом, стандарты английского языка устанавливаются внутренним кругом, в то время как варианты внешнего круга были узаконены (institutionalised) и развивают свои собственные стандарты, а варианты расширяющегося круга являются лишь «исполнителями» - не имея официального статуса, они зависят от набора стандартов вариантов внутреннего круга [Jenkins 2006], хотя позже Качру [Kachru 2004] приходит к выводу, что варианты расширяющегося круга формируются по образцу скорее внешнего, чем внутреннего круга.

Несмотря на влияние, оказываемое моделью Б. Качру в научном сообществе в качестве стандартной базы для классификации распространения английского языка, и ее широкое использование, Дж. Дженкинс [Jenkins 2006] указывает на некоторые ее недостатки: 1) Модель основана на географии и генетике (genetics), а не на использовании говорящими английского языка; например, в Юго-Восточной Азии английский является основным языком межкультурной коммуникации и был принят в качестве рабочего языка Ассоциации государств Юго-Восточной Азии; для некоторых пользователей языка из внешнего круга английский является первым языком (а в некоторых случаях единственным), как, например, в Сингапуре; в то время как все большее число говорящих из расширяющегося круга используют английский для довольно обширного круга задач. 2) Модель уделяет большое внимание колониальной истории [Galloway 2015], которая не дает достаточного понимания сложного социолингвистического использования английского в современном мире, т.к. английский является социально престижным языком (prestige language) во многих странах, которые никогда не были подвержены англоязычной колонизации, например Эфиопия и различные части Центральной Америки [Bruthiaux 2003]. В то же время в модели отражена не вся история; например, Британия с 1882 года оккупировала Египет и официально страна стала британским протекторатом в конце Первой мировой войны, что намного дольше, чем американская колонизация Филиппин [Bruthiaux 2003], но при этом Египет относится к расширяющемуся кругу, а Филиппины – к внешнему кругу. 3) Существует «серая» зона между внутренним и внешним кругами, т.к. в некоторых странах внешнего круга английский выступает в качестве первого языка, изучаемого многими гражданами, которые используют его в том числе дома, а не исключительно в служебных целях. 4) Также растет «серая» зона между внешним и расширяющимся кругами: в настоящий момент примерно 20 стран находятся в стадии перехода от использования английского в качестве иностранного языка (EFL) к использованию его в качестве второго языка (ESL), включая Аргентину, Бельгию, Коста-Рику, Данию, Судан, Швейцарию [Graddol 1997], Японию и Корею [Kirkpatrick 2010]. 5) Многие «World English speakers» растут

билингвами или мультилингвами (говорящими более чем на двух языках), выбирая использование определенного языка в зависимости от цели, что делает трудным описание иерархии языков в этом обществе. Помимо этого в связи с би- и мультилингвизмом, английский часто используется в рамках смешения кодов (code mixing: смешения английского с другим языком) и переключения кодов (code switching: переключения между английским и другим языком): например, в Канаде английский иногда смешивают с французским, а в Уэльсе – с валлийским. 6) Модель Б. Качру не позволяет определить уровень владения языком: носитель языка может обладать ограниченным словарным запасом и низкой грамматической компетенцией, в то время как обратное может быть верно для не-носителя языка (non-native speaker). Тот факт, что английский является вторым или третьим языком не означает, что компетенция этого человека ниже, чем у носителя языка) [Jenkins 2006, p.17]. 7) Модель не принимает во внимание английский для специальных целей (English for Special Purposes): в таких областях знание английского языка может быть схоже независимо от того, из какого круга говорящий родом. 8) Модель предполагает, что ситуация является единой для всех стран в пределах определенного круга, но это не так: даже в пределах внутреннего круга, страны различаются по количеству языкового разнообразия, а во внешнем круге страны могут отличаться по ряду аспектов: например, использует ли английский только элита, как в Индии, или он широко распространен, как в Сингапуре; или присутствует ли в стране один родной язык, что ведет к появлению одной разновидности местного варианта английского языка, как в Бангладеш, или несколько различных групп языков, что приводит к возникновению нескольких разновидностей английского языка на этой территории, как в Индии. 9) Модель распределяет пиджины и креольские языки внутри трех указанных категорий [Galloway 2015] (в ENL – страны Карибского бассейна; в ESL – многие районы Западной Африки; в EFL – Никарагуа, Панама и Суринам). При этом креольские языки могут существовать официально наравне со стандартным английским, например в Папуа-Новой Гвинее, на Соломоновых островах, в Вануату. 10) Не учитывается роль английского в полиэтнических сообществах [Galloway 2015], особенно в связи с изменением статуса английского языка во

многих регионах; например, Канада и Южная Африка являются многоязычными государствами (multilingual), но в модели они относятся к внутреннему кругу, включающему говорящих на английском в качестве родного языка, игнорируя франкоканадцев и народы банту. Многоязычные Нигерия, Маврикий и Сингапур используют английский в различных официальных и неофициальных целях в международной и внутренней коммуникации [Bruthiaux 2003], в Сингапуре к тому же многие используют английский в качестве первого языка или растут билингвами/мультилингвами; несмотря на колониальную историю. Бангладеш и Гонконг, как правило, ограничивают использование английского языка внутри страны коммерческой, юридической и образовательной сферами; многие территории внутреннего круга не являются однородными и используют не только родной язык: например, в США 51 млн. человек используют испанский в качестве основного языка.

Языки внутреннего круга являются результатом первого переселения (first dispersal), когда английский язык был доставлен в «Новый свет» (первая диаспора – first diaspora), а внешний круг связан со вторым переселением (second dispersal) в Азию и Африку (вторая диаспора – second diaspora) [Jenkins 2009, 2015] (более подробная информация относительно распространения английского языка, а также сводная таблица двух переселений находится в приложении (Приложение 1)). Среди недостатков модели двух диаспор (two diaspora model) называют [Galloway 2015]: 1) она не связана с тем, каким образом английский язык распространялся (процесс появления и распространения английского в странах Карибского бассейна, колониях, и США и Канаде отличается), 2) она не отражает хронологию распространения английского (первая диаспора в Австралии и Новой Зеландии (18 век) появилась позже второй диаспоры в Индии (начало 17-го века) [McCrum et al. 2002]).

Используя термин лексикограмматика (lexicogrammar), введенный функциональным лингвистом М. Халлидеем [Halliday 1961] для обозначения лексико-грамматического континуума (grammar/lexis continuity) и подчеркивающий непрерывное единство грамматики и лексики, можно

говорить о том, что лексикограмматика в различных вариантах английского языка слегка изменяется [Jenkins 2006]. Помимо этого, различные варианты английского языка обладают собственной специфической фонологией (own peculiar phonologies). Например, Д. Детердинг считает, что произношение вариантов внешнего круга станет общепринятым, что приведет к расширению стандартов, и эти варианты произношения окажут существенное влияние на дальнейшее развитие английского языка [Kirkpatrick 2010].

В попытке улучшить модель Б. Качру и учесть последние изменения некоторые ученые предлагали свои модели и классификации. Например, П. Трипаси предлагает рассматривать «страны третьего мира» ('third world nations') в качестве независимой категории, которая отменяет различие между ESL и EFL ('an independent category that supersedes the distinction of English as a Second Language and English as a Foreign Language') [Tripathi 1998, p.55]. Д. Граддол [Graddol 1997] предлагает соединить круги в модели таким образом, чтобы было возможно движение из одного круга в другой, учитывая постоянное увеличение говорящих на английском в качестве второго языка. Я. Яно считает, что модель Б. Качру необходимо модифицировать в связи с тем, что многие варианты английского из внешнего круга получили официальный статус и говорящие на них рассматривают себя в качестве носителей языка (native speakers) [Yano 2001, p.122-124], поэтому он предлагает цилиндрическую модель (Yano's cylindrical model), где рассматривает внутренний круг как «генетический ENL» (genetic "English as a Native Language"), а внешний круг как «функциональный ENL» (functional "English as a Native Language"). Его модель также учитывает социальную диалектную концепцию (social dialectal concept), разграничивающую стандартное (акролект) и разговорное (базилект) использование языка, где акролект используется для международной коммуникации, а также для официального и публичного внутринационального взаимодействия, а базилект – для неформального внутринационального общения.

Невозможность использования базилекта в международной коммуникации кажется спорной, т.к. такое использование становится все более распространенным; с другой стороны, положительной выглядит попытка

избавиться от генетической составляющей (genetic element) в понятии «носитель языка» [Jenkins 2006]. Впоследствии Я. Яно представил другую версию своей модели – цилиндрическую модель в трех измерениях (three-dimensional cylindrical model) [Yano 2009], которая включает владение языком (proficiency) в четырех сферах: английский для общих целей (English for General purposes – EGP), английский для специальных целей (English for Special Purposes – ESP), внутрирегиональный стандартный английский (Intra-regional Standard English – Intra-RSE), английский как международный язык (English as an International Language – EIL), где последний описан как предельный уровень владения языком для межрегиональной и международной коммуникации (‘the ultimate level of proficiency for cross-regional or international communication’) [Yano 2009, p.216].

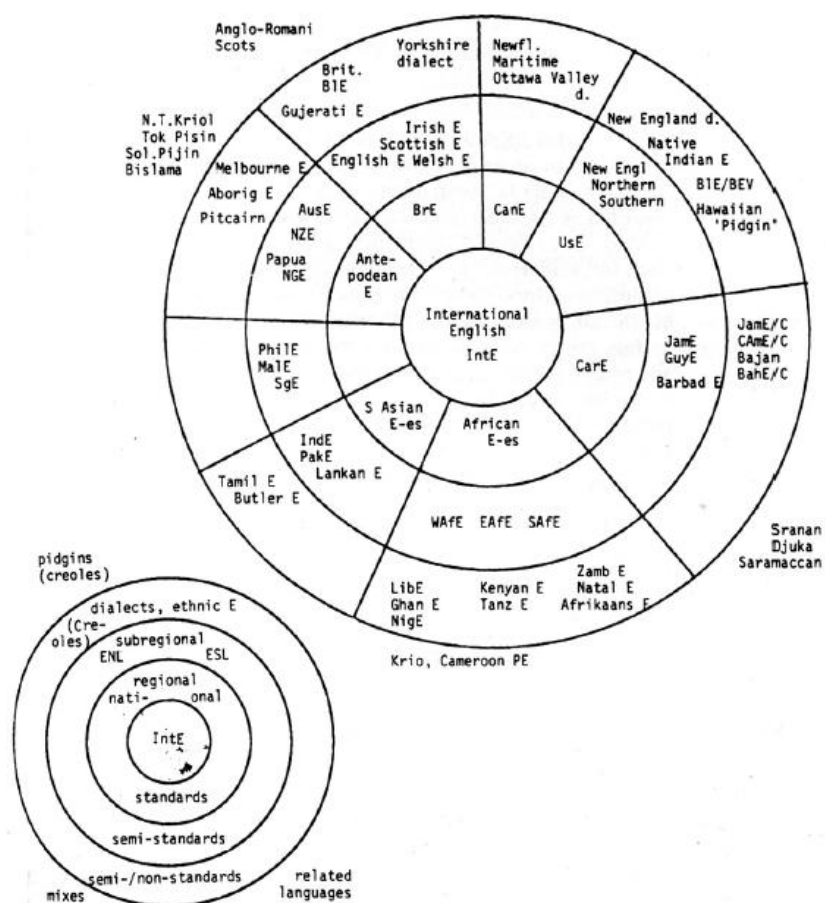

Рис. 2. Круговая модель английского языка М.Горлача

Позже в 1980-е гг. Т. МакАртур и М. Горлач предложили новые круговые модели английского языка, в некоторых отношениях схожие: «круг мирового английского языка» (‘Circle of World English’) Т. МакАртура (1987 г.) и

«круговая модель английского языка» ('Circle Model of English') М. Горлача (1988 г.). В центре круга М. Горлача (рис.2) [Görlach 1990] расположен «Международный английский» ('International English'), за ним следуют (по направлению из центра наружу): региональные стандартные варианты английского (regional standard Englishes), такие как африканский (African), австралийский (Antipodean), британско-канадский (British Canadian), карибский (Caribbean), южноазиатский (South Asian), американский (US); затем идут субрегиональные стандартные варианты английского языка (semi-/sub-regional standard Englishes), включая индийский (Indian), ирландский (Irish), кенийский (Kenyan) и вариант Папуа-Новой Гвинеи (Papua New Guinean); далее – нестандартные варианты английского языка (non-standard Englishes), такие как аборигенный английский (Aboriginal English), ямайский английский (Jamaican English), йоркширский диалект (Yorkshire dialect); а за пределами внешнего круга располагаются пиджины и креольские языки, такие как камерунско-креольский язык (Cameroon Pidgin English) и ток-писин (Tok Pisin).

Рис. 3. Круг мирового английского языка Т. МакАртура

В центре круга Т. МакАртура (рис.3) [McArthur 1998a] находится «Мировой стандартный английский» ('World Standard English'), который, как и «Международный английский» М. Горлача, не реализуется в конкретном варианте. Следующий круг по направлению из центра наружу состоит из региональных вариантов (regional varieties), включая как стандартные (standard), так и проходящие стандартизацию (standardizing) формы. Далее следуют разделенные на восемь регионов мировые варианты английского языка, то, что Т. МакАртур описывал как многочисленную периферию подвариантов, таких как аборигенный английский, афроамериканский английский, галла (или морской креольский английский), ямайский национальный язык, сингапурский вариант английского языка и ольстерско-шотландский язык ('a crowded (even riotous) fringe of subvarieties such as Aboriginal English, Black English Vernacular (now known as "African American Vernacular English" or "Ebonics"), Gullah, Jamaican Nation Language, Singapore English and Ulster Scots') [McArthur 1998a, p.95].

Сильной стороной данной модели является выверенное изображение вариантов английского в соответствии с географией, а минусами – 1) отсутствие отражения исторических, политических и лингвистических связей между вариантами английского (например, связи Филиппины – США, Гонконг – Великобритания); 2) неравномерное разбиение вариантов (некоторые варианты представлены с разбиением на местные стандарты, например, Австралия), т.е. помимо вариантов модель включает и языковые формы [Первашова 2005]; 3) не включены европейские варианты английского; 4) наряду с языковыми вариантами присутствуют пиджины и креольские языки.

В книге 'The Handbook of World Englishes' [Kachru et al. 2006e] распространение английского языка по всему миру рассматривают в терминах четырех последовательных диаспор (diasporas) (при этом отмечается, что метафора «диаспоры» релевантна и актуальна (ср., 'the metaphor of "diaspora" is both valid and helpful') [Todd 2008, p.251]). Первая диаспора включает Уэльс, Ирландию и Шотландию; вторая диаспора относится к Северной Америке (а именно: к Соединенным Штатам Америки и к некоторым частям Канады), Австралии и Новой Зеландии; а третья и четвертая диаспоры простираются до

Южной Азии, Восточной Азии, Юго-восточной Азии, Южной Америки, Южной Африки, Западной Африки, Восточной Африки, Карибских островов и Европы (при этом необходимо учитывать различия между странами, которые были до недавнего момента колониями Великобритании, и теми, которые не были).

Г. Мелчер и др. [Melchers et al. 2010] в свою очередь предположили, что варианты английского могут различаться фонологическими и морфосинтаксическими особенностями, и классифицировали варианты по четырем географическим зонам: Британские острова (The British Isles); Северная и Южная Америка и страны Карибского бассейна (the Americas and the Caribbean); Тихоокеанский регион и Австралия (the Pacific and Australasia); Африка, Южная и Юго-Восточная Азия (Africa, South and Southeast Asia).

Другие модели распространения английского языка все меньше затрагивают географию, историю, нативность (nativeness), уровень владения языком (proficiency) и обращают больше внимания на роль коммуникационного контекста (communication context).

Кроме национальных вариантов английского выделяют также региональные разновидности языка (этнического диалекта или этнолекта) [Словарь социолингвистических терминов 2006]. Среди примеров интерференции в английском называют Hinglish (английский и хинди), Manglish (английский и малайский), Tanglish (английский и тамильский), Tinglish (английский и тайский) и многие другие.

В приложении (Приложение 1) представлена сопоставительная таблица соотнесенности названных моделей вариантов английского языка в рассматриваемых нами ареалах.

1.8. Языковой континуум

В лингвистике довольно часто апеллируют к понятию континуума: например, говорят о лексико-семантическом континууме [Маковский 1974], а вместо строгой дихотомии «язык-речь» предлагают использовать понятие речезыкового континуума, где «язык и речь предстают как экстремальные

области лингвистического пространства, характеризующегося глубокой взаимной диффузией составляющих его страт» [Кулаева 2014, с.131]. Говорят также о языковом континууме, под которым подразумевают совокупность вариантов идиома, представленных во времени, пространстве, социальных коллективах и различных ситуациях общения. «Понятие континуума, имевшее первоначально два измерения – временное и пространственное, предполагает **непрерывность и постепенность** языковых изменений во времени и плавную дифференциацию языкового материала в пространстве, т. е. отсутствие четких границ между языками и диалектами. Появившиеся позже модели диастратического и диафазического континуумов дополнили это понятие социальным и ситуативным измерениями. Выделяют следующие типы языкового континуума: 1) временной континуум, 2) пространственный континуум, 3) диалектный континуум, 4) диастратический континуум, 5) диафазический континуум» [Словарь социолингвистических терминов 2006, с.275]. Относительно первых двух типов И.Р. Гальперин говорил, что «категория континуума непосредственно связана с отображением в тексте нерасчлененного потока движения во времени и пространстве, которое заключается в определенной последовательности фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, при этом процесс подобного развертывания протекает неодинаково в различных текстах. Именно категория континуума представляет собой особое осмысление времени и пространства объективной действительности» [Гальперин 2006, с.306].

Под *диалектным континуумом* понимают «последовательное членение языка на непрерывные территориальные разновидности, при котором соседние говоры или диалекты имеют минимальные различия, но чем далее отстоят друг от друга звенья «диалектной цепи», тем больше различий между ними. Существенно, что изоглоссы различных диалектных явлений не совпадают, и границы между диалектами размыты. Диалектный континуум может переходить в языковой континуум на границах распространения родственных языков, в результате чего возникает сложная проблема разграничения соответствующих идиомов» [Словарь социолингвистических терминов 2006, с.91]. Л. Блумфилд определял диалектный континуум как ряд диалектов,

используемых в пределах некоторой географической территории, которые в соседних областях отличаются незначительно, но на противоположных полюсах континуума становятся взаимно непонятны (что аналогично кольцевым видам в эволюционной биологии [Cruse 1986]). Линии, которые могут быть проведены между областями, отличающимися в какой-либо языковой функции, называют изоглоссами [Bloomfield 1935]. Приведенная типология языкового континуума соотносится с видами вариативности, выделенными в рамках понятия диасистемы [Лукина 2015]: диахроническая (историческая) (варьирование формы языковой единицы в процессе эволюции), диатопическая (географическая) (варьирование стандартный язык – диалект), диастратическая (социальная) (варьирование стандартный язык – социолект), диафазическая (стилистическая) (варьирование различных стилей), диамезическая («вариантные формы устной и письменной речи») (варьирование словоупотреблений в устной и письменной речи; введена Ф. Гадэ [Gadet 1997]). О географической непрерывности (которую можно соотнести с горизонтальным языковым континуумом) писал в 19-ом веке и И. Шмидт, подразумевая под ней непрерывный континуум распространения языков мира по определенной территории; на основе этого понятия он создал «теорию волн», в которой высказал мысль о том, что распространение любого языкового явления по определенной территории аналогично распространению волн по воде от брошенного камня и обладает ядром (фокусным районом) и периферией: «Повсюду мы видим постепенные переходы от одного языка к другому..., а два граничащих друг с другом языка обнаруживают всегда некоторые только им свойственные черты» [Schmidt 1872, p.26]. Распространение диалектных форм согласно волновой теории, т.е. в соответствии с прямой пространственно-временной зависимостью, описывают как контактиозную диффузию [Испирьян 2008].

Наравне с понятием горизонтального языкового континуума, основывающегося на пространственном факторе, выделяют вертикальный языковой континуум (или контактный континуум [Захватаева 2010]), базирующийся на социальном факторе. Еще одним отличием диалектного и контактного континуума является то, что в последнем затруднительно

выделить какие-либо стандарты, в то время как «в каждой точке диалектного континуума имеется своеобразный местный стандарт» [Беликов 2000]. Контактный континуум «подчеркивает непрерывность языковой эволюции контактных языков, их диахроническую целостность на оси «лексификатор – целевой язык» [Захватаева 2010], для его возникновения нужно, чтобы «во-первых, носители контактного языка имели социальную мотивацию для освоения более престижного нормативного языка, идентичного или близкого к языку-лексификатору, а во-вторых, чтобы образцы такого целевого языка были им доступны» [Беликов 2000, с.141]. Вертикальный языковой континуум определяют, как «синхронное использование на одной территории нескольких форм языка, образующих ряд: акролект – мезолект – базилект» [Шайбакова 2014, с.160]; подобное трехчастное разбиение характерное для понятия посткреольского континуума в зарубежной лингвистике: акролектом называют «вариант языка, возникающий в посткреольском континууме в результате смешения креольского языка и языка-лексификатора. Акролект употребляется образованными слоями общества, обладает самым высоким социальным престижем и занимает высшую ступень в иерархии языковых вариантов посткреольского континуума» [Словарь социолингвистических терминов 2006, с.25]. В подобных случаях исконной лексикой выступает лексика языка-лексификатора, а вся остальная рассматривается как заимствованная [Haspelmath, Tadmor 2009]. З.Г. Прошина предлагает рассматривать варианты английского языка как «своеобразный континуум владения иностранным языком, представляющий шкалу разных ступеней, или уровней владения, от начального, базилекта, к мезолекту и, наконец, акролекту, максимально приближенному к книжной норме» [Прошина 2005, с.125]. Наравне с понятиями пиджинизации, т.е. процесса формирования пиджина («гибридной формы языка, которая возникла спонтанно, вследствие контактов между европейскими языками (языками-источниками) и языками коренного населения (языками-субстратами) [Первашова 2005]), креолизации (или нативизации), т.е. «процесса, в результате которого пиджин начинает обслуживать все основные коммуникативные потребности социума, в том числе и сферу внутрисемейного бытового общения, и становится родным, а часто и единственным языком

нового поколения» [Словарь социолингвистических терминов 2006, с.168], и декреолизации, С. Мафвин вводит понятие базилектализации ("basilectalization") [Mufwene 2001], которое в отличие от декреолизации, когда язык сближается с языком-лексификатором, подразумевает, что язык отдаляется от языка-лексификатора (ср., 'where a creole becomes more unlike its lexifier, rather than decreolization, where it becomes more like its lexifier') [Siegel 2008, p.237], т.е. язык сближается с базилектом. Если общество настолько стратифицировано, что между группами, использующими креольский язык, и теми, кто говорит на доминирующем языке, практически нет контакта, то скорее возникнет ситуация диглосии, нежели континуума, как, например, на Гаити с гаитянским креольским языком и французским языком, в отличие от Ямайки, где существует континуум между ямайским вариантом английского языка и ямайским креольским языком [Meade 2001]. В связи с гетерогенностью английского языка как многоуровневой социо-культурной системы и его существования в различных вариантах, т.е. языковых реализациях в речи отдельной нации, в лингвистике было введено понятие *мирового англоязычного континуума* [Первашова 2005]. Интересно, что с точки зрения «квантомеханического» подхода «все языки мира можно рассматривать как диалектный континуум, интерферирующий на волновом уровне сам с собой, и образующий структуры многоуровневой интерференции в пространстве-времени и в социальной психике» [Букалов 2001, с.8].

В рамках динамической модели постколониальных вариантов английского языка (Schneider's Dynamic Model of Postcolonial Englishes (PCEs)) [Schneider 2007] Э. Шнайдер выделяет пять фаз эволюции английского среди обществ не-носителей этого языка (non-native speaking), иллюстрируя, как иностранный язык – английский – избавляется от своей чужеродности и становится местным. Американский вариант английского языка Э. Шнайдер также рассматривает как постколониальный, но завершивший свою эволюцию, он считает, что американский английский обеспечивает уникальную возможность наблюдать весь цикл развития постфактум (ср., "[American English] provides an almost unique opportunity to observe the entire developmental cycle in hindsight, as it were") [Schneider 2007, p. 251]. Динамическая модель принимает эволюционную

точку зрения на язык и показывает, как он развивается в процессе конкуренции и отбора и как возникают определенные языковые особенности; модель отображает, как история и экология (ecologies; в терминах эколингвистики [Haugen 1972]) определяют лингвистические структуры в различных вариантах английского языка, а также как сохраняются лингвистические и социальные идентичности [Kirkpatrick 2007]. В основе модели лежит **пять принципов** [Schneider 2007]: 1) чем ближе контакт или выше степень билингвизма/мультилингвизма в сообществе, тем сильнее последствия контакта (effects of contact); 2) структурные эффекты языкового контакта зависят от социальных условий, поэтому история играет важную роль; 3) изменения, вызванные контактом, (contact-induced changes) могут быть достигнуты при помощи различных механизмов: от переключения кодов (code-switching) до смены кода (code alternation) или усвоения языка (acquisition strategies); 4) эволюция языка и появление новых вариантов вследствие контакта (contact-induced varieties) могут быть рассмотрены как процесс отбора говорящими одного варианта из пула доступных для них языковых вариантов; 5) набор характеристик, которые в конечном счете будут приняты, зависит от «экологии» ситуации контакта (complete “ecology” of the contact situation), включая такие факторы, как демография, социальные отношения, поверхностные сходства между языками и т.д. С одной стороны, данная модель объясняет, как эволюционировали постколониальные варианты английского языка, и повышает осведомленность о социолингвистических универсалиях контактов английского (и других языков) (sociolinguistic universals of English contact situations), с другой стороны, возникают вопросы, можно ли применять ее повсеместно и не фокусируется ли она слишком сильно на лексике, грамматике и произношении, вместо упора на культурные аспекты [Wong 2008]. Понятие «постколониальные варианты английского языка» (Postcolonial Englishes) использовалось и ранее, например, Б. Муром [Moore 2001], К. Майром [Mair 2003], Р. Хики [Hickey 2004]. Последний уделяет основное внимание первой колониальной экспансии, которая включала заселение Австралии, Новой Зеландии, Северной Америки, Южной Африки, Южной Азии. Э. Шнайдер в свою очередь использует этот термин, больше фокусируясь

на второй волне британской колониальной экспансии в Африке, Юго-Восточной Азии и Карибском бассейне в 19-ом веке, которая не включала заселение британцами этих областей, выбирая это понятие не только потому что оно более нейтрально, но также потому, что оно нацелено именно на определенный эволюционный процесс, непосредственно связанный с их колониальной и постколониальной историей (ср., "not only because it is more neutral but also because it focuses precisely on ... a specific evolutionary process tied directly to their colonial and postcolonial history") [Schneider 2007, p. 3]. Э. Шнайдер подчеркивает, что, несмотря на кажущиеся исторические, языковые и социальные различия между регионами распространения английского языка, существует фундаментальное однообразие в процессе развития языка во всех его постколониальных областях, сформированных по-разному экологическими (в основном внешними экологическими и экстралингвистическими (external ecological or extralinguistic)) факторами. При изучении постколониальных вариантов английского языка автор опирался на такие дисциплины, как диалектная география (dialect geography), социолингвистика и контактная лингвистика (contact linguistics) (особенно исследования пиджинов и креольских языков (Pidgin and Creoles studies)). Э. Шнайдер, вслед за С. Мафвиным [Mufwene 2001] и другими, заявляет, что популярная идея существования единственного стандарта языка, любые отличия от которого (т.е. новые варианты английского языка или постколониальные варианты (New Englishes или PCEs)) рассматриваются как отклонение и ошибки, является ложной. Он классифицирует пиджины и креольские языки совместно с постколониальными вариантами английского языка (Ср. [DeGraff 2003]), считая, что и креольские языки и постколониальные варианты являются в основном, хотя и в разной степени, продуктами языкового контакта, что обеспечивает общую основу для их изучения (ср., 'are largely products of language contact, albeit to varying degrees, which provides a common framework for them to be investigated') [Schneider 2007, p.11]. В целом, он настаивает, что контакт широко распространен в эволюции языков и языковых вариантов, хотя исторические лингвисты (historical linguists) склонны преуменьшать влияние языковых контактов на языки. Модель Э. Шнайдера

[Schneider 2007] подчеркивает, что, несмотря на индивидуальные региональные особенности, все варианты английского языка проходят единый эволюционный путь.

Разделение вариантов и интеръязыка [Davies 1989], [Selinker 1974] обусловлено наложением национального менталитета говорящих на языковую форму интеръязыка. В связи с этим говорят о процессе *глокализации* [Pakir 1999] (global+local), т.е. изменении языка под влиянием локальных признаков вследствие его глобального распространения. Иногда глобализация рассматривается как лингвицид и угроза для национальных вариантов английского языка. Это дает Д. Кристалу [Crystal 1997] основания ввести термин *Englishes* для обозначения различных национальных вариантов, считая их потенциальными членами новой языковой семьи. Другой возможный вариант «светлого» будущего английского языка в качестве мирового – его развитие в один общий вариант, понятный всем говорящим на английском языке [Rubdy 2011]. Необходимость в глобальном языке (global language) вызвана экспоненциальным ростом международных контактов во всех сферах жизни.

1.9. Исследование эмоций в лингвистике и когнитивной науке

Бесспорно, эмоции – междисциплинарный предмет, «они затрагивают чувства и опыт, физиологию и поведение, формы познания и концептуализации» [Ортони 1996, с. 314], они мотивируют, регулируют и направляют восприятие, мыслительную и физическую активность [Изард 2012], эмоции придают смысл происходящим событиям [Мацумото 2003]. Интерес к исследованию разных аспектов эмоциональной составляющей человека и животного только возрастает в связи с развитием нейронаук [Cacioppo, Gardner 1999] и включением эмоций в область интереса компьютерных наук, искусственного интеллекта и обработки естественного языка (Natural Language Processing) [Nakayama 2004]. Согласно Ч. Дарвину эмоции появились в процессе эволюции «как средство, при помощи которого живые существа устанавливают значимость тех или иных условий для удовлетворения актуальных для них потребностей» [Дарвин 1939, с.90]. Эмоции человека

аналогичны реакциям животных, но, вследствие развития большой фронтальной коры и применения эмоций для контроля социального поведения, человеческие эмоции суть более сложные. По мнению А.Н. Леонтьева, «эмоции – особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами. Эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта путем отражения значимости внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [Леонтьев 1970, с.553]. Эмоции находятся в основе мотивационной сферы человека, при этом человек может быть определен не только как *homo sapiens*, но и как *homo sentiens*: «все активности мышления осуществляются на базе эмоциональных мотивов *Homo sentiens*» [Шаховский 2010, с.42]. С.Л. Рубинштейн считает: «То, что радует человека, что его интересует, повергает в уныние, волнует, что представляется ему смешным, более всего характеризует его сущность, его характер, индивидуальность» [Рубинштейн 1989, с.147], при этом основная функция эмоций состоит в том, что «в эмоциональных процессах устанавливается связь, взаимоотношение между ходом событий, совершающимся в соответствии или в разрез с потребностями индивида, ходом его деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей, - с одной стороны, и течением внутренних органических процессов, захватывающих основные витальные функции, от которых зависит жизнь организма в целом, - с другой; в результате индивид «настраивается» для соответствующего действия или противодействия» [Рубинштейн 2002, с.514]. Эволюционная история эмоций и их локализация в мозге рассматриваются в биологии и нейронауках (см., например, [Gazzaniga 2004], [McNaughton 1989]), психофизиологические процессы, сопровождающие эмоциональные переживания, изучаются психологией. Именно в этой сфере были проведены наиболее обширные кросс-культурные исследования в области лицевой экспрессии эмоций, которые показывают, что в социальном взаимодействии эмоции осуществляют коммуникативную функцию, т.к. в ходе эволюции выражения лица развивались для данной цели [Fridlund 1997].

По мнению А.Н. Леонтьева: «В качестве критериев (они же параметры эмоций) могут выступать, по-видимому, самые различные, такие как характер потребностей (витальные, базальные – социальные, небазальные), их уровень

(элементарные – сложные), их знак (положительные – отрицательные), их связь с модальностью ощущений и восприятий (эмоции, связанные со зрением, слухом, вкусом, тактильными функциями, движением и пр.), их связь с опытом (врожденные – приобретенные), степень осознанности эмоций (осознанные – неосознанные), отношение к состоянию активации (активизирующие – успокаивающие), их объект (направленные "на себя" – направленные "вовне"), их длительность (краткие – длительные), их интенсивность (сильные – слабые), их отношение к деятельности (ведущие – неведущие) и т.д.» (А.Н. Леонтьев, цит. по [Любова 2015, с.17-18]).

Несмотря на сосуществование различных подходов к определению и классификации эмоций (от лат. *Emovere* – возбуждать, волновать) в лингвистике, психологии, нейробиологии, эндокринологии, медицине, истории, социологии и даже информатике, можно выделить два основных. Эти подходы известны как универсалистский (universalism) (предполагающий, что, в связи с биологической обусловленностью, эмоции являются универсальными для всех культур) и релятивистский (relativism) (рассматривающий эмоции как конструкты местной культуры и, следовательно, уникальные сущности). К универсалистам, рассматривающим эмоции вне зависимости от культурной предпосылки, относят, например, П. Экмана, К. Изарда и С. Бюхлера, релятивистами считают М. Росальдо и К. Лутца. Крайней точкой зрения универсалистского подхода является абсолютистская позиция, а крайней точкой зрения релятивистского подхода – аксиоматическая позиция. С точки зрения релятивистского подхода, также называемого функционалистским, эмоции рассматриваются как социальные сценарии или социально обусловленные конструкты, включающие субъективные, поведенческие и физиологические компоненты и формирующиеся в процессе усвоения норм культуры. Именно культура формирует эмоции, которые, в свою очередь, отражают культурную среду и поэтому не являются биологическими фиксированными и идентичными для всех (социальная модель эмоций).

Срединное положение между этими полярностями занимают ученые, разграничивающие внутренний опыт субъективных эмоциональных состояний (потенциально являющихся универсальными) и концептуальные системы, с

помощью которых эмоции определяются и классифицируются (среди приверженцев направления можно назвать Э. Гербера, который считал, что универсальным является субъективное переживание эмоции или квалиа (например, краснота, боль, гнев), несводимое исключительно к физиологическим реакциям и соотнесенное с физиологией, так же как ум может быть соотнесен с мозгом). Дж. Бостер [Boster 2005] полагает, что дихотомия биологическое vs культурное является ложной, т.к., с одной стороны, биологическая обусловленность определяется тем, что люди как представители одного биологического вида обладают идентичной физиологической структурой гормонов, нейронов, внутренних органов и мышц, реализующих человеческую способность к эмоциональным реакциям. С другой стороны, обусловленность эмоций местной культурой связана с тем, что причина для ощущения определенной эмоции всегда определяется в специфических терминах, обусловленных культурой. Об отражении в эмоциональных переживаниях, как биологической природы, так и культурного контекста пишет и Ф. Элсворт [Ellsworth 1994]. Помимо этого Дж. Бостер [Boster 2005] считает, что релятивисты и универсалисты говорят о разных вещах: в рамках универсального подхода под эмоциями в первую очередь понимают физиологические реакции (изменения в выражениях лица, кровяном давлении, гормонах и нейромедиаторах), в то время как с релятивистской точки зрения эмоция в первую очередь рассматривается как термин, определенное обозначение в языке. Универсалисты же упускают большую часть смысла или пропозиционального содержания эмотивного лексикона и, следовательно, большую часть того, что обозначают термины эмоций.

Вопросы биологических и физиологических оснований эмоций поднимали [Colombetti 2009] еще Аристотель в «О душе», Ч. Дарвин в «О выражении эмоций у человека и животных» (где выдвинул «гипотезу врожденной универсальности» о том, что эмоции и их мимическое выражение имеют эволюционно-биологическое происхождение), У. Дже(й)мс [James 1884] и Дж. Дьюи [Dewey 1895]. Платон был первым, кто связал наличие эмоций с работой нервной системы. Р. Декарт подчеркивал влияние эмоций (или «страстей души») на другие виды психической деятельности: «...лучше было

бы назвать их [«страсти души»] движениями (emotions) души не только потому, что так можно назвать все изменения, происходящие в душе, то есть все различные ее мысли, но главным образом потому, что из всех видов присущих ей мыслей нет других, которые бы ее больше волновали и сильнее потрясали, чем страсти» [Декарт 1950, с.610]. Дж. Уотсон полагал, что эмоции могут быть описаны при помощи физиологических состояний. Р. Бак предложил «гипотезу лицевого отклика» (facial feedback hypothesis), базирующуюся на том, что отклик скелетной мышцы является причиной регуляции эмоционального поведения (ср., "that skeletal muscle feedback from facial expressions plays a causal role in regulating emotional experience and behaviour") [Buck 1980, p.813].

Теория дифференциальных эмоций («дискретная модель эмоциональной сферы человека») (discrete emotion theory) относится к универсалистскому подходу и предполагает, что у всех людей есть врожденный набор базовых эмоций, одинаковый во всех культурах. Эти базовые эмоции называют «дифференциальными» ('discrete'), т.к., согласно данному подходу, их можно дифференцировать по выражению лица человека и биологическим процессам [Colombetti 2009]. Теория дифференциальных эмоций утверждает, что базовые эмоции являются биологически детерминированными эмоциональными реакциями, выражение и распознавание которых едино для всех лиц независимо от их этнической или культурной принадлежности [Ekman 2007], [Ekman, Friesen 1971]. Выделяют базовые эмоции (такие как, например, отвращение и гнев) и социальные (вина, гордость, стыд и т.д.), возникающие позже базовых как в процессе онтогенеза, так и в процессе филогенеза [Aamodt, Wang 2008]. Одно из наиболее известных исследований по определению базовых эмоций было проведено П. Экманом и его коллегами в 1972 году, в результате которого они выделили **шесть универсальных** для всех культур эмоций: **anger** (гнев/злость), **disgust** (отвращение), **fear** (страх), **joy/happiness** (радость), **sadness** (печаль/грусть), и **surprise** (удивление). П. Экман описывает определенные характеристики каждой из этих эмоций, которые, в зависимости от индивида или культуры, могут быть выражены в различной степени (display rules) [Ekman 1992]. В 1990-х годах П. Экман предложил расширить набор основных эмоций, включив туда ряд положительных и отрицательных эмоций,

некоторые из которых нельзя определить по мимическим выражениям. Были добавлены: Amusement (радостное удивление), Contempt (презрение), Contentment (удовлетворение), Embarrassment (смущение), Excitement (волнение), Guilt (вина), Pride in achievement (гордость), Relief (облегчение), Satisfaction (удовольствие), Sensory pleasure (чувственное наслаждение), и Shame (стыд) [Ekman 1999]. Стоит отметить, что обзор исследований выражений лица показал, что полная интерпретация лицевых выражений зависит от контекста, и что одно и то же выражение может быть интерпретировано по-разному в различных контекстах, т.к. здесь актуализируется соотношение фигуры и фона [Fernández-Dols, Carroll 1997].

Помимо кросс-культурных исследований эмоций были проведены исследования по кросс-культурному распознаванию эмоциональных интонаций голоса [McCluskey et al. 1975], [Albas et al. 1976], показавшие, что распознавание эмоций на различных языках превышает уровень случайных величин (причем показатель для своего языка выше). Также было установлено, что уровень активации является более важной характеристикой при распознавании, чем знак эмоции (положительные или отрицательные).

С. Томкинс выделял восемь базовых эмоций: surprise (удивление), interest (интерес), joy (радость), rage (ярость), fear (страх), disgust (отвращение), shame (стыд), и anguish (тоска) [Tomkins 1962, 1963]. К. Изард в соответствии со своей шкалой дифференциальных эмоций (Differential Emotions Scale или DES-IV) разграничил двенадцать основных эмоций (discrete emotions): Interest (интерес-волнение), Joy (радость), Surprise (удивление), Sadness (горе-страдание; дистресс), Anger (гнев), Disgust (отвращение), Contempt (презрение), Fear (страх), Shame (стыд), Guilt (вина), Shyness (смущение) и Self-Hostility [Izard et al. 1993], [Boyle 1984], [Boyle et al. 2015]. Комплексные эмоции, такие как любовь, враждебность, тревожность и пр., возникают, по его мнению, при соединении базовых. Среди характеристик базовых эмоций К.Э. Изард называет [Изард 2012]: наличие специфических нервных субстратов; проявление посредством мимики и специфического, осознаваемого человеком переживания; эволюционно-биологическую природу и возникновение с целью адаптации человека. Таким образом, базовыми можно называть те эмоции,

которые «имеют глубокие филогенетические корни, т. е. имеются не только у человека, но и у животных. Остальные эмоции, присущие только человеку (стыд, вина), к ним не относятся» [Изард 2012, с. 137]. У. Дже(й)мс в статье «Что есть эмоция?» [James 1884] выделяет эмоции «удивления, любопытства, восторга, страха, гнева, похоти, жадности и т.д.», выдвигая в качестве критерия появление изменений в теле при ощущении определенной эмоции, и утверждает, что «изменения в теле происходят сразу вслед за восприятием возбуждающего факта, а затем наше переживание этих изменений и есть эмоция...Если бы не состояние тела, следующее за восприятием, последнее было бы чисто умозрительным по форме, блеклым, бесцветным, лишенным эмоционального тепла. Иными словами, нас не трясет от гнева и мы не плачем от грусти; точнее будет сказать, что мы осознаем, что гневаемся, потому что нас трясет, и нам грустно, потому что мы плачем. Джеймс предположил физиологический источник эмоций» (теория Джеймса-Ланге) [Млодинов 2012, с. 291-292]. Современный нео-джеймсовский подход говорит о том, что субъективное переживание эмоции происходит из объединения физиологической реакции, обстоятельств окружающей реальности (социального контекста) и картины мира реципиента [Wager 2005], [Wager et al. 2004]. При этом в связи с ограниченностью данных могут возникать «эмоциональные иллюзии» [Schachter, Singer 1962], [Haidt 2001], [Nisbett 1977a], которые часто обусловлены культурными нормами [Nisbett 1977b]: «если нас спрашивают, что мы чувствуем или будем чувствовать, мы склонны отвечать описаниями или предположениями, соответствующими некому набору стандартных причин, ожиданий и культурных и общественных объяснений, которые ассоциируются с данным переживанием» [Млодинов 2012, с.306]. Были обнаружены части мозга, отвечающие за некоторые эмоции: например, миндалевидное тело (миндалина, амигдала, амигдолярный комплекс) является центром страха, при появлении триггера оно запускает физиологическую реакцию испуга и соответствующую эмоцию [Barrett et al. 2009a]. Исходя из этой информации, ученые пришли к выводу, что подобные эмоции являются **врожденными**. Теория «базовых эмоций» основывается на том, что активация таких эмоций, как гнев, печаль или страх, происходит вследствие оценки

мозгом стимула или события с точки зрения целей воспринимающего или его выживания. В частности, она считает, что функционирование, выражение и значение разных базовых эмоций биологически различно. Таким образом, данный подход предполагает наличие функциональных маркеров (functional signature) эмоций, т.е. нам должно быть достаточно увидеть мозговую активность человека и/или его физиологию, для того, чтобы понять какую эмоцию он испытывает, при этом знание контекста ситуации не является необходимым [Ekman 1992]. Было выявлено, что глухие и слепые дети, пожилые люди и младенцы выражают базовые эмоции при помощи идентичных выражений лица. В то же время критики теории дифференциальных эмоций основываются на сложности нахождения соответствий между эмоциями и активностью мозга, изменчивостью мимики и поведения и градацией эмоциональных реакций [Colombetti 2009], [Barrett 2009b], [Gendron, Barrett 2009].

Конструкционистские теории (constructionist theories) базируются на том, что различные эмоции не обладают определенной локализацией в нервной системе или физиологическими маркерами (physiological signatures), и что контекст имеет центральное значение при ощущении эмоции [Barrett 2006]. По мнению «конструкционистов» эмоции, которые человек испытывает в ответ на стимул или событие, «конструируются» из более элементарных биологических или психологических составляющих: согласно гипотезе один из них это «базовый аффект» ("core affect") (характеризующийся, например, физиологической активностью), а второй – концептуальное знание (conceptual knowledge) (например, о семантическом смысле названия самой эмоции, такой как «гнев»). С данным мнением согласуются исследования К.Р. Шерера [Шерер 2001], который показал, что врожденные отличия между базовыми эмоциями значительнее, чем географические и социокультурные факторы, т.е. психобиологический фактор является превалирующим. Согласно теории Ю. Банн, люди передают свое понимание эмоций посредством используемого ими языка, которым они окружают ключевые наименования эмоций (emotion keywords). Он утверждает, что чем более четко выраженный (distinct) язык используется для описания определенной эмоции, тем более выражено

восприятие (в том числе проприорецепция) этой эмоции и тем более базовой она является. Таким образом было выявлено, что набор базовых эмоций П. Экмана (1972), наиболее часто используемый для классификации эмоций, является самым семантически обособленным (semantically distinct) [Bann, Bryson 2013]. В работе Э. Ортони и Т. Тёрнера [Ortony, Turner 1990a] была составлена сводная таблица теорий базовых эмоций, дополненная нами подходами Р. Лазаруса [Lazarus, Lazarus 1996], Э. Ортони [Ortony et al. 1990b], Д. Гоулмана [Goleman 1997] (Приложение 2).

Согласно этимологическим словарям первыми зафиксированными в английском языке эмоциями были «боязнь, гнев, самоуверенность, душевная боль, удовольствие», что некоторые лингвисты связывают со значимостью данных чувств для английского менталитета [Тарасова 2015], но такое предположение трудно проверить. По данным [Fontaine, Poortinga, Setiadi, Markam 2002] самыми прототипичными эмоциями в Индонезии являются счастье, любовь, радость, грусть и ненависть, а в Нидерландах - радость, грусть, гнев и ярость.

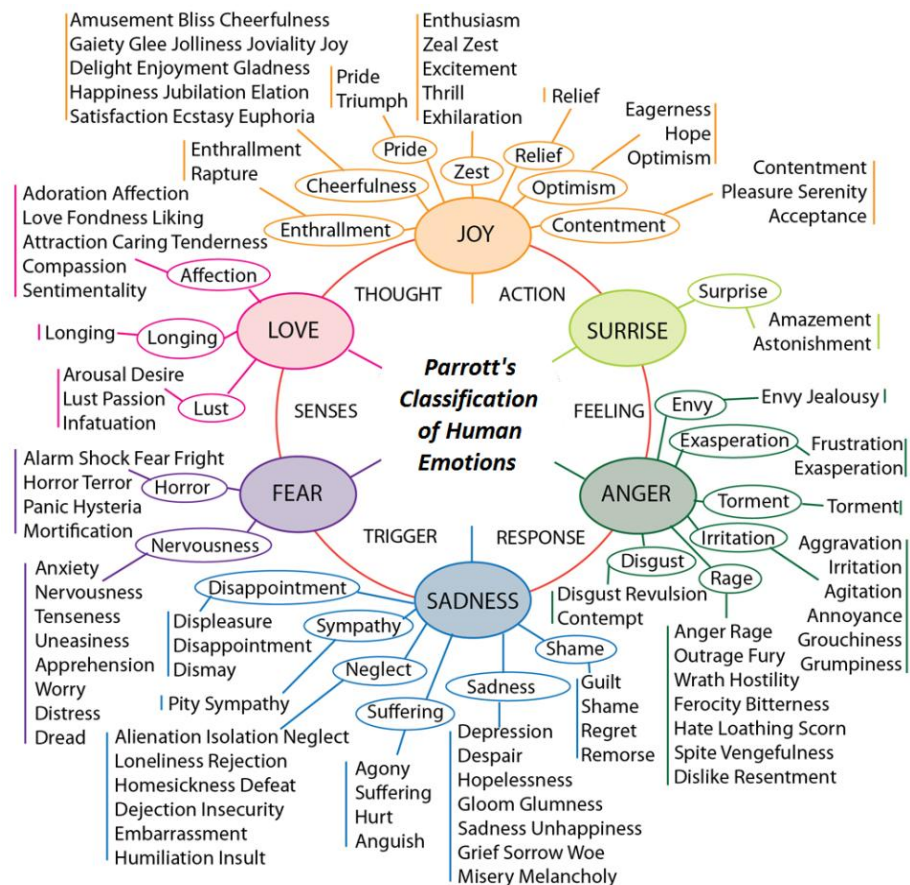

Рис.4. Классификация эмоций В. Паррота

В 2001 году В. Паррот приводит древовидную структуру эмоций, где содержатся первичные (primary), вторичные (secondary) и третичные (tertiary) эмоции [Parrott 2001], [Shaver et al. 1987]. Он выделяет шесть первичных эмоций: love (любовь), joy (радость), surprise (удивление), anger (гнев), sadness (печаль), fear, а всего в его модели присутствует свыше ста различных эмоций (рис.4).

По мнению Р.С. Немова к эмоциям относятся любовь, страсть, симпатия, интерес, апатия, депрессия, агрессивность/враждебность [Немов 2003]. А.Г. Маклаков в качестве эмоций выделяет радость, удивление, страх, стыд, презрение, отвращение, страдание, гнев [Маклаков 2001]. Рассматривая лексическое выражение эмоций в контексте разных культур, Н.А. Багдасарова [Багдасарова 2004, 2005, 2006] в качестве базовых выделяет следующие эмоции: интерес/волнение, радость, удивление, горе/страдание, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. Классификация В.П. Симонова основана на характере действия: преодоление, защита, нападение [Симонов 1981]. В зависимости от потребностей человека С.Л. Рубинштейн выделяет: 1) органическую (аффективно-эмоциональную) чувствительность, 2) предметные чувства, 3) обобщенные мировоззренческие чувства [Рубинштейн 2002]. В.К. Вилюнас подразделяет эмоции на ведущие (указывают на неудовлетворение потребности) и ситуативные (отражают оценку поведения), последние в свою очередь делятся на 1) констатируемый успех-неуспех, 2) предвосхищающий успех-неуспех, 3) обобщенный успех-неуспех [Вилюнас 1990]. На материале русской литературной сказки было выделено пять групп основных эмоций: 1) «испытывать/проявлять/доставлять чувство радости» (включает номинативы: радость, восторг, веселье, ликование), 2) «испытывать/проявлять чувство сострадания» (включает номинативы: жалость, сострадание, сочувствие), 3) «испытывать/проявлять состояние тревоги/беспокойства/душевного смятения» (включает номинативы: страх, ужас, опасение, испуг, тревога), 4) «испытывать/проявлять чувство привязанности к кому/чему-либо» (включает чувство привязанности к персонажу противоположного пола, родственное чувство привязанности к персонажу, чувство привязанности к объектам природного мира, чувство

привязанности к вещам), 5) «испытывать/проявлять состояние удивления» (включает номинативы: удивление, изумление) [Кольцова, Токмакова 2015]. По мнению Ф. Инглиш чувства можно подразделить на 1) аутентичные чувства, которых всего четыре: страх, гнев/злость, радость и печаль, и 2) чувства рэкета, которые скрывают аутентичные чувства, такие как беспомощность, смущение, вина, депрессия и многие другие [English 1997]. Были обозначены параметры разграничения эмоций [Зуева 2006]: 1) интеллектуальная оценка (по данному параметру выделяют сложные (чувства) и простые эмоции); 2) «знак» эмоции (подразделяют на положительные/стенические и отрицательные/астенические эмоции); 3) направленность (эмоции могут быть направлены на себя и тогда это личные эмоции, или на окружающих – неличные эмоции); 4) влияние на деятельность (активные эмоции активизируют деятельность, пассивные тормозят деятельность); 5) интенсивность (эмоции могут быть высокой или низкой степени интенсивности).

В лингвистике рассматривают концептуальные поля эмоций, например, для эмоции гнева оно выглядит следующим образом: rage – outrage – fury – hysteria – wrath – hate – anger – indignation – heat – malice – spite – irritation – irritability – exasperation – outbreak – explosion – virulence – resentment – gall – grudge – pique – annoyance – displeasure [Тронева 2009]; для восторга: delight – pleasure – happiness – amusement – satisfaction – comfort – pride – love – great respect – peace of mind – curiosity – a happy adventure – charm – intrigue [Енева, Пономарева 2015], для привязанности: привязанность – любовь – влечение – увлечение – влюбленность – склонность – страсть – пристрастие – тяготение – мания – симпатия – благоволение – благорасположение – благосклонность – доброжелательство – амур [Любова 2015].

В психологии и философии часто разграничивают такие понятия, как эмоции, аффекты, ощущения и чувства (например, К. Юнг, И. Кант, Б. Спиноза, Г.В.Ф. Гегель и др.). Эмоции отличаются от рефлексов наличием когнитивной оценки (например, удивление (surprise) vs. вздрагивание от испуга (startle)); эмоции отличаются от настроений и личностных черт непродолжительностью и обусловленностью конкретными факторами (например, раздраженный (irritated) vs. сварливый (gumpy)); эмоции отличаются от ощущений меньшей степенью

телесности (например, гнев, печаль, счастье, страх vs. голод, сонливость, боль, жажда). Более того, в любой группе родственных эмоций можно выделить степень интенсивности (например, раздражение, гнев, ярость или *annoyance*, *irritation*, *anger*, *rage*, *fury*), можно определить «простые» эмоции (“simple” emotions) и комбинации эмоций (например, печаль или гнев vs. ностальгия, чувство "любви-ненависти" и т.д.) и количество обязательных участников ситуации (например, «мне грустно» (‘I am sad’), «я тебя люблю» (‘I love you’), «я ревную из-за того, что ты с ним флиртуешь» (‘I am jealous of your flirting with him’) [Boster 2005].

В целом можно выделить четыре подхода в науке к разграничению понятий эмоций и чувств: 1) А.Н. Леонтьев [Леонтьев 1971] предложил наиболее четкое разграничение данных понятий: эмоция, в его понимании, имеет ситуативный характер, в то время как чувство носит объектный («предметный») характер и является устойчивым отношением; 2) эмоции рассматривают как разновидность чувств (наравне с аффектами, настроениями, страстями) (Р.С. Немов, Г.О. Фортунатов); 3) чувства рассматриваются как разновидность эмоций (В.М. Смирнов, А.И. Трохачев, Л.В. Благонадежина, П.В. Симонов); 4) отождествление данных понятий (В. Вундт, Г. Шварц, Е. Иванов) (что согласуется с последними исследованиями психики (Л.М. Веккер, Ф.Е. Василюк, Н. Брансомбе, А. Дамазио и др.), где психика рассматривается с точки зрения единства, и, соответственно, эмоции не отделяют от других психических процессов). Для лингвистической традиции наиболее близок четвертый подход, т.е. характерно отсутствие четкой дифференциации между ними и использование термина «эмоции» в качестве собирательного понятия [Костоусова 2013], [Седых 2012]. Хотя единичные попытки разделить эмоции и чувства были предприняты и в языкознании. Так, например, В.Ю. Апресян, рассматривая эмоции «в традиционном, биологическом и психологическом смысле...как непосредственные реакции на некие стимулы» отделяет их от чувств-отношений, таких как уважение, любовь, ненависть и т.д. [Апресян 2011а, с.25]. Эта работа выполнена в русле интегрального подхода к описанию языка [Апресян 1995]. Наряду с использованием ставших классическими подходов к описанию эмоций в языке

– прототипического подхода Л. Иорданской и А. Вежбицкой [Иорданская 1971, 1984]; [Wierzbicka 1990, 1991, 1992, 1999], принятого и развитого Московской семантической школой [Апресян 1995; Апресян и др. 2004], а также метафорического подхода Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980] и З. Кевечеса [Kövesces 1990, 2000], положивших начало когнитивистской школе, данная работа предлагает нечто новое. А именно, было выделено одиннадцать кластеров эмоций: «страх», «гнев», «отвращение», «грусть», «радость», «стыд», «гордость», «жалость», «обида», «ревность/зависть», «благодарность» [Апресян 2011a, 2011b], причем в основе каждого кластера выявлен единый прототипический сценарий, объединяющий различные части речи, описывающие разные типы и оттенки эмоций, а также аспекты их проявления и протекания. При этом В.Ю. Апресян подчеркивает, что «типологически ценным может оказаться изучение не только концептуальных различий, но и сходств между языками» [Апресян 2011a, с.21], которые обусловлены биологическими, концептуальными и культурными причинами. Наряду с параллелями между нейробиологическими процессами возникновения эмоций и их выражением в языке, в работе описана асимметрия между процессами в мозгу и их языковой концептуализацией, связанная с селективностью внимания и невозможностью осознать все мозговые процессы: «категоризация и обобщение, проводимые нашим сознанием и языком, являются только интерпретацией, а не отражением того, что реально имеет место» [Апресян 2011a, с.34].

Помимо теории дифференциальных эмоций существуют пространственные модели эмоций (dimensional models of emotion), что определяется как теоретическими, так и практическими причинами. В. Вундт, основатель современной психологии, в 1897 году предположил, что эмоции могут быть описаны посредством трех осей (dimensions): «удовольствие/неудовольствие» ("pleasurable or unpleasurable"), «возбуждение/торможение» ("arousing or subduing"), «напряжение/покой» ("strain or relaxation") [Wundt 1897]. В 1954 году Г. Шлоссберг обозначил три шкалы эмоций как «удовольствие/неудовольствие» ("pleasantness–unpleasantness"), «принятие/отталкивание» ("attention–rejection"),

«сон/напряжение» (или уровень активизации) ("level of activation") [Schlosberg 1954]. Пространственные модели эмоций (dimensional models of emotion) пытаются концептуализировать человеческие эмоции, определяя, как они расположены в двух- и трехмерном пространстве. Такой подход предполагает, что взаимосвязанная (common and interconnected) нейрофизиологическая система отвечает за все аффективные состояния, в отличие от теорий базовых эмоций, которые считают, что различные эмоции возникают в разных нейронных системах [Posner, Russell, Peterson 2005], [Rubin 2009].

Одним из примеров пространственной модели является круговая модель (Circumplex model) эмоций, разработанная Дж. Расселлом [Russell 1980] и предполагающая, что эмоции распределены в двумерном круговом пространстве, где вертикальная ось представлена активностью центральной нервной системы (возбуждением – arousal), а горизонтальная ось – валентностью (valence), при этом центр круга репрезентирует нейтральную валентность и средний уровень активности центральной нервной системы (рис.5) [Rubin, Talerico 2009], [Remington et al. 2000], [Russell 1980], [Russell et al. 1999a], [Russell, Carroll 1999b]. Подобная круговая структура была обнаружена на материале английского, японского, китайского, хорватского и гуджаратского языков.

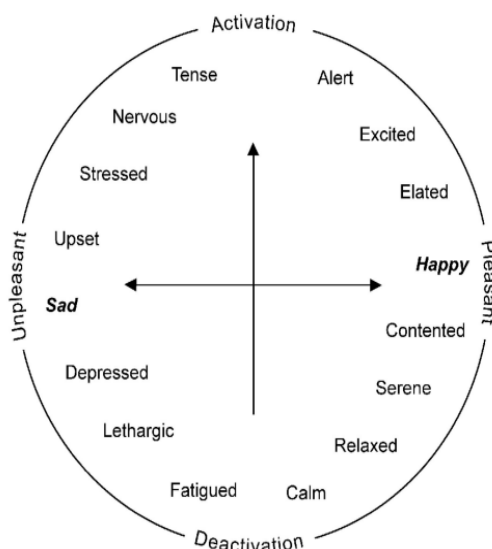

Рис.5. Круговая модель валентности-возбуждения

Ч. Осгуд обнаружил три базисные шкалы («оценка», «сила», «активность»), схожие с осями в модели Дж. Рассела. Данный результат был

получен при анализе реакций респондентов на семантический дифференциал без привязки к эмоциональной сфере, что показало, что подобные размерности коннотативного и аффективного смысла широко применяются в целом ряде областей, независимо от характера основного домена. Другими словами, выделение данных осей/размерностей не может многого сказать именно об эмоциях, т.к. очень многие домены могут быть размещены в этом коннотативном пространстве [Boster 2005].

Далее модель была модифицирована и представляла базовые аффекты (core affect) или элементарные чувства (the most elementary feelings), не имеющие определенного направления [Russell et al. 1999a], [Russell 2003].

К пространственным моделям относится и векторная модель эмоций (vector model of emotion) [Bradley et al. 1992], которая является двумерной моделью, состоящей из двух векторов и представленной в форме «бумеранга». Согласно этой модели валентность (valence) определяет, где на графике будет располагаться эмоция: состояния повышенной активности (возбуждения) нервной системы (high arousal states) различаются по валентности (valence), в то время как состояния пониженной активности (возбуждения) (low arousal states) являются более нейтральными и расположены ближе к оси графика [Rubin, Talerico 2009], [Remington et al. 2000].

Модель положительной-отрицательной активации (Positive activation – negative activation (PANA) model) или «согласованная» модель эмоций ("consensual" model of emotion) [Watson, Tellegan 1985] предполагает, что положительные и отрицательные аффекты составляют две отдельные системы. Как и в векторной модели, состояния повышенной активности (возбуждения) нервной системы (high arousal), как правило, определены валентностью (valence), а состояния пониженной активности (возбуждения) (low arousal) являются с точки зрения валентности более нейтральными [Rubin, Talerico 2009]. Одна ось модели представляет положительные аффекты (от слабо выраженного к сильно выраженному), вторая – отрицательные аффекты (от слабо выраженного к сильно выраженному); размерности валентности (valence) и активности (возбуждения) нервной системы (arousal) располагаются при повороте на 45 градусов от осей [Watson, Tellegan 1985], [Watson et al. 1999].

Колесо эмоций Р. Плутчика представляет трехмерную модель, объединяющую категории базовых эмоций и пространственные теории. Эмоции в ней представлены в концентрических кругах, где внутренние круги содержат более базовые (more basic) эмоции, а внешние круги – более сложные, составные (more complex) эмоции; стоит отметить, что внешние круги также формируются путем смешивания (blending) эмоций внутреннего круга (рис.6) [Plutchik 2001]. Базовые эмоции выделены попарно: гнев – страх; ожидание – удивление; радость – уныние; одобрение – отвращение [Ильин 2001].

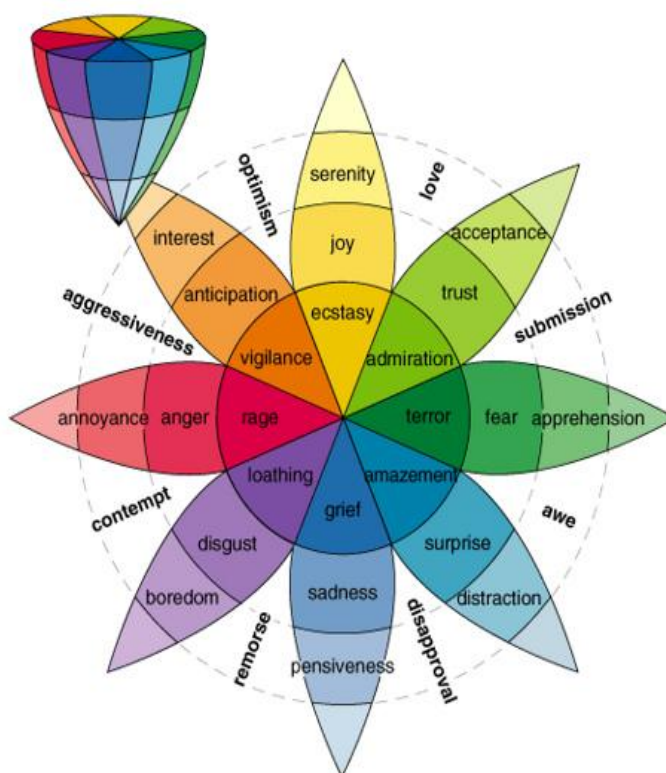

Рис.6. Колесо эмоций Р. Плутчика

Модель эмоционального состояния «удовольствие-активация/возбуждение-доминирование» (Pleasure-Arousal-Dominance (PAD) Emotional State Model) является физиологической моделью описания и измерения эмоциональных состояний, использующей для представления всех эмоций три числовых размерности (numerical dimensions), такие как Pleasure (удовольствие), Arousal (активация/возбуждение) и Dominance (доминирование) [Mehrabian 1980], [Bales 2001]. Шкала «удовольствие-неудовольствие» (Pleasure-Displeasure Scale) измеряет, насколько приятной является эмоция: например, гневу (anger) и страху (fear) приписан высокий балл по шкале

неудовольствия, в то время как радость (joy) располагается на шкале удовольствия. Шкала «активация-деактивация» (Arousal – Non arousal Scale) измеряет интенсивность эмоции: например, хотя и гнев (anger) и ярость (rage) располагаются на шкале неудовольствия и имеют схожую природу, ярость (rage) является более интенсивной эмоцией и обладает более высокой активацией (возбуждением) нервной системы (higher arousal state), в то время как скука (boredom), также расположенная на шкале неудовольствия, обладает низким значением активации (возбуждения) нервной системы (low arousal state). Шкала «доминирование-ведомость» (Dominance – Submissiveness Scale) представляют контролируемую и доминирующую природу эмоций: например, хотя гнев (anger) и страх (fear) расположены на шкале неудовольствия, гнев (anger) является доминирующей эмоцией (dominant emotion), в то время как страх (fear) выступает как ведомая эмоция (submissive emotion) [Mehrabian 1980].

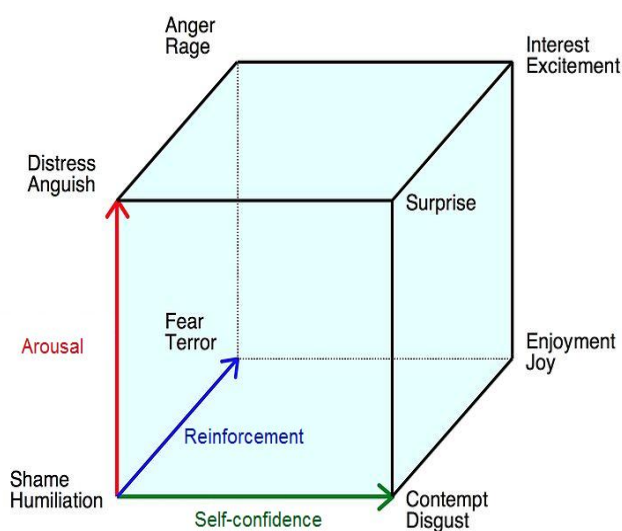

Рис.7. Куб эмоций Х. Лёвхайм

В 2011 году Х. Лёвхайм предположил наличие прямой связи между комбинациями уровней сигнальных химических веществ – допамина, норадреналина и серотонина – и базовыми эмоциями. В его трехмерной модели, кубе эмоций Х. Лёвхайм, сигнальные химические вещества формируют оси системы координат, а базовые эмоции расположены в углах куба (рис.7). Например, гнев (anger), согласно модели, возникает из-за комбинации низкого уровня серотонина, высокого уровня допамина и высокого уровня

норадреналина. При этом автор подчеркивал, что ни серотонин, ни допамин не соответствуют рассматриваемым ранее валентностям «удовольствия» [Lövhheim 2011].

Хотя Я.Л. Коломинский отмечает, что «язык эмоций – это универсальные, сходные для всех людей наборы экспрессивных знаков, выражающих те или иные эмоциональные состояния» [Коломинский 1986, с.193], все больше этнографических и кросс-культурных исследований показывают, что эмоции отличаются в зависимости от культуры, поэтому многие кросс-культурные психологи и антропологи оспаривают возможность создания универсальной классификации эмоций: «Мир эмоций подчеркивает огромные различия между людьми. На вопрос, как мы классифицируем и называем эмоции, выражаем и чувствуем их, каждый человек в той или иной культуре ответит по-разному...сравнительно небольшой, набор эмоций универсален во всех человеческих культурах и обеспечивает сходство людей во всех эмоциональных аспектах...культура влияет на нас, формируя наш эмоциональный мир, и приводит к сходству и различию в переживаниях» [Мацумото 2003, с.265]. Так, например были выявлены культурные различия в выражении эмоций среди этнических групп в США, что может быть связано с различием в эмоциональной социализации, т.е. культурном научении [Мацумото 2003]. Более того, даже при распознавании базовых эмоций не было выявлено полной кросс-культурной идентичности, частота распознавания составляла 64%-99% (различия в эмоциональной экспрессии рассматривались в [Klineberg 1954], [Birdwhistell 1970]). Были показаны различия в правилах проявления эмоций: например, для восточных европейцев менее естественно выражать отрицательные эмоции в своей группе, чем для американцев (см. подробнее в [Берри, Пуртинга, Сигалл, Дасен 2007]). Культурные различия наблюдаются в способе оценки, выражения и регуляции эмоций. Помимо этого коренным образом отличаются социальные нормы выражения эмоций, такие как частота выражения и обстоятельства, в которых приемлемо их применять [Mesquita, Nico 1992], [Russell 1991], [Eid, Diener 2001]. Среди основных возможных причин подобных несоответствий называют социопсихологические и социокультурные: например, Д. Мацумото, разграничив культуры в

соответствии с параметрами Хофстеде, обнаружил положительную корреляцию между индивидуализмом и интенсивностью гнева и страха. К.Р. Шерер, используя аналогичный подход, показал, что в индивидуалистических культурах стыд переживается дольше по времени, считается более аморальным, это переживание реже сопровождается улыбками, чем в коллективистских культурах. Сопоставив исследования эмоций с валовым национальным продуктом, исследователи обнаружили, что чем беднее страна, тем дольше и интенсивнее переживание эмоций у ее жителей [Мацумото 2003]. Некоторые исследователи, считающие, что эмоции являются не биологическими данностями, а социальными моделями, рассматривают их в качестве временной социальной роли, подчиняющейся определенным правилам в соответствии с нормами социального поведения (см. [Берри, Пуртинга, Сигалл, Дасен 2007]). Д. Мацумото, проведя обзор причин подобной вариативности восприятия эмоций, выделяет пять главных: 1) семантическая общность семантических категорий и психических концептов, 2) общие компоненты мимики, 3) когнитивная общность переживаний и событий, их вызвавших, 4) социальное познание, 5) культура [Мацумото 2003].

Основным доказательством против универсальности эмоций выступает язык; языковые различия напрямую коррелируют с различиями в классификации эмоций (emotion taxonomy): язык «не только номинирует, выражает и описывает эмоции, но и формирует эмоциональную картину мира людей, представляющую собой часть той или иной культуры» [Кольцова, Токмакова 2015, с.8]. Во-первых, языки различаются тем, на основании каких компонентов они классифицируют эмоции: некоторые проводят категоризацию по типам событий (event types), в то время как другие – на основании готовности к действию (action readiness) [Mesquita, Nico 1992]. Более того, эмоции по-разному имплицированы в языках: далеко не для всех эмоций можно обнаружить эквиваленты в языках [Wierzbicka 1986], что отражает различное разграничение эмоциональных состояний, например, такие эмоции, как *schadenfreude* (немецкий) и *saudade* (португальский) не имеют эквивалентов в английском языке и обычно передаются на языке оригинала, такими же словами выступают японские *itoshii* (страстное влечение к отсутствующему

любимому) и *ijirashii* (чувство, что мы видим достойного похвалы человека, который преодолевает препятствия), а также эмоция *rorokl* в одном из языков Новой Гвинеи (возмущение по поводу неспособности других распознать претензии говорящего). С другой стороны, в некоторых африканских языках существует одно слово для гнева и печали (таково слово *song* в языке народности ифалук), в других объединяют стыд и страх (например, слово *gurakadj* в языке австралийских аборигенов) или сострадание, любовь и грусть (эмоция *fago* 'compassion/love/sadness' в языке ифалук). В языке Самоа слово *alofa* 'compassion, empathy, pity, love' в первую очередь отражает не внутреннее чувство субъекта, а социальные взаимоотношения и культурные нормы [Gerber 1985], также слово *pikaringanyi* 'anger' в языке аборигенов Западной Пустыни в Австралии содержит не только эмоциональный компонент гнева, но и готовность к физическому действию, вызванному данной эмоцией [Goddard 1991]. Африканское понятие *semteende* (стыд/замешательство) относится скорее к ситуации, чем к чувству, в языке ифалук эмоции рассматриваются, как происходящие скорее среди людей, чем внутри них [Lutz 1987], в языке шуар нет разграничения между мыслями и чувствами, они определяются единым словом *anentaimia* [Boster 2005]. В русском и английском языках эмоции рассматриваются как локализованные в сердце, в то время как в японском они в основном ассоциируются с *hara* (внутренностями/животом), в некоторых языках Малайзии – с печенью, в языке ифалук слово *niferash* описывает как внутренние органы, так и эго человека, не разделяя физиологическое и психическое [Mathews 1992], что подчеркивает 'cultural specificity and situatedness of emotion' (Jenkins, цит. по [Клобуков 1998, с.120]: «То, что различные культуры помещают эмоции в различные места в теле человека или вне его, говорит нам о том, что эмоции понимаются по-разному и для разных людей означают не одинаковые понятия. Помещение эмоций в сердце имеет большое значение в американской культуре, поскольку говорит о большом значении чувств как о чем-то уникальном самом по себе, чего нет ни у кого другого. Идентифицируя эмоцию с сердцем, американцы тем самым сравнивают ее с самым важным биологическим органом, необходимым для выживания. Тот факт, что другие культуры идентифицируют и помещают

эмоции за пределами тела, например, относят их к социальным взаимоотношениям с другими, говорит о большом значении взаимоотношений в этих культурах, в отличие от значимости индивидуализма американской культуры... Концепции эмоции не только культурно обусловлены, но это также способы, при помощи которых каждая культура пытается обозначить и назвать свой эмоциональный мир» [Мацумото 2003, с.302-303]. Помимо этого, языки различаются знаковыми эмотивными кодами [Волек 1995], которые состоят из «вербализованных эмотивных знаков, представляющих разноуровневые языковые единицы от фонемы до текста» [Илинская 2006, с.99]. Согласно А.К. Кляйнбергу культурная специфика выражения эмоций обусловлена различиями в социальных функциях эмоций, при этом можно выделить эгоцентрические эмоции (печаль, страх и т.д.) и эмоции взаимодействия с окружающими (гнев, презрение, интерес и т.д.), последние из которых оказываются более подверженными влиянию культуры [Кляйнберг 1948].

Этнографы ставят под сомнение саму категорию эмоций в связи с отсутствием в некоторых культурах отдельного слова для определения данной реалии (например, это понятие отсутствует у таитян и народности ифалуков в Микронезии) [Russell 1980], некоторые связывают это с гипознанием, т.е. с недостаточной степенью распознавания эмоций, что приводит к лакунам в языке (в противовес гиперузнаванию, т.е. подробной дифференциации) [Берри, Пуртинга, Сигалл, Дасен 2007].

Среди методов изучения сходств и различий категоризации эмоций в различных языках выделяют метод перевода ('translation method') и метод картографирования/картирования ('mapping method') [Boster 2005]. В первом случае исследователи рассматривают эквиваленты имен эмоций в различных языках, выясняя у носителей языка, насколько схожи значения рассматриваемых терминов, и оценивая степень их семантической близости. В рамках второго подхода исследование происходит путем предъявления носителям языка стимулов, на которых участникам необходимо идентифицировать представленные эмоции, при этом оценивается степень сходства восприятия стимулов в различных языках. В первом методе перевод выступает в качестве предварительного условия анализа, в то время как во

втором он является скорее результатом проведенной работы. Некоторые этнографы (например, Дж. Бриггс, Р. Леви, М. Росальдо, К. Лутц) выделяют в качестве третьего метода метод эмпатии ('the method of empathy'), который, по мнению Дж. Бостера [Boster 2005], имеет много общего с методом перевода, т.к. на первом этапе при выборе категории исследователь опирается на свой родной язык.

При методе перевода анализ фокусируется на семантических отношениях между набором терминов эмоций. Данный подход применялся, к примеру, К. Хайдером [Heider 1991] для сравнения синонимов. Он предъявлял мультилингвам, говорящим на трех языках (индонезийском, яванском и минангкабау), набор имен эмоций и просил их перечислить синонимы на своем языке, а также переводные эквиваленты на известных им языках. Его исследование показало, что имена эмоций в различных языках не являются полными эквивалентами, при этом в кластерах эмоций выделились прототипические категории. В целом был сделан вывод, что семантические системы двух языков не сливаются в сознании билингвов.

В рамках подхода картирования обычно составляют матрицы данных (mapping matrix), которые можно сопоставлять в различных языках, находить корреляции между ними, чтобы понять, насколько похожи распределения имен эмоций в разных культурах. В качестве стимулов могут предъявляться изображения выражений лица (facial expressions) (которые некоторые предпочитают называть лицевыми жестами (a facial gesture), т.к. актер на фотографии не выражает эмоцию (expressing), а только принимает позу (posing)). Этот метод отличается от программы выражений лица (Facial Expression Program) универсалистов (например, П. Экмана, К. Изарда, С. Томкинса) в двух аспектах: во-первых, информанты могут свободно выбирать описание выражаемой актером на фотографии эмоции без обязательного условия выбирать только из ограниченного, заранее определенного набора вариантов. Во-вторых, анализ фокусируется на отображении всего многообразия терминов (mapping of a whole field of terms). При сопоставлении данных различных языков была выявлена как сильная общность, так и важные культурные отличия, т.к. результаты отразили

примерно половину уникальных для каждого языка характеристик и половину разделяемых всеми языками свойств (исследование было проведено на материале английского, испанского, польского, итальянского языков, а также языка шуар [Boster 2005]). Полученная структура диаграммы ('карты') дескрипторов (или ключевых слов) эмоций сопоставима с круговой моделью Дж. Рассела, но все эмоции в ней повернуты на 30° по часовой стрелке по сравнению с данными Дж. Рассела. При сопоставлении полученных для разных языков диаграмм возможно нахождение межъязыковых эквивалентов, но необходимо помнить, что это будет перевод в силу общих характеристик, а не общего значения; нет гарантии, что термины, оказавшиеся ближе всего друг к другу в связи с их схожим описанием лиц, будут иметь аналогичное значение или будут упомянуты в словарях как переводные эквиваленты.

Дж. Бостер [Boster 2005] предлагает подход рассмотрения кросс-культурных сценариев в качестве инструмента сравнения категорий эмоций. Первым шагом данного подхода (пилотный проект был проведен с носителями языка ваорани) было предъявление изображений выражений лиц носителям языка и определение наиболее часто используемых эмоциональных дескрипторов (ключевых слов для обозначения эмоций), после чего относительно каждого дескриптора задавались вопросы "Что заставляет вас чувствовать_____?", после этого образовавшиеся сценарии предъявляли носителям американского варианта английского языка. Учитывая, что данный метод опирается на точку зрения носителей языка, он позволяет получить понимание как основной тенденции значения эмоциональных терминов, так и вариации в понимании данных терминов, независимо от суждений этнографов. С другой стороны, недостатком использования выражений лиц является упоминание только наиболее общих эмоций и игнорирование специфичных эмоциональных терминов. При сопоставлении результатов языка ваорани и американского варианта английского языка было показано, что человеческие реакции на события практически повсеместно являются комплексными образованиями. Так, американцы также при потере любимого помимо горя чувствуют гнев и страх, но они менее склонны признавать это, чем народ ваорани. Тем не менее, многие различия могут объясняться разницей в оценке

сценариев у американских информантов и информантов ваорани, и разницей в значении терминов эмоционального лексикона, которым пользуются две рассматриваемые группы.

Нам кажется наиболее соответствующим действительности утверждение, что «эмоции универсальны, а структура эмотивной лексики не совпадает в разных языках, имея национальную специфику. В связи с этим, выделяются универсальные и национально-культурные эмотивные смыслы в семантике языковых знаков. В практическом сознании носителей языка сформирован «образ» базовых эмоций, принятый в данном лингвокультурном сообществе, при этом каждый индивид имеет собственный вариант данного образа» [Седых 2012, с.113], т.е. биологическая основа у эмоций универсальна в независимости от культуры при специфической вербализации в языке (нейрокультурная теория эмоций). Оптимальным выглядит подход, расположенный на пересечении оценочных теорий (appraisal theories) (например, [Smith, Ellsworth 1985], [Lazarus 1991]) и эволюционных теорий эмоций (evolutionary theories of emotion) (например, [Plutchik 1980], [Frank 1988], [Nesse 1990], [Cosmides, Tooby 2000]), что отражает общее стремление в психологии к объединению психодинамических и эволюционных подходов. Объединяя данные теории, Т. Джонстон и К. Шерер определяют эмоцию как филогенетически эволюционировавший, адаптивный механизм, облегчающий попытки организма справиться с важными событиями, влияющими на его благополучие (ср., “a phylogenetically evolved, adaptive mechanism that facilitates an organism’s attempt to cope with important events affecting its well-being” [Johnstone, Scherer 2000, p. 220]). Данное определение при интерпретации может включать как биологически универсальные аспекты (например, физиологию и квалиа), так и культурно уникальные конструкторы (например, когнитивные оценки и лингвистические категории эмоций). Более того, данное определение подчеркивает функцию эмоций, состоящую в обслуживании интересов организма: они помогают организму адекватно и адаптивно реагировать на проблемы и возможности, связанные с событиями в окружающем мире.

В.Ю.Апресян отмечает, что «из-за растущего взаимодействия разных культур, взаимопроникновения идей и понятий может происходить размывание

четких границ этнокультурных и этнолингвистических противопоставлений... На примере эмоций видно, что при всем типологическом и культурном несходстве между языками существуют определенные общие тенденции, носящие отчасти биологический, отчасти концептуальный и культурный, отчасти чисто языковой, семантический характер» [Апресян 2011а, с.21]. Подобная точка зрения близка компонентному подходу, разработанному в рамках когнитивной традиции и рассматривающему эмоции как сложные образования, состоящие из многочисленных эмоциональных компонентов, таких как: antecedentes события, оценка, субъективные чувства, паттерны физиологических реакций, готовность к действию, поведенческое выражение и регулирование. Эмоции воспринимаются как многоаспектный процесс, одни аспекты которого могут различаться в культурах, а другие быть общими: так, например, antecedentes события в различных культурах довольно схожи (кросс-культурное сходство было выявлено при исследовании паттернов плача и antecedentes причин плача [Becht, Poortinga, Vingerhoets 2001]), в то время как паттерн оценки отразил существенные различия между странами [Mesquita, Frijda, Scherer 1997], к примеру, «Главные различия между США, Европой и Японией состояли в относительной значимости установленных ситуаций. Было обнаружено, что американские респонденты продемонстрировали более высокую, а японские респонденты более низкую эмоциональную реактивность, чем европейцы. Более низкая интенсивность страха в Японии должна происходить из-за того, что боязнь преступлений, которая, как представляется, ведет к весьма высокой интенсивности страха, здесь проявляется меньше и что там все еще, может быть, больше проявляется ощущение того, что ты находишься в безопасности в сети социальной поддержки. Трудно понять, почему американские респонденты повсеместно проявляют более высокую интенсивность эмоций, особенно радости и гнева. Эти результаты можно приписать или более высокой эмоциональности или эмоциональной отзывчивости американских респондентов» (К.Р. Шерер, цит. по [Берри, Пуртинга, Сигалл, Дасен 2007, с.212-213]). Было проведено исследование, рассматривающее различия между эмоциями, различия между странами, а также взаимосвязь между странами и

эмоциями [Scherer, Walibott 1994], в результате которого наиболее существенные различия были выявлены между эмоциями, различия между странами были намного меньше, а взаимосвязь стран и эмоций практически не наблюдалась, что рассматривалось авторами «как поддержка теорий, которые постулируют как высокую степень универсальности образования паттернов различных эмоций, а также важных культурных различий при проявлении, регулировании, символическом представлении и социальном обобщении эмоций» (цит. по [Берри, Пуртинга, Сигалл, Дасен 2007, с.214]).

В целом можно согласиться со словами В.И. Шаховского, что «каждый человек знает, что такое эмоция, но вряд ли сможет когда-нибудь объяснить, что это слово обозначает» из-за «расплывчатости концепта» [Шаховский 1987, с.29] (ср. гипотезу семантической атрибуции, гласящую, что узнавание эмоций намного легче, чем их название). Сам исследователь дал следующее определение: «Эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводят) в сознании человека его эмоциональные отношения к миру. Эти эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому в определенной степени типизированными» [Шаховский 1987, с. 88]. По мнению И.А. Трошиной: «Сфера эмоциональных переживаний человека – одна из важнейших составляющих его внутреннего ядра, которая формирует опосредованную реальность, т.е. то, что человек может выразить через язык, иными словами, языковую картину мира, поэтому эмоции могут быть более или менее адекватно выражены языком и тем самым включены в коммуникацию» [Трошина 1995, с. 60-61]. Лингвистический подход к описанию эмоций состоит в том, что «субъект действительности (человек) взаимодействует с окружающим миром и, соответственно, отражает его часть (значимое с точки зрения субъекта) в своей речевой практике. Сам процесс отражения эмоций регулирует эмоции, которые являются посредниками отражения мира в языке, поскольку демонстрируют значительность объектов мира для говорящего и слушающего» [Кольцова, Токмакова 2015, с.12]. Первые исследования эмотивных компонентов в лингвистике были связаны с эмотивной семантикой слов, где под эмотивностью слова понимают «его семантическую способность

репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального выражения определенных эмоциональных отношений субъектов» [Кольцова, Токмакова 2015, с.13]. Само понятие «эмотивности» В.И. Шаховский определяет как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский 1987, с.3], «методологический аспект категории эмотивности заключается в том, что она может служить ключом к анализу внутренней формы слова (языка)» [Россия лингвистическая 2012, с. 52].

В последнее время в лингвистике выделяют новое направление, в рамках которого исследуется взаимосвязь эмоций и языка – лингвистика эмоций, когнитивная теория эмоций или эмотиология (эмоциология [Филимонова 2001]), которым занимаются И.В. Арнольд, Э.С. Азнаурова, В. И. Шаховский (и ученые волгоградской лингвистической школы), а также Е.М. Галкина-Федорук, А. Вежбицкая, З.Е. Фомина, Е.В. Лукашевич, Н.А. Лукьянова, В.И. Жельвис, Л.Г. Бабенко, Ю.А. Сорокин и др. [Шаховский 2008], [Язык и эмоции: сборник научных трудов 1995]. Важность этой дисциплины была признана на IV Международном конгрессе лингвистов, где она вошла в список пяти самых приоритетных направлений современной лингвистики [Danes 1987], что не удивительно, учитывая слова Ш. Балли о том, что в языке всё связано с эмоциями (ср., “In a language everything is emotional”) (цит. по [Lyons 1975, p.4]). Объектом изучения данной науки «о вербализации, выражении коммуникации эмоций» [Шаховский 1995, с.50] выступает «языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности» [Нашхоева 2011, с.96]. В. И. Шаховский считает, что «эмоциональное отражение действительности в языке происходит через эмоциональный вид познания, при котором субъект отражает мир и его предметы в форме эмоциональных образов» [Шаховский 2010, с.47]. «Одной из важных сфер приложения данных, добытых эмотиологией, стала лингвокультурология, в которой используются положения об универсальности эмоций, их интегральном характере и национально-культурной специфике выражения субъективной сферы homo loquens средствами разных языков»

(А. Вежбицкая, цит. по [Тарасова 2015, с.39]). Эмоции в различных языках рассматривали Н.А. Красавский [Красавский 1992], В.М. Круглов [Круглов 1996], П.Е. Клобуков [Клобуков 1998], Л.А. Калимуллина [Калимуллина 2006], С.Ю. Перфильева [Перфильева 2001], Мун Чун Ок [Мун Чун Ок 2004] и др. А. Бине считал, что при порождении мысли эмоциональный образ предвосхищает словесную организацию (здесь важно вспомнить, что эмотивная функция языка выделяется как одна из базовых, наравне с коммуникативной, когнитивной и метаязыковой). По мнению Н.Ф. Алефиренко, важность эмоций подчеркивается биологическими предпосылками, например, тем фактом, что общение матери и ребенка начинается еще в перинатальный период посредством эмоций, когда ребенок воспринимает эмоциональное состояние матери. З.Е. Фомина отмечает, что эмоции, являясь отражением психологической реакции человека на явления окружающего мира, обладают тесной связью с различными глобальными проблемами, такими как, например, язык и этнос, человек и общество, языковая картина мира и пр. [Фомина 1999, 2006, 2013]. На материале паралингвистических характеристик текстов, состоящих из общебиологических и национально-специфических средств, Е.Н. Винарская [Винарская 1987, 2003] показывает, что чувства и эмоции являются составной частью структуры образа. В рамках нейролингвистического подхода Е.Н. Винарская разработала теорию эмоциональности [Винарская 2003], объединяющую биологическую и социальную природу эмоций и позволяющую проследить связь между эмоциональными состояниями и выражающими их лингвистическими средствами. Так, например, при рассмотрении паралингвистики поэтического текста было показано, что преобладание восходящей направленности мелодического контура в текстах отражает нарастание эмоционального напряжения, в то время как нисходящая направленность мелодического движения указывает на снижение эмоционального напряжения.

По мнению Ю.Н. Караулова [Караулов 1994], языковое сознание состоит не только из грамматикона, семантикона, лексикона, но и эмотивикона, частью которого являются названия эмоций. В лингвистической науке отсутствует сложившийся подход к пониманию состава эмотивной лексики (см. обзор в

[Кольцова, Токмакова 2015]). Так, З.Е. Фомина, Л.Г. Бабенко, Е.М. Галкина-Федорук, Л.А. Ветюгова и В.Г. Гак в числе прочих относят к эмотивам (т.е. «языковым единицам, в семантической структуре которых имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы и т.д., благодаря чему эти единицы адекватно используются для выражения эмоционального состояния говорящего» [Шаховский 1987, с. 23]) и слова-номинативы эмоций, что является довольно спорным, ведь «денотативным содержанием названий эмоций являются объективные свойства эмоций, компонента их семиологической ценности – выражения эмоционального отношения в семантике таких слов нет» [Шаховский 1987, с.93-94] (этой точки зрения придерживается и Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 2000]). Таким образом, в языке выделяют лексику эмоций и эмоциональную лексику (т.е. средства языка, описывающие эмоции и выражающие их): «лексика эмоций ориентирована на объективацию эмоций в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), эмоциональная лексика приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи (экспрессивная и прагматическая функции). Лексика эмоций включает слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях. К эмоциональной лексике относят эмоционально окрашенные слова, составляющие чувственный фон» [Любова 2015, с.24]. Чтобы разграничить название эмоции и само чувственное переживание в нашей работе вводится термин «эмоним». В работе С.Ю. Перфильевой используется термин «эмоном», объединяющий отдельные индивидуальные эмоции, переживаемые носителями определенного языка [Перфильева 2000, с.24]. Однако данный термин противоречит сложившейся в отечественной лингвистической традиции практике (ср., *синоним*, *антоним*, *гипероним*).

Анализ русской литературной сказки [Кольцова, Токмакова 2015] показал, что в период с XVIII века до XXI века количество эмонимов в произведениях возрастает, что может указывать на увеличение важности данного феномена для человека. Об актуальности и своевременности всестороннего изучения эмоций может свидетельствовать создание Русскоязычного эмоционального корпуса (REC) [<http://www.harpia.ru/rec/>] [Котов 2014], [Котов, Зинина 2015],

[Зинина, Котов 2016] и тонального словаря в НИУ «Высшая школа экономики» [<http://linis-crowd.org/>]. Показательно, что популярным и активно развивающимся направлением извлечения мнений (opining mining) выступает анализ тональности (sentiment analysis) (также известный как сентимент-анализ, анализ мнений, анализ эмоциональной составляющей сообщений), занимающийся степенью эмоциональной окраски сообщений (т.е. его тональной оценкой) [Прикладная и компьютерная лингвистика 2016], в качестве примера можно упомянуть работу по определению эмоционального состояния автора текста на основе анализа психолингвистических маркеров эмотивности [Гудовских, Молошников, Рыбка 2015]. В рамках семинара РОМИП ежегодно проходит соревнование по анализу тональности в русскоязычных текстах – SentiRuEval, результаты которого презентуются на международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог». В.И. Шаховский относит к основным направлениям исследования эмоций в современной лингвистике «проблему определения понятия эмоциональной картины мира, проблему номинации эмоций средствами разных языков, национально-культурной специфики выражения эмоций, соотношения лингвистики и паралингвистики эмоций. Разностороннему изучению подвергается система эмотивных знаков и способов «упаковки» концептов с разным эмоциональным наполнением. Важным этапом в достижении новых знаний о концептуализации и вербализации сферы человеческих чувств стало изучение текстообразующего потенциала эмоций, их мотивирующей и реализующей функции. Новым направлением является эмотивная экология языка и коммуникации» [Россия лингвистическая 2012, с. 53].

1.10. Способ описания ареальной вариативности эмоциональных переживаний. Методика исследования.

Алгоритм исследования можно представить в виде следующих этапов работы. Чтобы собрать свой исследовательский корпус мы опирались на опыт отбора материала для исследования, описанный О.О. Борискиной в работе «Криптоклассы английского языка» [Борискина 2011а]. На первом этапе нужно было определиться с объемом словника. Учитывая, что в науке отсутствует

единая общепризнанная классификация эмоций, при формировании своего исследовательского корпуса мы опирались на четыре критерия:

1) классификации эмоций, т.е. наличие эмонима по крайней мере в одной из приведенных классификаций,

2) дефиниции, т.е. наличие в словарной дефиниции имени таких маркеров, как *feeling* или *emotion*, согласно словарю Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners, 2010 [Collins Cobuild English Dictionary 2010],

3) частотность употребления, т.е. имена, относящиеся к первому и второму уровню частотности по версии Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners, 2010 [Collins Cobuild English Dictionary 2010],

4) «критическая масса», т.е. количество отвечающих целям исследования примеров словоупотребления, полученных после полуавтоматической выборки из корпусов должно превышать минимальный порог для статистической обработки.

Вначале мы выделили 181 эмоним в языке на основании любых двух из трех первых критериев, рассмотрев классификации эмоций и изучив словарь Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners [Collins Cobuild English Dictionary 2010] на наличие требуемых дефиниций и высокой частотности употребления.

На следующем этапе было проведено корпусное исследование на базе двух корпусов и криптоклассное исследование полученного материала (см. подробности ниже), в результате которого были выявлены окказиональные употребления рассматриваемых слов или полное отсутствие соответствующих нашему исследованию примеров. Учитывая, что сопоставления в данной работе проводятся на основе статистических коэффициентов, с целью повышения надежности количественных расчетов был введен четвертый критерий «критической массы», соответствующий ограничению используемого коэффициента корреляции Пирсона, гласящего, что «по каждой переменной должно быть представлено не менее 5 наблюдений» [Зыкова 2008, с.44] [Елисеева, Юзбашев 2002]. Применение последнего критерия потребовало ограничить исследовательский словарь 23-мя эмонимами.

Следующий этап представлял собой трудоемкую работу (3400 чел/час) по формированию корпусных запросов и извлечения релевантных исследованию словоупотреблений из электронных корпусов М. Дэвиса Corpus of Global Web-Based English и NOW Corpus (Newspapers on the Web). Т. Макэнери и Э. Харди были выделены четыре поколения корпусных программных средств [McENERY, Hardie 2012], и хотя большинство современных инструментов корпусной лингвистики относится ими к третьему поколению, корпусная система М. Дэвиса рассматривается как инструмент четвертого поколения, позволяющий работать с большими объемами данных, в связи с размещением базы данных на веб-сервере и предварительной индексации материала. Важно отметить, что корпусы помогают решать разнообразные задачи в современной лингвистике: благодаря естественному контексту, возможно применение корпусов для решения теоретических вопросов; они также используются при создании словарей и грамматик; на основе корпусных данных проводится машинное обучение и пр.; на базе корпусной методологии была сформирована новая наука – культурометрия (culturomics) (<http://www.culturomics.org>), и в дальнейшем при объединении данных корпусной лингвистики, психолингвистики, нейролингвистики ожидается развитие новых направлений, например, интегрированной эмпирической лингвистики и т.д., позволяющих **автоматически** извлекать данные из текстов и понимать фундаментальную природу языка [Прикладная и компьютерная лингвистика 2016].

Corpus of Global Web-Based English (GloWbE) состоит из 1,9 миллиарда слов, содержащихся на 1,8 миллионов интернет-страниц с 340,000 сайтов в 20 различных англо-говорящих странах (Великобритания (GB), США (US), Австралия (AU), Канада (CA), Бангладеш (BD), Индия (IN), Пакистан (PK), Сингапур (SG), Ямайка (JM), Малайзия (MY), ЮАР (ZA), Гонконг (HK), Нигерия (NG), Ирландия (IE), Кения (KE), Шри-Ланка (LK), Гана (GH), Новая Зеландия (NZ), Филиппины (PH), Танзания (TZ)), в нем содержится материал за 2012-2013 года. NOW (Newspapers on the Web) содержит около трех миллиардов словоупотреблений в тех же двадцати государственных вариантах английского языка, что представлены и в GloWbE (согласно теории «концентрических кругов» относящихся к внутреннему и внешнему кругу), и

пополняется на 4 миллиона слов ежедневно (табл.1).Следует уточнить, что, несмотря на то, что в двух корпусах представлены одни и те же национальные варианты английского языка, их соотношение в корпусе различно (рис.8).

Таблица 1. Сопоставление корпусов NOW и GloWbE

	NOW Corpus ("News On the Web")	Global Web-Based English (GloWbE)
Кол-во слов	2.8 млрд.+	1.9 млрд.
Идиомы	20 вариантов англ.яз.	20 вариантов англ.яз.
Период времени	2010-вчера	2012-2013 гг.
Создание корпуса	Май 2016	Апрель 2013
Обновление	4-5 млн. слов ежедневно	-
Источник	Google News	Интернет-страницы (в т.ч. блоги)

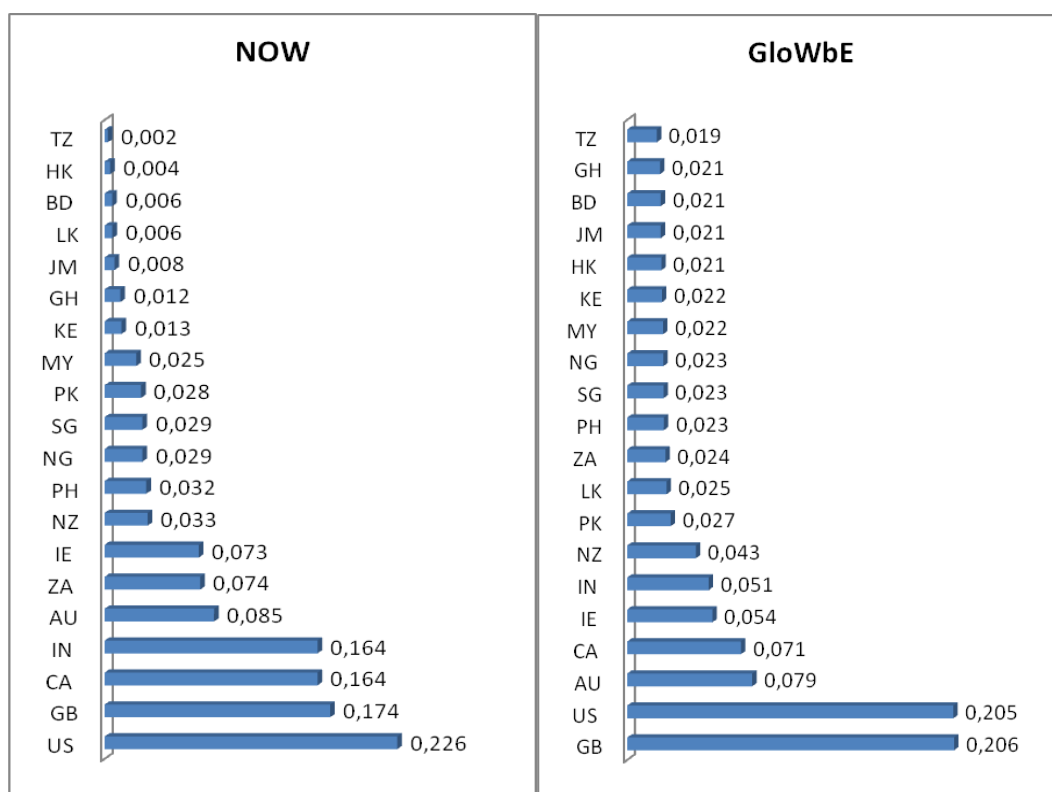

Рис.8. Относительная представленность вариантов английского языка в корпусах NOW и GloWbE

Как видно на рисунке (рис.8) 22,6% примеров в NOW относятся к американскому варианту английского языка, половину примеров корпуса (50,3%) составляют данные британского, канадского и индийского вариантов, при этом варианты Ямайки, Шри-Ланки, Бангладеш, Гонконга, Танзании по

отдельности представляют менее 1% корпуса. В GloWbE 41% примеров британского и американского вариантов английского языка, содержащихся примерно в одинаковой пропорции (20,6% и 20,5% соответственно), распределение остальных вариантов выглядит более сбалансировано, чем в NOW (что, возможно, связано с отсутствием ежедневной пополняемости).

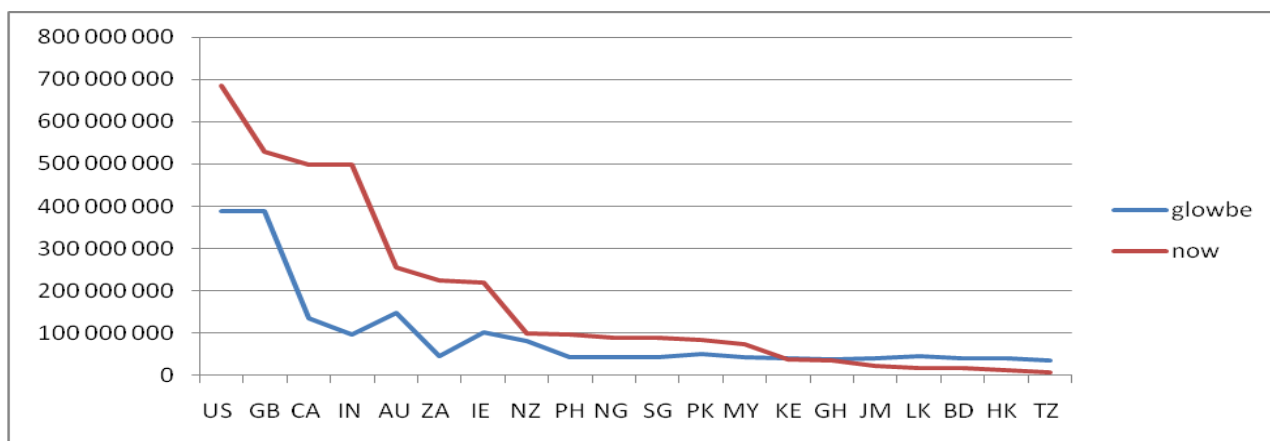

Рис.9. Сопоставление абсолютной представленности языковых вариантов в корпусах NOW и GloWbE

На графике (рис.9) мы видим соотношение количества примеров в двух рассматриваемых корпусах в абсолютных величинах: тринадцать национальных вариантов являются более представленными в NOW Corpus, и семь – в корпусе GloWbE. В связи с неоднородной представленностью национальных вариантов в процессе расчетов были введены коэффициенты корпуса для каждого варианта английского языка, соответствующие относительной представленности варианта в соответствующем корпусе.

Изучение этих корпусов, содержащих контексты различных вариантов английского языка, позволяет создать наиболее полную картину современного состояния языка. Корпуса позволяют отследить лексические (слова и фразы), морфологические (состав слова), синтаксические (грамматика), семантические (значение слова) изменения и анализ дискурса («что мы говорим об x?»). У используемых корпусов похожий интерфейс, позволяющий осуществлять поиск определенных слов или фраз, специальных символов, лемм, частей речи и любых комбинаций вышеперечисленного. Возможен поиск соседних слов (выявление коллокаций) (например, можно найти все существительные, расположенные около *faint*, все прилагательные, встречающиеся рядом с

woman, или все глаголы, употребляющиеся в левом или правом окружении имени *feeling*). Такая опция дает возможность понять значение и использование слова более досконально. Оба лингвистических ресурса отличаются широкой представленностью национальных вариантов английского языка и вполне подходят для выявления различий между ними.

Следующим шагом стало проведение криптоклассного анализа. Проиллюстрируем, как проводился криптоклассный анализ, на примере криптокласса *Res Acutae* («остроконечное» типа шипа или иглы). Именами-эталономми остроконечности могут выступать существительные, обозначающие объекты живой природы *prickle, thorn, claw, sting, nail*, или артефакты *needle, knife* и т.д. Классификаторами криптокласса согласно исследованию [Борискина 2011] являются следующие классифицирующие конструкции:

Субъектные транзитивные классификаторы

[a sharp object pierces smth]

[a sharp object punctures smth]

[a sharp object pricks smth]

Предикативные классификаторы

[an object is sharp]

[an object is poignant]

[an object is acute]

Атрибутивные классификаторы

[a sharp object]

[a piercing object]

Субстантивные классификаторы

[the prick of a sharp object].

Каждый из 23 эмонимов тестировался на возможность встречаемости с классификаторами не только этого криптокласса, но и оставшихся пяти в двух корпусах. Таким образом удалось установить, какие из анализируемых эмонимов являются *метафоронимами* рассматриваемых шести криптоклассов. *Метафоронимом* криптокласса мы вслед за О.О. Борискиной называем имена, употребляемые метафорически и категоризируемые в языке по аналогии с эталонами криптоклассов [Борискина 2000, 2009, 2010b, 2010c, 2011a, 2011b,

2011f, 2011g]. Например, вхождение имени *mind* в криптокласс Остроконечные будут подтверждать следующие примеры:

- *The mind gets so sharp that it becomes the problem.*
- *James's body might have been failing him, but his mind was still sharp.*
- *He possessed the sharpest mind in matters of finance and business.*

Следующим шагом в работе стало размещение полученных данных на платформе кафедрального информационного лингвистического ресурса COEL (<http://www.rgph.vsu.ru/coel/contexts.php>). Это позволило представить количественные данные в виде *криптоклассных портретов* эмоций. В дальнейшем отдельные криптоклассные проекции эмонимов были объединены в криптоклассные цепочки последовательностей и таксономий. Проведенное исследование позволило создать криптоклассные портреты рассматриваемых имен, смоделировать карты 23 эмоций, построить таксономии для всех эмонимов с разбивкой по идиомам. Результаты этого этапа анализа можно найти в **Приложении 4**.

На следующем этапе криптоклассного анализа мы высчитываем **Показатель активности имени** в криптоклассе (ПоКА) по формуле $S_i = \sum_{j=1}^M c_{ij}$. ПоКА показывает, насколько активно имя в образовании словосочетаний с классификаторами криптокласса относительно других метафоронимов этого криптокласса [Борискина 2011a]. Для облегчения автоматизации работы с корпусом и для количественной обработки данных корпусных запросов используются статистические коэффициенты, введенные для определения меры межъязыковой эквивалентности в работах [Донина 2013, 2015].

«Метафорическая сочетаемость подчиняется «сложным, но вычислимым правилам» [Рахилина 2000], а криптоклассный анализ способствует вычислению метафоронимов [Борискина 2011, с. 282]. Для объективной обработки полученных результатов мы воспользовались инструментарием статистики. Как писал П. Гиро: «язык, по сути дела, является статистическим явлением, т.е. таким, которое охватывает измеряемые элементы, проявляющие статистические тенденции, а поэтому они могут быть и определены и

интерпретированы численно» (цит. по [Сарсембаева, Турбскопа 2013, с.126]) и что «существует статистическая языковая функция не менее важная и столь же необходимая для полного и правильного понимания языковых фактов» [Гиро 1980, с.21].

Лингвостатистика представляет собой раздел языкознания, занимающийся статистическими методами количественных закономерностей в языке и речи. Математическая статистика обладает рядом преимуществ: она дает возможность на основе исследования некоторого подмножества, или выборки, делать заключение относительно свойств всего множества, или генеральной совокупности; дает правила оценки параметров генеральной совокупности по выборочным значениям этих параметров и методы проверки (или оценки) статистических гипотез о поведении того или иного параметра в генеральной совокупности; дает методы сопоставления поведения двух или нескольких признаков генеральной совокупности и установления с определенной вероятностью наличия или отсутствия статистической (корреляционной) связи между этими признаками, а также тесноты этой связи. Одним из основных понятий теории вероятностей и математической статистики является понятие корреляции. Важнейшей целью статистики является изучение объективно существующих связей между явлениями, т.е. изучение корреляционной связи. При расчете корреляций пытаются определить, существует ли статистически достоверная связь между двумя или несколькими переменными (или случайными величинами) в одной или нескольких выборках. Представление о тесноте корреляции случайных величин можно получить с помощью коэффициента линейной корреляции (или коэффициента корреляции Пирсона), основанного на значениях коррелирующих величин. Его разработали К. Пирсон, Ф. Эджуорти, Р. Уэлдон [Pearson 1895]. Коэффициент линейной корреляции определяет характер и тесноту статистической связи и вычисляется по формуле:

$$r_{XY} = \frac{\text{cov}_{XY}}{\sigma_X \sigma_Y} = \frac{\sum (X - \bar{X})(Y - \bar{Y})}{\sqrt{\sum (X - \bar{X})^2 \sum (Y - \bar{Y})^2}}$$

где $\bar{X} = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n X_t$, $\bar{Y} = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n Y_t$ — среднее значение выборок.

Линейная корреляция предполагает линейную зависимость и может быть выражена сильно или слабо. Численное значение коэффициента корреляции указывает на тесноту статистической связи, причем значения, мало отличающиеся от единицы, указывают на связь близкую по характеру к функциональной, а значения, приближающиеся к нулю, свидетельствуют о слабой связи или даже указывают на отсутствие корреляционной связи. В данном исследовании мы пользуемся общей классификацией корреляционных связей, предложенной в работе Э.В. Ивантера и А.В. Коросова (табл.2) [Ивантер, Коросов 1992].

Таблица 2. Общая классификация корреляционных связей

Интервал значений коэффициента корреляции	Интерпретация
0 – 0,19	Очень слабая корреляция
0,2 - 0,29	Слабая корреляция
0,3 – 0,49	Умеренная корреляция
0,5 – 0,69	Средняя корреляция
0,7 – 1	Сильная / тесная корреляция

Для того чтобы понять, насколько похожи криптоклассные представления об исследуемой лексеме в различных национальных вариантах, мы также рассчитали коэффициент конкордации рангов Кендалла, который позволяет определить тесноту связи между произвольным числом ранжированных признаков [Kendall 1938, 1948]. Этот множественный коэффициент корреляции (общий коэффициент ранговой корреляции) вычисляется по формуле:

$$W = \frac{12 \cdot S}{m^2 (n^3 - n)}$$

где S - сумма квадратов отклонений всех оценок рангов каждого объекта от среднего значения; m - число анализируемых порядковых переменных; n - число объектов ранжируемого признака. Коэффициент конкордации изменяется в диапазоне $0 > W > 1$, причем 0 соответствует отсутствию корреляции, а 1 соответствует наиболее сильной корреляции. Если значение коэффициента конкордации превышает 0.40 – 0.50, то качество оценки считается удовлетворительным, если $W = 0.70 – 0.80$ - высоким.

В науках, где объект исследования недоступен непосредственному наблюдению, возникает необходимость в его моделировании. С подобной проблемой сталкиваются как физики, химики, биологи, физиологи, психологи, социологи, историки, экономисты, так и лингвисты, неспособные непосредственно увидеть язык и его механизмы. Несмотря на то, что понятия «модель» и «моделирование» появились в XIX веке, наиболее активно они начали употребляться с начала XXI века, в связи с экспоненциальным увеличением объемов информации и необходимостью ее обработки и анализа. Смысл моделирования заключается в том, чтобы «вместо скрытых от нас свойств объекта изучить заданные в явном виде свойства модели и распространить на объект все те законы, которые выведены для модели» [Доброва 2015, с.146]. При этом лингвисты подчеркивают, что в связи со сложностью изучения такого динамичного и многоаспектного явления как язык, необходимо применение средств когнитивного моделирования [Федотова 2015], подразумевая под когнитивной моделью «основной механизм, обеспечивающий обработку и хранение информации о мире в сознании человека» [Маслова 2011, с. 58]. Обзор современных теорий когнитивного моделирования в лингвистике был сделан, например, Л.С. Абросимовой [Абросимова 2015], подчеркивающей успехи применения данного направления в прикладной лингвистике (создание искусственных машинных языков и автоматизированного перевода), в нейролингвистической психологии (Дж. Серль, Р. Гриндер, Р. Дилтс), в теории ментальных пространств Ж. Фоконье, в теории метафоры и метонимии Дж. Лакоффа, в теории прототипов Э. Рош, в теории фреймовой семантики Ч. Филлмора, в исследованиях представителей тамбовской научной школы «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур» (Л.В. Бабина, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, В.Б. Гольдберг, Л.А. Фурси др.). В современной науке компьютерное моделирование становится неотъемлемой частью исследований и появляется компьютерное когнитивное моделирование как синтез компьютерного моделирования и когнитивной компьютерной графики [Аноприенко 1999]. В своей работе мы используем компьютерное когнитивное моделирование ненаблюдаемых объектов, применяя методы Data

Mining, под которым понимают процесс обнаружения в «сырых» данных при помощи методов математической статистики ранее неизвестных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности. Data Mining является мультидисциплинарной областью, возникшей и развивающейся на базе таких наук как прикладная статистика, распознавание образов, искусственный интеллект, теория баз данных и др. Образное, правополушарное восприятие, благодаря таким своим качествам как целостность, непрерывность, семантическая мягкость, позволяет дополнить традиционное логическое, вербальное, левополушарное восприятие и тем самым повысить эффективность решения задач [Зенкин 1991].

Таблица 3. Результаты факторного анализа.

	Окончательные факторы (Варимакс метод)					
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6
Res Acutae			0,9951			
Res Filiformes		0,9841				
Res Liquidae						0,9609
Res Longae Penetrantes					0,9769	
Res Parvae				0,9851		
Res Rotundae	0,9849					

С целью определения значимости факторов и возможной редукции входных параметров перед кластеризацией посредством программы Deductor Academic 5.3 был проведен факторный анализ, базирующийся на «варимакс» методе. В качестве входных данных выступали шесть выделенных на данный момент криптоклассов. В связи с тем, что в результате произведенного вращения в структуре факторного пространства не произошло существенных изменений (т.е. установленные автоматически факторы соответствуют шести криптоклассам на 96,09% - 99,51% (табл.3)), можно говорить об устойчивости и стабильности данных, что отражает независимость факторов, отраженных в корреляционной матрице. Таким образом, была доказана высокая

объяснительная значимость всех факторов, т.е. криптоклассов, и возможность использования их при дальнейшей кластеризации.

Далее для выбора оптимального метода машинного обучения (machine learning) нами были изучены различные математические методы обработки естественного языка. Некоторые сторонники использования статистических методов в прикладной лингвистике считают, что они являются единственным эффективным способом обработки языка. Среди методов машинного обучения выделяют классификацию, кластеризацию и регрессионный анализ. Задачи метрических методов классификации включают распределение членов обучающей выборки по известным классам; среди них выделяют метод ближайших соседей метод k ближайших соседей (k -Nearest Neighbours algorithm, k -NN), метод парзеновского окна (Parzen window classification). Одним из статистических методов классификации, создающих вероятностные модели, является наивный байесовский классификатор (naïve Bayes classification). Помимо этого выделяют линейные методы классификации, определяющие принадлежность объекта к одному из двух классов посредством построения гиперплоскости, разделяющей множество объектов на две группы; одним из таких методов является метод опорных точек (support vector machine, SVM). Кластеризация (clustering) применяется для распределения множества объектов по классам, которые изначально не заданы, т.е. формирование кластеров. Выделяют различные алгоритмы кластеризации: графические (например, алгоритм выделения связанных компонент (connected-component labeling) и алгоритм кратчайшего незамкнутого пути (minimum spanning tree, MST algorithm)), статистические, иерархические; наиболее часто используемым является алгоритм k -средних (k -means). Наименее используемыми в лингвистике являются регрессионные методы (regression), задачей которых является оценка функциональной зависимости между различными структурами; одним из таких методов является линейная регрессия (linear regression). Искусственные нейронные сети (artificial neural networks), возникшие в качестве модели биологической нервной системы, состоят из входного, скрытого и выходного слоев нейронов, причем для входного и выходного слоев параметры известны, в то время как в скрытом происходят

неявные преобразования сигналов. В лингвистике нейронные сети используются в нейросетевых моделях языка, при машинном переводе, автоматической кластеризации лексики (карты Кохонена) и пр. По последним данным даже сервис Google Translate был полностью переведен на глубинное обучение; нейросеть, которой пользуется данный сервис машинного перевода, называется Google Neural Machine Translation (GNMT). Данная нейросеть не только выполняет перевод, анализирует его различные варианты, но и выполняет интеллектуальный анализ предложений, что позволяет ей сформировать в виде машинного кода универсальный язык-посредник между любыми языковыми парами 103 языков, с которыми сейчас способна работать система, при этом она может переводить даже те языковые пары, для которых не проходила обучение ("Zero-Shot Translation"). Многомерное пространство смыслов слов было составлено методом нелинейного снижения размерности и визуализации многомерных переменных (t-distributed stochastic neighbor embedding, t-SNE) [Johnson et al. 2016].

Таким образом, учитывая цели нашего исследования, были отобраны оптимальные методы машинного обучения и следующим этапом стало проведение кластеризации методом k-means (k-средних), а также построение самоорганизующейся карты Кохонена, являющейся разновидностью нейросетевых алгоритмов. Посредством нейронной сети Кохонена были сформированы карты входов нейронов шести криптоклассов (рис.10а), т.е. внутренняя структура входных данных была визуализирована путём подстройки весов нейронов карт, где определенным цветом обозначены области, содержащие примерно одинаковые входы для анализируемых примеров (от темно-синего – минимальных значений показателя криптоклассной активности введенных данных по каждому криптоклассу, до красного – максимальных значений этого показателя). В результате векторного квантования отдельные варианты английского языка были сгруппированы в шесть кластеров, соответствующих географическим ареалам (рис.10б): американскому (языковые варианты английского языка Америки и Канады), австралийскому (варианты Австралии и Новой Зеландии), европейскому (варианты Великобритании и Ирландии), азиатскому (варианты английского, на

котором говорят в Индии, Сингапуре, Гонконге, Шри-Ланке, Бангладеш, Пакистане, Малайзии и на Филиппинах), африканскому (варианты английского, как официального государственного языка Ганы, Нигерии, Танзании, Кении и ЮАР) и карибскому (вариант английского на Ямайке). Именно этой ареальной классификацией мы и будем пользоваться в рамках нашего исследования (Приложение 1).

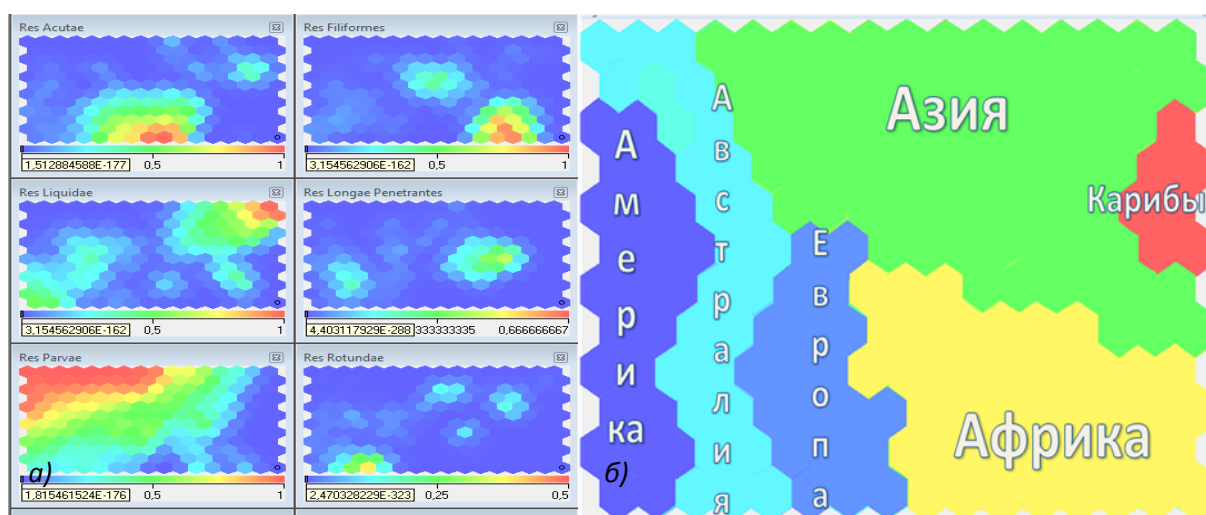

Рис.10. Самоорганизующиеся карты Кохонена

Совпадение криптоклассной категоризации с географической подчеркивает важность ареального влияния, отмеченного в работе В.Н. Полякова и Е.И. Ярославцевой [Поляков, Ярославцева 2008], в рамках которой (на материале БД «Языки мира» ИЯ РАН) изучается феномен типологического сдвига, сутью которого является то, что «языки в процессе ареальных контактов приобретают новые типологические черты и теряют часть существующих. При этом широко распространенные признаки имеют тенденцию к дальнейшему распространению, а низкочастотные – к вымыванию» [Поляков, Ярославцева 2008, с.114-115], причем данное явление объясняется именно при помощи ареальной гипотезы («сдвиг обусловлен естественными процессами, связанными с постоянными ареальными контактами между языками») [Поляков, Ярославцева 2008, с.113].

Криптоклассная категоризация эмоций была скоррелирована с хронотопом, при этом коэффициент корреляции между географически близкими вариантами языка выше, чем между ареально и хронологически удаленными, т.е. географический фактор важнее, чем временной.

Выводы

Настоящее исследование национального разнообразия скрытых механизмов языковой категоризации проводится в рамках когнитивной науки, с использованием ресурсов и технологий корпусной лингвистики и с опорой на опыт и теоретические воззрения ученых, которые внесли свой вклад в разработку вопросов классификативности, метафоризации, проблем унификации лингвистического описания, а также связи языка, сознания и культуры.

С появлением корпусов, стало возможным на основе сравнения вариантов языка выявлять особенности и предлагать когнитивную интерпретацию ареальной вариативности именных таксономий.

Обзор работ по вопросам категоризации в лингвистике и других науках когнитивного цикла показал, что категоризация, являясь естественным когнитивным процессом, механизмы которого эволюционно заложены в мозге, может проходить как в явной форме, так и скрыто, в том числе посредством метафоризации. Изучение процессов и результатов категоризации по данным разных языков является важной задачей современной науки. Описание и сравнение способов категоризации в разных языках, а также в разных вариантах одного и того же языка через систему классификаторов (как языковых, так и когнитивных) актуально и плодотворно. Категоризация находится в отношениях взаимовлияния с культурой (т.е. обуславливает ее и обусловлена ею). Национальная специфика категоризации мира в разных языках является актуальным предметом лингвистических разработок и имеет длительную традицию изучения. Многочисленные сопоставительные исследования убедительно показывают, что не только структура и объем лексики, но и план содержания отдельных имен различаются по языкам. В своем исследовании мы задались целью ответить на вопрос, насколько верно данное утверждение применительно к вариантам или диалектам одного языка на примере английского языкового пространства.

В разделе «Категоризация в лингвистике» были рассмотрены различные подходы к пониманию языковой категории. Одним из первых, кто обратил внимание на вопросы языковой категоризации мира в своем учении о

внутренней формальности языка, был А.А. Потебня, отметивший, что наравне с грамматической возможна лексическая категоризация. Э. Рош показала, что категории являются множествами с размытыми границами и внутренней структурой, в рамках которой некоторые члены выступают как прототипы, и что при этом среди самих категорий существует иерархия и выделяются наиболее абстрактные и культурно значимые концепты базового уровня категоризации. Вопросы категоризации и концептуализации являются наиболее релевантными для создания программного обеспечения. Нейробиологами было выявлено, что категоризация является естественным механизмом мозга, с помощью которого он способен справляться с обработкой больших объемов информации – в префронтальной коре были найдены нейроны, отвечающие за категоризацию. Категоризация является сформированным в ходе эволюции, неосознаваемым процессом избавления от несущественного и выделения главного. Атлас семантического словаря мозга подтвердил, что, во-первых, существуют определенные области коры головного мозга, ответственные за семантическую систему, и, во-вторых, что различные области коры специализируются на различных понятийных категориях. При этом каждое слово располагается в нескольких участках мозга, а каждый участок коры связан с группой слов, таким образом создаются сети, представляющие значение каждого слова, которое мы используем, и именно этот механизм может быть родоначальником *метафоры*.

В разделе «Метафора как механизм категоризации» рассматривается современный взгляд на метафору как на один из типов мышления, лежащий в основе категоризации, а также описываются различные теории и подходы к изучению данного явления. Интерес к выявлению культурной специфики через призму метафоры проявляется на уровне глобальной политики: так, разведкой США был запущен научный проект «Metaphor». В своем исследовании метафорической сочетаемости мы считаем метафору важным механизмом, с помощью которого человеческое мышление осваивает окружающий мир, дает возможность перенести уже имеющиеся знания об определенной сфере понятий на пока не знакомые области. Вслед за А.А. Кретовым мы признаем триединую роль метафоры: познавательную,

унифицирующую и стабилизирующую. Для нашего исследования важно понимание метафоры как универсального, т.е. присущего всем языкам, механизма языковой категоризации мира, сохраняющего предшествующее состояние языка.

В разделе «Национальная специфика языковой категоризации: связь языка, сознания и культуры» было показано, что культура и язык влияют на наше восприятие и интерпретацию мира. Индивид постигает культуру через язык, становится агентом культуры, начинает категоризовать мир в соответствии с требованиями культуры и языка. Национальный характер языковой категоризации обусловлен особенностями национального восприятия окружающего мира, что иногда называют национальной картиной мира.

В разделе «Именная классификативность» рассмотрены различные подходы к определению классификаторов, их типологии и выделение их общих свойств. В результате категоризации одинаковых или кажущихся одинаковыми явлений действительности мы получаем имена (этап номинализации), в частности, имена существительные, которые в дальнейшем распределяются по языковым классам, рядам, категориям на основании общих признаков. Показателем принадлежности имени к определенному классу в ткани текста служит *классификатор*, который призван структурировать семантическое пространство. Классификаторы позволяют проанализировать, как человек категоризирует действительность, разбивая явления окружающего мира на классы при помощи языка. *Классификаторы* могут быть как формальными (например, аффиксы, окончания, отдельные слова), так и скрытыми, не проявляющими себя в ткани текста.

В разделе «Скрытая языковая категоризация мира» было рассмотрено явление скрытой категориальности как результат сложного взаимодействия лексической и грамматической категоризации. К скрытым типам именной классификативности малых степеней грамматикализации относятся криптотип (термин Б.Уорфа), эпидигматика, эхосемия, эхоморфия (по шкале В.А. Виноградова), криптоклассы (О.О. Борискина, А.А. Кретов). Исследователи, развивающие теорию криптоклассов, определяют *криптокласс* как «лексико-грамматическую категорию существительного, состоящую в распределении

имен по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (конструкцию или словоформу) и имеющую соответствие в явной грамматической категории хотя бы одного языка мира» [Кретов 2010, с.9]. Криптоклассное исследование абстрактной лексики предполагает изучение скрытых лексико-семантических классов имен существительных и их метафорическую сочетаемость. Принадлежность имени к криптоклассу базируется на его сходстве с эталоном определенного признака, при этом тот факт, что в один криптокласс попадают семантически различные сущности, говорит о том, что криптоклассная категоризация является глубинным уровнем языковой категориальности, основывающейся на мифологическом мышлении, т.е. на «наивной» языковой картине мира. На настоящий момент выделено и описано 6 криптоклассов английского языка, имеющих соответствие в виде явных лексико-грамматических категорий других языков мира: *Res Liquidae* (эталон – ‘вода’), *Res Acutae* (эталон – ‘шип’), *Res Filiformes* (эталон – ‘нить’), *Res Rotundae* (эталон – ‘мяч’), *Res Parvae* (эталон – ‘камень’), *Res Longae Penetrantes* (эталон – ‘копьё’).

В разделе «Вариативность английского языка» рассмотрены подходы к решению проблемы определения языка народа как «языка» или как «диалекта», а также описаны критерии, применяемые лингвистами при разведении данных понятий. В современном мире одновременно реализуются две тенденции: с одной стороны, империализм английского языка, превалирующего над другими языками, с другой, диверсификация, вследствие которой происходит «мультипликация» национальных вариантов английского как средства самоидентификации использующих их этносов или социалем. Английский язык, используемый в нескольких государствах, каждое из которых выработало свой стандартный национальный языковой вариант, относится к плюрицентрическим языкам. Закрепленные официально стандарты плюрицентрического языка называют **языковыми вариантами**. Английский рассматривается как симметричный случай плюрицентрического языка, т.к. нет явного доминирования одного варианта над другими. Наличие различных вариантов английского языка дает основания для введения термина

английского языкового пространства или англосферы. Исследованием вариантов английского языка в зарубежной лингвистике занимаются довольно широко: рассматриваются особенности грамматики, фонологии, синтаксиса, морфологии, лексики, дискурса; изучаются как варианты внутреннего круга (по модели Б. Качру) (американский, канадский, британский, ирландский, австралийский, новозеландский), так и варианты внешнего и расширяющегося кругов (варианты Индии, Шри-Ланки, Ботсваны, Сингапура, Малайзии, Филиппин, Японии, Кореи, Китая, Колумбии, Камеруна, Персии, Танзании, славянских и европейских стран). Да и в отечественном языкознании данная проблематика становится все более актуальной, правда диапазон вариантов достаточно узок. Необходимость исследования новых языковых форм и вариантов привела к развитию отдельного лингвистического направления в отечественной лингвистике – контактной вариантологии или лингвоконтактологии, которое базируется на лингвистической парадигме Б. Качру World Englishes Paradigm. Среди недостатков исследований национальных вариантов, а также корпусов, их представляющих, следует назвать, во-первых, сравнение (эксплицитное или имплицитное) вариантов английского с британским или американским, т.е. утверждение их в качестве стандартов, и, во-вторых, недостаточную представленность в работах и корпусах африканских национальных вариантов (например, Нигерии, Ганы и т.д.), без которых представление о World Englishes не может быть полным. Особое внимание в дальнейшем изучении языковой вариативности отводится использованию корпусных технологий.

В разделе «Способы представления вариативности английского языка» было показано, что гетерогенность английского языка является признанным фактом, при этом основанием для построения моделей вариативности английского выступают географические и исторические данные (в том числе колониальная история распространения английского языка) или степень владения языком.

В разделе «Языковой континуум» рассмотрены различные типы языкового континуума, такие как диалектный и контактный континуумы. Под языковым континуумом подразумевают совокупность вариантов идиома, представленных

во времени, пространстве, социальных коллективах и различных ситуациях общения. Под *диалектным континуумом* понимают «последовательное членение языка на непрерывные территориальные разновидности, при котором соседние говоры или диалекты имеют минимальные различия, но чем далее отстоят друг от друга звенья «диалектной цепи», тем больше различий между ними» [Словарь социолингвистических терминов 2006, с.91]. В отличие от диалектного континуума, основывающегося на пространственном факторе, контактный континуум базируется на социальном факторе. Контактный континуум определяют, как «синхронное использование на одной территории нескольких форм языка, образующих ряд: акролект – мезолект – базилект» [Шайбакова 2014, с.160]. З.Г. Прошина предлагает рассматривать варианты английского языка как «своеобразный континуум владения иностранным языком, представляющий шкалу разных ступеней, или уровней владения, от начального, базилекта, к мезолекту и, наконец, акролекту, максимально приближенному к книжной норме» [Прошина 2005, с.125]. В связи с гетерогенностью английского языка как многоуровневой социо-культурной системы и его существования в различных вариантах, т.е. языковых реализациях в речи отдельной нации, в лингвистике было введено понятие *мирового англоязычного континуума*.

В разделе «Исследование эмоций в лингвистике и когнитивной науке» рассмотрены различные подходы к определению и классификации эмоций, в том числе сопоставлены точки зрения универсалистов (предполагающих, что, в связи с биологической обусловленностью, эмоции являются универсальными для всех культур) и релятивистов (рассматривающих эмоции как конструкты культуры и, следовательно, уникальные сущности). Нам кажется наиболее соответствующей действительности позиция, что биологическая основа у эмоций универсальна в независимости от культуры при специфической вербализации в языке. Для лингвистической традиции характерно использование термина «эмоции» в качестве собирательного понятия чувственных проявлений. Среди методов изучения сходств и различий категоризации эмоций в различных языках выделяют метод перевода ('translation method') и метод картографирования/картирования ('mapping

method’). Результаты кросс-культурных исследований отразили примерно половину уникальных для каждого языка характеристик и половину разделяемых всеми языками свойств эмоций. В связи с этим, выделяются универсальные и национально-культурные эмотивные смыслы в семантике языковых знаков. Об актуальности и своевременности всестороннего изучения эмоций может свидетельствовать широкое рассмотрение данной тематики в рамках компьютерной и прикладной лингвистики. Во-первых, создается Русскоязычный эмоциональный корпус (REC). Помимо этого, популярным и активно развивающимся направлением извлечения мнений (opining mining) выступает анализ тональности (sentiment analysis), занимающийся степенью эмоциональной окраски сообщений (т.е. его тональной оценкой). В последнее время в лингвистике выделяют новое направление, в рамках которого исследуется взаимосвязь эмоций и языка – лингвистику эмоций или эмотиологию, т.е. науку «о вербализации, выражении коммуникации эмоций» [Шаховский 1995, с.50]. В лингвистической науке отсутствует сложившийся подход к пониманию состава эмотивной лексики. Некоторые лингвисты относят к эмотивам и слова-номинативы эмоций, что является довольно спорным, т.к. в семантике таких слов нет выражения эмоционального отношения. Таким образом, в языке можно выделить лексику эмоций и эмоциональную лексику (т.е. средства языка, описывающие эмоции и выражающие их). Чтобы разграничить название эмоции и само чувственное переживание в нашей работе вводится термин «эмоним».

В разделе «Способ описания ареальной вариативности эмоциональных переживаний. Методика исследования» представлен поэтапный алгоритм описания ареальной вариативности языка методом криптоклассного анализа. На первом этапе на основании различных классификаций эмоций и словарных дефиниций был выделен 181 эмоним. После проведения корпусного исследования (на базе двух электронных корпусов М. Дэвиса GloWbE и NOW, отличающихся широкой представленностью национальных вариантов английского языка) и криптоклассного анализа данного материала, исследовательский словник был ограничен 23-мя эмонимами, что связано с ограничениями статистических методов, применяемых в работе.

Криптоклассное исследование позволило создать криптоклассные портреты рассматриваемых имен и смоделировать карты 23 эмоций при помощи методов компьютерно-когнитивного моделирования. В дальнейшем отдельные криптоклассные проекции эмонимов были объединены в криптоклассные цепочки последовательностей и таксономий с разбивкой по идиомам. Для каждого эмонима были рассчитаны **показатели активности имени** в криптоклассе (ПоКА), показывающие, насколько активно имя в образовании словосочетаний с классификаторами криптокласса относительно других метафоронимов этого криптокласса. Данные показатели применялись для расчета коэффициентов корреляции и установления степени статистической связи между идиомами. Далее были применены различные методы Data Mining. С целью определения значимости факторов (в качестве которых выступали шесть выделенных на данный момент криптоклассов) и возможной редукции входных параметров перед кластеризацией был проведен факторный анализ, базирующийся на «варимакс» методе, который доказал высокую объяснительную значимость всех факторов, т.е. криптоклассов, и возможность использования их при дальнейшей кластеризации. Следующим этапом стало проведение кластеризации методом k-means (k-средних), а также построение самоорганизующейся карты Кохонена, являющейся разновидностью нейросетевых алгоритмов. В результате векторного квантования отдельные варианты английского языка были сгруппированы в шесть кластеров, соответствующих географическим ареалам: американскому (языковые варианты английского языка Америки и Канады), австралийскому (варианты Австралии и Новой Зеландии), европейскому (варианты Великобритании и Ирландии), азиатскому (варианты английского, на котором говорят в Индии, Сингапуре, Гонконге, Шри-Ланке, Бангладеш, Пакистане, Малайзии и на Филиппинах), африканскому (варианты английского, как официального государственного языка Ганы, Нигерии, Танзании, Кении и ЮАР) и карибскому (вариант английского на Ямайке). Именно этой ареальной классификацией мы и будем пользоваться в рамках нашего исследования.

Глава 2. Криптоклассная категоризация эмоций

2.1. Криптоклассный анализ эмонимов

В этой главе рассматривается криптоклассное распределение отобранных эмонимов английского языка.

Результаты осмысления и языковой категоризации выделенных нами эмонимов в двадцати вариантах английского языка показали, что для таких эмоций, как *passion*, *happiness*, *anger*, *joy* и т.д. в большинстве вариантов английского языка характерна следующая последовательность криптоклассных предпочтений: на первом месте рукоятная характеристика, на втором – свойство жидкости и третьей по представленности выступает нитевидность, что соответствует данным, полученным О.О. Борискиной при изучении эмоций на базе корпуса американского варианта английского языка СОСА. Неожиданные результаты показали такие имена, как, например, *distress* и *anxiety*, которые в настоящее время используются, в том числе в качестве медицинских терминов и в большинстве случаев в первую очередь выражают острое свойство (например, *acute distress* соответствует острому расстройству).

2.1.1. *Emotion*

Слово *emotion* появилось в английском языке в 16 веке и изначально имело значение волнения, особенно общественного ("a (social) moving, stirring, agitation" [Online Etymology Dictionary]), приобретя современное значение только в начале девятнадцатого века. Имя *emotion* входит в шесть именных криптоклассов английского языка в качестве метафоронима. Одним из способов представления результатов криптоклассного анализа выступают *криптоклассные портреты* имен [Борискина 2010d, 2011e]. Вычисление меры соотношенности имени с каждым из криптоклассов английского языка и оценка активности имени по каждому криптоклассу позволяют осуществить сравнение разных криптоклассных проекций имени. Данные о распределении имени в криптоклассе, представленные средствами компьютерной графики, составляют его криптоклассный портрет. В данном случае криптоклассный

портрет (рис.11), представленный в виде круговой гистограммы, был построен на основании данных всего корпуса NOW, без разделения на национальные варианты.

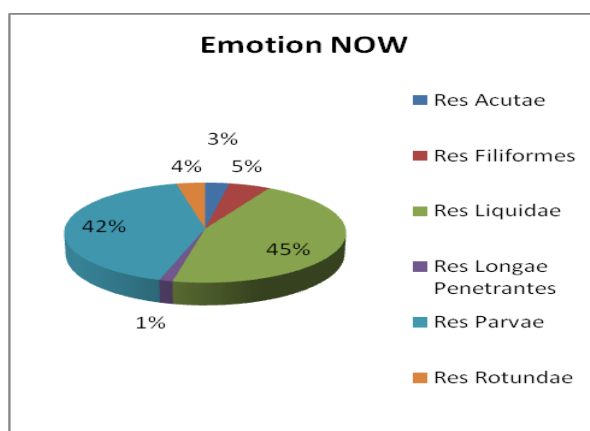

Рис.11. Криптоклассный портрет имени *emotion* в корпусе NOW

Всего в результате анализа было обнаружено 700 примеров с именем *emotion*. Результаты количественной обработки данных корпуса NOW показали (рис. 11), что в первую очередь (45% или 317 примеров) эмоция воспринимается как жидкое (т.е. является метафоронимом криптокласса Res Liquidae в пятнадцати вариантах английского языка) (примеры 1), при этом в десяти вариантах данная криптопроекция имени *emotion* является доминирующей, в четырех национальных вариантах она занимает вторую позицию, а в идиомах Бангладеш и Ганы оказалась не востребованной.

(1) *I was not prepared this morning for the **deluge** of **emotion**;*
*There was a **flood** of **emotions** - sadness first - and the joy that followed;*
*Let the **emotions flow** through your hands;*
*"Thank God," the woman inside said with a **gush** of **emotion** and tears;*
***Emotion oozes** out from every bit of it;*
***Emotion poured** out of every Irish person there;*
*It is normal, it is part of being a human, that **emotions** sometimes **spill** out;*
*Words interrupt the **stream** of **emotions**.*

Во вторую очередь эмоция категоризуется как рукоятный предмет (42% или 291 пример) то, что можно взять в руку, *мани-пулировать*, таким образом, данный эмоним является метафоронимом именного криптокласса Res Parvae (примеры 2). Это явление наблюдается в 14 идиомах, причем в

восьми из них (например, в вариантах Сингапура и Бангладеш) это первый таксон для имени *emotion*, что можно связать с важностью образа «мелкой эмоции» для некоторых языковых коллективов, стоящих за этими идиомами. Также стоит отметить, что в идиомах Ямайки, Кении и Филиппин примеров словоупотреблений данного криптокласса обнаружить не удалось.

(2) *I'm confident, dogs can in some sense 'catch' the emotion of humans;
The argument is strong enough to grab consumers' emotions;
I was the privileged theatregoer, unable to grasp the emotions of the play;
Fredrickson suggests that one way to enhance positive emotions is to pick a positive emotion and create a portfolio;
Telling stories is the way we take the complicated emotions and weird spiralings of imagination inside us*

По данным корпуса NOW, разные состояния человека, которые объединены образом эмоции категоризируются и как нитевидный предмет (криптокласс Res Filiformes, 5% в девяти идиомах) (примеры 3), и как предмет округлой формы (криптокласс Res Rotundae, 4% в девяти идиомах) (примеры 4). Довольно низкий процент таких примеров, по-видимому, свидетельствует о низкой коммуникативной востребованности таких образов для современного новостного англоязычного дискурса. Данный эмоним является метафоронимом криптоклассов Res Acutae (3%, в восьми идиомах) (примеры 5) и Res Longae Penetrantes (1%, в пяти идиомах) (примеры 6). Такое словоупотребление следует квалифицировать как окказиональное,

(3) *Many emotions are bound and knitted with it;
This universal emotion that binds two people together knows no borders;
It is misguided to believe that thinking and feeling are somehow mutually exclusive. Emotion and logic are intertwined.
A long-term affair becomes a way of life, a long elastic thread of emotion as nurturing and comforting as it is seductive.
When I tried to weave emotion into my dissertation on the relationship between sea turtle ecology and coastal communities <...>.
To me these represent the strands of feelings, thoughts and emotions that weave through our lives <...>.*

(4) *I felt like I was a **ball** of **emotions** and nothing could stop my lips from murmuring dua'a to Allah.*

*Anger, happiness, hope and relief all wound into one beautiful **ball** of raw **emotion**.*

*You have to let the **emotions roll** over you like that wave.*

(5) *Desensitize the public is to help it view homosexuality with indifference instead of with **keen emotion**;*

*Yet they convey **sharp emotion** and are often quite beautiful.*

(6) *Anger is one of the few **emotions** that can **penetrate** depression.*

***Emotions penetrate** completely into the cells of the organism.*

Несмотря на то, что имя *emotion* относится к одним и тем же криптоклассам во всех двадцати вариантах английского языка, лингвокультурная специфика проявляется в неоднородности распределения эмонима в криптоклассах по идиомам (рис.12).

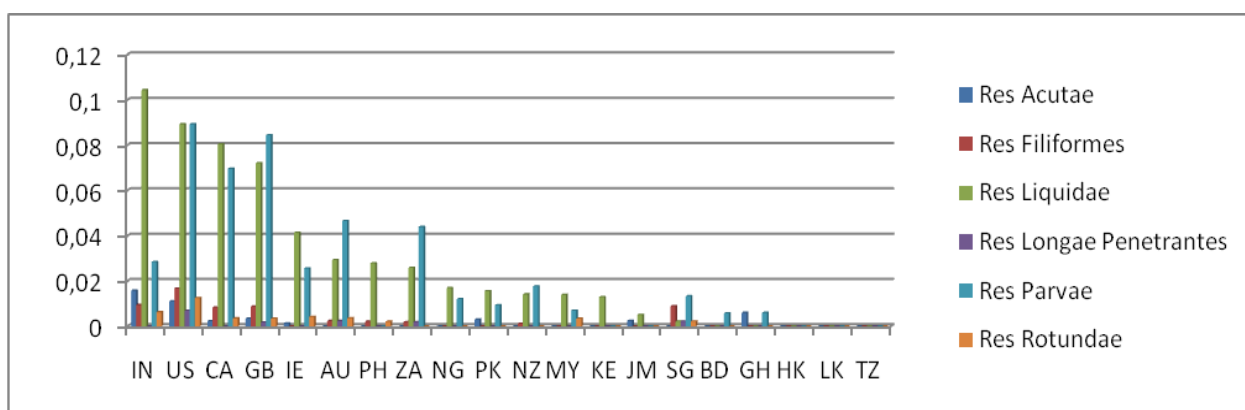

Рис.12. Криптоклассные портреты *emotion* в корпусе NOW по идиомам

Множественный коэффициент корреляции, рассчитанный для всех двадцати вариантов английского языка, составил 63%, что говорит о *средней тесноте* связи между национальными вариантами. Наиболее тесная ареальная корреляция оказалась в американской подгруппе и составила 99,6%, также довольно высокий показатель у региона Австралии – 98,6%, на третьем месте идет европейский континент – теснота национальных вариантов данного региона составляет 91,7%.

При помощи корреляционных коэффициентов была построена карта имени *emotion* по данным корпуса NOW (рис.13), где длина линии, соединяющей все идиомы, указывает на тесноту их связи: чем короче линия,

тем выше коэффициент корреляции между ними и теснее связь. Подобный принцип моделирования был использован при построении лексико-семантической карты славянских языков (по коэффициенту близости больших параметрических ядер лексики) в работе А.А. Кретьова, И.А. Меркуловой и В.Т. Титова [Кретьов, Меркулова, Титов 2011].

На карте можно выделить несколько кластеров. Первый, содержащий идиомы, в которых при категоризации эмоции (emotion) лидирует криптокласс Res Liquidae, представлен правым ответвлением – это кластер вариантов от ямайского до канадского: чем ближе идиом этого кластера расположен к ямайскому варианту, тем более существенной для данной лингвокультуры является метафора жидкости, лежащая в основании криптокласса Res Liquidae. Второй кластер, представленный идиомами, в которых доминирует криптокласс Res Parvae, расположен от британского варианта влево, при этом, чем левее расположен идиом, тем более существенным является категориальный признак мелкий предмет для данной лингвокультуры. Так, в варианте английского Бангладеш emotion максимально представлен в криптоклассе Res Parvae. В центре карты располагается американский английский, который категоризирует эмоцию на 40% как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae) и на 39% - как жидкость (криптокласс Res Liquidae), в связи с чем данный идиом является условной разделительной чертой между двумя кластерами. Вариант Ганы (внизу) является максимально удаленным от основного кластера, что обусловлено максимально высокой значимостью криптокласса Res Acutae (50%) в языковой категоризации эмоции (emotion). Для носителей данного варианта английского языка эмоция категоризируется в основном по образу и подобию колючего предмета. Вариант Сингапура также удален от двух центральных кластеров из-за высокой значимости образа нитевидной эмоции для лингвокультуры этого региона (Res Filiformes – 31%).

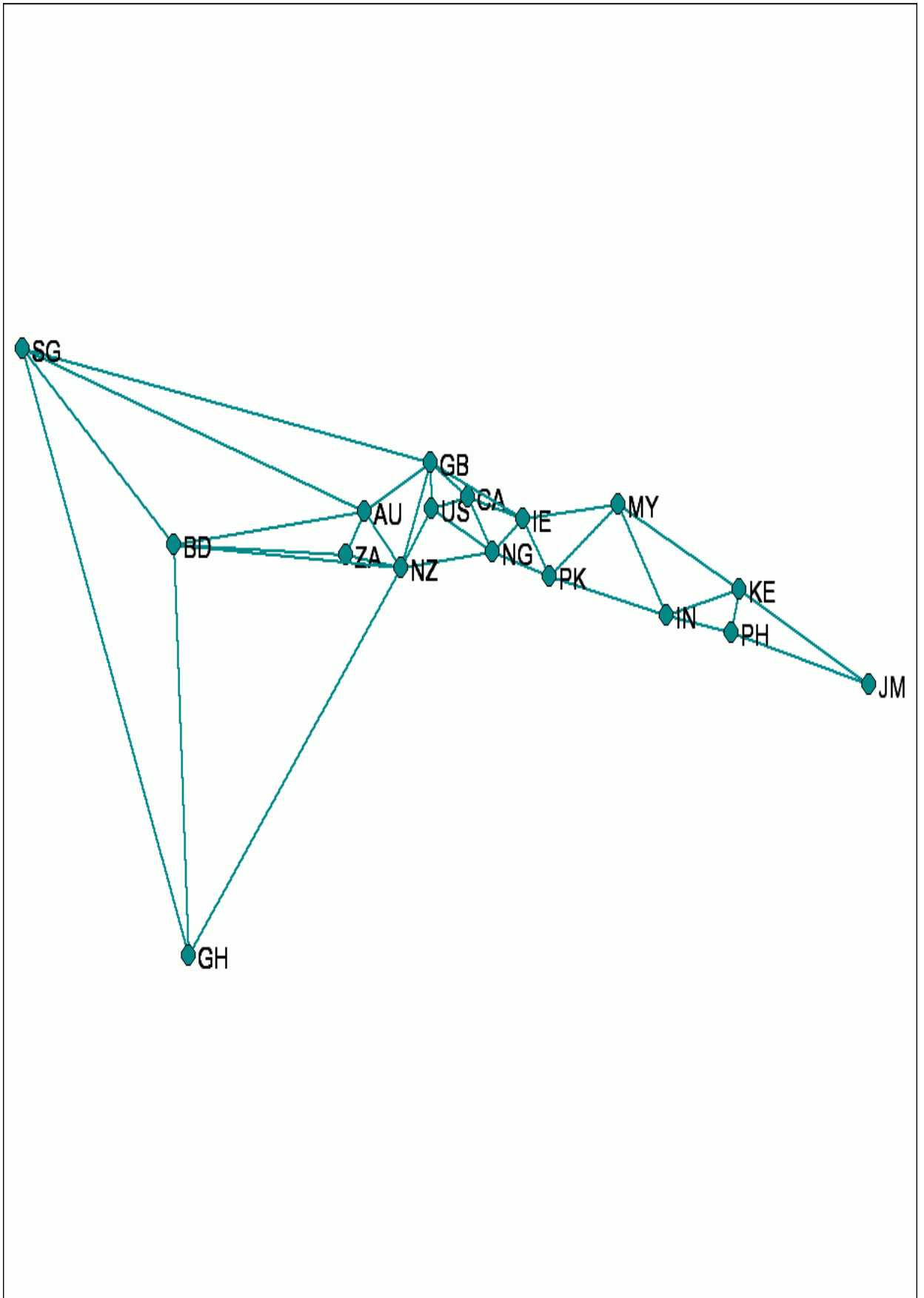

Рис.13. Карта *emotion* по данным корпуса NOW

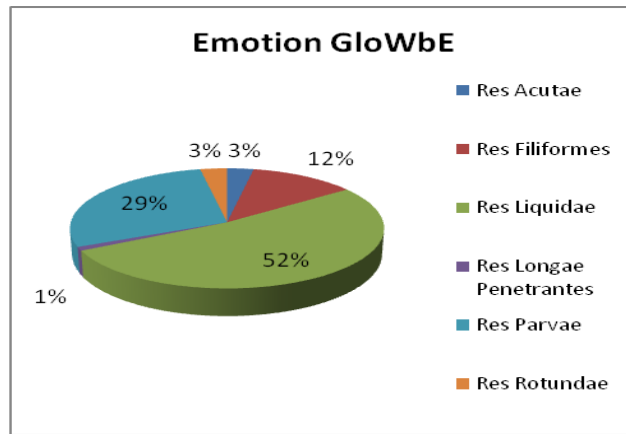

Рис.14. Криптоклассный портрет имени *emotion* в корпусе GloWbE

Также был проведен криптоклассный анализ данного слова на базе корпуса GloWbE (796 релевантных нашему исследованию примеров). Сравнение криптоклассных портретов имени по данным разных корпусов (рис.11 и рис.14) показало, что они практически аналогичны. Теснота корреляционной связи для этого метафоронима между двумя корпусами составила 93,6%, что является сильной корреляцией.

Примеры вхождения имени в криптокласс Res Liquidae были найдены во всех национальных вариантах английского языка, кроме кенийского. Вопрос о том, почему данная метафора незначима для категоризации эмоции (*emotion*) в кенийской лингвокультуре остается открытым. Интерпретация фактов криптоклассного распределения является перспективой настоящего исследования. Для пятнадцати идиомов криптокласс Res Liquidae выступает в качестве первого таксона, а для четырех (варианты Нигерии, ЮАР, Ямайки и Шри-Ланки) – в качестве второго. Это значит, что для большинства лингвокультур англосферы эмоциональное состояние человека осмысливается в первую очередь в виде перемещения водной стихии: в потоках, струях, в каплях, в приливах и отливах, в жидкости, которая льется, сочится, вытекает и растекается, которую можно переливать, и которая способна затопить окружающее её пространство (примеры 7).

(7) ***Emotion <was> dripping*** out of every pore;

People are ***flooded*** with ***emotion*** when they see a baby;

Now a strong ***current of emotion flowed*** through her;

For me, the Chopinesque melody is a natural ***ebb and flow of emotions***;

*There is a sudden **gush** of unspoken **emotions**, suspicions, secrets and thoughts that **flow** through the bonds of a family;*

*It's all about restraint and control, with **emotions leaking** through the carefully positioned mask;*

*I loved how the **emotions** almost **oozed** out of my screen;*

*I feel like I **poured** a lot more **emotion** into it;*

*I love how Hamlin just lets every single **emotion spill** right out of him like a middle-school drama queen;*

*I felt **streams of emotion** running down in electric course from head to foot;*

*Then a perfect **wave of emotion washed** over him, carrying off with it a sediment of wisdom.*

Криптокласс Рукоятное (Res Parvae) (29% или 227 примеров), обнаруженный во всех национальных вариантах, выступает в качестве второго таксона в именных таксономиях тринадцати идиомов, а в четырех (вариантах Кении, Нигерии, Ямайки и Шри-Ланки), является доминирующим. Это означает, что эмоциональное состояние достаточно часто категоризуется в языке как мелкий предмет, которым можно манипулировать: *держат* в руке (ср., рус. *сдерживать эмоции*), *хватать*, *бросать* или *поднимать* (примеры 8).

(8) *By **casting emotions** into body memories the actors professionalize them;*

*So let your mind be like a tightly woven net to **catch emotions** and feelings that come, and investigate them before you react;*

*The ideas and concepts **grabbed** my **emotions** and mind more powerfully;*

*Cinematic art has a long history of getting a **grip** on our **emotions**;*

*Women are significantly better adept at **picking up emotions** from people;*

*They obviously have an unfulfilled need to **throw** their **emotions** on something*

Вхождение *emotion* в криптокласс Res Filiformes (12% примеров из корпуса) выявлено в шестнадцати идиомах. Таким образом, следует признать, что представление об эмоции как о нитевидном предмете, который может *витья* как веревочка, *завязываться* в узлы (ср., рус. *эмоциональная привязанность*), *связывать* разные сущности или *переплетаться* с другими нитевидными в ткани поэзии, достаточно распространённо в англоязычном

пространстве (примеры 9). Однако в таких вариантах английского как гонконгский, шриланкийский, сингапурский и танзанийский данная метафора не обнаружена.

(9) *A family's outstanding characteristic is that members love one another, and this **emotion binds** them together;*

*In fact, ALL **emotions** are **intertwined** with each other;*

*Please don't get your **emotions** all **tied** up in a knot;*

***Emotions** warp and **twist** around you;*

*Poetry reminded me of my 12 year old ability to **weave emotions** into poetry;*

*A collection of 10 short stories that are **bound** by the common **thread of emotions**.*

По 3% словоупотреблений *emotion* приходится на «острые эмоции» (Криптокласс Res Acutae в 10 идиомах, примеры 10) и «округлые эмоции» (Res Rotundae в 11 идиомах, примеры 11):

(10) *I see that this question arouses very **keen emotions** in you;*

*your rationalist demeanour has been **punctured** by ideas and **emotions** from the past;*

*That process is going to be a **sharp spike of emotion**, feeling, and thought;*

*He enjoys feelings of love enhanced by the **sharp emotions** of combat.*

(11) *I can't describe how that felt... just every **emotion rolled** into one;*

*Then my 2 year old **ball of emotion** comes in and I force myself to ignore the tantrum.*

Последним таксоном оказался криптокласс Res Longae Penetrantes (1%). Окаzionaliальные примеры, свидетельствующие о том, что эмоция категоризуется как длинно-тонкий предмет стабильной формы, типа копья, который может проткнуть человека, были обнаружены в шести вариантах английского языка (пример 12):

(12) *I felt an odd **stab of emotion**.*

Несмотря на то, что *emotion* употребляется в одинаковых, похожих или сопоставимых классифицирующих конструкциях и в целом относится к одним и тем же криптоклассам, языковая категоризация явлений, попадающих под имя *emotion* в разных вариантах английского, неоднородна и представляет собой когнитивный континуум, связанный с весом и сменой приоритетов (рис. 15).

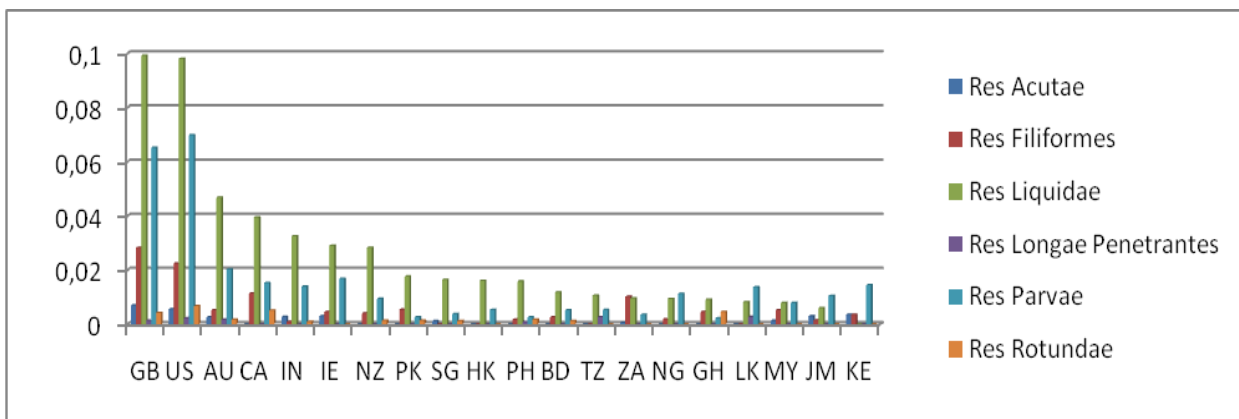

Рис.15. Криптоклассные портреты имени *emotion* в корпусе GloWbE по идиомам

Так, для ареалов Америки, Европы и Австралии характерно представление об эмоции в первую очередь как о водной массе, в то время как в ареале Карибского бассейна и в некоторых африканских странах (например, Кении и Нигерии) чаще говорят об эмоциональном состоянии как о рукоятном предмете.

При расчете корреляции было выявлено, что связь **всех** национальных вариантов составляет 55%, при этом самые тесные связи наблюдаются внутри австралийского ареала – степень связи 99,2%, также высок показатель связи (98,95%) между Британским и Ирландским английским, и между вариантами американского континента – 93,7%. Азиатские варианты английского языка коррелируют между собой с показателем 76%.

На полученной карте (рис.16) у нас образовалось три группы идиомов: наиболее плотный кластер, расположенный в центре, состоит из национальных вариантов, категоризирующих эмоцию в первую очередь как жидкость (криптокласс *Res Liquidae*). Данный кластер ограничен с одной стороны американским вариантом (рассматривающим эмоцию на 45% как жидкость и на 37% как рукоятный объект), а с другой стороны – вариантом Ганы (описывающим эмоцию на 40% как жидкую и на 20% как нитевидную). Таким образом, чем ближе расположен идиом к правому краю карты, тем более значимым для данной лингвокультуры является образ нитевидной эмоции (криптокласс *Res Filiformes*), а чем ближе к левому краю – тем более коммуникативно востребованным является категориальный признак мелкий предмет (криптокласс *Res Parvae*).

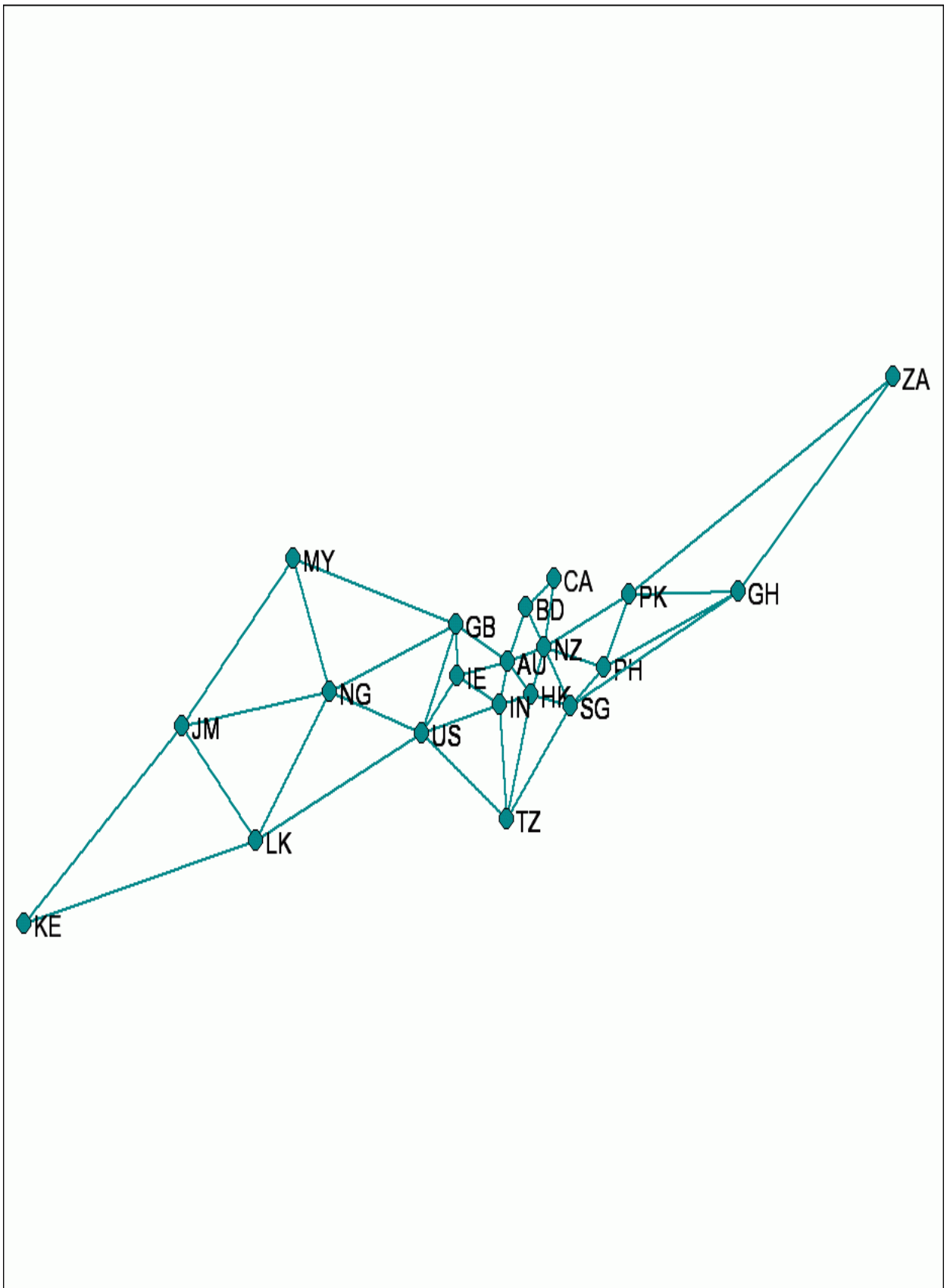

Рис.16. Карта *emotion* по данным корпуса GloWbE

Танзанийский английский несколько удален, т.к., несмотря на то, что также категоризует эмоцию в первую очередь как жидкость, для данной

лингвокультуры более существенным по сравнению с другими идиомами оказывается категориальный признак длинно-тонкого предмета стабильной формы (криптокласс *Res Longae Penetrantes*). Второй кластер, расположенный на карте слева, состоит из идиомов, в которых при категоризации эмоции лидирует криптокласс *Res Parvae*, и чем левее расположен идиом, тем менее востребованной в нем является метафора жидкости (так, в кенийском варианте при категоризации эмоции (*emotion*) криптокласс *Res Liquidae* совсем отсутствует). В последней группе представлен один идиом, а именно вариант английского ЮАР (справа), который в первую очередь категоризирует эмоцию как нить (криптокласс *Res Filiformes*). Таким образом, мы можем рассмотреть полученные кластеры в рамках единого континуума с постепенным изменением приоритетов криптоклассов: *Res Parvae* → *Res Liquidae* → *Res Filiformes*.

Показательно, что криптоклассное распределение части эмотивной лексики на материале американского варианта на базе корпуса *Corpus of Contemporary American English (COCA)* уже было сделано в работе [Борискина 2012]¹, что дает нам возможность сопоставить результаты двух исследований. Интересно, что данные о языковой категоризации эмоционального состояния, представленного именем *emotion* в американском варианте английского языка, полученные из разных корпусов (*GloWbE*, *NOW*, *COCA*) коррелируют на 97%. При этом наблюдается одинаковая последовательность криптоклассных предпочтений имени: *Res Liquidae* → *Res Parvae* → *Res Filiformes* → *Res Acutae* → *Res Longae Penetrantes*. Различие кроется в отсутствии в корпусе *COCA* употреблений имени в классифицирующих конструкциях криптокласса *Res Rotundae*.

2.1.2. *Feeling*

Количественный анализ и статистическая обработка данных корпуса *NOW* свидетельствуют о когнитивной общности осмысления внутренних состояний человека, именуемых *feeling* (рис.17).

¹ Результаты исследования находятся в электронном лингвистическом ресурсе COEL [http://www.rgph.vsu.ru/coel]

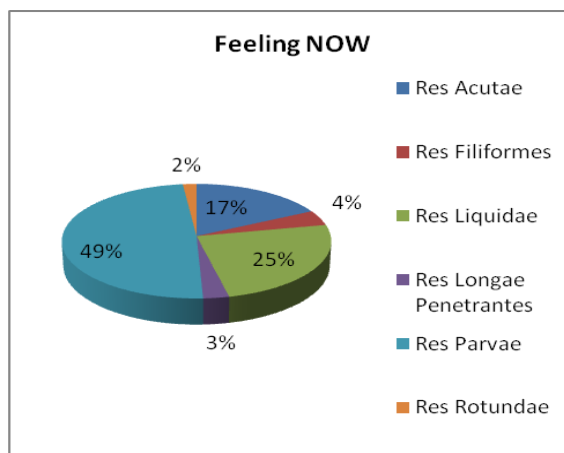

Рис.17. Криптоклассный портрет имени *feeling* в корпусе NOW

Всего в результате анализа было обнаружено 290 примеров с именем *feeling*, при этом в первую очередь (49% или 137 примеров) чувство в отличие от эмоции категоризуется как мелкий предмет по размеру сопоставимый с рукой, т.е. то, что можно взять в руку и бросить. Другими словами, данный эмоним выступает в качестве метафоронима криптокласса Res Parvae в тринадцати идиомах и в двенадцати из них является лидирующим (примеры 13), а в трех вообще отсутствует (идиомы Ямайки, Шри-Ланки и Малайзии).

(13) *Trudeau's critics **cast** his **feelings** as a weak substitute for leadership.*

*You truly **caught** the **feelings** of an ordinary Pakistani.*

*I **grab** the **feeling** in my chest and hold it close.*

*So perhaps that understanding helped me **grasp** the **feelings** of our children.*

Во вторую очередь чувство воспринимается как жидкость, способная течь (25% или 69 примеров), т.е. данный эмоним является метафоронимом криптокласса Res Liquidae в тринадцати идиомах (примеры 14), причем в трех из них он доминирует (в вариантах Индии, Шри-Ланки и Ямайки).

(14) *Writing things out and just letting all of our thoughts and **feelings flow** can be a very important exercise.*

*A **gush** of mixed **feelings** come over me.*

*She **poured** her **feelings** out on Twitter.*

*Her **feelings spill** out in a binge of alcohol and self-destructiveness.*

*From then on, Osipova distils her dancing into a **stream** of pure **feeling**.*

*Those bitter **feelings trickled** down through each generation.*

В десяти идиомах чувство категоризуется как острый предмет (например, в европейских и американских идиомах), т.е. является метафоронимом именного криптокласса Res Acutae (17%) (примеры 15), но при этом отсутствует в ямайском английском, а также в половине вариантов азиатского ареала (идиомы Шри-Ланки, Филиппин, Сингапура).

(15) *Lena was seized by an **acute feeling** of being a stranger in America.*

*The **keen feeling** of nationalism has grown as the nations have grown.*

*The **feeling** was especially **poignant** for a young woman.*

*A **sharp feeling** emanated that terrorism has become a menace and cause of weakness for the Islamic world.*

Представление о чувстве как о нитевидном предмете (Res Filiformes) зафиксировано лишь в четырех вариантах английского языка (4%) (в вариантах Индии, Пакистана, Великобритании и США) (примеры 16):

(16) *Both countries are **bound** by strong **feelings** of Islamic brotherhood.*

*I seem to have lost the **thread** of my Balkanish **feelings**.*

Чувство также способно пронзить человека (3%) (Res Longae Penetrantes) (пример 17). Хотя этот образ коммуникативно не востребован в англоязычном пространстве, окказиональные примеры вхождения данного эмонима в криптокласс Res Longae Penetrantes были найдены в пяти вариантах английского языка:

(17) *An authentic **feeling** was able to **penetrate** the structure of the debate.*

На последнем месте криптоклассной цепочки эмонима находится Res Rotundae (2%). По-видимому, способность чувства катиться благодаря своей округлой форме является наименее значимой для англоязычной лингвокультуры в целом. Окказиональные примеры были обнаружены в пяти национальных вариантах английского (в американском ареале, в 67% вариантов африканского ареала и в идиоме Великобритании) (примеры 18):

(18) *The wife of Cameroon's President is a big **ball** of happy **feelings**.*

*I had two **feelings rolling** through me: sickness and excitement.*

Неоднородность языковой категоризации имени *feeling* проявляется в распределении вариантов внутри ареалов (рис.18).

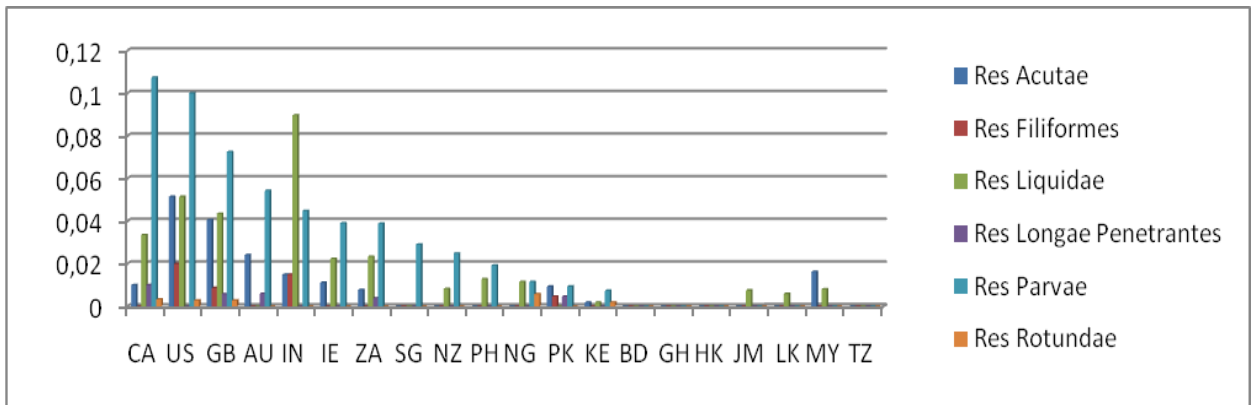

Рис.18. Криптоклассные портреты *feeling* в корпусе NOW по идиомам

Так, для ареалов Австралии, Америки, Европы и Африки наиболее характерно представление о чувстве как о рукоятном предмете, способном поместиться в руке, в то время как в азиатских странах превалирует восприятие чувства как жидкого (Индия, Шри-Ланка) или острого (Малайзия, Пакистан) предмета, и в национальном варианте Карибского бассейна также наиболее типичным выступает жидкий криптокласс.

При расчете корреляции выяснилось, что теснота связи между всеми двадцатью вариантами английского языка составляет 54%, наиболее тесные связи проявились у европейских вариантов - 97%, у американских вариантов коэффициент корреляции равен 87,7%, у австралийских – 80,7%, а у африканских – 80%.

На полученной карте (рис.19) все идиомы разбились на три группы в зависимости от первого таксона. Первый кластер, наиболее многочисленный, расположен в правой части карты и содержит идиомы, склонные категоризовать чувство в первую очередь как рукоятный предмет (криптокласс *Res Parvae*). Верхней границей данного кластера выступают варианты Филиппин и ЮАР, а нижней – вариант Пакистана, при этом, чем ближе идиом внутри данного кластера располагается к верхней границе, тем более коммуникативной востребованной для данной лингвокультуры является метафора жидкости, лежащая в основании криптокласса *Res Liquidae*, а чем ближе он к нижней границе – тем более существенным является категориальный признак острый предмет для данной лингвокультуры (у варианта Пакистана, например, 33% примеров было обнаружено именно с криптоклассом *Res Acutae*).

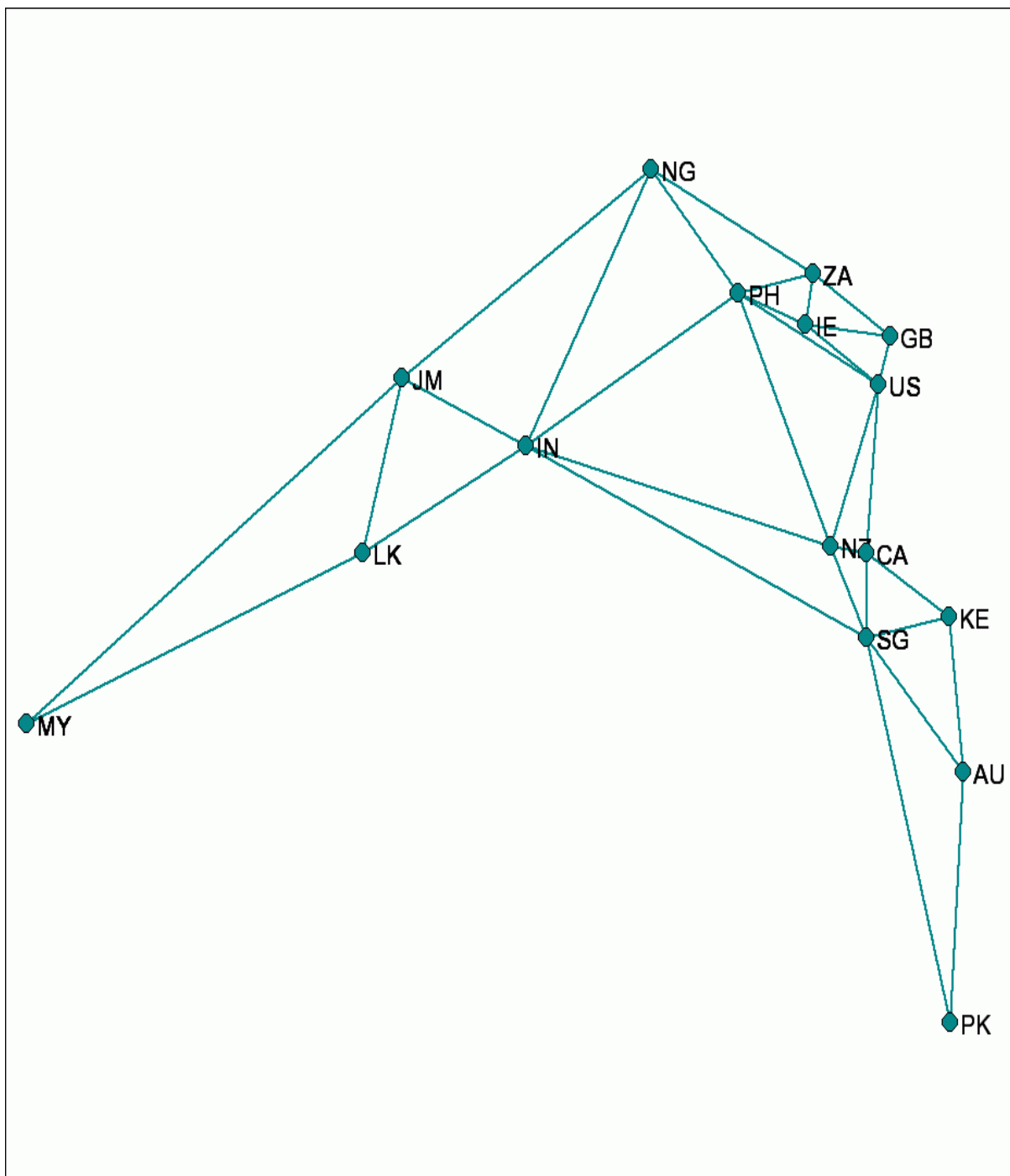

Рис.19. Карта *feeling* по данным корпуса NOW

Вариант Нигерии разделяет два кластера, т.к. в этом идиоме одинаково значимыми выступают криптоклассы Res Parvae и Res Liquidae, т.е. для носителей данного варианта английского языка чувство категоризируется в основном по образу и подобию либо мелкого предмета, либо жидкости. Второй кластер содержит идиомы, категоризирующие чувство в первую очередь как жидкость (криптокласс Res Liquidae) – это идиомы Индии, Шри-Ланки и Ямайки. Можно заметить, что вариант Индии связан с первым

кластером – это обусловлено тем, что, в данном идиоме при категоризации чувства вторым по значимости выступает признак мелкого предмета (т.е. вторым таксоном является криптокласс Res Parvae). Крайней левой точкой на карте оказался малайзийский вариант английского языка, что связано с превалированием криптокласса Res Acutae в данном идиоме (он оказался единственным из двадцати национальных вариантов, категоризирующим чувство в первую очередь как колючий предмет).

Теснота связи по данному слову между корпусами NOW и GloWbE составила 94%.

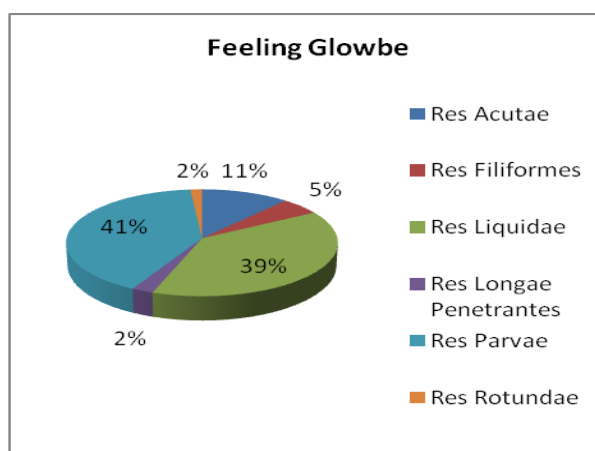

Рис.20. Криптоклассный портрет имени *feeling* в корпусе GloWbE

Всего с именем *feeling* в корпусе GloWbE было обнаружено 669 примеров (рис.20). Наиболее характерным криптоклассом выступает криптокласс Res Parvae, т.е. рукоятная характеристика (41% или 272 примера) (примеры 19), данный криптокласс встречается во всех идиомах, в одиннадцати из них является доминирующим, а в восьми находится на второй позиции по встречаемости:

(19) *Remembering such memories casts a melancholic feeling inside me.*

Bodies can catch feelings as easily as catch fire.

Grab that feeling and hold on to that, and don't let go.

They should keep a firm grip on angry feelings when dealing with their children.

she could take that feeling and turn it into an amazing screenplay.

Вторым по представленности в категоризации данного имени (с небольшой разницей в 2%) выступает криптокласс Res Liquidae, т.е. свойство жидкости (39% или 260 примеров) (примеры 20), он используется во всех

идиомах, причем в семи из них доминирует (например, в вариантах Австралии, Новой Зеландии, Индии, Филиппин, Сингапура):

(20) *I was flooded with simultaneous feelings of connection to this place.*

Great waves of good feeling flowed through him.

My true feelings would always leak out somewhere.

Anti-Catholic feelings just ooze from the pages.

Moussorgsky poured out his feeling about his friend's death in a letter to Stasov.

So many feelings and memories are spilling out of me.

A cold feeling streamed down my stomach.

I was impressed for a few days but that feeling slowly trickled away from me.

A lovely feeling washed over his entire body.

В третью очередь чувство категоризуется как нечто острое (Res Acutae) (11%) (примеры 21), данный криптокласс представлен в шестнадцати идиомах, причем в вариантах Шри-Ланки и Пакистана он является первым таксоном, а в идиомах Нигерии, Ямайки, Бангладеш и Сингапура не выражен вовсе:

(21) *The initial break-up, with all the tears, rage, grief and acute feelings of humiliation and shame, was traumatic.*

Both of them will get a keen feeling of pressure.

[He] is experiencing extremely painful, racking, piercing feelings.

So poignant were the feelings aroused by this cry from the silence.

He enjoyed the sharp feeling deep inside that his fame was coercing honor.

I remember that feeling that still stings.

По данным корпуса GloWbE чувство категоризуется и как нитевидный предмет (Res Filiformes) (5%) (примеры 22), данное значение зафиксировано в девяти вариантах английского языка (в том числе в европейском ареале и в половине идиомов азиатского ареала):

(22) *Your feelings will bind you and liberate you.*

A Jedi had no right to act on the feelings that had bound them to one another.

Her behaviour is tied up with her feelings of guilt.

i think of you every moment of everyday... you twist my feelings...

Помимо этого чувство может рассматриваться как длинно-тонкий объект (Res Longae Penetrantes) (2%) (примеры 23), окказиональные употребления данного криптокласса были обнаружены в десяти вариантах английского языка (в том числе в идиомах австралийского, американского ареалов и в половине национальных вариантов азиатского ареала):

(23) *The same kind of **feeling** has **penetrated** in every block of my brain.
Am I going to be **stuck** with these **feelings** forever?*

Также в шести вариантах английского языка (австралийском, новозеландском, американском, британском, гонконгском и пакистанском) были найдены окказиональные примеры восприятия чувства как круглого предмета (Res Rotundae) (1,5%) (пример 24):

(24) *These **feelings** go **round** and round...*

Несмотря на то, что имя *feeling* относится к одним и тем же криптоклассам во всех двадцати вариантах английского языка, культурная специфика проявляется в неоднородности распределения идиомов в криптоклассах (рис.21).

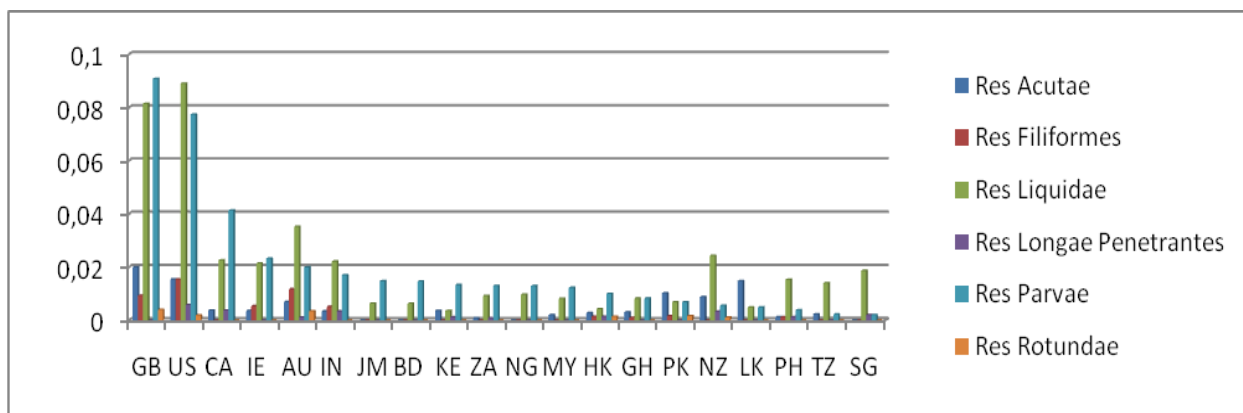

Рис.21. Криптоклассные портреты имени *feeling* в корпусе GloWbE по идиомам

Так, для европейских вариантов английского языка, варианта Карибского бассейна и большинства африканских идиомов явным приоритетом служит представление о чувстве как о предмете, который может поместиться в руке, т.е. первым таксоном выступает криптокласс Res Parvae, в то время как для ареала Австралии более типичным является осмысление данного имени в связи с таким свойством как текучесть, что также типично для некоторых азиатских вариантов (Индия, Филиппины, Сингапур), в то

время как в других лингвокультурах (Шри-Ланка и Пакистан) естественно категоризовать чувство в первую очередь как острый предмет.

Общность всех рассматриваемых вариантов английского для данного имени составляет 55%, в то время как ареалы коррелируют намного сильнее: самая сильная корреляция наблюдается в европейских вариантах – 98,9%, в американских вариантах она составляет 88%, для африканских идиомов этот показатель равен 85%, для австралийского ареала теснота связи составляет 83%, а для азиатских вариантов – 70%.

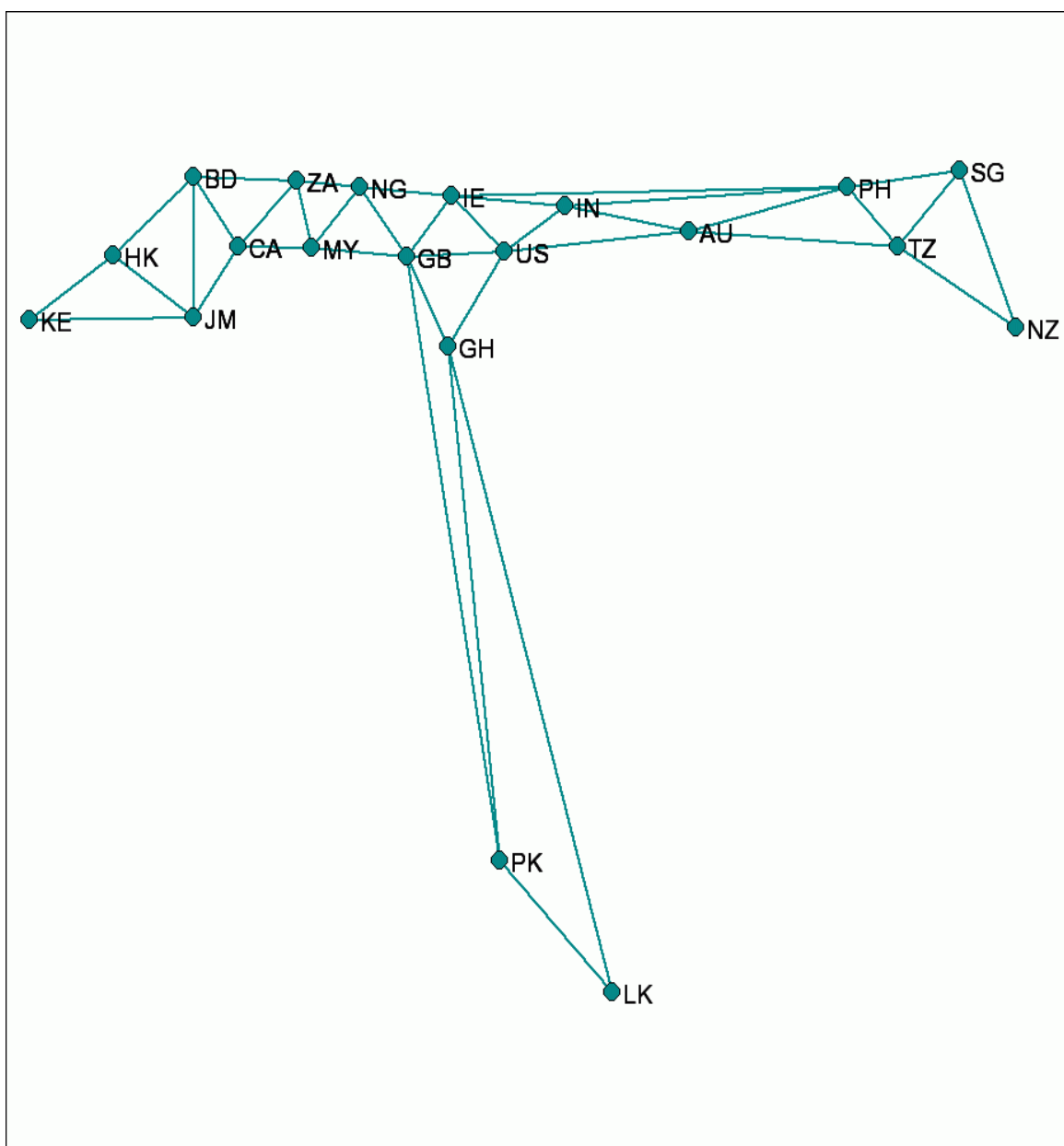

Рис.22. Карта *feeling* по данным корпуса GloWbE

На составленной карте (рис.22) выделилось три кластера. Первый кластер, наиболее плотный, состоит из идиомов, которые категоризируют

чувство в первую очередь как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae).левой границей данной группы выступает кенийский идиом, а правой – идиомы Ирландии и Ганы, при этом, чем ближе идиом внутри кластера расположен к варианту Кении, тем более существенным является категориальный признак длинно-тонкий предмет (криптокласс Res Longae Penetrantes) для данной лингвокультуры, а чем ближе он расположен к варианту Ганы, тем более высокой значимостью обладает образ острого чувства (криптокласс Res Acutae) для лингвокультуры этого региона. Близость к ирландскому варианту указывает на увеличение значимости для данной лингвокультуры метафоры жидкости, лежащей в основании криптокласса Res Liquidae. Второй кластер содержит идиомы, в которых в качестве первого таксона выступает криптокласс Res Liquidae. Границами данного кластера являются с одной стороны варианты Сингапура и Новой Зеландии, а с другой – вариант США. При этом, чем ближе идиом к американскому варианту, тем более существенным является категориальный признак мелкий предмет для данной лингвокультуры (криптокласс Res Parvae), чем ближе он расположен к идиому Сингапура, тем более значимым для данной лингвокультуры является категориальный признак длинно-тонкий предмет (криптокласс Res Longae Penetrantes), а близость к новозеландскому варианту отражает увеличение примеров с криптоклассом Res Acutae. Третья группа содержит идиомы, в первую очередь категоризирующие чувство как острый предмет (криптокласс Res Acutae) – это варианты Пакистана и Шри-Ланки.

По данным информационного ресурса COEL наиболее представленным для имени *feeling* выступает криптокласс Res Parvae (37,5%), на втором месте находится криптокласс Res Liquidae (32,14%), на третьем месте – криптокласс Res Acutae (24,11%) и на последнем – Res Filiformes (6,25%). Коэффициент корреляции между данными ресурса COEL и корпусами GloWbE и NOW составляет 92%, при этом теснота связи с американским вариантом, представленным в данных корпусах, равна 95%.

2.1.3. Hope

Всего с именем *hope* в корпусе NOW было найдено 99 релевантных нашему исследованию примеров (т.е. на границе «критической массы»), в связи с чем удалось обнаружить не все криптоклассы: криптоклассы длинно-тонкого (*Res Longae Penetrantes*) и круглого (*Res Rotundae*) выявлены не были (рис.23).

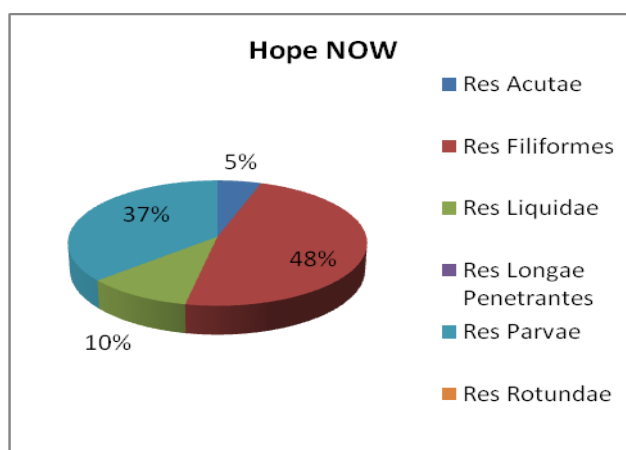

Рис.23. Криптоклассный портрет имени *hope* в корпусе NOW

Согласно проведенному исследованию наиболее представленным оказалось свойство нитевидности (*Res Filiformes*) (48% или 46 примеров) (примеры 25), данный криптокласс характерен для 13 вариантов английского языка, причем для десяти он выступает в качестве первого таксона (например, для идиомов американского ареала) и для трех в качестве второго, в четырех идиомах подобные словоупотребления обнаружены не были (в вариантах Сингапура, Малайзии, Кении и Австралии):

(25) *Migrants are now hanging on a thread of hope awaiting their fate.*

We always look up to people and tie high hopes with them.

A nation of dreamers, some of whom weave our hopes and aspirations into the craft of story-telling.

Во вторую очередь надежда категоризуется как рукоятный предмет (криптокласс *Res Parvae*) (37% или 35 примеров) (примеры 26), данный криптокласс был найден в 11 вариантах, причем для шести из них он выступает первым по значимости (например, в европейском ареале), а для пяти – вторым:

(26) *I cast my hope beyond the Nigerian judiciary.*

*N. Djokovic can **cast** his **hopes** forward a month to the start of Roland Garros
We ourselves must be on the path of a liberating transformation before others
can **catch hope** from us.*

*If you don't **grasp hope**, then you've got very little else to hold onto.*

*It takes a lot of effort to **take hope** in humanity's spirit.*

*Wada unleashes its second report in what it is likely to **throw** Kenya's **hope** of
competing at the Olympic Games in Rio, Brazil, into a spin.*

Помимо этого, надежда категоризируется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (10%) (примеры 27), окказиональные употребления были обнаружены в семи национальных вариантах английского (в том числе в половине идиомов азиатского ареала, а именно в индийском, филиппинском и малайзийском вариантах):

(27) *He has all of his **hopes flow** so seamlessly throughout each song.*

*Then the warm **gush** of **hope** that all might be okay.*

*Mothers, continue to **pour hope** and determination in your children.*

*Despite the **stream** of **hope** in some places, change is still an uncharted
ocean in most areas.*

Также в четырех вариантах надежда сопоставляется с острым предметом (Res Acutae) (5%) (в том числе в вариантах Великобритании и Ирландии) (примеры 28):

(28) *It ends with a **poignant hope** that the new president would lead the
nation to the "next Augustan age".*

*Soth's Niagara is a place of **poignant hope** and disillusionment...*

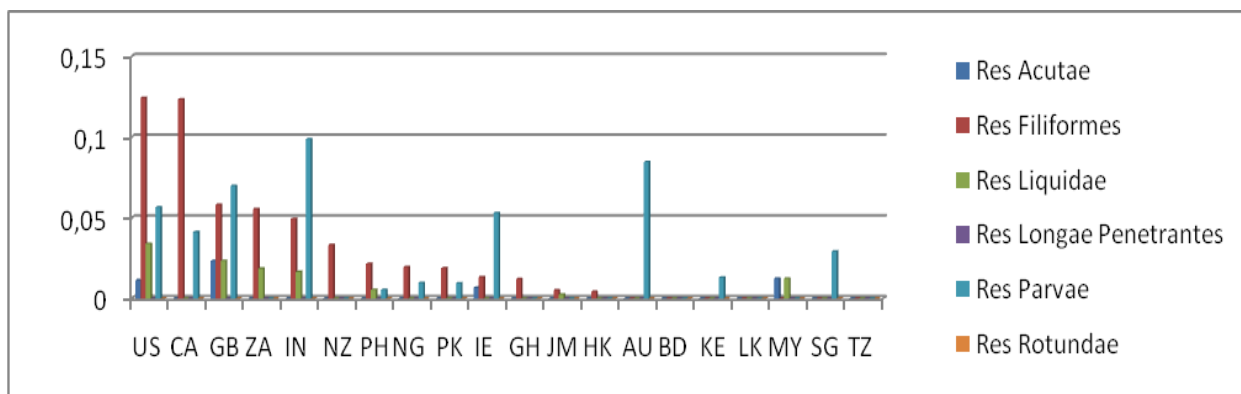

Рис.24. Криптоклассные портреты *hope* в корпусе NOW по идиомам

Несмотря на количественно небольшую выборку, были выявлены характерные ареальные предпочтения: так, европейские идиомы в первую очередь рассматривают надежду как небольшой, рукоятный предмет, в то время как для американского ареала, идиома Карибского бассейна и большинства африканских вариантов данная эмоция предстает главным образом как нитевидная (рис.24).

Согласно коэффициенту корреляции теснота связи между всеми национальными вариантами составила 46%, в то время как близость европейского ареала равна 83%, а американского – 96%.

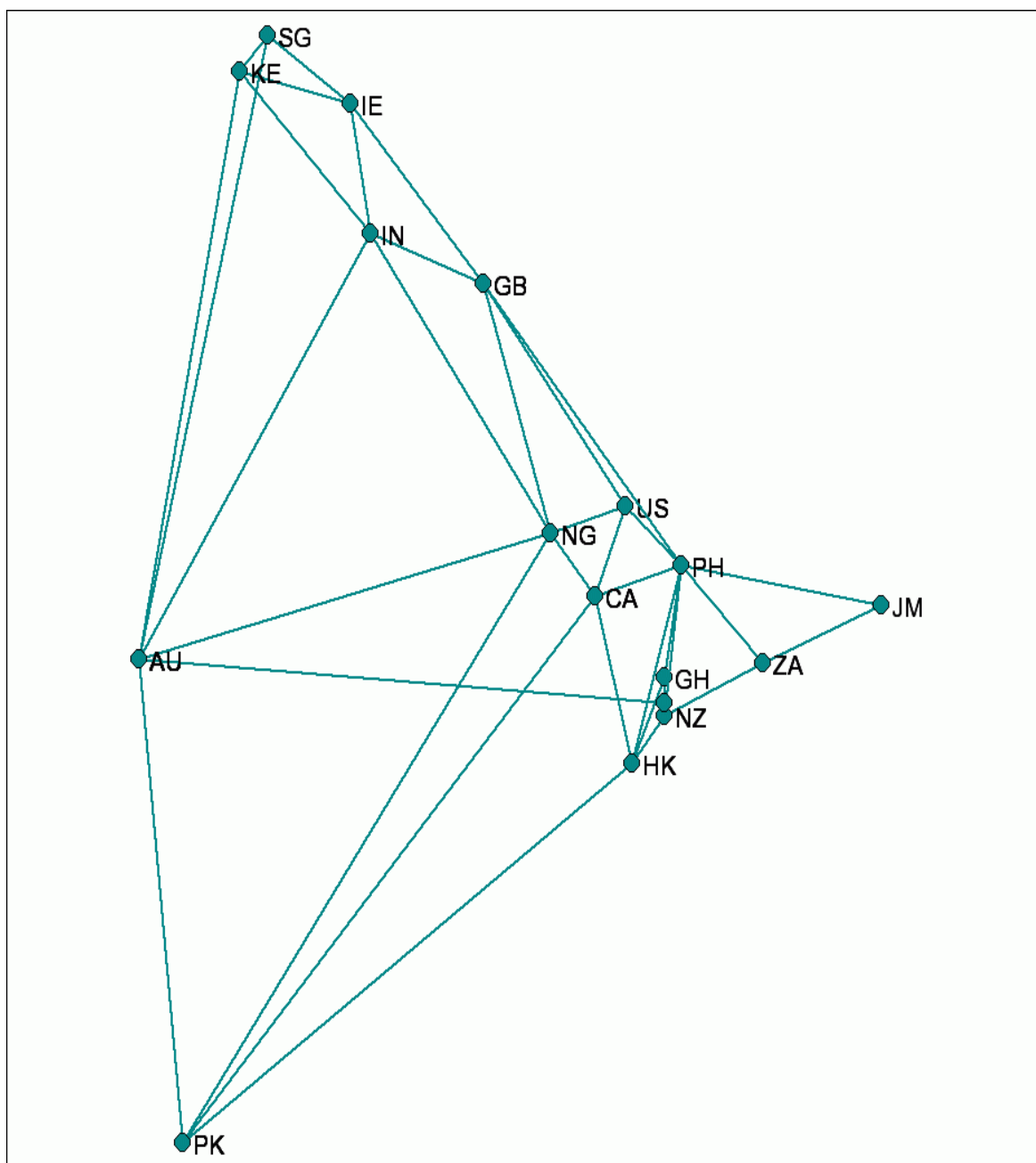

Рис.25. Карта *hope* по данным корпуса NOW

На карте (рис.25) можно отметить основные тенденции криптоклассных предпочтений: так, в образованном на карте кластере представлены идиомы, категоризирующие надежду при помощи криптоклассов *Res Filiformes* и *Res Parvae*, при этом, чем выше идиом расположен на карте, тем более существенным является категориальный признак мелкий предмет для данной лингвокультуры, а чем ниже – тем выше значимость образа нитевидной эмоции для лингвокультуры этого региона. Близость к варианту Ямайки указывает на повышение коммуникативной востребованной для данной лингвокультуры метафоры жидкости, лежащей в основании криптокласса *Res Liquidae* (у ямайского английского 33% обнаруженных примеров – с классификаторами криптокласса *Res Liquidae*). Австралийский вариант оказался наиболее удаленным из-за максимально высокой значимости криптокласса *Res Parvae*, для носителей данного варианта английского языка надежда категоризируется исключительно по образу и подобию мелкого предмета.

В корпусе GloWbE было обнаружено 312 соответствующих исследованию примеров, степень связи с корпусом NOW составила 64%.

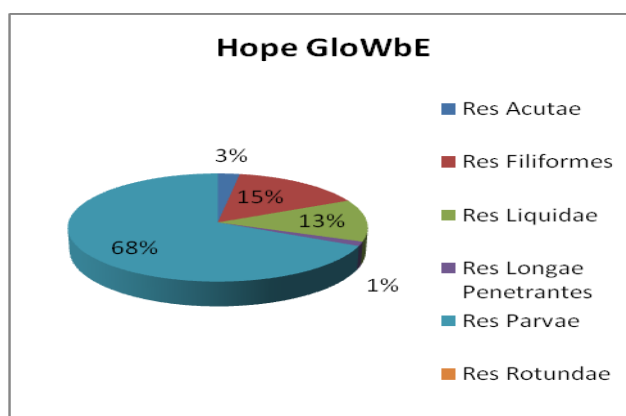

Рис.26. Криптоклассный портрет имени *hope* в корпусе GloWbE

Проведенное исследование показало, что надежда по данным корпуса GloWbE в первую очередь воспринимается носителями английского языка как рукоятный предмет небольшого размера (68% или 211 примеров) (примеры 29), данное свойство проявляется во всех национальных вариантах, и в 19 из них выступает в качестве первого таксона (рис.26):

(29) *He urges us to cast our hopes on new technologies.*

Even when you try so hard and can't catch anything, catch hope!

Grab that slice of **hope**, and put some wind beneath your wings.

While we may not be able to force another person to **grasp** a deeper **hope**, we can make it more possible that a person can develop a deeper hope...

No one is able to **snatch** this **hope** away from us.

You have to **take** your **hopes** and make them happen through decisive action.

The answer to that isn't to **throw** all your **hopes** at an unsuitable candidate.

Криптокласс Res Filiformes, активно проявившийся в корпусе NOW, здесь находится на второй позиции (15% или 48 примеров) (примеры 30), актуализировавшись в 15 национальных вариантах, и являющийся первым по приоритету для английского языка в Шри-Ланке:

(30) [They were] **bound** together by high **hopes** and fragile dreams.

Hope and tragedy are **intertwined** in the music.

My dream was disappearing and only a thin **thread** of **hope** kept it alive.

The art of **weaving** a common **thread** of **hope** and unity into a global tapestry of action for solidarity and change.

Bound by a hundred **ties** of **hope**.

It doesn't necessarily take much to **twist** that **hope** into a pile of bent metal.

Enlarge our hearts so that we may **weave** **hope** from the fabric of tragedy.

В третью очередь надежда категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (12%) (примеры 31), примеры подобной категоризации были обнаружены в 15 национальных вариантах, при этом в половине идиомов азиатского кластера данная характеристика надежды отсутствует (а именно, в вариантах Бангладеш, Гонконга, Индии и Пакистана):

(31) I had an immediate **flood** of thoughts, **hopes** and fears...

Fear and **hope flow** from the same fountain: fear prevents us from falling away from hope.

Hope gushes as a fountain in the heart of youth.

Hope oozed and nationalism reached fever pitch...

People have **poured** their glories, **hopes** and memories...

You've got **hope spilling** out of your heart.

Hope has never **trickled** down. It has always sprung up.

На четвертом месте располагается характеристика остроты (криптокласс Res Acutae) (3%) (примеры 32), окказиональные примеры были обнаружены в пяти национальных вариантах (например, это идиомы США и Канады):

- (32) *He had **keen hopes** of either becoming a museum curator or a lecturer*
*The World's Fair evoked **acute hope**: the promise of a glorious future.*
*The **shards of hope** still **pierce** through the Durban atmosphere...*
*The **poignant hope** of finding yourself created new love of another.*
*What she has written may give you more **pin pricks of hope** and light.*

Помимо этого надежда может рассматриваться как длинно-тонкий предмет (криптокласс Res Longae Penetrantes) (1,3%) (примеры 33), единичные примеры подобного словоупотребления характерны для трех вариантов английского языка (канадского, британского и американского):

- (33) *Our grieving is **penetrated** with great **hope** in the Resurrection.*
***Hope** and optimism **point** to a future without the illness.*
*Our **hopes** have **stabbed** us in the back...*

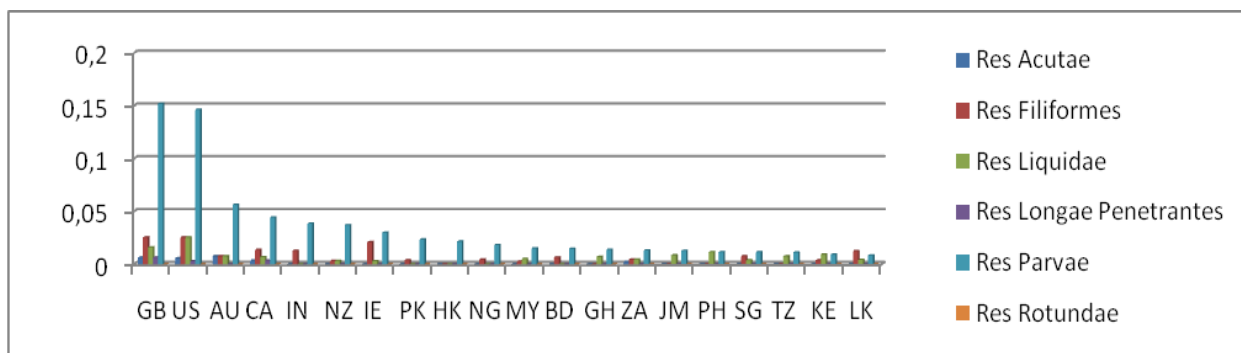

Рис.27. Криптоклассные портреты имени hope в корпусе GloWbE по идиомам

Теснота связи внутри корпуса GloWbE между всеми национальными вариантами составила 80% (рис.27), самый высокий коэффициент корреляции оказался внутри австралийского ареала (99,2%), также высока близость вариантов внутри американского ареала – 98,9%, коэффициент корреляции европейских национальных вариантов составляет 86%, а африканских – 81%.

На полученной карте (рис.28) у нас образовалось две группы: в основной кластер вошли 19 идиомов, которые категоризуют надежду в первую очередь как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae). Его левой границей выступают варианты Филиппин и Кении, и чем ближе идиом

расположен к данным вариантам, тем более коммуникативно востребованной для лингвокультуры является метафора жидкости (криптокласс Res Liquidae). Правой границей выступают варианты Ирландии и Сингапура, и близость идиомов внутри континуума к этим вариантам отражает увеличение значимости образа нитевидной эмоции для лингвокультуры этого региона (криптокласс Res Filiformes).

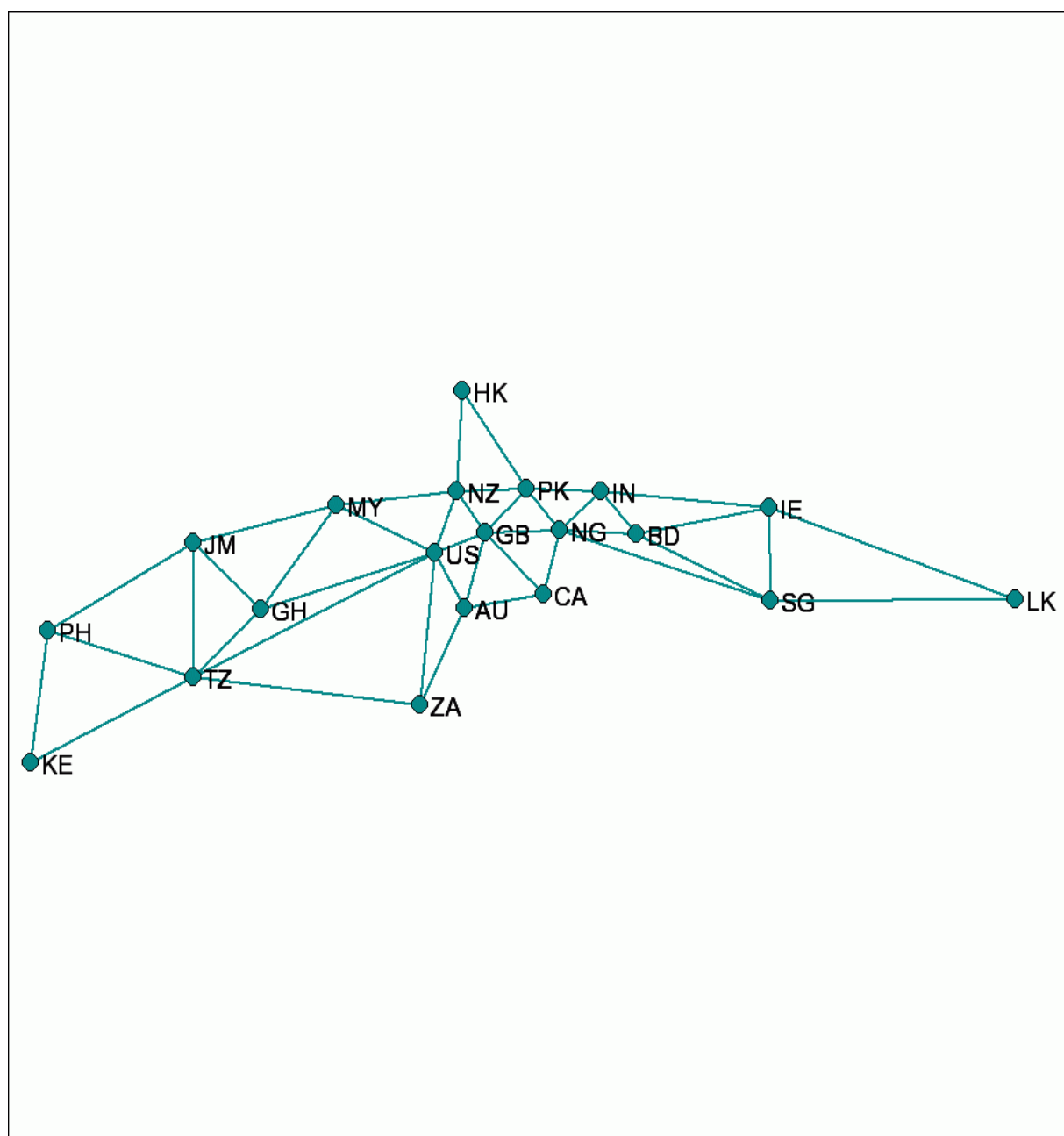

Рис.28. Карта *hope* по данным корпуса GloWbE

Верхней границей выступает вариант Гонконга, категоризирующий надежду исключительно как мелкий предмет (криптокласс Res Parvae), и чем ближе варианты английского расположены к верхней границе, тем более

существенным является категориальный признак мелкий предмет для данной лингвокультуры. Обособленно располагается вариант Шри-Ланки, который следует выделить в отдельную группу, в связи с максимально высокой значимостью криптокласса *Res Filiformes* в языковой категоризации надежды.

Согласно данным COEL в корпусе COCA эмоция надежды в первую очередь категоризируется как рукоятный предмет (криптокласс *Res Parvae*) (47,55%), на втором месте по важности находится нитевидное свойство (криптокласс *Res Filiformes*) (23,08%), далее следует острая характеристика (криптокласс *Res Acutae*) (18,88%), четвертым по приоритету выступает жидкое свойство (криптокласс *Res Liquidae*) (6,29%), пятой является способность надежды пронзить (криптокласс *Res Longae Penetrantes*) (3,5%) и наименее характерной выступает способность катиться (криптокласс *Res Rotundae*) (0,7%). Коэффициент корреляции между корпусами COCA и NOW составляет 75%, а между корпусами COCA и GloWbE – 90,5%.

2.1.4. Surprise

Согласно этимологическому словарю в 15 веке слово *surprise* означало «sudden attack or capture» (неожиданная атака или захват), в 16 веке - «something unexpectedly sudden» (нечто внезапное); а в 17 веке - «feeling caused by this» (вызванное этим чувство) [Onions 1982, p. 890]. Несмотря на то, что К. Изард относит удивление к базовым эмоциям, он отмечает, что «удивление нельзя назвать эмоцией в собственном смысле этого слова, ибо оно не обладает тем набором характеристик, которые присущи таким базовым эмоциям, как радость или печаль» [Изард 1980, с. 138], удивление отличают кратковременность, неожиданность, скоротечность. Об удивлении писал еще Аристотель: «Удивление настойчиво требует познания. В удивлении я осознаю свое неведение. Я ищу знания, но ради самого знания, а не «ради какой-то общей потребности» [Аристотель 1984, с.342]. В тексте литературной сказки удивление занимает одно из основных мест, что может быть связано с «фольклорной природой литературной сказки...с представленными в сказке фантастическими и сказочными элементами и

героями, которые и должны вызывать у читателя эмоцию удивления» [Кольцова, Токмакова 2015, с.107-109].

С именем *surprise* в корпусе NOW было обнаружено 483 релевантных нашему исследованию примера (рис.29).

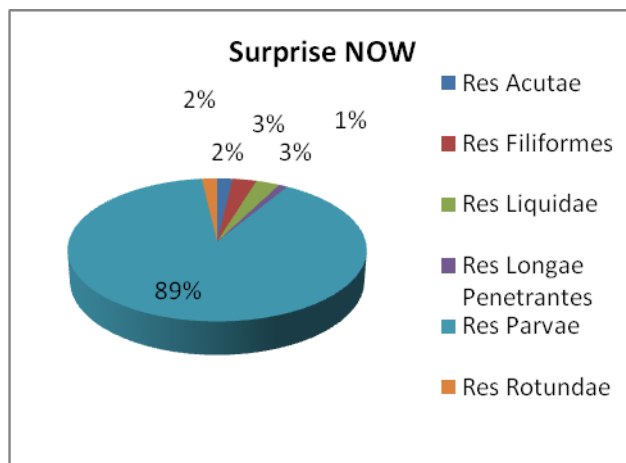

Рис.29. Криптоклассный портрет имени *surprise* в корпусе NOW

Преобладающее большинство примеров связано с характеристикой удивления как небольшого рукоятного предмета (криптокласс Res Parvae) (89% или 432 примера) (примеры 34), 17 национальных вариантов категоризируют данную эмоцию именно таким образом, причем для всех идиомов данный криптокласс является первым таксоном:

(34) *Now it's **catching** a few **surprises** and we'll learn from them.*

*LI has **taken** the suspense and **surprise** out of daily legal happenings in India.*

*The trailers have **taken** the biggest **surprise** of the entire film.*

*It only **takes** one big **surprise** to turn it all around.*

*The overall mood of the episode was about to **throw** a lot of **surprises**.*

Во вторую очередь удивление концептуализируется как жидкий (Res Liquididae) (примеры 35) и нитевидный (Res Filiformes) (примеры 36) предмет (по 3%), окказиональные употребления имени были найдены в восьми и семи национальных вариантах соответственно:

(35) *I say with a **gush** of feigned **surprise**.*

*The **splash** of **surprise** on the mother's face, as if she didn't truly believe...*

*A lot of the guests were disappointed that the **surprise** had **leaked** out.*

*The PlayStation Network has been **pouring** out varied **surprises** for gamers*

*I don't want to be torn apart for **spilling surprises**.*

... at the stream of surprise or ambush.

(36) MTN Project fame continues to spin surprise after surprise.

They separate out the threads of happiness, surprise, and euphoria.

J. Yohalem continued to weave surprise into the title's pre-release build-up.

[It was] twisted surprise to celebrate the end of your academic year.

Также удивление категоризуется как острый (Res Acutae) (примеры 37) и круглый (Res Rotundae) (примеры 38) объект (по 2%), данные характеристики были найдены в шести и четырех национальных вариантах английского языка соответственно:

(37) "Why buy when it's free?" asks Kartik Viswanath in acute surprise.

The long scene, with its sketches and sharp surprises...

(38) And the surprises should keep rolling out.

The surprises keep rolling at the Olympics pool.

Окказиональные примеры (1%) в двух национальных вариантах (Австралии и Великобритании) были обнаружены для характеристики длинно-тонкого предмета (Res Longae Penetrantes) (пример 39):

(39) This surprise that just sticks in my head forever.

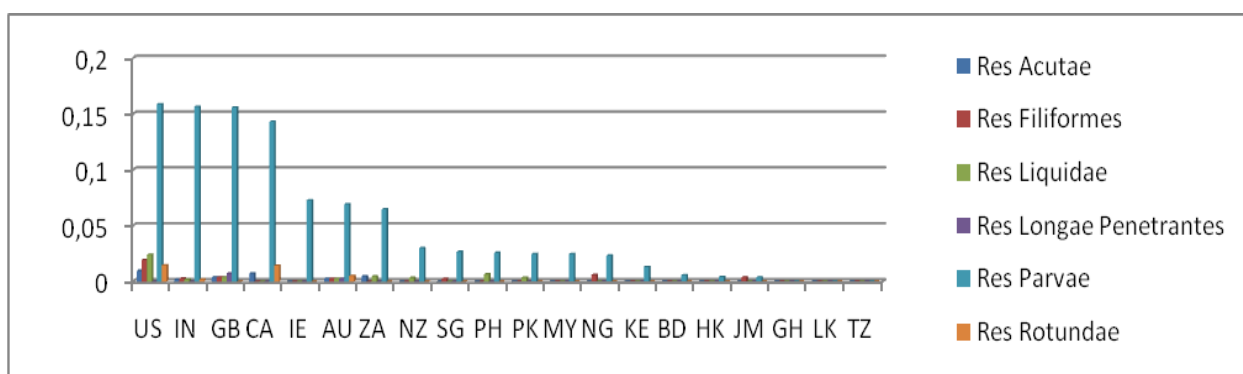

Рис.30. Криптоклассные портреты имени *surprise* в корпусе NOW по идиомам

Корреляция всех национальных вариантов внутри корпуса составляет 57% (рис.30), в то время как ареальная теснота связи намного выше: в африканских идиомах она равна 75%, в азиатских – 79%, в американских – 98,5%, в австралийском регионе – 99,2% и в европейских идиомах – 99,93%.

Все идиомы попали в один таксон с первым членом Res Parvae, что отразилось на полученной карте (рис.31): пятнадцать вариантов составили довольно плотный кластер, при этом можно выделить азиатскую группу

(варианты Индии, Бангладеш, Сингапура и Малайзии), окруженную вариантами Кении, ЮАР и Нигерии, также следует отметить близость идиомов Великобритании и Ирландии.

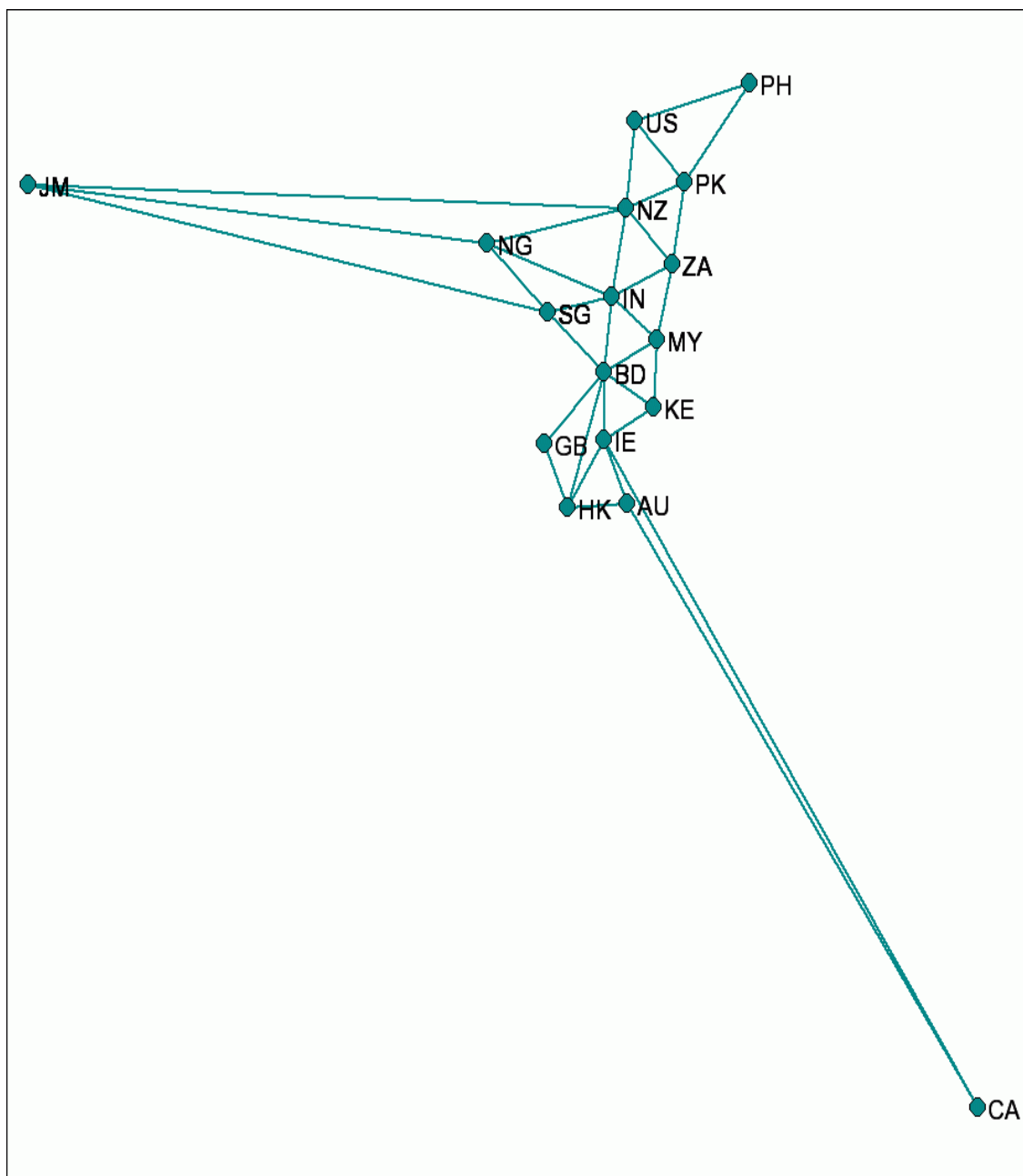

Рис.31. Карта *surprise* по данным корпуса NOW

На периферии оказались, с одной стороны, канадский идиом из-за высокой значимости образа круглого удивления для лингвокультуры этого региона (9% примеров было обнаружено с криптоклассом *Res Rotundae*), а с другой стороны, вариант Ямайки, в котором при языковой категоризации удивления максимально высокой значимостью обладают криптоклассы *Res Parvae* и *Res Filiformes*, т.е. для носителей данного варианта английского

языка удивление категоризуется в основном по образу и подобию мелкого предмета или нити. Таким образом, стоит отметить, что, чем ближе идиом расположен к канадскому варианту, тем более значимой для данной лингвокультуры является метафора шара, лежащая в основании криптокласса Res Rotundae. Близость к ямайскому варианту говорит о повышении коммуникативной востребованности образа нитевидного удивления для лингвокультуры этого региона. Чем выше расположен идиом на карте (и, следовательно, чем ближе к филиппинскому варианту), тем более высокой значимость для данной лингвокультуры обладает метафора жидкости при категоризации удивления, а с приближением к гонконгскому варианту увеличивается коммуникативная востребованность категориального признака мелкий предмет (криптокласс Res Parvae).

Теснота связи между корпусами составила 99,5%. В целом в корпусе GloWbE удалось обнаружить 101 релевантный исследованию пример с рассматриваемым словом, что находится на границе «критической массы», в связи с таким невысоким показателем употребления surprise с криптоклассами Res Filiformes и Res Rotundae обнаружить не удалось (рис.32).

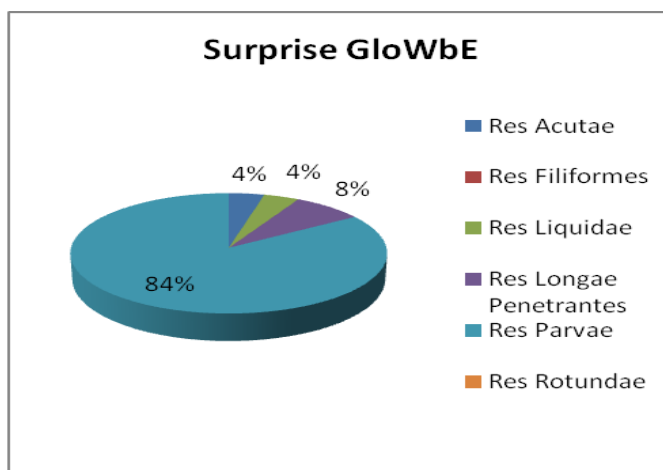

Рис.32. Криптоклассный портрет имени *surprise* в корпусе GloWbE

Аналогично данным корпуса NOW, самое большое количество примеров в GloWbE было обнаружено с криптоклассом Res Parvae (84% или 85 примеров) (примеры 40), характерным для 16 национальных вариантов и выступающий для всех этих идиомов в качестве первого таксона, а в ямайском варианте английского языка вообще не используемый:

(40) *A very impressive TVB drama **caught** my **surprise** and attention.
 Having the attitude to **grasp** these **surprises** and leverage them is critical.
 The sight of this made the king **take** shock and **surprise** within himself by
 surmising that they were drunk through an excess of alcoholic spirits.
 Life always **throws** **surprises** at us, out of the blue.
 They will gladly **throw** us a **surprise** if they know the reaction.*

Во вторую очередь удивление категоризируется как длинно-тонкий объект (Res Longae Penetrantes) (8%) (пример 41), окказиональные примеры встречаются в пяти национальных вариантах (например, в идиомах американского ареала):

(41) *He felt a momentary **stab** of **surprise**.*

Единичные примеры были найдены в четырех вариантах английского языка, где удивление категоризируется как острый предмет (Res Acutae) (4%) (примеры 42) и жидкость (Res Liquidae) (4%) (примеры 43):

(42) *[There] may be a **poignant** **surprise**.*

*She saw him conceal his **sharp** **surprise**.*

(43) *The **deluge** of unpleasant **surprises** can turn into financial contagion.
 Life in Jamaica consists of dealing with a never-ending **stream** of **surprises**.*

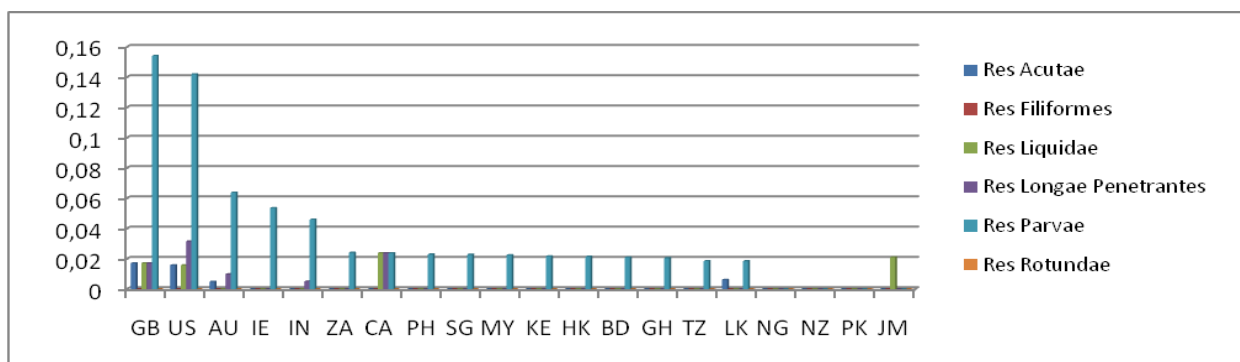

Рис.33. Криптоклассные портреты имени *surprise* в корпусе GloWbE по идиомам

Несмотря на то, что почти все ареалы рассматривают удивление, в первую очередь, как рукоятный объект, вариант Карибского бассейна тяготеет к представлению о данной эмоции как о жидкости (рис.33).

Согласно рассчитанным коэффициентам корреляции, связь между всеми национальными вариантами составляет 68%, в то время как американские варианты коррелируют на 87%, азиатские – на 88%, европейские – на 99%, а

наиболее близкими оказались африканские варианты – коэффициент корреляции составил 100%.

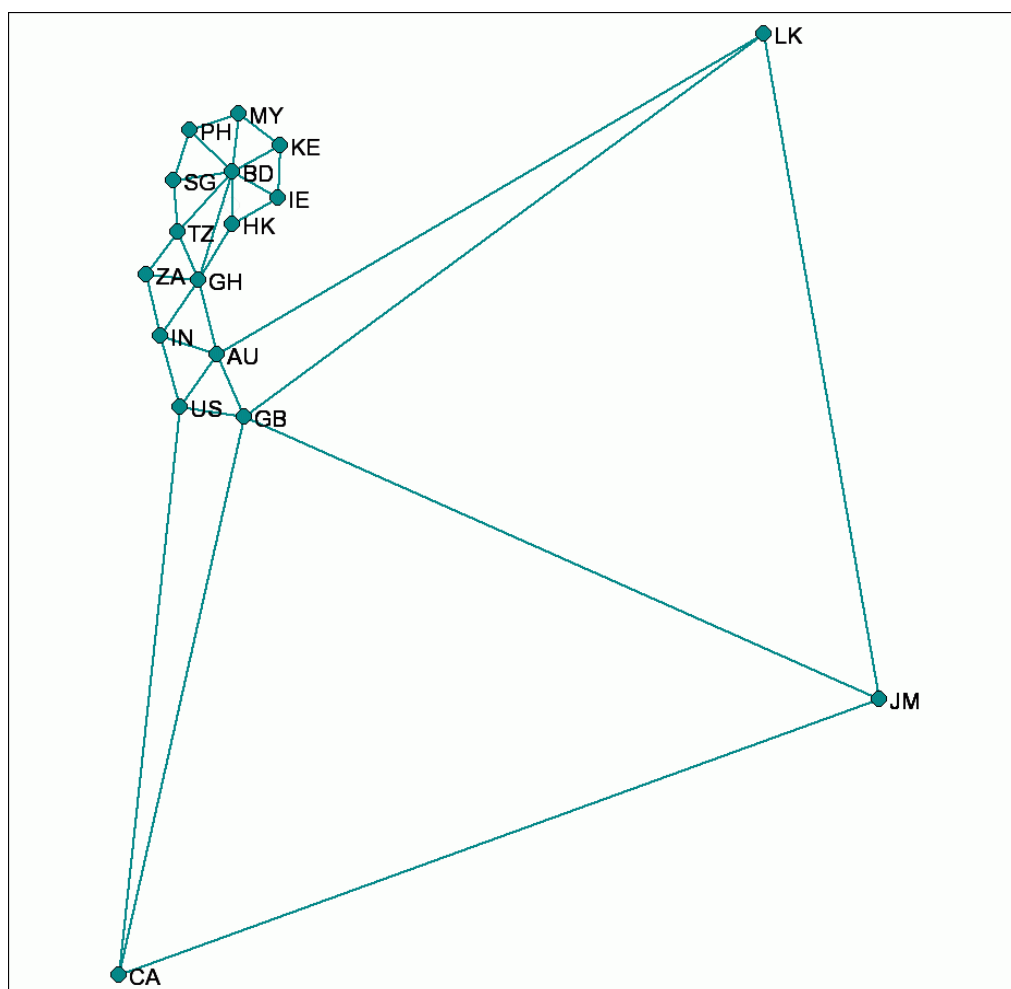

Рис.34. Карта *surprise* по данным корпуса GloWbE

Как мы видим, на карте рассматриваемого слова (рис.34) образовался очень плотный кластер из четырнадцати национальных вариантов, в которых при категоризации удивления лидирует криптокласс *Res Parvae*, причем доля примеров данного криптокласса превышает 70%. Верхнюю границу данного кластера составляют десять идиомов (от варианта Малайзии до варианта Ганы), которые категоризируют удивление исключительно как мелкий предмет (т.е. 100% примеров относятся к криптоклассу *Res Parvae*). Чем удаленнее расположен идиом от этой группы, чем он ближе к нижней границе кластера (состоящей из идиомов США и Великобритании), тем менее существенным является категориальный признак мелкий предмет для данной лингвокультуры и тем разнообразнее происходит категоризация удивления в данном идиоме (т.е. увеличивается представленность различных

криптоклассов). При этом, чем ближе идиом расположен к канадскому варианту, тем более высокой значимостью обладает образ длинно-тонкого удивления для лингвокультуры этого региона. Приближение к ямайскому варианту отражает увеличение количества примеров с криптоклассом *Res Liquidae*, а расположение по направлению к варианту Шри-Ланки подчеркивает рост коммуникативной востребованности криптокласса *Res Acutae*. Три крайние точки карты указывают на экстремумы в различных криптоклассах: так, ямайский идиом является единственным из рассматриваемых, в котором при категоризации удивления лидирует криптокласс *Res Liquidae* (составляет 100% примеров), в канадском варианте было обнаружено самое большое количество примеров (по сравнению с другими идиомами) с классификаторами криптокласса *Res Longae Penetrantes* (33% примеров), а в идиоме Шри-Ланки – с классификаторами криптокласса *Res Acutae* (25% примеров). Несмотря на то, что в вариантах Канады и Шри-Ланки лидирует криптокласс *Res Parvae*, они оказались удалены от основного кластера в связи с нетипично высокой представленностью указанных криптоклассов.

По данным ИС COEL американский вариант английского языка в первую очередь категоризирует удивление в качестве небольшого, помещающегося в руке объекта (криптокласс *Res Parvae*) (47,62%), на втором месте располагается жидкая характеристика (криптокласс *Res Liquidae*) (23,81%), в третью очередь эта эмоция рассматривается как острый предмет (криптокласс *Res Acutae*) (14,29%), следующим по представленности выступает криптокласс *Res Filiformes* (9,52%), на последнем месте находится криптокласс *Res Longae Penetrantes* (4,76%). Теснота связи между корпусом СОСА и корпусами GloWbE и NOW составляет 88,5%, при этом коэффициент корреляции между корпусом СОСА и американским вариантом английского языка, представленным в корпусах GloWbE и NOW, равен 91%.

2.1.5. Anger

Эмоция гнева рассматривается как врожденное свойство, жизненно необходимое человеку, например, К. Изард пишет: «Эмоция гнева сыграла,

безусловно, важную роль в преодолении жизненных препятствий ... она имела большое значение для выживания человека как вида» [Изард 1999, с.254]. Гнев является домен-специфичной эмоцией и локализуется в вентральных областях базальных ганглий; «физиологические проявления 'гнева' обусловлены его эволюционной функцией – приготовить экспериенцера к нападению – и проявляются главным образом в повышении температуры тела и учащении сердцебиения» [Апресян 2011а, с.43]; «сравнение кривых дыхания для радости и гнева (по Ж. Дюма) показывает, что при радости человек делает 17 вдохований в минуту, а при гневе – 40 вдохований» [Яблокова 2016, с.180]. На материале английского языка данный концепт разрабатывался довольно широко, в том числе З. Кевечесом [Kovescses 1990] и Дж. Лакоффом [Lakoff 1987]. Согласно Webster's dictionary, например, синонимами anger являются ire, rage, fury, indignation, wrath. Однако Webster указывает, что по своему значению anger - наиболее общее из всех синонимов и просто обозначает эмоциональную реакцию чрезвычайного неудовольствия и не предполагает какой-либо определённой степени интенсивности [Webster's dictionary]. Longman English Dictionary даёт следующее определение этой лексемы: «anger – a strong feeling of wanting to hurt or criticize someone because they have done something bad to you or been unkind to you» [Longman English Dictionary], в Oxford English Dictionary *anger* определяется как «a strong feeling of annoyance, displeasure, or hostility» [Oxford English Dictionary]. В этимологическом словаре находим следующую информацию относительно происхождения данного слова: 1150-1200 (ME) из старонорвежского *angr* «горе, несчастье, боль, беспокойство» от германской основы **angus* (еще в древнеанглийский период в английском языке присутствовало *enge* «узкий, болезненный») от индоевропейской основы **angh-* «узкий, болезненно стиснутый». В среднеанглийский период фиксируется также значение физической боли [Online Etymology Dictionary].

При криптоклассном анализе имени *anger* в корпусе NOW было обнаружено 294 релевантных исследованию примера словоупотреблений (рис. 35).

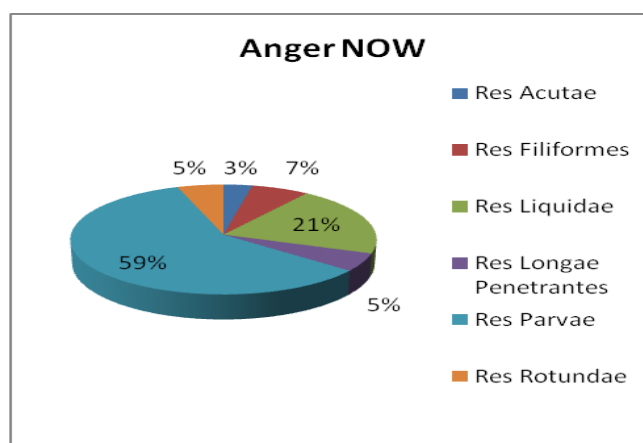

Рис. 35. Криптоклассный портрет имени *anger* в корпусе NOW

Результаты количественной обработки данных корпуса NOW показали, что, в первую очередь, гнев воспринимается как рукоятное, то, что можно взять в руку (т.е. является метафоронимом именного криптокласса Res Parvae) (77% или 228 примеров) (примеры 44). Данный криптокласс был обнаружен в пятнадцати вариантах английского языка и для всех этих идиомов он выступает в качестве первого таксона.

(44) *God casts His anger upon them.*

He grasped the public's anger.

You take that anger and frustration with you.

People take our anger and they try to make it violent.

It's a place where people throw their anger towards you.

Во вторую очередь данная эмоция воспринимается как нечто жидкое, перемещаемое в виде потоков (Res Liquididae) (14% или 41 пример) (примеры 45). Примеры подобных словоупотреблений были обнаружены в девяти национальных вариантах, но для некоторых идиомов азиатского ареала (варианты Бангладеш, Малайзии, Пакистана) и африканского ареала (варианты Ганы и ЮАР) примеров с данным криптоклассом выявить не удалось.

(45) *Sci-fi MMO project was met with a deluge of fresh anger.*

Twitter, Instagram and H&M's social media were flooded with anger, sadness, hope, wistfulness and disbelief.

A flood of anger was unleashed.

Righteous anger flowed from capitals across the globe.

It's beautiful, but oozes anger and pain in her lyrics and her face.

Fry poured his anger into an email sent to two Alberta newspapers.

Anger spilled out when the world got its first view of Holmes.

A stream of bitter anger has sparked from parents, educators and students.

Также гнев рассматривается как острый предмет (криптокласс Res Acutae) (3%) (примеры 46), окказиональные употребления были обнаружены в пяти национальных вариантах (например, в вариантах европейского ареала):

(46) *Anger has been particularly acute in the north.*

... fuelling acute anger against the army and the Indian state itself.

There was sharp anger over the Israeli plan to build new settler homes.

Помимо этого данная эмоция категоризуется как длинно-тонкий предмет стабильной формы (метафороним криптокласса Res Longae Penetrantes) (2%) (примеры 47), окказиональные употребления были найдены в трех вариантах английского языка (например, в идиомах американского ареала):

(47) *... occasional stabs of justified anger.*

John Lennon punched it with anger and hysteria.

Sara Gilbert suggested Sharon point her anger at the frontman instead.

По данным корпуса NOW гнев категоризуется и как предмет округлой формы, который можно катать *roll* (криптокласс Res Rotundae) (примеры 48) (2%), единичные примеры были найдены в четырех национальных вариантах (например, в европейском ареале):

(48) *Tyler is a ball of anger trying to find his place in the new world.*

You can still feel the anger rolling off of Wallace's voice.

Примеры гнева как нитевидного объекта (криптокласс Res Filiformes) (1,7%) (примеры 49) были обнаружены в четырех национальных вариантах: австралийском, британском, американском, индийском.

(49) *ISIS attacks on the West were bound up with anger about the West intervening in the Middle East.*

Rising anger binds her to her employers.

Despite a clear thread of anger and lashing out...

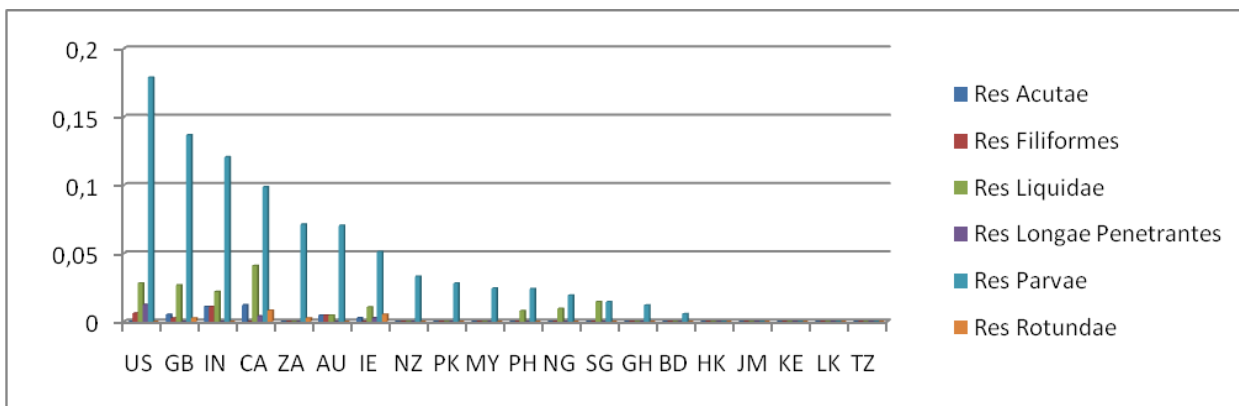

Рис.36. Криптоклассные портреты имени *anger* в корпусе NOW по идиомам

Теснота связи между всеми национальными вариантами (рис. 36) составляет 62%, в то время как ареальные коэффициенты корреляции намного выше. Так, для идиомы африканского ареала близки на 77%, данный показатель для азиатского ареала составляет 86%, для вариантов Америки – 96%, для европейских национальных вариантов – 99,6% и для ареала Австралии – 99,7%.

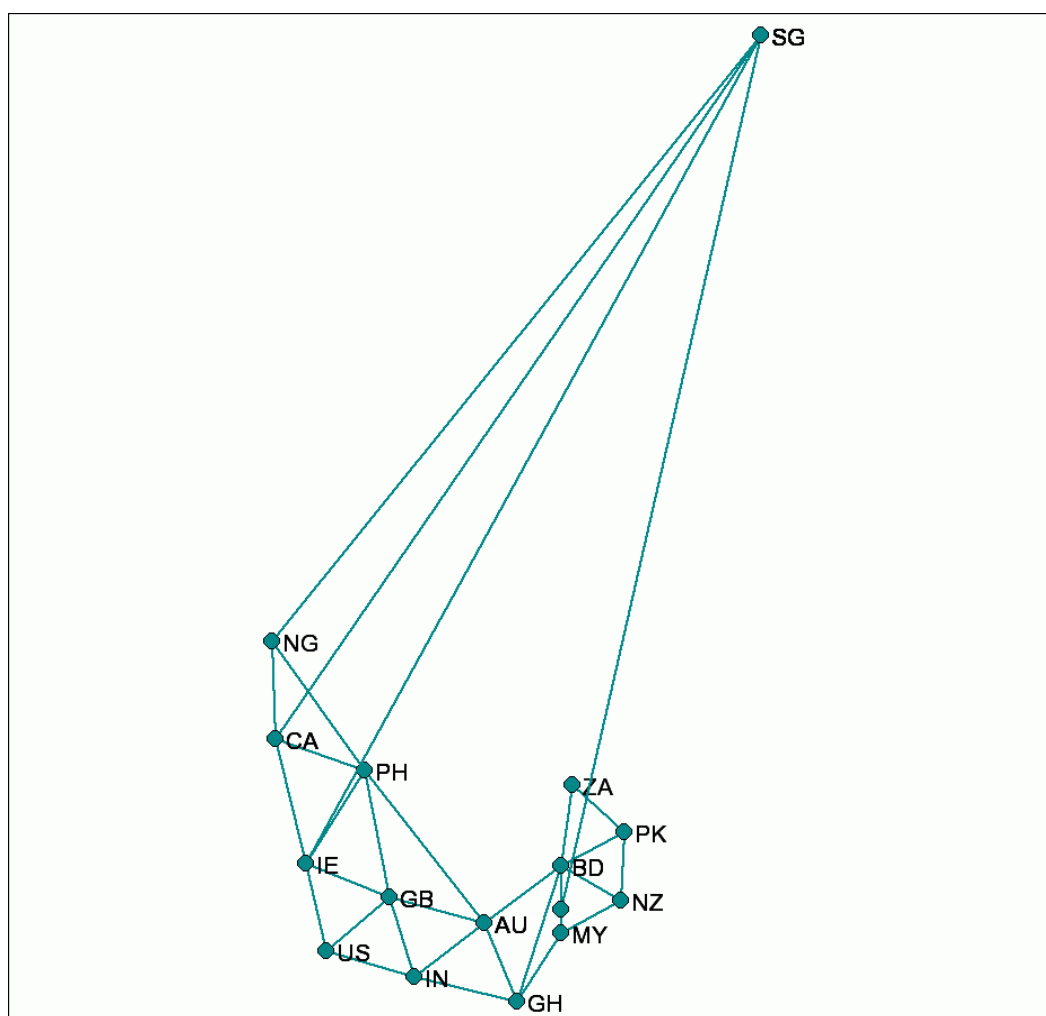

Рис.37. Карта *anger* по данным корпуса NOW

На составленной карте (рис.37) у нас сформировался кластер из четырнадцати идиомов, в которых лидирует криптокласс *Res Parvae*. Наиболее отдаленным является сингапурский вариант английского в связи с тем, что в нем отсутствует четкое криптоклассное предпочтение: данный идиом категоризирует гнев и как рукоятный объект (доля примеров с криптоклассом *Res Parvae* составляет 50%) и как жидкость (доля примеров с криптоклассом *Res Liquidae* – 50%). В правой границе кластера образовалась плотная группа из пяти национальных вариантов, которые категоризируют гнев исключительно как мелкий предмет (т.е. единственным обнаруженным криптоклассом в данных идиомах является криптокласс *Res Parvae*). Близость к левой границе кластера (вариант Нигерии) отражает увеличение количества примеров с криптоклассом *Res Liquidae* (так, у нигерийского идиома этот криптокласс представлен на 33%).

Для данного имени помимо высокой ареальной согласованности наблюдается тесная связь между корпусами, которая составляет 98,7%.

Всего в корпусе GloWbE было обнаружено 639 релевантных исследованию примеров с именем *anger* (рис.38).

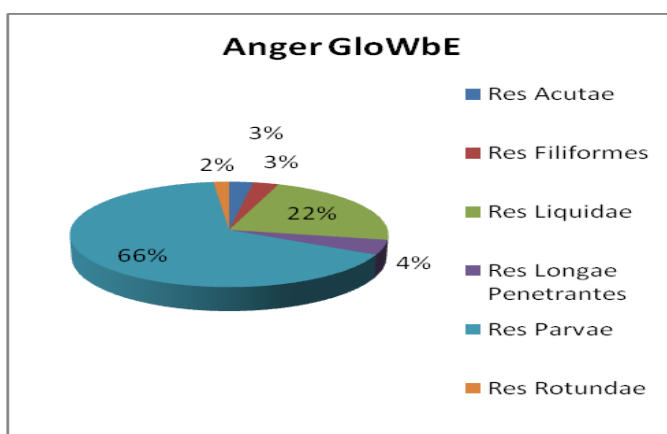

Рис.38. Криптоклассный портрет имени *anger* в корпусе GloWbE

Проведенное исследование показало, что в английском языке (без вариативного разбиения) гнев в первую очередь воспринимается как небольшой предмет, способный поместиться в руке – 66% или 420 примеров относятся к криптоклассу *Res Parvae* (примеры 50). Данный криптокласс был обнаружен во всех национальных вариантах, и для восемнадцати из них выступает в качестве первого таксона, а для двух – в качестве второго.

(50) We cannot **catch anger** like a flu virus from another person.

Should we sail the Titanic to safety or should we just **cast** our **anger** on the poor radarman?

Anger can readily be **picked** up at a sensory level by a child.

Dad can't hold a steady job. He **takes** his **anger** out on mom.

Shafik supporters are unlikely to **take** their **anger** to the streets.

Frustrated citizens look for obvious targets to **throw** their **anger** at.

Во вторую очередь гнев категоризуется как жидкость (22% или 144 примера словоупотреблений в криптоклассе Res Liquidae) (примеры 51). Данный криптокласс встречается в восемнадцати вариантах английского (не представлен только в вариантах Кении и Танзании) и для двух из них (идиомах Бангладеш и Ганы) является наиболее приоритетным.

(51) Many police officers knew that they could not stop the **flood** of **anger**.

Let your **anger flow** through you and then out from your body.

Suddenly, a **gush** of **anger** and frustration overwhelmed me.

Eventually, held-in **anger** can **leak** out as passive-aggressive behaviours.

Fast-moving **torrents of anger poured** over the Arab world.

Addicts hate themselves for their weakness, and this **anger** can **spill** over onto you.

The sunshine of optimism - fountains of joy and good will, with occasionally a **splash** of **anger** and here and there a healing spray of sympathy and pity.

Dark thoughts sent **trickles** of **anger** and frustration through his body.

That great rush of **anger** had **washed** me clean, emptied me of hope.

The farmer's body trembled as a **wave** of **anger** rolled through it.

Третье место занимает характеристика гнева как длинно-тонкого предмета (криптокласс Res Longae Penetrantes) (4,5%) (примеры 52), которая встречается в тринадцати национальных вариантах, и при этом практически нехарактерна для азиатского ареала (данный криптокласс отсутствует в идиомах Сингапура, Пакистана, Филиппин, Малайзии, Гонконга).

(52) His sculpted mouth tightened to a tight line, and **anger speared** him.

Anger can **penetrate** the mind.

His comments and **anger** do **point** to some degree of racism.

She felt a little **stab** of **anger**.

На 2,8% данная эмоция категоризуется как нитевидная (Res Filiformes) (примеры 53), что отражено в шести национальных вариантах, половину из которых составляют азиатские идиомы (варианты Индии, Шри-Ланки, Гонконга).

(53) *Most seem to be fueled by the common **thread** of **anger**.*

*In obstinacy, greed and **anger** would **bind** us.*

*She managed to get through it without that bitter **twist** of **anger** souring her.*

Также гнев может рассматриваться как нечто острое (Res Acutae) (2,6%) (примеры 54), окказиональные употребления были обнаружены в семи национальных вариантах.

(54) *The **anger** will be **acute**.*

*What is consistent throughout the book is a **keen anger** at injustice.*

*He has been unable to control the **pricks** of **anger**.*

*The song has drawn **sharp anger** from protesters who believe it is offensive.*

Помимо этого *anger* является метафоронимом криптокласса Res Rotundae (1,7%) (примеры 55), который был обнаружен в семи вариантах английского языка, из них три относятся к азиатскому ареалу (варианты Бангладеш, Гонконга и Малайзии) и два – к американскому (варианты Канады и США).

(55) *The fear and **anger** all **rolled** into one.*

*You could feel the powerful vibrations of **anger** that **rolled** off him.*

*The man is still a **ball** of **anger**.*

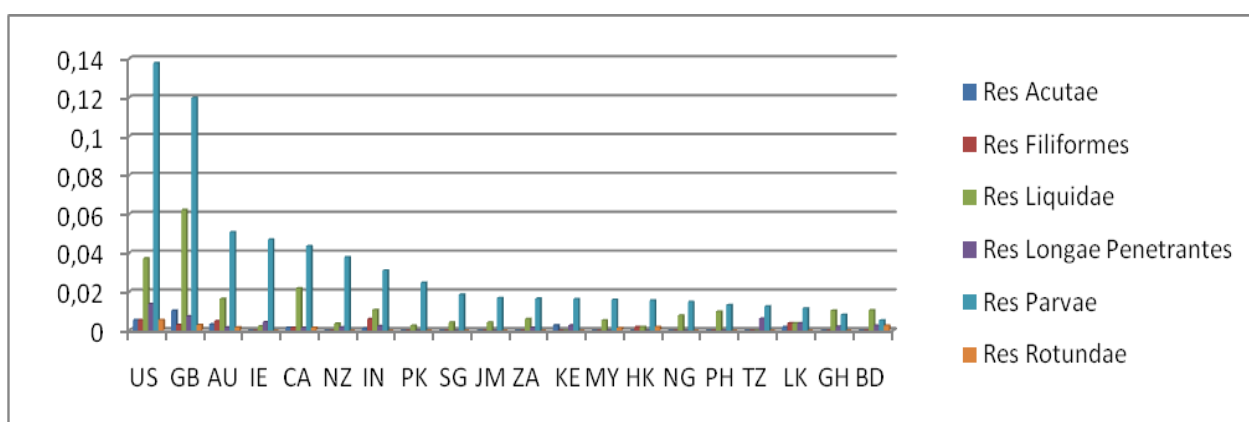

Рис.39. Криптоклассные портреты имени *anger* в корпусе GloWbE по идиомам

Близость всех двадцати национальных вариантов составляет 66%, в то время как для европейского ареала коэффициент корреляции равен 89%, для американского – 97%, а для австралийского – 98% (рис.39).

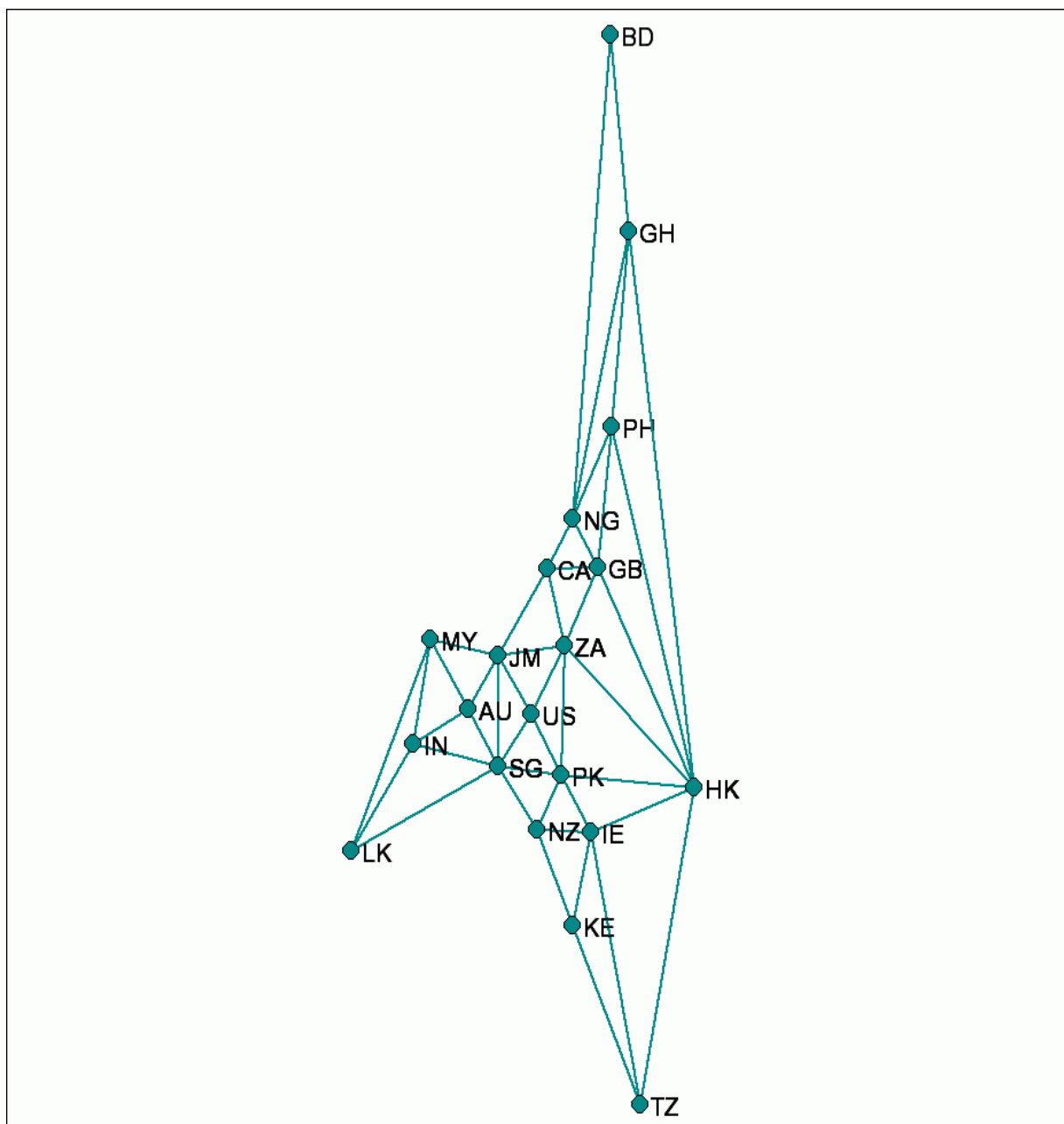

Рис.40. Карта *anger* по данным корпуса GloWbE

На составленной карте (рис.40) можно выделить два кластера. Первый, доминирующий, состоит из восемнадцати идиомов, в которых при категоризации гнева лидирует криптокласс *Res Parvae*. В нем выделяются четыре пиковых значения (являющихся границами данного кластера), которые отражают увеличение значимости определенной криптоклассной проекции. Так, близость к левой границе кластера указывает на увеличение

значимости образа нитевидной эмоции для лингвокультуры этого региона (максимально криптокласс *Res Filiformes* в идиоме Шри-Ланки – доля примеров с данным криптоклассом составляет 16%). Чем ближе идиом внутри кластера расположен к нижней границе карты, тем более важным для него при категоризации гнева становится криптокласс *Res Longae Penetrantes* (в танзанийском варианте 33% примеров было обнаружено именно с этим криптоклассом). Правая граница кластера отражает коммуникативную востребованность категориального признака круглый предмет (так, в гонконгском варианте 9% примеров относится к криптоклассу *Res Rotundae*). К верхней границе стремятся идиомы при увеличении значимости для данной лингвокультуры метафоры жидкости, лежащей в основании криптокласса *Res Liquidae* (филиппинский идиом составляет верхнюю границу кластера – в нем жидкая характеристика представлена на 43%). Второй кластер формируют два идиома, в которых при категоризации гнева лидирует криптокласс *Res Liquidae* (в вариантах Бангладеш и Ганы половина примеров относится к коллострукциям с классификаторами данного криптокласса). При этом идиом Ганы располагается ближе к первому кластеру, т.к. доля примеров употреблений криптокласса *Res Parvae* (главенствующего в первом кластере) составляет 40%, в то время как в варианте Бангладеш данный показатель составляет всего 25%. Таким образом, карты отражает континуум криптоклассных предпочтений – постепенные переходы идиомов из одного криптокласса в другой.

В корпусе СОСА гнев в первую очередь предстает как рукоятный предмет (криптокласс *Res Parvae*) (52,58%), вторым по представленности выступает криптокласс *Res Liquidae* (26,76%), на третьем месте – криптокласс *Res Filiformes* (11,27%), далее следует криптокласс *Res Acutae* (4,69%), на пятом месте – криптокласс *Res Longae Penetrantes* (3,29%) и наименее представлен криптокласс *Res Rotundae* (1,41%). Коэффициент корреляции между корпусами СОСА и NOW равен 94%, а между СОСА и GloWbE – 98%.

2.1.6. Passion

В корпусе NOW было обнаружено 225 релевантных исследованию примеров с именем *passion* (рис.41).

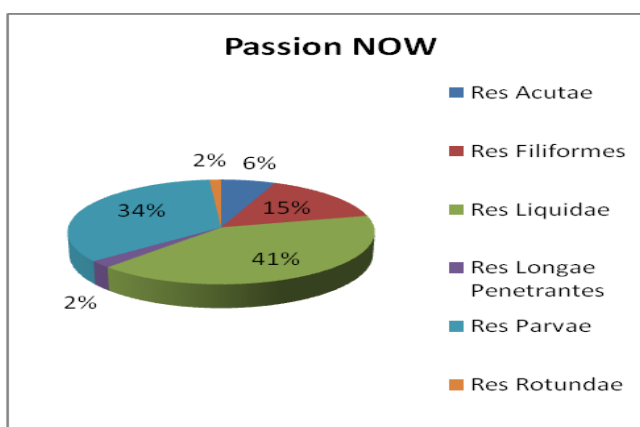

Рис.41. Криптоклассный портрет имени *passion* в корпусе NOW

В первую очередь страсть категоризуется как жидкость (Res Liquidae) (41% или 92 примера) (примеры 56). Данное свойство характерно для тринадцати национальных вариантов, для девяти из них выступает в качестве первого таксона и для четырех – в качестве второго. Жидкое свойство вовсе не проявлено в некоторых азиатских идиомах (варианты Гонконга, Шри-Ланки, Малайзии), а также в кенийском английском.

(56) *His **passion** for the subject **drips** from every word.*

*She warns the **flood** of **passion**.*

***Passion ebbs and flows** in all relationships.*

*He **oozes passion** for what he believes in.*

*An unbridled **passion poured** through me spontaneously.*

*When he talks about it, a boyish **passion spills** out of him.*

*It's delirious, crazy fun with **splashes** of **passion** and romance...*

*A **deluge** of egocentric **passion** in our political leaders is capable of destroying Nigerian's capacity to leverage herself assiduously.*

Вторым по приоритету выступает криптокласс Res Parvae (34% или 77 примеров) (примеры 57), встречающийся в 13 вариантах английского языка, для семи из них являющийся первым таксоном, для шести – вторым. Единственным ареалом, в котором данная характеристика не востребована,

оказывается азиатский (она не представлена в вариантах Бангладеш, Шри-Ланки, Малайзии и Пакистана).

(57) *I immediately **caught** his **passion** for researching his ancestor.*

*It is a difficulty focusing on things that don't **grab** your **passion**.*

*There are lots of opportunities for people to **pick** their **passion**.*

*Then she **threw** her **passion** into fighting homelessness...*

На 15% страсть категоризуется как нитевидный предмет (т.е. является метафоронимом криптокласса Res Filiformes) (примеры 58), данная характеристика встречается в 11 национальных вариантах и для двух из них выступает как наиболее приоритетная (это варианты Шри-Ланки и Малайзии).

(58) ***Passion** for theatre **binds** them together.*

*For architects work and **passions** are seamlessly **intertwined**.*

*The **thread** of her **passion** for the man she loves is **woven** through the fabric of her endless political procrastination.*

*We're creating a context for our team members that **weaves** their **passions** into ours.*

*I could **tie** my **passion** for hardware with my brothers' business know-how.*

Помимо этого страсть рассматривается в качестве острого объекта (криптокласс Res Acutae) (6%) (примеры 59). Подобная характеристика используется при описании данной эмоции в восьми национальных вариантах (в том числе в американском ареале, европейском ареале, а также некоторых вариантах африканского ареала – в нигерийском и южноафриканском).

(59) *Brenda's Facebook page shows she had a **keen passion** for animals.*

*Ms Eglezos took up law as she had a **keen passion** for social justice.*

Также в трех национальных вариантах (Австралии, Ирландии, Нигерии) страсть категоризуют как длинно-тонкий предмет (криптокласс Res Longae Penetrantes) (2%) (пример 60).

(60) *Taking with him each **thrust** of pleasure and **passion**...*

Наименее типичным для рассматриваемой эмоции выступает криптокласс Res Rotundae (1,3%) (примеры 61), единичные примеры с

данным классом были обнаружены в двух национальных вариантах (а именно, в идиомах ЮАР и Ирландии):

(61) *Evans talks like he plays: a constant **ball** of energy and **passion**.
He will not be put out of his stride by the noise and **passion rolling** down
from the 82 000 predominantly Welsh crowd.*

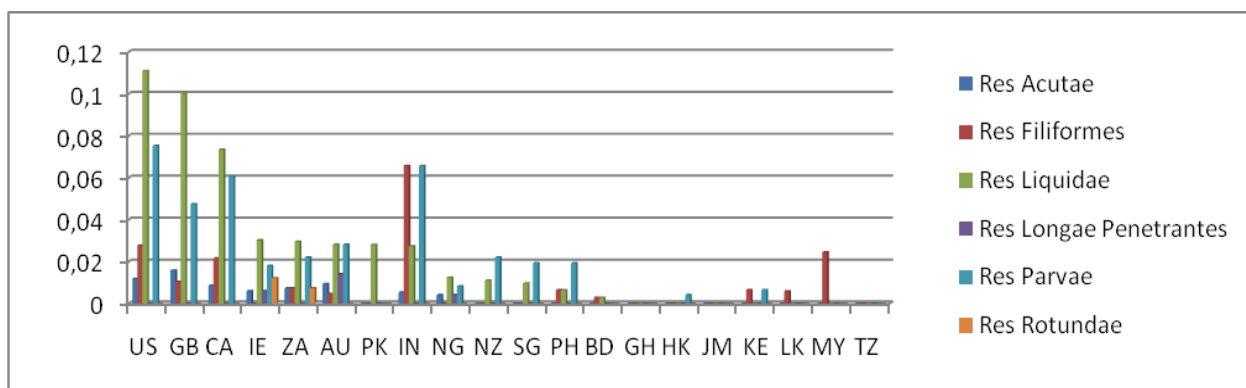

Рис.42. Криптоклассные портреты имени *passion* в корпусе NOW по идиомам

Несмотря на аналогичность восприятия страсти, были найдены и типичные ареальные предпочтения (рис.42): австралийские национальные варианты и вариант Карибского бассейна тяготеют к рассмотрению страсти в первую очередь как рукоятного предмета, в то время как для американских и европейских вариантов более характерно представление об этой эмоции как о жидкости, а для большинства азиатских вариантов – как о нитевидном объекте.

В целом согласованность национальных вариантов составила 50%, в то время как теснота связи африканского ареала равна 64%, австралийского – 85%, европейского – 89%, а американского – 99,2%.

На составленной карте (рис.43) можно обозначить три кластера в зависимости от лидирующей криптопроекции. Первую группу образуют идиомы, в которых лидирует жидкая характеристика (криптокласс Res Liquidae). Данная группа расположена в левой части карты и ограничена с одной стороны идиомами Нигерии и Канады, а с другой – вариантом Пакистана, при этом внутри кластера наблюдается градация от максимально высокой значимости криптокласса Res Liquidae в языковой категоризации страсти (в пакистанском идиоме все обнаруженные примеры относятся к данному криптоклассу) к росту коммуникативной востребованности

категориального признака мелкий предмет (в канадском идиоме 35% от общего количества примеров было обнаружено с криптоклассом Res Parvae).

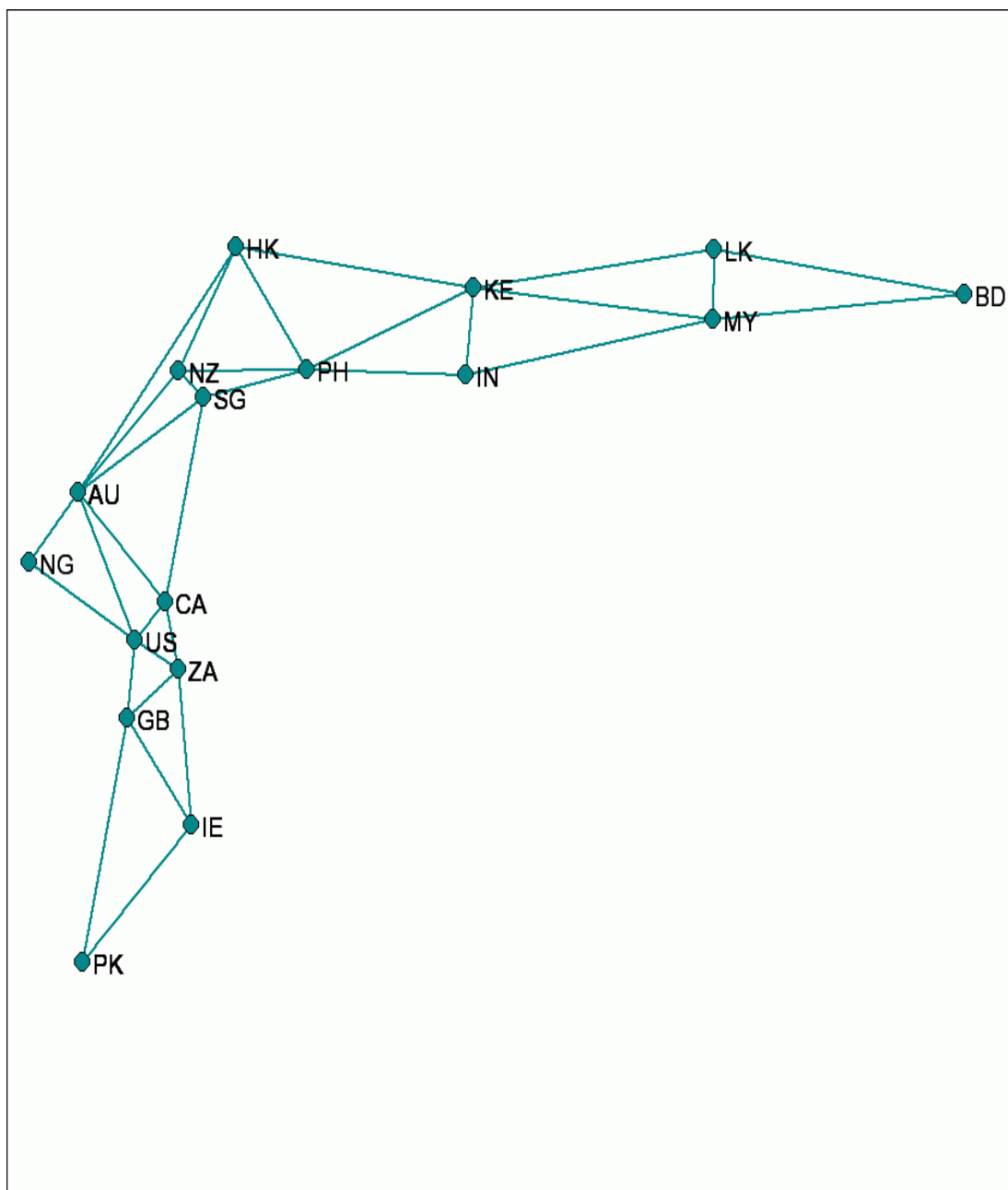

Рис.43. Карта *passion* по данным корпуса NOW

Нигерийский вариант английского языка расположен немного в стороне от основного направление данной группы, в связи с тем, что помимо увеличения количества примеров с криптоклассом Res Parvae (доля примеров которого в данном идиоме равна 29%), в нем максимально (по сравнению с другими идиомами) высока значимость образа острой страсти (14% от общего количества примеров). Австралийский вариант, не имея четкого криптоклассного предпочтения (количество примеров с криптоклассом Res

Liquididae равно количеству примеров с криптоклассом Res Parvae и составляет 33% от общего числа примеров), располагается на пересечении двух кластеров. Второй кластер формируют варианты, входящие в таксон с первым криптоклассом Res Parvae. Левую границу данной группы составляют варианты Новой Зеландии и Сингапура, вторым приоритетом которых выступает криптокласс Res Liquididae. Правой границей являются идиомы Кении и Индии, во вторую очередь категоризирующие страсть как нитевидный объект (криптокласс Res Filiformes). А верхней границей выступает вариант Гонконга, в котором криптокласс Res Parvae является единственным представленным скрытым классом. Третью группу составляют идиомы, в которых при языковой категоризации страсти максимально высокой значимостью обладает криптокласс Res Filiformes. При этом в вариантах Шри-Ланки и Малайзии образ нитевидной страсти является единственной обнаруженной скрытой метафорой (все 100% примеров в этих идиомах были обнаружены с классификаторами криптокласса Res Filiformes). В идиоме Бангладеш отсутствует явное криптоклассное предпочтение: количество примеров с криптоклассом Res Filiformes совпадает с количеством примеров криптокласса Res Liquididae и составляет 50%, что дает основания полагать, что при переходе из двумерного пространства в трехмерное (или n-мерное) карта будет представлять замкнутую фигуру, где крайние лучи, отражающие высокую долю представленности криптокласса Res Liquididae, должны образовать связь.

Таким образом, на карте выделилось четыре экстремума, близость к которым указывает на увеличение значимости определенной криптопроекции: это вариант Пакистана – с максимальным значением Res Liquididae, вариант Нигерии – с максимальным значением Res Acutae, вариант Гонконга – с максимальным значением Res Parvae и правый луч (состоящий из вариантов Шри-Ланки, Малайзии и Бангладеш) – с максимальным значением криптокласса Res Filiformes. Карта отражает континуум постепенных переходов от предпочтений криптокласса Res Liquididae, к возрастанию значимости криптокласса Res Parvae, а затем Res Filiformes.

Согласованность между корпусами для данной эмоции составляет 78%. Всего в корпусе GloWbE было обнаружено 529 релевантных исследованию примеров с именем *passion* (рис.44).

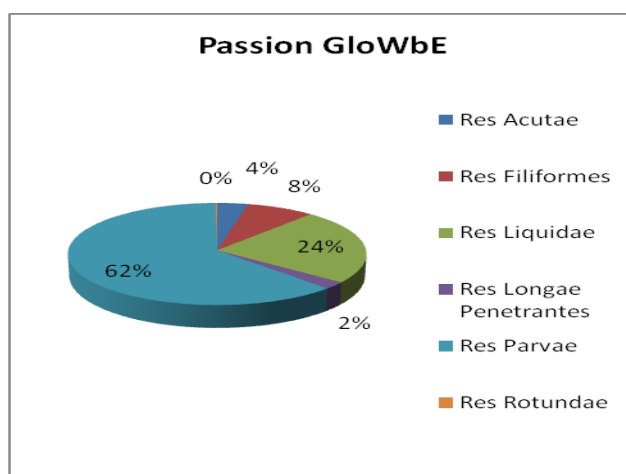

Рис.44. Криптоклассный портрет имени *passion* в корпусе GloWbE

В преобладающем большинстве примеров (а именно 62% или 329 примеров) страсть относят к криптоклассу Res Parvae (примеры 62), который является первым таксоном для всех 20 рассматриваемых вариантов английского языка.

(62) *Where friendship appears, my heart catches the same passion.*

Give these students an opportunity to grab that passion.

Life creates its own passion and you should grasp it when you can,

Pick your passion and make a difference!

I didn't know where to take my new found passion and direct it.

The real cooking I can throw my passion into, my love of food and my family.

На втором месте (24% или 126 примеров) находится криптокласс Res Liquidae (примеры 63). Он был обнаружен в 18 национальных вариантах, в 16 из них выступает в качестве второго приоритета и отсутствует лишь в кенийском и малайзийском идиомах.

(63) *[It was] swept away from his memory by the deluge of new passions.*

The passion drips from the opening note to the final second.

Hence they are carried down by the flood of passion.

Why does a bodhisattva dare to plunge himself into the flow of passions, yet not to be drowned forever?

The passion was flowing out of her lips like the kofordia waterfalls.

*The sweet emotions and romantic **passions** of my youth **gushed** forth and hung over me like a melancholic cloud.*

*When you compare, you let your **passion leak** out.*

*My heart's there, with ideas and **passion oozing**.*

***Pour** your **passion** into diaries, poetry and short-stories until you find a voice*

*Their **passion** and enthusiasm **spills** over into the shows they create.*

В третью очередь страсть согласно корпусу GloWbE воспринимается как нитевидный объект (8%) (примеры 64), что типично для 18 вариантов английского языка и не встречается в вариантах Бангладеш и Новой Зеландии.

(64) *[It] was the clear **thread** of a **passion** for what they do.*

*We formed the team because we were **bound** by a common **passion**.*

*Your **passion** is **tied** to your mission or purpose.*

*A compelling thriller that skilfully **weaves** together **passion** and tragedy with sinister obsession.*

*As a result, they **weave** their **passion** for living purpose into their business.*

Примеры острой страсти (криптокласс Res Acutae) были найдены в 10 вариантах английского языка (4% релевантных словоупотреблений) (пример 65).

(65) *He retains an **acute passion** for care of the environment.*

*Alice has a **keen passion** for music.*

*[It was] **pierced** with the **passion** of dense gloom.*

*Such a soulful performance, one imbued with **sharp passion** and integrity.*

*We feel the **sting** of Shylock's **passion** for revenge.*

Примеры пронизывающей страсти (криптокласс Res Longae Penetrantes) обнаружены в семи вариантах английского языка (2%) (это в основном идиомы американского (Канада, США) и азиатского (Гонконг, Шри-Ланка, Малайзия) ареалов) (примеры 66).

(66) *Even as rain leaks into a poorly roof house, so **passions** will **penetrate** an uncultivated mind.*

*...with great **stabs** of **passion** and a mock-heroism.*

Возможность страсти катиться (пример 67) отражена единственным примером в австралийском идиоме:

(67) *Irregularly wild their passions roll Through Nature's finest instrument*

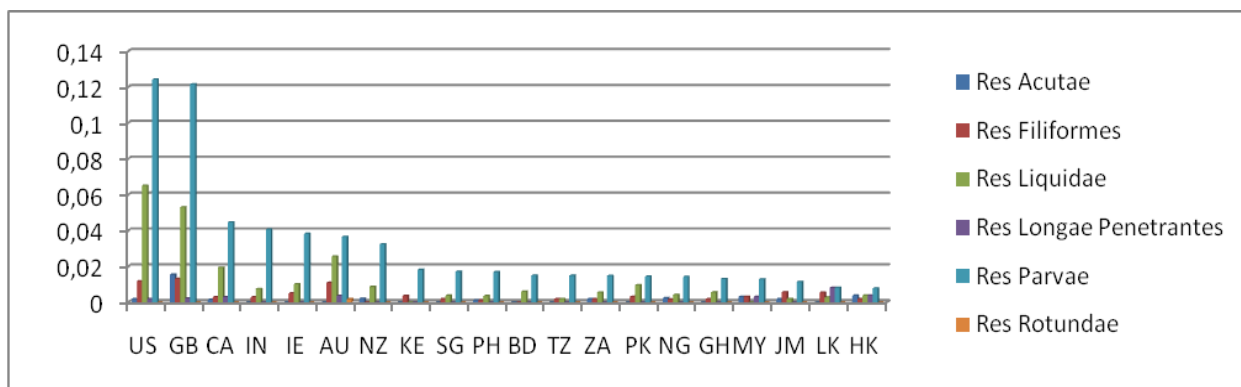

Рис.45. Криптоклассные портреты имени *passion* в корпусе GloWbE по идиомам

Близость всех двадцати национальных вариантов в корпусе GloWbE составила 60% (рис.45), теснота связи азиатских идиом оказалась равна 62%, африканских – 84%, австралийских – 89%, европейских – 98%, а американских – 99,4%.

Несмотря на то, что все идиомы попали в один таксон с первым членом *Res Parvae*, карта (рис.46) отражает криптоклассные предпочтения и приоритеты вариантов английского языка. Так, нижней границей сформированного кластера выступают варианты Австралии и Пакистана, т.к. максимально коммуникативно востребованной для данных лингвокультур (по сравнению с другими идиомами) является метафора жидкости, лежащая в основании криптокласса *Res Liquidae*, который выступает в этих идиомах вторым приоритетом (его доля представленности в австралийского идиоме составляет 33%, а в пакистанском – 35%). Самой правой точкой оказался гонконгский вариант из-за высокой значимости образа острой страсти для лингвокультуры этого региона (18% примеров обнаружено с классификаторами криптокласса *Res Acutae*). Еще одной удаленной от основной группы идиом точкой выступает вариант Ямайки, в котором проявилась высокая коммуникативная востребованность образа нитевидной страсти (27% примеров было найдено с криптоклассом *Res Filiformes*). Наиболее удаленным оказался вариант Шри-Ланки в связи с высокой значимостью криптокласса *Res Longae Penetrantes* в языковой категоризации

страсти – 33% примеров, обнаруженных в данном идиоме, описывают страсть как длинно-тонкий предмет.

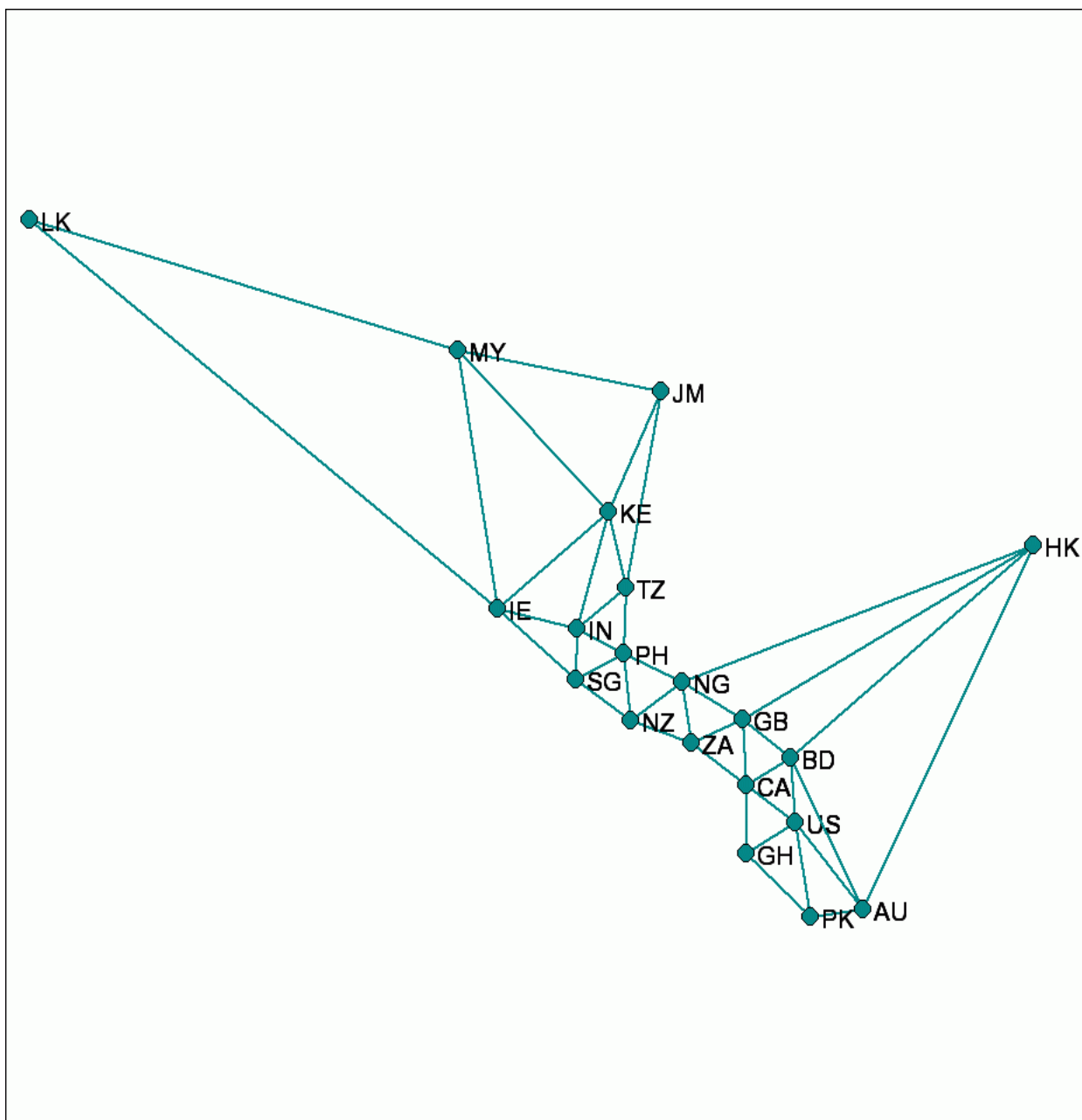

Рис.46. Карта *passion* по данным корпуса GloWbE

В центральном плотном кластере мы можем наблюдать континуум смены вторых приоритетов – переход от ярко выраженной жидкой характеристики (идиомы Пакистана и Австралии) до высокой представленности нитевидного свойства (варианты Кении и Ирландии). При этом, в связи с удаленностью некоторых вариантов, можно заметить нетипичность проявления криптоклассов *Res Acutae* и *Res Longae Penetrantes* при категоризации страсти в английском языке.

По данным ИС COEL страсть в первую очередь категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (40,62%), во вторую очередь – как небольшой предмет, помещающийся в руке (39,06%), на третьем месте находится криптокласс Res Filiformes (18,75%) и меньше для данной эмоции всего характерен криптокласс Res Acutae (1,56%). Коэффициент корреляции между корпусами СОСА и GloWbE составляет 82%, между корпусами СОСА и NOW – 96%, теснота связи между корпусом СОСА и американским вариантом английского, представленным в GloWbE равен 88%, а между корпусом СОСА и американским вариантом в NOW – 98,8%.

2.1.7. Interest

С именем *interest* в корпусе NOW было найдено 20016 примеров (рис.47).

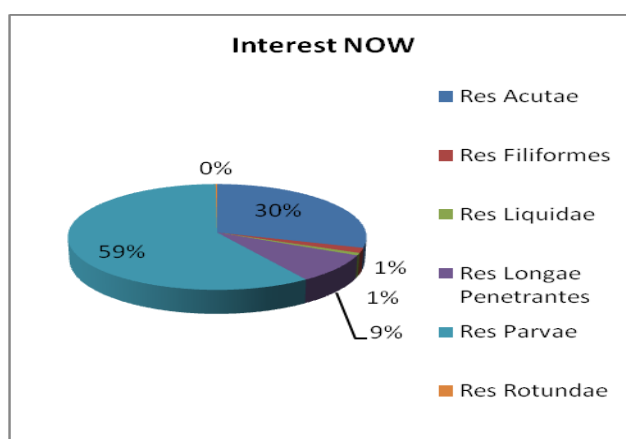

Рис.47. Криптоклассный портрет имени *interest* в корпусе NOW

В первую очередь интерес категоризуется как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae) (59% или 11848 примеров) (примеры 68). Данный криптокласс был обнаружен во всех идиомах, для 18 из них он выступает первым таксоном, а для двух (вариантов Кении и Ирландии) – вторым.

(68) *The catchy #tag soon **caught** twitterati's **interest**;*

*I think Charles is the first of the Royal Family to **cast** his **interests** into everyday life.*

*The stunning design of the slides will **grab** audience's **interest**.*

*Vine has **grasped** the **interest** of a very active creative community.*

*Details **grip** our **interest**.*

*The police did not **pick interest** in the matter.*

... in order to **snatch** our **interest** for a moment.

The world needs to **take** a much closer **interest** in the effects of the conflict on Syria's children.

In *Macbeth*, he asserts, Shakespeare **throws** the **interest** on the murderer;

Во вторую очередь интерес воспринимается как острый предмет (т.е. является метафоронимом криптокласса Res Acutae) (30% или 5924 примера) (примеры 69). Примеры с данным криптоклассом были найдены во всех идиомах, причем для кенийского и ирландского вариантов английского языка данная характеристика интереса является доминирующей, а в других вариантах она занимает второе место.

(69) He took a **keen interest** in gardening and architecture.

Mel's eye for style and design has been **sharpened** by her **acute interest** in fashion and art

Attendance at our programmes shows that there has been a **sharp interest** in entrepreneurship among women.

Третьим приоритетом выступает криптокласс Res Longae Penetrantes (9% или 1751 пример), обнаруженный во всех вариантах английского языка (примеры 70).

(70) **Interests** may **point** to values.

He is a slender guy, full of **penetrating interest** in the world around him.

It's been the **thrust** of my **interest** since day one, when I was about 19.

Интерес также воспринимается англоязычным сознанием как нить (т.е. является метафоронимом криптокласса Res Filiformes) (1,5% или 309 примеров) (примеры 71). Данная характеристика была обнаружена во всех национальных вариантах, кроме ямайского и танзанийского.

(71) We are **bound** by common **interests**.

American **interests** were ineluctably **intertwined** with American values.

He'd come up with the clever idea of **spinning** police **interest** in his affairs into an attack on the Italian-American community.

A shared **interest** is the common **thread**.

The common **interest** usually **ties** people together in blogging communities;

Is being a fan what **ties** all your **interests** together?

*...that **twists** the self-serving **interests** of the industry;*

*They are now on the inside looking out, having **woven** their **interests** into the very fabric of British politics.*

Интерес категоризуется и как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (0,7% или 148 примеров) (примеры 72). Данное свойство было найдено в 15 национальных вариантах английского языка, но оказалось не востребовано в некоторых идиомах африканского (варианты Танзании и Ганы) и азиатского (варианты Бангладеш, Гонконга и Шри-Ланки) ареалов.

*(72) Robyn Brown received a **deluge** of media **interest** and offers to help.*

*There has been a **flood** of **interest** in Bulgarian resorts.*

*He believes that career should be a natural **flow** of **interest** which brings money.*

*A line graph shows the daily **ebb and flow** of **interest** on Twitter and Facebook.*

*Big clubs have **leaked** their **interest** to the media;*

*...**interest** is **pouring** in from consumers, growers, wholesalers and retailers;*

*That **interest spills** onto social media, including online forums.*

*A local artist painted several murals for a **splash** of **interest** and inspiration.*

*There has continued to be a welcome and steady **stream** of foreign **interest** in our residential real estate.*

*While there have been **trickles** of **interest**;*

Наименьшее количество примеров было обнаружено с криптоклассом Круглое (Res Rotundae) (0,2% примеров) (примеры 73). Данная характеристика была найдена только в половине национальных вариантов английского языка и оказалась абсолютно нетипична для африканского и карибского ареалов.

*(73) The **interest rolls** up;*

*...**rolled** the **interest**;*

Теснота связи всех национальных вариантов в корпусе NOW (рис.48) составила 34%, в то время как идиомы внутри азиатского ареала коррелируют на 42%, внутри африканского – на 49%, близость европейских вариантов равна 76%, американских – 98,4%, австралийских – 99,8%.

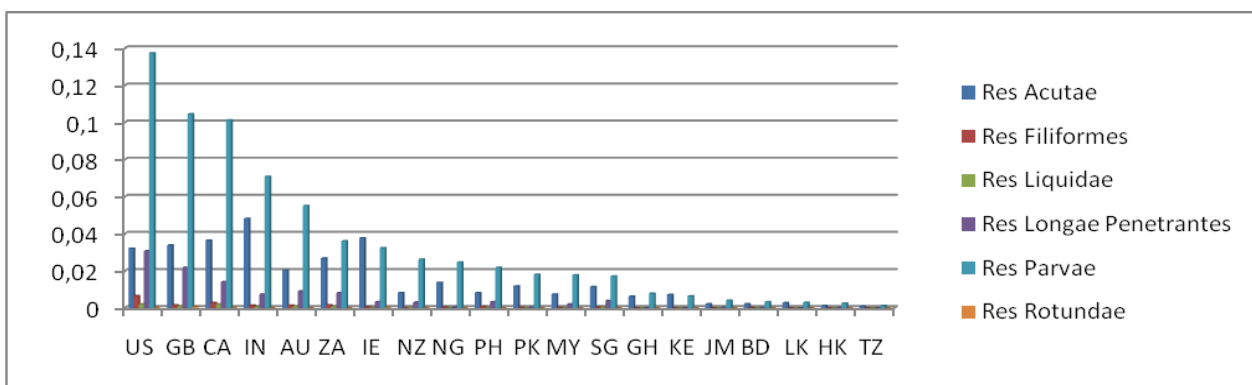

Рис.48. Криптоклассные портреты имени *interest* в корпусе NOW по идиомам

Составленная карта (рис.49) показывает довольно плотный кластер и высокую корреляцию всех национальных вариантов. Она отразила градацию криптоклассных предпочтений идиомов от максимальных значений криптокласса Res Acutae (варианты Кении и Ирландии) до максимальной представленности криптокласса Res Parvae в вариантах Великобритании и США.

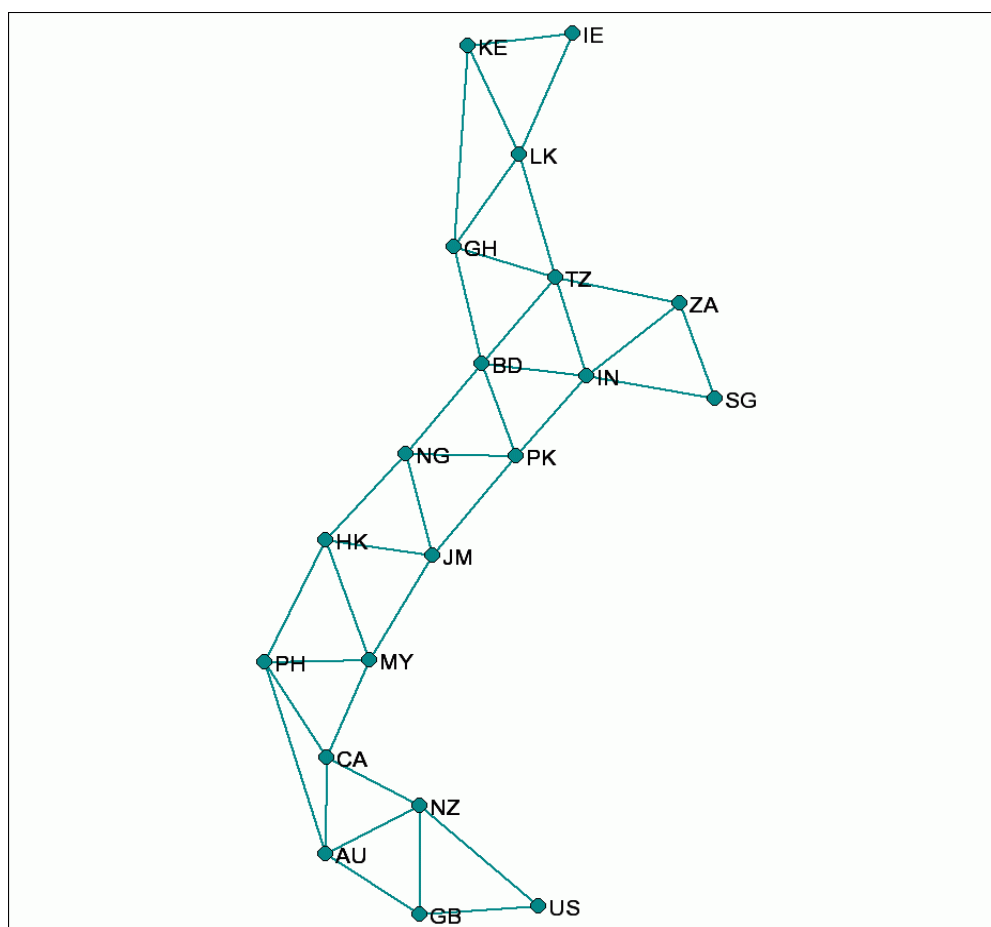

Рис.49. Карта *interest* по данным корпуса NOW

При этом варианты Сингапура и ЮАР образовали небольшое ответвление в связи с довольно высокой долей представленности (по

сравнению со средним значением для всех идиомов) криптокласса Res Longae Penetrantes, который в варианте Сингапура представлен на 12%, а в варианте ЮАР – на 11%.

Корреляция между корпусами NOW и GloWbE составила 95%. С именем *interest* в корпусе GloWbE было обнаружено 6552 релевантных исследованию примера (рис.50).

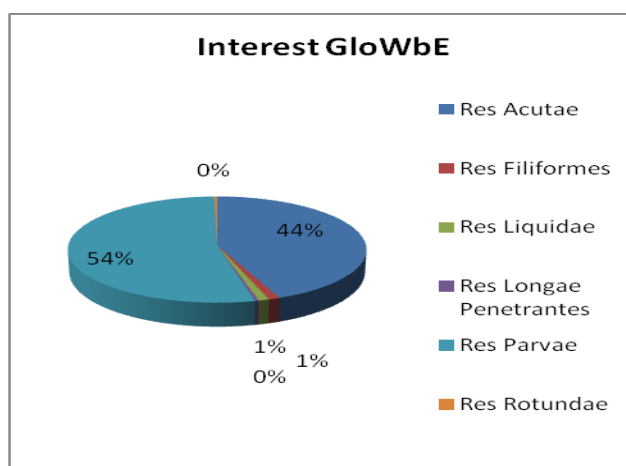

Рис.50. Криптоклассный портрет имени *interest* в корпусе GloWbE

В первую очередь по данным корпуса GloWbE интерес воспринимается англоязычным сознанием как рукоятный предмет (54% или 3501 пример были обнаружены в криптоклассе Res Parvae) (примеры 74). Данный криптокласс характерен для всех двадцати рассматриваемых вариантов, для семи из них он является первым таксоном (в том числе для вариантов американского ареала), а для тринадцати остальных – вторым.

(74) *We were good at games that **caught** our **interests**.*

*Communication with the rest of the world is what **grabs** your **interest**.*

*Are there any new authors that have **grasped** your **interest**?*

*If you **pick** people's **interest**, they will want to help.*

*John Carter rapidly becomes fun and **snatches** your **interest**!*

*The local press may **take** an **interest**.*

На 44% (2859 примеров) данная эмоция категоризуется как острая (криптокласс Res Acutae) (примеры 75). Подобные словоупотребления были обнаружены во всех национальных вариантах и для тринадцати из них являются наиболее приоритетными; причем в группу, где лидирует острая характеристика, попадают все варианты африканского и карибского ареалов.

(75) *Texas Parent PAC has taken a **sharp interest** in school vouchers.
I developed an **acute interest** in research and classical ancient civilizations.
If you're considering a future career and you've got a **keen interest** in
photography, listen to the call of your passion and grab your camera.
It was a quote of **poignant interest** that I have never stopped thinking about.*

Помимо этого интерес категоризуется как нитевидный объект (криптокласс Res Filiformes) (1,1% или 75 примеров) (примеры 76). Подобные словоупотребления были обнаружены в 17 национальных вариантах, а отсутствует данный криптокласс только в вариантах Малайзии, Филиппин и Нигерии.

(76) *China and the US are closely **bound** by their mutual **interests**.
Consciousness [is] **bound** with **interest** and greed.
They were miscellanies of articles by various hands with hardly any common
thread of **interest**.
Abstract **interest** that was **tied** to history.*

Примеры жидкого интереса (криптокласс Res Liquidae) (1%) характерны для 16 национальных вариантов (примеры 77), они не были обнаружены в вариантах Бангладеш, Гонконга, Малайзии и Ганы.

(77) *There has been "a **flood** of **interest** coming from Australia, Canada,
China, Nigeria and USA".
To me it's the usual **ebb and flow of interest**.
There are plenty of characters to get the **interest flowing**.
I skimmed Rog's Cato link, and the self **interest** just **oozes** from its phrases.
My hidden fear was replaced by a new **stream** of **interests**.
It might have started with a **trickle** of **interest**.*

Также в десяти национальных вариантах были обнаружены примеры интереса в качестве длинно-тонкого объекта (криптокласс Res Longae Penetrantes) (0,4%) (примеры 78), в основном это варианты европейского, австралийского, американского, карибского ареалов, а также некоторые варианты азиатского ареала (Малайзия, Гонконг).

(78) *Corporate **interests** have **penetrated** journalistic culture.
Various vested **interests** have **punched** their weight in any way they can.*

Помимо этого интерес способен быть круглым (0,3%) (примеры 79). Примеры криптокласса Res Rotundae были найдены в пяти национальных вариантах (это варианты Великобритании, Ирландии, Новой Зеландии, США и Ганы).

(79) *All your interests rolled into one supreme coarse!*
I was understandably a big ball of interest,
The interest will come round.. all will come round.

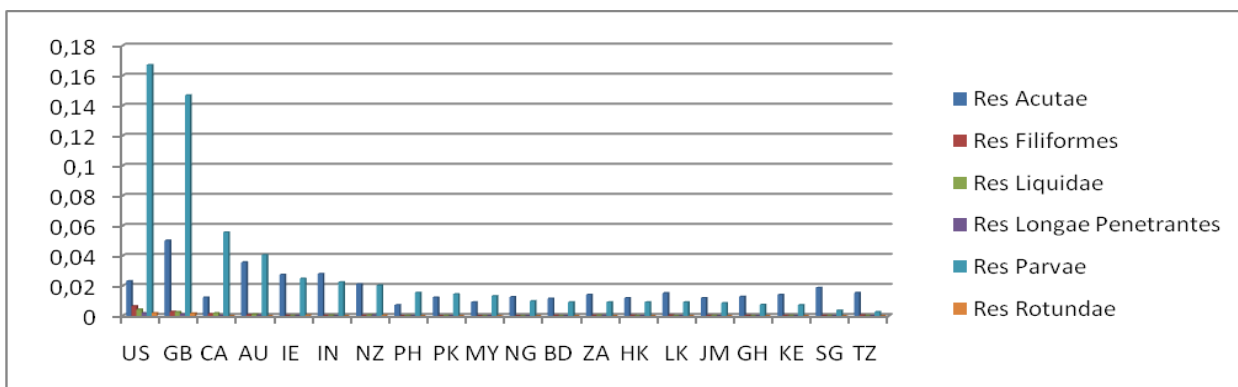

Рис.51. Криптоклассные портреты имени *interest* в корпусе GloWbE по идиомам

Среди ареальных предпочтений (рис.51) можно выделить предпочтение американских вариантов рассматривать интерес как небольшой предмет (криптокласс Res Parvae), в то время как вариант Карибского бассейна и африканские идиомы отдают приоритет острому интересу (криптокласс Res Acutae).

Расчет коэффициента корреляции показал, что близость всех национальных вариантов в корпусе GloWbE составляет 57%, в то время, как ареальные показатели значительно выше: для ареала Азии он составляет 77%, для европейского ареала – 82%, для африканских вариантов – 91%, для ареала Австралии – 99,4%, а для американских вариантов – 99.6%.

Составленная карта (рис.52) представляет континуум с постепенным переходом криптоклассных предпочтений, где на одном конце представлены американские варианты, в которых при категоризации интереса максимально высокой значимостью обладает криптокласс Res Parvae (доля примеров с классификаторами данного криптокласса составляет 82% от общего количества примеров), а на другом – варианты Сингапура и Танзании, в

которых самое большое количество примеров (82%) было обнаружено с криптоклассом Res Acutae.

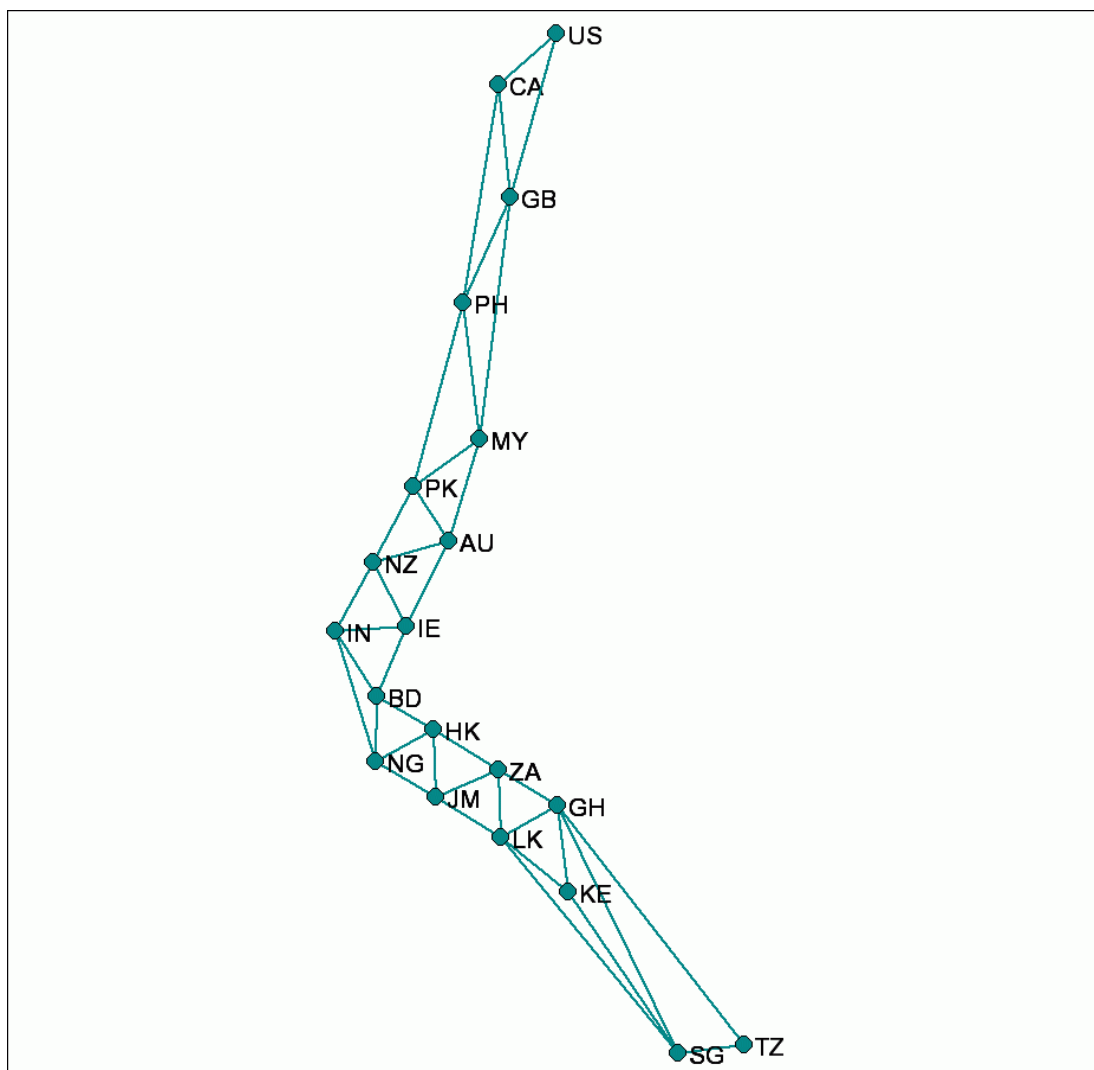

Рис.52. Карта *interest* по данным корпуса GloWbE

Также на карте мы видим небольшой излом в районе идиома Бангладеш, который связан с изменением третьего приоритета, так в варианте Бангладеш цепочка криптоклассных предпочтений выглядит как Res Acutae → Res Parvae → Res Filiformes, в то время как в варианте Гонконга это: Res Acutae → Res Parvae → Res Filiformes → Res Longae Penetrantes, а в идиоме Нигерии она уже представлена по-другому: Res Acutae → Res Parvae → Res Liquidae.

В корпусе COCA интерес в первую очередь категоризуется как острый предмет (криптокласс Res Acutae) (69,96%), вторым приоритетом выступает криптокласс Res Parvae (24,78%), на третьем месте следуют криптоклассы Res Liquidae и Res Filiformes (представлены на 2,41% каждый), и на

последнем месте круглая характеристика (криптокласс Res Rotundae) (0,44%). Теснота связи корпусов COCA, NOW и GloWbE составляет 76%.

2.1.8. *Happiness*

Имя *happiness* образовано от среднеанглийского корня *hap*, т.е. удача, который лежит в основе таких слов как *happenstance* (случайность) и *perhaps* (возможно) [McDonald 2008]. По данным В.Ю. Апресян *happiness* является «самым длительным из эмоциональных состояний в кластере ‘радость’» [Апресян 2011b, с.71]. Исследованиям счастья уделяется большое внимание во всем мире: например, «исследователи из компании «Экономист интеллидженс юнит» подсчитали, что 82% уровня среднего восприятия счастья в разных странах можно предсказать, отталкиваясь от девяти основных характеристик...эти характеристики, начиная с самой значимой: здоровье (ожидаемая продолжительность жизни), благосостояние (валовой внутренний продукт на человека), политическая стабильность, количество разводов, общественная жизнь, климат (чем теплее, тем лучше), уровень безработицы, политическая свобода и пропорция полов (чем больше мальчиков рождается по отношению к девочкам, тем счастливее люди). На счастье влияют и культурные факторы. Так, люди в Дании постоянно демонстрируют гораздо более высокий уровень счастья, чем в Финляндии, хотя эти страны похожи по большинству демографических показателей. Датская исследовательская группа предложила интересное объяснение: согласно одному опросу у датчан более низкие ожидания на предстоящий год, чем у финнов...В одном исследовании немцев, длившемся 17 лет, ощущение счастья только у 24% респондентов заметно изменилось от начала к концу исследования и только у 9% оно изменилось сильно. Все личные события: женитьба, здоровье, уровень дохода и т.д. — влияют только на 20% разницы в ощущении счастья у американцев, тогда как генетический фактор влияет на 50% различий» [Aamodt, Wang 2008, p.215-216].

В корпусе NOW был найден 151 релевантный исследованию пример с именем *happiness* (рис.53).

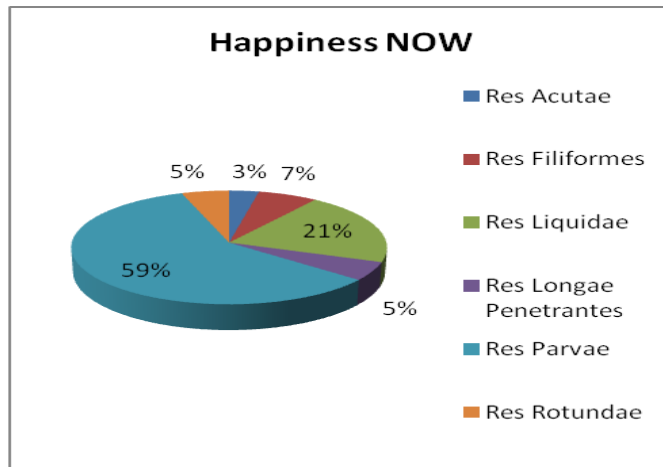

Рис.53. Криптоклассный портрет имени *happiness* в корпусе NOW

Наиболее приоритетным криптоклассом для данной эмоции выступает Res Parvae (59% или 89 примеров) (примеры 80), встречающийся в 14 национальных вариантах английского языка и являющийся первым таксоном для 13 из них. Рукоятная характеристика не была обнаружена в малайзийском и филиппинском идиомах.

(80) *He was an unshakably happy person, and she caught his happiness. Her 2nd marriage was her final hurrah to grab some happiness for herself. In wartime Toronto, you grabbed whatever happiness you could, dancing at the Palais Royale.*

Don't let anybody snatch your happiness away from you.

You have the power to take someone's happiness by refusing to forgive.

Во вторую очередь данная эмоция воспринимается как жидкость (21% или 31 пример) (примеры 81). Криптокласс Res Liquidae встречается в девяти вариантах и для трех из них (это варианты Австралии, Филиппин и Малайзии) является наиболее приоритетным. В некоторых идиомах азиатского ареала (варианты Бангладеш, Сингапура, Пакистана), африканского ареала (варианты Ганы, Нигерии) и карибского ареала данное свойство счастья выявлено не было.

(81) *The happiness drips from them.*

When you've just had a baby you expect to be flooded with happiness.

There's no points system or way to accurately measure the happiness flowing through your bloodstream.

Happiness flows out of every open door and window.

How could **happiness ooze** out of the stormy and precarious situations?

Happiness pours in our hearts.

You can still bring a **splash** of life and **happiness** into your apartment home.

Счастье может категоризоваться как нитевидный предмет (криптокласс Res Filiformes) (7%) (примеры 82), окказиональные примеры подобных словоупотреблений были обнаружены в пяти национальных вариантах (например, в идиомах Малайзии и Филиппин).

(82) She **ties** her **happiness** to the resolution of this past love.

Happiness is **tied** to better health, both physical and mental, and longer lives.

One's life has **threads** of **happiness** but they disintegrate like soap bubbles.

Также счастье может пронзить (криптокласс Res Longae Penetrantes) (5%) (пример 83), что подтверждается в четырех национальных вариантах английского языка (США, Великобритании, Индии и Пакистана).

(83) **Happiness** has now **penetrated** the citadel of global economic management.

Данная эмоция категоризуется как способная катиться (криптокласс Res Rotundae) (5%) в семи национальных вариантах (например, в европейских и американских идиомах) (примеры 84).

(84) They fluff up like little **balls** of **happiness**.

Mancala is a bouncy, wiggly **ball** of **happiness** and energy.

Наименее частотным для данной эмоции выступает криптокласс острого (Res Acutae) (3%) (примеры 85), обнаруженный только в трех национальных вариантах (Австралии, Великобритании и США).

(85) He felt a **happiness** so **piercing** that tears pricked his eyes.

That this episode of Game of Thrones ends with a moment of **piercing happiness**,

[It] delivered fatty, **pungent happiness**.

Теснота связи всех национальных вариантов составила 55%, в то время как коэффициент корреляции для африканских вариантов – 73%, американских – 95%, а европейских – 96% (рис.54).

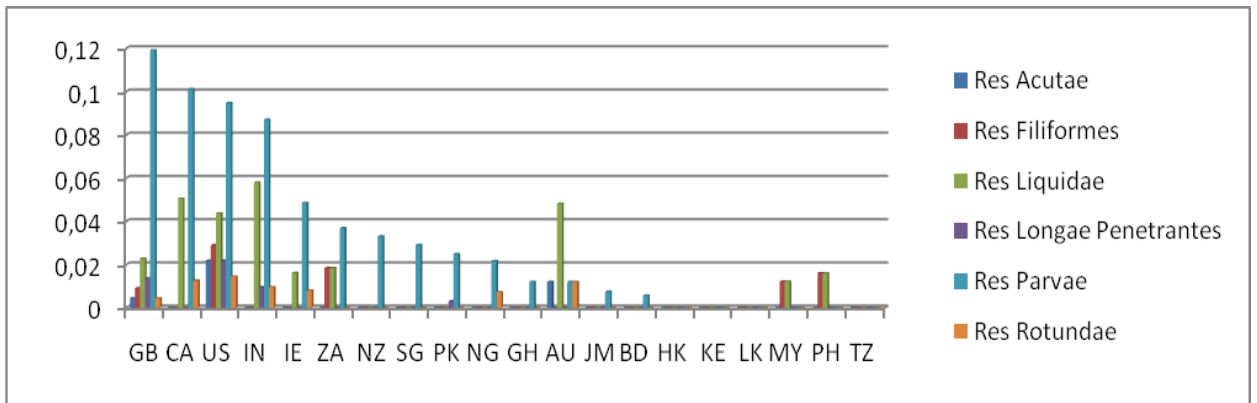

Рис.54. Криптоклассные портреты имени *happiness* в корпусе NOW по идиомам

На составленной карте (рис.55) можно выделить два кластера – один состоит из идиомов, рассматривающих счастье в первую очередь как рукоятный предмет, а второй – отдающий предпочтение криптоклассу Жидкое. Первая, более многочисленная группа расположена ближе к правому нижнему краю карты. В ней можно выделить набор довольно плотно расположенных друг к другу идиомов (это варианты Новой Зеландии, Сингапура, Бангладеш, Ямайки и Ганы), в которых счастье категоризируется исключительно как рукоятный объект (т.е. 100% обнаруженных в ходе криптоклассного анализа примеров относятся к криптоклассу Res Parvae). Остальные идиомы расположены в зависимости от их второго приоритета и здесь можно выделить четыре основных направления. Во-первых, вариант Пакистана образует ответвление в связи с наиболее высокой представленностью криптокласса Res Longae Penetrantes, доля которого в данном идиоме составляет 11%. Вариант Нигерии, в свою очередь, удален из-за максимально высокой значимости криптокласса Res Rotundae (25% примеров). В идиоме ЮАР проявилась самая высокая для данного кластера значимость образа нитевидного счастья (25% примеров было обнаружено с криптоклассом Res Filiformes). Индийский идиом указывает на увеличение коммуникативной востребованности криптокласса Res Liquidae при категоризации счастья (доля примеров с данным криптоклассом в индийском национальном варианте английского языка составляет 35%). Вторым сформировавшимся кластером выступают идиомы Австралии, Филиппин и Малайзии, которые рассматривают счастье в первую очередь как жидкость, при этом филиппинский и малайзийский варианты образуют обособленную

группу, в связи с высокой значимостью для данных лингвокультур образа нитевидного счастья.

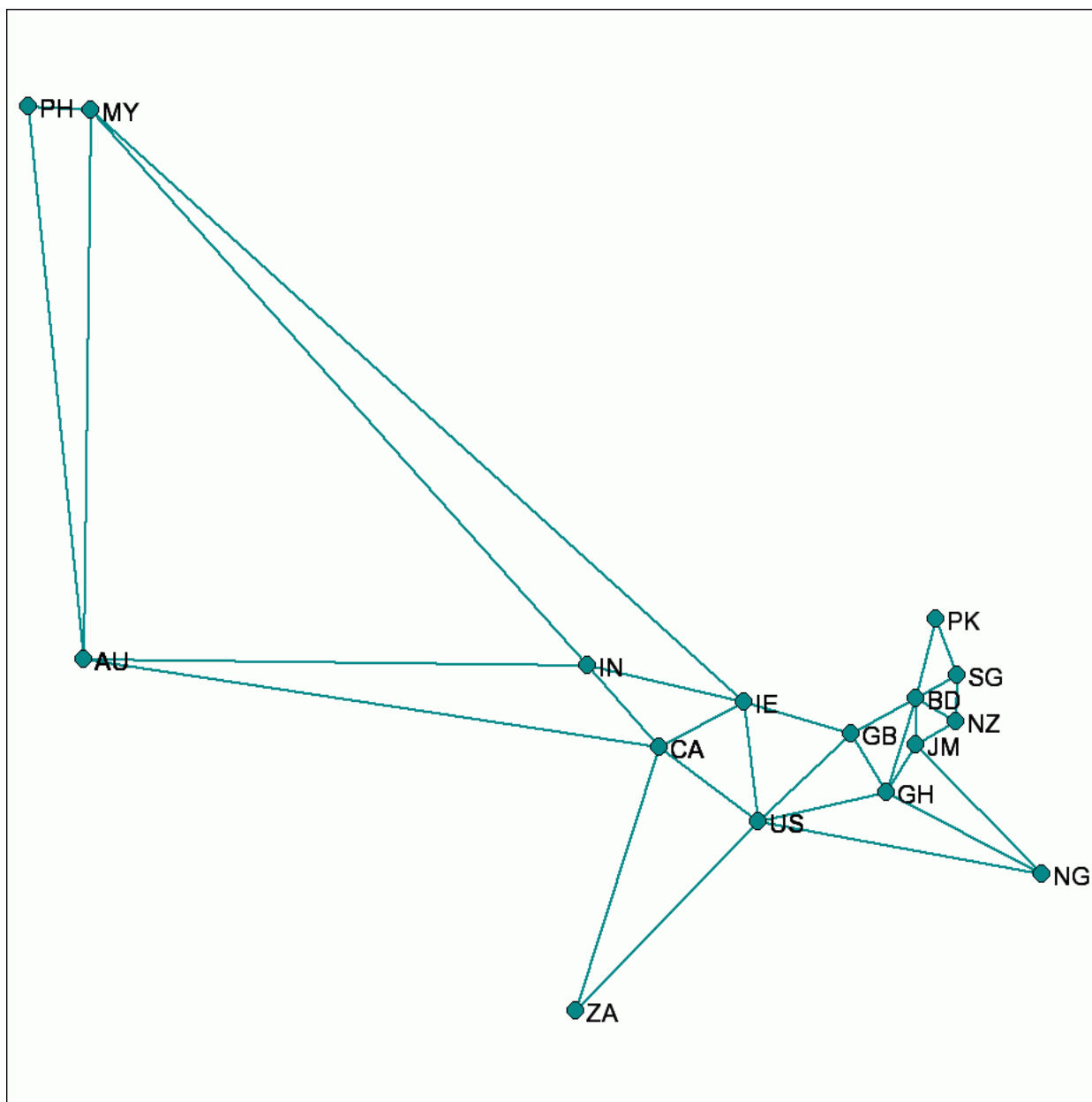

Рис.55. Карта *happiness* по данным корпуса NOW

В целом в корпусе GloWbE наблюдается похожая картина: коэффициент связи между корпусами составляет 97,5%. В корпусе GloWbE 289 примеров оказались релевантными исследованию для имени *happiness* (рис.56).

56% словоупотреблений или 162 примера было обнаружено с криптоклассом *Res Parvae*, характерным для 19 национальных вариантов, выступающим в качестве приоритетного в 15 из них и вторым приоритетом в трех из них, при этом в танзанийском варианте рукоятной характеристики обнаружить не удалось (примеры 86).

(86) Pure **happiness** that life **throws** you once in a while is when...
 It is the caste that have had **snatched** all my **happiness** in life.
 People provide numerous explanations for not **picking happiness**.
 If you really want to **grasp happiness**, you have to avoid doing the same destructive things over and over.
 Others do the same by **grabbing** artificial **happiness** through drugs or music or art or socializing.
 Find a happy person to be with and **catch** their **happiness**.
 Munson decides to **take** her **happiness** into her own hands.
 Liberal Democrat has called on the Government to **take a grip on** our **happiness**.

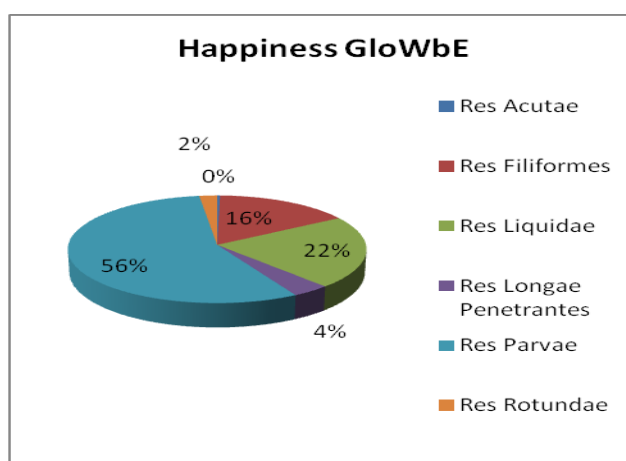

Рис.56. Криптоклассный портрет имени happiness в корпусе GloWbE

Во вторую очередь счастье категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (22% или 63 примера) (примеры 87), что подтверждается в 12 вариантах, для трех из которых жидкая характеристика является превалирующей (Новая Зеландия, Танзания, ЮАР), при этом в вариантах Ганы, Нигерии и Ямайки жидкий криптокласс обнаружен не был.

(87) My heart is borne away by the **flood** of **happiness**.
 Gair felt a **wave** of **happiness flood** over him.
 It has turned into a delicate **trickle** of **happiness** that starts to **flow** within.
 You experience a steady **flow** of **happiness** and contentment.
 Just the thought of the place sends me **gush** of **happiness**.
 Nina **oozed** confidence and **happiness**.
 It was like having a large bucket of pure **happiness poured** over your head.
 We can use this **stream** of **happiness** to activate the agya chakra.

Frustration destroys happiness and happiness washes frustration away.

На третьем месте по частотности располагается криптокласс Нитевидное (Res Filiformes) (16%) (примеры 88), характерный для 12 вариантов и лидирующий в нигерийском английском.

(88) *Fulfilment and happiness are intertwined.*

And isn't happiness in the people tied to the happiness of their state?

Don't tie your happiness to your material stuff.

The complex twists of her happiness.

Счастье оказалось способным пронзить (криптокласс Res Longae Penetrantes) в шести вариантах (4%), в основном это варианты азиатского ареала (идиомы Индии, Шри-Ланки, Филиппин, Пакистана) (примеры 89).

(89) *When this happiness penetrates and fills the heart of the believer...*

Happiness can only penetrate the heart if the One that Created it so wishes.

Единичные примеры для криптокласса Круглого (Res Rotundae) были найдены в 4 национальных вариантах (США, Канады, Австралии, Танзании) (пример 90).

(90) *The world preaches that life should just be one big ball of fun and happiness.*

Индийское счастье даже может быть острым – единственный пример (пример 91) найденный в корпусе для криптокласса Res Acutae это *pungent happiness* в индийском английском.

(91) *It is true enough that a pungent happiness comes chiefly in certain passing moment*

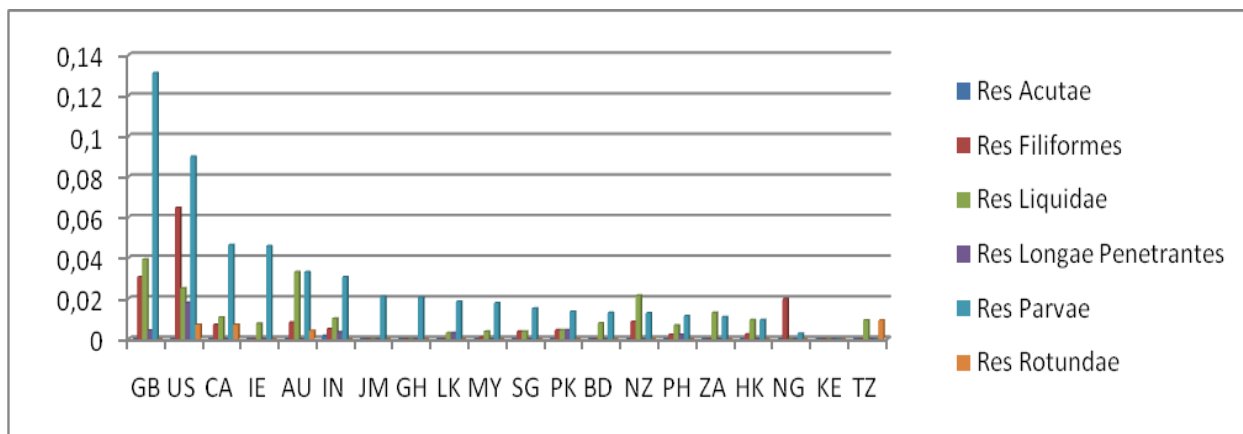

Рис.57. Криптоклассные портреты имени *happiness* в корпусе GloWbE по идиомам

Ареальные предпочтения проявляются в том, что австралийские варианты английского языка склоняются к рассмотрению счастья в первую очередь как жидкости, а американские, европейские, азиатские варианты и вариант Карибского бассейна категоризируют это имя в первую очередь как рукоятный предмет (рис.57).

Все национальные варианты близки на 53%, теснота связи африканских вариантов английского языка составляет 64%, американских – 81%, австралийских – 92%, а европейских – 97%.

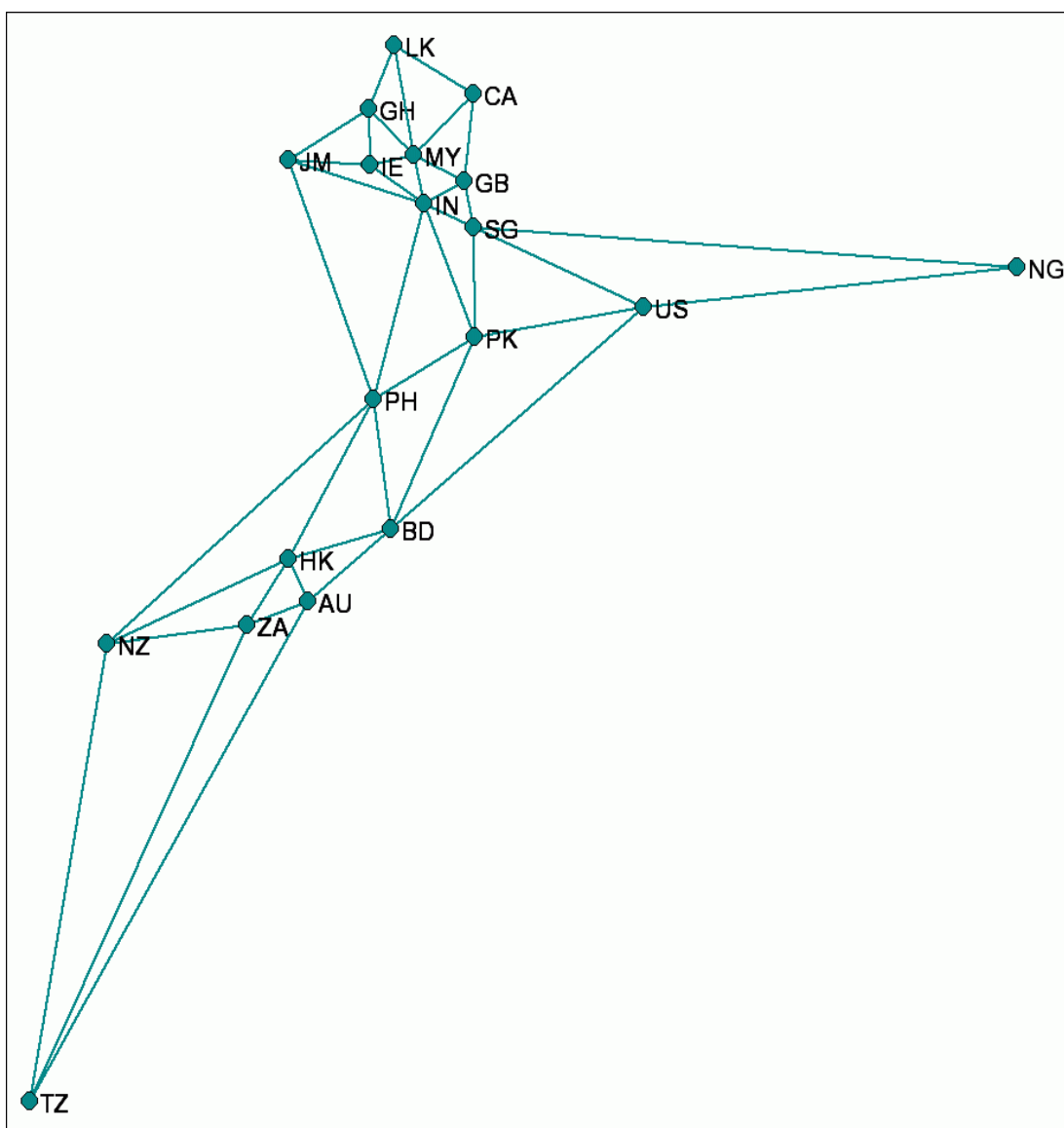

Рис.58. Карта *happiness* по данным корпуса GloWbE

На построенной карте (рис.58) можно выделить три кластера, сформированных в зависимости от первого приоритета. Первый кластер содержит идиомы, попавшие в таксон с первым криптоклассом *Res Liquidae*,

т.е. для данных лингвокультур наиболее значимой при категоризации счастья является метафора жидкости. Наиболее удаленным здесь оказывается танзанийский вариант английского языка, в связи с высокой значимостью образа круглого счастья (криптокласс *Res Rotundae*) для лингвокультуры данного региона. С противоположной стороны границей данного кластера выступают варианты Австралии и Гонконга в связи с высокой значимостью для данных культур категориального признака мелкий предмет (криптокласс *Res Parvae* в варианте Гонконга представлен на 44%, а в австралийском идиоме – по 42%).

Второй кластер состоит из идиомов, в которых лидирует криптокласс *Res Parvae*. Здесь стоит обозначить пять пограничных точек, близость к которым указывает на возрастание важности определенного криптокласса. Так, вариант Бангладеш обладает наиболее высокой для данного кластера представленностью криптокласса *Res Liquidae* (37%); в идиомах Ямайки и Ганы представлен только криптокласс *Res Parvae* (т.е. доля примеров с данным криптоклассом составляет 100%); вариант Шри-Ланки характеризуется наиболее высокой значимостью криптокласса *Res Longae Penetrantes* (составляет 12,5%); канадский вариант отражает самый высокий в границах данного кластера показатель криптокласса *Res Rotundae* (он равен 10%); а американский вариант представляет направление, в котором происходит увеличение доли нитевидного криптокласса (в американском английском данный показатель равен 32%).

В третью группу, в которой при категоризации счастья лидирует криптокласс *Res Filiformes*, вошел только идиом Нигерии (доля примеров с указанным криптоклассом составляет 87%). Таким образом, данная карта отражает континуум постепенных смен криптоклассных приоритетов.

По данным ИС COEL в корпусе СОСА счастье представлено только в трех криптоклассах: на 60% данная эмоция категоризуется как небольшой предмет, помещающийся в руке (криптокласс *Res Parvae*), на 30% счастье представляется как жидкость (криптокласс *Res Liquidae*) и на 10% - как нить (криптокласс *Res Filiformes*). Теснота связи между корпусами СОСА, GloWbE и NOW составляет 98%.

2.1.9. Joy

Joy выступает как наиболее общий тип радости в английском языке, она «может вызываться любыми стимулами, а также может возникать беспричинно; эта ‘радость’ может быть как сильной, так и слабой, может быть благожелательной и недоброжелательной, может вызываться личными причинами или испытываться «за» другого человека» [Апресян 2011b, с.70]. По мнению К. Изарда радость является переживанием удовлетворенности окружающей действительностью или собственной личностью. Среди основных физиологических характеристик радости К.Г. Ланге обозначил «возбуждение двигательных центров, усиление кровотока в мелких сосудах, что может привести к изменению цвета кожи, к внутренним органам поступает больше кислорода, что улучшает в них обмен веществ» (цит. по [Кольцова, Токмакова 2015, с.95-96]).

С именем *joy* в корпусе NOW было обнаружено 853 примера (рис.59).

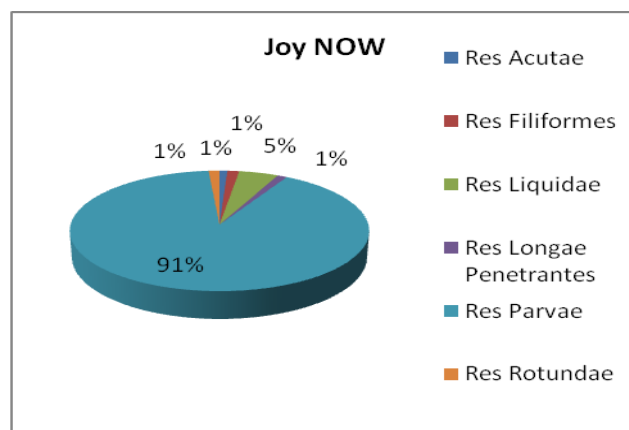

Рис.59. Криптоклассный портрет имени *joy* в корпусе NOW

Наиболее приоритетным для всех национальных вариантов английского языка выступает рукоятное свойство данной эмоции (91% или 772 примера) (примеры 92).

(92) *I **caught** enough **joy** to last me the rest of the year.*

***Grab joy** wherever you can.*

*That **joy** was **picked** up and amplified a zillion times.*

*Married or not, do not let anything or anyone **snatch** your **joy** from you!*

*They **take** much more **joy** in a team victory than in individual ones.*

Во вторую очередь радость воспринимается как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (5% или 40 примеров) (примеры 93), подобные примеры словоупотреблений были обнаружены в восьми национальных вариантах (например, в европейских и американских идиомах).

(93) *They come back to me, **dripping** with **joy** and self-satisfaction.*

*I was **flooded with joy** because of people's generosity.*

*A free **flow of joy** is clearly evident.*

*Neglected Sabah village receives **gush of joy**.*

*Father Menes always **poured joy** into the heart of everybody who met him.*

*This **joy** can **spill** over into all areas of our lives.*

*The writer includes "**splashes of joy**" in an eight-word description of herself.*

*Why should we not also enter into this great **stream of joy**?*

*Fans have told how a **trickle of joy** turned to a torrent of trouble.*

На третьем месте следует нитевидная характеристика радости (криптокласс Res Filiformes) (1,4%) (примеры 94), примеры которой были обнаружены в шести вариантах английского языка, в том числе в идиомах американского ареала и некоторых вариантах азиатского ареала (идиомы Филиппин и Пакистана).

(94) *In Judaism tragedy and **joy** have been **intertwined** since the days of Abraham the patriarch and continue to this day.*

*Malik's canvases portray deeply personal emotions and life experiences, **intertwining** the **joys** and sorrows of life.*

*The **joy** of giving is **intertwined** with the **joy** of receiving.*

*Our **joy** is **tied** to the understanding of the future we hold in our hands.*

*It pulls at the loose threads of life with one hand yet **weaves joy** through it with the other.*

*They have so much **joy woven** through them.*

Также радость категоризуется как круглый объект (криптокласс Res Rotundae) (1,2%) (примеры 95), что подтверждается двумя национальными вариантами (Великобритании и Индии).

(95) *She is a dynamic **ball** of **joy**, this girl.*

*[She did] a wonderful job of translating this hit into a **ball** of warm fuzzy **joy** .*

*Unequivocally cause for a bowling **ball** of **joy rolling** into the archives is...*

Радость способна характеризоваться как длинно-тонкий предмет (криптокласс Res Longae Penetrantes) (1,1%) (примеры 96), окказиональные примеры были найдены в пяти национальных вариантах.

(96) *This joy did not penetrate the "relief" camps.*

I punched the air with joy when I heard you were writing about this.

In the midst of tears, a stab of joy can well up at a beautiful hymn, a loving memory.

Также в пяти национальных вариантах английского были найдены примеры острой радости (криптокласс Res Acutae) (0,9%), например, в идиомах европейского ареала (примеры 97).

(97) *a keen joy of life, a great faith in humanity and a hope in the progress
Despite moments of deep love and piercing joy...*

Now it's invariably a poignant joy that comes to mind.

... filling the Glastonbury night with pungent musical joy.

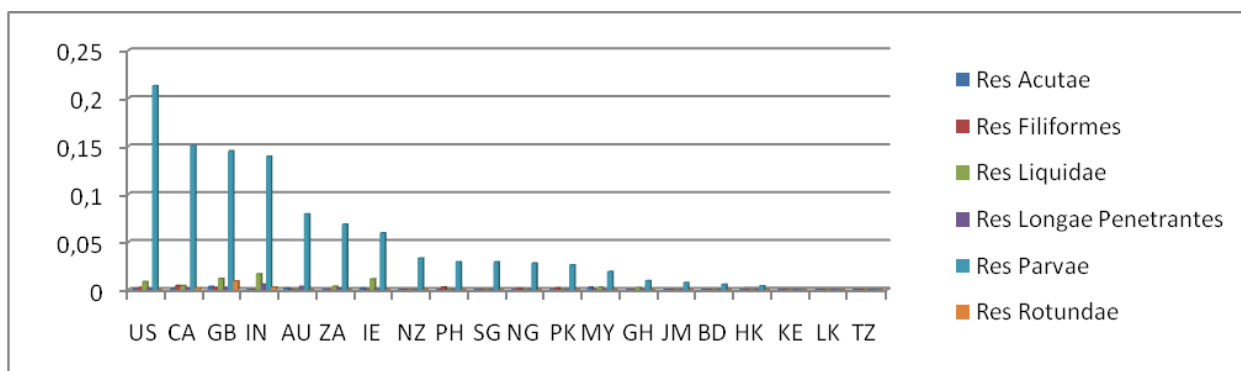

Рис.60. Криптоклассные портреты имени joy в корпусе NOW по идиомам

Близость рассматриваемых вариантов английского языка в корпусе NOW составила 65%, корреляция идиомов азиатского ареала равна 69%, европейского – 98,9%, австралийского – 99,9%, американского – 99,97% (рис.60).

На составленной карте (рис.61) видно, что все рассматриваемые варианты, попадая в один таксон с первым членом Res Parvae, обладают очень тесными связями. При этом карта отражает различия во вторых по приоритету криптоклассных предпочтениях. Так, при категоризации радости в варианте Ганы вторым по значимости выступает криптокласс Res Liquidae (доля представленности данного криптокласса составляет 20%). В идиоме Малайзии вторым приоритетом является криптокласс Res Acutae (11%). У

вариантов, расположенных на карте рядом с филиппинским идиомом, вторым таксоном выступает криптокласс Res Filiformes (у варианта Филиппин он представлен на 9%). У австралийского варианта при категоризации радости на втором месте располагается криптокласс Res Longae Penetrantes (4%). Группа идиомов, расположенная в нижней части карты (это варианты Гонконга, Бангладеш, Сингапура, новой Зеландии и Ямайки), категоризирует радость только при помощи криптокласса Res Parvae (100%).

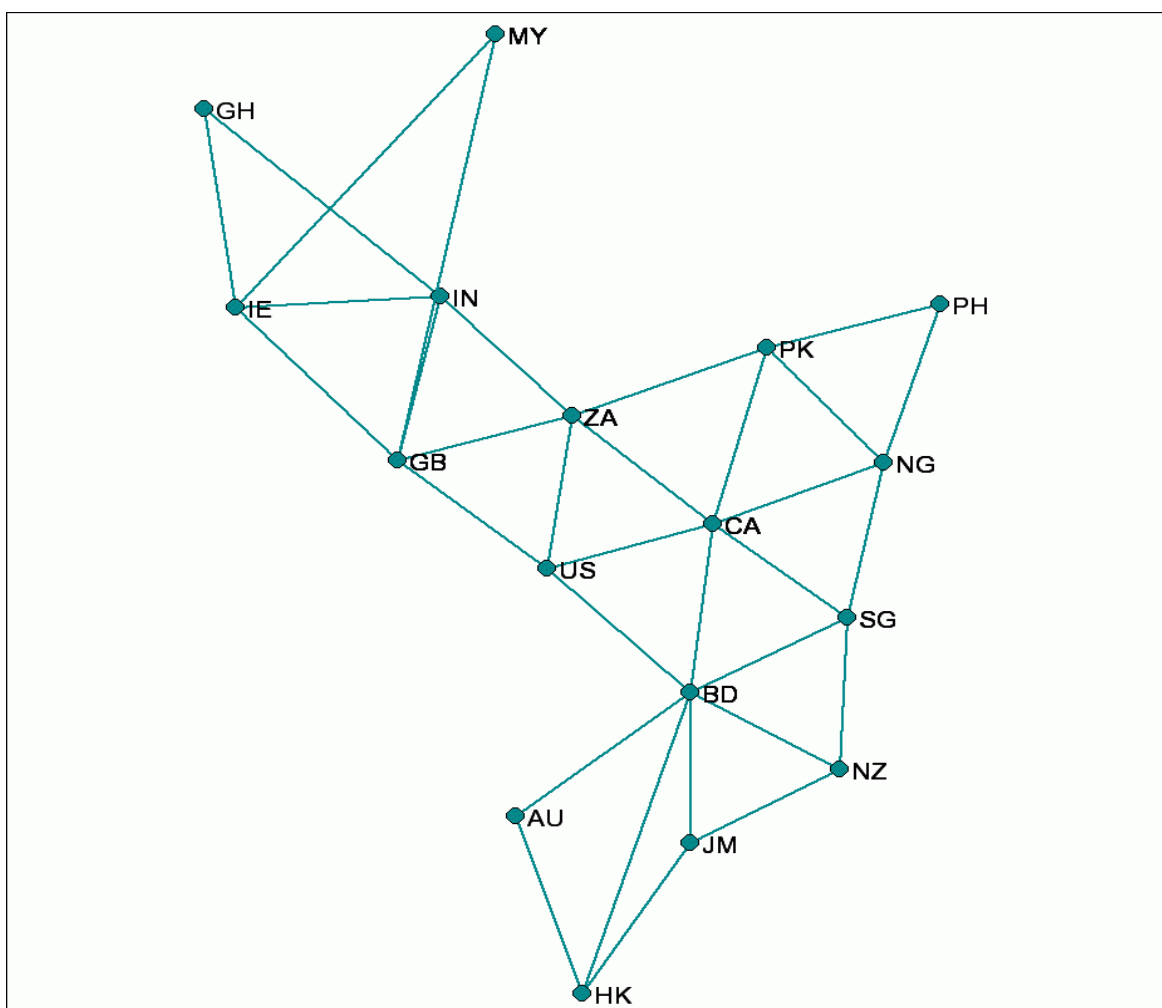

Рис.61. Карта *joy* по данным корпуса NOW

В корпусе GloWbE наблюдается похожее распределение криптоклассных предпочтений – коэффициент корреляции между корпусами составляет 99,7%. Всего в корпусе GloWbE было обнаружено 725 релевантных нашему исследованию примеров (рис.62).

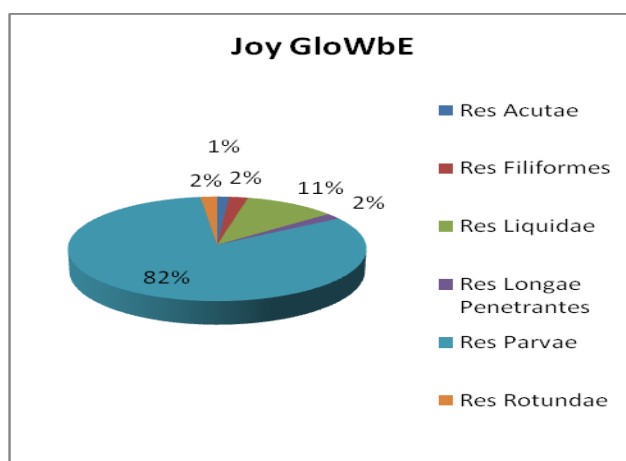

Рис.62. Криптоклассный портрет имени joy в корпусе GloWbE

Первым по приоритету при категоризации эмоции радости в корпусе GloWbE выступает криптокласс Res Parvae (82% или 594 примера) (примеры 98), который используется всеми национальными вариантами, для 19 из них является первым таксоном, а для южноафриканского английского выступает вторым.

- (98) *We consider this a shared achievement that **casts joy** on our people.*
*I wondered if he **caught joy** knowing how the machine tormented me.*
*You have **grabbed joy** and purpose despite hardship.*
*Only intelligent machines may one day **grasp the joys** of space travel.*
*Lay down your sorrow, **pick up your joy**.*
*Very often we want to **snatch** this **joy** from others.*
*If your new work is technical, try to **take joy** in the details of what you do.*
*You have to **throw** your pride and **joy** into the air.*

Во вторую очередь радость категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (11% или 78 примеров) (примеры 99), что характерно для 17 национальных вариантов, для одного из них данное свойство является первым по приоритету (вариант ЮАР), а в вариантах Гонконга, Ямайки и Танзании совсем не используется.

- (99) *See how **joy flows** from one heart to another.*
*I can not find words to express the incredible **wave of joy** that **flooded** me.*
*A **current of joy may flood** through our lives, **washing** away our weariness.*
*A soft **liquid joy flowed** through the words,*
*Voices flowed into a continuous **stream of joy** and pleasure.*

That was quickly washed away with the joy of knowing.

A gush of joy suddenly swept over me.

They had a church service above the Spar every weekend and it oozed joy.

The new joy poured like a flood over all the dry places in my heart.

Joy can so easily spill over into suffering and sorrow.

В семи национальных вариантах проявилась характеристика радости как нитевидного объекта (Res Filiformes) (2,2%), например, в европейском и американском ареалах (примеры 100).

(100) The Christian's joy is bound up with love to Jesus.

Belief and joy are inextricably intertwined.

He began using the threads of joy.

Note in this excerpt how closely Edwards ties joy to the indwelling Holy Spirit

And my heart twists with bitter-sweet joy.

How many little joys have we woven into its rhythm?

You need the gentle reassurance of classical music with its sorrows and joys wound around and through the notes.

Примеры радости, способной катиться (криптокласс Res Rotundae), были обнаружены в шести национальных вариантах (1,9%), в том числе в европейских и американских идиомах (примеры 101).

(101) It was a mix of fear, joy and panic rolled into one.

He was a ball of joy. He wanted everybody to be happy,

Эмоция радости также может быть отнесена к категории длинно-тонких предметов (1,8% словоупотреблений относится к криптоклассу Res Longae Penetrantes) (примеры 102), что проявилось в шести национальных вариантах.

(102) I felt a gnostic joy that penetrated deep into the heart of things.

I think I may have actually punched the air with joy at this scene.

[We] experience a little stab of joy.

Помимо этого окказиональные примеры отнесения радости к категории острых объектов оказались характерны для пяти национальных вариантов английского языка (1,4%) (примеры 103).

(103) The sight of chairs, beds, pictures gave her keen joy.

The sudden happy turn in a story pierces you with a joy that brings tears.

There was a poignant joy between Rose and The Doctor.

The sharp joy suddenly pierced his own heart.

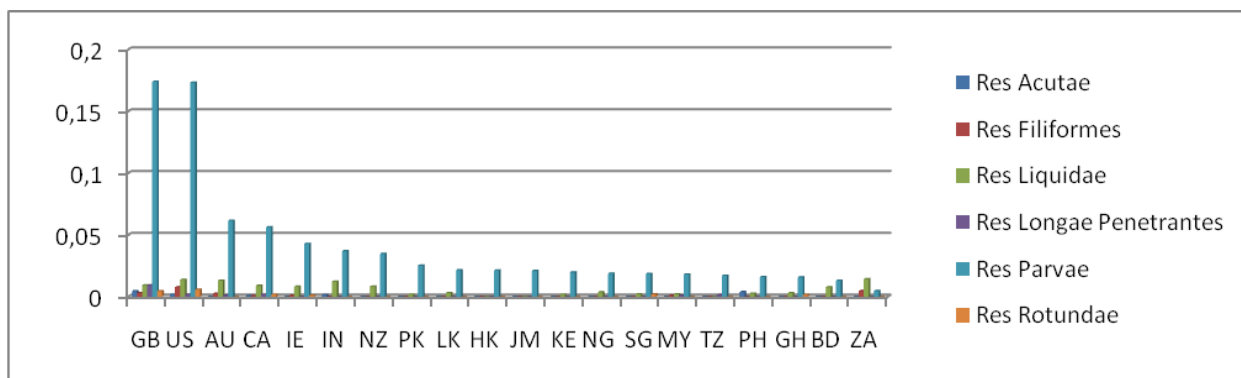

Рис.63. Криптоклассные портреты имени *joy* в корпусе GloWbE по идиомам

Теснота связи всех национальных вариантов для имени *joy* в данном корпусе составляет 74%, близость африканского ареала равна 84%, европейского – 98,5%, американского – 99,6%, австралийского – 99,8% (рис.63).

На карте (рис.64) образовалось два кластера: один, содержащий подавляющее большинство идиомов, отражает приоритетность криптокласса *Res Parvae*; второй, состоящий из одного варианта ЮАР, указывает на коммуникативную востребованность для данной лингвокультуры метафоры жидкости, лежащей в основании криптокласса *Res Liquidae*: национальный вариант ЮАР – единственный из представленных, который входит в таксономию с первым таксоном *Res Liquidae*. Внутри первого кластера идиомы расположены довольно плотно, что указывает на высокую схожесть их криптоклассных предпочтений, но даже здесь можно выделить некоторые крайние точки, отражающие характерные особенности. Так, близость к танзанийскому варианту указывает на увеличение доли криптокласса *Res Longae Penetrantes* при категоризации радости (в идиоме Танзании данный криптокласс представлен на 8%). Чем ближе идиом расположен к сингапурскому национальному варианту, тем более значимым оказывается образ круглой радости (криптокласс *Res Rotundae*) для лингвокультуры этого региона. В австралийском варианте востребованным выступает образ нитевидной радости (криптокласс *Res Filiformes* представлен на 3%). Наиболее удаленными от основного кластера оказываются идиомы

Филиппин и Бангладеш: у варианта Филиппин вторым по значимости криптоклассом выступает (криптокласс *Res Acutae* представлен на 18%), а вариант Бангладеш категоризует радость на 37% как жидкость, поэтому на карте стремится в сторону идиома ЮАР.

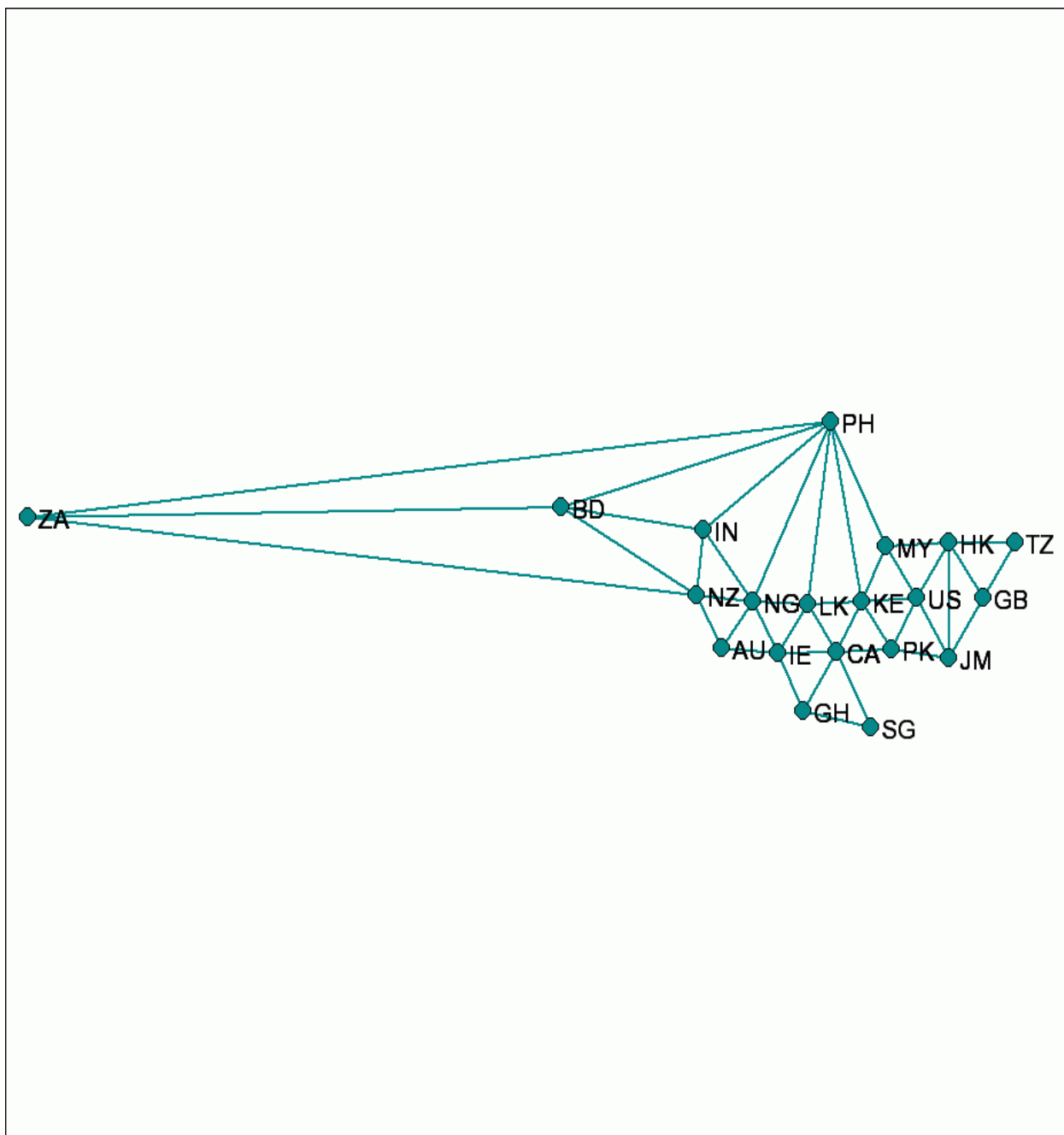

Рис.64. Карта *joy* по данным корпуса GloWbE

В корпусе COCA наиболее приоритетным для радости выступает криптокласс *Res Parvae* (71,19%), во вторую очередь данная эмоция категоризуется как жидкость (криптокласс *Res Liquidae*) (18,64%), на третьем месте находится криптокласс *Res Filiformes* (5,08%), на четвертом – *Res*

Acutae (4,24%) и на последнем – Res Longae Penetrantes (0,85%). Теснота связи между корпусами COCA и NOW составляет 97,8%, а между корпусами COCA и GloWbE – 98,97%.

2.1.10. Fear

К. Изард отмечает, что «страх складывается из определенных и вполне специфических физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» [Изард 2012, с. 293]. Согласно данным нейробиологии ключевую роль в формировании эмоции страха играет миндалевидное тело, которое также ответственно за «фокусирование внимания на эмоционально значимых событиях в мире», что способствует принятию решения при неопределенных обстоятельствах [Aamond, Wang 2008, p.204-205]. При появлении опасной ситуации миндалевидное тело посылает сигналы в гипоталамус, который при помощи гормонов кортизола и адреналина готовит организм к экстренной ситуации [McDonald 2008]. Таким образом, при различном описании эмоции страха в языках была выявлена его нейробиологическая идентичность [Апресян 2011а]. В рамках философии эмоцию страха начали изучать еще в античности: Аристотель, Платон, Эпикур, Лукреций и т.д. По мнению С. Кьеркегора «каждый индивид должен пройти через испытания и научиться бояться, чтобы не пострадать при столкновении со страхом из-за того, что он раньше его никогда не испытывал. Человек, который научился «правильно» бояться – научился самому главному в жизни. Если бы человек был ангелом или животным, он не мог испытывать страх. Но поскольку человек – это синтез физического и духовного, то он в состоянии бояться, и чем больше он боится – тем больше он Человек» [Kierkegaard 1958, с.103]. П. Тиллих указывал на важность страха для человека: «страх – есть сила, которая порождает отчаяние, рождающее смелость, которая и одерживает победу над самим страхом» (цит. по [Кольцова, Токмакова 2015, с. 101]). З. Фрейд отмечал, что отличием страха от боязни и испуга является наличие пугающего объекта. На материале литературной сказки было показано, что страх в данных текстах выступает как одна из основных эмоций, что «может

быть связано с родством авторской сказки и фольклора, который, в свою очередь, имеет отношение к архетипичным мифам» [Кольцова, Токмакова 2015, с.105].

В корпусе NOW с именем *fear* было обнаружено 237 удовлетворяющих исследованию примеров (рис.65).

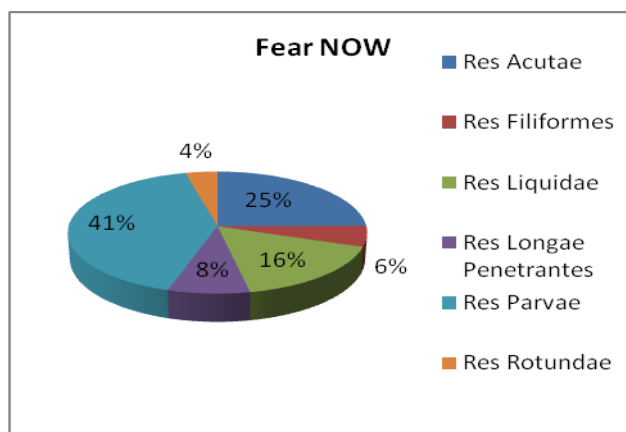

Рис.65. Криптоклассный портрет имени *fear* в корпусе NOW

В первую очередь страх категоризуется как рукоятный предмет (41% или 98 обнаруженных примеров относится к криптоклассу Res Parvae) (примеры 104); данная характеристика была найдена в пятнадцати национальных вариантах, для девяти идиомов она является наиболее приоритетной (например, для вариантов американского ареала), для пяти выступает в качестве второго таксона, а в идиомах Шри-Ланки и Танзании выявлена не была.

(104) *We are here to **take** the **fear** from your mind.*

*We can help them **take** that paralyzing **fear** and use that to motivate them.*

*The scandal has **cast fear** among investors' confidence to invest in Malaysia.*

*You can potentially "**catch**" **fear**, anger or joy from people without realizing it.*

*I say let's **grab fear**, shift it and then turn the volume up on our outrage.*

*Help the reader visualize their surroundings and **grasp** the **fear**, loss, pain and choices that each and every character endured.*

*He is slowly losing his **grip** on the **fear** that prevents him from flying.*

***Pick** a **fear**, any fear, and fan it enough to make it grow.*

*I heard your voice sing like heaven's choir/ Gathered up my **fears** and **threw** them in the fire*

*I just **threw** all **fear** and caution to the wind.*

Вторым по частоте встречаемости выступает криптокласс Res Acutae (25% или 59 примеров) (примеры 105); он был обнаружен в двенадцати национальных вариантах и для пяти из них выступает в качестве первого таксона (например, для идиомов европейского ареала). Варианты подобных словоупотреблений отсутствуют в некоторых национальных вариантах азиатского (варианты Бангладеш, Филиппин, Пакистана) и африканского ареалов (варианты Нигерии и Танзании).

(105) *After the 9/11 attacks the **fear** of terrorism was very **acute**.*

*Arachnophobia is the **acute fear** of spiders and affects six per cent of the population.*

*Others point to the hierarchical nature of human relations and a **keen fear** of shaming oneself before others.*

*The phone rings and a **prick** of **fear** runs down your spine.*

*But what of those of us who are occasionally **pricked** by irrational **fears**, and find strange ways to ward them off?*

*I've done all that I can to deal with the **sharp fears** that I've been confronted with.*

*A **sharp fear** of appraisal shaped the year for both of us.*

Третьим приоритетом при категоризации страха выступает криптокласс Res Liquidae (16% примеров) (примеры 106), что отражено в двенадцати национальных вариантах, для двух из которых (идиомы Австралии и Танзании) данная характеристика является лидирующей, но при этом примеры с жидким страхом не были обнаружены в некоторых азиатских идиомах (варианты Бангладеш и Малайзии) и африканских вариантах (Кении и Нигерии).

(106) *Ebola **fear flowed**, and then ebbed.*

*You can sometimes go with the **flow** of **fear** and anxiety.*

*There seems to be a **deluge** of **fears** surrounding computing-in-the-sky.*

*Her amygdala and a slew of neurochemicals would **flood** her with **fears** of being abandoned.*

*The sight of the topless chiropractor must have sent a **wave** of **fear gushing** through the Irish ranks.*

***Fear** is **leaking** into their community.*

*Each time I was **oozing** with **fear** and helplessness.*

*In the article, Bush **poured** out his war-driven **fear**: that science was being used as a force for destruction instead of understanding.*

*The tidal **wave** of **fear pouring** out of her skin was so palpable she could smell it.*

***Fears** of government seizure **spill** over to Turkey's universities.*

*That could just be an icy **stream** of **fear** running down their spine.*

*America wanted him desperately, but executives live in fear, and that **fear trickles** down.*

Помимо этого страх категоризируется как предмет, способный пронзить (доля представленности криптокласса Res Longae Penetrantes составляет 8%) (примеры 107), что отражено в половине рассматриваемых национальных вариантов английского языка (например, в австралийском, американском, европейском ареалах), но при этом отсутствует в 75% идиомов африканского ареала и в 57% идиомов азиатского ареала.

*(107) They created **fear** that **penetrated** every part of me.*

*I felt a cold **stab** of **fear** that if I went to California.*

***Fear** is **jabbing** at her like a finger pounding on a panic button.*

В девяти идиомах (например, в американских и европейских вариантах) были обнаружены примеры использования криптокласса Res Filiformes (6% словоупотреблений) (примеры 108), причем данный способ категоризации оказался абсолютно нетипичным для австралийского ареала.

*(108) Your **fear binds** you and traps you into worrying.*

*Jesus has delivered me from myself, from all my **fears** that **bound** me for so many years.*

*It is **intertwined** with our basic **fears**.*

*They unravel the dark **thread** of **fear**, prejudice and tragedy behind the murders;*

*Beijing's efforts to stabilise its economy have temporarily eased global **fears tied** to the world's No. 2 economy.*

*Some are horror movies looking for an extra **twist** of **fear**.*

*There is a jagged **fear woven** into their love.*

*Prejudice and **fear** are **woven** into a complex relationship between Yemenis and Saudis.*

Окказиональные примеры использования криптокласса Res Rotundae были обнаружены в шести национальных вариантах (например, в европейском ареале) (4%) (пример 109).

*(109) All of Canada's **fears** about America **rolled** into one bespectacled ball.*

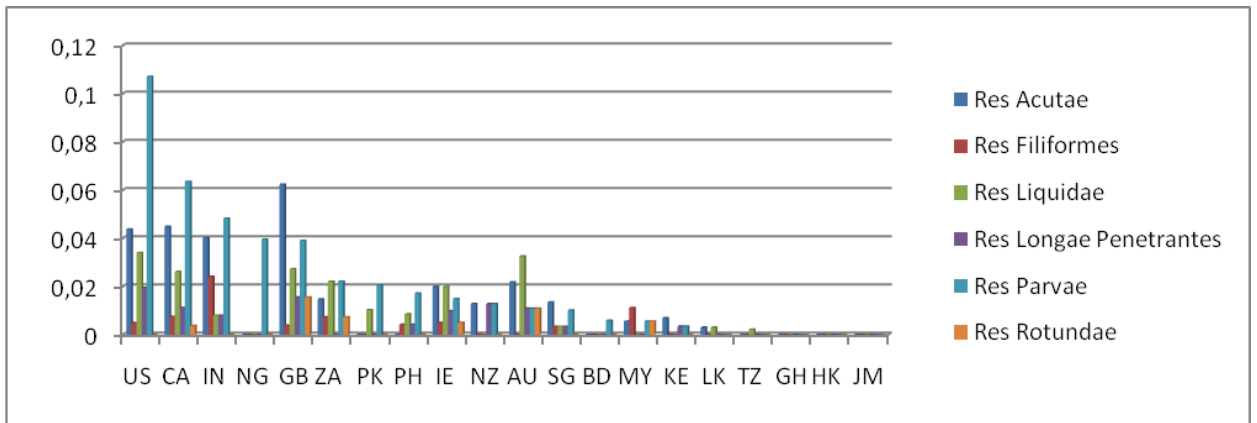

Рис.66. Криптоклассные портреты имени *fear* в корпусе NOW по идиомам

Теснота связи всех национальных вариантов по данным криптоклассного анализа имени *fear* в корпусе NOW (рис.66) составила 63%, при этом близость европейского ареала равна 81%, а американского – 96%. Среди основных криптоклассных предпочтений можно говорить, например, о том, что американские варианты английского в первую очередь рассматривают страх как предмет, которым можно манипулировать (криптокласс Res Parvae), в то время как для европейского ареала ближе категоризация данного явления посредством острого криптокласса (в данных идиомах лидирует криптокласс Res Acutae).

На карте (рис.67) образовалось три кластера, в зависимости от доминирующего криптокласса – по часовой стрелке (от высшей точки на карте) можно наблюдать постепенный переход от группы, в которой преобладает криптокласс Res Liquidae (верхняя часть карты), к группе с лидирующим криптоклассом Res Acutae (центральная часть карты), и далее к группе, отдающей предпочтение криптоклассу Res Parvae (нижняя часть карты). Также стоит отметить четыре пиковые точки, в которых определенные криптоклассы представлены максимально. Во-первых, это вариант Танзании, обладающий максимально высокой значимостью криптокласса Res Liquidae в языковой категоризации страха. Для носителей данного варианта английского языка страх категоризуется по образу и подобию жидкости. Второй такой точкой является новозеландский вариант, в котором было обнаружено больше всего примеров с криптоклассом Res Longae Penetrantes (доля данного криптокласса составляет 25%). Малайзийский идиом отличается наибольшей представленностью

криптокласса Res Filiformes (40%), в то время как в южноафриканском варианте наблюдается самая высокая доля криптокласса Res Rotundae (8%).

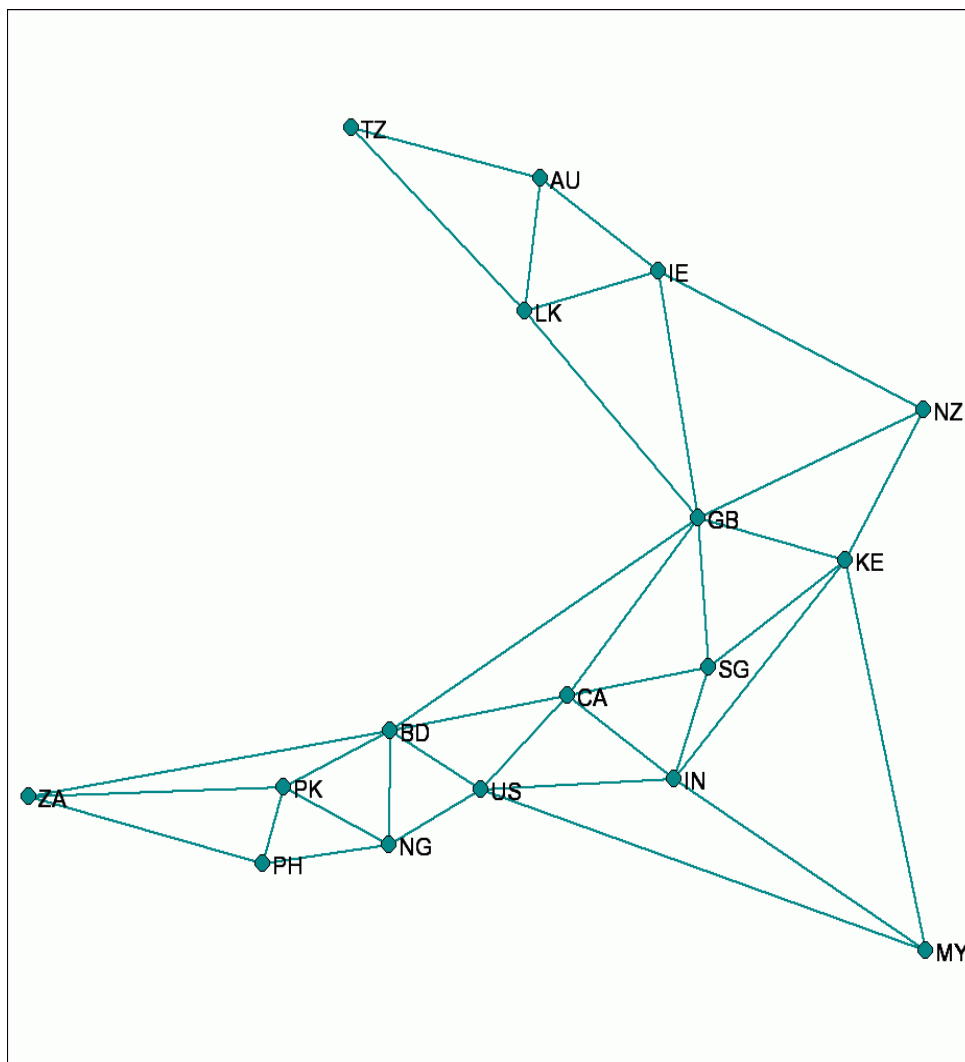

Рис.67. Карта *fear* по данным корпуса NOW

Данные в корпусах NOW и GloWbE коррелируют на 88%. С именем *fear* в корпусе GloWbE был обнаружен 581 пример (рис.68).

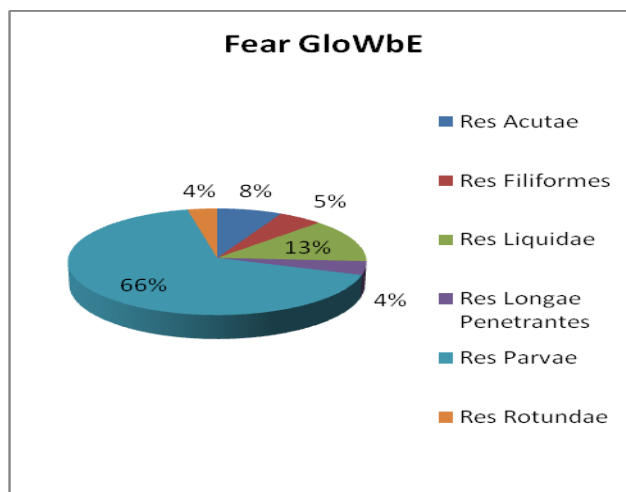

Рис.68. Криптоклассный портрет имени *fear* в корпусе GloWbE

Для страха, как и для большинства рассматриваемых нами эмоций, наиболее приоритетным выступает криптокласс Res Parvae (66% или 386 примеров), что характерно для всех двадцати национальных вариантов (примеры 110).

(110) *They have fully **grasped** the atavistic **fears** and instincts.*

***Cast fear** into their hearts and deter them from perpetrating wicked practices.*

*The most powerful executives in the banking world are **catching** this **fear** from some of their best customers.*

*This **fear** is quickly **picked** up by their horse, who is very sensitive to the mood
And I have endured to **take** my **fears** and celebrate my accomplishments.*

***Throw fear** and doubt to the side. Keep in mind your objective.*

Вторым приоритетом, что также типично для рассматриваемых эмоций, выступает характеристика жидкости (криптокласс Res Liquidae) (13% или 77 примеров) (примеры 111). Подобные словоупотребления были обнаружены в шестнадцати национальных вариантах, но отсутствуют в карибском ареале, а также в некоторых идиомах азиатского ареала (варианты Бангладеш, Малайзии и Гонконга).

(111) *Louis felt a **wave of fear gush** over him.*

*"We must build dikes of courage to hold back the **flood of fear**." Martin Luther King, Jr.*

*A tremendous **wave** of energy, excitement and **fear flooded** through me.*

*But a desperate **fear flows** through my blood.*

*It seems **fear** is **leaking** from the financial sector.*

*A slightest sound made my heart **ooze with fear**.*

*It was safe to **pour** her rage and **fear** out at me.*

*Sometimes their **fears spill** over into the work place.*

*The book has **splashes of fear**, horror, banality, sex and violence.*

*Turn on the 11oclock news for a steady **stream of fear** and calamity.*

***Fear** of the unknown **trickles** down to your players.*

*I still see Joseph and **a wave of fear washes** over me.*

В третью очередь страх категоризуется как острый предмет (криптокласс Res Acutae) (8%) (примеры 112), что подтверждается в двенадцати национальных вариантах.

(112) *I have a very **keen fear** of everything.*

*I have an **acute fear** that my creative energy put into music might offend certain people.*

*This **fear** quickly became **poignant**.*

*My heart still **pricks** me with **fear**.*

*In the case of inter-caste marriages the **fear** is **sharper**.*

*An irrational **fear** started to **sting** at him.*

Также данная эмоция может рассматриваться как нитевидный объект (криптокласс Res Filiformes) (5%) (примеры 113). Примеры подобного словоупотребления были обнаружены в восьми национальных вариантах, например, в австралийских и американских, но при этом оказались абсолютно нетипичны для африканского и карибского ареалов.

(113) *However because the ship is sinking, **fear binds** them all.*

***Bind** people by their **fears** and reinforce it within their families and churches.*

*Reagan wisely **spun fear** into an optimistic, chest-beating strength.*

*That dark **thread** of **fear** can be **woven** into your families existence.*

*Cause it's been **fear** that **ties** me down to everything.*

Страх также обладает свойствами длинно-тонкого предмета (криптокласс Res Longae Penetrantes) (4%) (примеры 114); подобные словоупотребления были обнаружены в двенадцати вариантах английского языка.

(114) *The **fear** of death **penetrates** and possesses me inwardly.*

*I looked at the newborn asleep in my arms, **fear penetrated** my very core.*

*We can't continue to love a planet with the CO2 **spear of fear stuck** in our kid's backs.*

*Your name drives a **stab of fear** into the hearts of all those who care about good literature.*

В одиннадцати национальных вариантах были обнаружены примеры принадлежности рассматриваемого имени к криптоклассу Res Rotundae (3%) (примеры 115).

(115) *It's like a big **ball** of pure **fear** on my back, at kidney-level.*

*That pit of fear in my stomach has morphed into a **ball** of **fear**.*

*The **fear** and anger all **rolled** into one.*

*She felt a tinge of **fear roll** down her spine.*

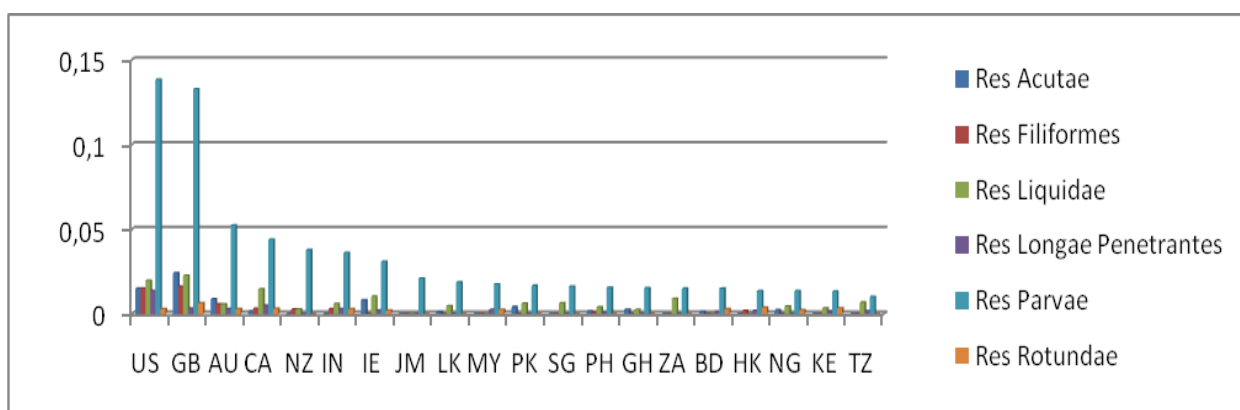

Рис.69. Криптоклассные портреты имени *fear* в корпусе GloWbE по идиомам

Схожесть всех национальных вариантов для имени *fear* по данным корпуса GloWbE составляет 56%, ареальная теснота связи представлена следующим образом: коэффициент корреляции азиатского ареала составляет 59%, африканского ареала – 80%, американского – 97%, европейского – 96,7%, австралийского – 99,2% (рис.69).

В связи с тем, что все национальные варианты относятся к одному таксону с первым членом *Res Parvae*, на карте (рис.70) наблюдается их тесная связь. При этом образовавшийся континуум отражает смену вторых приоритетов идиомов: от криптокласса *Res Rotundae* (самый высокий показатель которого у вариантов Кении (15%) и Гонконга (18%)) до криптокласса *Res Liquidae* (который максимально представлен в танзанийском варианте – 36%). Также стоит отметить небольшое ответвление вариантов Ирландии, Пакистана и Нигерии, обладающих наиболее высокой долей представленности криптокласса *Res Acutae*, который, несмотря на то, что является лишь третьем предпочтением данных идиомов, представлен в них на 15%.

Согласно данным ИС COEL при категоризации эмоции страха в корпусе СОСА лидирует криптокласс *Res Parvae* (34,22%), следующим по представленности выступает криптокласс *Res Liquidae* (25,13%), на третьем месте располагается криптокласс *Res Filiformes* (13,37%), дальше следуют криптоклассы *Res Acutae* и *Res Longae Penetrantes* (по 12,3% каждый) и

замыкает криптоклассные предпочтения криптокласс Res Rotundae (2,67%). Коэффициент корреляции между корпусами COCA и GloWbE составил 84,4%, а между корпусами COCA и NOW – 81%, при этом корпус COCA и американский вариант, представленный в NOW коррелируют на 85%.

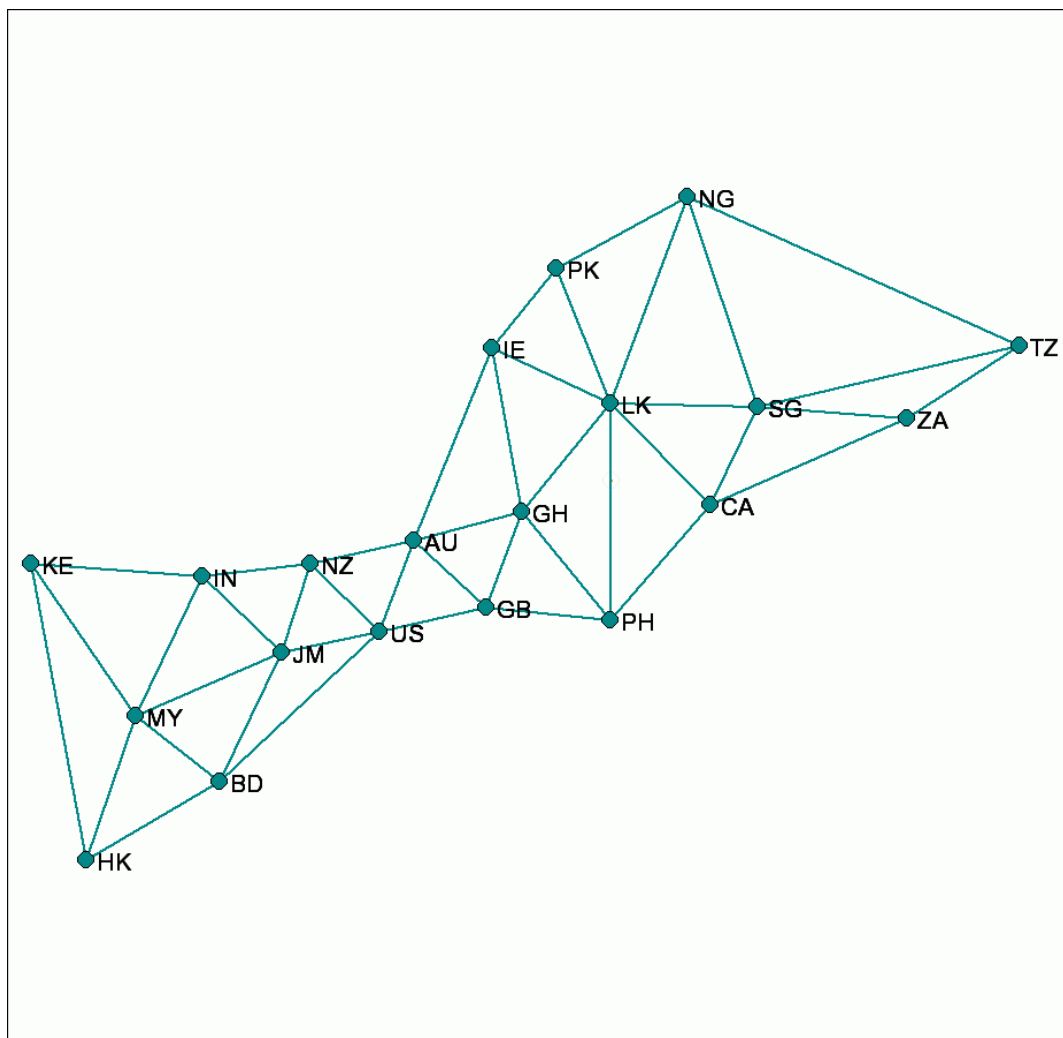

Рис.70. Карта *fear* по данным корпуса GloWbE

2.1.11. *Pleasure*

Субъективное чувство удовольствия как у людей, так и у животных связано с подкреплением, системой поощрений; оно стимулирует повторить определенное поведение (часто направленное на удовлетворение биологических потребностей). Прилежащее ядро, получающее сигналы от брюшной телементальной области, считается центром удовольствия в головном мозге [McDonald 2008]. Нейроны, реагирующие на подкрепление, располагаются «в префронтальной коре, полосатом и миндалевидном теле»;

некоторые из них, расположенные в «черной субстанции и в вентральной тегментальной области среднего мозга» выделяют дофамин – нейромедиатор, ответственный за обучение, таким образом, дофамин способствует выбору поведения, ведущего к положительному подкреплению и, как следствие, к удовольствию [Aamodt, Wang 2008, p.222-223].

С именем *pleasure* в корпусе NOW было обнаружено 1273 примера (рис.71).

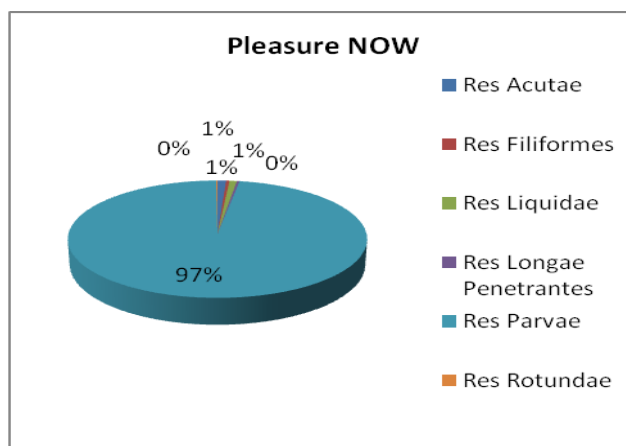

Рис.71. Криптоклассный портрет имени *pleasure* в корпусе NOW

Абсолютным лидером для всех национальных вариантов при категоризации удовольствия выступает криптокласс Res Parvae (97% или 1238 примеров) (примеры 116).

(116) *Those people **take** intense **pleasure** from the suffering of others.*

*They **take** a lot of **pleasure** in informing you that all that is nonsense.*

*For those who choose to **pick** their **pleasure** or their poison.*

*I got to **throw** a little vicarious **pleasure** into the mix.*

Во вторую очередь удовольствие категоризируется как острый предмет (криптокласс Res Acutae) (1%) (примеры 117), что характерно для четырех национальных вариантов, а именно для идиомов американского и европейского ареалов.

(117) *The **pleasure** is particularly **acute**.*

*Even the most sophisticated readers of Calvino and Borges will derive **acute pleasure** from this hypercharged fable.*

*Self-criticism is another of our **keenest** unforbidden **pleasures**.*

На третьем месте по представленности располагается криптокласс жидкого (Res Liquidae) (0,9%) (примеры 118), найденный в пяти национальных вариантах (это американские и европейские идиомы, а также кенийский английский).

(118) *These can start dopamine production to flood our brains with pleasure when we find something new and interesting.*

That gave me a warm flow of pleasure.

A model and a writer seem to gush with silent pleasure.

The pleasure slowly leaks out.

That sent us streams of pleasure.

Окказиональные примеры употреблений удовольствия как нити (криптокласс Res Filiformes) были обнаружены в трех национальных вариантах (0,4%) (европейские варианты, а также американский английский) (примеры 119).

(119) *She still believes that physical pleasure binds two people .*

It feels like a hallucination - its sorrow and pleasure twisted tightly together.

В четырех национальных вариантах присутствует использование криптокласса Res Longae Penetrantes (0,3%) (американские варианты, а также британский и нигерийский идиомы) (примеры 120).

(120) *Taking with him each thrust of pleasure and passion.*

The thrust of sexual pleasure.

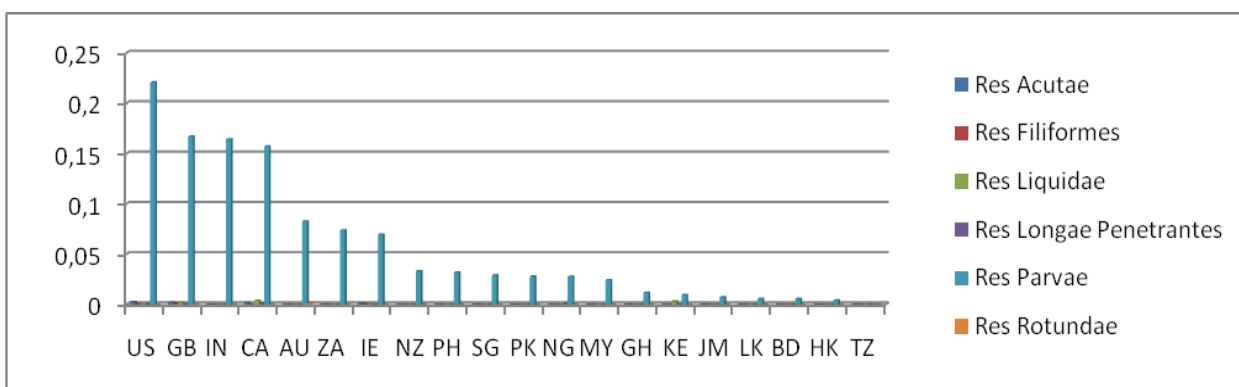

Рис.72. Криптоклассные портреты имени *pleasure* в корпусе NOW по идиомам

Близость двадцати рассматриваемых национальных вариантов составляет 76%, в то время как теснота связи африканского ареала равна 80%, американского – 99,97%, австралийского – 99,98%, европейского –

99,995%, а азиатского – 100% (т.е. для данного ареала характерна абсолютная идентичность криптоклассных проекций) (рис.72).

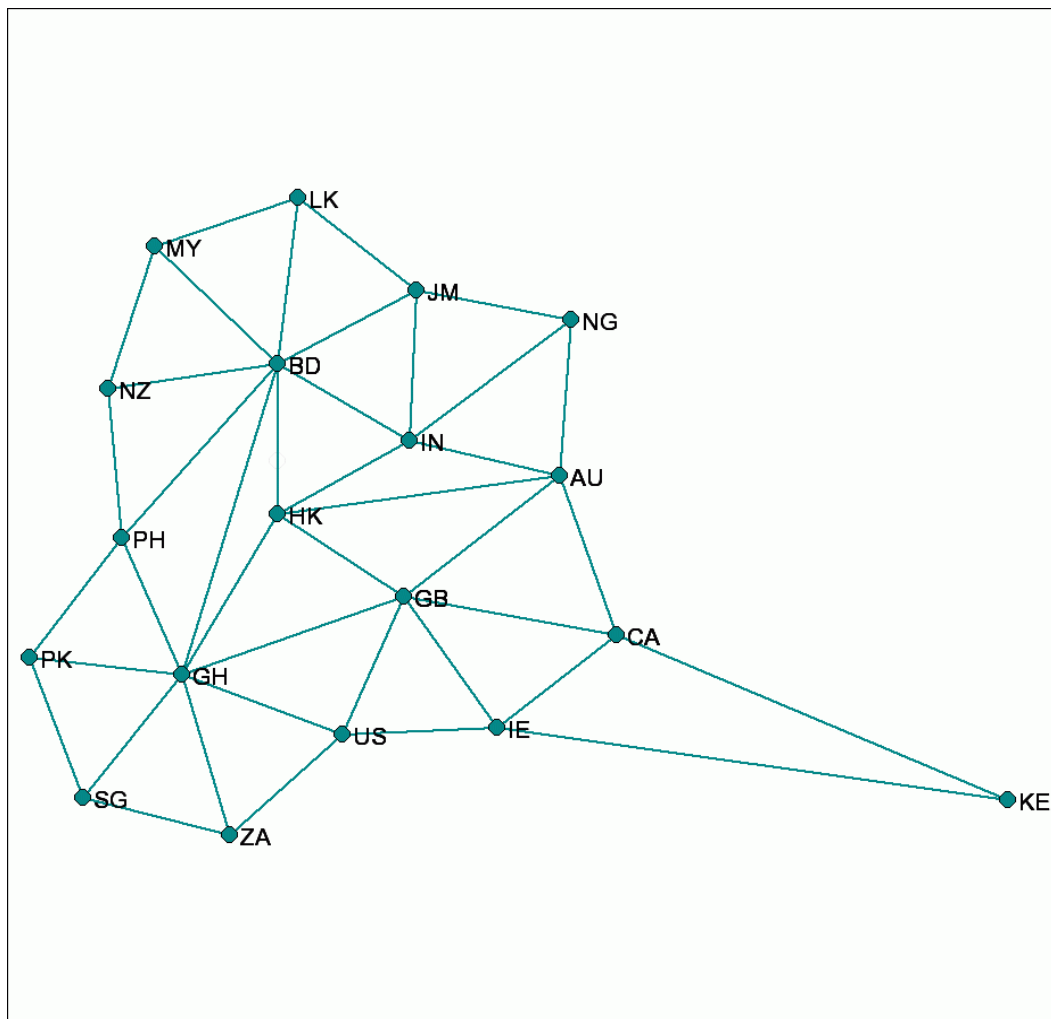

Рис.73. Карта *pleasure* по данным корпуса NOW

Все национальные варианты вошли в таксон с первым членом *Res Parvae*, поэтому карта (рис.73) отражает тесные связи между идиомами (единственным отклонением оказался кенийский вариант который, в отличие от остальных идиомов, где криптокласс *Res Parvae* представлен в диапазоне 96%-100%, категоризует удовольствие как рукоятный предмет на 75%, а на 25% - как жидкость). Помимо этого на карте можно наблюдать континуум смены криптоклассных приоритетов – от 100%-представленности криптокласса *Res Parvae* (эти варианты находятся в левой части карты) до увеличения значимости других криптоклассов (наиболее показателен при этом кенийский вариант, где, как было указано, высокой коммуникативной востребованностью обладает криптокласс *Res Liquidae*, но также можно

отметить и вариант Нигерии, в котором наиболее высока доля криптокласса Res Longae Penetrantes – 4%).

В корпусе GloWbE наблюдается идентичное криптоклассное распределение имени *pleasure* – коэффициент корреляции между корпусами GloWbE и NOW составляет 99,997%. Всего в корпусе GloWbE было обнаружено 3644 релевантных исследованию примера с именем *pleasure* (рис.74).

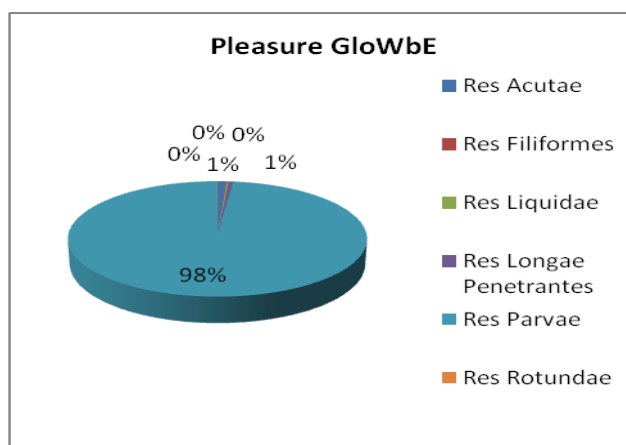

Рис.74. Криптоклассный портрет имени *pleasure* в корпусе GloWbE

В подавляющем большинстве примеров (98% или 3574 примера) удовольствие во всех двадцати национальных вариантах в первую очередь категоризируется как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae) (примеры 121).

(121) *You must **catch** the **pleasure** now.*

*I think it's important to **grab** every bit of **pleasure** and reward life offers.*

*These completely **snatched** the **pleasure** of salah for me.*

*As we **grasp pleasure** and pain, we find ourselves being spun around the samsaric wheel.*

*Wikipedia lists a gourmand as a person who **takes** great **pleasure** in food.*

На втором месте следует криптокласс Res Acutae (1% или 38 примеров), который встречается в одиннадцати вариантах английского языка (примеры 122).

(122) *A certain **pungent pleasure** of its own.*

*It seems likely that European leaders would take a **keen pleasure** in punishing Britain.*

*Every mouthful of food was an **acute** positive **pleasure**.*

*Such **sharp pleasure**, Socrates, leads to sexual desire, with all its madness.*

*Is it not of the imagination that the **sharpest pleasures** arise?*

Удовольствие категоризуется и как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (0,2%) (примеры 123), что характерно для шести национальных вариантов и абсолютно нетипично для вариантов азиатского и карибского ареалов.

(123) A **deluge** of sheer **pleasure**.

As students they ought to know that no **pleasure flows** from any impish act.

Voices flowed into a continuous **stream** of joy and **pleasure**.

Brief **splashes** of superficial **pleasure**.

В восьми вариантах английского языка удовольствие может быть сопоставлено с длинно-тонким объектом (криптокласс Res Longae Penetrantes) (0,05%), но данная характеристика не была обнаружена ни в одном из африканских идиомов (примеры 124).

(124) [It was] **pointed with pleasure** to the revival.

An extra **punch of pleasure**.

В двух национальных вариантах удовольствие категоризуется как нитевидный предмет (криптокласс Res Filiformes) (0,05%) (это австралийский и пакистанский идиомы) (примеры 125).

(125) Pain and death **intertwines** with the **pleasure**.

...**twisted** with pain and **pleasure**.

Окказиональные примеры в двух национальных вариантах (австралийском и британском) были обнаружены с криптоклассом Res Rotundae (0,05%) (пример 126).

(126) An endless **round** of empty **pleasures**.

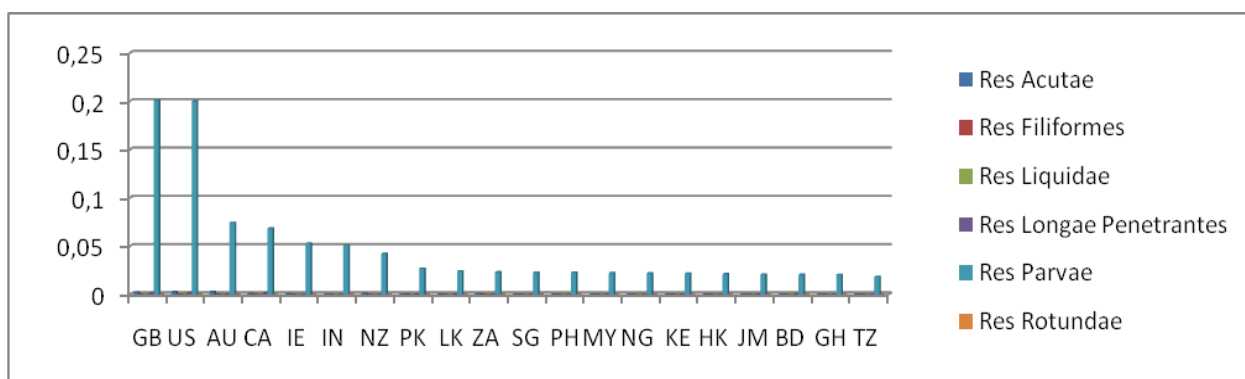

Рис.75. Криптоклассные портреты имени *pleasure* в корпусе GloWbE по идиомам

Все национальные варианты рассматривают удовольствие в первую очередь как то, чем можно *мани-пулировать*, причем доля представленности

криптокласса *Res Parvae* во всех вариантах английского языка составляет 95%-100% (рис.75). Теснота связи всех вариантов в корпусе GloWbE равна 65%, при этом близость азиатского ареала составляет 74%, африканского – 79%, австралийского – 99,989%, европейского – 99,998%, а американского – 100%.

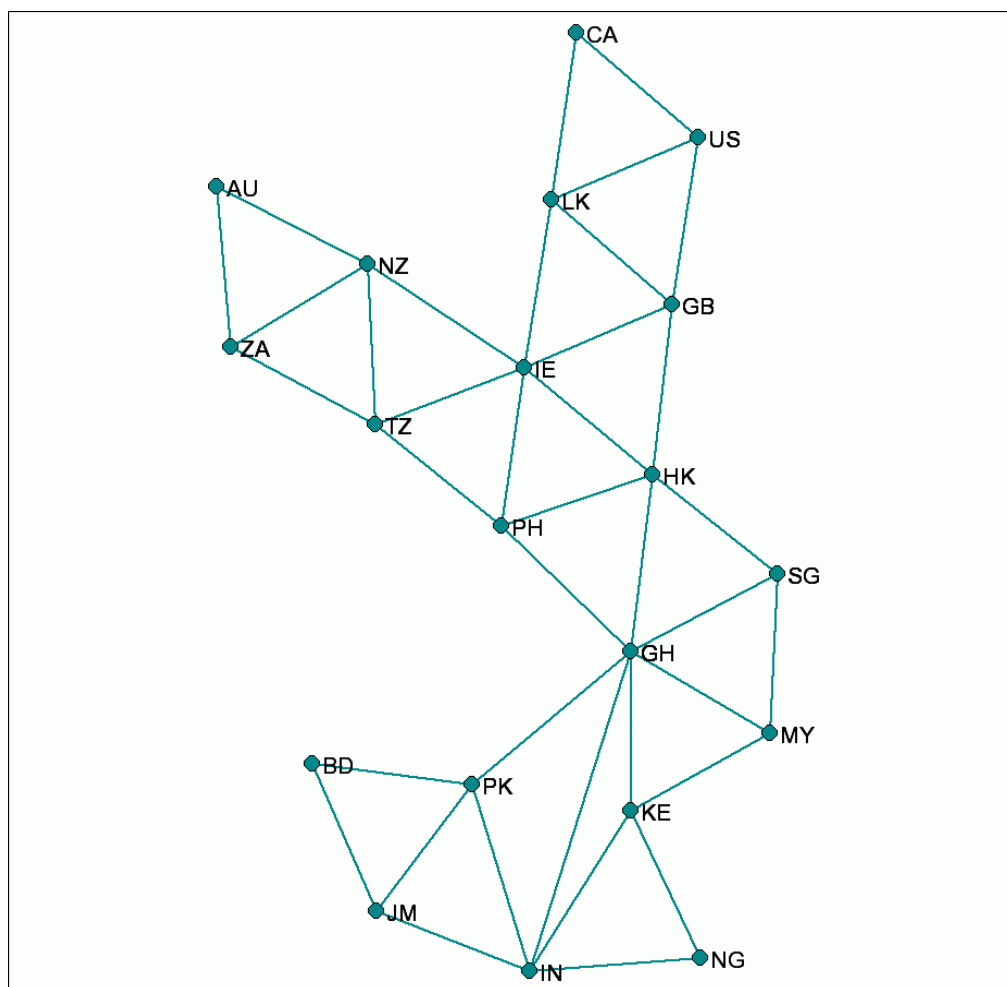

Рис.76. Карта *pleasure* по данным корпуса GloWbE

Составленная карта (рис.76) отражает идентичность криптоклассных представлений всех рассматриваемых национальных вариантов английского языка, что отражено на карте *pleasure* (удовольствие) посредством равной длины отрезков, соединяющих национальные варианты, свидетельствуя о высокой степени идентичности криптоклассных вхождений имен во всех рассматриваемых вариантах английского языка. При этом стоит отметить некоторые образовавшиеся экстремумы и связанными с ними тенденции: в центре карты вокруг идиома Ганы сформировался кластер вариантов, которые при категоризации удовольствия прибегают только к криптоклассу

Res Parvae (доля представленности криптокласса Res Parvae в них составляет 100%); в сторону канадского варианта происходит увеличение значимости криптокласса Res Longae Penetrantes (у идиома Канады данный криптокласс наиболее выражен, его доля составляет 2%); по направлению к австралийскому варианту увеличивается представленность криптокласса Res Acutae (в австралийском идиоме он представлен на 4%); нигерийский вариант указывает на рост примеров с криптоклассом Res Liquidae (в данном идиоме самый высокий показатель жидкого криптокласса, равный 2%); в пакистанском идиоме наиболее выражена характеристика криптокласса Res Filiformes (0,7%). Стоит отметить, что вариант Бангладеш, образовавший небольшое ответвление, является вторым после идиома Канады по использованию примеров с криптоклассом Res Longae Penetrantes (1,7%), что дает все основания предполагать, что при переходе от 2d-модели в 3d-модель, точки карты объединятся в единую фигуру.

В корпусе СОСА удовольствие категоризуется в первую очередь как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae) (73,05%), вторым выступает криптокласс Res Acutae (12,77%), третьим приоритетом при категоризации данной эмоции является криптокласс Res Liquidae (9,93%), наименьшее количество примеров было обнаружено с криптоклассами Res Filiformes и Res Longae Penetrantes (по 2,13%). Теснота связи между корпусами СОСА, GloWbE и NOW равна 98,5%.

2.1.12. *Pride*

С именем *pride* в корпусе NOW было обнаружено 10377 примеров (рис.77).

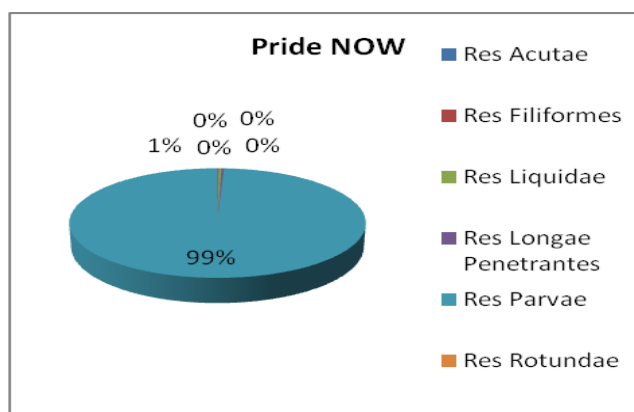

Рис.77. Криптоклассный портрет имени *pride* в корпусе NOW

Преобладающее большинство словоупотреблений во всех национальных вариантах, а именно 99% или 10294 примера, является актуализацией рукоятного свойства гордости (примеры 127), что в основном объясняется частым использованием устойчивого выражения *take pride (in)*.

(127) ***Take pride** in your achievements and your disappointments.*

*The bank **takes pride** to be among the selected few allowed to engage in foreign banking.*

*The guy is an absolute warrior and he **takes** so much **pride** in killing penalties and blocking shots.*

*He just **takes** immense **pride** in the less-celebrated facets of his job.*

*...**snatched** the nostalgic **pride**;*

Как показали девять национальных вариантов (например, идиомы австралийского, американского и карибского ареалов), гордость категоризуется и как жидкость (0,31% или 32 примера) (примеры 128).

(128) *I'm **flooded** with unexpected **pride**.*

*With democracy there was a **deluge of pride** in this war ship's heroic soldiers.*

*But this boastful phrase - inherently **dripping** with the **pride** of its utterers professing their own skill.*

*The incredible **pride** that **flows** through the veins of the Albanians.*

*Navy football is buoyed on a steady **flow** of **pride** and patriotism.*

*the new mother **gushed** with **pride** over the latest addition to the family.*

*Understandably, **pride** has been **gushing** from those involved across the internet.*

***Pride oozes** from Belan when he talks about cross-country running.*

Согласно восьми национальным вариантам данная эмоция воспринимается как длинно-тонкий предмет (Res Longae Penetrantes) (0,3%) (примеры 129).

(129) *And I felt a **stab of pride**.*

*...**points with pride** to the recent announcement;*

В семи вариантах английского языка (например, в американском и европейском ареалах, а также в некоторых азиатских идиомах (Бангладеш, Индии, Малайзии)) найдены примеры употребления гордости в качестве острого объекта (Res Acutae) (0,07%) (примеры 130), что оказалось совершенно нетипично для идиомов африканского и карибского ареалов.

(130) ...as a sporting superpower and successful Olympic host nation – a matter of acute national pride.

It also goes without saying that the freelancer needs to have an acute pride in the job and an attention to detail.

There is a very strong and sophisticated culture of local cuisine, and an acute pride of "slow food" restaurants offering authentic, unpretentious culinary experiences and unforgettable memories.

But part of it is surely also due to the keen and obvious pride

Окказиональные употребления в пяти вариантах английского языка указывают на то, что данная эмоция может категоризоваться как нитевидный предмет (Res Filiformes) (0,07%) (примеры 131), хотя подобные словоупотребления не были обнаружены в африканском и карибском ареалах.

(131) We're bound by immense pride.

With national pride and identity so intertwined with the army.

Marwar, music, Manganiyars, Rajputs, pride and valor are intertwined in a delectable mix of history and culture.

England DNA philosophy, the roadshows will look to encourage a consistent thread of national pride aimed at creating a better England, both on and off-the-field.

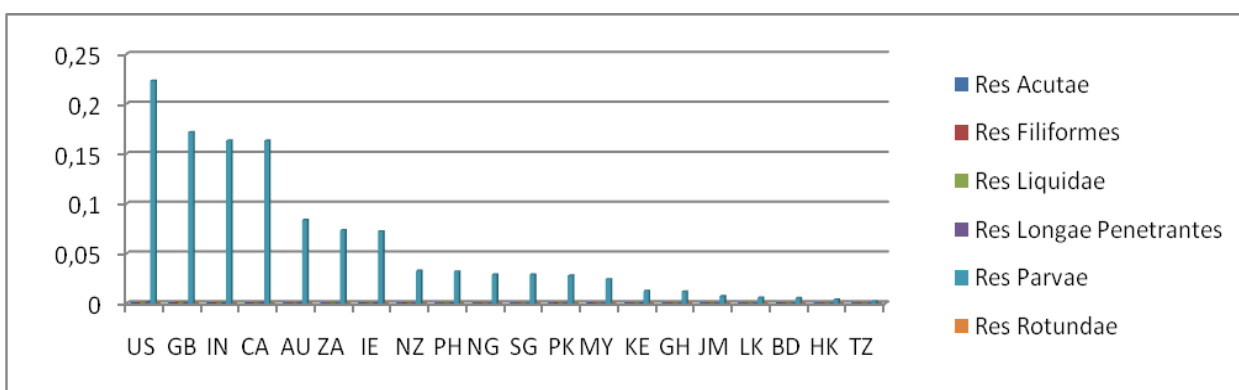

Рис.78. Криптоклассные портреты имени *pride* в корпусе NOW по идиомам

Близость всех национальных вариантов составила 59%, при этом теснота связи азиатских вариантов английского равна 71%, африканских – 82%, австралийских – 99,996%, европейских – 99,999%, американских – 100% (рис.78).

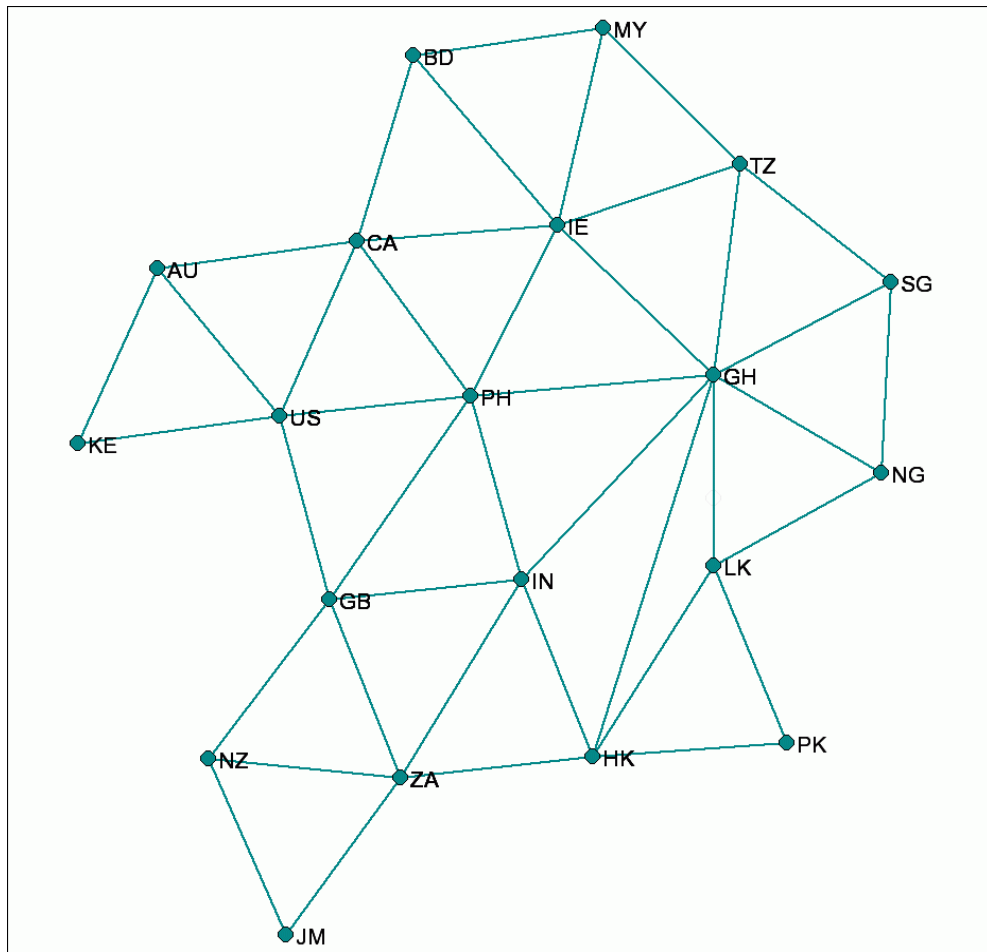

Рис.79. Карта *pride* по данным корпуса NOW

В связи с тем, что все варианты английского языка попали в таксон с первым членом *Res Parvae*, и при этом доля представленности данного криптокласса для всех идиомов находится в диапазоне 98%-100%, на карте (рис.79) отражена идентичность криптоклассных проекций и тесная связь между всеми вариантами. Стоит ответить некоторые особенности, отразившиеся на карте. Во-первых, небольшая обособленность кенийского варианта связана со значимостью криптокласса *Res Longae Penetrantes* в этом идиоме (2%). Легкая удаленность варианта Ямайки объясняется частотностью встречаемости жидкого криптокласса в данном варианте (доля представленности криптокласса *Res Liquidae* составляет 1,5%). В новозеландском варианте коммуникативно востребован криптокласс *Res Filiformes* (0,4%), а в варианте Бангладеш наблюдается высокая представленность криптокласса *Res Acutae* (2%). Таким образом, на данной карте можно заметить континуум постепенных изменений: от 100% представленности криптокласса *Res Parvae* в вариантах, расположенных с

правой стороны карты, до небольших вкраплений других криптоклассов по четырем различным направлениям, отмеченным выше.

В корпусе GloWbE наблюдается аналогичная картина криптоклассных распределений – коэффициент корреляции между корпусами составляет 99,99996%. В корпусе GloWbE было найдено 6754 релевантных исследованию примера для эмонима *pride* (рис.80).

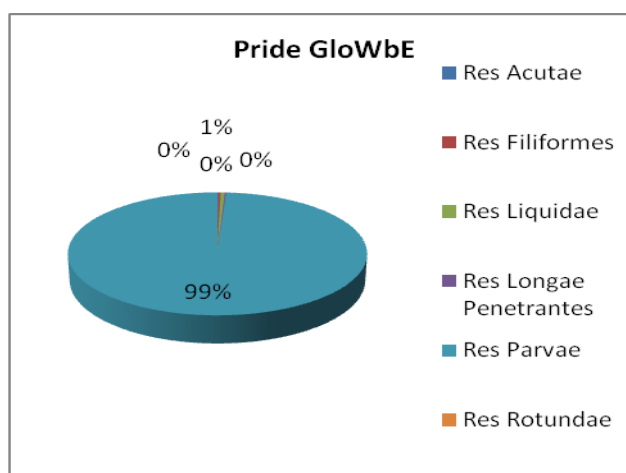

Рис.80. Криптоклассный портрет имени *pride* в корпусе GloWbE

99% или 6684 найденных примера принадлежат к криптоклассу Res Parvae, который является наиболее приоритетным для всех двадцати национальных вариантов (примеры 132).

(132) Please throw your pride out the window.

He would be the best candidate if England wanted to snatch some pride.

The players were then expected to cast national pride aside.

It's caught his pride somehow and made a man of him.

After I picked my jaw and pride off the ground I had to ask why.

You get to meet people who take pride in their work!

Вторым по представленности выступает криптокласс Res Liquidae (0,5% или 33 примера), обнаруженный в тринадцати вариантах английского языка (примеры 133).

(133) She walks onto stage dripping with Zulu pride.

Her pride flooded back into her.

I was amazed at the level of pride flowing from the minority population.

I felt a great wave of indulgent pride wash over me,

His pride has spilled over into delusion, arrogance and at times paranoia.

*The **pride oozing** from the page was just so thick, it was really hard to read.
Every day American kids say their Pledge of Allegiance with **gushing pride**.
The Russian Winter Olympics has seen a mass of **pride poured** into strategic preparations in order to show the world that Russia is ready...*

*On a good day the **pride is pouring** out of me.*

В третью очередь гордость воспринимается как нитевидный предмет (криптокласс Res Filiformes) (0,3%) (примеры 134), что характерно для девяти национальных вариантов, но нетипично для идиомов европейского и карибского ареалов.

*(134) The **pride binds** us and keeps us strong.*

*How do position in society and **pride intertwine** throughout the play?*

*Holding on to the flimsy **thread** of false **pride** and invincibility does not work.*

*With youthful **pride spinning** out of proportion.*

***Pride** is **woven** into our nature.*

*Egyptian national **pride** is strongly **tied** to the country's previous wars with Israel.*

Употребления эмонима *pride* в качестве метафоронима криптокласса Res Longae Penetrantes (0,2%) были обнаружены в четырех национальных вариантах (а именно: в идиомах Австралии, Великобритании, США и Кении) (примеры 135).

*(135) **Jab** yourself with **pride**.*

***pride** seems to have **penetrated** into us.*

*It was hard, in fact, not to feel a little **stab of pride**.*

В шести вариантах английского языка были найдены окказиональные примеры употребления гордости в качестве острого объекта (криптокласс Res Acutae) (0,1%), причем ни в австралийском, ни в африканском ареалах данное свойство не проявилось (примеры 136).

*(136) Sometimes, Muslim women take **keen pride** in the sums paid for them.*

*With their **pride pinned** to their gaberdine ...*

*I couldn't help but feel a **poignant pride** in my heart.*

*It was then my conscious was **pricked with pride**.*

*The **pride was pungent**.*

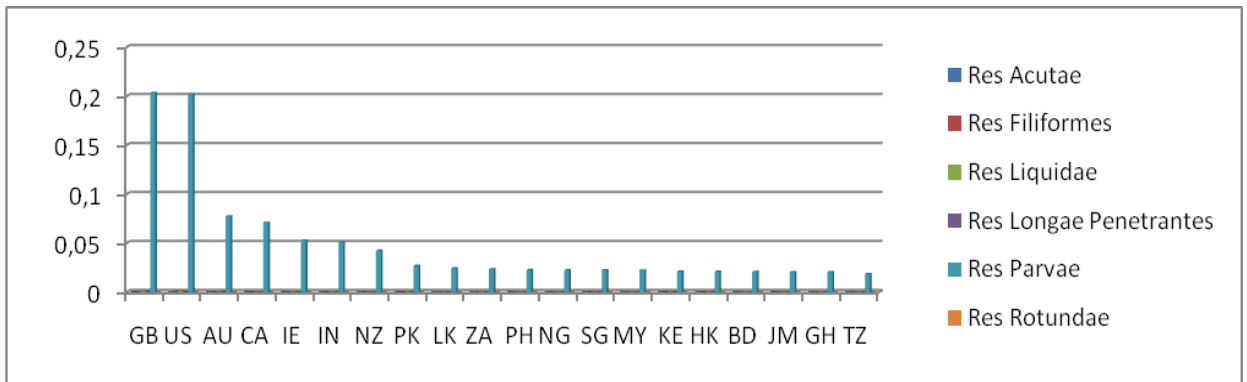

Рис.81. Криптоклассные портреты имени *pride* в корпусе GloWbE по идиомам

Согласно данным корпуса GloWbE (рис.81) все национальные варианты близки на 62%, теснота связи азиатского ареала составляет 69%, африканского ареала – 85%, австралийского ареала – 99,994%, европейского – 99,996%, американского – 99,999%.

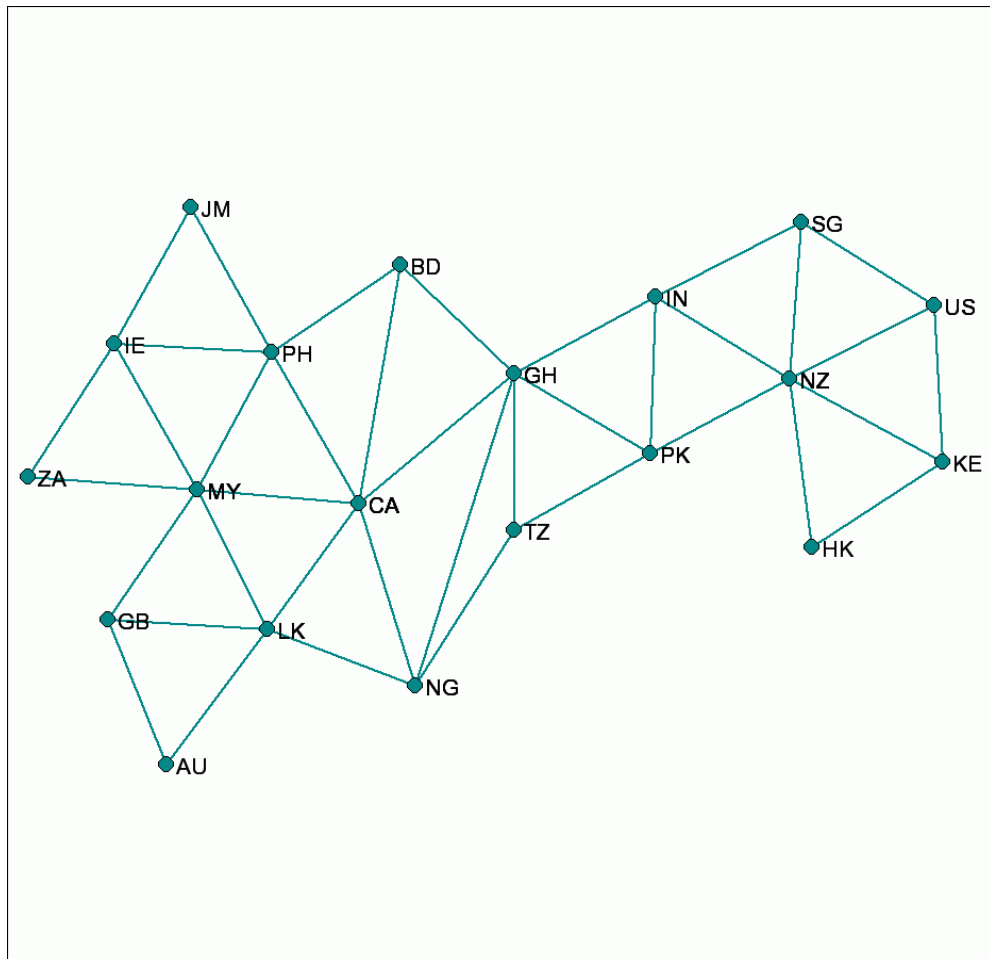

Рис.82. Карта *pride* по данным корпуса GloWbE

Составленная карта (рис.82) отразила идентичность криптоклассных предпочтений национальных вариантов, которые входят в единый таксоном с первым членом *Res Parvae* и при этом доля представленности данного

криптокласса во всех идиомах составляет 97%-100%. Отметим некоторые особенности висячих (или концевых) вершин графа, которые отражают максимальные значения определенных свойств, а близость к ним указывает на увеличение выраженности данных свойств в определенной лингвокультуре. Так, в австралийском варианте коммуникативной востребованностью обладает криптокласс *Res Longae Penetrantes* (1%); гонконгский вариант отличает высокая доля представленности криптокласса *Res Filiformes* (2%); в варианте Ямайки было обнаружено наибольшее количество примеров с криптоклассом *Res Acutae* (по сравнению с другими идиомами) (1%); самое высокое значение криптокласса *Res Liquidae* (2%) отражено в идиоме ЮАР.

Аналогичная картина криптоклассного распределения наблюдается в корпусе COCA: превалирующим криптоклассом выступает *Res Parvae* (86,21%), остальные криптоклассы представлены на 13,79%, из них 6,03% примеров с криптоклассом *Res Acutae*, 5,17% - с криптоклассом *Res Liquidae*, 1,72% - с криптоклассом *Res Filiformes* и 0,86% - с криптоклассом *Res Longae Penetrantes*. Теснота связи между корпусами COCA, GloWbE и NOW равна 99,8%.

2.1.13. *Pity*

В.Ю. Апресян относит *pity* к «субъективной» жалости, возникающей «когда экспериенсер считает, что объект эмоции страдает или находится в плохой ситуации, причем сам объект может этого не осознавать и не соглашаться с такой оценкой», данная эмоция «указывают не только на переживание экспериенсера из-за того, что кто-то находится в плохой, с его точки зрения, ситуации, но и на хорошее отношение к объекту эмоции, на желание как-то исправить ситуацию» [Апресян 2011b, с.75]. По мнению В.С. Мельникова «семантика слов *сострадание* и *сочувствие* определяется рационально-оценочным отношением к пассивному субъекту...[в то время как] жалость является непосредственной душевной реакцией на страдание» [Мельников 2010, с.60].

В корпусе NOW с именем *pity* было обнаружено 920 примеров (рис.83).

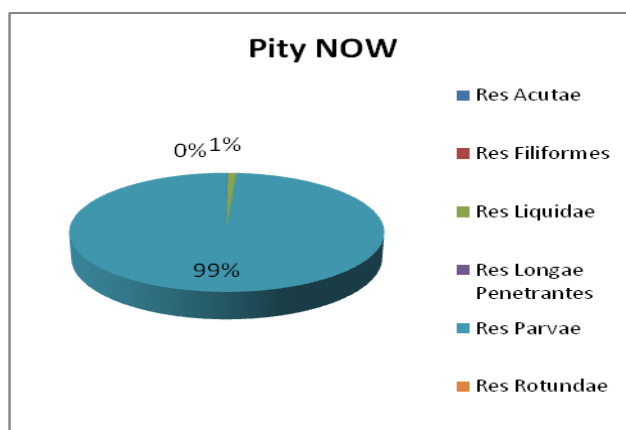

Рис.83. Криптоклассный портрет имени *pity* в корпусе NOW

Превалирующее количество примеров было обнаружено с рукоятной характеристикой жалости (99% или 910 примеров), что характерно для всех двадцати рассматриваемых вариантов и связано в первую очередь с частотностью употребления такого выражения, как *take pity (on)* (примеры 137). При этом в тринадцати идиомах примеры использования данного эмонима были обнаружены только в качестве метафоронима криптокласса Res Parvae.

(137) *The pianist **took pity** and accompanied her.*

*She **took pity**, remembering Rose cared for her when she was a little girl.*

*A sympathetic policeman **took pity** on me and offered to take me to a well.*

*She eventually **took pity**, telling Marwa she should be with her family.*

На втором месте по частоте встречаемости – криптокласс Res Liquidae (1%), примеры которого были обнаружены в семи национальных вариантах (примеры 138).

(138) *Dear Lord, please allow **pity** to **drip** off every word. Amen.*

*Friends and family **flooded me with pity** and commiseration.*

*It's hard to feel hurt or frightened when you're **flooded with pity**.*

*The American Dream is often used to stem the **flow of pity** to the poor.*

*Nowadays there's far less **pity poured** on singletons.*

Единственный пример острой жалости (криптокласс Res Acutae) был обнаружен в ирландском варианте английского языка (0,1%) (пример 139):

(139) *Key symptoms: chronic whinginess and **acute self pity**.*

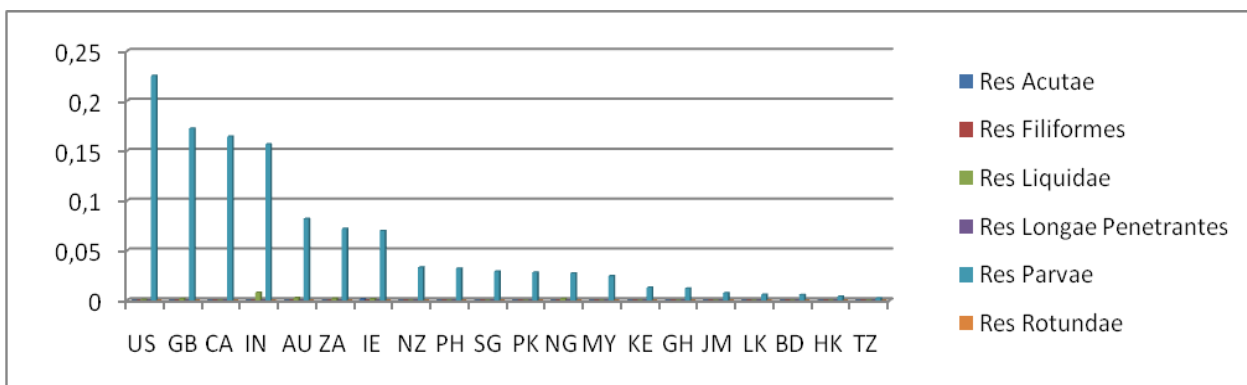

Рис.84. Криптоклассные портреты имени *pity* в корпусе NOW по идиомам

65% национальных вариантов рассматривают жалость исключительно как рукоятный предмет (доля представленности криптокласса Res Parvae в этих вариантах составляет 100%). В остальных национальных вариантах Res Parvae также является наиболее предпочитаемым криптоклассом, причем 93%-99% примеров категоризации жалости в них относится именно к классу мелкого предмета (рис.84).

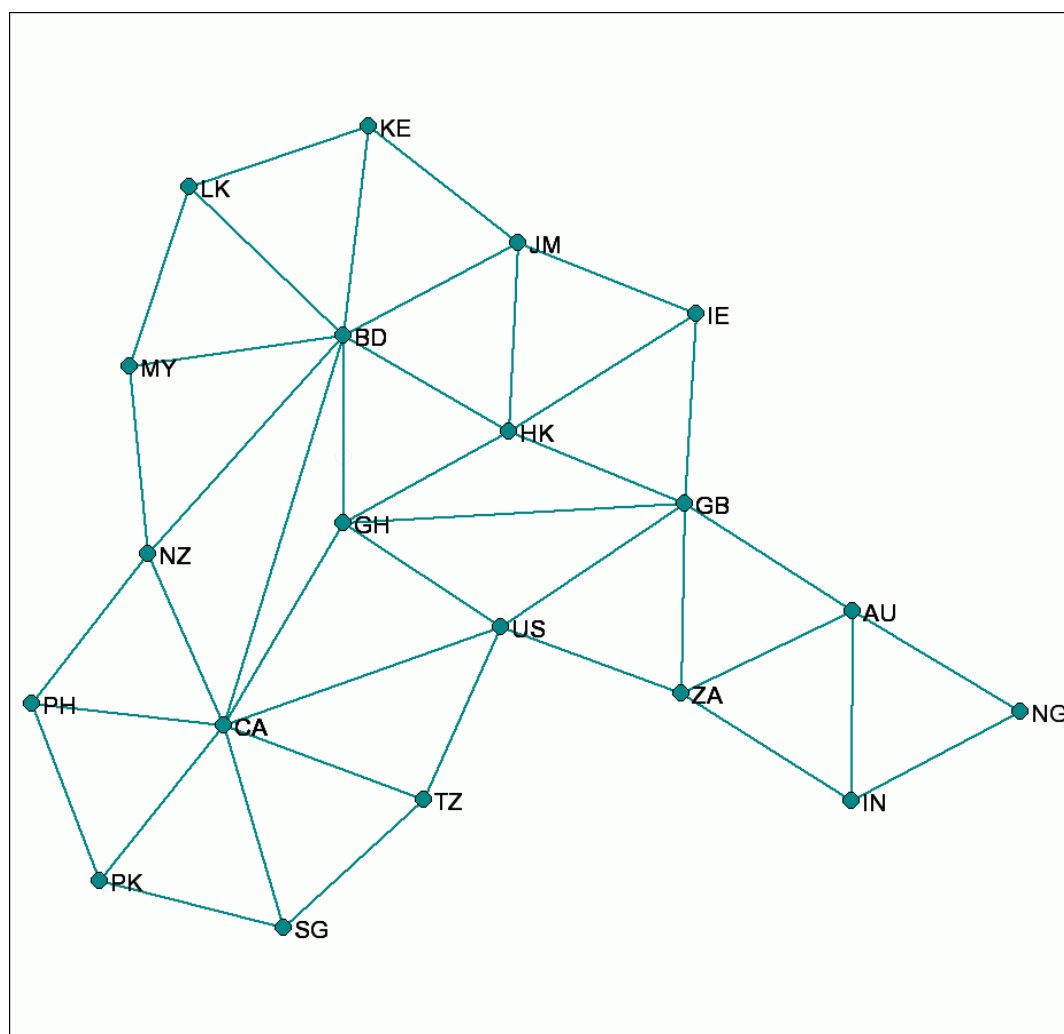

Рис.85. Карта *pity* по данным корпуса NOW

Теснота связи всех рассматриваемых национальных вариантов составляет 86%, близость вариантов внутри африканского ареала – 87%, азиатского ареала – 93%, австралийского – 99,95%, европейского – 99,98%, а американского – 100% (т.е. криптоклассные предпочтения у данных вариантов абсолютно аналогичны).

Карта *pity* по данным корпуса NOW (рис.85) отразила тесные связи и идентичность криптоклассных предпочтений национальных вариантов. Большая часть идиомов рассматривают жалость исключительно как рукоятный предмет – вся левая половина карты содержит варианты английского, доля представленности криптокласса *Res Parvae* в которых равна 100%. Далее наблюдается две тенденции: одна, более выраженная, в сторону увеличения доли использования криптокласса *Res Liquidae* (максимальное значение здесь принимает идиом Нигерии – 7%), вторая – на рост значимости криптокласса *Res Acutae* (здесь максимальный показатель у ирландского варианта – 2%).

Для этого эмонима также наблюдается высокая степень согласованности корпусов – 99,9944%. В корпусе GloWbE оказалось 949 релевантных исследованию примеров с именем *pity* (рис.86).

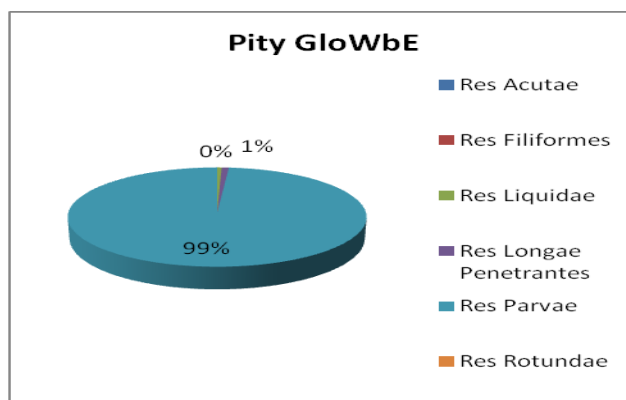

Рис.86. Криптоклассный портрет имени *pity* в корпусе GloWbE

Абсолютное большинство примеров (99% или 936 примеров) принадлежит к криптоклассу *Res Parvae* (примеры 140), который выступает первым приоритетом для всех национальных вариантов, а для 13 из них (65%) это единственные метафорические представления, найденные в корпусе, т.е. доля представленности рукоятного криптокласса у этих идиомов равна 100%.

(140) You can **take** that **pity** and throw it in the trash.

The devil, **taking pity** of Jack, gave him an ember to light his way on his eternal walks.

People can **throw pity** at me via the comments.

Окказиональные примеры длинно-тонкого свойства жалости (Res Longae Penetrantes) (0,8% или 8 примеров) были найдены в пяти национальных вариантах, хотя данная характеристика выступила нерелевантной для азиатского, африканского и карибского ареалов (примеры 141).

(141) I suddenly felt a **piercing stab of pity** for him.

Oz felt a slight **stab of pity** towards a saggy-haired country.

0,5% примеров в пяти национальных вариантах характеризует жалость как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (примеры 142).

(142) An overly-familiar song **drips with pity** and condescension.

I dare not let Self **pity flood** my soul,

A **gush of pity** for Victor overwhelmed her hardness of mind.

I saw **pity oozing** out from my adviser's eyes when we said goodbye.

Poe is often treated with a hint of condescension and a **splash of pity**.

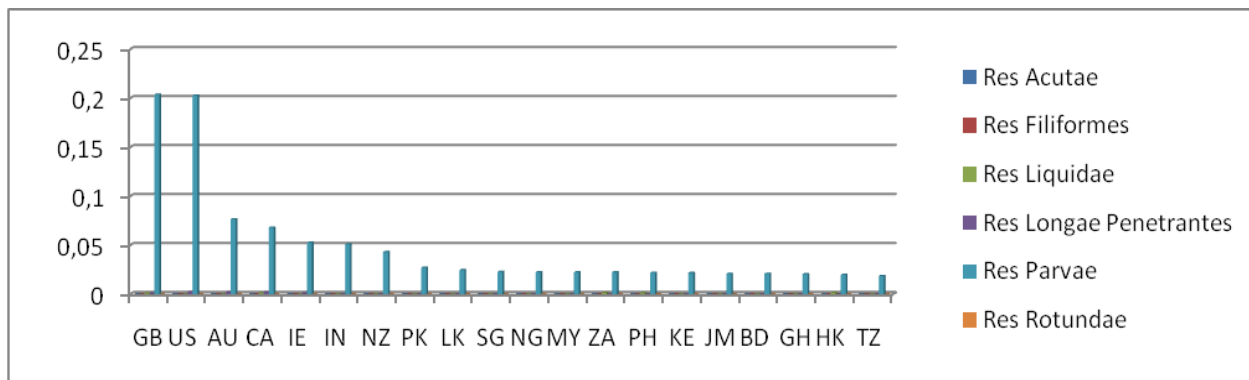

Рис.87. Криптоклассные портреты имени *pity* в корпусе GloWbE по идиомам

Теснота связи всех национальных вариантов в корпусе GloWbE составляет 82%, близость идиомов внутри азиатского ареала – 89%, африканского – 91%, австралийского – 99,965%, американского – 99,97%, европейского – 99,99% (рис.87).

Все рассматриваемые национальные варианты вошли в таксон с первым криптоклассом Res Parvae, представленность которого в идиомах составляет 93%-100%. В связи с этим на составленной карте (рис.88) мы видим тесные связи между всеми национальными вариантами. Стоит отметить, что

верхнюю часть карты, а также ее левую половину занимают идиомы, в которых криптокласс *Res Parvae* представлен на 100%, т.е. является единственным обнаруженным криптоклассом. Далее, как и в корпусе NOW, наблюдается две тенденции: одна – на увеличение примеров с криптоклассом *Res Liquidae*, которая достигает своего максимума в южноафриканском варианте (доля криптокласса *Res Liquidae* здесь составляет 7%), а вторая – на более частотное употребление криптокласса *Res Longae Penetrantes*, наивысшее значение которого свойственно идиому Канады (3%).

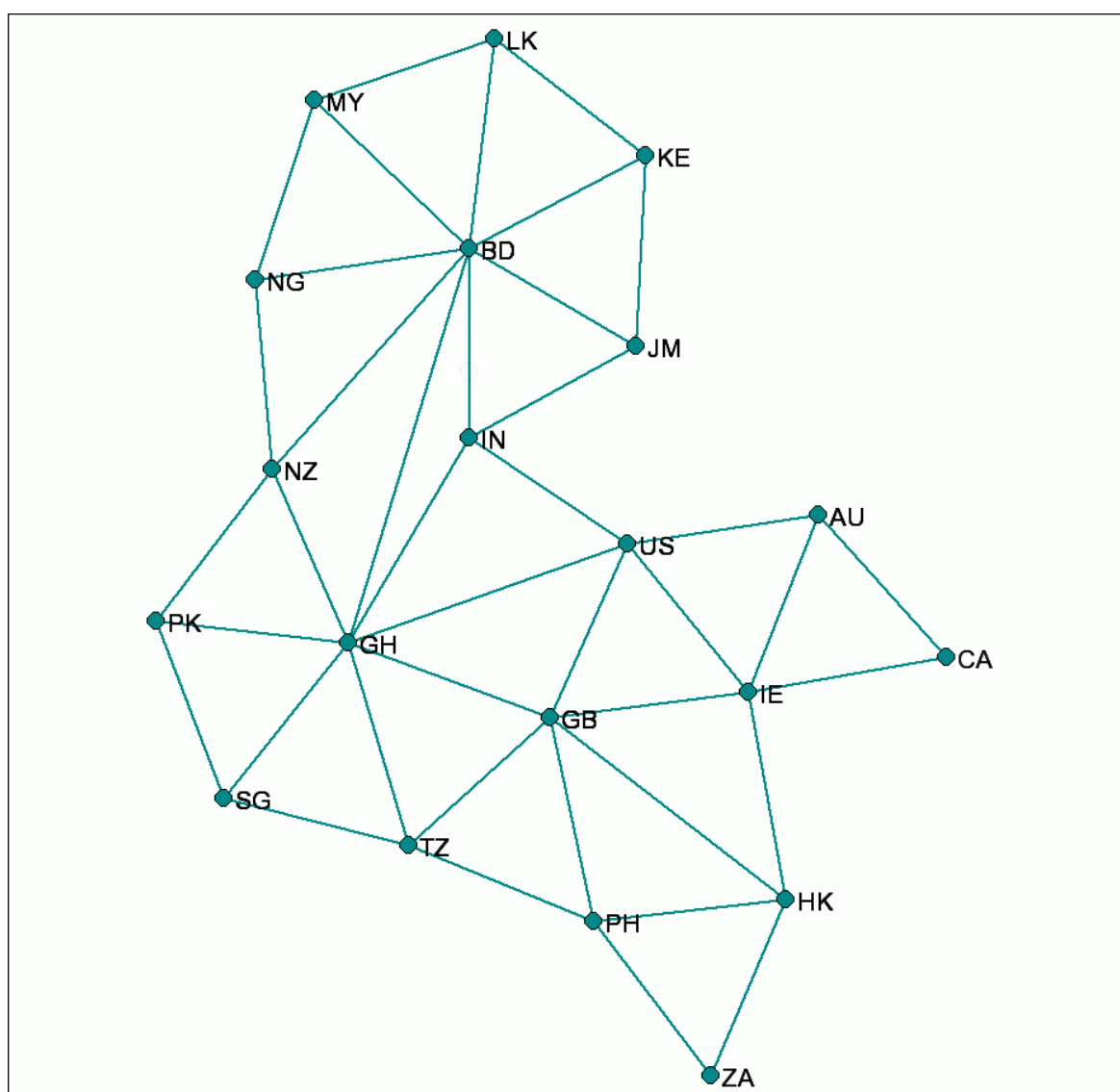

Рис.88. Карта *pity* по данным корпуса GloWbE

Схожая картина наблюдается и в корпусе COCA: превалирующее большинство примеров с эмонимом *pity* (90,83%) относится к криптоклассу *Res Parvae*, по 3,67% примеров было обнаружено с криптоклассами *Res Liquidae* и *Res Longae Penetrantes*, и по 0,92% - с криптоклассами *Res*

Filiformes и Res Acutae. Теснота связи корпусов COCA, GloWbE и NOW составляет 99,9%.

2.1.14. Relief

С именем *relief* в корпусе NOW было обнаружено 1014 примеров (рис.89).

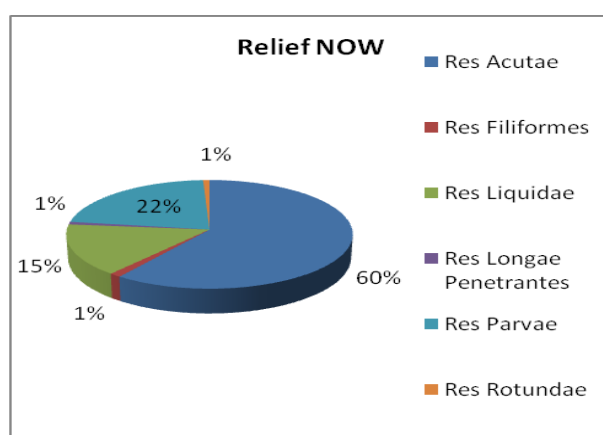

Рис.89. Криптоклассный портрет имени *relief* в корпусе NOW

В первую очередь облегчение категоризуется как острый предмет (криптокласс Res Acutae) (60% или 608 примеров) (примеры 143). Подобная характеристика применяется в семнадцати национальных вариантах, для двенадцати из них выступает в качестве наиболее приоритетной, а в четырех является вторым таксоном. Криптокласс Res Acutae не был обнаружен только в идиоме Шри-Ланки. На высокое значение данного показателя особенно влияет частотность использования выражения *[throw into] sharp relief*. Полученный результат совпадает с исследованием эмоций О.О. Борискиной по данным корпуса Corpus of Contemporary American English [Борискина 2012], где криптокласс Res Acutae также выступил преобладающим для указанной эмоции.

(143) *[It] provides acute relief at key points.*

The nominations threw into sharp relief the diversity of artists represented.

The almost surreal aspects of the film were tempered with moments of sharp comic relief.

Во вторую очередь облегчение категоризуется как рукоятный объект (криптокласс Res Parvae) (22% или 222 примера) (примеры 144), что

отражается в двенадцати национальных вариантах. При этом для пяти идиомов криптокласс Res Parvae является наиболее частотным (это варианты австралийского ареала, а также азиатские идиомы, такие как индийский, шри-ланкийский и пакистанский), а в пяти совершенно отсутствует (это варианты Ямайки, Танзании, Ганы, Сингапура и Бангладеш).

(144) *Sana seemed to catch some relief.*

A chance to grab relief.

Take relief in knowing that recent studies have found ...

I tried to take relief in the shower's warm surge of water.

Mr Hayward can take some relief from the fact that major storms usually come later in the season.

The playwright throws comic relief into the plot.

Помимо этого облегчение характеризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (15%) (примеры 145). Примеры употреблений данного криптокласса были найдены в двенадцати вариантах английского языка, а в варианте Филиппин данное свойство рассматривается как первоочередное при характеристике указанной эмоции. В большинстве африканских вариантов (например, в идиомах Ганы, Нигерии, Танзании), а также в карибском ареале упоминания жидкой характеристики облегчения отсутствуют.

(145) *...in a tone dripping with ironic comic relief.*

There was such a flood of relief, and tears of joy, that she had arrived safely.

I sobbed, unable to breathe as relief flooded through me in waves.

As a wave of relief flowed through me.

She gushes with relief.

You could almost see the relief pouring out of him...

Relief spilled across Aya's face, and the faces of her colleagues.

A welcome splash of comic relief.

This relief must trickle to the masses.

A tidal wave of relief washes across his face.

Согласно шести национальным вариантам облегчение рассматривается англоязычным сознанием и как нитевидный объект (криптокласс Res

Filiformes) (1%) (примеры 146), при этом данная характеристика оказывается не востребуемой в австралийском и карибском ареалах.

(146) *The scans showed that **relief** and pleasure were **intertwined**, overlapping in one area of the frontal cortex.*

*All my thoughts spooled into a single blue **thread of relief**.*

*Pain, sadness, anger, happiness, hope and **relief** all **wound** into one beautiful ball of raw emotion.*

В пяти вариантах английского языка были обнаружены окказиональные употребления эмонима *relief* в качестве метафоронима криптоклассов Res Rotundae (0,8%) (примеры 147) и Res Longae Penetrantes (0,8%) (примеры 148), причем облегчение не воспринимается как длинно-тонкое в африканском и карибском ареалах.

(147) *It is complete and total satisfaction and **relief rolled** into one feeling.*

*It was a mixture of **relief** and joy all **rolled** into one.*

(148) *The **thrust** of the **relief**.*

*The young man [was] **stuck with relief**.*

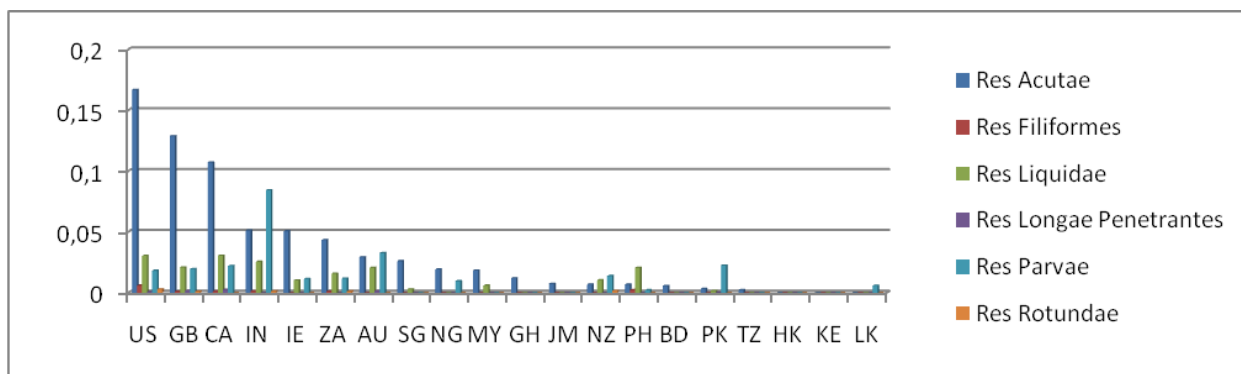

Рис.90. Криптоклассные портреты имени *relief* в корпусе NOW по идиомам

Были определены ареальные предпочтения для данного эмонима: так, австралийские варианты в первую очередь рассматривают данную эмоцию как рукоятный предмет, в то время как европейские, американские, африканские варианты, а также вариант Карибского бассейна отдают предпочтение острому свойству облегчения (при этом ни в одном африканском варианте не был обнаружен криптокласс Res Longae Penetrantes) (рис.90).

Близость всех национальных вариантов составляет 62%, теснота связи идиомов внутри африканского ареала – 76%, австралийского – 91%, американского – 98,9%, европейского – 99,6%.

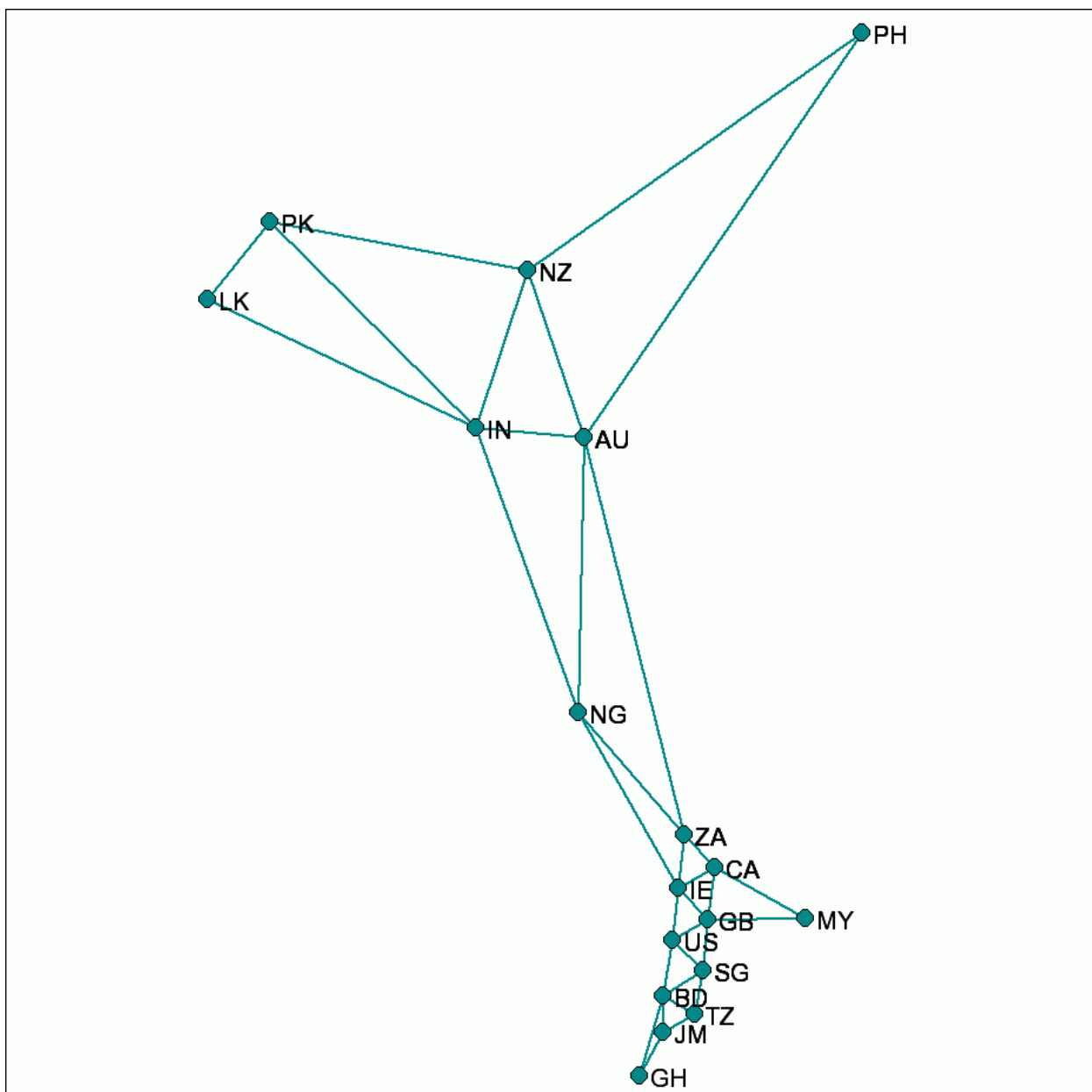

Рис.91. Карта *relief* по данным корпуса NOW

На карте *relief* по данным корпуса NOW (рис.91) выделилось три кластера: первый, наиболее плотный, составляют идиомы, входящие в таксон с первым членом *Res Acutae*. Внутри данного кластера наблюдается континуум постепенной смены приоритетов: от рассмотрения облегчения исключительно как острого объекта (доля представленности криптокласса *Res Acutae* в идиоме Ганы составляет 100%) к увеличению значимости рукоятной характеристики (самое высокое значение криптокласса *Res Parvae*

внутри кластера у нигерийского варианта – 33%); при этом малайзийский идиом представляет небольшое ответвление в связи с наиболее высоким (внутри кластера) показателем криптокласса Res Liquidae (который равен 25%). Вторую группу составляют варианты, отдающие предпочтение криптоклассу Res Parvae (Шри-Ланка – Пакистан – Индия, Новая Зеландия – Австралия); внутри данного кластера также выделяется тенденция смены приоритетов: от австралийского варианта, в котором наблюдается наибольшая (по сравнению с другими идиомами группы) представленность криптокласса Res Parvae (35%) и новозеландского идиома, с самым высоким (внутри группы) показателем криптокласса Res Liquidae (32%) к шриланкийскому варианту, в котором криптокласс Res Parvae является единственным при категоризации облегчения (доля примеров употребления данного криптокласса составляет 100%). В последнюю группу вошел только один идиом – вариант Филиппин, рассматривающий облегчение в первую очередь как жидкость (криптокласс Res Liquidae представлен на 64%).

Связь между корпусами GloWbE и NOW для данного имени составляет 96,6%. В корпусе GloWbE было обнаружено 424 криптоклассных вхождения имени *relief* (рис.92).

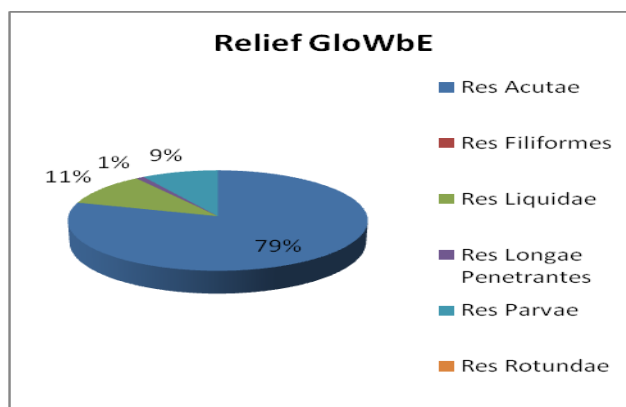

Рис.92. Криптоклассный портрет имени *relief* в корпусе GloWbE

По данным корпуса GloWbE все национальные варианты английского языка в первую очередь воспринимают облегчение как острый предмет (криптокласс Res Acutae) (79% или 337 примеров) (примеры 149).

(149) The ***acute relief*** of migraine attacks.

I am still ***pierced*** by a deep ***relief*** for Sir Gawain each time I recall the story.

The absurdity and guilt of this situation is brought into ***sharp relief***.

*All melded into a discordant burst of color and **sharp relief** that made me think of what a Monet or Van Gogh look like.*

Во вторую очередь облегчение воспринимается как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (11% или 45 примеров) (примеры 150), данная характеристика встречается в пятнадцати национальных вариантах. Отсутствует она в основном в азиатских идиомах (это варианты Бангладеш, Малайзии и Филиппин) и в карибском ареале.

(150) *A **flood of relief** swept over me and I actually laughed out loud.*

*The **relief flooded** my grandfather's face when he found out that I was unhurt*

*I felt a **wave of relief flood** over me, absorbing some of my self-inflicted guilt.*

*There was a **flow of relief**.*

***Relief** had been **poured** into it.*

*Blair glanced up at Jim and **relief spilled** across his face.*

Также облегчение категоризуется как рукоятный объект (криптокласс Res Parvae) (9%), что подтверждается в двенадцати вариантах английского языка (например, в вариантах австралийского и европейского ареалов) (примеры 151).

(151) *As if glad to **snatch** the **relief** ...*

*I felt a great **relief taken** from me right away.*

*We can **take** some **relief** from this fan photo.*

Окказиональные употребления криптокласса Res Longae Penetrantes (1%) были обнаружены в четырех национальных вариантах – это варианты Австралии, Великобритании, США и Индии (пример 152).

(152) *The **relief stuck** her like a bolt of lightning.*

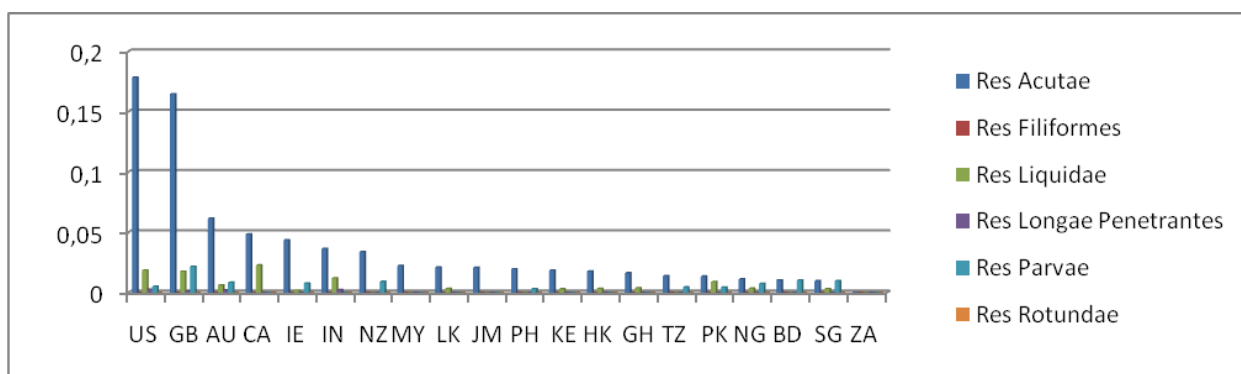

Рис.93. Криптоклассные портреты имени *relief* в корпусе GloWbE по идиомам

Близость всех национальных вариантов (рис.93) составила 77%, в то время как теснота связи идиомов внутри африканского ареала равна 79% (и ни один из африканских вариантов не использует для категоризации данной эмоции криптокласс Res Longae Penetrantes), близость вариантов американского ареала – 93%, австралийского – 98%, европейского – 99,6%.

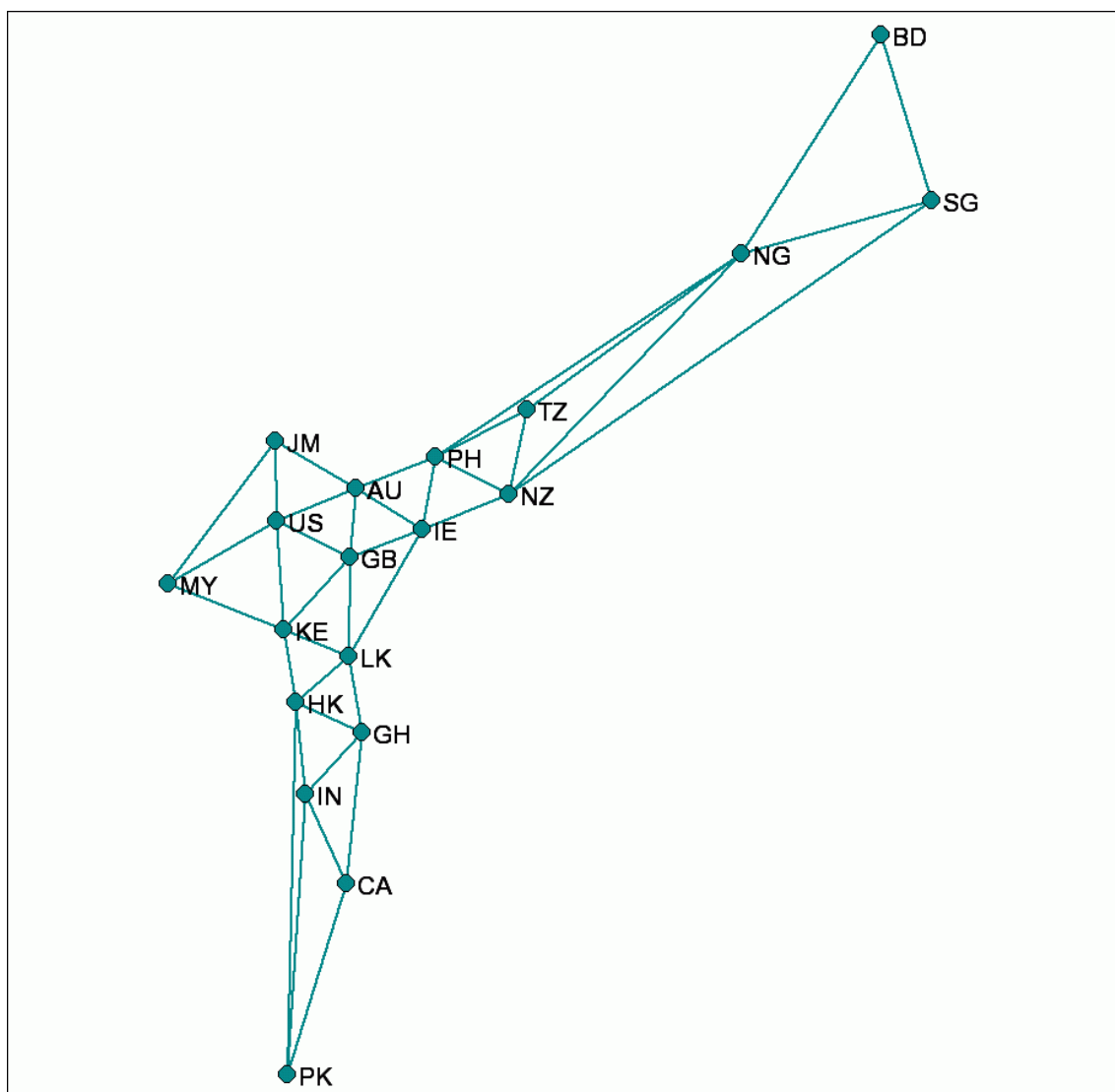

Рис.94. Карта *relief* по данным корпуса GloWbE

Хотя все национальные варианты входят в таксон с первым членом Res Acutae, на полученной карте (рис.94) можно выделить несколько экстремумов: с одной стороны, варианты Ямайки и Малайзии рассматривают облегчение исключительно как острый объект (100% обнаруженных в этих идиомах примеров относится к криптоклассу Res Acutae), с другой стороны, мы видим уменьшение примеров с криптоклассом Res Acutae в двух направлениях – на увеличение доли криптокласса Res Liquidae (наиболее

существенной метафора жидкости выступает для варианта Пакистана – 33%) и на увеличение доли криптокласса Res Parvae (наиболее значимым категориальный признак мелкий предмет оказывается для идиомов Бангладеш и Сингапура).

Согласно корпусу СОСА в американском варианте английского языка облегчение на 45,27% острое (криптокласс Res Acutae) и жидкое (криптокласс Res Liquidae), далее следует криптокласс Res Parvae (6,58%), на 2,47% данная эмоция категоризуется как способная пронзить (криптокласс Res Longae Penetrantes), а 0,41% примеров было обнаружено с криптоклассом Res Filiformes. Коэффициент корреляции между корпусами СОСА и GloWbE равен 71%, а между корпусами СОСА и NOW – 74%.

2.1.15. Concern

В.Ю. Апресян относит concern к «объективной» жалости, возникающей, «когда объект эмоции действительно страдает и осознает свое страдание как таковое» [Апресян 2011b, с.75]. В корпусе NOW было найдено 600 релевантных исследованию примеров с именем *concern* (рис.95).

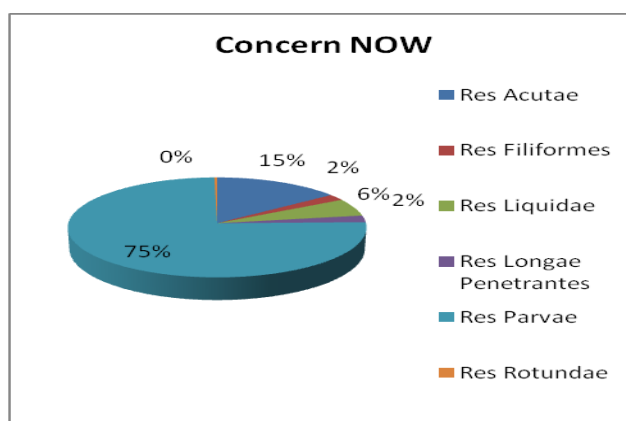

Рис.95. Криптоклассный портрет имени *concern* в корпусе NOW

В первую очередь участие воспринимается как рукоятный объект (криптокласс Res Parvae) (75% или 450 примеров) (примеры 153), данный криптокласс находится на первом месте у шестнадцати национальных вариантов, на втором месте – у трех идиомов и отсутствует лишь в варианте английского языка Бангладеш.

(153) N. Rampersad cast serious concerns about Katz's sincerity.

Make sure team members are catching safety concerns.

*Presidentiables must **grasp** the **concerns** and problems besetting our country.
[They] are capable of **picking** up important **concerns** during the campaign.
He was no longer willing to **throw** Jewish **concerns** under the socialist bus.
The church was a place to **take** our existential **concern**, our grief and joy.
The council will **take concerns** or advice from residents.*

Во вторую очередь участие категоризуется как острый предмет (криптокласс Res Acutae) (15% или 89 примеров, которые встречаются в пятнадцати национальных вариантах и для четырех из них данное свойство выступает в качестве лидирующего – это варианты Ирландии, Сингапура, Шри-Ланки и Бангладеш) (примеры 154). Стоит отметить, что в большинстве (80%) вариантов африканского ареала (идиомы Ганы, Кении, Нигерии, Танзании) примеры употреблений криптокласса Острое обнаружены не были.

*(154) This is a matter of **acute** public **concern**.*

*Charles said the issue was a long-standing and **acute concern** for him.*

*Trinidad and Tobago should have a **keen concern** about the economic circumstances of Jamaica.*

*This **concern** is especially **poignant** with the 2013 elections.*

*Few would blame her for feeling a **prick of concern** at Joe's victory.*

*The US has continued to voice **sharp concerns** over Putin's role in the Syrian civil war.*

Участие также категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (6%) (примеры 155), что находит подтверждение в одиннадцати вариантах английского языка.

*(155) A **deluge** of public **concern** has recently swamped the courts.*

*The IT department is **flooded** with **concerns**.*

*Further **concern flows** from global uncertainty.*

*[They were] willing to **leak** their **concerns** to other media.*

*D. Ong **poured** out his **concerns** in a phone call that lasted over an hour.*

*News feed **spills** a huge **concern**.*

*He faced a constant **stream of concern** from members.*

*The **concern** has also **trickled** to the streets of Kelowna.*

*Amitabh's **concern washed** away my pain.*

*Kenya has faced serious financial **concerns** that have been **splashed** all over the media.*

В восьми национальных вариантах актуализировалась способность участия пронизывать (криптокласс Res Longae Penetrantes) (2,2%) (примеры 156), не востребованная в австралийском и карибском ареалах.

(156) *I have been struck by a **concern** that has **penetrated** my heart.*

*Tunisian officials fear that safety **concerns** will **punch** a huge hole in the tourism revenues.*

*The **thrust** of his **concern** for a better country.*

В шести вариантах английского языка были обнаружены примеры употребления нитевидного участия (криптокласс Res Filiformes) (2%) (примеры 157), при этом данная характеристика не актуализировалась в европейском, австралийском и карибском ареалах.

(157) *One **concern binds** them together.*

*The dialogues are **bound** by shared **concerns** about self and surroundings.*

*We must never forget that the two countries not only share borders but our **concerns** and destinies are **intertwined** and interlinked.*

*His **concerns** were **tied** to a set of rules enforced in Islamic countries known as Sharia law.*

*The latest **thread of concern**;*

Окказиональные примеры использования криптокласса Res Rotundae были обнаружены в двух национальных вариантах (Австралии и Канады) (0,3%) (пример 158).

(158) *There is a **rolling concern** about commercial espionage.*

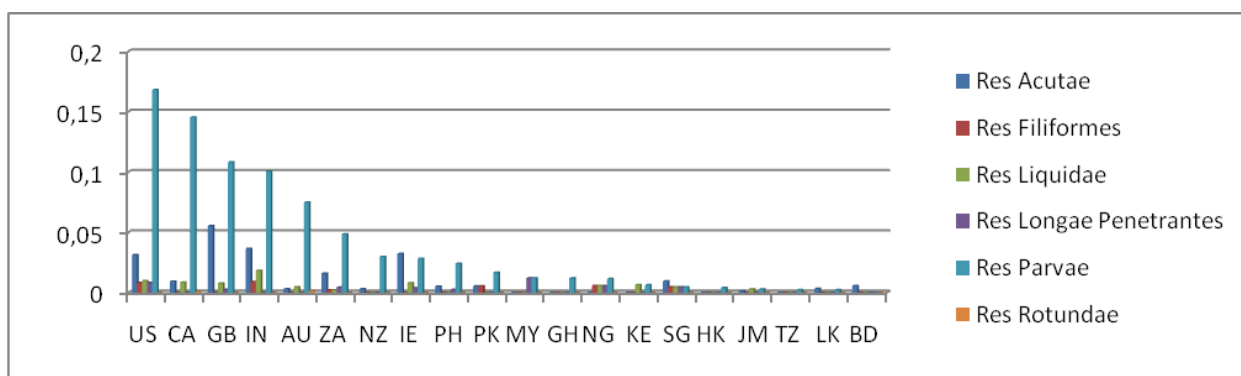

Рис.96. Криптоклассные портреты имени *concern* в корпусе NOW по идиомам

Теснота связи двадцати национальных вариантов составила 59% (рис.96), коэффициент корреляции идиомов африканского ареала составил 68%, европейского – 88%, американского – 99,3%, а австралийского – 99,4%.

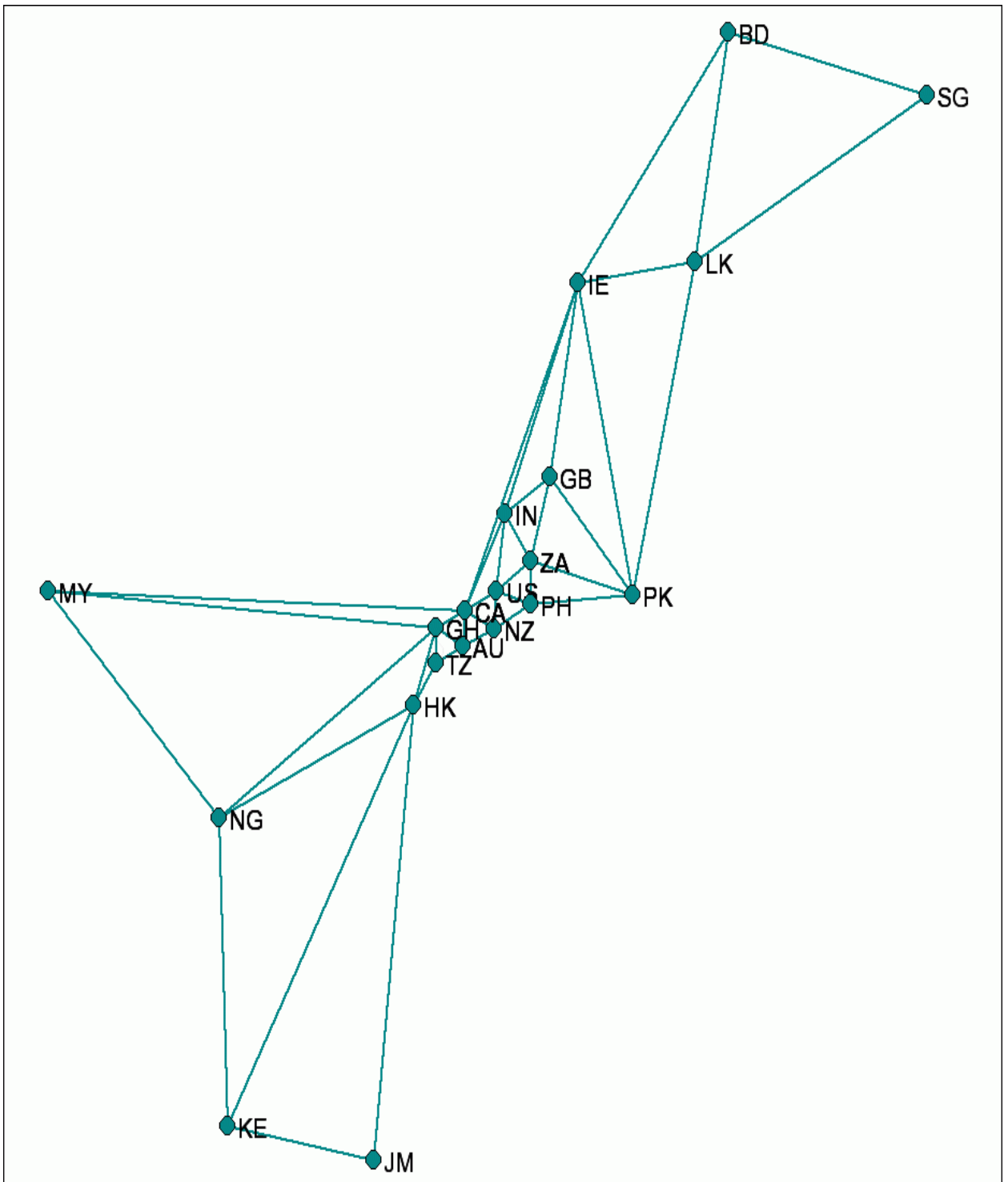

Рис.97. Карта *concern* по данным корпуса NOW

В центре карты имени *concern* (рис.97) плотным кластером расположились варианты английского языка, рассматривающие данную эмоцию в первую очередь в качестве рукоятного предмета. По направлению вверх увеличивается важность острого свойства участия – варианты Сингапура, Бангладеш и Шри-Ланки в основном рассматривают данное имя как острое (они попали в таксон с первым членом *Res Acutae*). По

направлению вниз увеличивается количество примеров с криптоклассом Res Liquidae (метафора жидкости оказывается наиболее коммуникативно востребованной для вариантов Ямайки и Кении), а ветка, направленная влево, отражает высокую представленность характеристики длинно-тонкого предмета – криптокласс Res Longae Penetrantes обладает максимальной значимостью в идиоме Малайзии.

Данная эмоция рассматривается идентично в корпусах GloWbE и NOW – коэффициент корреляции между ними составляет 99,4%. В корпусе GloWbE с именем *concern* было обнаружено 268 релевантных исследованию примеров (рис.98).

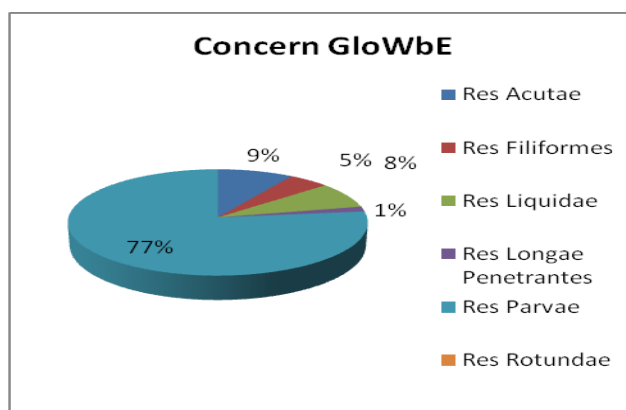

Рис.98. Криптоклассный портрет имени *concern* в корпусе GloWbE

В первую очередь участие в корпусе GloWbE рассматривается как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae) (77% или 206 примеров) (примеры 159). Подобные словоупотребления были обнаружены во всех вариантах английского языка, для девятнадцати из них этот криптокласс является лидирующим и только в гонконгском английском занимает вторую позицию. В некоторых идиомах африканского (варианты Ганы, Танзании, ЮАР) и азиатского (варианты Бангладеш и Сингапура) ареалов эта характеристика является единственной при категоризации рассматриваемой эмоции.

(159) We **cast** all our **concerns** to him in prayer.

All these have **caught** the greatest **concern** from the general public of all countries in the world.

It's important to **grasp** your ongoing **concerns**.

Parents **pick** up **concerns** from media stories.

***Take** your concerns to God.*

*Try to **throw** some concerns ...*

На втором месте следует свойство остроконечности (криптокласс Res Acutae) (9% или 24 примера) (примеры 160), которое было найдено в девяти национальных вариантах. Криптокласс Острое лидирует в идиоме Гонконга, но при этом он не был обнаружен ни в одном из вариантов австралийского, африканского и карибского ареалов.

(160) This concern is particularly acute.

Every death up to this time was an issue that aroused keen concern.

Western concerns are most poignant in the nuclear arena.

Your language suggests a sharper concern.

В третью очередь участие характеризуется посредством метафоры жидкости (криптокласс Res Liquidae) (8%) (примеры 161), что подтверждается в одиннадцати национальных вариантах. Стоит отметить, что примеры с данной характеристикой не были обнаружены ни в одном из идиомов африканского ареала.

(161) He'd been flooded with relief and concern.

I was expecting a flood of questions and concerns but none came.

A deluge of concern from Dehua investors.

Our concerns flow from our experience.

This kind of concern can be poured out for someone who beneath it all.

His concerns spilled out into the wader community.

The stream of concerns that we could have.

В десяти национальных вариантах участие категоризуется как нить (т.е. является метафоронимом криптокласса Res Filiformes) (5%) (примеры 162).

(162) Human beings are not strictly bound by materialistic concerns.

A common thread of concern.

All concerns would be tied to the most critical one amongst the participants.

It is an opportunity to weave your concerns into the Prayers of Intercession.

The finer qualities of sympathy, care and concern can be woven exquisitely into the fabric of building up one's family.

Единичные примеры (1,5%) использования криптокласса Res Longae Penetrantes были найдены в двух вариантах английского языка (идиомы Великобритании и США) (примеры 163).

(163) *You can't help but feel a stab of concern.*

The main thrust of their concern is that the mind must be able to come into contact with the body.

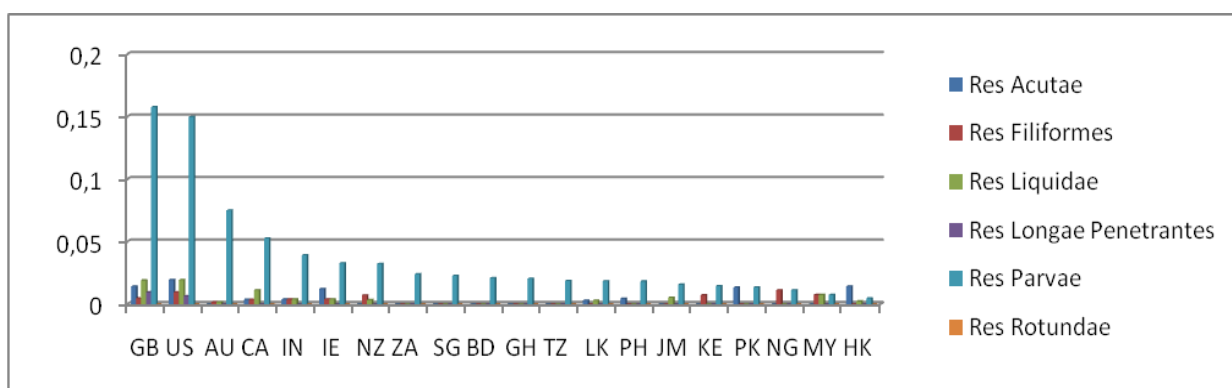

Рис.99. Криптоклассные портреты имени *concern* в корпусе GloWbE по идиомам

Варианты австралийского ареала отличаются тем, что в них не представлены криптоклассы пронизывающего и острого (Res Longae Penetrantes и Res Acutae). У вариантов Азии также отсутствует представленность пронизывающего свойства (криптокласс Res Longae Penetrantes). Все варианты Африки рассматривают участие только посредством двух криптоклассов – Res Filiformes и Res Parvae (рис.99).

Теснота связи всех национальных вариантов составляет 60%, близость идиомов азиатского ареала равна 67%, африканского – 84%, европейского – 95%, австралийского – 98%, а американского – 99,2%.

В центре карты имени *concern* по данным корпуса GloWbE (рис.100) располагаются национальные варианты, в которых наиболее существенным является категориальный признак мелкий предмет (т.е. лидирует криптокласс Res Parvae). В рамках данного кластера наблюдается тенденция смены криптоклассных предпочтений: от идиома Ганы, составляющего нижнюю границу данного кластера, доля выраженности криптокласса Res Parvae в котором составляет 100%, до ямайского варианта, представленность криптокласса Res Liquidae в котором наиболее высокая (в рамках данной группы) и составляет 25%.

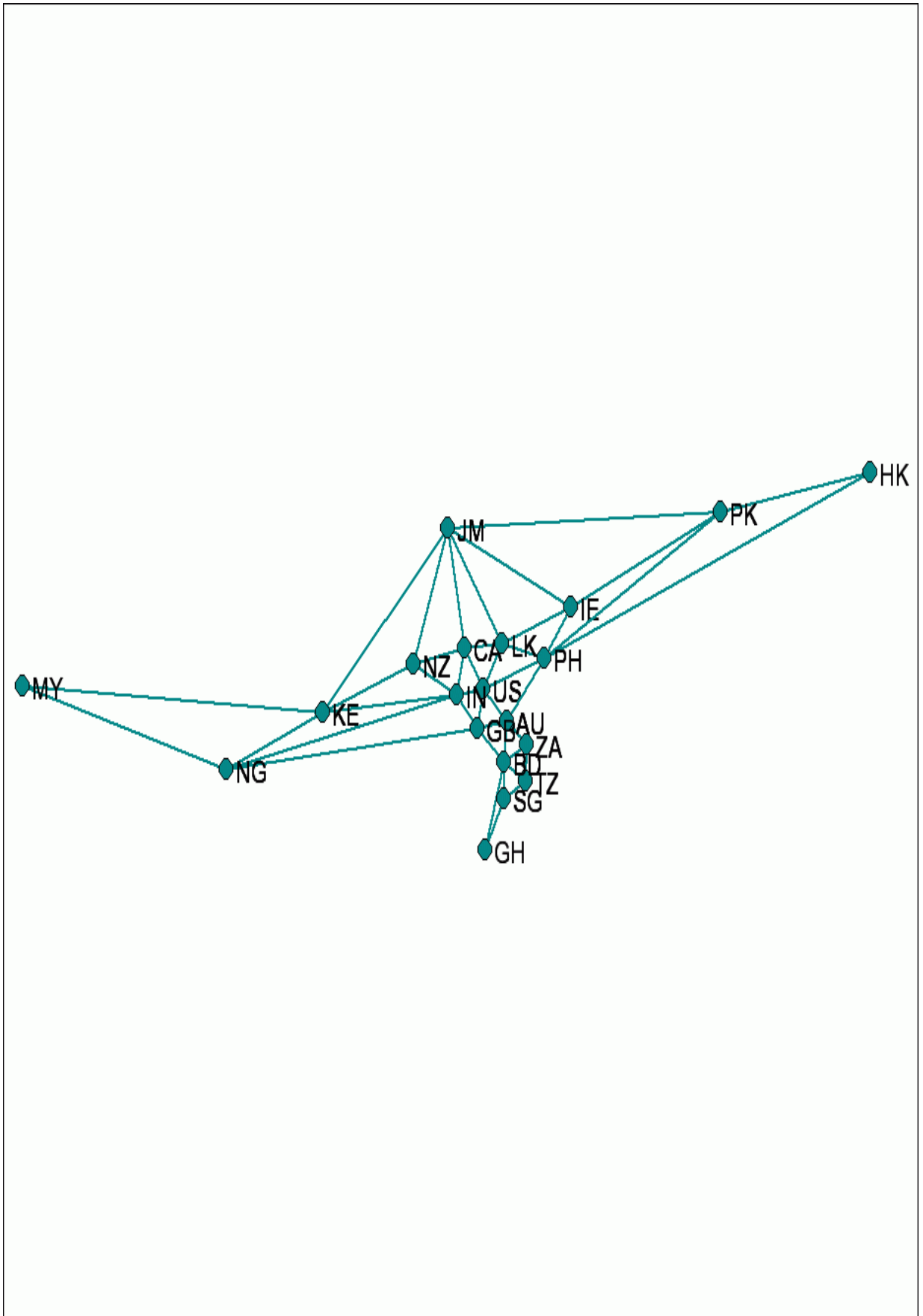

Рис.100. Карта *concern* по данным корпуса GloWbE

Левая ветвь отражает высокую значимость образа нитевидного участия (в варианте Нигерии данная характеристика оказывается наиболее коммуникативно востребованной). Самый удаленный влево вариант Малайзии не имеет четко выраженных криптоклассных предпочтений: он категоризирует участие на 33% как нитевидный предмет, на 33% как жидкость и на 33% как рукоятный объект. Правая ветвь содержит идиомы с максимально высокой значимостью криптокласса *Res Acutae* в языковой категоризации участия (в гонконгском варианте данный криптокласс представлен на 67%).

По данным ИС COEL участие категоризируется в первую очередь как рукоятный объект (криптокласс *Res Parvae*) (64,12%), вторым приоритетом выступает криптокласс *Res Filiformes* (13,74%), на третьем месте следует криптокласс *Res Acutae* (12,21%), далее идет криптокласс *Res Liquidae* (8,4%), 0,76% примеров с рассматриваемым именем относятся к криптоклассам *Res Longae Penetrantes* и *Res Rotundae*. Коэффициент корреляции между корпусами COCA и NOW составил 98%, а между корпусами COCA и GloWbE – 98,8%.

2.1.16. *Distress*

С именем *distress* в корпусе NOW было обнаружено 285 примеров (рис.101).

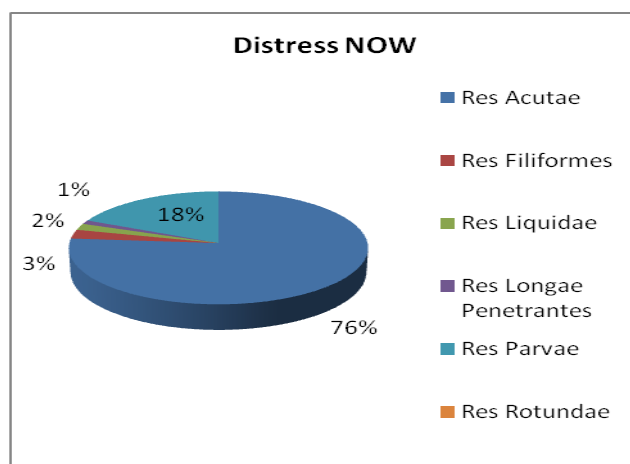

Рис101. Криптоклассный портрет имени *distress* в корпусе NOW

В первую очередь данная эмоция категоризируется как острый предмет (криптокласс *Res Acutae*) (76% или 206 примеров) (примеры 164). Подобное

словоупотребление является преобладающим в четырнадцати национальных вариантах (и только в малайзийском английском занимает вторую позицию), при этом наиболее частотным выступает выражение *acute distress*.

(164) *The females of the tribe utter **sharp distress** calls.*

*Some emergency cesareans may be risky because of **acute distress** of mother or baby.*

*We have expressed our **acute distress** and sorrow over this occurrence.*

*Widespread care was needed to help the **acute distress** of survivors.*

*They had suffered damage in the form of **acute distress** and anxiety.*

Во вторую очередь страдание воспринимается как рукоятный объект (криптокласс Res Parvae) (18% или 49 примеров) (примеры 165). Подобная характеристика используется в девяти национальных вариантах, а для варианта Малайзии является наиболее приоритетной.

(165) ***Distress** had been **thrown** out of their homes.*

*The demand to **take** the **distress** ...*

На третьем месте находится криптокласс Res Filiformes (3%) (примеры 166), примеры употребления которого были найдены в трех вариантах английского языка (Австралии, Ирландии и США).

(166) *A Canberra applicant's **distress** was not **tied** strongly to her job.*

***Distress Tied** to Higher Risk of Stroke.*

*Her face **twisted** with **distress**.*

Окказиональные примеры жидкой характеристики страдания (Res Liquidae) были обнаружены в четырех национальных вариантах (Австралии, Великобритании, Индии и Сингапура) (2%) (примеры 167).

(167) *The modern conception of the European project was traumatised by economic **distress flowing** from the 2008 financial crisis.*

*[It it] **flooded with distress**.*

В двух национальных вариантах (Ирландии и США) были найдены единичные примеры использования криптокласса Res Longae Penetrantes (1%) (пример 168).

(168) *...**sticking** with her **distress**;*

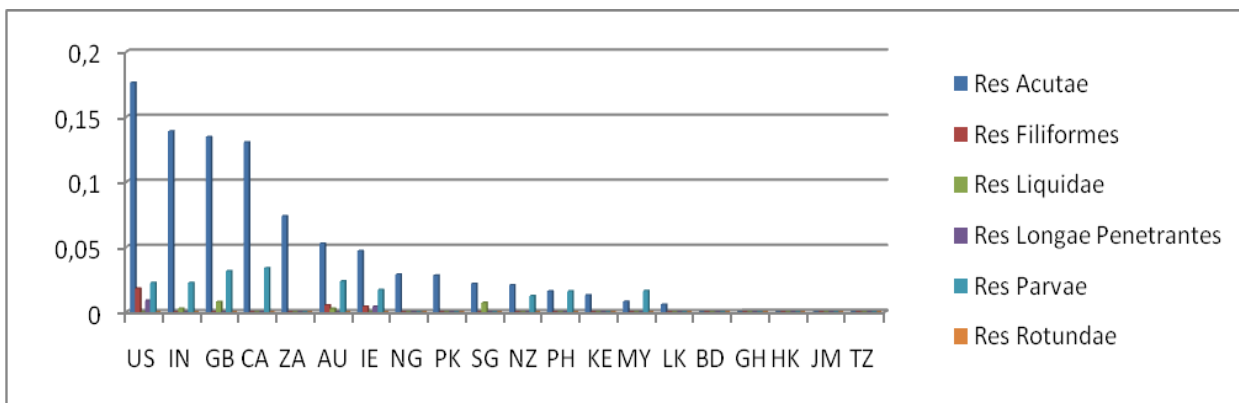

Рис.102. Криптоклассные портреты имени *distress* в корпусе NOW по идиомам Национальная специфика выразилась в том, что в американских вариантах не представлен криптокласс жидкого (Res Liquidae), в австралийских отсутствует криптокласс длинно-тонких предметов (Res Longae Penetrantes), азиатские варианты не рассматривают нитевидную и пронизывающую характеристики страдания (Res Filiformes и Res Longae Penetrantes), а в африканских представлено только острое свойство (Res Acutae) (рис.102).

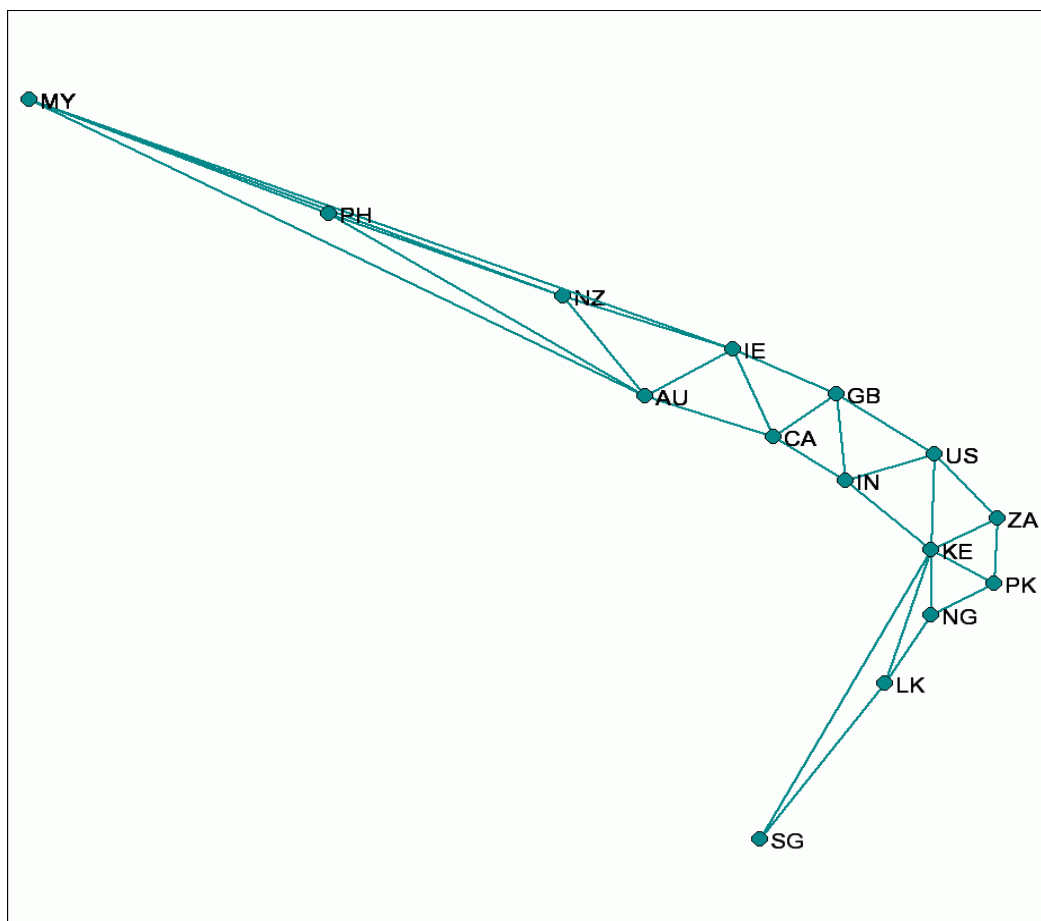

Рис.103. Карта *distress* по данным корпуса NOW

Близость всех национальных вариантов составляет 72%, американские варианты коррелируют на 98,1%, связь европейских и австралийских вариантов равна 98,3%, а африканских – 100% (т.е. их криптоклассные предпочтения полностью идентичны).

Карта (рис.103) отражает тесные связи между рассматриваемыми вариантами, которые образуют континуум: от высокой представленности жидкого криптокласса (метафора жидкости является наиболее коммуникативно востребованной в идиоме Сингапура) до высокой представленности рукоятного криптокласса (категориальный признак мелкий предмет является наиболее значимым в малазийском варианте). В целом можно выделить два кластера: в одном преобладающим выступает криптокласс *Res Parvae*, в другом лидирует *Res Acutae*; при этом во второй группе наблюдается небольшой излом, связанный с тем, что вокруг варианта Кении сгруппированы идиомы, в которых криптокласс *Res Acutae* является единственным представленным.

В корпусе GloWbE можно наблюдать схожую картину – коэффициент корреляции между корпусами составляет 98,98%. В корпусе GloWbE было обнаружено 125 примеров криптоклассных вхождений имени *distress* (рис.104).

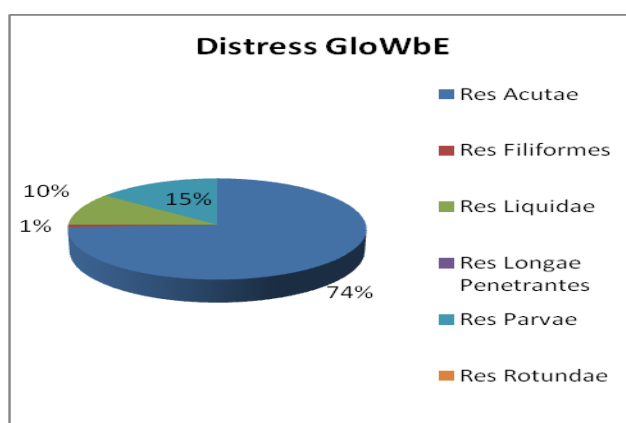

Рис.104. Криптоклассный портрет имени *distress* в корпусе GloWbE

Наибольшее количество примеров было обнаружено с криптоклассом *Res Acutae* (74% или 92 примера) (примеры 169), который является приоритетным для двенадцати национальных вариантов, в двух идиомах занимает вторую позицию и в двух (варианты Ямайки и Ганы) отсутствует.

(169) From two Australian studies, men who have undergone divorce and separation feel **acute distress** at and soon after the time of separation.

The lassitudes of modern life routinely produce **acute distress**.

My first feeling was **acute distress**.

Two million Irish people were suffering **keen distress**.

A **distress** is sometimes so **keen** that it resembles nothing else but bodily pain.

Во вторую очередь страдание категоризуется как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae) (14% или 18 примеров) (примеры 170). Подобные словоупотребления характерны для одиннадцати национальных вариантов, и для двух из них (варианты Пакистана и Ганы) являются лидирующими.

(170) They fully **grasp** the clients **distress** and help them accordingly.

Let me **take** every **distress** as out of God's hand.

В пяти национальных вариантах (включая варианты США, Канады и Австралии) страдание категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (10%) (примеры 171), а для двух вариантов английского языка (это идиомы Ямайки и Кении) данный криптокласс выступает как лидирующий.

(171) On 24 July in the house he pathetically **poured** out his **distress**.

“Every dark **river** of marital **distress, flowing** to me from my fathers' house, mothers' house...”

Единственный пример применения криптокласса Res Filiformes был найден в американском варианте английского языка (пример 172):

(172) Other messages help to **weave** the fabric of **distress**.

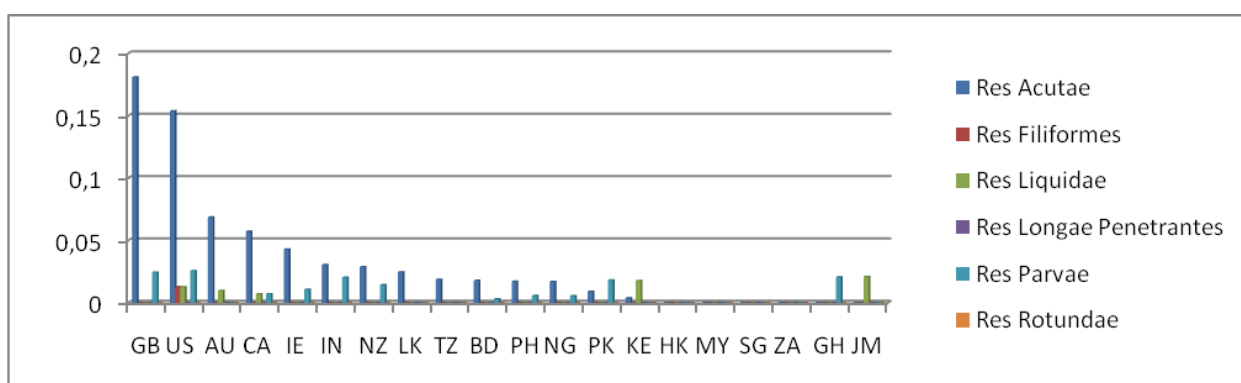

Рис.105. Криптоклассные портреты имени *distress* в корпусе GloWbE по идиомам

В европейских и азиатских вариантах страдание характеризуется только посредством криптоклассов Res Acutae и Res Parvae, в австралийских и

африканских используются криптоклассы *Res Acutae*, *Res Parvae* и *Res Liquidae* (рис.105). В целом близость двадцати национальных вариантов составляет 62%, теснота связи австралийских вариантов равна 85%, азиатских вариантов – 89%, европейских – 99,3%, американских – 99,4%.

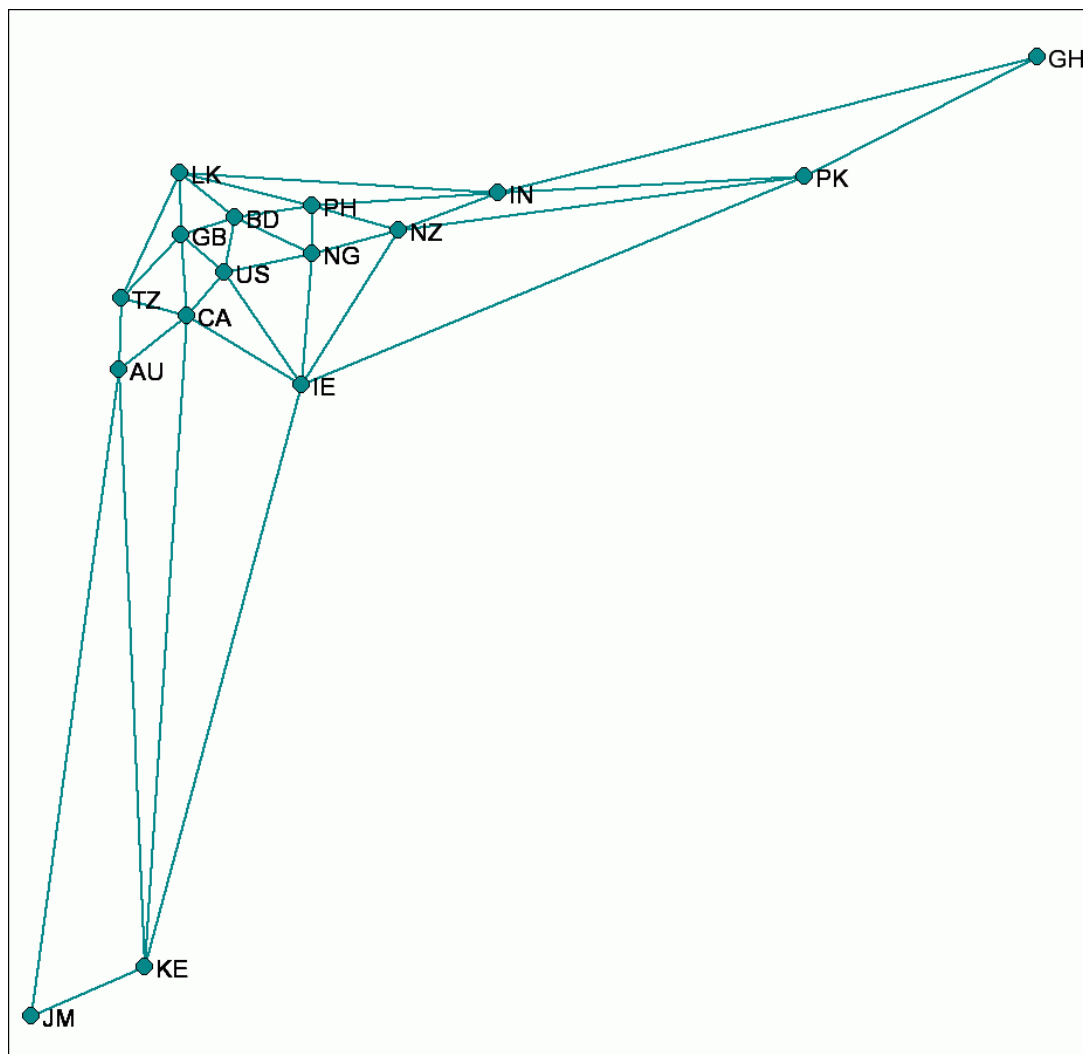

Рис.106. Карта *distress* по данным корпуса GloWbE

На полученной карте (рис.106) выделилось три кластера: в одном, наиболее представленном, лидирует острый криптокласс, во втором преобладает криптокласс Жидкого, а в третьем доминирует рукоятная характеристика. В левой верхней части карты находятся национальные варианты с максимально высокой значимостью криптокласса *Res Acutae* в языковой категоризации страдания (причем у вариантов Шри-Ланки и Танзании доля представленности данного криптокласса составляет 100%). Правое ответвление представляют лингвокультуры, для которых более существенным является категориальный признак мелкий предмет

(максимально высокой значимостью криптокласс Res Parvae обладает в идиомах Пакистана (67%) и Ганы (100%)). Нижнее ответвление содержит варианты, в которых коммуникативно востребована метафора жидкости, лежащая в основании криптокласса Res Liquidae (в кенийском английском данный криптокласс представлен на 82%, а в идиоме Ямайки – на 100%). Наиболее многочисленный кластер (с лидирующим криптоклассом Res Acutae) также представляет собой континуум: чем ближе идиом внутри него располагается к правому или нижнему ответвлению, тем более выражена у него характеристика, присущая группе, в сторону которой он стремится.

2.1.17. Terror

По данным исследования В.Ю. Апресян *terror* представляет собой разновидность страха, которая «вызывает сильную физиологическую и неконтролируемую поведенческую реакцию» [Апресян 2011а, с.40].

SECTION (CLICK FOR SUB-SECTIONS) (SEE ALL SECTIONS AT ONCE)	FREQ	SIZE (M)	PER MIL	CLICK FOR CONTEXT (SEE ALL)
2010-A	2936	115.2	25.50	
2010-B	3380	129.2	26.16	
2011-A	3557	145.1	24.52	
2011-B	4634	160.0	28.97	
2012-A	4037	185.1	21.81	
2012-B	4652	186.4	24.96	
2013-A	5239	196.9	26.61	
2013-B	4993	204.9	24.37	
2014-A	4892	209.8	23.31	
2014-B	7894	219.9	35.89	
2015-A	9523	223.8	42.56	
2015-B	18143	289.1	62.76	
2016-A	32547	685.1	47.51	
2016-B	5732	71.4	80.23	

Рис.107. Количество употреблений имени *terror* с разбиением по годам (2010-2016 гг.)

SECTION	FREQ	SIZE (M)	PER MIL	CLICK FOR CONTEXT (SEE ALL)
2016-B	5732	71.4	80.23	
United States	24149	585.8	41.22	
Canada	9174	409.7	22.39	
Great Britain	18854	431.1	43.74	
Ireland	4191	147.3	28.45	
Australia	5504	178.7	30.79	
New Zealand	1227	57.3	21.43	
India	22488	240.8	93.39	
Sri Lanka	914	11.5	79.55	
Pakistan	7282	47.2	154.20	
Bangladesh	968	11.7	82.71	
Malaysia	1580	33.9	46.58	
Singapore	3057	45.8	66.73	
Philippines	2386	67.1	35.56	
Hong Kong	136	7.9	17.17	
South Africa	3586	165.4	21.69	

Рис.108. Соотношение употребления имени *terror* в различных идиомах

Корпус NOW позволяет сравнивать статистику употребления имен по годам и по идиомам. Согласно статистике корпуса употребление имени *terror* резко выросло в 2015-2016 (рис.107), при этом наиболее высокий показатель словоупотребления наблюдается в Пакистане, далее идет Индия, Бангладеш, Шри-Ланка и Сингапур (рис.108) [Борискина, Дониная 2016а].

В корпусе NOW было найдено 106 примеров, релевантных нашему исследованию (такое количество является нижней границей для проведения статистических сопоставлений).

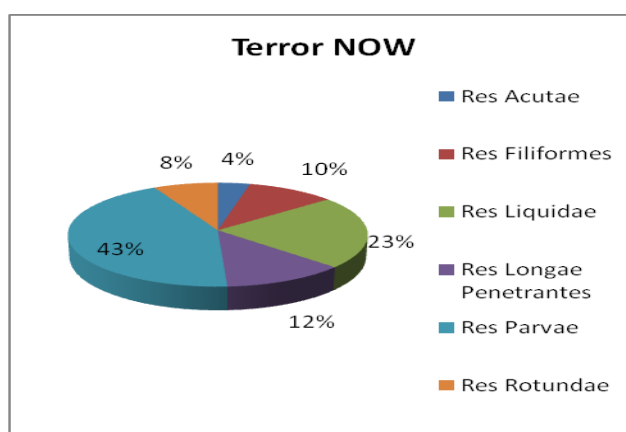

Рис.109. Криптоклассный портрет имени *terror* по данным корпуса NOW

Как видно на криптоклассном портрете имени *terror* (рис.109), на первом месте находится рукоятное свойство (криптокласс Res Parvae) (43%) (примеры 173). Данная характеристика является наиболее приоритетной для девяти национальных вариантов, занимает вторую позицию в двух идиомах и отсутствует только в национальном варианте Бангладеш.

(173) *He **grasped** the stunning **terror** of the moment.*

*The Isis is **casting terror** by mass execution and beheading like the early Muslim fighters used to,*

*The training of children and young teenagers to fight the West, and **throw terror** into the hearts of opponents of the state.*

*And ultimately, **take** some of the **terror** out of the terrorist threat.*

На втором месте располагается характеристика жидкости (криптокласс Res Liquidae) (23%) (примеры 174), используемая в восьми национальных вариантах и для двух из них являющаяся наиболее приоритетной (идиомы Канады и Пакистана).

(174) *[It is] a horrific world **dripping** with genuine **terror**.*

*It is portrayed as a place where **terror floods** the streets.*

*Pakistan must control its border with Afghanistan very strictly to stop the **flow of terror** from Afghanistan into Pakistan.*

***Terror spilled** into the public, with cars and businesses bombed.*

Третьим приоритетом категоризации выступает пронизывающее свойство (криптокласс Res Longae Penetrantes) (12%) (примеры 175), применяемое в шести вариантах английского языка (например, в идиомах американского ареала).

(175) *A **spear of terror** took aim and **pierced** through her faith.*

*A professor of history make it clear how **terror** and corruption have **penetrated** Mexican society.*

На 10% ужас способен виться (криптокласс Res Filiformes) (пример 176), что находит отражение в семи национальных вариантах (например, в идиомах американского ареала).

(176) *Jegade **weaves the terror** into a ruthlessly direct symphony of self-assessment.*

Шесть национальных вариантов английского языка (например, идиомы европейского и американского ареалов) отражают способность рассматриваемой эмоции катиться (криптокласс Res Rotundae) (8%) (пример 177), но примеры использования данного свойства не были обнаружены ни в одном из вариантов австралийского, африканского и карибского ареалов.

(177) *The most public of places available at a given time by a little **ball** of **terror** and over-tiredness.*

Окказиональные примеры в трех вариантах английского языка (идиомы Канады, Индии и Нигерии) показывают, что ужас также может быть острым (криптокласс Res Acutae) (4%) (примеры 178).

(178) *The killer wit in Good Omens or the **sharp terror** in The Doll's House
In a state like ours traumatized by banditry and kidnapping where **piercing terror stings** the heart and death whistles from fearful jaws of the citizens...*

(179) *Quran (8:12) states, "I will **cast terror** into the hearts of those who disbelieve. Therefore strike off their heads..."*

*Quran (3:151) : "Soon shall We **cast terror** into the hearts of the Unbelievers, for that they joined companions with Allah..."*

Интересны примеры из Корана, обнаруженные в корпусе и отражающие манипулятивную составляющую политики запугивания, устрашения (террора): мусульмане призваны бросать (cast), сеять страх и ужас (terror) в сердца неверных (примеры 179).

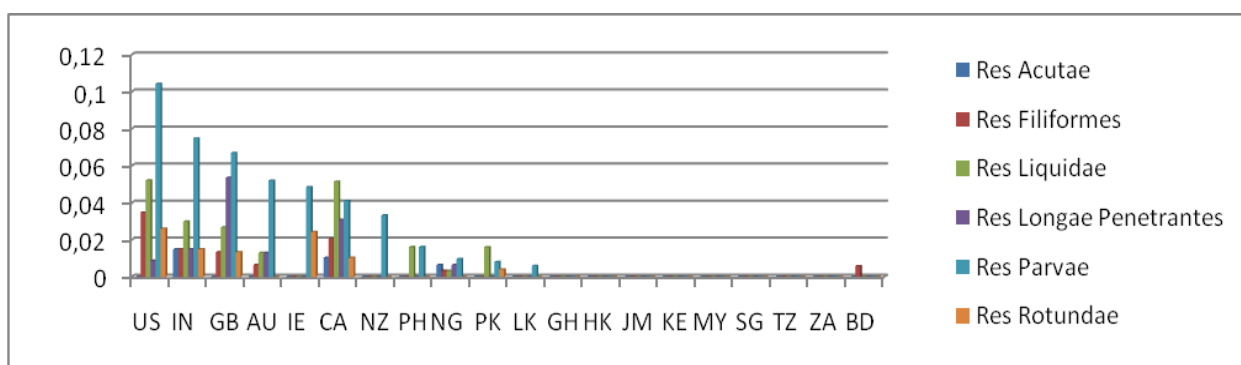

Рис.110. Криптоклассные портреты имени *terror* в корпусе NOW по идиомам

В европейских вариантах английского языка при категоризации ужаса не используют характеристику остроты (криптокласс Res Acutae), в австралийских вариантах отсутствуют свойства острого и круглого (криптоклассы Res Acutae и Res Rotundae) (рис.110).

Близость всех национальных вариантов составила 43%, теснота связи идиомов американского ареала равна 64%, азиатского – 70%, европейского – 71%, австралийского – 95%.

На составленной карте (рис.111) большая часть идиомов вошла в кластер с первым таксоном Res Parvae и только два варианта английского языка (канадский и пакистанский) относятся к группе, где лидирует криптокласс Жидкое. Обозначим основные направления предпочтений рассматриваемых вариантов: по направлению вверх происходит увеличение значимости криптокласса Res Longae Penetrantes (у варианта Великобритании 22% примеров относится именно к данному криптоклассу, а у идиома Нигерии этот показатель равен 31%), по направлению влево увеличивается количество примеров с криптоклассом Res Rotundae (у ирландского идиома их 33%), а по направлению вниз растет коммуникативная востребованность криптокласса Res Liquidae (у варианта Канады данный криптокласс представлен на 31%, а у варианта Пакистана – на 57%).

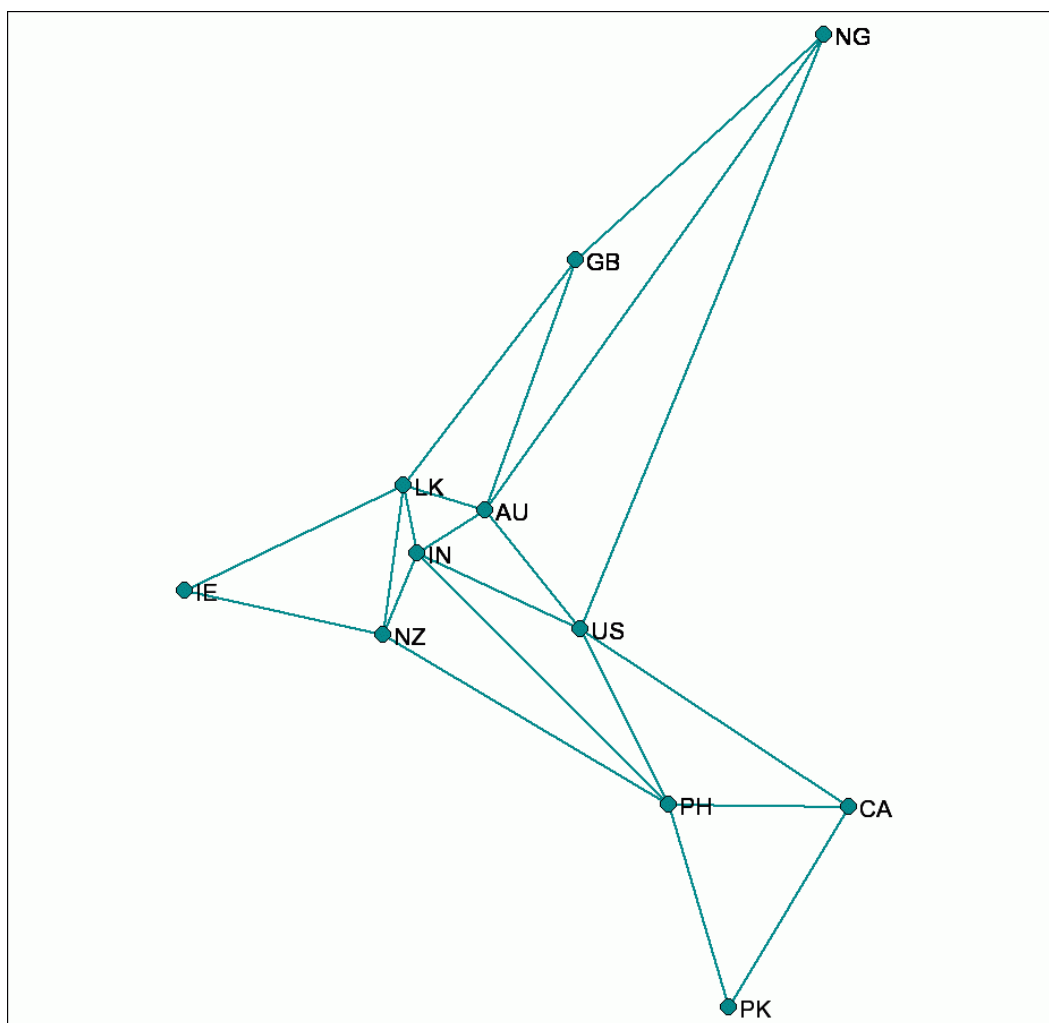

Рис.111. Карта *terror* по данным корпуса NOW

Связь между корпусами NOW и GloWbE для данного слова составляет 95,5%. В корпусе GloWbE было обнаружено 122 релевантных исследованию примера (рис.112).

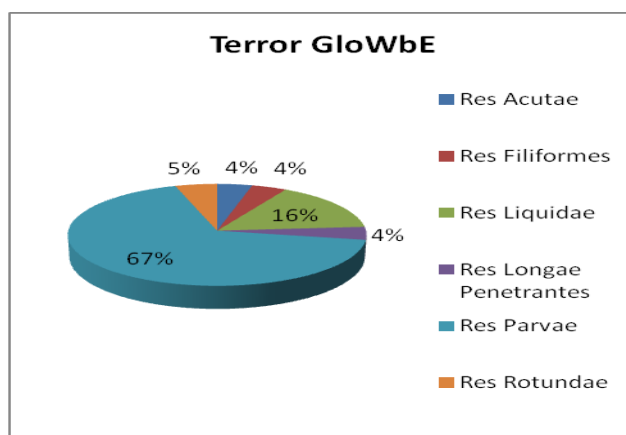

Рис.112. Криптоклассный портрет имени *terror* по данным корпуса GloWbE

Наиболее приоритетным для ужаса выступает рукоятное свойство (криптокласс Res Parvae) (67% или 82 примера) (примеры 180), которое

является первым таксоном для пятнадцати национальных вариантов и не используется только в ямайском и танзанийском идиомах.

(180) *[It] is necessary to **grasp the terror** she suffered.*

*How long will Christians keep **taking** Boko Haram **terror** without retaliation?*

*For some of us it **takes terror** and pain to make us capable of hearing it.*

*It **took the terror** of ethnic cleansing to create this level of uniformity.*

*He has **thrown terror** into the hearts of my enemies.*

Во вторую очередь данная эмоция категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (16%) (примеры 181). Подобные примеры характерны для пяти национальных вариантов, при этом ни в одном из вариантов африканского и карибского ареалов при категоризации ужаса данное свойство обнаружено не было.

(181) *Their hatred for Barack Obama is **dripping** with awed **terror**.*

*It had woken her again in a **flood of terror**.*

*I was **flooded** with feelings of **terror**.*

*The unending **flow** of **terror**.*

*Take a seemingly innocent story and twisted it about until it **leaked** out **terror**.*

*There are some locales that just **ooze terror**.*

*We are **pouring** out **terror** and blood across the earth.*

*All the **terrors** of the park **spill** out over the course of one apocalyptic night.*

*An endless **stream of terror**.*

*I sat down and felt **waves** of **terror** and shame **wash** over me*

В пяти вариантах английского языка (например, в идиомах европейского ареала) были обнаружены примеры употребления криптокласса Res Rotundae (6%) (примеры 182), данная характеристика также отсутствует в африканских и карибском вариантах.

(182) *That cranks up your nerves into a **ball** of quivering **terror**.*

***terror** is **rolling** across the Islamic world.*

*Math tests are **terror** and tedium **rolled** into one.*

Окказиональные примеры (5%) употреблений криптоклассов Res Acutae (пример 183), Res Filiformes (примеры 184) и Res Longae Penetrantes (примеры 185) были обнаружены в четырех национальных вариантах.

(183) *The only moment of acute terror.*

(184) *[It was] intertwined with terror.*

By tying the terror, joy and confusion.

Thousands of little kids in Christian homes have grown up with a warped and twisted terror of their privates and of sex.

(185) *The first threads of terror began to penetrate her shell.*

A spear of terror in the hand of Sauron.

At those times, she could literally feel the terror stabbing her stomach area.

My heart gave a stab of terror.

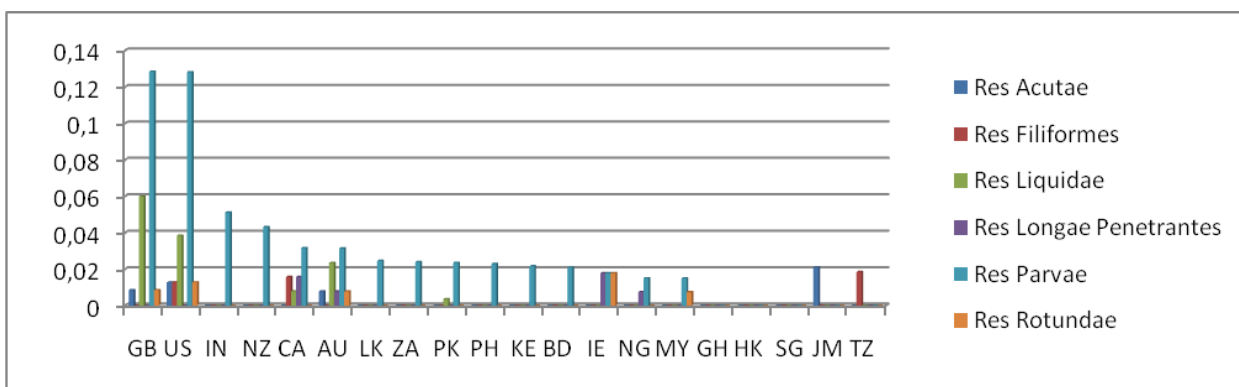

Рис.113. Криптоклассные портреты имени *terror* в корпусе GloWbE по идиомам

Американские, австралийские, европейские и все азиатские варианты входят в таксон с первым членом *Res Parvae* (рис.113), причем при категоризации ужаса европейские и австралийские варианты не используют нитевидное свойство (криптокласс *Res Filiformes*), африканские варианты категоризируют эту эмоцию только посредством криптоклассов *Res Parvae*, *Res Filiformes* и *Res Longae Penetrantes*, а азиатские варианты применяют криптоклассы *Res Parvae*, *Res Liquidiae* и *Res Rotundae*.

Степень близости всех национальных вариантов составила 50%, теснота связи европейских вариантов равна 55%, американских – 74%, австралийских – 83%, а азиатских – 84%.

На карте (рис.114) отображен один кластер, в котором наиболее существенным является категориальный признак мелкий предмет. Самую тесную группу образовали варианты с максимально высокой значимостью криптокласса *Res Parvae*, доля представленности которого в этих идиомах составляет 69%-100%. Ответвление на запад указывает на увеличение

употребления примеров жидкого криптокласса (метафора жидкости наиболее коммуникативно востребована в австралийском варианте). Южное ответвление отражает рост значимости образа круглого ужа (максимальная выраженность этого свойства характерна для варианта Малайзии). Ветка на северо-восток подчеркивает нитевидную характеристику, наиболее выраженную в канадском варианте, а ответвление на юго-восток указывает на значимость пронизывающего свойства, максимально коммуникативно востребованного в ирландском варианте.

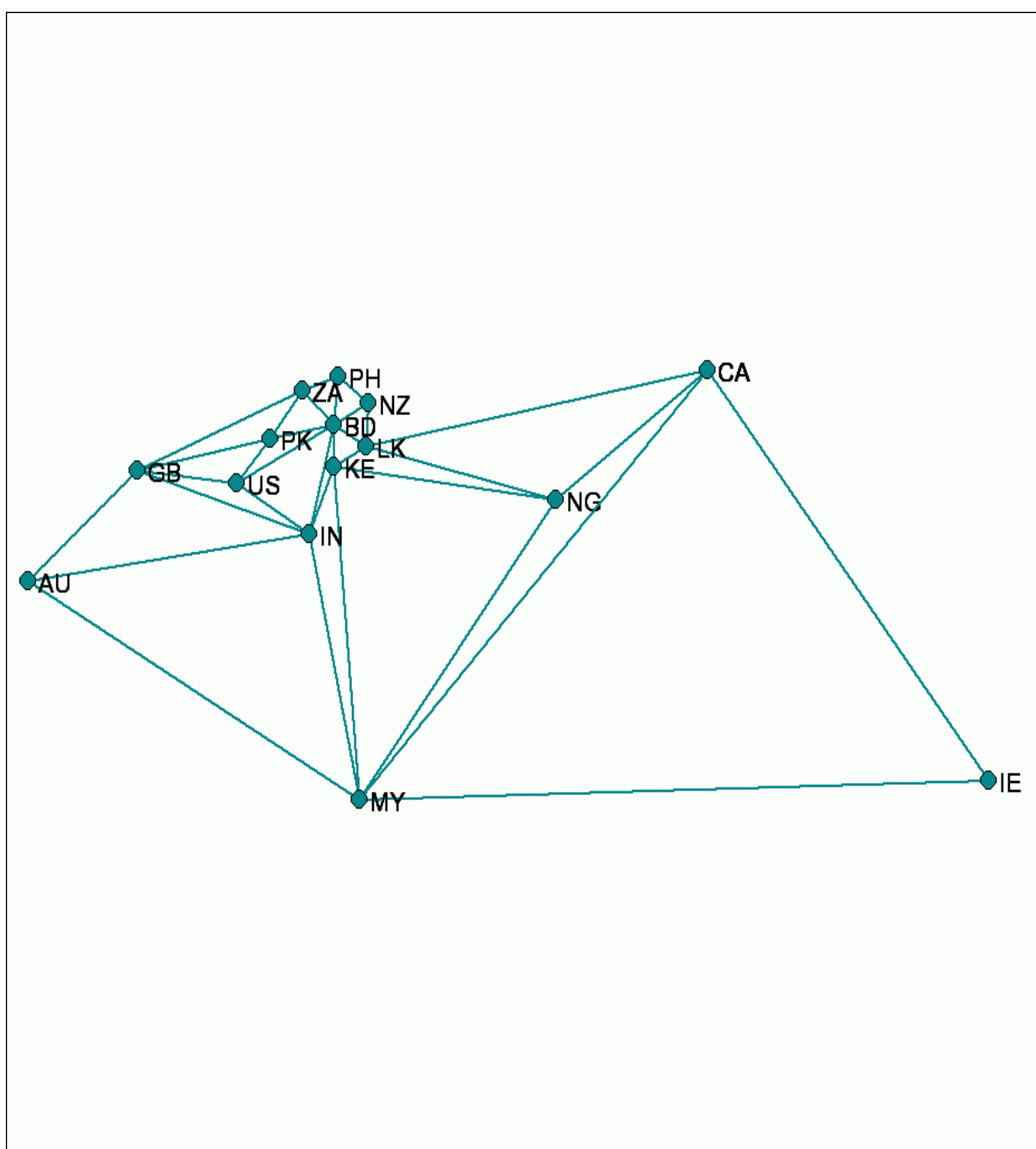

Рис.114. Карта *terror* по данным корпуса GloWbE

В корпусе СОСА наиболее частотным криптоклассом является Res Parvae (35%), вторым по встречаемости с именем *terror* выступает Res Liquidae (30%), третьим приоритетом оказался криптокласс Res Acutae (15%); рассматриваемая эмоция способна пронзить на 12,5% (криптокласс Res Longae Penetrantes), 5% примеров подтверждают ее способность катиться (криптокласс Res Rotundae), и на последнем месте находится криптокласс Res Filiformes (2,5%). Теснота связи корпусов СОСА и GloWbE составляет 80%, а СОСА и NOW – 84%.

2.1.18. Grief

По данным В.Ю. Апресян *grief* «концептуализуется как очень сильная, острая, глубокая, часто неконтролируемая и временами деструктивная эмоция», при этом «*grief* представляется как нечто более управляемое и преодолимое, чем русское горе» [Апресян 2011b, с.66]. С именем *grief* в корпусе NOW было обнаружено 235 примеров (рис.115).

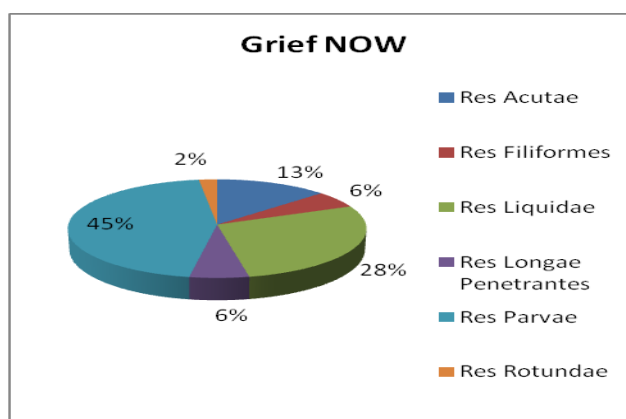

Рис. 115. Криптоклассный портрет имени *grief* по данным корпуса NOW

Наиболее представленным выступает рукоятное свойство горя (криптокласс Res Parvae) (45% или 106 примеров) (примеры 186), которое проявилось в одиннадцати национальных вариантах, при этом оно является лидирующим для пяти из них (например, для идиомов американского ареала), вторым по приоритету – для трех из них, и не актуализируется в вариантах Ямайки, Малайзии и Сингапура.

(186) *Interrupt that process by casting grief.*

Now she's catching grief for being plain, old boring.

Cloutier was hard-pressed to grasp the grief she must feel.

*But I know you **take** a lot of **grief**.*

*Day-to-day things suddenly **throw** **grief** back at me.*

Во вторую очередь данная эмоция метафоризируется посредством сопоставления с жидкостью (криптокласс Res Liquidae) (28% или 66 примеров) (примеры 187). Подобные словоупотребления были обнаружены в двенадцати национальных вариантах и для семи из них являются наиболее приоритетными, а в нигерийском английском полностью отсутствуют.

*(187) The **deluge of grief** has submerged them.*

*A voice [was] **dripping with grief**.*

*Condolences and **outpourings** of **grief** have **flooded** in from around the world
...from a depressive trickle to a **flood** of personal **grief**;*

*The **flow of grief** becomes different and more difficult for them to cope.*

*[He] explained how his **grief oozed** out of every pore in his body.*

*When you **pour** so much **grief** into a book then it can be overwhelming.*

*The **grief** is **spilling** over into bitterness and anger.*

***A sea of grief washed** over the city.*

На третьем месте располагается криптокласс Res Acutae (13%) (примеры 188), примеры которого были обнаружены в девяти национальных вариантах (в том числе в американском, европейском и карибском ареалах). Данная характеристика лидирует в идиоме Нигерии, но отсутствует в новозеландском английском и в некоторых азиатских вариантах (например, в идиомах Филиппин, Пакистана и Сингапура).

*(188) Their **grief** was as **sharp** now as it was 10 years ago.*

*For most, **acute grief** is a "very dramatic" experience with unique thoughts, feelings and behaviors,*

*Ghalib overcomes his **poignant grief** and laughs away his sorrow.*

*Months go by and the **grief** still **stings** my eyes and every hair on my head.*

*Joy [was] **pierced** with **grief**.*

В семи национальных вариантах (например, в европейских и американских идиомах) подтверждается способность горя пронзить (криптокласс Res Longae Penetrantes) (6%) (примеры 189). Самый высокий

показатель по данному криптоклассу у австралийского варианта английского языка.

(189) ***Grief penetrates** my every cell and I cry.*

*At times, **grief** has **punched** me in the guts so violently it's hard to breathe.*

*It feels different because the **sharp stabs of grief** being felt are anticipatory.*

*I was **stabbed by grief**, and sobbed.*

*I was just **stuck by grief** and disbelief and could not sleep properly for days.*

5,5% словоупотреблений, обнаруженные в пяти национальных вариантах, описывают горе как нитевидный предмет (криптокласс Res Filiformes) (примеры 190), хотя в африканском и карибском ареалах подобных примеров выявлено не было.

(190) *The **grief bound** the family together.*

*Scott Hutchinson can **spin grief** into gold.*

*I see and feel a **thread of grief** in my friends who have lost a classmate.*

*Kurzel's version intuits the way that Lady Macbeth's **grief is twisted** into murderous ambition.*

Окказиональные примеры использования криптокласса Res Rotundae были обнаружены в пяти национальных вариантах (2%) (примеры 191).

(191) *You just have to let **grief roll**, take its own time.*

*That flappy little tongue of hers unleashed a heavy **ball of grief**.*

*You feel like your heart has been replaced with a **ball of grief**.*

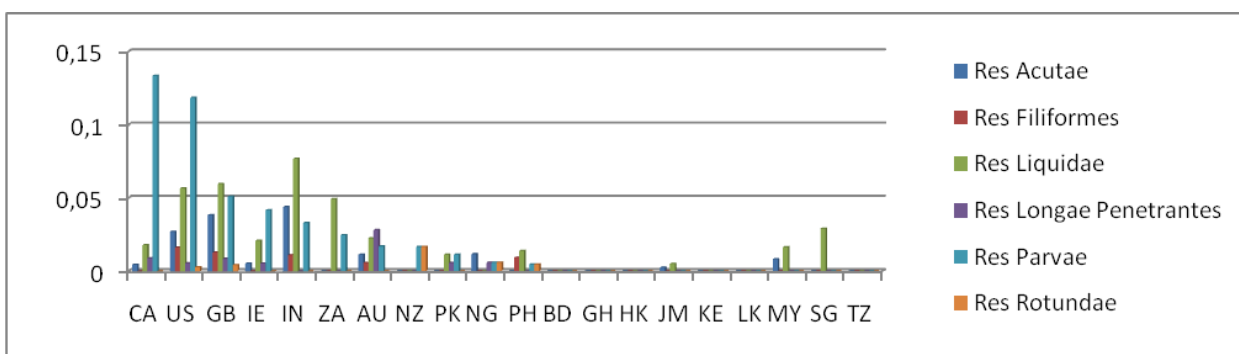

Рис.116. Криптоклассные портреты имени *grief* в корпусе NOW по идиомам
Американские варианты английского языка рассматривают горе в первую очередь как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae), а вариант Карибского бассейна и большинство азиатских вариантов склонны

рассматривать данную эмоцию в основном как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (рис.116).

Близость всех национальных вариантов составила 56%, азиатские варианты коррелируют на 58%, европейские – на 77%, а американские – на 93%.

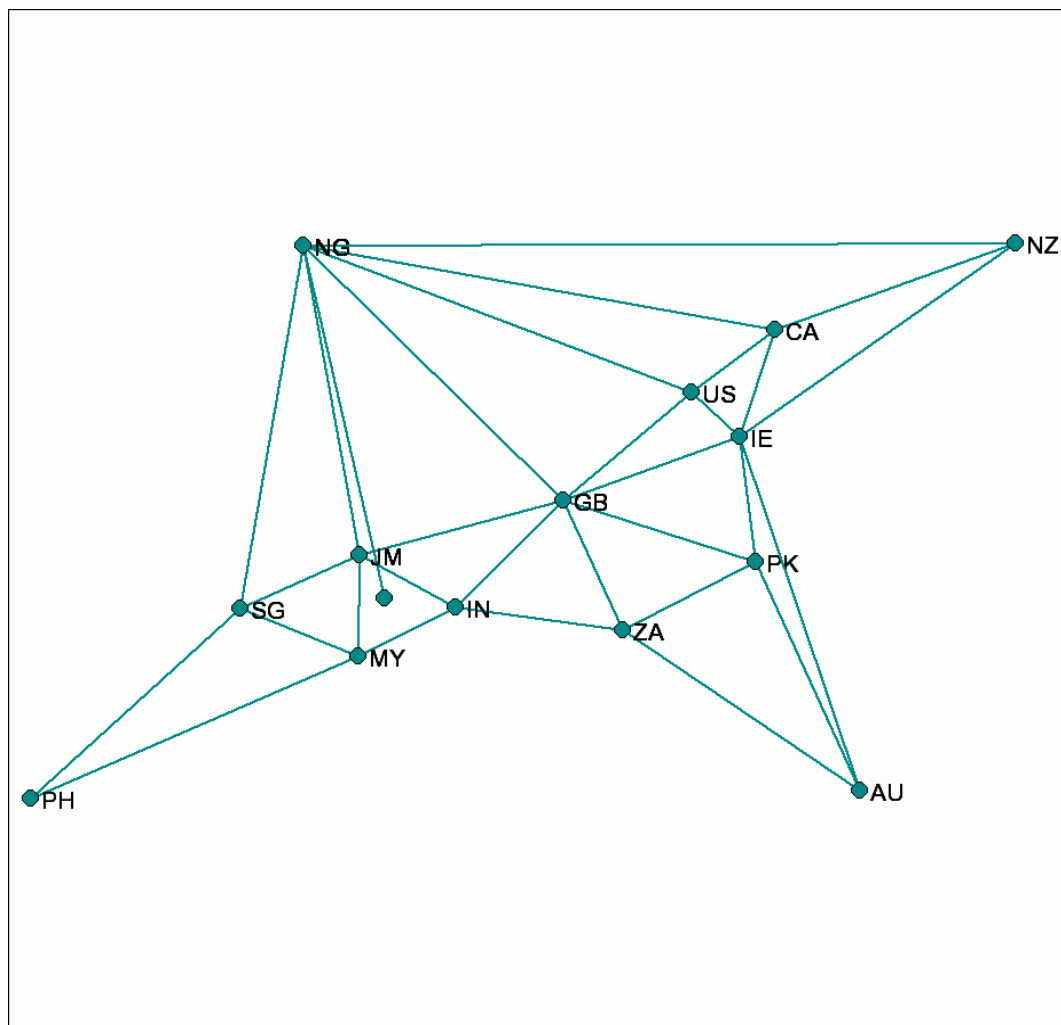

Рис.117. Карта *grief* по данным корпуса NOW

На карте (рис.117) сформировалось четыре кластера в зависимости от первого криптоклассного предпочтения: первая группа состоит из пяти идиомов, в которых лидирует криптокласс Res Parvae; во второй группе, состоящей из семи вариантов, лидирует криптокласс Res Liquidae; третья группа состоит из нигерийского идиома, который отдает предпочтение в первую очередь криптоклассу Res Acutae; а в четвертую группу вошел только австралийский вариант, в котором лидирует криптокласс Res Longae Penetrantes. В центре карты представлен британский вариант, использующий

для категоризации горя все криптоклассы и отдающий предпочтение жидкому свойству (криптокласс Res Liquidae). Луч в северо-западном направлении указывает на увеличение количества примеров острого криптокласса, максимально высокой значимостью криптокласс Res Acutae обладает в нигерийском варианте (40%). Северо-восточный луч содержит варианты с высоким показателем криптокласса Res Parvae (идиомы Ирландии, США, Канады, Новой Зеландии). Юго-восточное направление луча показывает, что увеличивается значимость криптокласса Res Longae Penetrantes (у австралийского варианта он представлен на 33%), а юго-западный луч подчеркивает рост коммуникативной востребованности криптокласса Res Filiformes (у варианта Филиппин он представлен на 29%).

Между корпусами NOW и GloWbE наблюдается высокая согласованность – коэффициент корреляции между ними равен 98%. Всего в корпусе GloWbE было найдено 211 релевантных исследованию примеров (рис.118).

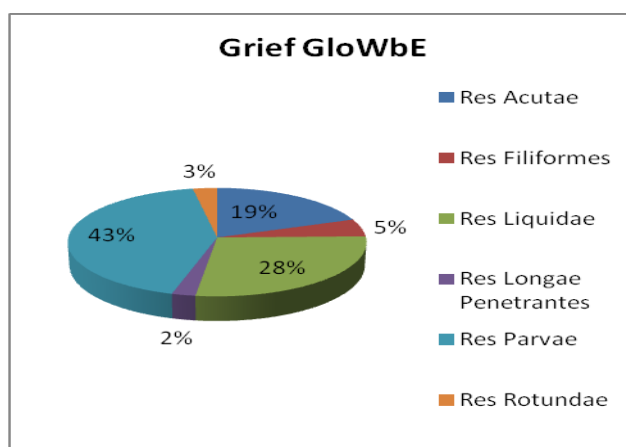

Рис.118. Криптоклассный портрет имени *grief* по данным корпуса GloWbE

43% или 90 обнаруженных примеров относятся к криптоклассу Рукоятное (Res Parvae) (примеры 192), являющемуся первым таксоном в двенадцати национальных вариантах, вторым – в пяти национальных вариантах и не выявленному в идиомах Ганы и Гонконга.

(192) ***Throw*** at him your ***grief***, your anger, your doubt, your bitterness.

And with any luck, you find something that you can ***throw*** your ***grief*** into.

Cast grief in the hearts of the prophets and the messengers.

Cleave's ***grip*** on suffering and ***grief*** is so tight.

*When men get sick they often **catch grief** for embellishing their illness.*

*For all the **grief** that Bush **caught** over Katrina, the fact remains that people must take responsibility for their own lives.*

*But he **took** plenty of **grief** from his hyper-competitive U.S. teammates.*

*Shutting him down is going to be painful, and we are going to **take grief**.*

Во вторую очередь данная эмоция категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (28% или 58 примеров) (примеры 193). Подобное свойство проявилось у четырнадцати вариантов английского языка, причем оно находится на первом месте у пяти из них (например, у австралийского ареала), но отсутствует у карибского ареала и 60% идиомов африканского ареала (варианты Кении, Танзании, ЮАР).

*(193) These **waves** of **grief** were **flooding** over me.*

*Princes Diana and Michael Jackson saw the world swell in a **flood of grief**.*

*The **grief ebbs and flows**.*

*Each line he penned **oozes** with personal **grief**.*

*Rihanna **poured her grief** into her 2009 album.*

*Remember the **grief** that **spilled** over the first movie.*

*A mass **grief** seemed to **wash** over the entire Western World.*

*A huge **wave** of pure **grief washes** over me.*

Третьим по представленности выступает криптокласс Res Acutae (19%) (примеры 194), он был найден в двенадцати вариантах английского языка.

*(194) The sword of **grief pierced** her soul.*

*Loss and **grief** are so **acute** when you are a teenager.*

*Some people, eager for money, have wandered from the faith and **pierced** themselves with many **grievs** (1 Timtohy 6:9-10).*

*Laurel's **grief** was **poignant**.*

*They speak for us at the moments of our **sharpest grief**.*

Горе оказалось нитевидным (криптокласс Res Filiformes) в пяти национальных вариантах (это варианты европейского и американского ареалов и южноафриканский английский) (5%) (примеры 195).

*(195) There is a "common **thread**" of **grief** which runs through everyone*

***Grief** is something that **binds** us all together as human beings.*

*Unspoken **griefs twist** and turn and do not grow smaller.*

Единичные примеры в криптоклассах пронизывающего (Res Longae Penetrantes) (2,4%) (пример 196) и круглого (Res Rotundae) (2,8%) (примеры 197) были найдены в четырех идиомах, при этом в африканском и карибском ареалах отсутствуют употребления горя в качестве длинно-тонкого объекта, а в европейском, африканском и карибском не было найдено круглой характеристики.

(196) " You... you've killed him, " he said with a **stab** of **grief**.

(197) A **ball** of **grief** smashed through my chest and through my throat to my brain.

*I feel your sense of joy, relief, **grief** all **rolled** up into a little ball knotted up in your throat.*

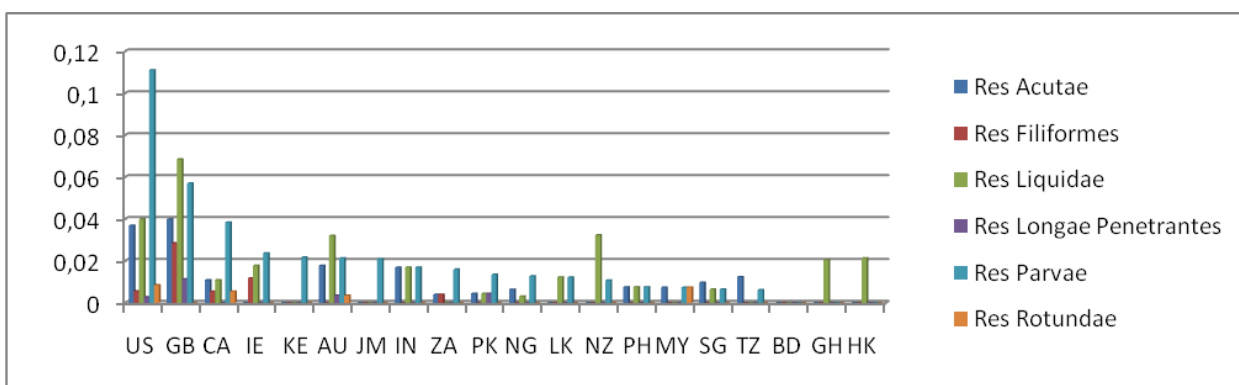

Рис.119. Криптоклассные портреты имени *grief* в корпусе GloWbE по идиомам

Было обнаружено, что варианты Австралии, Новой Зеландии и Великобритании категоризируют данную эмоцию в первую очередь как жидкость; американские варианты, вариант Карибского бассейна и африканские варианты английского языка концептуализируют горе как рукоятный объект; а азиатские варианты репрезентируют это имя в равных пропорциях как острое, жидкое и рукоятное (рис.119). При этом австралийские и азиатские варианты не применяют характеристику нитевидного, европейские идиомы избегают использования круглого криптокласса, а африканские варианты при категоризации не используют пронизывающие и круглые свойства данного имени [Boriskina, Donina 2016].

Близость двадцати национальных вариантов составляет 48%, теснота связи африканских вариантов равна 50%, азиатских – 58%, европейских – 79%, австралийских – 85%, а американских – 98,5%.

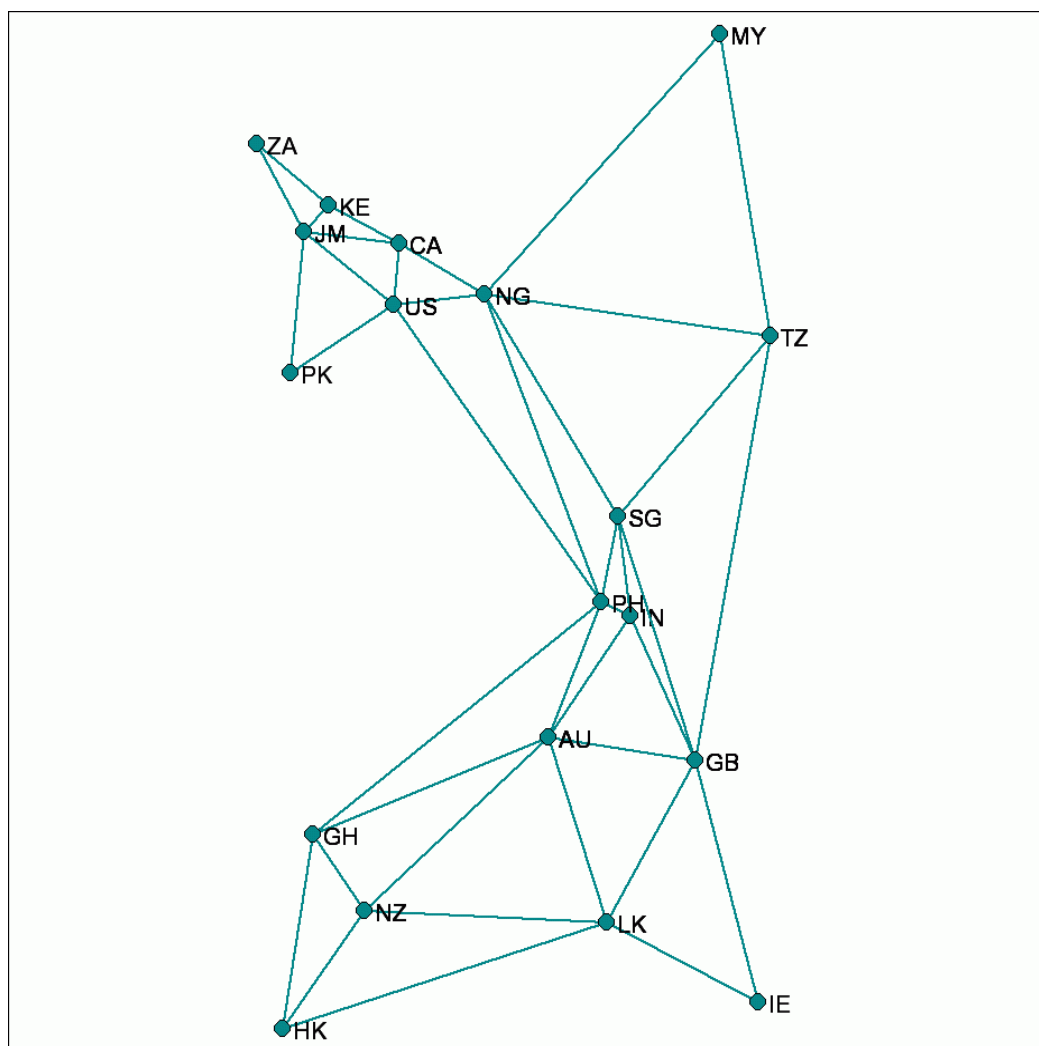

Рис.120. Карта *grief* по данным корпуса GloWbE

В центре составленной карты (рис.120) оказались азиатские варианты, отдающие предпочтение сразу трем криптоклассам (*Res Acutae*, *Res Parvae* и *Res Liquidae*). От них отходят лучи, отражающие увеличение примеров различных характеристик и заканчивающиеся национальными вариантами, обладающими самыми высокими показателями для данных криптоклассов. Так, луч в сторону Малайзии указывает на увеличение употребления криптокласса *Res Rotundae* (в малайзийском варианте образ круглого горя обладает максимально высокой значимостью – 33%). Направление в сторону ирландского варианта отражает увеличение использования нитевидного свойства (в идиоме Ирландии примеры с криптоклассом *Res Filiformes* составляют четверть всех словоупотреблений). Ближе к варианту Гонконга располагаются варианты, отдающие предпочтение жидкой характеристике (в гонконгском английском метафора жидкости является единственной

используемой для категоризации горя). В районе варианта ЮАР находятся идиомы, в которых преобладает криптокласс Res Parvae (такие как варианты Ямайки, Кении, ЮАР). Для пакистанского английского характерна максимальная коммуникативная востребованность образа длинно-тонкого предмета при категоризации рассматриваемой эмоции (17%).

Наиболее представленным в корпусе СОСА является криптокласс Res Parvae (43,9%), на втором месте располагается криптокласс Res Acutae (24,39%), на 19,51% горе проявило жидкое свойство (криптокласс Res Liquidae), далее следует криптокласс Res Longae Penetrantes (7,32%) и заключительным выступает криптокласс Res Filiformes (4,88%). Коэффициент корреляции между корпусами СОСА и NOW составляет 93%, а между корпусами СОСА и GloWbE – 96%.

2.1.19. Sympathy

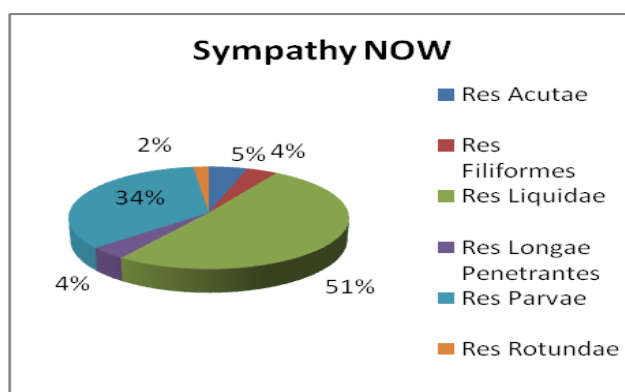

Рис.121. Криптоклассный портрет имени *sympathy* по данным корпуса NOW

Некоторые антропологи считают, что симпатия и альтруизм, объединяющие людей в группы, способствовали выживанию человека в ходе эволюции [MacDonald 2008]. «Английское слово *sympathy*, этимологически восходящее к греческому ‘переживание вместе с кем-то’, в современном языке приобретает значение ‘сочувствие’, которое...относится в первую очередь к переживанию чужого страдания, но не к другим эмоциям» [Апресян 2011а, с.34]. В.Ю. Апресян относит *sympathy* (наряду с *concern*) к «объективной» жалости, определяя его как «концепт со-чувствования, понимания ситуации, в которой находится объект эмоции, и его чувств, хорошее отношение к нему, и при этом необязательность непрямого

участия, желания помочь...[sympathy] предполагают обычно вербальное выражение эмоции, но не поведенческое» [Апресян 2011b, с.77].

В корпусе NOW было обнаружено 102 релевантных исследованию примера с именем *sympathy* (рис.121).

В первую очередь данная эмоция категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (51% или 52 примера) (примеры 198). Этот криптокласс выступает приоритетным для десяти национальных вариантов, вторым таксоном – для четырех идиомов и отсутствует только в вариантах Малайзии и Ямайки.

(198) *I am routinely appalled at comments, **dripping** with false **sympathy**.
Within hours of last week's Paris attacks, **sympathy flooded** his social media feeds.
Public **sympathy flowed** towards the whales.
My Facebook feed was filled with comments **gushing sympathy** for Cooper.
His genius is to make the unsympathetic **ooze with sympathy**.
The nation's **sympathy poured** out for the victim.
An **outpouring** of **sympathy streamed** in from around the world as millions reacted to the Florida mass shooting.
Muted national shock fetched them only **trickles of sympathy**.
A **tide of sympathy washed** over the king's Greek-born wife.*

Во вторую очередь симпатия воспринимается как рукоятный объект (криптокласс Res Parvae) (34% или 35 примеров) (примеры 199). Подобная характеристика является доминирующей для шести национальных вариантов, в восьми идиомах она стоит на второй позиции и отсутствует только в идиомах Ганы и Сингапура.

(199) *Podolski **caught** the **sympathy** of the consul.
She **grabbed** the **sympathy** of many.
I couldn't **grasp sympathy** for a man I was told was a killer.
Polls suggest neither side has a firm **grip** on people's **sympathies**.
People **take sympathy** on me, including friends.
Some famous names are **throwing** their **sympathy** and support behind Kesha*

В третью очередь данная эмоция категоризуется как острый объект (криптокласс Res Acutae) (5%) (примеры 200), что характерно для двух национальных вариантов (Канады и Великобритании).

(200) *I left in keen sympathy with Gilmour's request.*

[He was] trying to compose the most poignant sympathies.

Silkin writes in many poems with sharp sympathy for animals.

A poet understands his subject with acute but critical sympathy.

В четырех национальных вариантах английского языка (Великобритании, США, Сингапура и Нигерии) были обнаружены примеры употребления криптокласса Res Longae Penetrantes (4%) (пример 201).

(201) *I feel a stab of sympathy for Boris Johnson.*

Также в двух вариантах английского языка были найдены окказиональные примеры словоупотреблений криптоклассов Res Filiformes (4%) (примеры 202) и Res Rotundae (2%) (примеры 203). Так, пронизывающее свойство было обнаружено в вариантах Великобритании и США, а круглая характеристика – в идиомах Австралии и Великобритании.

(202) *His character binds our sympathies to him.*

Mutual respect and sympathy bind together thousands of husbands and wives.

[We] portray them with a little thread of sympathy.

(203) *Sympathy and support rolled in.*

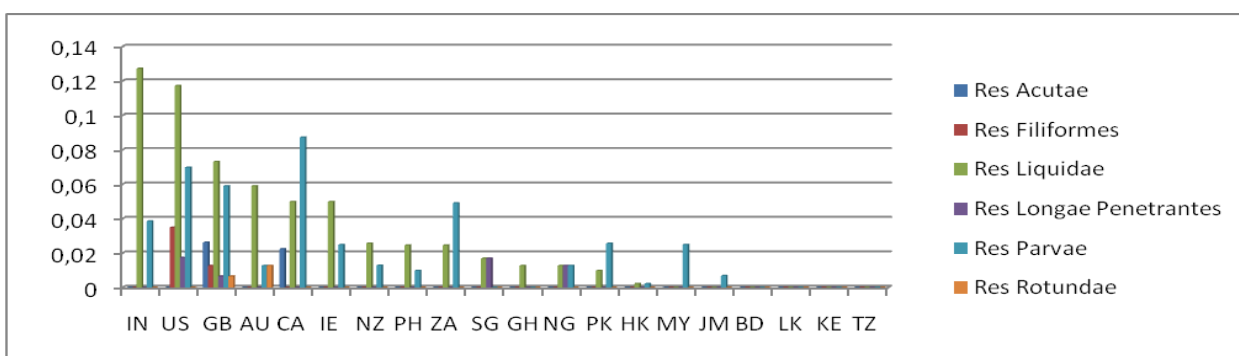

Рис.122. Криптоклассные портреты имени *sympathy* в корпусе NOW по идиомам

Национальная специфика проявляется в том, что австралийские и европейские варианты, а также большая часть азиатских идиомов в первую очередь рассматривают симпатию как жидкость, в то время как большинство африканских вариантов и вариант Карибского бассейна склонны отдавать предпочтение рукоятной характеристике (рис.122). В идиомах американского

ареала отсутствует отражение круглой характеристики, австралийские варианты склонны проводить категоризацию данной эмоции только посредством жидкого, рукоятного и круглого свойств, а азиатские и африканские варианты применяют только криптоклассы *Res Liquidae*, *Res Parvae* и *Res Longae Penetrantes*.

Близость национальных вариантов в корпусе NOW составила 54%, теснота связи идиомов азиатского ареала равна 68%, африканского – 69%, американского – 79%, австралийского – 93%, европейского – 96%.

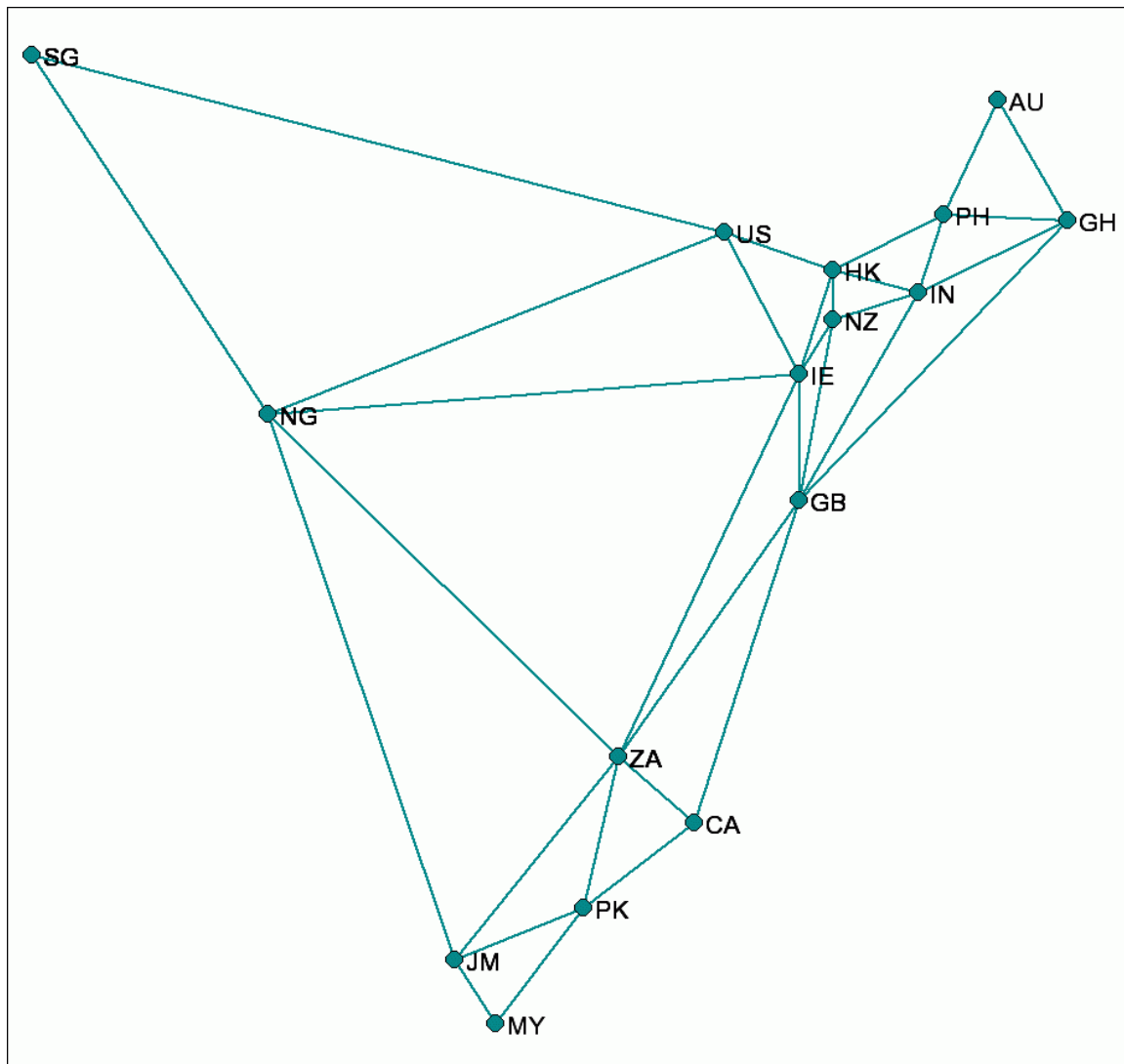

Рис.123. Карта *sympathy* по данным корпуса NOW

На карте (рис.123) образовалось два кластера: один – содержащий идиомы, обладающие максимальной коммуникативной востребованностью метафоры жидкости; второй – включающий национальные варианты с высокой значимостью категориального признака мелкий предмет. Верхняя

половина карты отражает языковые варианты, в которых доминирует криптокласс Res Liquidae (доля представленности данного криптокласса в варианте Ганы составляет 100%). Нижняя часть карты содержит идиомы, тяготеющие в первую очередь к криптоклассу Res Parvae (в вариантах Ямайки и Малайзии данный криптокласс является единственным используемым при категоризации сочувствия). Луч, уходящий влево и вверх, указывает на увеличение значимости криптокласса Res Longae Penetrantes (у нигерийского варианта треть обнаруженных в ходе криптоклассного анализа примеров относится к данному классу, в идиоме Сингапура этот показатель составляет 50%).

Идентичность данного имени в корпусах NOW и GloWbE составляет 94%. В корпусе GloWbE было обнаружено 93 соответствующих исследованию примера (рис.124). В связи с небольшим количеством примеров не было обнаружено ни одного словоупотребления с криптоклассами Res Longae Penetrantes и Res Rotundae.

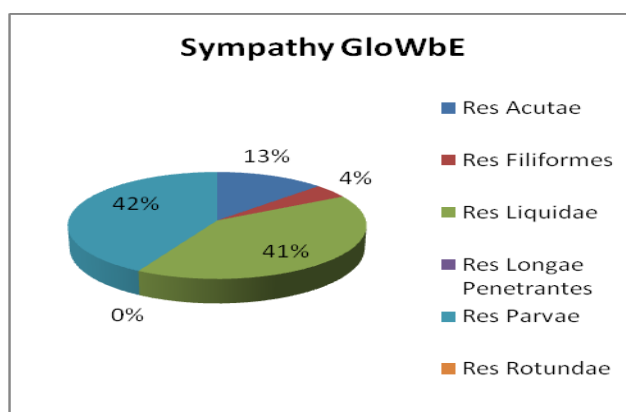

Рис.124. Криптоклассный портрет имени *sympathy* по данным корпуса GloWbE

В данном корпусе с небольшой разницей в 1% лидирует рукоятная характеристика симпатии (криптокласс Res Parvae) (42% или 39 примеров) (примеры 204), которая преобладает в восьми национальных вариантах (в том числе в большинстве вариантов азиатского ареала), в трех занимает вторую позицию (например, в европейском ареале) и в шести идиомах отсутствует (в том числе во всех идиомах африканского ареала).

(204) *The central characters failed to **grab sympathy**.*

*He merely **cast** some **sympathy** on a candidate.*

*The public would have **thrown sympathy** his way.*

I'll take all the sympathy I can get!

You're relying on the oppressor to take sympathy on the victim.

Во вторую очередь данная эмоция воспринимается как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (41% или 38 примеров) (примеры 205). Эта характеристика, как и криптокласс Res Parvae, была найдена в одиннадцати вариантах и в пяти из них является первым таксоном (в том числе в европейском ареале и новозеландском английском), в шести – вторым (например, в половине идиомов азиатского ареала) и в шести идиомах отсутствует (в том числе в карибском ареале и половине идиомов азиатского ареала).

(205) Shelley created a story where I hadn't felt such flow of sympathy between the creator and the monster.

And from empathy can flow sympathy.

The response is dripping with sadness and sympathy.

Klein was flooded with sympathies.

Cold altruism of a large hospital expire in a gush of warm sympathy.

British Foreign Secretary Hague's Zionist sympathies ooze from every pore.

When Rudyard Kipling was ill in America, the sympathy which was poured out to him was genuine and sincere.

A stream of sympathy for violent Islamist fundamentalism runs like a sewer.

В восьми национальных вариантах было обнаружено 13% примеров с криптоклассом Res Acutae, при этом в четырех из них он находится на первом месте (это варианты Канады, Филиппин, Шри-Ланки и Танзании) (пример 206), а в австралийском и карибском ареалах ни одного употребления обнаружено не было.

(206) A spike of sympathy pierced his heart.

[They felt] acute sympathy.

He felt keen sympathy with work of which he could not really judge.

I pursed my lips in sharp sympathy.

Были найдены единичные примеры для нитевидного свойства сочувствия (криптокласс Res Filiformes) в американском и британском вариантах английского языка (примеры 207).

(207) The endearing thread of love and sympathy makes readers return.
 The ties of love, resentment, need, duty and sympathy bind families together.
 All classes in England were bound together by brotherly sympathy.

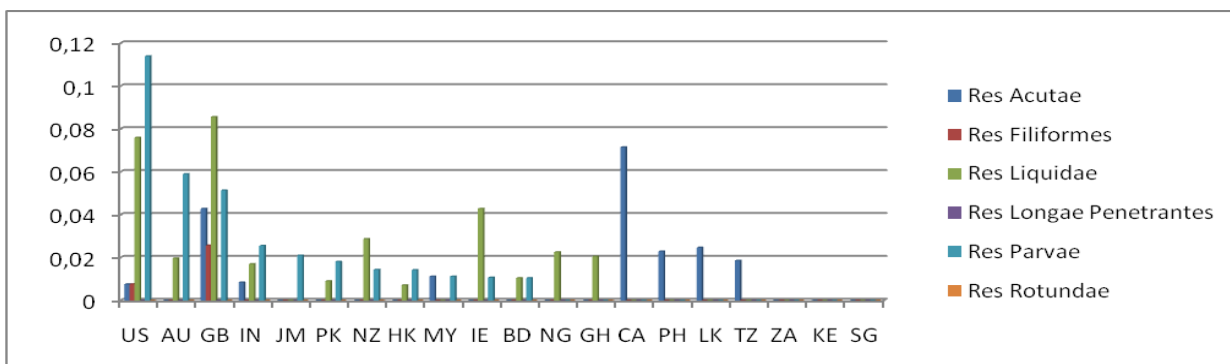

Рис.125. Криптоклассные портреты имени *sympathy* в корпусе GloWbE по идиомам

Было выявлено, что европейские варианты в первую очередь рассматривают симпатию как жидкость (криптокласс Res Liquidae), вариант Карибского бассейна и большинство азиатских вариантов склонны отдавать предпочтение рукоятному свойству (криптокласс Res Parvae), а 38% азиатских вариантов категоризируют симпатию в первую очередь как острый предмет (криптокласс Res Acutae). Австралийские варианты при метафоризации данной эмоции используют только криптоклассы Res Liquidae и Res Parvae, африканские идиомы прибегают к криптоклассам Res Acutae и Res Liquidae, а азиатские применяют криптоклассы Res Acutae, Res Liquidae и Res Parvae (рис.125).

Связь всех национальных вариантов составляет 39%, африканские варианты близки на 47%, азиатские – на 50%, европейские – на 92%, а австралийские – на 96%.

На полученной карте (рис.126) рассматриваемые варианты разбились на три группы: вверху расположены идиомы, отдающие предпочтение криптоклассу Res Liquidae (в вариантах Нигерии и Ганы жидкая характеристика является единственной, используемой при категоризации сочувствия), в центре находятся варианты, склоняющиеся в первую очередь к криптоклассу Res Parvae (максимально высокой значимостью данного криптокласса отличается вариант Ямайки), а внизу располагаются варианты, в которых лидирует криптокласс Res Acutae.

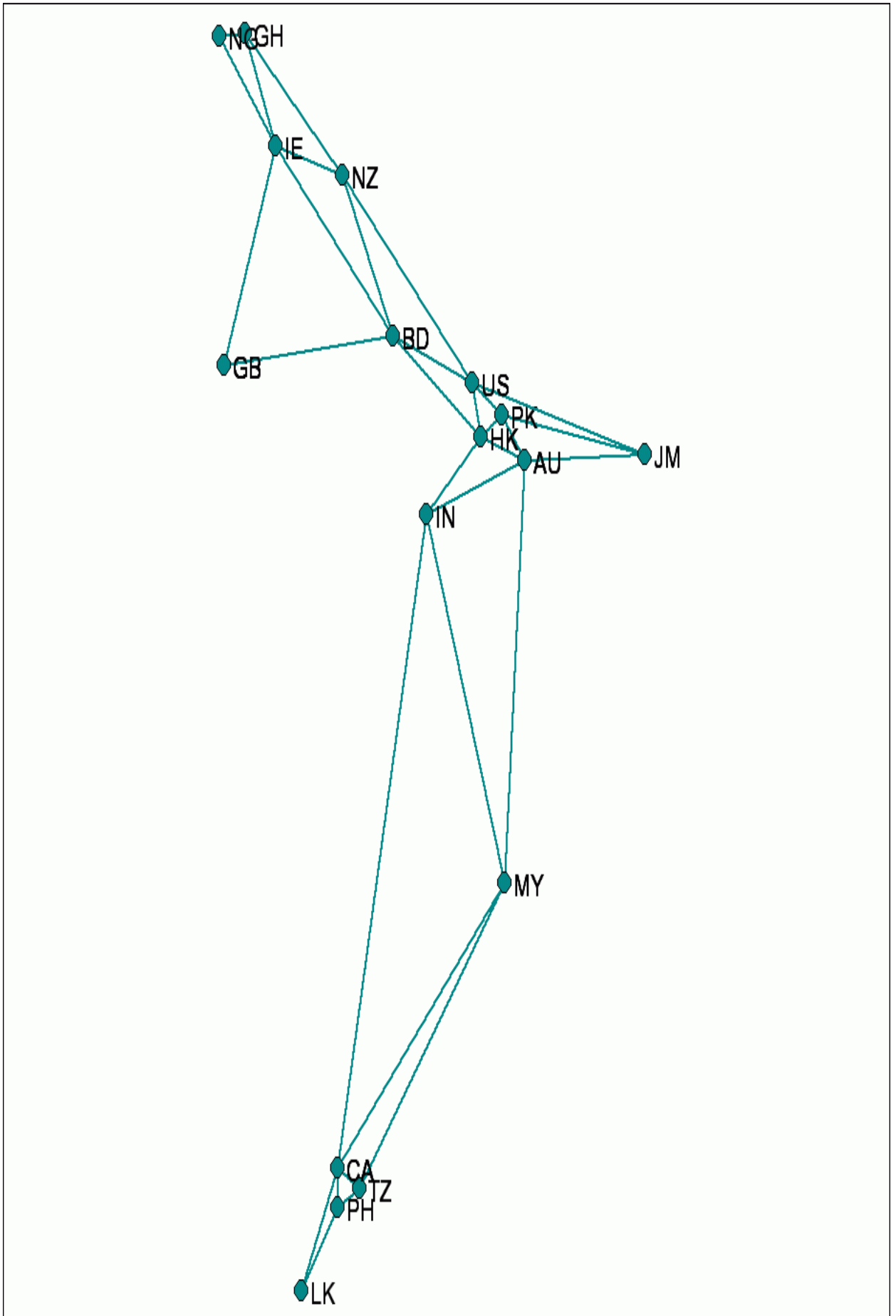

Рис.126. Карта *sympathy* по данным корпуса GloWbE

Нижнее ответвление сформировано из идиомов Шри-Ланки, Филиппин, Танзании и Канады из-за высокой значимости образа острой симпатии для лингвокультур этих регионов. На карте отображен континуум постепенной смены криптоклассных предпочтений от жидкой характеристики к рукоятной и далее – к острому свойству. При этом британский идиом образует ответвление в связи с наличием криптоклассов *Res Acutae* и *Res Filiformes*, что нетипично для данного кластера с доминирующим криптоклассом *Res Liquidae*.

В корпусе СОСА симпатия в первую очередь категоризуется как жидкость (криптокласс *Res Liquidae*) (47,62%), вторым приоритетом выступает рукоятное свойство (криптокласс *Res Parvae*) (33,33%), на третьем месте следует криптокласс *Res Acutae* (9,52), а на криптоклассы *Res Filiformes* и *Res Longae Penetrantes* приходится по 4,76% примеров. Близость корпусов СОСА и GloWbE составляет 96%, а СОСА и NOW – 99,4%.

2.1.20. Love

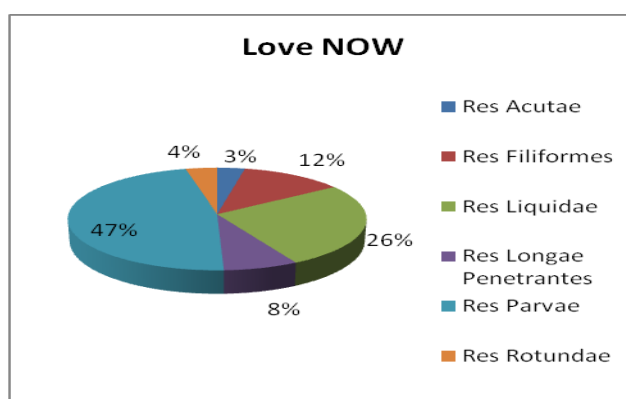

Рис.127. Криптоклассный портрет имени *love* по данным корпуса NOW

Нейробиологи связывают чувство любви с активацией допаминовой системы («частью системы подкрепления в мозгу»), которая лежит в основе алкогольной и наркотической аддикции и «ассоциируется с очень сконцентрированным вниманием, душевным подъемом, энергией, жадой, мотивацией» (Х.Фишер, цит. по [Апресян 2011а, с.32-33]). П.В. Симонов отмечает, что «любовь представляет собой некую разновидность потребности, которая возникла под влиянием социальной среды, этики и

мировоззрения того или иного общества» (цит. по [Кольцова, Токмакова 2015, с.105]).

В корпусе NOW было обнаружено 458 примеров с именем *love* (рис.127).

В первую очередь любовь, как и большинство рассматриваемых эмоций, категоризируется как рукоятный объект (криптокласс Res Parvae) (47% или 215 примеров) (примеры 208). Подобная характеристика является доминирующей в тринадцати вариантах английского языка, в двух она выступает вторым приоритетом (варианты Малайзии и Нигерии) и в двух отсутствует (варианты Шри-Ланки и Пакистана).

(208) *We catch a lot of flak and we catch a lot of love.*

It didn't take me long to see her grasp a love of the game.

The Oresteia with its grip on love, rage, murder, class and gender...

They start to pick up that love of reading.

Nothing in life, in death can take away the love of God...

Often they just throw back any love in your face.

На втором месте, что также типично для рассматриваемых эмоций, находится концептуализация любви в качестве жидкости (криптокласс Res Liquidae) (26% или 121 пример) (примеры 209). Подобное свойство было найдено в четырнадцати идиомах, при этом оно категоризируется как основное в трех вариантах английского языка (идиомы Шри-Ланки, Пакистана и Нигерии) и в трех идиомах полностью отсутствует (варианты Ганы, Сингапура и Малайзии).

(209) *The Tutu family has been overwhelmed by the deluge of love.*

I thought the love would flood in and I would feel so full of love.

When the heart is hard, love can not flow freely!

Don't forget the feel-good titles to the ones that ooze love and romance.

If you want to find God, look at the people who pour love into each other.

Pines liked how the students let their love of science spill out.

It's a splash of love.

Don't bottle up the stream of love within you.

If we are not living in the stream of love, it is felt as discord in mind.

We feel a wave of unconditional love wash over our wounded spirits.

Любовь также категоризуется как нитевидный объект (криптокласс Res Filiformes) (12%) (примеры 210), что находит отражение в двенадцати национальных вариантах, лидируя в малайзийском английском и отсутствуя в шести идиомах (например, в подавляющем большинстве африканских вариантов).

(210) The bonds of love and loyalty that bind the living and the dead.

[It] weaves the ties of love and connection that bind family members together.

In Eminem's new video love and violence intertwine seamlessly.

The ability to spin your love for the Giants into a conversation...

[It is] a story of a group of lovers tied together by the common thread of love.

The thread of love should not be broken, because a knot remains even if it is joined again.

The latest of her accomplishments continues to tie her love of nature with art.

Millions around the world are employed to use their creativity to twist our feeling of love into tools of manipulation.

They lift and swoop in an unpredictable weave of anarchy and love.

Но любовь может и пронзить (8%). Примеры употребления криптокласса Res Longae Penetrantes с именем *love* были обнаружены в семи национальных вариантах (например, в европейском и американском ареалах) (примеры 211), при этом данное свойство не было отражено в африканском и карибском ареалах.

(211) All it takes to sustain a dream forever is one tiny punch of powerful love.

May the reconciling love of Christ penetrate into the fabric of Filipino society.

Both would benefit from the tough love thrust upon them by a new leadership group.

Britain's love of shopping has thrust an unlikely group of people into the heart.

Помимо этого, в восьми национальных вариантах были найдены примеры употребления криптокласса Res Rotundae (4%) (примеры 212).

(212) It was Chiranjeevi who got the ball of love rolling.

Stories to make love roll.

There is enough love to go round and make the world a better place.

В шести вариантах английского языка актуализировалось острое свойство любви (криптокласс Res Acutae) (3%) (примеры 213), причем в данный список не вошел ни один идиом африканского и карибского ареалов.

(213) *The end of education kindled in me an **acute love** for books.*

*Mario displayed a **keen love** in sketching and caricatures.*

*[She had] a **pungent love** for fabric...*

*It compiles the films perfectly designed for those disillusioned or made bitter by **love's hurtful sting**.*

*...feel the **sting of love** lost or betrayal.*

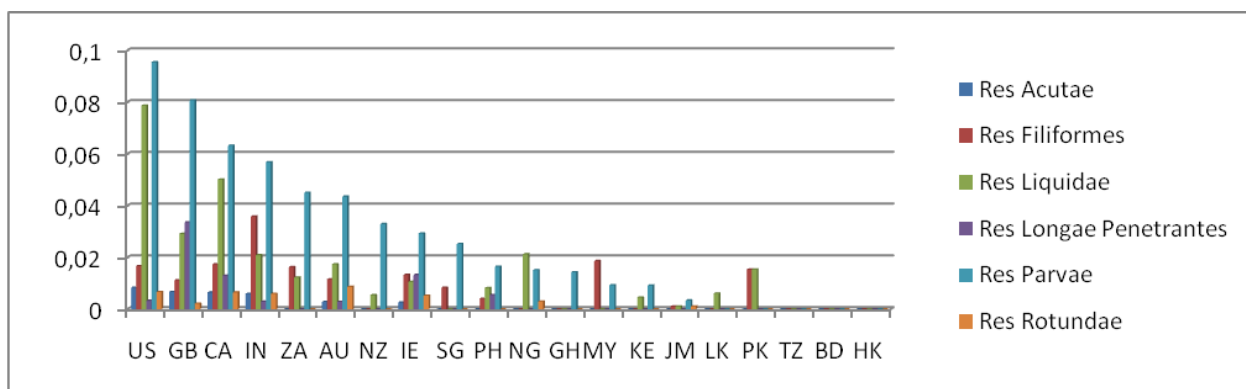

Рис.128. Криптоклассные портреты имени *love* в корпусе NOW по идиомам

Американские, австралийские, европейские, азиатские варианты английского языка при категоризации любви используют все выделенные криптоклассы, и только африканские варианты не применяют острое (Res Acutae) и пронизывающее (Res Longae Penetrantes) свойства рассматриваемой эмоции (рис.128).

Близость всех национальных вариантов составила 45%, теснота связи азиатских вариантов равна 61%, африканских – 72%, европейских – 94%, австралийских – 97%, а американских – 98,9%.

На составленной карте (рис.129) можно выделить три кластера: 1) наиболее многочисленный кластер с лидирующим криптоклассом Res Parvae, 2) группу из трех идиомов (Пакистана, Шри-Ланки и Нигерии), в которой преобладает жидкий криптокласс, 3) и группу, содержащую малайзийский вариант с максимально выраженным криптоклассом Res Filiformes. В центре карты располагаются варианты английского языка, в которых наиболее существенным является категориальный признак мелкий

предмет. В целом мы видим три направления криптоклассных предпочтений при категоризации эмоции любви: в сторону увеличения значимости рукоятного криптокласса (данная характеристика является единственной, обнаруженной в идиоме Ганы); в сторону роста коммуникативной востребованности образа нитевидного любви (данное свойство оказывается максимально проявлено в варианте Малайзии – 67%); и в сторону повышения значимости жидкого криптокласса (т.е. в сторону вариантов Пакистана, Шри-Ланки и Нигерии, где данный криптокласс является основным).

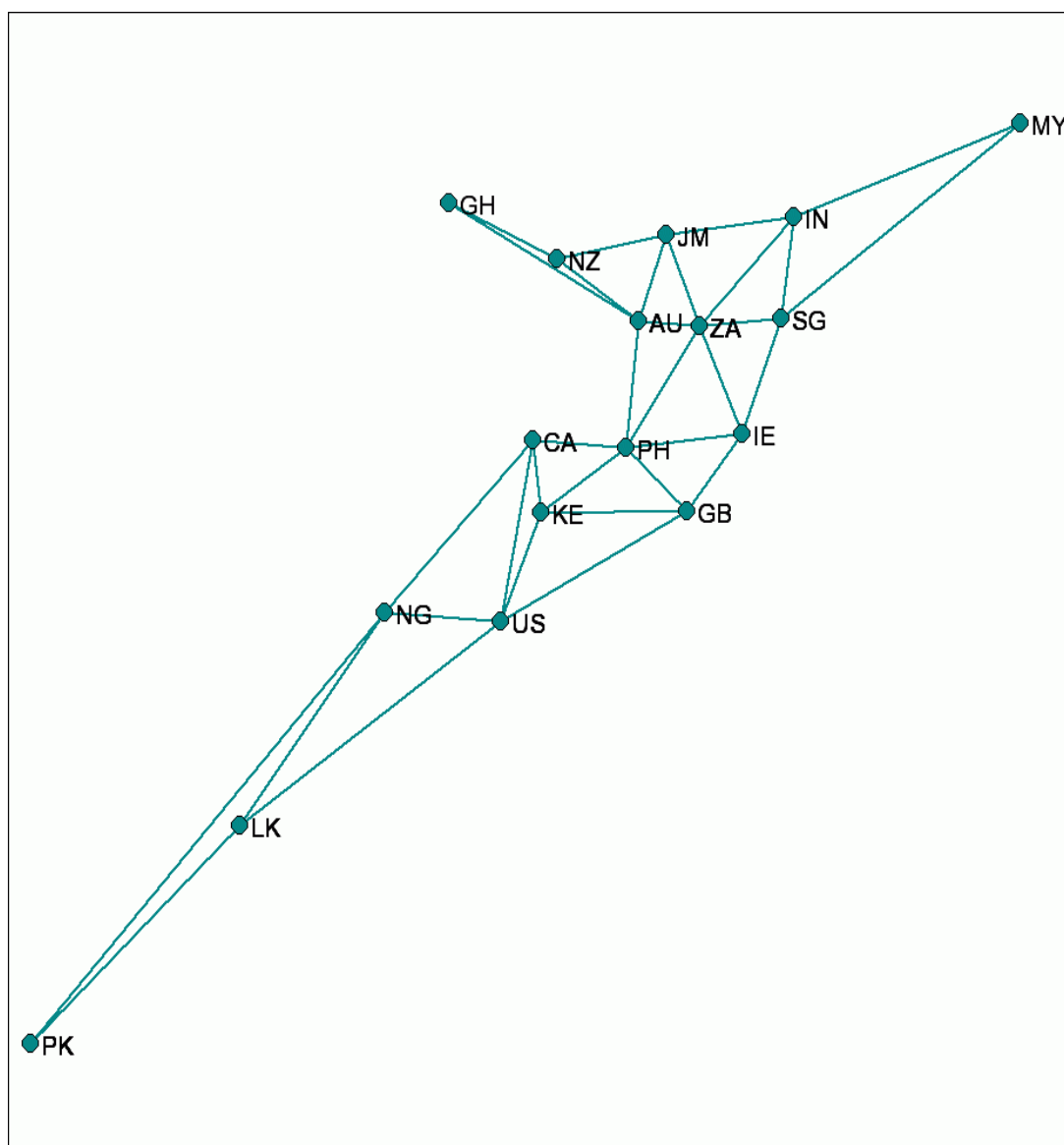

Рис.129. Карта *love* по данным корпуса NOW

Корреляция между корпусами NOW и GloWbE составила 98%. В корпусе GloWbE было обнаружено 1029 релевантных исследованию примеров с именем *love* (рис130).

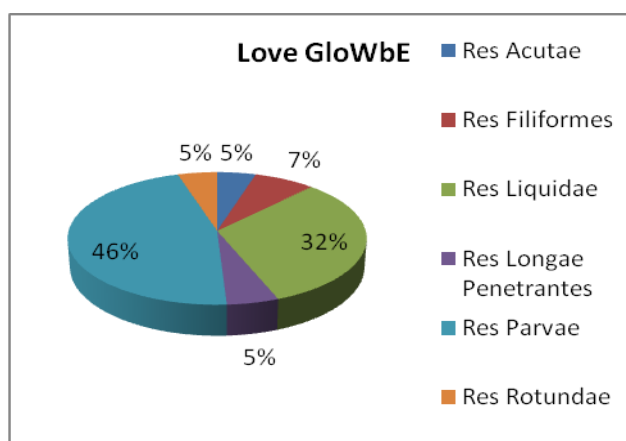

Рис.130. Криптоклассный портрет имени *love* по данным корпуса GloWbE

По данным корпуса GloWbE любовь в первую очередь категоризуется как рукоятный предмет (доля представленности криптокласса Res Parvae составляет 46% или 475 примеров) (примеры 214). Данный криптокласс был обнаружен во всех идиомах, при этом он выступает первым приоритетом для семнадцати из них, а для трех является вторым таксоном.

(214) *He comes to you, and casts upon you his love and blessings.*

We are going to pick a set of emotions, for demonstration I will pick love and hate.

She blamed herself for snatching her daughter's love from her.

Don't throw our love away, you know it's never too late.

I feel like he has thrown back my love at me.

... he added, before throwing some love to his wife in the audience.

He decided to throw all of his love onto directing motion capture films.

Being properly joined does not just happen naturally, it takes lots of love, effort and patience to really join yourself with your spouse.

Во вторую очередь любовь категоризуется как жидкость (т.е. данный эмоним является метафоронимом криптокласса Res Liquidae) (32% или 329 примеров) (примеры 215). Данная характеристика встречается во всех национальных вариантах и в трех из них лидирует (идиомы Бангладеш, Пакистана и Ирландии).

(215) *This one small trickle of compassion might open up a deluge of love that will wash their greed away.*

I always say that ones words need to be dripping with love.

Movies and romantic stories tell you that the other person will flood your life with love.

*And when she was in my arms, a **flood** of **love** **washed** over me.
And the next morning, my room was **flooded** with **love**, **liquid love**.
Between the two banks of life and death, **flows** the **river** of **love**.
We bring the hands together at the heart chakra to increase the **flow** of Divine **love**.
I felt a **surge** of energy and **love flow** through me.
A **spring** of **love gushed** from my heart.
But it will become a spiritually dead thing if **love leaks** out.
Each chef we chat to always **oozes** incredible **love** for food.
God's **love** has been **poured** into our hearts through the Holy Spirit that has been given to us.
This blog will be used as a platform to **spill** the hate and **love** through my words.
His **love** of life **spills** over and inspires you.
The tradition of wedding rings comes from the circular shape symbolising an
endless **stream** of **love**.*

Помимо этого любовь категоризуется как нитевидный объект (доля представленности криптокласса Res Filiformes составляет 7%) (примеры 216), что подтверждается в семнадцати национальных вариантах, но при этом отсутствует в идиомах Бангладеш, Филиппин и Ганы.

*(216) In Marx and Engels, communism essentially attempts to eradicate the **love** that **binds** families, such that there is no need for family anymore.
And over all these virtues put on **love**, which **binds** them all together in perfect unity. (Colossians 3:12-14)
Love and loss are **intertwined** in the personal epiphanies;
We know that al-Qaida and the Taliban do not **spin** the perfect **love**...
Love is a **thread** binding your hearts and souls together and making you one.
The common **thread** of **love** forms our community even though we be scattered throughout the earth.
Those who are **bound** by **ties** of **love** can be sitting in silence for a couple of hours.
The **love** that **ties** them together was in that letter.
When **love twists** into hate, there's nothing you won't do.
Weaving together true **love**, tragedy, horror, the sacrifice of life, unexpected heroism...
If you'll excuse the pun, there's so much **love woven** into every stitch.*

В двенадцати идиомах были обнаружены примеры, подтверждающие способность любви пронзать (доля представленности криптокласса Res Longae Penetrantes составила 5%) (примеры 217). Подобные словоупотребления оказались абсолютно нетипичными для карибского ареала, для 60% вариантов африканского ареала и для половины азиатских идиомов.

(217) *Her utter love of Judy Garland sticks in my mind.*

Pray that God's love would penetrate their hearts and that they would be freed.

Nothing but love can penetrate this wall of pink light that surrounds you.

... punch of first love and first loss.

Does love pierce? Does love stab? To know, we need not look anywhere but within our own experience.

...the wound that he received from Kazuha, as the "stab of love".

В шестнадцати национальных вариантах подтверждается круглая характеристика любви (криптокласс Res Rotundae представлен на 4,8%) (примеры 218), отсутствующая в двух африканских (идиомы Ганы и Танзании) и двух азиатских (варианты Пакистана и Малайзии) национальных вариантах английского языка.

(218) *There was a lot of love going round!*

All different in our own way but all coming together as one giant ball of unconditional love.

...identity, loss, redemption, and love all rolled into one.

В семнадцати идиомах любовь воспринимается как острый предмет (показатель криптоклассной активности Res Acutae равен 4,7%) (примеры 219), причем подобные словоупотребления оказались нехарактерны только для африканского ареала (примеры с острым криптоклассом не были найдены в идиомах ЮАР, Кении и Ганы).

(219) *The acute love that the poet feels for his dead friend...*

Eventually his love will be as keen as that of a calf for its mother cow.

Let your prayers become arrows of love that will pierce the Divine Will to obtain your desires.

Only love can pierce the 'cloud of unknowing' which lies between Him and us.

The poignant love between father and son and their difficulties in running a household...

*In Yekaterinburg, central Russia, he was met with a picture of desperation, **punctured** by **love**, humanity and misplaced hope.*

*But my **love** is solid and **sharp**, capable of **piercing** through any obstacle.*

*King Duncan: "And Macbeth's great **love** (**sharp** as his spur) hath helped him to his home before us."*

*He anguished over her and fell ill with the biting **sting** of unrequited **love**.*

***Love** sometimes **stings**, and I got scars from her infidelities.*

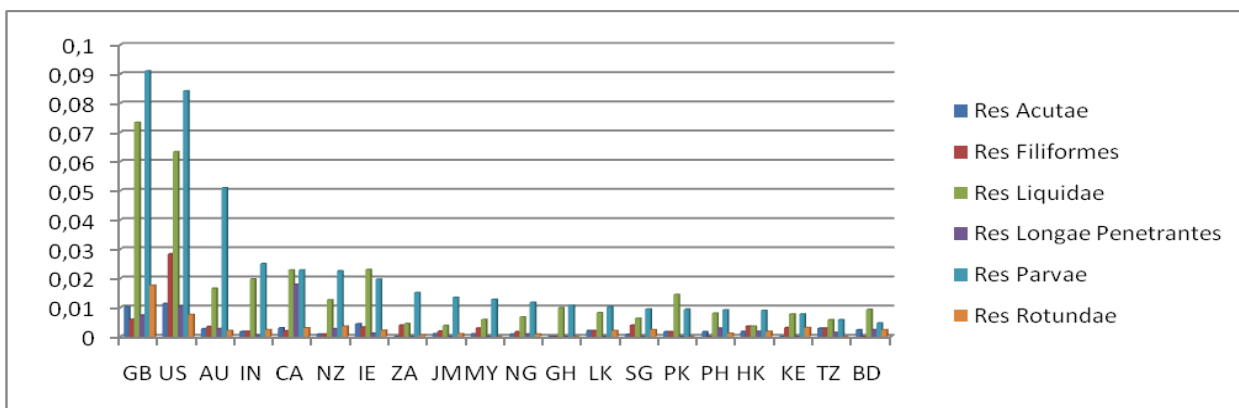

Рис.131. Криптоклассные портреты имени *love* в корпусе GloWbE по идиомам

Среди ареальных особенностей (рис.131) можно обозначить что американские, австралийские и европейские идиомы при категоризации любви используют все выделенные криптоклассы, идиом карибского ареала не применяет криптокласс Res Longae Penetrantes, а для большинства африканских вариантов не свойственно использование острой характеристики (криптокласс Res Acutae). В целом близость всех национальных вариантов по данным корпуса GloWbE составляет 43%, американские идиомы коррелируют на 74%, теснота африканских вариантов составляет 88%, европейские варианты близки на 96%, а австралийские – на 97%.

На карте (рис.132) можно наблюдать континуум постепенных переходов от максимальной представленности криптокласса Res Parvae, наблюдаемой у австралийского идиома (представлен на 65%), до максимального значения жидкого криптокласса у варианта Бангладеш (доля представленности составляет 45%). При этом от данной диагонали отходят три луча, отражающие наибольшую представленность других свойств: так, в кенийском варианте была выявлена наибольшая значимость криптокласса

Res Rotundae (14%); танзанийский английский отличается максимальной представленностью криптокласса Res Acutae (15%); а в канадском английском наиболее ярко (по сравнению с другими идиомами) проявилось пронизывающее свойство любви (доля представленности криптокласса Res Longae Penetrantes составляет 25%).

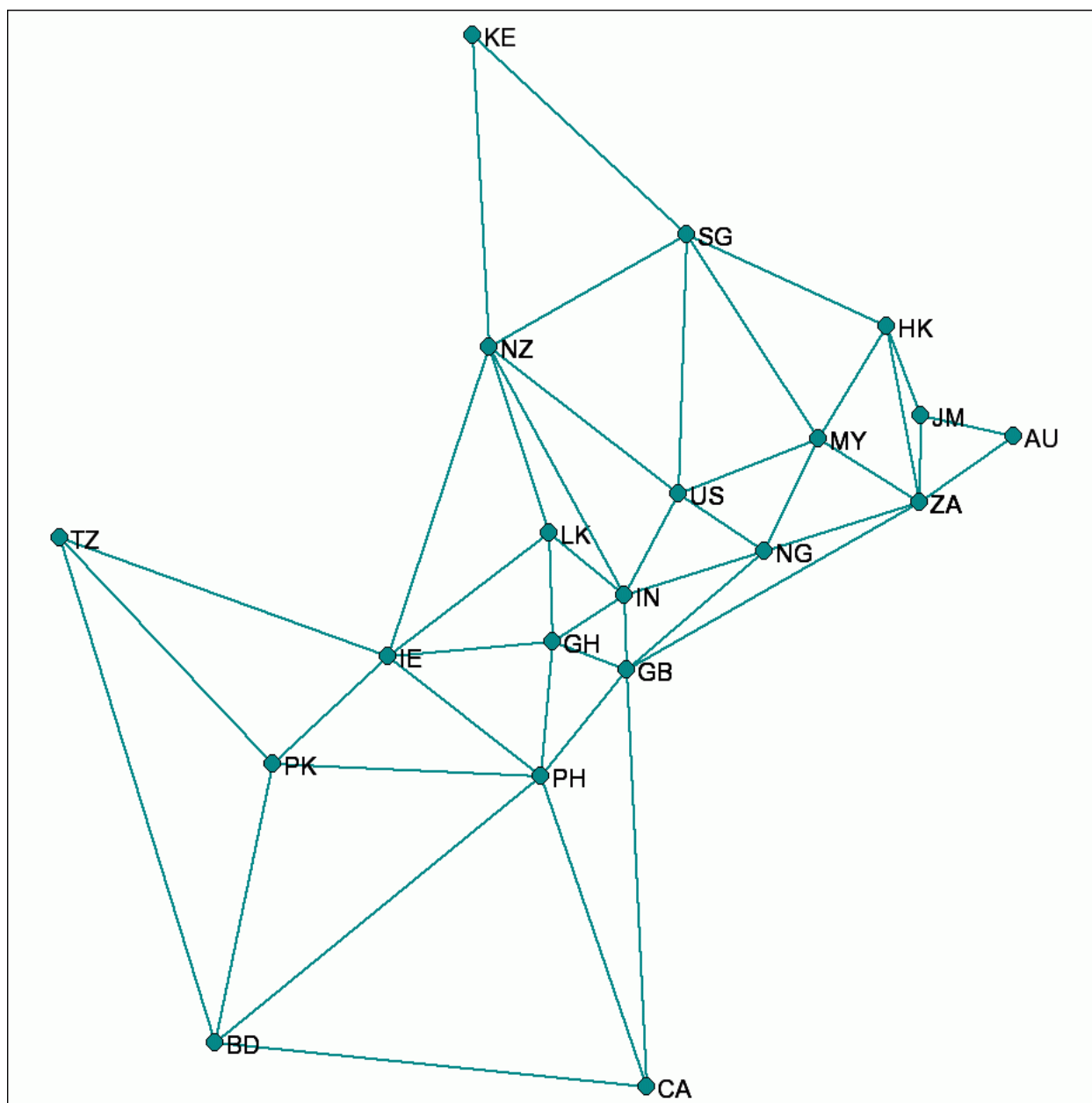

Рис.132. Карта *love* по данным корпуса GloWbE

По данным ИС COEL в американском варианте английского языка любовь в первую очередь категоризуется в качестве рукоятного предмета (криптокласс Res Parvae) (40,83%), на втором месте располагается свойство жидкости (криптокласс Res Liquidae) (37,92%), в третью очередь данное имя категоризуется как нитевидное (криптокласс Res Filiformes) (15,42%), на

2,92% эта эмоция способна пронзить (криптокласс Res Longae Penetrantes), на 2,5% способна проявить остроту (криптокласс Res Acutae), на последнем месте по представленности располагается криптокласс Res Rotundae (0,42%). Коэффициент корреляции между корпусами СОСА и NOW составил 94%, а между данными корпуса СОСА и американским вариантом английского языка, представленным в NOW – 98%. Корреляция между корпусами СОСА и GloWbE равна 95%.

2.1.21. Shame

Shame определяют как «базовую этическую эмоцию», которая «концептуализуется как фундаментальная человеческая способность, отсутствие которой представляется существенным отклонением от нормы» [Апресян 2011b, с.79]. Всего в корпусе NOW было найдено 129 релевантных исследованию примеров с именем *shame* (рис.133).

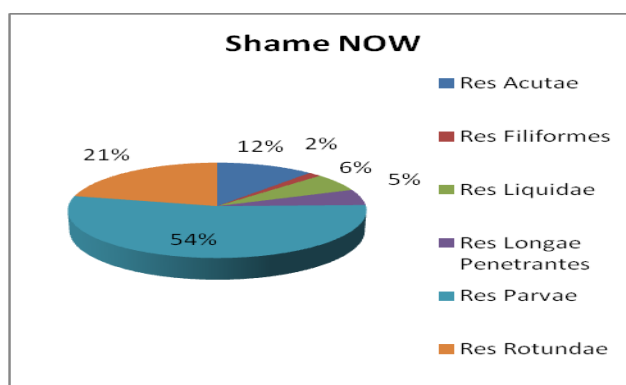

Рис.133. Криптоклассный портрет имени *shame* по данным корпуса NOW

Данная эмоция категоризуется в первую очередь как небольшой предмет, помещающийся в руке (криптокласс Res Parvae) (54% или 70 примеров) (примеры 220). Подобная характеристика оказалась наиболее приоритетной для девяти национальных вариантов (в том числе для вариантов американского ареала), в трех случаях она занимает вторую позицию (например, в европейских вариантах) и в двух оказалась не востребуемой (в идиомах Пакистана и Кении).

(220) His gaze cast more shame upon me than his words ever could.

[He] can't quite grasp the so-called shame of the situation.

He's taken his own shame and turned it into something good.

*By throwing it on the statue we are **throwing** our **shame** to whites' affluence.*

Во вторую очередь стыд категоризуется как круглый предмет (криптокласс Res Rotundae) (22% или 28 примеров) (примеры 221). Данный криптокласс был найден в шести национальных вариантах (в том числе в австралийском ареале), при этом для трех идиомов он выступает в качестве преобладающего (например, для европейского ареала), но ни в одном из азиатских вариантов не применяется.

*(221) Jones collapsed into a curled-up **ball** of **shame**, moaning.*

***Shame** begins to **roll**.*

На третьем месте находится острое свойство данного имени (криптокласс Res Acutae) (11%) (примеры 222), примеры которого были найдены в шести национальных вариантах (например, в австралийском ареале), причем для пакистанского английского это единственная характеристика, используемая при категоризации стыда (т.е. доля представленности криптокласса Res Acutae в указанном идиоме составляет 100%), в то время как для африканского ареала данное свойство оказалось не востребовано.

*(222) [He was] seized by **acute shame**.*

***Shame** is so **acute** that a Minister would resign.*

*I felt a **sting** of **shame** for him.*

В шести национальных вариантах были найдены примеры использования метафоры жидкости (криптокласс Res Liquidae) (6%) (примеры 223), причем для кенийского английского данный способ категоризации стыда является наиболее приоритетным.

*(223) Fennelly's stumbling responses became a **flow of shame**.*

***Pour shame** and contempt on our President and indeed the entire nation.*

*I suffer the American **splash of shame**.*

*He felt **shame trickle** down his fame.*

*And a tsunami of **shame** will **wash** over you.*

Также стыд может рассматриваться как длинно-тонкий предмет (криптокласс Res Longae Penetrantes) (5%) (примеры 224), словоупотребления которого характерны для шести вариантов английского языка.

(224) *but I had a visceral response - a gut **punch** of shock and **shame**.*

*They had obviously converted to Christianity or Islam unable to bear the **shame** the Hinduism had **thrust** on them in the name of caste.*

Единичные примеры категоризации стыда как нитевидного объекта были обнаружены в американском варианте (криптокласс Res Filiformes) (1,5%) (пример 225):

(225) *The Yosts' glory is irrevocably **intertwined** with its **shame** and fall.*

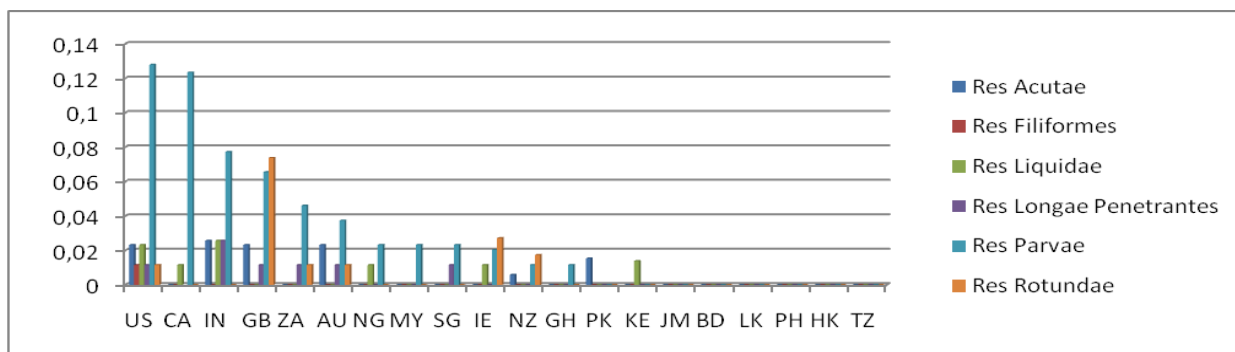

Рис.134. Криптоклассные портреты имени *shame* в корпусе NOW по идиомам

Среди национальных особенностей категоризации данной эмоции можно выделить, что американские варианты отдают приоритет рукоятному криптоклассу, а европейские – круглому свойству, помимо этого африканские варианты при концептуализации не прибегают к характеристике остроты, азиатские игнорируют круглый криптокласс, а австралийские варианты не используют жидкое свойство стыда (рис.134).

Близость всех национальных вариантов в корпусе NOW составила 46%, теснота связи африканских вариантов равна 47%, азиатских – 63%, австралийских – 83%, европейских – 89%, американских – 99,7%.

На составленной карте (рис.135) можно обозначить четыре кластера в зависимости от преобладающего криптокласса: наиболее многочисленную группу составляют идиомы с лидирующим криптоклассом Res Parvae; группа, где в качестве первого таксона выступает криптокласс Res Rotundae, состоит из трех идиомов; группы, в которых доминируют криптоклассы Res Liquidiae и Res Acutae, содержат по одному члену.

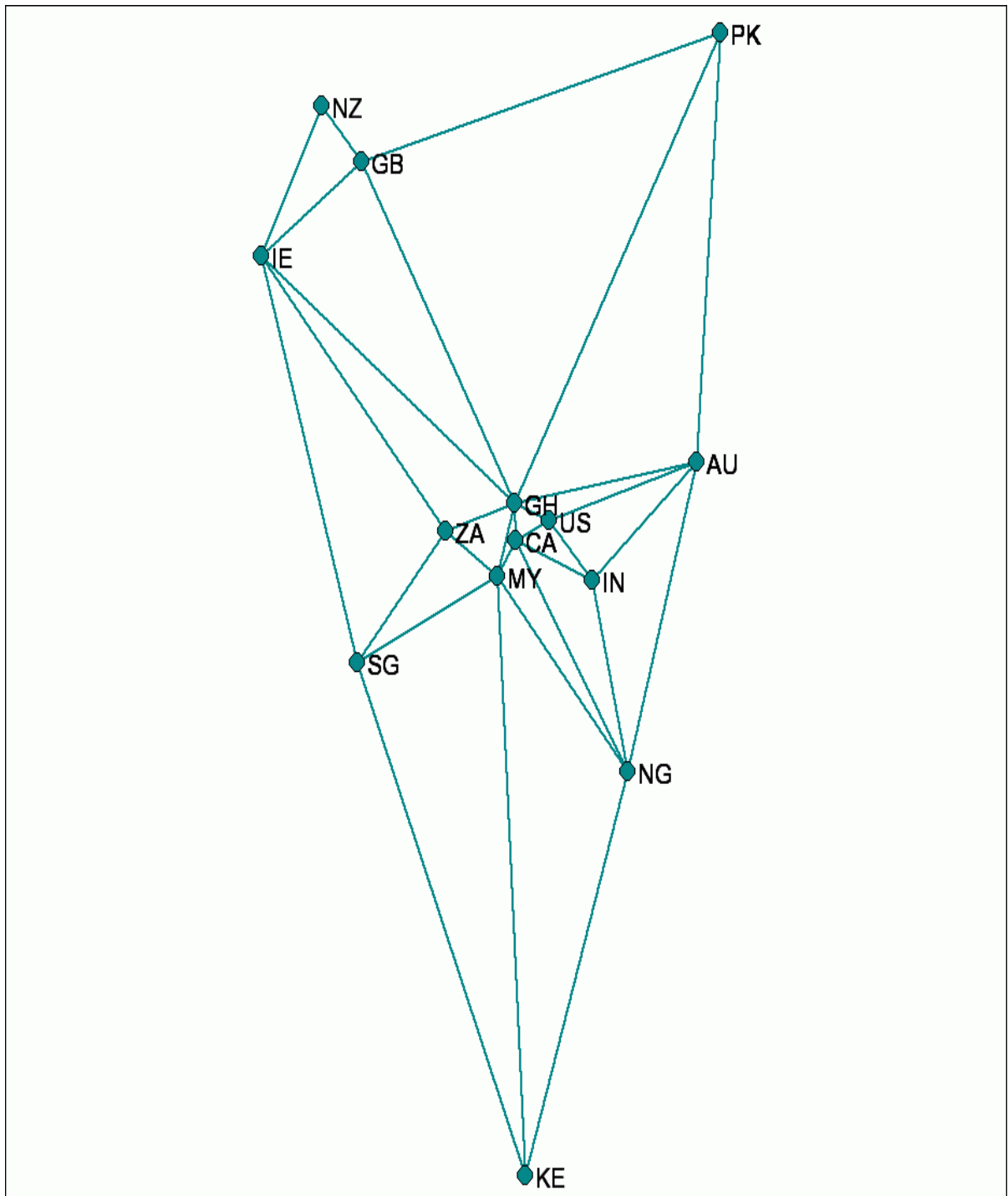

Рис.135. Карта *shame* по данным корпуса NOW

В центре карты расположились национальные варианты, в которых наиболее существенным является категориальный признак мелкий предмет (криптокласс *Res Parvae*). Верхний правый угол содержит идиомы с максимально высокой значимостью криптокласса *Res Acutae* в языковой категоризации стыда (самым существенным свойство остроты оказывается для варианта Пакистана). Нижний угол указывает на увеличение коммуникативной востребованности метафоры жидкости, лежащей в

основании криптокласса Res Liquidae (максимально выраженной данная характеристика выступает в кенийском варианте). Верхний левый угол состоит из вариантов, в которых проявляется высокая значимость образа круглого стыда (у вариантов Великобритании, Ирландии и Новой Зеландии доля представленности круглого криптокласса варьируется от 44% до 50%). В центральной группе также можно обозначить основные тенденции. Так, идиомы Ганы и Малайзии, расположенные в центре, категоризируют стыд исключительно при помощи криптокласса Res Parvae. Вторым приоритетом австралийского идиома выступает криптокласс Res Acutae, поэтому он расположен по направлению к пакистанскому варианту. Вторым приоритетом нигерийского идиома выступает криптокласс Res Liquidae, в связи с чем он направлен в сторону кенийского варианта. В сингапурском же варианте вторым приоритетом выступает криптокласс Res Longae Penetrantes.

Теснота связи между корпусами NOW и GloWbE для имени *shame* составляет 90%. В корпусе GloWbE было обнаружено 226 релевантных исследованию примеров (рис.136).

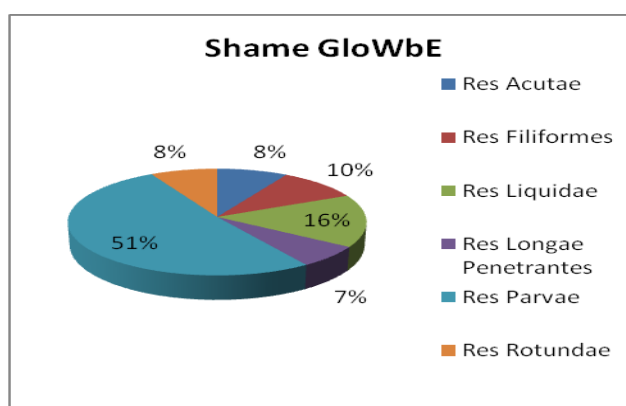

Рис.136. Криптоклассный портрет имени *shame* по данным корпуса GloWbE

По данным корпуса GloWbE в первую очередь стыд воспринимается как рукоятный объект (криптокласс Res Parvae) (51% или 116 примеров) (примеры 226). Данная характеристика используется во всех национальных вариантах, для шестнадцати из них является наиболее приоритетной и для четырех – второй по частотности употребления (это варианты Филиппин, Пакистана, Сингапура и ЮАР).

(226) *They can not cast shame.*

History is written by winners but shame is cast on them when the truth is revealed.

Did you pick up shame as a replacement?

I could not take any more shame or blame.

Those nations threw shame on our colonial past.

Вторым приоритетом данной эмоции выступает жидкая характеристика (криптокласс Res Liquidae) (16% или 36 примеров) (примеры 227), которая применяется в одиннадцати вариантах английского языка, но отсутствует в большинстве азиатских (варианты Бангладеш, Индии, Шри-Ланки, Малайзии, Пакистана) и африканских (варианты Кении, Нигерии, Танзании) идиомов.

(227) I laughed along with my peers while shame flooded me.

The wash of guilt and shame and joy flooded over me.

Shame flowed on the tide of the Babylonian religion into the Roman world.

Doug oozes shame.

There was plenty of judgment and shame poured out in this movie.

All the shame spills out of me.

My shame splashed...

I listened to this song and felt a wave of shame washing over me.

A tide of hot shame washed over me.

Также данная эмоция категоризуется как нитевидный предмет (10%) (примеры 228). Криптокласс Res Filiformes характерен для десяти вариантов английского языка (варианты американского, австралийского, европейского ареалов и половина идиомов азиатского ареала), причем в филиппинском английском он оказывается наиболее востребованным при категоризации стыда, а в идиомах африканского и карибского ареалов не используется вообще.

(228) When Satan tries to bind you with shame again, use the sword of the Spirit of God's Word to resist.

I discovered that I had been bound by shame all my life.

Religion without grace can tie shame around our souls like a choke chain and never offer relief.

В девяти вариантах английского языка проявилась острота данной эмоции (например, в австралийском ареале) (криптокласс Res Acutae) (8,4%)

(примеры 229), при этом данная характеристика лидирует в вариантах Пакистана и Сингапура.

(229) *For Tammy it was far worse and she still felt acute shame.*

The shame is very acute only occurring at the time of the abuse and not after.

Shame pierced through me...

Nobody will mention them uncritically without feeling a prick of shame.

I felt the hot sting of shame and humiliation.

Для шести национальных вариантов актуальным оказался криптокласс Res Rotundae (в том числе для европейских идиомов) (8%) (примеры 230).

(230) *...shame rolls downhill.*

It took me about three sessions to stop curling up into a ball of shame.

Помимо этого проявилось свойство стыда как длинно-тонкого предмета (6%) (пример 231). Криптокласс Res Longae Penetrantes используется в семи вариантах (например, в европейском ареале), являясь первым таксоном для южноафриканского английского.

(231) *I think of you and feel a stab of shame.*

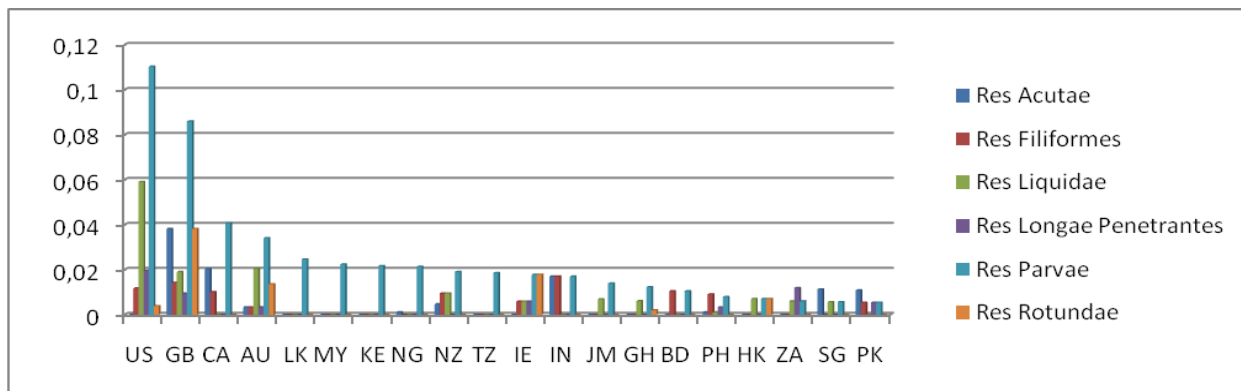

Рис.137. Криптоклассные портреты имени *shame* в корпусе GloWbE по идиомам

Рукоятное свойство (криптокласс Res Parvae) является наиболее приоритетным для американских, австралийских, европейских, большинства африканских вариантов и варианта Карибского бассейна, при этом ни один из африканских вариантов не прибегает к категоризации посредством криптокласса Res Filiformes (рис.137).

Близость всех национальных вариантов составила 36%, теснота связи африканских вариантов равна 56%, американских – 62%, европейских – 63%, австралийских – 74%.

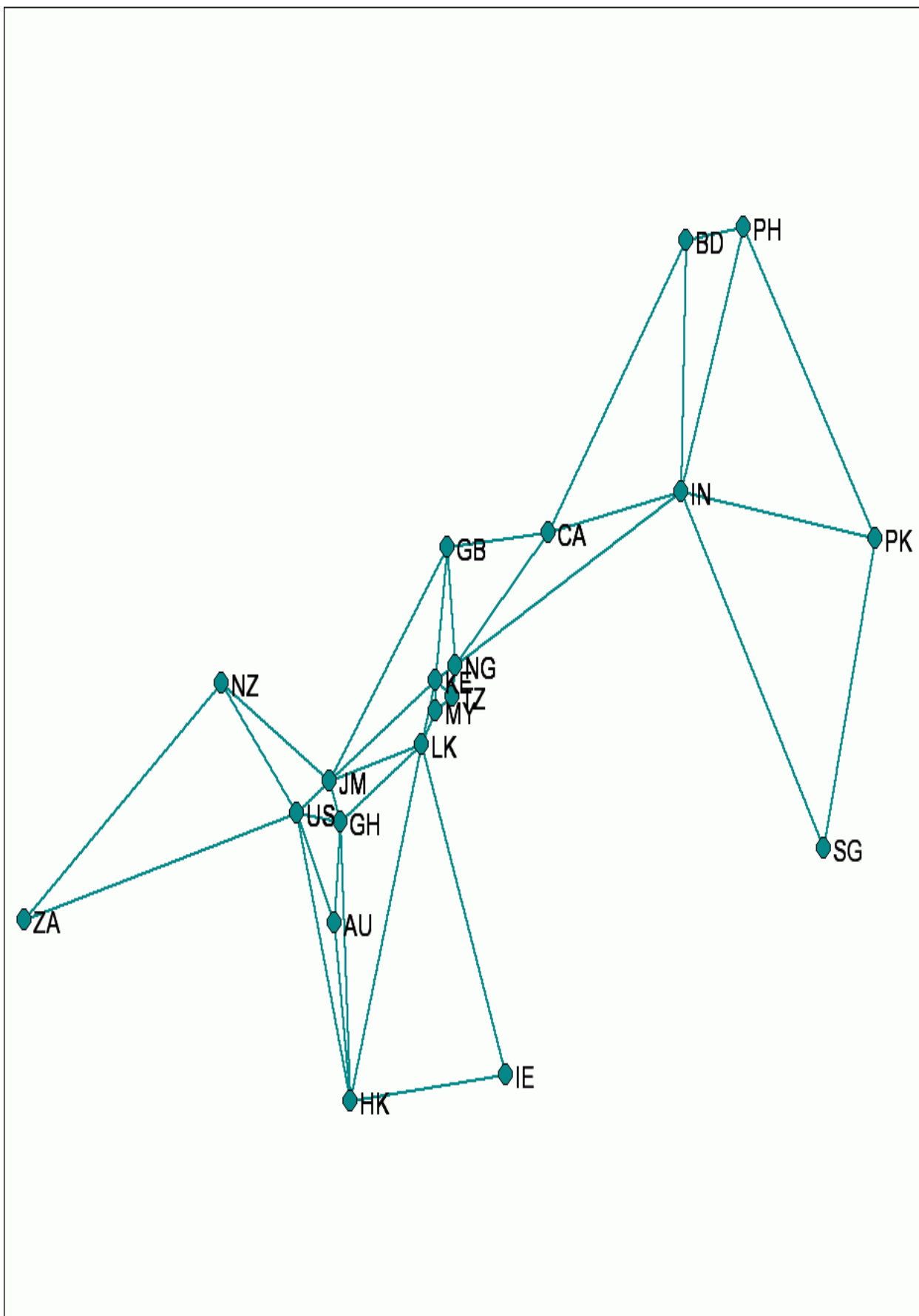

Рис.138. Карта *shame* по данным корпуса GloWbE

На карте (рис.138) можно обозначить четыре кластера: 1) к наиболее многочисленному относятся идиомы, в которых лидирует криптокласс *Res Parvae*, 2) вторую группу представляют два национальных варианта (идиомы Пакистана и Сингапура), в которых доминирует криптокласс *Res Acutae*, 3) еще одну группу формируют варианты с высоким показателем представленности криптокласса *Res Filiformes* (идиомы Филиппин и Бангладеш), 4) и последняя группа состоит из одного члена, в котором доминирует криптокласс *Res Longae Penetrantes* (это вариант ЮАР). В центре карты расположились варианты, в которых наиболее существенным является категориальный признак мелкий предмет. Выделенный справа азиатский кластер разбивается индийским вариантом на две части: верхнюю, с высокой значимостью образа нитевидного стыда (доля представленности криптокласса *Res Filiformes* у варианта Филиппин составляет 40%, а у Бангладеш – 50%), и нижнюю, в которой превалирует острая характеристика рассматриваемой эмоции (максимально высокая значимость криптокласса *Res Acutae* наблюдается у пакистанского варианта - 40%, и у сингапурского – 50%). Нижняя часть карты отражает увеличение коммуникативной востребованности метафоры шара (у вариантов Ирландии и Гонконга треть обнаруженных примеров относится к круглому криптоклассу). Луч, уходящий влево, указывает на рост важности пронизывающей характеристики при категоризации стыда (у варианта ЮАР данный показатель максимален).

В корпусе СОСА, отражающем американский национальный вариант английского языка, стыд в первую очередь категоризуется как небольшой предмет, помещающийся в руке (криптокласс *Res Parvae*) (46,94%), вторым приоритетом является криптокласс *Res Liquidae* (32,65%), на 8,16% актуализировались характеристики остроты (криптокласс *Res Acutae*) и нитевидности (криптокласс *Res Filiformes*), а на 4,08% - способность пронзть (криптокласс *Res Longae Penetrantes*). Теснота связи между корпусами СОСА и NOW составила 70%, между корпусами СОСА и GloWbE – 89%, при этом американский вариант, представленный в данных корпусах, отразил более сильную близость: так, коэффициент корреляции между

корпусом COCA и американским вариантом, представленным в NOW, составляет 83%, а между COCA и американским вариантами GloWbE – 96%.

2.1.22. *Guilt*

Согласно данным нейронаук, когда человек ощущает вину, активизируется островок головного мозга, ответственный также за возникновение отвращения, возникшего в процессе эволюции для определения съедобной пищи, что способствует рассмотрению эмоции вины как отвращения по отношению к себе [Aamodt, Wang 2008]. В корпусе NOW было обнаружено 164 релевантных исследованию примера с именем *guilt* (рис.139).

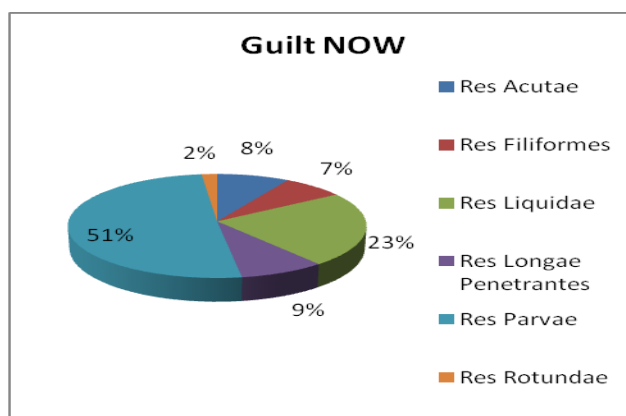

Рис.139. Криптоклассный портрет имени *guilt* по данным корпуса NOW

Больше половины словоупотреблений (51% или 83 примера) данной эмоции описывают ее рукоятную способность (криптокласс Res Parvae) (примеры 232), лидирующую в одиннадцати национальных вариантах, хотя в новозеландском и пакистанском английском криптокласс Res Parvae обнаружить не удалось.

(232) ***Guilt*** has already been ***cast*** on Arab and Muslim Americans.

She couldn't ***take*** the ***guilt*** and the responsibility anymore.

You can ***take*** any ***guilt*** or shame by the hand, invite it in for tea, and open yourself.

Throw guilt down the drain as it is a useless emotion.

Don't carry around the ***guilt*** they may ***throw*** at you.

Во вторую очередь вина категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (23% или 38 примеров) (примеры 233), что типично для семи национальных вариантов (например, для идиомов американского и

европейского ареалов). Данный криптокласс является преобладающим в нигерийском и южноафриканском английском, но совершенно отсутствует в австралийском и карибском ареалах.

(233) *I'd get massive waves of guilt and revulsion and throw them all away.*

The room was dripping with guilt.

Guilt would have flooded my every pore.

I experienced a brief stab of disappointment, followed by a flood of guilt.

I must admit the guilt starts flowing every time I read one of these studies.

Guilt oozed from every orifice.

Guilt and remorse will pour from them as surely as if they were ripe grapes.

He is splashing them with guilt.

I instantly felt a wave of guilt wash over me.

Помимо этого вина воспринимается как пронизывающий объект (криптокласс Res Longae Penetrantes) (9%) (примеры 234). Примеры словоупотреблений данного свойства были найдены в семи национальных вариантах (например, в американском ареале), при этом в филиппинском английском данный криптокласс лидирует, а в идиомах африканского и карибского ареалов подобных словоупотреблений обнаружено не было.

(234) *[He was] speared by guilt for having been frustrated.*

I felt a stab of guilt.

[She felt] the pangs of stabbing guilt for choosing to leave.

I have had guilt thrust upon me.

Вина может быть не только пронизывающей, но и острой (криптокласс Res Acutae) (8%) (примеры 235), что подтверждается в девяти национальных вариантах английского языка, причем в пакистанском английском данный криптокласс является единственным применяемым при категоризации вины.

(235) *My guilt was particularly acute because I'm fundamentally an editor.*

She is pierced with guilt at having deserted her comrades' struggle against Assad.

Guilt is pricking my soul.

A tinge of guilt pricked Ajay's conscience.

Honestly, the guilt still stings.

В шести национальных вариантах актуализировалось восприятие вины в качестве нитевидного предмета (криптокласс Res Filiformes) (это идиомы европейского и американского ареалов, а также 67% вариантов африканского ареала) (7%) (примеры 236), при этом данная характеристика не была выявлена ни в одном из вариантов австралийского, азиатского и карибского ареалов.

(236) *If we are **bound by guilt** and obligation, they are completely amoral.*

*They were all **bound** by severe survivor **guilt**.*

*I was pretty sure I'd **spun** my own **guilt** into something beautiful.*

*She becomes a **thread of guilt**.*

*And it is just that, **guilt**, which can **tie** people into a lifetime of gaming.*

***Guilt** and betrayal were **woven** around a scarcely known episode.*

В двух вариантах английского языка (британском и южноафриканском) были обнаружены окказиональные примеры использования криптокласса Res Rotundae (2%) (примеры 237).

(237) *He makes the lines appear fresh, turning Macbeth into a nervous **ball** of **guilt** when he orders Banquo's assassination.*

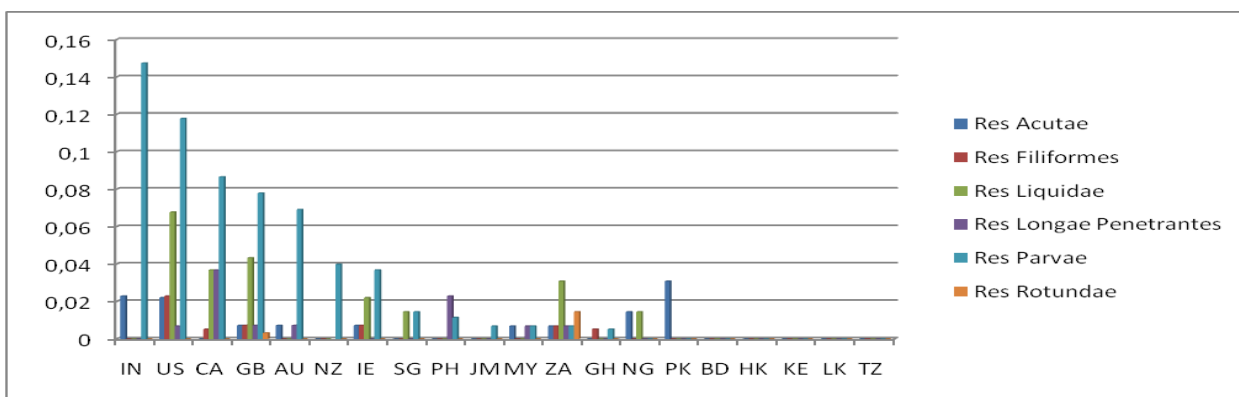

Рис.140. Криптоклассные портреты имени *guilt* в корпусе NOW по идиомам

К криптоклассу Res Parvae тяготеют австралийские, американские, европейские варианты и вариант Карибского бассейна. В американских вариантах при категоризации вины не апеллируют к криптоклассу Res Rotundae, азиатские варианты не используют криптоклассы Res Filiformes и Res Rotundae, а австралийские склоняются только к трем криптоклассам – Res Acutae, Res Longae Penetrantes и Res Parvae (рис.140).

Близость всех национальных вариантов составляет 51%, идиомы африканского ареала коррелируют на 68%, американского – на 89%, европейского – на 93,4%, австралийского – на 98%.

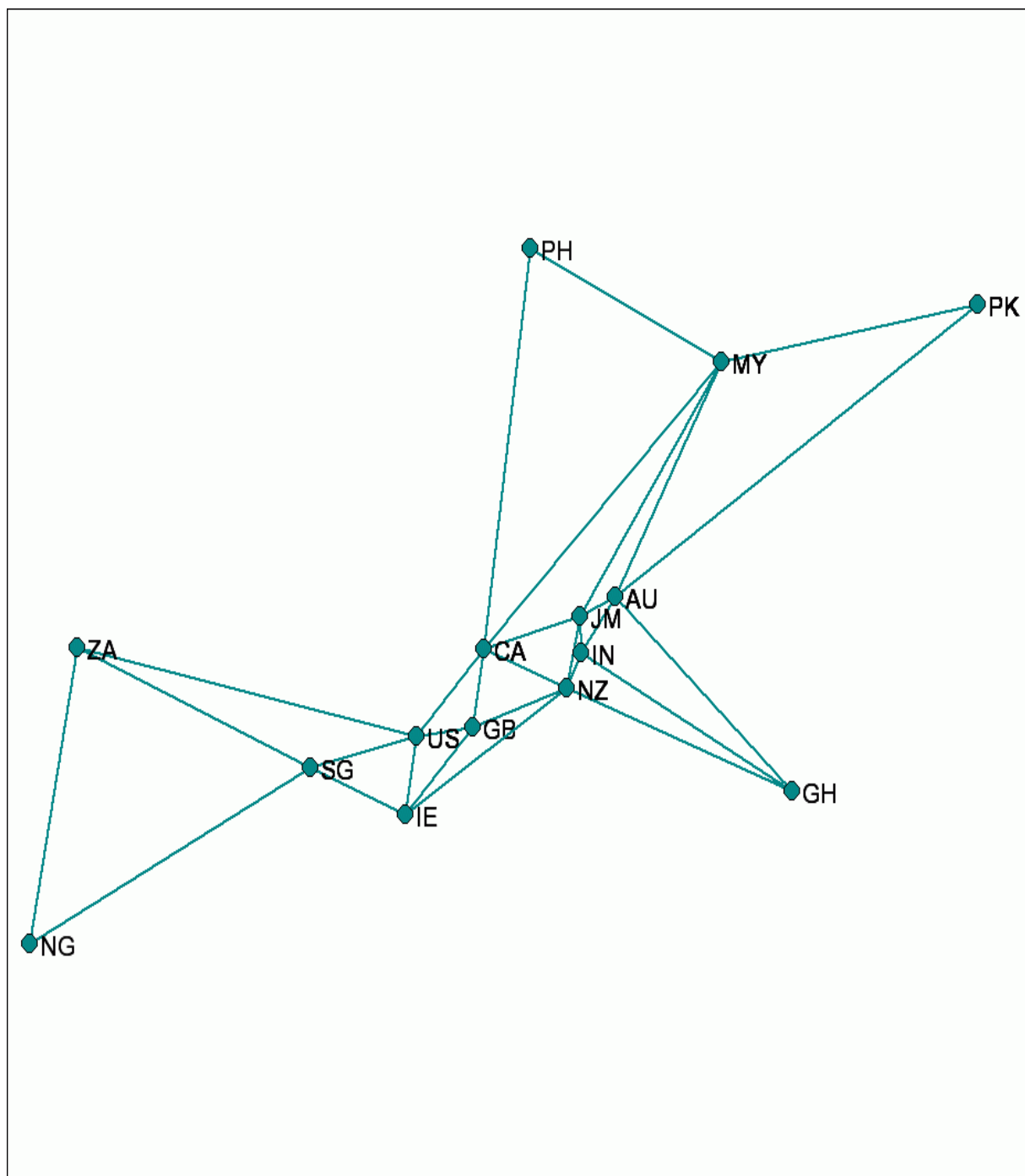

Рис.141. Карта *guilt* по данным корпуса NOW

В центре карты имени *guilt* (рис.141) расположились варианты, в которых лидирует криптокласс *Res Parvae* (это кластер, включающий идиомы Великобритании – Ирландии, США – Канады, Австралии – Новой Зеландии, Ямайки и Индии). Пять направлений из центра соответствуют пяти

криптоклассным предпочтениям. Так, направление в сторону нигерийского варианта указывает на увеличение количества примеров с криптоклассом *Res Liquidae* (у идиома Нигерии категориальный признак мелкий предмет выражен максимально). Направление в сторону идиома ЮАР отмечает рост значимости образа круглой вины (наибольшее количество примеров с криптоклассом *Res Rotundae* было обнаружено именно в южноафриканском варианте). Луч в сторону филиппинского идиома подчеркивает увеличение важности криптокласса *Res Longae Penetrantes* в языковой категоризации вины (у варианта Филиппин данный показатель достигает 67%). Направление в сторону пакистанского идиома соответствует росту коммуникативной востребованности криптокласса *Res Acutae* (у варианта Пакистана это единственный обнаруженный криптокласс, т.е. он представлен на 100%). Близость к варианту Ганы отражает наличие примеров использования образа нитевидной вины (у варианта Ганы доля представленности криптокласса *Res Filiformes* самая высокая среди представленных национальных вариантов и составляет 50%).

Теснота связи между корпусами NOW и GloWbE составляет 97,4%. Всего в корпусе GloWbE было обнаружено 226 примеров использования эмонима *guilt* с выделенными криптоклассами (рис.142).

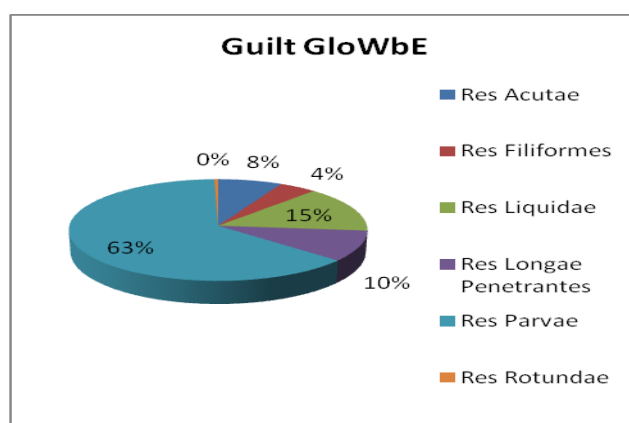

Рис.142. Криптоклассный портрет имени *guilt* по данным корпуса GloWbE

Согласно данным корпуса GloWbE в первую очередь вина категоризуется как рукоятный предмет (криптокласс *Res Parvae*) (63% или 143 примера) (примеры 238). Данное свойство лидирует в 15 вариантах английского языка, но в четырех отсутствует вовсе (это варианты Ямайки, Танзании, Малайзии и Пакистана).

(238) **Cast** all your **guilt** upon Him.

[She was] trying to get a **grasp** over the **guilt**.

So here are five of my top ten ways to get a **grip** on **guilt**...

Only after God atoned for his sin and **took** away his **guilt** was Isaiah ready for his prophetic work (vs. 6-8).

Take all my **guilt**.

He had **taken** all the **guilt** and punishment of the elect upon Himself.

I have no god to **throw** that **guilt** upon.

A desperate effort to save his brother by **throwing** the **guilt** on the dead man...

Во вторую очередь вина воспринимается как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (15% или 33 примера) (примеры 239). Данный криптокласс используется двенадцатью национальными вариантами, в танзанийском английском является единственным представленным, но при этом отсутствует в карибском ареале и в половине идиомов азиатского ареала (варианты Бангладеш, Сингапура, Малайзии и Гонконга).

(239) [It was] **dripping guilt** and agony and joy.

Suddenly, I was **flooded** with **guilt** about the choice I had made that night.

A **flood of guilt** **washed** over him.

The **wave of guilt flows** over you the second there is contact...

He's **oozing guilt**.

Guilt and remorse will **pour** from them.

Bloggng, like parenting, is tinged with **splashes of guilt**.

A **stream of guilt** comes to attack me.

A **wave of guilt** **washed** over me.

На третьем месте находится криптокласс Res Longae Penetrantes (10%) (примеры 240), используемый в восьми вариантах английского языка (например, в европейском ареале) и лидирующий в малайзийском английском.

(240) The flashing arrow of **guilt** is **pointing** rather firmly at Michael.

He felt **a stab of guilt** at spending most of the late afternoon in bed.

And now I'm **stuck** with **guilt**.

That **guilt** is **thrust** upon them.

8% примеров характеризуют вину как острый предмет (криптокласс Res Acutae) (примеры 241), что проявляется в десяти национальных вариантах, лидирует в идиомах Ямайки, Пакистана и Сингапура, но отсутствует в вариантах американского ареала.

(241) *The awesome magnitude of the **acute guilt** in your mind.*

***Guilt pierced** me like a **spike**.*

*A little safety **pin of guilt** fastened me up inside.*

*I am, once again, **pricked by guilt** at my poor parenting.*

*His reaction made my heart sink as it was **stung by guilt**.*

В пяти национальных вариантах воспринимают вину как нитевидный объект (криптокласс Res Filiformes) (4%) (примеры 242).

(242) *Our **guilt** will **bind** us together for all times to come.*

*And the whole thing is **bound** together by **guilt**.*

*Parents and children experience a deep profound depression with monumental **guilt intertwined** in their bereavement.*

*The **guilt** will **tie** him to Xykon forever.*

*They use the very illness that conjurs them into life to **twist** your **guilt** and emotions in knots.*

*A ribbon of **guilt twists** my stomach.*

Единственный пример с криптоклассом Res Rotundae был обнаружен в австралийском варианте английского языка (пример 243):

(243) *The **guilt** and self-condemnation **rolled** off me.*

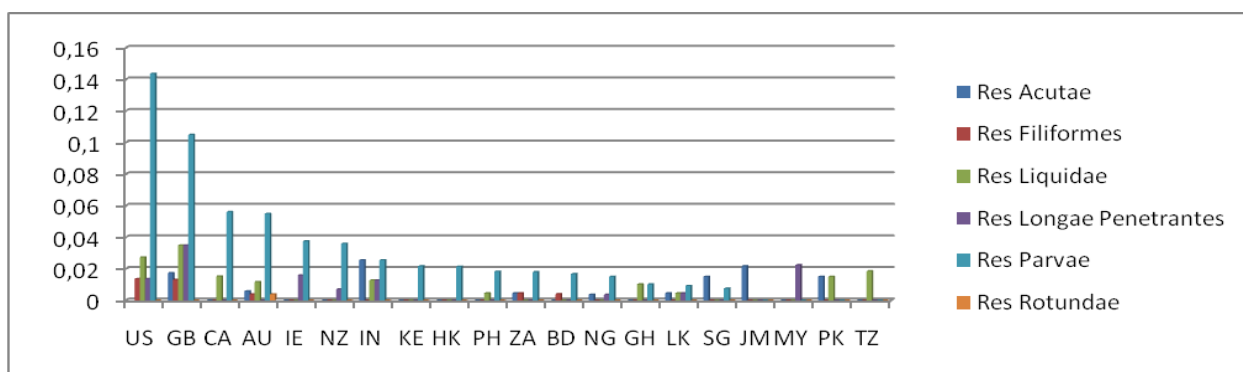

Рис.143. Криптоклассные портреты имени *guilt* в корпусе GloWbE по идиомам

К таксону с первым членом Res Parvae относятся все американские, австралийские и европейские варианты, 80% африканских вариантов и 63%

азиатских вариантов; вариант Карибского бассейна отдает предпочтение криптоклассу *Res Acutae* (рис.143).

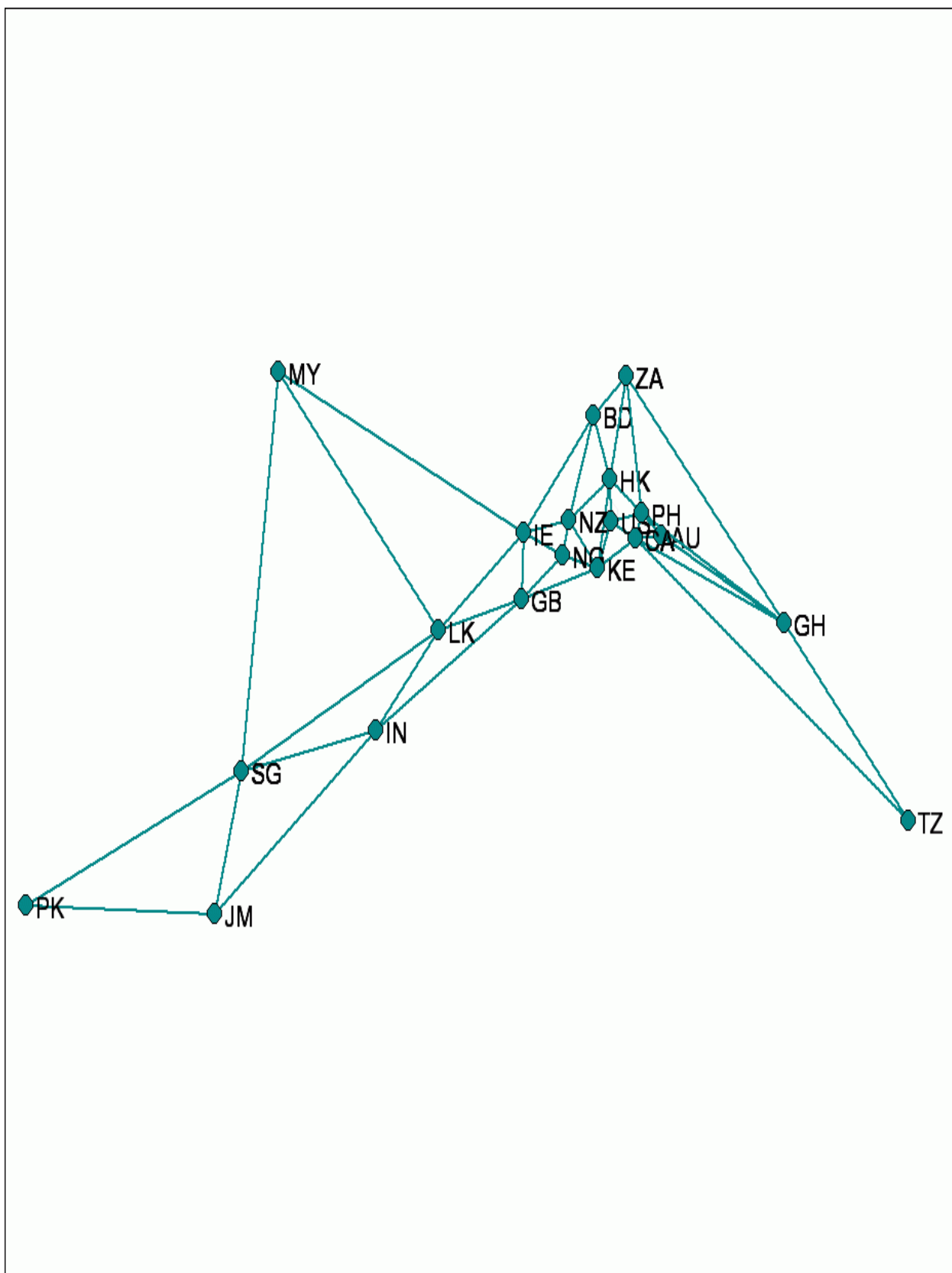

Рис.144. Карта *guilt* по данным корпуса GloWbE

Теснота связи всех национальных вариантов в данном корпусе составляет 43%, африканские варианты близки на 45%, австралийские – на 92%, европейские – на 96%, а американские – на 99%.

В центре карты (рис.144) образовался кластер вариантов, отдающих предпочтение криптоклассу *Res Parvae*, т.е. для лингвокультур этого кластера наиболее существенным является категориальный признак мелкий предмет (при этом максимально высокой коммуникативной востребованностью криптокласс *Res Parvae* в языковой категоризации вина обладает в вариантах Гонконга и Кении, а приближенность к южноафриканскому идиому отражает увеличение доли криптокласса *Res Filiformes* в качестве второго таксона). Правый луч, сформированный африканскими вариантами, указывает на существенность для данных лингвокультур метафоры жидкости, лежащей в основании криптокласса *Res Liquidae* (у варианта Ганы половина обнаруженных в ходе криптоклассного анализа примеров относится к указанному криптоклассу, а у идиома Танзании данный показатель достигает 100%). Луч, направленный влево и состоящий в основном из азиатских вариантов, отражает рост важности острых и пронизывающих свойств вина (максимально высокая значимость криптокласса *Res Longae Penetrantes* наблюдается у идиома Малайзии, а у вариантов Пакистана, Сингапура и Ямайки наиболее высокая доля представленности криптокласса *Res Acutae*, т.е. для носителей данных вариантов английского языка вина категоризируется в основном по образу и подобию колючего предмета). Представляется, что в 3-D пространстве данная карта окажется замкнутой, т.к. вариант Пакистана обладает как характеристиками остроты, так и характеристиками жидкости и у него довольно высокий коэффициент корреляции с танзанийским вариантом.

2.1.23. Anxiety

Тревога возникла в ходе эволюции как преимущество в процессе выживания, при этом уровень тревожности является индивидуальным и контролируется генами, чувствительными к стрессу, а также недостатком белка, «ответственного за обратное поглощение серотонина». Эксперименты

показали, что возникновение тревоги связано с двумя факторами: активностью миндалевидного тела, отвечающего за реакцию страха, и проблемами префронтальной коры, при необходимости блокирующей беспокойство [Aamodt, Wang 2008].

В корпусе NOW было найдено 229 релевантных исследованию примеров с именем *anxiety* (рис.145).

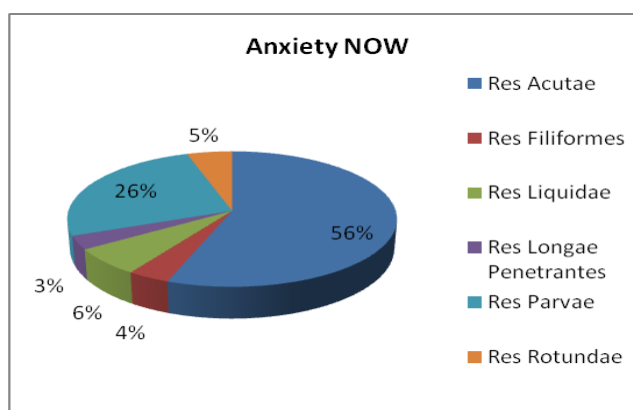

Рис.145. Криптоклассный портрет имени *anxiety* по данным корпуса NOW

Наиболее приоритетным свойством тревоги, выделяемым англоязычным сознанием, является острота (криптокласс Res Acutae) (56% или 128 примеров) (примеры 244), которая лидирует в девяти национальных вариантах, что во многом связано с частотой употребления выражения *acute anxiety*. На первом месте по использованию данного криптокласса находится американский вариант, данный факт может быть обусловлен тем, что в Америке тревожному расстройству подвергаются 90% населения в определенный период жизни [Aamodt, Wang 2008]. В филиппинском английском данная характеристика занимает вторую позицию, а отсутствует указанный криптокласс только в малайзийском английском.

(244) *Our insufferable sense of superiority is accompanied by acute anxiety Van Gogh's mental decline was certainly exacerbated by absinthe, acute anxiety, poverty and malnutrition.*

[She felt] a keen social anxiety around her weight.

There is clearly something about the pungent anxiety of that picture that appeals powerfully to the modern age.

Ms Riehl feels a sharp anxiety any time she has to go to lecture.

Во вторую очередь данная эмоция категоризуется как рукоятный предмет (криптокласс Res Parvae) (26% или 60 примеров) (примеры 245). Эта характеристика лидирует в двух азиатских вариантах английского языка (филиппинском и малазийском), отсутствуя в новозеландском и южноафриканском идиомах.

(245) *She becomes the thing onto which we can cast all of our anxiety.
And I caught the anxiety in their eyes as the wind changed direction.
They have failed to grasp the aspirations and anxieties of the young.
Children 2 to 4 might not understand details, but they will pick up your anxiety.
"He just couldn't take the anxiety," his 42-year-old wife told the inquest.
In this way, Trump takes economic anxiety and turns it into sexual hostility.
On either side of the border, people throw so many anxieties about terrorism
at the line that separates one country from another.*

Также тревога воспринимается как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (6%) (примеры 246), что подтверждают примеры в пяти национальных вариантах английского языка (это идиомы американского и европейского ареалов, а также индийский английский).

(246) *That creates a deluge of anxiety.
This flood of anxiety about immigration is about fear.
When she informed me of her discovery, a familiar anxiety flooded my mind.
Her anxiety flows, in part, from what she has heard in court.
[It] oozes anxiety and genuine malevolence.
The last year has brought a cold splash of digital anxiety.
There's a veritable stream of anxieties.
The anxiety calmly washes away.*

В четырех вариантах английского языка были обнаружены примеры словоупотреблений криптокласса Res Rotundae (это австралийские идиомы, британский и американский английский) (5%) (примеры 247).

(247) *Depression or anxiety rolls in like a slow fog.
She seemed happy enough during the day, but at night became a ball of anxiety.
It means that today may have been a rolling ball of anxiety and trembling,
Instead of the ball of anxiety I felt a distinct sense of malaise.*

Помимо этого тревога может категоризоваться посредством метафоры нити (криптокласс Res Filiformes) (4%) (примеры 248), что характерно для четырех национальных вариантов (а именно: для американского ареала, британского и индийского английского).

(248) *I realise now that my misunderstanding was **bound** up with class **anxieties**.
He calmly talks to the 6-year-old, whose **anxiety** can **spin** out of control.
There is a **thread** of **anxiety** running beneath her jollity.
A common **thread** of **anxiety** **wove** us together.
Her whole body became **twisted** with **anxiety** and self-torment.*

Окказиональные примеры в пяти вариантах английского языка (в американском ареале, а также австралийском, британском и пакистанском английском) подтверждают возможность рассматривать тревогу как длинно-тонкий предмет стабильной формы (криптокласс Res Longae Penetrantes) (3%) (примеры 249).

(249) *there's a kind of **anxiety** that **penetrates** his practice.
Anxiety has not **punched** your heart so hard that you sat motionless,
Sharp, painful **stabs of anxiety**;
It is a hugely enjoyable romp, but **spiked** with little **stabs of anxiety**.*

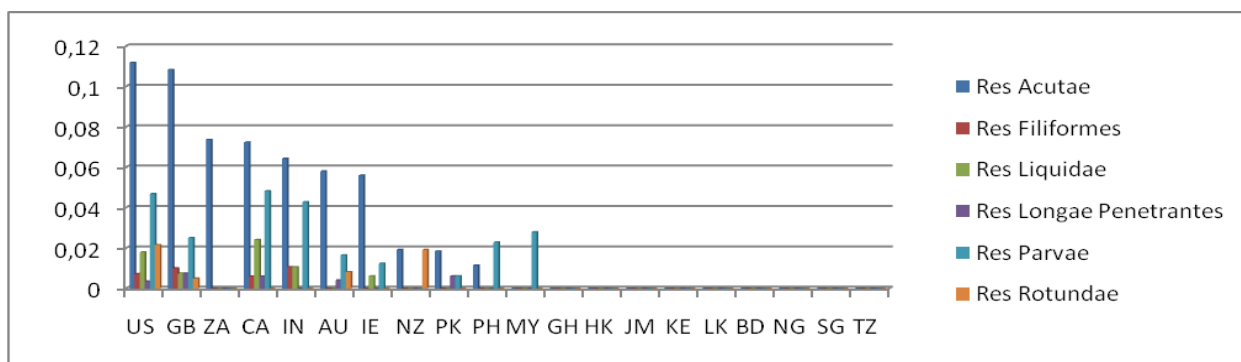

Рис.146. Криптоклассные портреты имени *anxiety* в корпусе NOW по идиомам

Американские, австралийские и европейские варианты рассматривают тревогу в первую очередь как острый предмет, при этом австралийские варианты при категоризации не используют нитевидное и жидкое свойства для описания данной эмоции. Азиатские варианты не применяют криптокласс Res Rotundae, а среди африканских вариантов примеры были найдены только для варианта ЮАР, который воспринимает тревогу исключительно как острый объект (рис.146).

Теснота связи всех национальных вариантов составила 67%, азиатские идиомы близки на 69%, коэффициент корреляции для австралийских вариантов равен 81%, американских – 92,3%, а европейских – 99,3%.

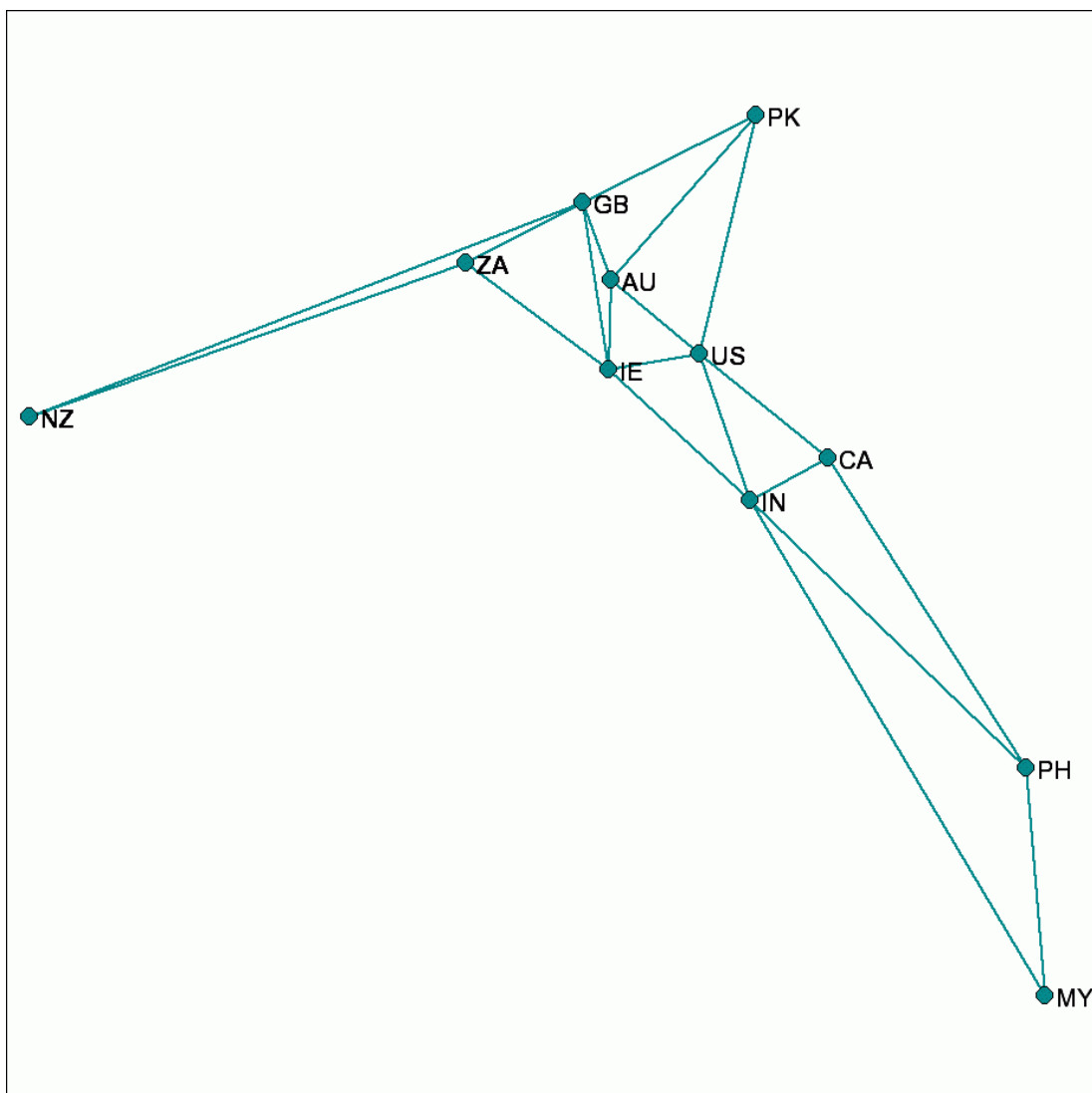

Рис.147. Карта *anxiety* по данным корпуса NOW

В центре карты (рис.147) расположить национальные варианты, в которых преобладает использование криптокласса *Res Acutae* в языковой категоризации тревоги, т.е. для носителей данных вариантов английского языка эмоция категоризуется в основном по образу и подобию колючего предмета (это варианты, составляющие фигуру, ограниченную точками «ЮАР – Пакистан – Канада – Индия»). Внизу карты располагаются лингвокультуры, для которых наиболее существенным является категориальный признак мелкий предмет (максимальное количество примеров с криптоклассом *Res Parvae* было обнаружено в идиомах

Филиппин – 67%, и Малайзии – 100%), следовательно, чем ближе варианты расположены к данному краю, тем ярче у них проявляется рукоятное свойство. Слева находятся лингвокультуры, где проявляется высокая значимость образа круглой тревоги (максимально коммуникативно востребован криптокласс Res Rotundae в варианте Новой Зеландии). Пакистанский вариант образует стремящееся вверх ответвление в связи с самой высокой проявленностью криптокласса Res Longae Penetrantes (20%).

Между корпусами NOW и GloWbE наблюдается тесная связь – коэффициент корреляции равен 99,7%. Всего в корпусе GloWbE было найдено 198 примеров с эмонимом *anxiety* (рис.148).

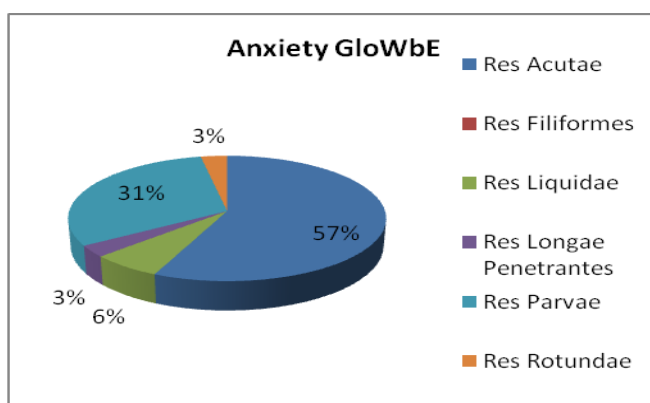

Рис.148. Криптоклассный портрет имени *anxiety* по данным корпуса GloWbE

В корпусе GloWbE рассматриваемая эмоция в первую очередь категоризуется как острый объект (криптокласс Res Acutae) (57% или 113 примеров) (примеры 250), в особенности это характерно для четырнадцати национальных вариантов, в которых криптокласс Res Acutae доминирует, при этом в двух идиомах данный криптокласс занимает вторую позицию по частоте встречаемости, а в двух вовсе отсутствует (это варианты Ямайки и Шри-Ланки).

(250) *It's associated with acute anxiety.*

The anxiety is more acute this year, because Obama is the first African-American major-party presidential nominee.

I was waiting Wild's report with keen anxiety.

[He was] pierced with anxieties about masculine identity

Fridays present poignant anxiety.

But that one moment of sharp anxiety was as bad as things got.

Во вторую очередь категоризация тревоги происходит посредством актуализации рукоятной характеристики (криптокласс Res Parvae) (31% или 61 пример) (примеры 251), используемой в пятнадцати вариантах английского языка. Данный криптокласс лидирует в трех идиомах (варианты Канады, Ямайки и Шри-Ланки) и отсутствует в трех идиомах (варианты Филиппин, Бангладеш и Нигерии).

(251) *Sometimes I even catch anxiety before I put the label on.*

You can "cast all your anxiety on him, because he cares for you" (1 Peter 5:7).

Allow him to grab the anxiety that you're experience.

They pick up anxiety, tension and sadness in the family and not know why.

Can my baby pick up my anxiety?

I have to say you managed to take the anxiety out of what could have been an unpleasant experience.

Indeed, many of us can take our secret anxieties to the grave.

It's like a harbor where you can throw all your anxieties of modern life.

Также данная эмоция категоризуется как жидкость (криптокласс Res Liquidae) (6%) (примеры 252). Подтверждающие это примеры были найдены в шести национальных вариантах (например, в идиомах американского ареала), причем в варианте Ганы криптокласс Res Liquidae лидирует.

(252) *His voice dripped with anxiety.*

Faced with this question, have we not experienced a flood of anxiety?

It can take a good hour to calm down after being flooded with anxiety.

[It is] a perilous gush of anxiety.

3,5% примеров словоупотреблений относятся к криптоклассу Res Rotundae (примеры 253), обнаруженному в пяти национальных вариантах английского языка (в том числе в идиомах австралийского ареала).

(253) *I was a ball of anxiety as a child.*

I felt an uncomfortable ball of anxiety building from the pit of my stomach

Окказиональные примеры в четырех национальных вариантах (варианты Австралии, Канады, Великобритании и Ганы) подтверждают способность тревоги пронизывать (криптокласс Res Longae Penetrantes) (примеры 254).

(254) *Punch readers with anxiety and depressive disorders.*

I remember the stab of anxiety

I felt for the first time in my life quite a stab of anxiety about Israel.

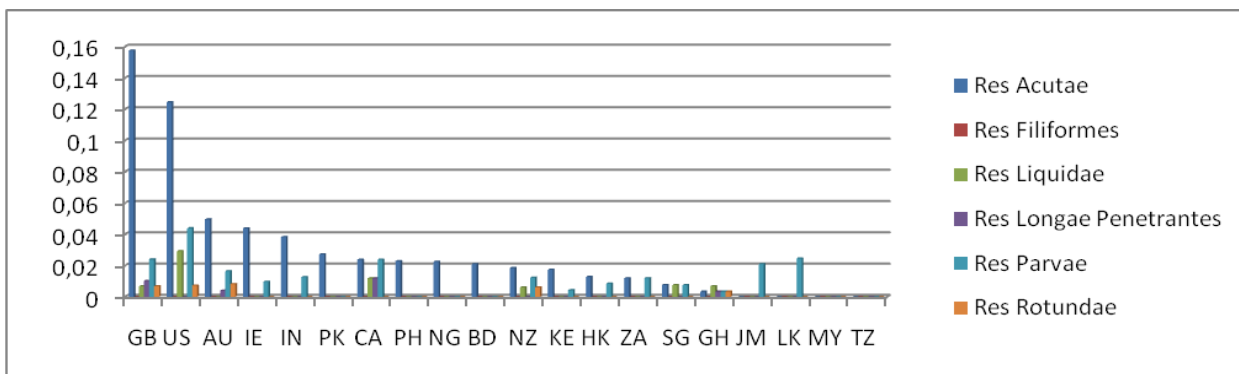

Рис.149. Криптоклассные портреты имени *anxiety* в корпусе GloWbE по идиомам Австралийские, американские, европейские национальные варианты английского языка, а также 80% африканских и 63% азиатских вариантов рассматривают тревогу в первую очередь как острый предмет, а вариант Карибского бассейна склоняется к предпочтению рукоятной характеристики. Ни в одном из рассматриваемых вариантов не были обнаружены примеры употребления нитевидного свойства, а в азиатских вариантах при категоризации тревоги также не используют криптоклассы *Res Longae Penetrantes* и *Res Rotundae* (рис.149).

Теснота всех рассматриваемых национальных вариантов составляет 51%, африканские варианты близки на 54%, азиатские – на 65%, американские – на 89%, австралийские – на 90%, европейские – 99,3%.

На карте (рис.150) можно обозначить три группы: первая является наиболее многочисленной и состоит из вариантов, в которых преобладает криптокласс *Res Acutae*, вторая группа содержит варианты с наиболее представленным криптоклассом *Res Parvae* и третья группа состоит из идиома Ганы, где лидирует криптокласс *Res Liquidae*. В нижней половине карты располагаются варианты с максимально высокой значимостью криптокласса *Res Acutae* в языковой категоризации вины (в идиомах Нигерии, Филиппин и Бангладеш данный криптокласс является единственным представленным, т.е. 100% обнаруженных в ходе криптоклассного анализа примеров относятся к криптоклассу *Res Acutae*).

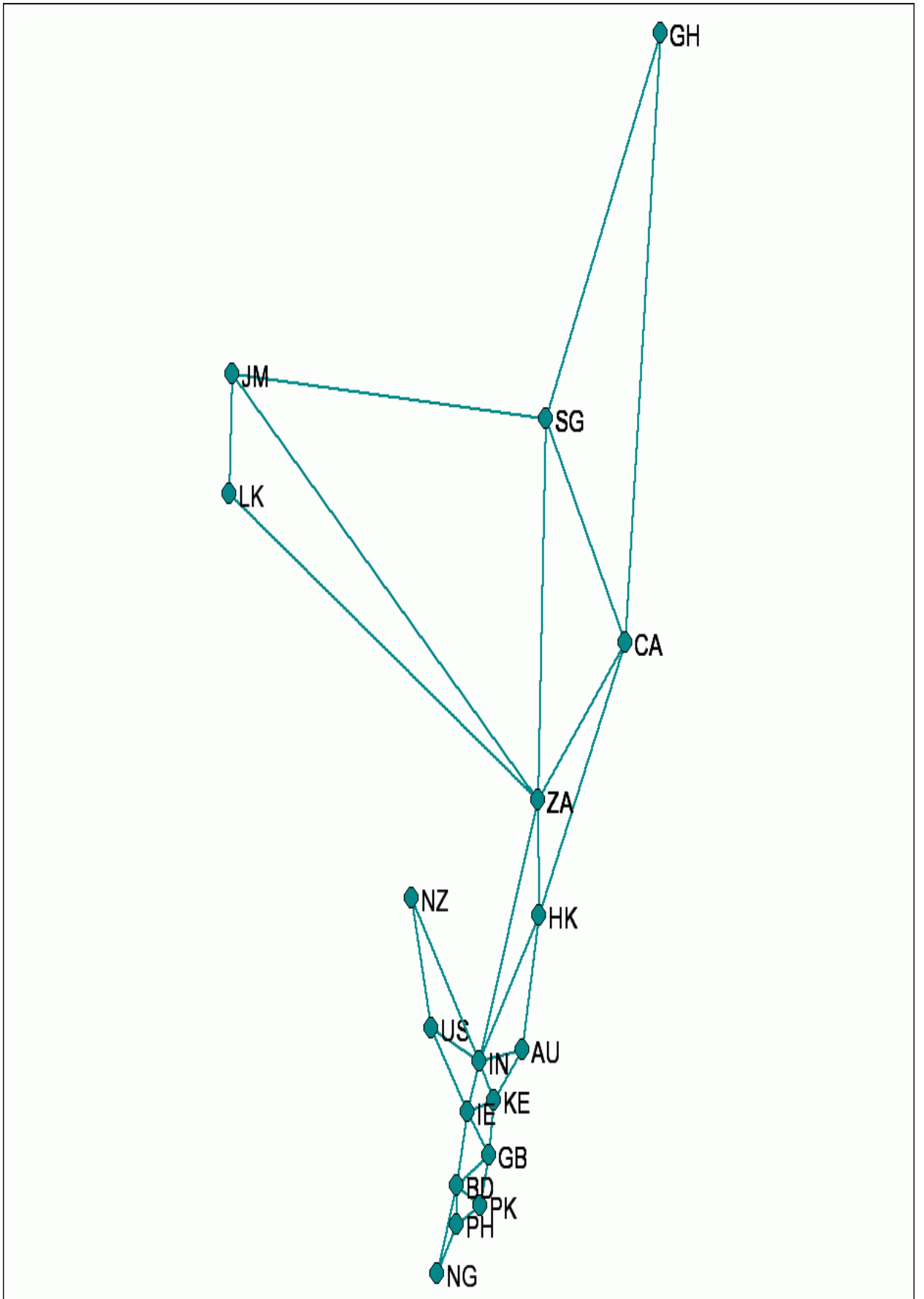

Рис.150. Карта *anxiety* по данным корпуса GloWbE

Ответвление Новой Зеландии в этом кластере обусловлено высокой значимостью криптокласса *Res Rotundae* (14%). Луч, направленный вверх, указывает на увеличение коммуникативной востребованности метафоры жидкости (у варианта Ганы треть обнаруженных примеров относится к криптоклассу *Res Liquidae*). Ответвление влево содержит лингвокультуры, в которых наиболее существенным является категориальный признак мелкий предмет (максимальное значение криптокласс *Res Parvae* принимает в вариантах Ямайки и Шри-Ланки).

2.2. Категоризация эмоций и стратификация вариантов английского языка

По данным криптоклассного анализа для всех 23 эмонимов в 20 идиомах была рассчитана статистика по криптоклассам, которая отразила общие тенденции, характерные для исследовательского корпуса в целом (рис.151). Полученные данные показали, что в 92,3% случаев доля представленности криптокласса *Res Rotundae* не превышает 5,6%, что является самым низким значением среди криптоклассов, т.е. данный класс наименее представлен в сформированном корпусе. В 93,6% примеров представленность криптокласса *Res Longae Penetrantes* находится в диапазоне от 0% до 11,1%, т.е. он выступает пятым по представленности. Четвертым по распространенности оказывается криптокласс *Res Filiformes*: в 96,1% случаев доля представленности данного криптокласса варьируется от 0% до 22,2%. Криптокласс *Res Acutae* является третьим по частотности: в 79,3% случаев его доля представленности не поднимается выше 22,2%, но при этом в 3% примерах он является одним из наиболее представленных со значением показателя криптоклассной активности некоторых эмонимов от 88,9% до 100%. На втором месте находится криптокласс *Res Liquidae*, доля представленности которого в 94,2% случае располагается в диапазоне от 0% до 55,6%. Лидирующим же в превалирующем большинстве словоупотреблений оказывается криптокласс *Res Parvae*, доля представленности которого в 55,2% случаев превышает 55,6%.

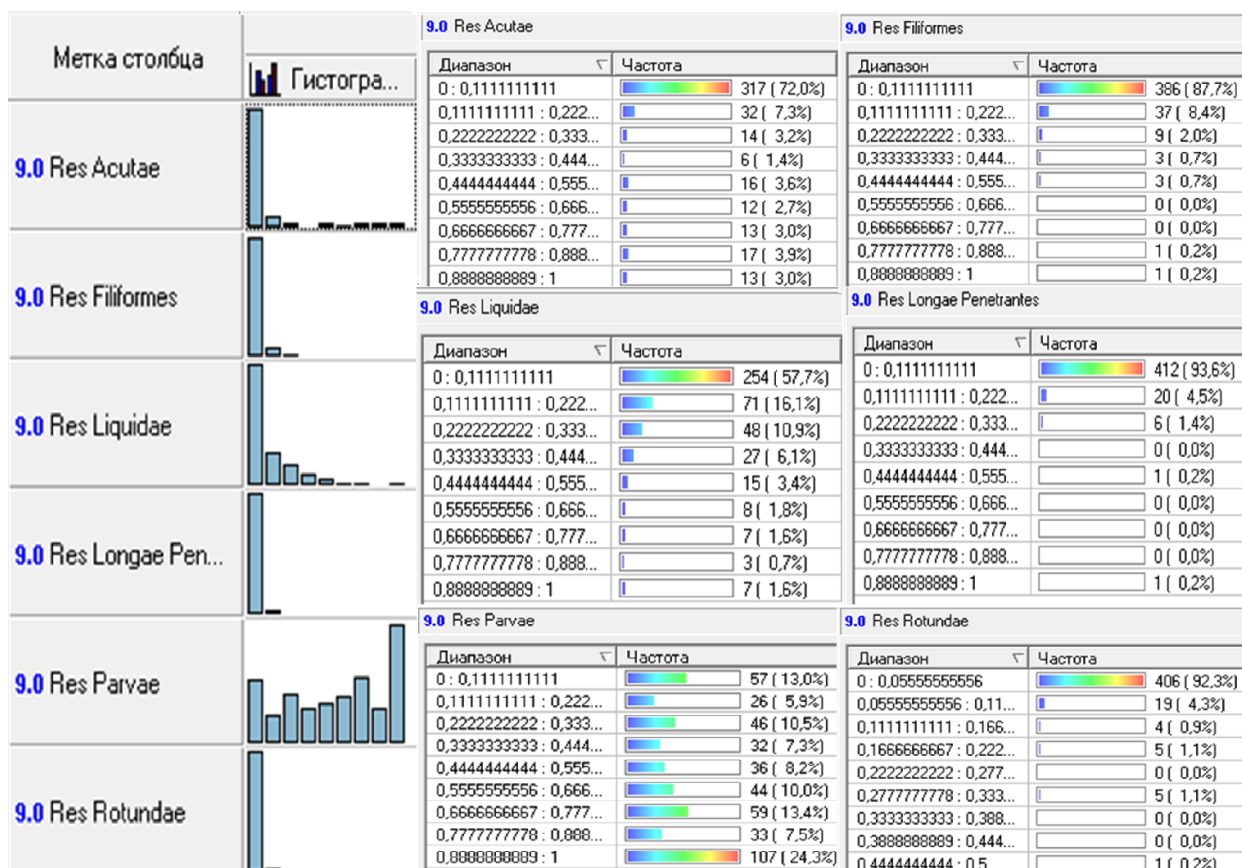

Рис.151. Частотность криптоклассной представленности в исследовательском корпусе

Были визуализированы профили шести сформированных кластеров по данным корпусов GloWbE и NOW, которые оказались аналогичны в плане криптоклассных предпочтений рассматриваемых ареалов (рис.152). Наиболее выраженным во всех ареалах оказался криптокласс Res Parvae, что обусловлено антропоцентричностью языка (ср., «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [Кравченко 2004, с.6]). Данный результат проделанной работы совпадает с исследованием О.О. Борискиной, проведенным на базе корпуса Corpus of Contemporary American English [Борискина 2012], в котором было выявлено, что «классификаторы криптокласса «Res Parvae» оказались более коммуникативно нагруженными для передачи эмоционального состояния человека, чем классификаторы других классов» [Борискина 2012, с. 288] (стоит отметить, что в исследовании прилагательных простейших форм и размера в типологическом аспекте была также выявлена универсальность принципа антропоцентричности, общезначимость данного принципа при концептуализации семантических

зон любого языка [Наний 2016]). «Подобно теоморфной модели сотворения человека, в соответствии с которой Господь создал его по образу и подобию своему, человек моделирует фрагменты мира по своему образу и подобию (ср. известный принцип Протагора, выраженный в крылатой фразе *Homo mensura omnium rerum* – человек – мера всех вещей)» [Кимов 2010б, с.3]. Именно «осязаемость» большинства эмоций и чувств становится их доминирующим признаком во всех вариантах английского, вытесняящим другие признаки из семантики имен. А значит, и реализовывать свои криптоклассные интенции эти имена будут в первую очередь с классификаторами криптокласса *Res Parvae*. Стоит заметить, что в некоторых коренных языках рассматриваемых ареалов данный криптокласс выражен явно: например, в астурийском, вьетнамском и галисийском языках имеются классы малых предметов со счетными классификаторами [Борискина 2011]; в пулар-фульфульде выделяется класс мелко-округлых предметов *NDE* [Коваль 1996], а в языках фула присутствуют сингулярные мизерно-димиутивные классы [Коваль 1979]; в языке хайда, относящемся к семье надене присутствует специальный классификатор для мелких объектов [Гилярова 2001], а в некоторых коренных языках Австралии наблюдается оппозиция «отчуждаемое-неотчуждаемое» [Aikhenvald 2000].

В американском, австралийском, африканском и карибском ареалах вторым по представленности выступает криптокласс *Res Liquidae*, подчеркивая, что некоторые эмоции и психологически, и физиологически воспринимаются как жидкое. В связи со способностью эмоций наполнять человека (как контейнер) и изменчивостью их природы, о наличии метафорической связи между эмоциями и жидкостью неоднократно писали лингвисты, например, [Арутюнова 1998], [Успенский 1997]. Криптокласс *Res Liquidae* оказался вторым приоритетом и по данным корпуса американского варианта английского языка *Corpus of Contemporary American English* [Борискина 2012]. В связи с жизненной важностью жидких субстанций эта категория является явной во многих языках, так, в пулар-фульфульде или фульбе выделяется общефульбский класс *DAM* («класс жидкостей») [Коваль 1996], а в конго-кордофанских и нигеро-конголезских имеется особый

показатель для маркирования именного класса жидкостей [Порхомовский 1998]. В то же время в европейском и азиатском ареалах вторым по представленности является криптокласс Res Acutae, который в остальных ареалах отходит на третье место. Важно отметить, что азиатский ареал является единственным из рассматриваемых, в языках которого присутствуют явно выраженные показатели данного класса: так, в тибето-бирманских языках есть счетные классификаторы для колющих предметов [Борискина 2011], а во вьетнамском – для предметов, имеющих заостренную форму [Aikhenvald 2000]. Подобная сопоставимость явных и скрытых классов в языке может быть объяснена в рамках социолингвистического аспекта лингвоконтактологии.

Один из наиболее высоких коэффициентов корреляции между кластерами наблюдается у карибского и африканского ареалов, что, должно быть, объясняется тем, что ямайский креольский язык, существующий на территории Ямайки наравне с ямайским вариантом английского языка, подвергся влиянию языков Западной Африки в связи с появлением в 17 веке рабов с африканского континента.

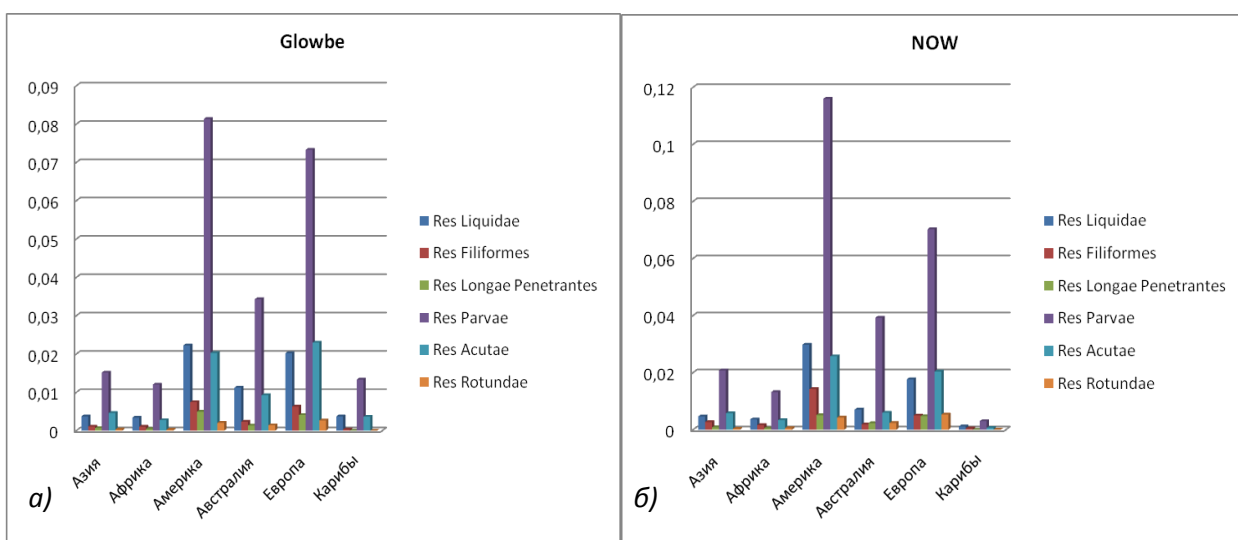

Рис.152. Профили кластеров

В среднем связь между корпусами NOW и GloWbE составила 95,2%, т.е. распределение криптоклассных предпочтений в данных корпусах аналогично. Коэффициент корреляции между корпусами GloWbE и NOW и корпусом СОСА для всех рассмотренных имен отражает сильную корреляцию и в среднем равен 91%. Незначительные отличия, обнаруженные

между корпусами могут быть объяснены несколькими факторами: во-первых, регулярностью обновлений корпуса NOW (в отличие от GloWbE), во-вторых, объемом корпуса (на момент исследования объем NOW превышает объем GloWbE в 1,5 раза), но при этом корпус GloWbE характеризуется большей сбалансированностью, в-третьих, в этих корпусах отражены различные типы дискурса (в NOW – это новостные тексты, в то время как в GloWbE - тексты из Интернета и блогов).

Следующим шагом было создание правил на основе дерева решений, позволяющих написать компьютерную программу, способную устанавливать ареальную принадлежность варианта языка. Деревья решений являются методом автоматического анализа данных, формирующим последовательную структуру правил, где каждому объекту соответствует единственный узел, дающий решение. Результаты подобного анализа могут быть представлены как в виде иерархии (рис.153), так и в виде набора правил, описывающих классы (Приложение 3). В перспективе благодаря составленным правилам и описаниям кластеров появляется возможность проследить динамику влияния вариантов языка/языковых ареалов друг на друга (проведя аналогичное исследование через 10-15 лет).

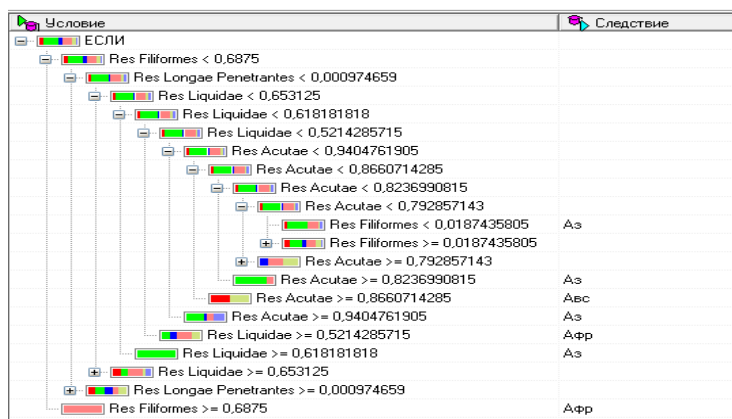

Рис.153. Фрагмент дерева решений

В ходе проведенного исследования был выработан и апробирован инструментарий для визуализации когнитивного континуума англоязычного сознания. Когнитивный континуум предполагает множественные плавные переходы в способах познания и языковой категоризации мира средствами разных вариантов английского языка. Очевидно, в естественном языке

определенного языкового сообщества закрепляются и оформляются далеко не все категориальные признаки, выделенные в результате коллективного когнитивного опыта, а лишь те, которые являются когнитивно релевантными для данной языковой общности. Неоднородность языковой категоризации в разных вариантах английского языка объясняется разными ареальными и историческими условиями функционирования идиомов, степенью колониального влияния и интенсивностью языковых контактов между английским и местными языками, уровнем экономического развития регионов, их культурной и религиозной спецификой и особенностями коллективного когнитивного опыта исследуемых языковых сообществ. Такая неоднородность проявляется в том числе и в различии криптоклассных предпочтений имен, что видно из анализа криптоклассных предпочтений имени *anger* по данным корпуса GloWbE (рис.154).

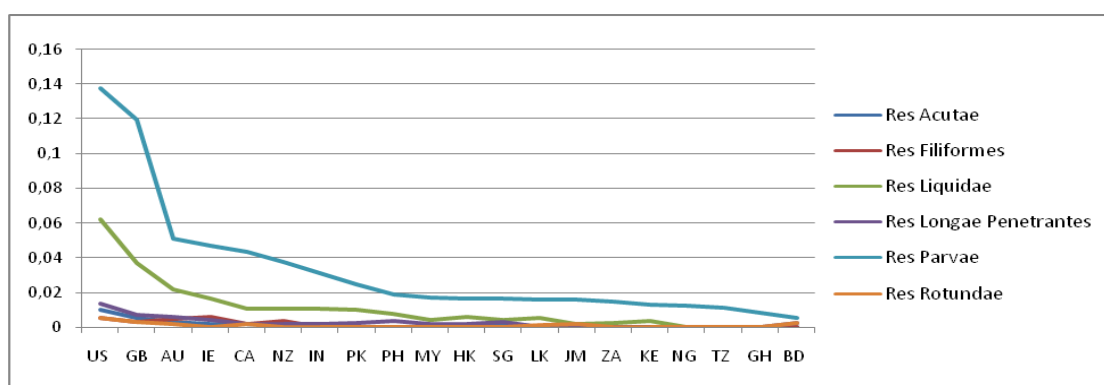

Рис.154. Когнитивный континуум имени *anger* (по данным корпуса GloWbE)

Данные корпусного исследования криптоклассных предпочтений имен эмоций, с одной стороны, позволяют понять, как категоризуется эмоциональное состояние в разных языковых сообществах, объединенных одним языком, но разделенных его вариантами по ареалам (рис. 154), с другой же, полученные данные свидетельствуют о весе и приоритетности криптоклассных предпочтений по эмоциям в идиомах (рисунки ниже). Как видим, лучше всего в криптоклассе Res Acutae (Острое) представлены имена *distress, anxiety u relief* (что проявляется в 79% национальных вариантов [Борискина, Донина 2016б]), т.е. данные имена категоризуются в первую очередь по аналогии с остроконечным предметом, а наиболее выражено это в американском и британском вариантах, на что указывают самые высокие

точки графа). Получается, что независимо от ареала употребления, всем англоговорящим свойственно категоризовать состояние несчастья, тревоги и облегчения в первую очередь по аналогии с остроконечным предметом. Как можно объяснить наблюдаемое явление? Вероятно, «скрытая» память этих имен (термин Ю. С. Степанова) хранит «воспоминания» о том, как слово употреблялось раньше в виде мега-устойчивых словосочетаний, что по-прежнему находит отражение в современном словоупотреблении даже в условиях ареального размежевания: наиболее часто имена *distress* и *anxiety* употребляются с классификатором [smth. is *acute*], при этом большинство примеров подобных словоупотреблений относится к медицинскому дискурсу; высокая частотность *relief* связана с идиомой [to throw into sharp relief], а *interest* – с выражением [keen interest] (рис.155).

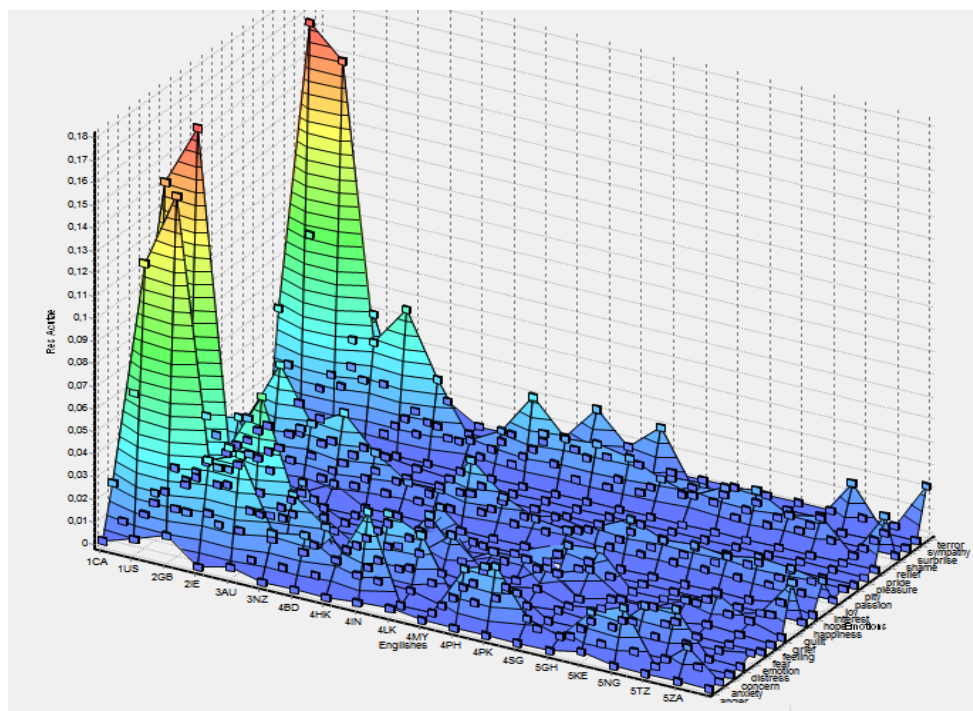

Рис.155. Когнитивный континуум эмоциональных состояний по идиомам (в рамках криптокласса Res Acutae)

Нитевидное свойство оказалось преобладающим в 59% национальных вариантов у имени *hope*, что связано с частотой встречаемости выражения [thread of hope] и особенно ярко выражено в американском варианте (самая высокая точка графа) (рис.156), причем данное метафорическое представление нити надежды может быть сопоставлено с нитью Ариадны.

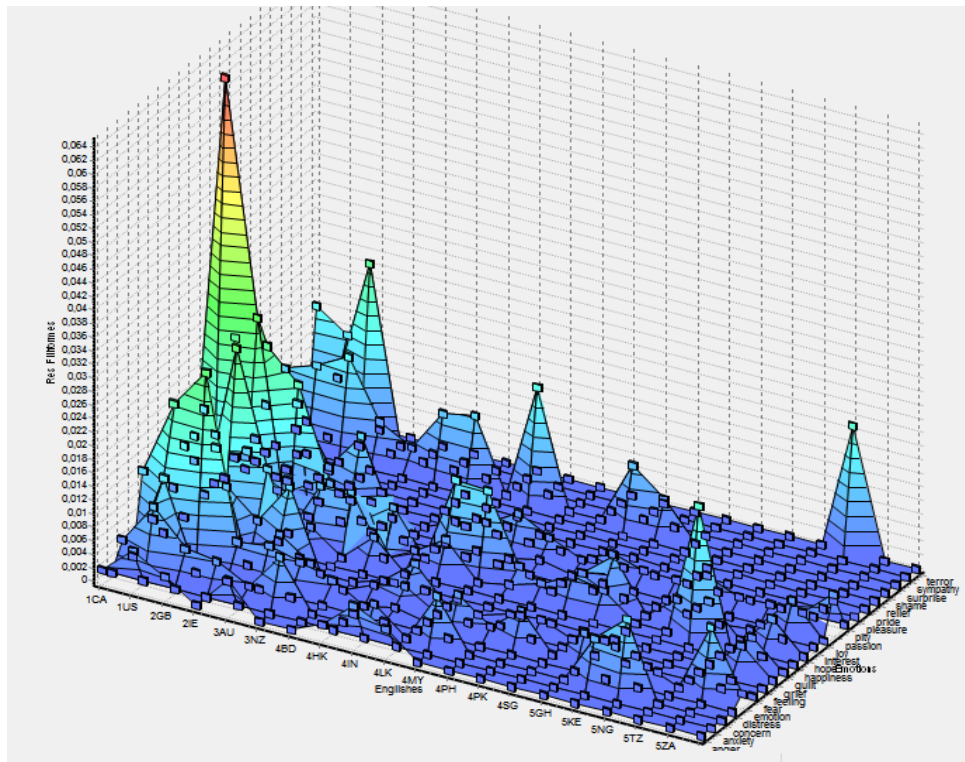

Рис.156. Когнитивный континуум эмоциональных состояний по идиомам (в рамках криптокласса Res Filiformes)

Наименее характерным для эмоций выступает криптокласс Res Rotundae, который обладает максимально высоким показателем у имени *shame*, причем наиболее высокой точке графа соответствует представление данного имени в американском варианте английского языка (рис.157).

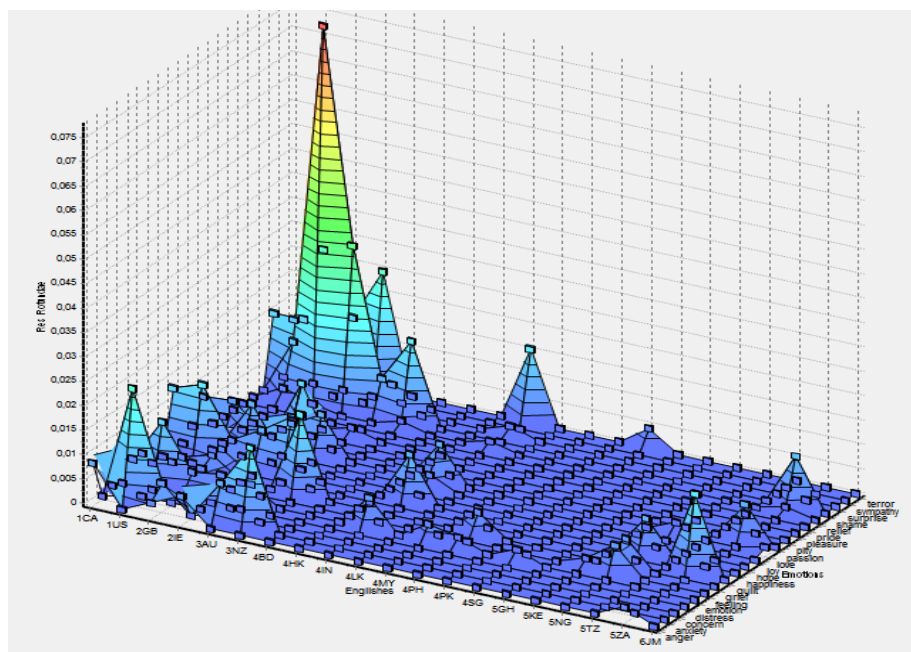

Рис.157. Когнитивный континуум эмоциональных состояний по идиомам (в рамках криптокласса Res Rotundae)

Криптокласс *Res Parvae* является наиболее характерным при категоризации рассматриваемых эмоций, выступая первым таксоном для 13 эмонимов в 86% национальных вариантов. Объяснение такого явления кроется, по-видимому, в скрытой памяти этих имен, что находит отражение в современном словоупотреблении даже в условиях ареального размежевания. Самая высокая доля представленности криптокласса *Res Parvae* наблюдается у эмонимов *pride*, *pity* и *pleasure*, в связи с частотностью их встречаемости с классификатором *take*. Таким образом, Самая высокая точка графа соответствует трем эмонимам (*pity*, *pride*, *pleasure*) в двух идиомах (американском и британском вариантах английского языка) (рис.158).

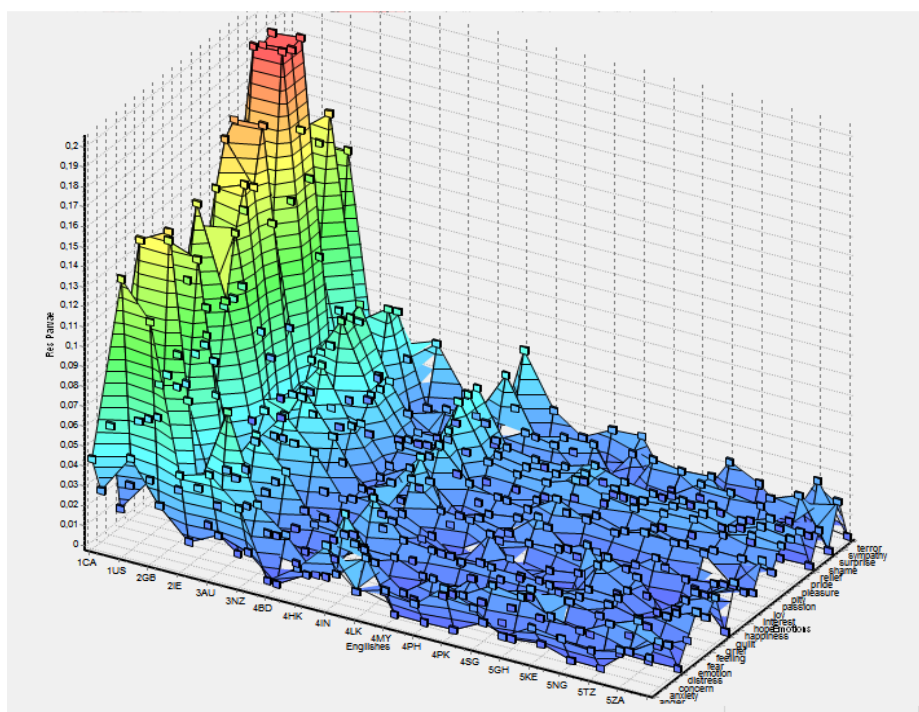

Рис.158. Когнитивный континуум эмоциональных состояний по идиомам (в рамках криптокласса *Res Parvae*)

Криптокласс *Res Liquidae* (т.е. свойство жидкости) является наиболее характерным для четырех имен: *emotion*, *sympathy*, *passion* и *grief*, что совпадает с результатами исследования эмоций на базе *Corpus of Contemporary American English* [Борискина 2012] и проявляется в 75% национальных вариантов (причем ярче всего в американском и британском идиомах) (рис.159).

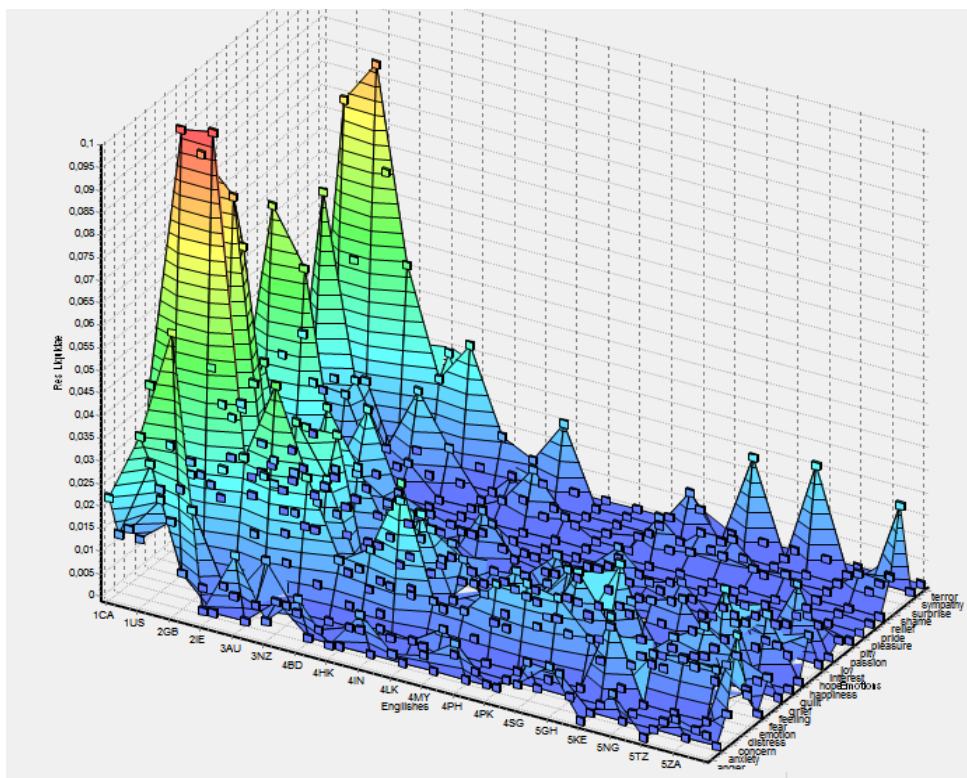

Рис.159. Когнитивный континуум эмоциональных состояний по идиомам (в рамках криптокласса Res Liquidae)

Принимая во внимание попытки ученых разграничить понятия эмоций и чувств, мы можем отметить, что в рамках проведенного исследования одним из базовых отличий между данными именами является то, что эмоция в первую очередь категоризуется как жидкость, а чувство – как рукоятный предмет. Объяснение максимальной представленности эмонима *feeling* в криптоклассе Res Parvae следует искать в антропоцентричности языка; именно «осязаемость» чувства становится его доминирующим признаком. Подобная дифференциация эмоций и чувств согласуется с подходом А.Н. Леонтьева [Леонтьев 1971], который проясняет, почему эмоции, как менее контролируемые и физиологические, связываются в англоязычном сознании с водной стихией, а чувства, как более устойчивые и предсказуемые, с контролируемым и манипулируемым предметом (способным поместиться в руке).

В целом выстраивается показательный образ чувств: 80% эмонимов рассматриваются в первую очередь как то, чем можно/хотелось бы манипулировать (важность контроля чувств в современном мире подтверждает поисковая система google.com, где на запрос «управление чувствами» было

получено 4 220 000 результатов, а «контроль чувств» выдал 638 000 ссылок). При этом многие из нас испытывают негативные последствия попытки контроля чувств – сейчас психологи часто пишут об опасности их подавления (см., например, [Лоуэн 2007]).

При сопоставлении имен *emotion* и *feeling* по данным корпуса GloWbE по идиомам оказалось, что в десяти вариантах английского невозможно определить доминирующий криптокласс, что соответствует мнению некоторых психологов (например, В.Вундта, Г.Шварца, Е.Иванова и пр.), отождествляющих эти понятия. Как видим, неопределенность и отсутствие устоявшихся определений в науке объясняется неоднозначностью языковой реальности рассматриваемых образов. Так, в вариантах английского языка австралийского ареала (Австралии и Новой Зеландии), в некоторых идиомах Азии (Индии, Филиппин, Сингапура), а также в вариантах английского языка Танзании и США и чувства, и эмоции в первую очередь рассматриваются как жидкость. Подобный выбор лидирующего криптокласса австралийским ареалом может быть обусловлен географическим расположением. Доминирующая роль криптокласса *Res Liquidae* в языковой категоризации эмоционально-чувственного состояния в индийском английском, возможно, объясняется религиозным мировоззрением: в индуизме, который исповедует 80 % населения, любая вода рассматривается как священная. Например, известно поклонение индусов семи священным рекам: Ганге, Ямуне, Годавари, Сарасвати, Нармаде, Синдху и Кавери. Также известно, что раньше в Индии новорожденного ребенка первые несколько дней вместо молока поили водой с медом, считая, что в это время ребенок еще принадлежит стихии воды, которая используется для обряда очищения и предлагается богам, наравне с прасадом, в качестве божественной трапезы.

В связи с жизненной важностью жидких субстанций для культуры многих африканских племен в грамматике местных языков представлена языковая категория, в основании которой лежит категориальный признак ‘быть текучим’. Доминирование криптокласса «Жидкое» в языковой категоризации эмоций в танзанийском варианте, с одной стороны может рассматриваться как аномалия, т.к. вторым официальным языком страны

(помимо английского) выступает суахили, где нет явного класса жидкостей, с другой же стороны, суахили является первым языком только для 10% населения, а в целом в Танзании на данный момент насчитывают порядка 126 различных языков, что делает ее наиболее разнообразной, с лингвистической точки зрения, страной в Восточной Африке и довольно непредсказуемой, чтобы понять, какие именно местные языки народов, населяющих Танзанию, оказали заметное влияние на язык колонизаторов в результате языковых контактов, отразив особенности собственного метафорического мировидения в местном варианте английского языка. Однако наиболее вероятной причиной доминирования криптокласса *Res Liquidae* в языковой категоризации эмоционального состояния в танзанийском варианте английского языка по данным криптоклассного анализа может быть недостаточная представленность подкорпуса данного идиома в рассматриваемых корпусах, т.к. количество релевантных исследованию примеров для обоих имен значительно ниже среднего показателя среди всех национальных вариантов: количество примеров с именем *emotion* по данным корпуса GloWbE, например, ниже средних данных на 82%, а количество примеров с именем *feeling* – на 76%.

В Сингапуре наравне с английским, официальными языками являются малайский, китайский и тамильский, при этом больше чем для половины населения этого города-государства родным является китайский язык, а доля способных писать и читать на этом языке не превышает двух третей населения. Учитывая, что в китайском существуют счетные классификаторы для различных видов жидкости (например, для рек - 条, 道, капель - 滴, для предметов с жидкостью - 瓶, 杯), можно говорить, что доминирование криптокласса «Жидкости» в скрытой языковой категоризации эмоционального состояния в сингапурском варианте английского языка обусловлено влиянием китайского на язык колонизаторов. Первые таксоны имен *emotion* и *feeling* в филиппинском варианте английского языка совпадают с самыми частотными криптоклассами американского варианта английского языка, что объясняется прошлым колониальным статусом

Филиппин, где американское правление длилось с конца 19-го века до окончания Второй мировой войны [Constantino 1975] и до сих пор отражается в образовательной системе страны [Kirkpatrick 2010]. В связи с этим американская лингвокультура не могла не повлиять на становление филиппинского английского.

В нигерийском, кенийском и ямайском вариантах и эмоции, и чувства в первую очередь категоризируются как рукоятные предметы (криптокласс *Res Parvae*). Стоит заметить, что в некоторых коренных языках Африки данный криптокласс выражен явно, т.е. фактор языкового контакта в этом случае при выборе доминирующего криптокласса при категоризации может быть определяющим в кенийском и нигерийском английском. Ямайский вариант близок африканским вариантам, т.к. ямайский креольский язык, существующий на территории Ямайки наравне с ямайским вариантом английского языка, подвергся влиянию языков Западной Африки в связи с появлением в 17 веке рабов с африканского континента.

Теперь хочется поделиться ещё одним любопытным наблюдением. В вариантах английского Шри-Ланки и Пакистана чувство категоризируется в первую очередь как острый предмет (т.е. лучше всего имя *feeling* представлено в криптоклассе *Res Acutae*). Языковые контакты? Может быть. Важно отметить, что азиатский ареал является единственным из рассматриваемых, где в местных языках имеются счетные классификаторы существительных: так, в тибето-бирманских языках есть счетные классификаторы для колющих предметов [Борискина 2011], а во вьетнамском – для предметов, имеющих заостренную форму [Aikhenvald 2000]. Возможно, тот факт, что некоторые чувства перешли в медицинский дискурс и стали восприниматься в первую очередь как острые предметы, можно объяснить как раз тем, что в национальных вариантах Пакистана и Шри-Ланки само понятие чувства категоризируется в первую очередь по аналогии с острым предметом (чего не было обнаружено для эмоции ни в одном варианте английского языка), что подчеркивает сочетаемостный потенциал имени *feeling* в частности и чувств вообще употребляться с

классификаторами криптокласса Острое (*Res Acutae*), но данный факт требует дальнейшего исследования.

Эмоция же в пакистанском варианте категоризируется в первую очередь как жидкость, а в шриланкийском – как рукоятный предмет, что, можно объяснить религиозными предпочтениями данных государств. В Исламской Республике Пакистан 96,4% населения исповедуют ислам, эта религия, зародившись в Аравийской пустыне, наделяет воду священными свойствами: она является первоисточником жизни на Земле, существовавшим до небес и земли (Коран 21:30, 25:54, 11:7). Перед обращением к Богу мусульмане должны совершать ритуальные омовения. В Шри-Ланке 70% населения составляют буддисты, в рамках данной религии эмоции рассматриваются как страдание, и культивируется необходимость **брать** под контроль свои **эмоции**.

Не менее необычным фактом языковой вариативности в категоризации эмоций является доминирование в варианте английского ЮАР для имени *emotion* таксона *Res Filiformes*. Это является свидетельством того, что эмоциональное состояние в южноафриканской англоязычной культуре категоризируется в первую очередь как нитевидный предмет. Данный факт нельзя объяснить посредством данных лингвоконтактологии, т.к. в языках банту, на которых говорят 80% населения ЮАР и девять из которых обладают официальным статусом, не зафиксировано явного именного класса «нитевидное»: в банту выделяют классы людей, деревьев, различных явлений, вещей, животных, длинных предметов, абстрактных сущностей и инфинитивов [Сова 2008]. При этом важно отметить, что в исследовании эмоций в корпусе СОСА [Борискина 2012] криптокласс *Res Filiformes* выступал третьим приоритетом для всех рассматриваемых в работе эмоций, что, возможно, отражает один из аспектов сущности эмоционального состояния и требует дальнейшего исследования. Еще одним важным вопросом, требующим дополнительного рассмотрения, является избирательность проявления отголосков явных именных классов в некоторых ареалах: почему, например, варианты Шри-Ланки и Пакистана при категоризации чувства в первую очередь прибегают к свойству остроты, а

находящиеся в этом же географическом регионе Сингапур и Бангладеш совсем не используют данную характеристику при описании *feeling*? Вероятной причиной выступает несбалансированность подкорпусов национальных вариантов в корпусе GloWbE, ведь результаты криптоклассного исследования находятся в прямой зависимости от объема подкорпуса определенного варианта.

Хотя, согласно проведенному исследованию, корпуса GloWbE и NOW близки на 95,2% и обладают аналогичными криптоклассными распределениями эмоций, было обнаружено характерное отличие между ними в рамках криптокласса Res Longae Penetrantes. В корпусе GloWbE наибольшее количество примеров с данным криптоклассом было обнаружено с эмонимом *guilt*, в то время как *terror*, лидирующий в корпусе NOW, располагается лишь на шестом месте, что может быть обусловлено датировкой корпуса, т.к. материал GloWbE датируется 2012-2013 гг., а в NOW представлены примеры 2010-2016 гг., при этом по данным корпуса NOW наиболее активно данное имя начало употребляться именно после 2014 года, что вызвано в том числе эмоциональной реакцией на рост террористической угрозы в мире [Борискина, Донина 2016а], и, таким образом, сместило имя *guilt* на вторую позицию (что наиболее ярко отражено в британском национальном варианте) (рис.160).

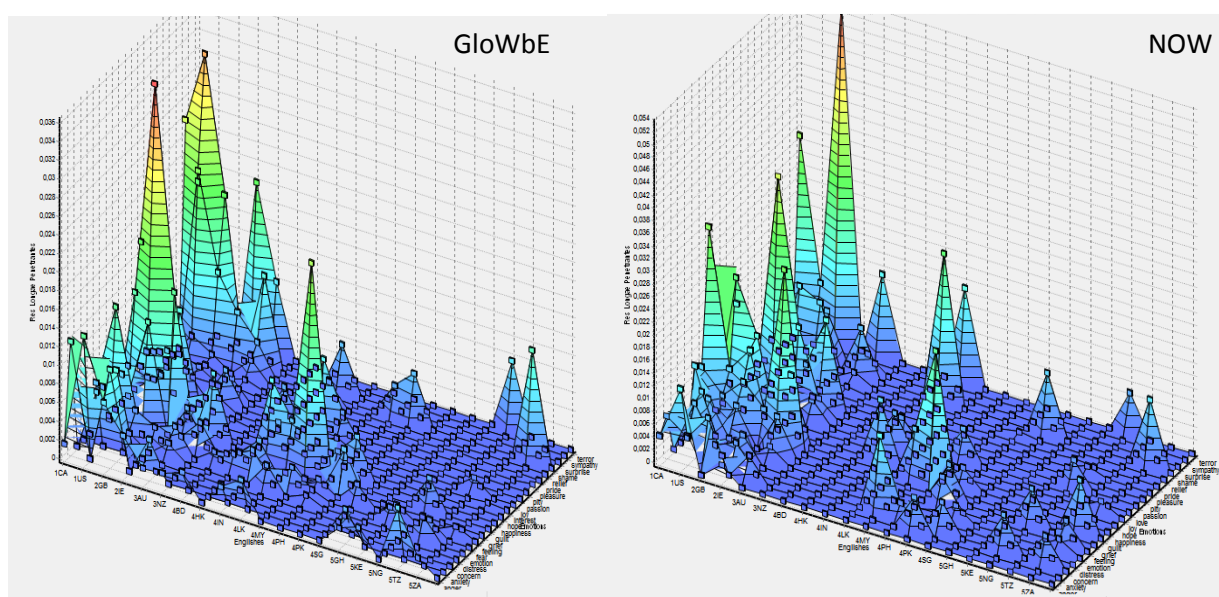

Рис.160. Когнитивный континуум эмоциональных состояний по идиомам (в рамках криптокласса Res Longae Penetrantes) (GloWbE-NOW)

Была смоделирована карта корпусного распределения эмоций (рис.161). В центре карты сформировался кластер эмоций, для которых наиболее представленным является криптокласс Res Parvae, верхнее ответвление отображает эмоции, которые при категоризации отдают предпочтение криптоклассу Res Acutae, а луч, ведущий вниз, указывает на имена, тяготеющие к криптоклассу Res Liquidae.

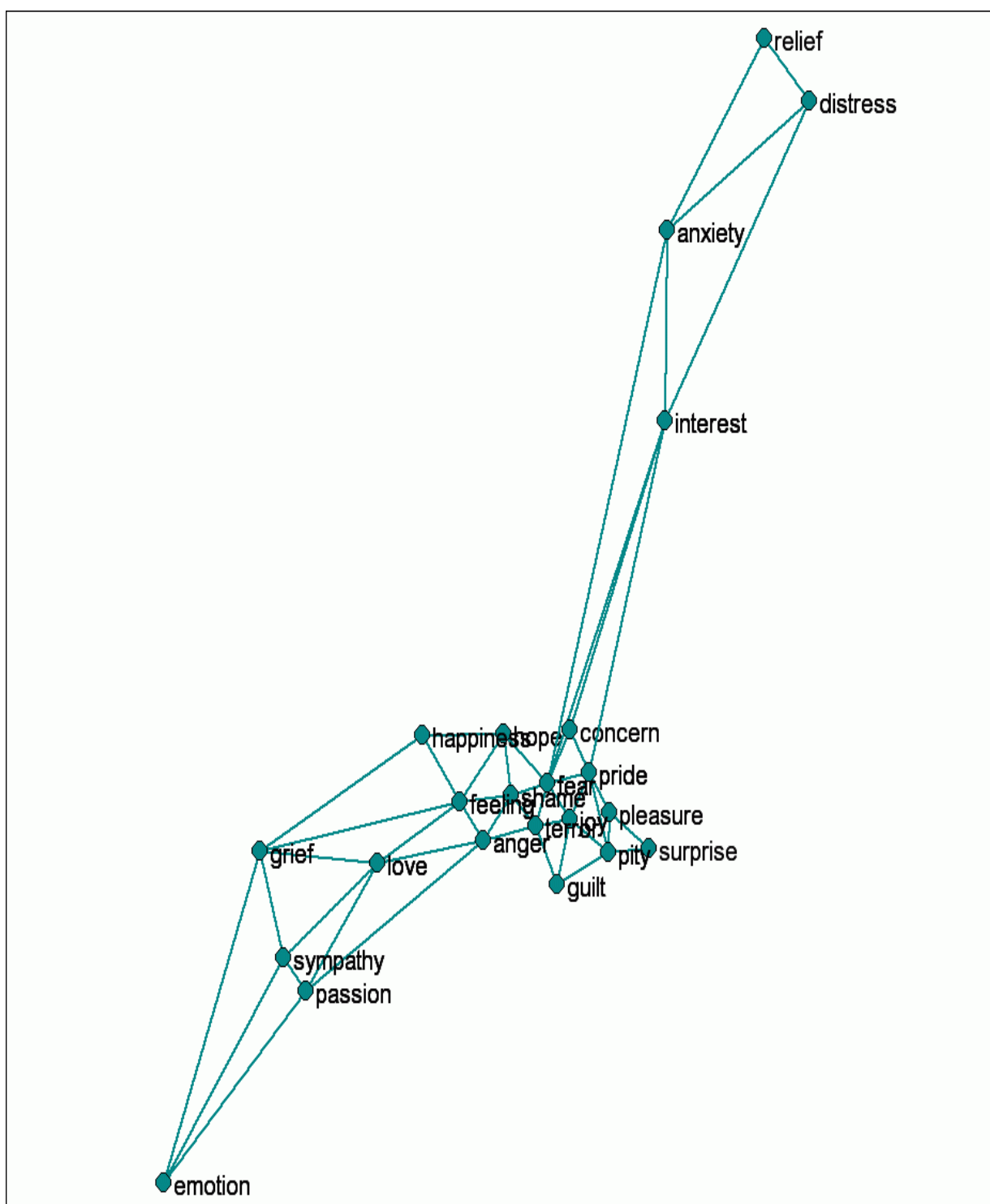

Рис.161. Карта корпусного распределения эмоций

Одной из базовых характеристик чувств и эмоций является валентность, т.е. знак эмоции или чувства, определяемый по признаку доставляемого удовольствия/неудовольствия в результате удовлетворения/неудовлетворения актуальной для человека в данный момент потребности. Так, например, на материале литературной сказки были выделены наиболее характерные для различных периодов положительные, отрицательные и нейтральные эмоции: для конца XVIII века – это любовь, радость, счастье, жалость (сожаление), восхищение (положительные); усталость, гнев, тоска, печаль, отвращение, беспокойство, отчаяние, стыд, досада, ненависть (отрицательные); любопытство, удивление, равнодушие (нейтральные); для XIX века – это радость, жалость, сострадание, веселье, симпатия, счастье, любовь, наслаждение, восторг, гордость, упоение (положительные); страх, боль, грусть, тоска (скука), зависть, презрение, беспокойство, испуг, ненависть, злость, ярость, обида, уныние, отчаяние, усталость, тревога, огорчение, отвращение, стыд, испуг (отрицательные); удивление (изумление), любопытство (нейтральные); для XX – начала XXI вв. – это жалость, веселье, радость, любовь, гордость, симпатия, счастье, восторг, восхищение (положительные); стыд, зависть, страх, беспокойство, обида, тоска (скука), огорчение, испуг, смущение, раздражение, волнение, тревога, усталость, гнев, злость, ярость, отчаяние, несчастье, досада, возмущение, разочарование, ненависть (отрицательные); удивление (изумление), любопытство, интерес (нейтральные) [Кольцова, Токмакова 2015, с.92-93]. Мы решили проверить, есть ли разница между положительными, отрицательными и амбивалентными эмоциональными состояниями по данным криптоклассного анализа. Оказалось, что никаких явных закономерностей и отличий между этими тремя группами выявить нельзя: как для положительных (например, *pleasure*, *pride*), так и для отрицательных (таких, как *fear*) эмоций во всех вариантах английского языка может доминировать криптокласс *Res Parvae*; как у отрицательных (к примеру, *distress*, *anxiety*), так и у положительных (например, *relief*) эмоций доминирующим может быть криптокласс *Res Acutae*; как отрицательные (такие как, *grief*), так и положительные (например, *sympathy*) эмоции в пяти

национальных вариантах могут восприниматься в основном как водная стихия (криптокласс Res Liquidae). Таким образом, можно говорить о том, что в рамках данного исследования стратификация эмоций и чувств по валентности оказалось нерелевантной. Данный результат согласуется с мнением некоторых психологов об условности подобного деления (например, Е.П. Ильин, К. Изард и т.д.), считающих, что «деление эмоциональных реакций на положительные и отрицательные во многом условно и по крайней мере не соответствует положительной или отрицательной роли эмоций для данного человека в конкретной ситуации...Мне представляется, что маркировка эмоционального реагирования тем или иным знаком в качестве постоянной характеристики не оправдывает себя...Положительными или отрицательными бывают не эмоции, а их влияние на поведение и деятельность человека, а также впечатление, которое они производят» [Ильин 2013, с.22-23].

В рамках исследования были рассчитаны коэффициенты корреляции всех идиом внутри рассматриваемых корпусов, а также корреляции между вариантами внутри каждого ареала. Полученные данные были сопоставлены с уровнями генетической близости Д. Долби [Dalby 2000], базирующимися на сопоставлении базового словаря (табл.4).

Таблица 4. Корреляции ареалов.

Корреляция	NOW	GloWbE	Уровни генетической близости
Все варианты	58,5%	59%	ячейка
Африканский ареал	75%	74,4%	внешний язык
Азиатский ареал	80%	79%	внешний язык
Европейский ареал	93,4%	92%	диалект
Австралийский ареал	94,4%	93,3%	диалект
Американский ареал	94,5%	93%	диалект

Таким образом, при сопоставлении с подходом Д. Долби близость всех идиомов соответствует понятию языковой ячейки, варианты африканского и азиатского ареалов соотносятся с самостоятельным языком, а варианты австралийского и американского ареалов – с диалектом, т.е. разновидностью внутреннего языка.

2.3. Эмоциональное благополучие через призму скрытой языковой категоризации эмоций

Вслед за В. Соловьевым [Solovev et al. 2016], опираясь на данные корпуса NOW, мы высчитали индекс эмоционального благополучия (index of satisfaction with life) у 20 рассматриваемых стран. Эмоциональное благополучие рассчитывалось по формуле: *положительные базовые эмоции (joy) – отрицательные базовые эмоции (anger+disgust+fear+sadness) = индекс эмоционального благополучия* (при этом, т.к. вычитаемое является суммой пяти параметров и численно превосходит уменьшаемое, то индекс всегда будет отрицательным числом, т.е. количество отрицательных эмоций значительно превышает количество положительных: ср., язык «фиксирует негативное и отклоняющееся от нормы в гораздо большей степени, чем позитивное и соответствующее норме» [Апресян 2011а, с.36]). Интересное замечание делает В.И. Шаховский, отмечая, что «отрицательные эмотивные единицы заметно преобладают в словарях разных языков, тогда как в речевой практике человека чаще используются эмотивы с положительным знаком» (цит. по [Кольцова, Токмакова 2015, с.11]). Здесь стоит отметить существование в различных языках и культурах лингвистически-позитивного искажения (linguistic positivity bias, LPB), заключающегося в более частой встречаемости позитивно окрашенных слов по сравнению с негативно окрашенными. Существуют различные версии возникновения позитивного искажения. Так, впервые описавший данный эффект Р. Зайонц связал его с принципом Полианны. Ч. Осгуд и Дж. Бушер рассматривали его как проявление универсальной тенденции человеческого мышления отдавать предпочтение положительно окрашенной лексике. Д. Станг и М. Матлин считали, что положительная информация легче запоминается в связи со

своей когнитивной привлекательностью для человека. Помимо этого, выдвигаются предположения о зависимости данного эффекта от объективной исторической реальности, а также связи социализации с позитивным искажением, которое способствует групповому общению. Проведенное на материале базы Google Books и архива газеты New York Times за последние 200 лет недавнее исследование на эту тему, результаты которого были опубликованы 21.11.2016 [Шев et al. 2016], рассмотрело изменение частоты употребления положительно окрашенных слов на протяжении длительного времени в американском английском и влияние социально-исторических факторов на этот показатель. При помощи методов компьютерной обработки текстов (natural language processing, NLP) было выявлено, что индекс лингвистически-позитивного искажения (рассчитанный как отношение положительно окрашенных слов к отрицательно окрашенным) последние 200 лет заметно снижается. При этом удалось установить зависимость данного эффекта от исторических событий (например, войны, кризиса – во время которых индекс резко снижался); его корреляцию с индексом несчастья (отслеживающего уровень безработицы и инфляции) и уровнем субъективного восприятия счастья (с которым была выявлена прямая зависимость – индекс лингвистически-позитивного искажения рос при возрастании индекса счастья и уменьшался при его снижении). В целом, удалось установить, что в американском варианте английского языка индекс лингвистически-позитивного искажения со временем ослабевает, причем данный факт связывают с социальными факторами (например, с возрастающей разобщенностью американского общества).

В результате вычисленного нами индекса эмоционального благополучия самый высокий показатель оказался у Ямайки (-106,84) (рис.162), что, в рамках расчета, объясняется самым низким уровнем употребления имени *fear*, который ниже среднего значения на 60% – Ямайка находится на последнем месте среди рассматриваемых стран по использованию данного слова, также для ямайского варианта английского языка характерно редкое упоминание эмоции *anger* (по данному показателю Ямайка занимает предпоследнее место) (рис.163). На втором месте по уровню эмоционального

благополучия располагается Бангладеш (-131,24) (рис.162), характеризующийся наиболее частотным употреблением имени радость (рис.163): показатель joy в Бангладеш в 2 раза превышает средний показатель среди всех стран. Бангладеш и Ямайка, что также любопытно, имеют высокий показатель не только по рассчитываемому здесь индексу, но и по Международному индексу счастья 2016 [<http://happyplanetindex.org/>], занимая восьмое и одиннадцатое место в мире, что является наиболее высокими показателями среди рассматриваемых нами 20 стран. В рамках этого индекса измеряется субъективная удовлетворенность жизнью, средняя продолжительность жизни, равенство людей и «экологический след».

Рис.162. Индекс эмоционального благополучия по данным корпуса NOW

Самый низкий уровень эмоционального благополучия у Нигерии (-331,07) (рис.162), для которой характерны самые высокие показатели использования имен *fear* (в 1,6 раз превышает средний уровень среди всех рассматриваемых стран), *sadness* (в 1,9 раз выше среднего значения) и *anger* (также в 1,6 раз превышает средний показатель) (рис.163). Предпоследнее место по индексу эмоционального благополучия занимает Пакистан (-323,41) (рис.162), располагающийся на втором месте по употреблению базовой эмоции страха (*fear*) – данный показатель в пакистанском варианте английского языка в 1,4 раза выше среднего уровня среди всех

рассматриваемых стран (рис.163). Важно отметить, что согласно Global Terrorism Database (GTD) [Global Terrorism Database] в 2015 году Пакистан вошел в пятерку государств, где произошло наибольшее количество террористических атак, а Нигерия – в пятерку стран с наибольшим количеством погибших в результате терактов (т.к. в этом государстве было зафиксировано 23% от мирового уровня смертей в результате террористических атак), заняв второе место после Ирака (показатель которого составил 30,4% от мирового уровня погибших в результате терактов).

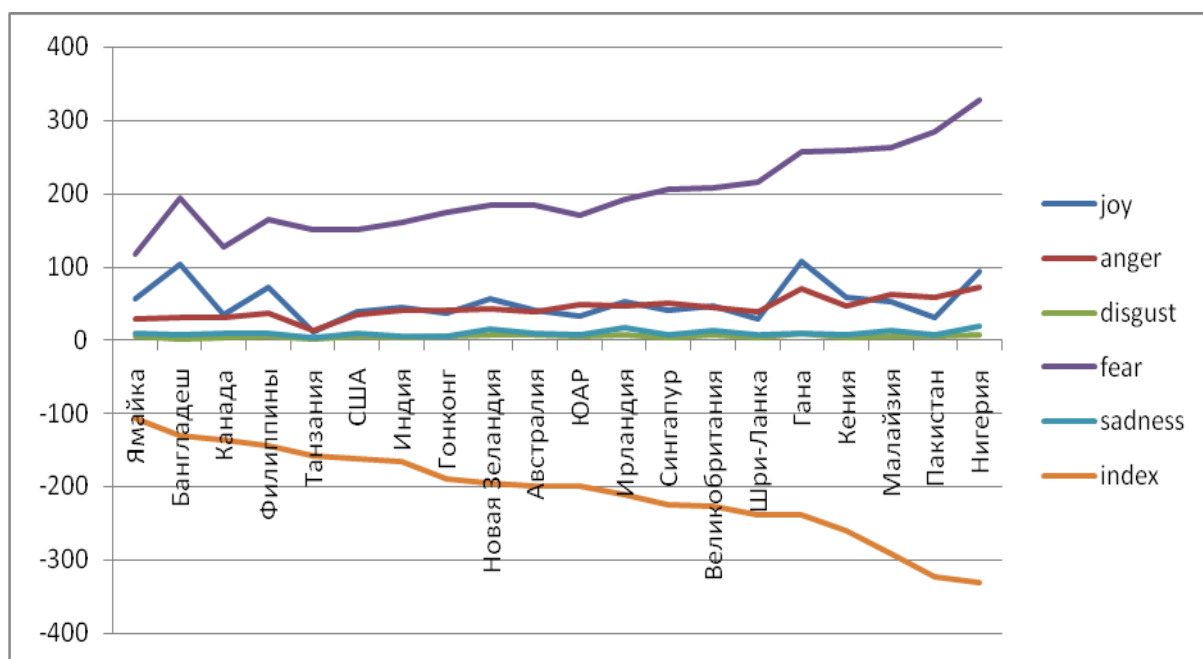

Рис.163. Сопоставление пяти базовых эмоций и индекса эмоционального благополучия
 *страны ранжированы по уменьшению индекса эмоционального благополучия

Как видно на рисунке (рис.164), количество употреблений имени страх превалирует над остальными эмоциями: об отвращении говорят меньше всего, о грусти – в 2 раза чаще, о злости в 4,6 раз чаще, чем о грусти, о радости – в 1,2 раза чаще, чем о злости, и наивысший показатель среди всех базовых эмоций у страха – о нем по-английски говорят в 3,9 раза чаще, чем о радости и в 42 раз чаще, чем об отвращении (рис.164). Помимо этого мы видим, что страх является основным определяющим фактором для рассматриваемого индекса эмоционального благополучия (рис.163): в то время как остальные эмоции остаются примерно на одном уровне (исключая несколько пиков), именно увеличение употребления страха оказывает

влияние на снижение индекса эмоционального благополучия, т.е. уровень страха и эмоциональное благополучие находятся в обратной пропорциональной зависимости (коэффициент корреляции между ними составляет -94%), при этом частота использования эмонимов *fear* и *anger* находятся в прямой зависимости (и коэффициент корреляции между ними равен 83%), т.е. при увеличении упоминаний страха, увеличивается количество использования имени *anger* и наоборот.

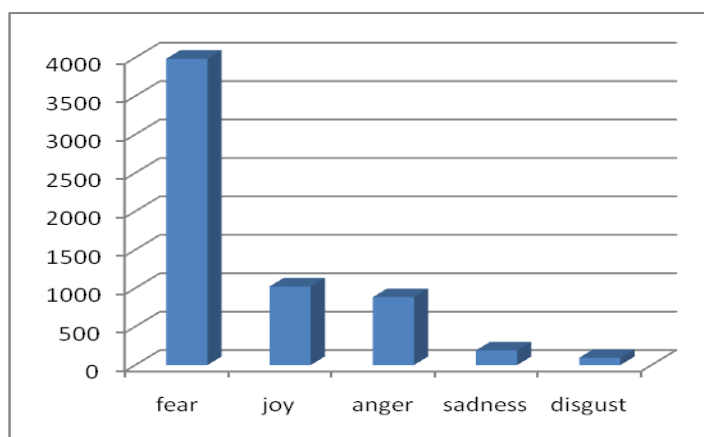

Рис.164. Количество употреблений базовых эмоций в корпусе NOW

Полученные данные коррелируют с данными экспериментальной группы под руководством В. Соловьева [Solovev et al. 2016], которая предположила существование зависимости между ростом терроризма в мире и повышением частоты употребления слова *fear* (страх), что было подтверждено в нашей статье [Борискина, Донина 2016а], показавшей, что среди стран, новостной дискурс которых пропитан разговорами о терроре, терроризме и терактах, лидирует Пакистан, вместе с тем, это государство также на первых позициях по использованию в текстах упоминаний базовой эмоции страха и на предпоследнем месте по уровню эмоционального благополучия. Таким образом, на примере национального варианта английского языка Пакистана можно наблюдать обратную зависимость: чем больше в стране говорят о терроризме, тем ниже уровень эмоционального благополучия и тем чаще люди испытывают страх и упоминают о нем. Подобная ситуация повторяется и в других национальных вариантах (включая Нигерию, Кению, Гану, Малайзию и Шри-Ланку), которые показывают наиболее высокие показатели использования имен *fear*, *terror* и

terrorism, и, в то же время, занимают последние шесть позиций по индексу благополучия. Варианты Ямайки и Канады отражают противоположную тенденцию: так, Ямайка занимает первое место по индексу эмоционального благополучия и меньше всего говорит о страхе, ужасе/терроре и терроризме (ямайский вариант занимает последние места в рейтинге использования данных имен), что также типично для Канады, которая занимает третью строчку в индексе эмоционального благополучия и при этом довольно редко рассуждает о *fear*, *terror* и *terrorism* (который указан здесь, хотя является деятельностью, а не эмоцией, т.к. выступает в качестве возможной причины наблюдаемых закономерностей) (рис.165). В целом коэффициент корреляции между частотой употребления имен *terror* и *terrorism* в корпусе NOW составил 84%, между именами *fear* и *terror* – 72%, между словами *fear* и *terrorism* – 67%, т.е. для имен *fear*, *terror*, *terrorism* наблюдается сильная прямая зависимость; теснота связи между индексом эмоционального благополучия и именем *terror* составила -59%, а между индексом благополучия и словом *terrorism* -56%, что отражает среднюю обратную зависимость между рассматриваемыми факторами, а именно индексом благополучия и частотой использования имен *terror* и *terrorism*.

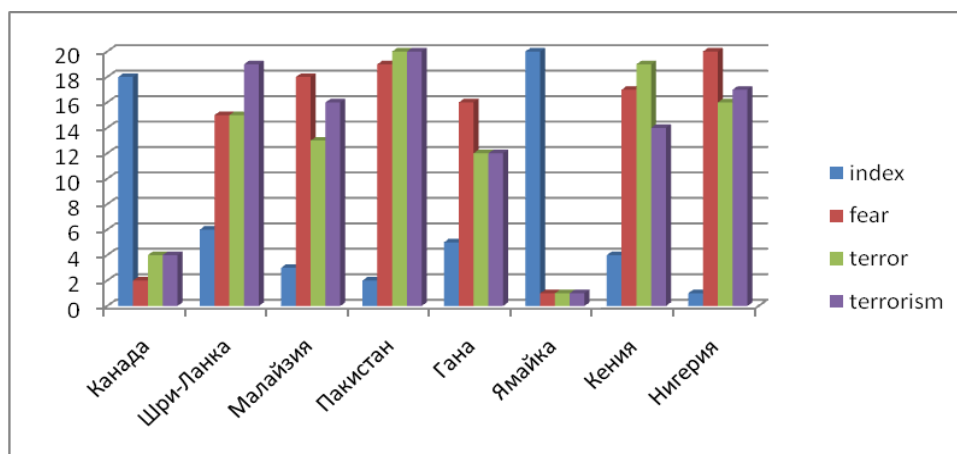

Рис. 165. Сопоставление частоты употребления слов *terror*, *terrorism*, *fear* и индекса эмоционального благополучия * индексы подверглись инверсии для наглядности сопоставления

Вслед за [Кольцова, Токмакова 2015], где показана эмоциональная эволюция русской литературной сказки на базе частоты употребления пяти эмоций: радости, жалости, любви, удивления и страха – мы решили

проверить, как соотносятся данные лексемы в современном новостном дискурсе англоговорящих государств. В итоге анализа данных корпуса NOW было выявлено, что в целом цепочка эмоциональных предпочтений выглядит так: love→fear→surprise→joy→pity. Таким образом, чаще всего в английском новостном дискурсе говорят о любви (в 45% случаях), в 25% используют лексику *страх*, в 18% примерах говорят об удивлении, в 10% - о радости и в 2% - о жалости. Данное ранжирование приоритетов характерно для 14 идиомов (рис. 166), исключениями являются шриланкийский, гонконгский и танзанийский варианты – где на первом месте страх, а любовь занимает вторую позицию; новозеландский вариант – где на второй позиции удивление, а не страх; а также ямайский и бангладешский варианты – третье место здесь занимает радость, а не удивление. Среди всех рассматриваемых национальных вариантов наиболее высокий показатель употреблений имен любовь, страх и жалость – у нигерийского варианта, чаще всего говорят об удивлении в Гане, а о радости – в Бангладеш; самые низкие показатели для любви, удивления, радости, жалости у танзанийского варианта, а меньше всего говорят о страхе в Канаде.

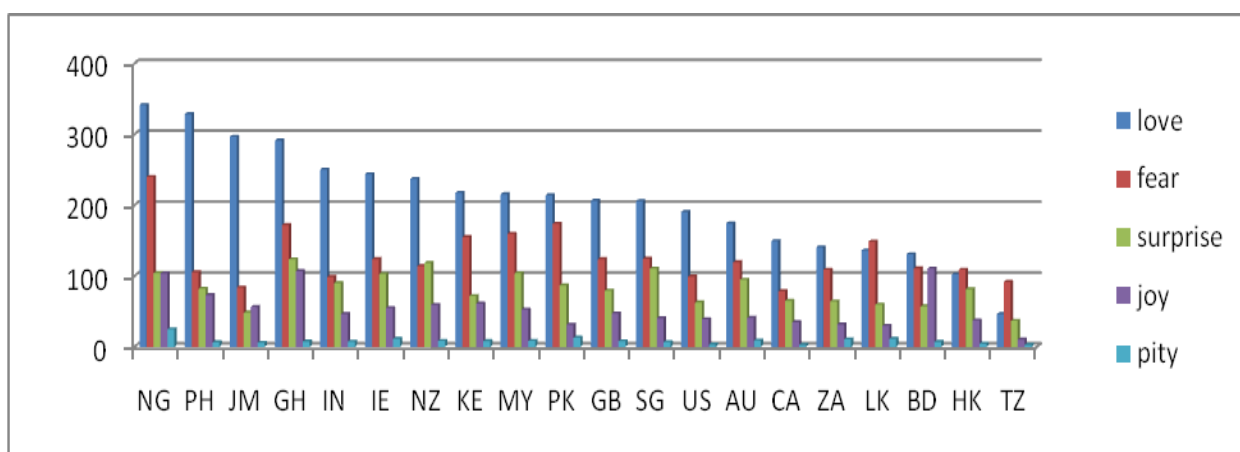

Рис. 166. Эмоциональные предпочтения по идиомам

Выводы

1. Был проведен криптоклассный анализ 181 эмонима в 20 вариантах английского языка на материале корпусов GloWbE и NOW и сформирован корпус из 23 имен эмоций, насчитывающий 64.702 словоупотребления; были построены криптоклассные портреты рассматриваемых имен и таксономии для всех эмонимов; применение методов математической статистики и компьютерно-когнитивного моделирования (ККМ) позволило смоделировать карты 23 эмоций.

2. В результате проделанной работы были выявлены языковые ареалы и рассчитаны коэффициенты корреляций между отдельными идиомами и между ареалами. Каждый эмоним рассматривался в ракурсе ареальной специфики.

3. Была выявлена когнитивная общность эмоциональных переживаний для всех носителей английского языка независимо от ареала его использования, которая, в среднем, выражается следующей последовательностью криптоклассных предпочтений эмонимов: *Res Parvae* → *Res Liquidae* → *Res Acutae* → *Res Filiformes* → *Res Longae Penetrantes* → *Res Rotundae*. Данный вывод коррелирует с результатами анализа криптоклассных предпочтений имен абстрактных сущностей на базе корпуса *Corpus of Contemporary American English* с преобладанием криптоклассов *Res Parvae* и *Res Liquidae* в скрытой языковой категоризации эмоций [Борискина 2011].

4. Было установлено, что национальные варианты английского языка внутри каждого ареала демонстрируют во многом аналогичную, но не идентичную картину категоризации эмоций. Содержательная специфика ареалов была определена посредством анализа профилей кластеров. Было установлено, что наиболее представленным криптоклассом во всех ареалах выступает *Res Parvae*, для ареалов Австралии, Америки, Африки и Карибского бассейна вторым по значимости при языковой категоризации эмоций выступает криптокласс *Res Liquidae*, а для ареалов Азии и Европы – *Res Acutae*. Данные криптоклассные предпочтения эмонимов по ареалам, по-

видимому, обусловлены тесными контактами английского языка с языками коренного населения.

5. В среднем связь между корпусами NOW и GloWbE составила 95,2%, что означает достаточно высокую степень сходства в распределении криптоклассных предпочтений в данных корпусах. Коэффициент корреляции между корпусами GloWbE, NOW и COCA (в среднем 91%) для всех рассмотренных имен также следует считать сильной корреляцией, что является надежным свидетельством достоверности материала и обоснованности выводов исследования.

6. На основе дерева решений были разработаны правила, позволяющие в перспективе написать компьютерную программу, способную устанавливать ареальную принадлежность варианта или диалекта языка.

7. Было установлено, что категоризация эмоций в разных вариантах английского неоднородна и представляет собой когнитивный континуум, связанный с весом и сменой криптоклассных приоритетов.

8. Когнитивный континуум категоризации эмоциональных переживаний для англоязычного сознания был визуализирован с помощью методов Data Mining и компьютерно-когнитивного моделирования (ККМ). Когнитивный континуум отражает множественные плавные переходы в особенностях познания и языковой категоризации мира средствами разных идиомов языка. Была смоделирована карта корпусного распределения эмоций.

9. Средний коэффициент корреляции всех национальных вариантов в корпусе NOW составляет 58,5%, варианты внутри африканского ареала близки в среднем на 75%, варианты азиатского ареала – на 80%, европейского – на 93,4%, австралийского – на 94,4%, американского – на 94,5%. Средний коэффициент корреляции всех национальных вариантов по данным корпуса GloWbE равен 59%, варианты внутри африканского ареала обладает теснотой связи в среднем 74,4%, варианты внутри азиатского ареала – 79%, варианты европейского ареала близки на 92%, американского – 93%, австралийского – 93,3%. Следовательно, коэффициент корреляции идиомов внутреннего круга (по модели Б. Качру) не опускается ниже 92%, что

указывает на высокую согласованность «устоявшихся» вариантов в связи с длительными по времени языковыми контактами между Британским и Ирландским, Американским и Канадским, Австралийским и Новозеландским вариантами английского языка. В то время как варианты внешнего круга (по модели Б. Качру) согласуются на 74%-80%, что обусловлено меньшей степенью «сформированности», или устойчивости, связанной с менее длительным использованием идиомов африканского и азиатского ареалов и менее тесными контактами между их составляющими.

10. Учитывая, что ареальные коэффициенты корреляции превышают корпусные коэффициенты корреляции (т.е. усредненные данные для всех 20 национальных вариантов), можно считать результат ареального разбиения статистически значимым. Таким образом, идиомы, которые являются географически близкими, демонстрируют больше сходств в языковой категоризации мира по сравнению с идиомами, географически удаленными.

11. Результаты исследования находятся в прямой зависимости от объема подкорпуса определенного варианта языка. Так, в танзанийском подкорпусе NOW обнаружено меньше всего словоупотреблений, релевантных целям криптоклассного анализа. Соответственно, данный вариант оказался самым «метафорически скудным», где из 23 рассмотренных эмоций метафоризируются только четыре (Приложение 4).

12. Достаточно тесная связь между всеми идиомами (59%) объясняется, с одной стороны, единой биохимической и психологической сущностью эмоций, с другой стороны, типологическим и генетическим родством рассматриваемых в работе идиомов. Уникальность же идиомов и содержательная специфика их ареальной общности составляют 41%.

13. В результате привлечения точных методов анализа к исследованию эмоционального благополучия была установлена зависимость между базовыми эмоциями и индексом эмоционального благополучия: подтверждено наличие **обратной** зависимости между уровнем эмоционального благополучия и словоупотреблением *fear* (страх) и *terror* (ужас), а также **прямой** зависимости между словоупотреблением *fear* и *anger*.

Заключение

Национальная специфика категоризации эмоциональных переживаний в разных языках является актуальным предметом лингвистических разработок и имеет длительную традицию изучения. Многочисленные сопоставительные исследования убедительно доказывают, что не только структура и объем эмотивной лексики, но и план содержания имен отдельных эмоциональных и чувственных состояний человека различаются по языкам.

Обзор существующих подходов к проблеме языковой вариативности и методик сравнения вариантов языка показал, что при всей релевантности их применения для описания внешних, структурных языковых явлений, они не всегда пригодны для выявления глубинных, когнитивно-обусловленных особенностей функционирования языка, например, в разных частях англоязычного пространства.

Варианты английского языка отличаются не только потому, что отличается их звуковая или графическая форма, но и содержательно, поскольку отличается субъективный когнитивный (социальный) опыт языковых коллективов, говорящих на этих вариантах. Привлеченные к исследованию двадцать вариантов английского языка, будучи генетически родственными, тем не менее, достаточно долго формировались в контакте с языками разных языковых ареалов, что не могло не отразиться и в лексике, и на их грамматических характеристиках, и на особенностях языковой категоризации таких сущностей реальности сознания как эмоциональные переживания. Для этих целей в работе использовался *новаторский способ описания языковой вариативности*.

Чтобы определить насколько аналогичны образы эмоций в языковом сознании сообществ, говорящих на разных вариантах одного и того же языка, чтобы выяснить наследуются ли механизмы языковой категоризации эмоций в процессе ареального отдаления вариантов английского, мы привлекли методику криптоклассного анализа. Суть методики состоит в анализе большого объема метафорических словосочетаний заданного имени – а в нашем случае это эмонимы типа *shame, fear, passion* – с целью дальнейшего

определения вхождения имен эмоций в криптоклассы английского языка. Шесть описанных на настоящий момент криптоклассов английского языка представляют собой скрытые лексико-грамматические категории, которые типологически выделены и закреплены в явной грамматике других языков мира. Криптоклассный анализ именной классификативности является, на наш взгляд, удобным инструментом, с помощью которого можно посмотреть на, казалось бы, достаточно хорошо изученное явление с другого ракурса, что в свою очередь обеспечит более глубокое проникновение в его (явления) сущность и эволюцию.

Рассмотренный в работе *криптоклассный способ описания вариативности* языка позволяет констатировать, что *устоявшиеся* варианты английского языка по таким ареалам как европейский, американский и австралийский попадают под определение *диалекта* языка, в то время как идиомы, которые все ещё находятся в стадии становления в рамках азиатского и африканского ареалов, следует квалифицировать как *самостоятельные языки* с высоким уровнем генетической близости. Данное заключение коррелирует с существующими в науке моделями описания вариативности языка.

Новизна диссертационного исследования заключалась в том, что в нем впервые предпринята попытка описания ареальной вариативности английского языка на основе сопоставления криптоклассной специфики имен эмоций в двадцати национальных вариантах английского языка с применением методов точных наук для анализа метафоры.

Отправной точкой исследования стало изучение накопленного в лингвистике и когнитивной науке опыта описания ареальной вариативности языка, а также практики изучения эмоциональных состояний и эмотивной лексики.

Как выяснилось, большинство работ как в западной, так и в отечественной традиции посвящено описанию лексических, грамматических, фонологических или супрасегментных особенностей рассматриваемых идиомов (World Englishes), или как их часто называют вариантов английского языка. Обращение к методике криптоклассного анализа

сочетаемости именной лексики [Кретов 1994], [Борискина, Кретов 2003], [Борискина 2011] привело к выдвижению гипотезы исследования, подтверждение которой явилось обоснованием нового способа описания результатов территориального размежевания английского языка. Данная методика позволяет учитывать когнитивную и психолингвистическую природу категоризационных процессов для понимания и объяснения процессов классификационных, в частности механизмов именной классификативности в языках мира на основе выявления и сравнения скрытых языковых категорий (криптоклассов). Таким образом, проблемы ареальной вариативности рассматривались в настоящем исследовании с целью выявления особенностей языковой категоризации определенного спектра эмоциональных состояний и систематизации криптоклассных проекций эмотивной лексики в двадцати вариантах английского языка (британский (British English), ирландский (Hiberno-English/Irish English), американский (American English), канадский (Canadian English), австралийский (Australian English), новозеландский (New Zealand English), ямайский (Jamaican English), индийский (Indian English), пакистанский (Pakistani English), филиппинский (Philippine English), сингапурский (Singapore English), шриланкийский (Sri Lankan English), гонконгский (Hong Kong English), малайзийский (Malaysian English), бангладешский (Bangladeshi English), кенийский (Kenyan English), южноафриканский (South African English), нигерийские (Nigerian English), ганский (Ghanaian English), танзанийский (Tanzanian English)).

Анализ метафорической сочетаемости с целью выявления особенностей языковой категоризации определенного спектра эмоциональных состояний и систематизации криптоклассных проекций эмонимов в разных вариантах английского языка проводился впервые.

Для выявления различий между вариантами английского языка использовались данные электронных национальных корпусов Corpus of Global Web-based English (GloWbE) 1.9 млрд. словоупотреблений) и NOW Corpus (“News On the Web”) (2.8 млрд. словоупотреблений) <http://corpus.byu.edu/>, а также информационный лингвистический ресурс

«Криптоклассы английского языка», созданный в рамках совместного проекта кафедры ТиПЛ и НМЦ Компьютерной Лингвистики ВГУ www.rgph.vsu.ru/coel/.

Метафорические выражения двадцати трех английских эмонимов в количестве 64702 словоупотреблений пополнили электронный лингвистический ресурс «Криптоклассы английского языка». Объектом исследования, таким образом, стала лексико-синтаксическая метафорическая сочетаемость следующих двадцати трех эмонимов английского языка: (*emotion* (эмоция), *feeling* (чувство), *hope* (надежда), *surprise* (удивление), *anger* (гнев), *passion* (страсть), *happiness* (счастье), *interest* (интерес), *fear* (страх), *joy* (радость), *grief* (горе), *sympathy* (сочувствие), *terror* (ужас), *pleasure* (удовольствие), *love* (любовь), *pride* (гордость), *pity* (жалось), *relief* (облегчение), *concern* (озабоченность), *distress* (несчастье), *shame* (стыд), *guilt* (вина), *anxiety* (тревога)). Заявленные эмонимы были распределены по криптоклассам английского языка. Как выяснилось, криптокласс «Res Parvae» является приоритетным в метафорическом представлении эмонимов по сравнению с другими описанными на настоящий момент криптоклассами английского языка, что обусловлено антропоцентричностью языка.

Необходимым этапом работы стало проведение количественного анализа и статистических измерений. Количественные данные представленности эмонимов в криптоклассах английского языка *по вариантам*, полученные на основании изучения частоты встречаемости рассматриваемых эмонимов в корпусах, использовались на следующем этапе статистических расчетов для определения тесноты связи между национальными вариантами и языковыми ареалами. Были рассчитаны коэффициент линейной корреляции и множественный коэффициент корреляции, позволившие определить схожесть криптоклассных представлений вариантов английского языка об исследуемых лексемах. При помощи статистических методов обработки данных удалось вычислить **тесноту связи** между двадцатью вариантами английского языка в общем и *по ареалам* (американский, азиатский, европейский, австралийский, африканский) в сфере именной классификативности на материале эмотивной

лексики. Статистические данные по тесноте связи вариантов английского языка при помощи программы компьютерного когнитивного моделирования представлены в виде *карт* эмоций.

Для обеспечения релевантности материала и достоверности выводов корпусного исследования, а также для проверки представленности исследуемого материала в используемых ресурсах был вычислен коэффициент корреляции между корпусами, который составил 95,2%, что свидетельствует о тесной корреляционной связи и аналогичности криптоклассных проекций, или предпочтений, всех рассматриваемых имен в данных корпусах.

В результате проведенных поисковых работ подтвердилась основная гипотеза исследования: для описания семантической близости ареальных вариантов языка применим метод криптоклассного анализа, с помощью которого можно установить связь вариативности языка с хронотопом. Исследование показало, что ареально близкие идиомы демонстрируют больше сходств в скрытой категоризации мира по сравнению с географически удаленными.

Изучение выявленных особенностей языковой категоризации эмоциональных состояний в вариантах языка позволило предложить когнитивную интерпретацию ареальной вариативности именных таксономий на материале эмотивной лексики.

Полученные выводы свидетельствуют о том, что национальные / территориальные варианты английского языка внутри каждого ареала демонстрируют во многом аналогичную, но не идентичную картину языковой категоризации эмоций. *Когнитивная общность осмысления* и категоризации эмоций проявляется в том, что эмонимы употребляются в одинаковых, похожих или сопоставимых классифицирующих конструкциях и относятся, в целом, к одним и тем же криптоклассам во всех двадцати вариантах английского. Общность категоризационных процессов в вариантах языка объясняется, с одной стороны, единой психологической природой эмоций для всех людей, с другой же стороны, скрытой памятью слова.

В то же время категоризация эмоций в разных вариантах английского **неоднородна** и может быть представлена в виде *когнитивного континуума*, связанного с весом и различием криптоклассных приоритетов. Такое представление данных нашего исследования, с одной стороны, синхронизируется с достаточно хорошо разработанными в лингвистике понятиями «диалектного» и, шире, «языкового континуума», с другой же, позволяет проследить динамику изменений в языковой категоризации эмоций по идиомам, привязав ее к наполняемости корпуса(ов). Корпус NOW обновляется ежедневно, что, с нашей точки зрения, является уникальной возможностью изучения языковых изменений.

Неоднородность языковой категоризации эмоций по идиомам и ареалам, представленная в виде когнитивного континуума, связана с особенностями климатических и природных условий региона, с интенсивностью влияния местных языков на английский и с особенностями коллективного когнитивного опыта рассматриваемых языковых сообществ, хотя и ограниченность корпусных данных безусловно влияет на общую картину.

Комплексная методика исследования позволила визуализировать заданную область некоторых эмоциональных переживаний. Данные, полученные в результате компьютерно-когнитивного моделирования *ненаблюдаемых* объектов, позволяют расширить наше понимание национально-культурной специфики в восприятии мира и являются очередным доказательством сложной взаимосвязи языка, мышления и культуры отдельных языковых сообществ. Практическая ценность проделанной работы состоит в пополнении информационного лингвистического ресурса COEL (www.rgph.vsu.ru/coel/).

Среди основных перспектив исследования можно обозначить, во-первых, возможность лингвокультурологической интерпретации полученных результатов, во-вторых, дополнение результатов исследования при появлении новых криптоклассов, и, в-третьих, исследование динамики влияния языков и языковых ареалов друг на друга с течением времени.

Глоссарий используемых терминов и сокращений

АЯ – английский язык.

COCA – Corpus of Contemporary American English (M. Davis).

GloWbE – корпус Global Web-Based English (M. Davis)

NOW – NOW Corpus (‘News on the Web’) (M. Davis)

ИС COEL – информационная система «Криптоклассы английского языка» (*Cryptotypes of the English language*) <http://www.rgph.vsu.ru/coel/>.

Англосфера – английское языковое пространство.

Идиом – общий термин для обозначения различных языковых образований (языка, диалекта, говора и т.д.); применяется для нейтрализации оппозиции язык – диалект – говор.

Идиомы:

AU (Australia) – идиом Австралии

BD (Bangladesh) – идиом Бангладеш

CA (Canada) – идиом Канады

GB (Great Britain) – идиом Великобритании

GH (Ghana) – идиомы Ганы

HK (Hong Kong) – идиом Гонконга

IE (Ireland) – идиом Ирландии

IN (India) – идиом Индии

JM (Jamaica) – идиом Ямайки

KE (Kenya) – идиом Кении

LK (Sri Lanka) – идиом Шри-Ланки

MY (Malaysia) – идиом Малайзии

NG (Nigeria) – идиом Нигерии

NZ (New Zealand) – идиом Новой Зеландии

PH (Philippines) – идиом Филиппин

PK (Pakistan) – идиом Пакистана

SG (Singapore) – идиом Сингапура

TZ (Tanzania) – идиом Танзании

US (United States) – идиом США

ZA (South Africa) – идиом ЮАР

Коллострукция – колло[кация + кон]струкция, (ср. *collostruction* – *collo-cation* + *con-struction*), лексико-синтаксический конструкт, отражающий реализацию семантико-синтаксической валентности коллокатов (признаковых слов и имен существительных), удобный для записи проявлений скрытой классификативности имен, записывается в виде [N flows].

ККМ (компьютерное когнитивное моделирование) – синтез компьютерного моделирования и когнитивной компьютерной графики (ККГ).

Коэффициент корреляции – статистический показатель, количественно характеризующий тесноту связи в корреляционном анализе.

Теснота связи – степень связи признаков, между которыми мы ищем корреляционную зависимость, когда количественный показатель одного признака меняется в зависимости от изменения показателя другого признака.

Криптокласс – лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (словоформу или конструкцию) и имеющая соответствие в явной грамматической категории хотя бы одного языка мира.

Криптоклассы:

Res Liquidae (эталон – ‘вода’)

Res Acutae (эталон – ‘шип’)

Res Filiformes (эталон – ‘нить’)

Res Rotundae (эталон – ‘мяч’)

Res Parvae (эталон – ‘камень’)

Res Longae Penetrantes (эталон – ‘копьё’)

Криптоклассная проекция имени – факт вхождения имени в определенный криптокласс (ПоКА > 0).

Криптоклассный портрет имени – данные о распределении имени по криптоклассам английского языка, представленные средствами компьютерной графики.

Метафороним криптокласса – имя существительное абстрактной семантики, которое относится к именованному криптоклассу на основании его метафорической категоризации по аналогии с эталоном криптокласса.

ПоКА имени – показатель криптоклассной активности имени, выражается в относительных величинах.

Эмоним – название эмоции; термин, позволяющий разграничить название эмоции и само чувственное переживание.

Языковой вариант – официально закрепленный стандарт плюрицентрического языка т.е. языка, используемого в нескольких государствах, каждое из которых выработало свой стандартный национальный языковой вариант.

Список литературы

1. Абросимова Л.С. Словообразовательная категоризация в языковой картине мира (на материале отсоматической лексики английского языка): автореф. дис. ... доктора филол.наук / Л.С. Абросимова. – Ростов-на-Дону, 2015. – 42 с.
2. Аноприенко А.Я. От вычислений к пониманию: когнитивное компьютерное моделирование и опыт его практического применения на примере решения проблемы Фестского диска / А.Я. Аноприенко // Научные труды Донецкого государственного технического университета. Вып.6. Серия "Информатика, кибернетика и вычислительная техника" (ИКВТ-99). - Донецк: ДонГТУ. – 1999. – С. 36-47.
3. Анохин К.В. Коды вавилонской библиотеки мозга / К.В. Анохин // В мире науки. – 2013. – № 5. – С. 83–89.
4. Анохин К.В. Когнитом: в поисках общей теории когнитивной науки / К.В. Анохин / Шестая международная конференция по когнитивной науке. - Калининград, 2014. – С. 23–27.
5. Анохин К.В. Когнитом–гиперсетевая модель мозга / К.В. Анохин // Нейро–информатика–2015. Материалы XVII Всероссийской научно–технической конференции. НИЯУ МИФИ. – Москва, 2015. – С. 14–15.
6. Анохин К.В. Коннектом и когнитом: заполнение разрыва между мозгом и разумом / К.В. Анохин // Седьмая международная конференция по когнитивной науке. - Калининград, 2016. – С. 18 – 19.
7. Антонова А.В. Cognitive and discourse aspects of the language and speech units (Когнитивные и дискурсивные аспекты единиц языка и речи) / А.В. Антонова, И.В. Вержинская, П.А. Горохов [и др.]. – Raleigh, North Carolina, USA : Lulu Press, 2015. – 500 с.
8. Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1963. – С. 102–148.
9. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю.Д. Апресян. – М. : Наука, 1967. – 250 с.

10. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д.Апресян // Семиотика и информатика.- Вып. 28. – М., 1986. – С. 5–33.
11. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Т.2. - М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
12. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. – М., 2006. – С. 33–160. страницы
13. Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английский эмоциональные концепты / В.Ю. Апресян // Вопросы языкознания.– 2011а. – №1.– С. 19– 51.
14. Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты (2) / В.Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 2011b. – № 2. – С. 63– 88.
15. Аристотель. Риторика / Аристотель. – М. : 1978. – 411 с.
16. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. - М.: Изд-во Ин-та философии АН СССР, 1984. - Т. 4: Никомахова этика. - 830 с.
17. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – С. 1064–1112.
18. Арутюнова Н.Д. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения / Н.Д. Арутюнова // Грамматическое описание славянских языков. – М., 1974. – С. 158– 171.
19. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. Литература и языкознание. – 1978. – Т. 37. – №4. – С. 333—334: 336.
20. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора : (синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 147– 173.
21. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5– 32.
22. Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств / Н.Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 385– 400.

23. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 54–78.
24. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл : логико–семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Едиториал УРСС, 2009 (1976). – 382 с.
25. Архипова Е.И. Этнокультурные коллокации в лексикографическом аспекте (на русском и англо-американском языковом материале): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Архипова. - Кемерово, 2016. - 19 с.
26. Багдасарова Н.А. Этнопсихологические детерминанты эмоциональности дискурса / Н.А.Багдасарова // Филологические науки в МГИМО: Сборник научных трудов. – М. : МГИМО, 2004. – №14 (29).
27. Багдасарова Н.А. Эмоциональный опыт в контексте разных культур / Н.А. Багдасарова // Человек. – 2005. – № 5.– С. 105-111.
28. Багдасарова Н.А. Невербальные формы выражения эмоций в контексте разных культур: универсальное и национальное [Электронный ресурс] / Н.А. Багдасарова // Материалы межвузовского семинара по лингвострановедению. - МГИМО МИД РФ, 2006. <http://mgimo.ru/files/35232/35232.pdf> - статья в интернете.
29. Баранов А.Г. Когнитивность текстовой деятельности / А.Г. Баранов // Языковое сознание и образ мира. – М., 1997. –С. 20– 21.
30. Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции / А.Н. Баранов // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С.71-79.
31. Беликов В.И. Социолингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 337 с.
32. Белова А.Д. Категоризация и концептуализация знаний в теоретической и прикладной лингвистике // Лінгвістика ХХІ століття: нові дослідження і перспективи / НАН України. Центр наукових досліджень і викладання іноземних мов; редкол. А. Д. Белова (гол. редактор) та ін. – К., 2007. – С. 24 – 34.
33. Беляева Т.М. Английский язык за пределами Англии / Т.М. Беляева, И.А. Потапова. – М. : Гос. учеб.– пед. изд–во Мин–ва Просвещ. РСФСР. 1962. – 150 с.

34. Берри Дж. Кросс–культурная психология. Исследования и применение/ Дж.Берри, А.Х.Пуртинга, М.Х.Сигалл, П.Р. Дасен. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. – 560 с.
35. Бертагаев Т.А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления / Т.А. Бертагаев // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 82–85.
36. Блэк М. Лингвистическая относительность (теоретические воззрения Бенджамена Ли Уорфа) / М.Блэк // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С.199– 212.
37. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
38. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
39. Бондарко А.В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике / А.В. Бондарко // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С.180– 201.
40. Борискина О.О. Криптоклассы первостихий как элемент онтогностического описания языка/ О.О. Борискина // Проблемы лингвистической прогностики. – Воронеж, 2000. – С. 121– 126.
41. Борискина О.О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О.О. Борискина, А.А. Кретов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – 220 с.
42. Борискина О.О. Моделирование синтагматической динамики слова / О.О. Борискина // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. 2008, – № 3. – С. 57– 64.
43. Борискина О.О. Криптоклассные проекции мира непредметных сущностей: опыт криптоклассного анализа словосочетаемости / О.О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 1. – С. 32– 37.
44. Борискина О.О. Объяснение необъяснимого или о мотивации немотивированного / О.О. Борискина // Вестник Санкт–Петербургского

- университета. Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика». – 2010а. – № 1. – С. 95–100.
45. Борискина О.О. Классифицирующие структуры в криптоклассном исследовании / О.О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010b. – № 2. – С. 28–33.
46. Борискина О.О. Об остроте непредметных сущностей. Еще один подход к изучению метафорики политического дискурса / О.О. Борискина // Политическая лингвистика. – 2010с. – № 1. – С.153– 158.
47. Борискина О.О. Еще один подход к изучению метафорики политического дискурса / О.О. Борискина // Политическая лингвистика. – 2010d. – № 1 (31). – С. 153–158.
48. Борискина О.О. Криптоклассы английского языка /О.О. Борискина. – Воронеж : «Истоки», 2011а. – 333 с.
49. Борискина О.О. Метафоронимы: в поисках толкования / О.О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2011b. – № 1. – С. 63–68.
50. Борискина О.О. Выявление скрытой категориальности имен / О.О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2011с. – № 2. – С. 15– 18.
51. Борискина О.О. Английский криптокласс «Res Longa» или и все-таки они колются/ О.О. Борискина, О.В. Данина. – Воронеж, – 2011d. – С. 84– 95.
52. Борискина О.О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19, 10.02.04 / Борискина О.О.; [Место защиты: Воронеж. гос. ун– т].– Воронеж, 2011е.
53. Борискина О.О. Теория и практика политической метафорологии / О.О. Борискина // Политическая лингвистика. – 2011f. – № 1. – С. 254–256.
54. Борискина О.О. Криптоклассные метафоронимы и политическая метафорология / О.О. Борискина // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф.– Екатеринбург, 2011g. – С. 34–36.

55. Борискина О.О. К вопросу об «агрегатном состоянии» эмоций / О.О. Борискина // Среди нехоженных путей. Сборник науч. ст. к юбилею А.А. Кретьева.– Воронеж, 2012. – С. 281–292.
56. Борискина О.О. Познание скрытой категориальности в языке: теория и методология/ О.О. Борискина // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 16. – С. 112–120.
57. Борискина О.О. Корпусные технологии в политической метафорологии: «террор» и «терроризм» по данным электронных ресурсов/ О.О. Борискина, О.В. Доница // Политическая лингвистика. Вып. 4 (58).– Екатеринбург, 2016а. – С. 167–172.
58. Борискина О.О., Доница О.В. Эмотивная лексика в аспекте ареальной вариативности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2016б. – № 4. – С. 41–45.
59. Боярская Е.Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура/ Е.Л. Боярская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2011. – № 2. – С. 18–28.
60. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1. – С. 16–32.
61. Будаев Э.В. Концептуальная метафора на службе у разведки США/ Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 12–16.
62. Букалов А.В. Квантомеханический подход к описанию языка и его эволюции / А.В. Букалов // Физика сознания и жизни, космология и астрофизика. – 2001. – №3. – С. 5–12.
63. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т. В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 320–375.
64. Булыгина Т.В. Скрытые категории / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 458.
65. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / А.Д. Шмелев, Т.В. Булыгина. – М. : Языки славянской культуры, 1997. – 574 с.

66. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Благовещенск: Благовещенский Гуманитарный Колледж им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 264 с.
67. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
68. Вербицкая Л.А. Вариантность современной произносительной нормы и культура речи / Л.А. Вербицкая // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. – Горький, 1984. – С. 53–60.
69. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека /В.К. Вилюнас. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
70. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии) / Е.Н.Винарская. 2-е изд. - Воронеж: ВГУ, 2003. - 172 с.
71. Винарская Е.Н. Раннее речевое развитие ребёнка и проблемы дефектологии / Е.Н.Винарская. - М.: Просвещение, 1987. - 159 с.
72. Вишневская Г.М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм [Электронный ресурс] / Г.М. Вишневская // Ярославский государственный педагогический университет. Педагогический вестник. – 2002. – № 1. – URL: <http://www.vspu.var.ru/ vestnik/number/ 3/>
73. Волек Б. Типология эмотивных знаков / Б. Волек// Язык и эмоции. Сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1995. – С.15–24.
74. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. / Л.С. Выготский. – М., 1982.
75. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / В.Г. Гак.– М. : Высш. шк., 1986. – 219 с.
76. Гак В.Г. Онтологические и прагматические логические классы в тексте / В.Г. Гак // Сборник научных трудов. Вып. 284.– М., 1987. — С. 49–57.
77. Гак В.Г. Метафора: Универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 11–26.
78. Гак В.Г. Рецензия / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 136–140.

79. Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления /П.Я. Гальперин // Вопросы психологии. – 1977. – № 4. – С. 95–101.
80. Гальперин И.Р. Избранные труды / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 2005. – 254 с.
81. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Комкнига, 2006. – 144 с.
82. Гилярова К.А. Базовые категории формы физических объектов в языках мира : семантический анализ классификаторов / К.А. Гилярова // Труды международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике /ред. А.С. Нариньяни. – Аксаково, 2001. Т.1. – С. 52-61.
83. Гилярова К. А. Языковая концептуализация формы физических объектов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19. - Москва, 2002. - 198 с.
84. Гиро П. Разделы и направления стилистики и их проблематика / П. Гиро// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика.– М., 1980. – С. 20–29.
85. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс.– М.: Мысль, 2001. – 478 с.
86. Гончаров О.А. Лингвистическая детерминация восприятия цветов у русских и коми / О.А. Гончаров, Н.Н. Князев // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2010. – № 2. – С. 1–14.
87. Гончаров О.А. Категориальные эффекты различения цветов. Ч. 1. Лингвистический аспект / О.А. Гончаров, С.Г. Романов // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2013а. – № 2. – С. 25–41.
88. Гончаров О.А. Категориальные эффекты различения цветов. Ч. 2. Функциональная асимметрия и нарушения речевого развития / О.А. Гончаров, С.Г. Романов // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2013b. – № 4. – С. 13–36.
89. Гончаров О.А. Категориальные эффекты различения цветов. Часть 3. Перцептивные закономерности / О.А. Гончаров, С.Г. Романов, Т.В.

- Терещенко// Психологический журнал Международного университета природы общества и человека «Дубна». – 2013. – № 4. – С. 77 – 107.
90. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / К.С. Горбачевич. – Л.: Наука (Ленингр. отделение), 1979. – 238 с.
91. Греченко Т.Н. Электрические осцилляции в биокommunikациях/ Т.Н. Греченко, А.Н.Харитонов, А.В.Жегалло, Е.Л.Сумина, Д.Л. Сумин// Седьмая международная конференция по когнитивной науке.– 2016. – С. 239–240.
92. Гудовских Д. В. Анализ эмотивности текстов на основе психолингвистических маркеров с определением морфологических свойств / Д. В. Гудовских, И. А. Молошников, Р. Б. Рыбка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2015. – № 3. – С. 93–97.
93. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
94. Дарвин Ч. Выражение эмоций и животных и человека / Ч. Дарвин. – М., 1939. – Т. 5. – 90 с.
95. Декарт Р. Избранные произведения / Р. Декарт. – М.: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
96. Делез Ж. Ницше и философия / Ж. Делез. – М.: Издательство «Ад Маргинем», 2003. – 394 с.
97. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории / Ю.Д. Дешериев. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
98. Доброва В.В. Моделирование как метод познания ненаблюдаемых объектов / В.В. Доброва // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2015. - № 1. – С. 146 – 152.
99. Дойдж Н. Пластичность мозга: Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга / Н. Дойдж. – М.: Эксмо, 2013. – 544 с.
100. Домашнев А.И. Концепция национального варианта языка в трудах академика Г.В. Степанова / А.И. Домашнев // Res Philologica.

Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. – М.: Наука, 1990а. – С. 4–17.

101. Домашнев А.И. Основные черты полинациональных языков / А.И. Домашнев // Языки мира и проблемы языковой вариативности. – М.: Наука, 1990б. – С. 74–96.

102. Дони́на О.В. Межъязыковая эквивалентность слов в аспекте криптоклассного анализа (на примере лексемы "выгода") / О.В. Дони́на // Проблемы лексико–семантической типологии. – Воронеж, 2013. – С. 99–112.

103. Дони́на О.В. Криптоклассные данные для определения меры межъязыковой эквивалентности / О.В. Дони́на // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2015. – № 1. – С. 108–110.

104. Елисе́ева И.И. Общая теория статистики: учебник / И.И. Елисе́ева, М.М. Юзбашев. – Москва: Финансы и Статистика, 2002. – 480 с.

105. Енева М.В. Сравнительный анализ эмоционального кластера «восторг» / “delight” в русском и английском языках (на материале эссе Д. Б. Пристли и К. Г. Паустовского) / М.В. Енева, О.Б. Пономарева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. - Humanitates. 2015. - Т. 1. № 3 (3). - С. 79-88.

106. Жлуктенко, Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Вища школа, 1974. – С. 27.

107. Жолковский А. К. Предисловие / А. К. Жолковский // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1964. – Вып. 8. – С. 17-32.

108. Завьялова В.Л. Английский язык в Китае : особенности просодического строя / В.Л. Завьялова. – Владивосток : Мор. гос. ун–т, 2010. – 178 с.

109. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд–во Воронежского гос. ун–та, 1990. – 208 с.

110. Захватаева К.С. Языковые контакты: базовые понятия и их стратификация / К.С. Захватаева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 126 – С.165– 170.

111. Зенкин А.А. Когнитивная компьютерная графика / А.А. Зенкина. - М.: Наука, 1991. - 192с.
112. Зинина А.А. Коммуникативное поведение при ответе на вопрос в позитивном диалоге / А.А. Зинина, А.А. Котов // Седьмая международная конференция по когнитивной науке. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 673– 674.
113. Золян С.Т. Вновь о соотношенности языка и генетического кода / С.Т. Золян // Вопросы языкознания. – 2016. – №1. – С. 114–132.
114. Зорькина О.С. О психолингвистическом подходе к изучению текста. Язык и культура / О.С. Зорькина. – Новосибирск, 2003. – С. 205–210.
115. Зуева Е.А. Эмоции как объект лингвистических исследований / Е.А. Зуева // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометодический контекст : материалы межвуз. науч.– практ. конф., Белгород, 17– 18 мая 2006 г. – Белгород, 2006. – С. 148–154.
116. Зыкова Н.Ю. Методы математической обработки данных психолого– педагогического исследования / Н.Ю. Зыкова, О.С. Лапкина, О.С. Хлоповских // Учебное пособие для вузов. – Воронеж: Изд- во ВГУ, 2008. – 84 с.
117. Иванкова Т.А. Языковые особенности китайской региональной разновидности английского языка (уровни лексики и грамматики) / Т.А. Иванкова // Социально–гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. – № 4 (12). – С. 119–126.
118. Иванкова Т.А. Английский язык в Китае. Региональные особенности / Т.А. Иванкова. – Владивосток : Изд- во Дальневост. ун- та, 2009. – 138 с.
119. Иванов В. Чёт и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем / В. Иванов. – М. : Советское радио, 1978. – 185 с.
120. Ивантер Э.В. Основы биометрии: Введение в статистический анализ биологических явлений и процессов / Э.В. Ивантер, А.В. Коросов. – Петрозаводск, Изд-во ПетрГУ, 1992. – 168 с.
121. Изард К.Э. Эмоции человека/К.Э. Изард. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 440с.
122. Изард К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 464 с.

123. Илинская А.С. Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке / А.С. Илинская // Ползуновский вестник. – 2006. – № 3 – С. 98–105.
124. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 752 с.
125. Ильин Е.П. Эмоции и чувства /Е.П. Ильин - Издательский дом "Питер", 2013 – 784 с.
126. Ильина С.С. Обращения в сингапурском варианте английского языка / С.С. Ильина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 210 с.
127. Исократ. Речи. Письма / Исократ. – М.: Ладомир, 2013 – 1072 с.
128. Испирьян С.С. Способы и механизмы распространения дифференциальных признаков диалектов (на материале американского варианта английского языка) / Испирьян С.С. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 76. – С. 149–154.
129. Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков): монография. - Уфа: РИО Баш ГУ, 2006. - 344 с.
130. Калынь Л.Э. Диалектологический аспект проблемы "язык – диалект" / Л.Э. Калынь // Известия АН СССР. – 1976. – Т. 35, № 1.
131. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – Litres, 2016. – 160 с.
132. Караулов Ю.Н. РАС как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. – М.,1994. – С. 190– 218.
133. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004 (1972). – 215 с.
134. Квинтилиан. Риторические наставления / Квинтилиан. – Санкт-Петербург, 1834. – К. 8. – 386 с.
135. Кибрик А.Е. Язык / А.Е. Кибрик // БЭС. – 1998. – С. 604–606.
136. Кимов, Р.С. Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира: монография / Р.С. Кимов. – Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2010а. – 183 с.

137. Кимов, Р. С. Соматизмы кабардинского языка. Грамматикализация: монография / Р. С. Кимов. – Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2010б. – 122 с.
138. Клещенко Е. Библиотека мозга / Е. Клещенко // Химия и жизнь. – 2012. – № 12. – С. 14 – 20.
139. Климов Г.А. Фридрих Энгельс о критериях языковой идентификации диалекта / Г.А. Климов // Вопросы языкознания. – 1974. – № 4. – С. 21 – 26.
140. Клобуков П.Е. Историко-семасиологическое исследование лексико-семантического поля «отрицательные эмоции» в нидерландском языке (на материале переводов библейских текстов): дис. ... канд. филол. наук. - Москва, 1998. - 361 с.
141. Клобуков П. Е. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) / П.Е. Клобуков // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: 'Филология', 1998. - Вып. 4. – с. 110-123.
142. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. / И.М. Кобозева — М.: Эдичориал УРСС, 2000. — 352 с.
143. Кобозева, И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И.М. Кобозева // Вестник Московского университета. Сер. Филология. – 1995. – № 3.– С. 102 – 116.
144. Коваль А. И. Именные категории в пулар-фульфульде / А. И. Коваль // Основы африканского языкознания. Именные категории / ред. В. А. Виноградова.– М., 1996. – С. 92-220.
145. Кольцова Л.М., Токмакова С.Е. Оценка и эмоции в языке русской литературной сказки XVIII-XXI веков / Л.М. Кольцова, С.Е.Токмакова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. – 150 с.
146. Кляйнберг А.К. Китайская литература и речь. Особенности выражения эмоций / А.К. Кляйнберг. – М., 1948. – 120 с.
147. Коломинский Я.Л. Человек: психология / Я.Л. Коломинский. – М. : Просвещение, 1986. – 218 с.

148. Комаров А.П. К природе общего и особенного в семантике языков / А.П. Комаров // Национально–культурная ориентация при обучении иностранным языкам в вузе. – Бишкек, 1991. – С. 132 – 133.
149. Коряков Ю.Б. Систематика языков мира и базы данных в интернете / Ю.Б. Коряков, Т.А. Майсак // Труды Международного семинара «Диалог '2001» по компьютерной лингвистике и её приложениям. – М., Аксаково, 2001. – Том 2. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/koryakov/>
150. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М., 1963. – С. 167– 183.
151. Костоусова Э.Т. Психологический аспект изучения взаимосвязи языка и эмоций / Э.Т. Костоусова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – Ч. 1. – С. 258–260.
152. Котов А.А. Коммуникативное поведение при ответе на сложный вопрос в эмоциональном диалоге / А.А. Котов // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования. – М.: «Буки Веди», 2014 – С.74–85.
153. Котов А.А. Функциональный анализ невербального коммуникативного поведения / А.А. Котов, А.А. Зинина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М.: РГГУ, 2015. – С. 308–320.
154. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. / А.В. Кравченко– Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та. – 2004. – 206 с.
155. Кравченко С.Ю. Прототипический подход и процесс категоризации / С.Ю. Кравченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 3 (45). - Ч. I.– С. 117–119.
156. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Н.А. Красавский. – Волгоград, 2001. - 495 с.

157. Кретов А.А. Роль метафор в организации лексической семантики языка / А.А. Кретов // Аспект-Aspekti (орган Ассоциации преподавателей русского языка в Финляндии). – Helsinki, 1987. – № 2 (37). – С. 61–70.
158. Кретов А.А. Съедобное – несъедобное или криптоклассы русских существительных / А.А. Кретов // Linguistica Silesiana. – Warszawa, 1992. – № 14. – С. 104–114.
159. Кретов А.А. «Полёт мысли» и методика исследования криптоклассов / А.А. Кретов, О.О. Борискина, Н. Васильева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 61–65.
160. Кретов А.А. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков / А.А. Кретов, В.Т. Титов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – № 1. – С. 7–12.
161. Кретов А.А. Проблемы количественной лексикологии славянских языков / А.А. Кретов, И.А. Меркулова, В.Т. Титов // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 52–65.
162. Крицберг Р.Я. Вариативность английского языка: региональные и социальные формы / Р.Я. Крицберг // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (87). – С. 67–70.
163. Круглов В.М. Лексика, обозначающая чувства и эмоции человека, в русском языке 18 века: дис. . канд. филол. н. / В.М. Круглов. - Спб., 1996. – 150 с.
164. Круглякова В.А. Глаголы вращения: лексическая типология / В.А. Круглякова, Е. В. Рахилина // Труды международного семинара «Диалог 2010» по компьютерной лингвистике – Аксаково, 2010.– С. 241-247.
165. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН. – 1999. – Т. 58. – № 5– 6. – С. 3–12.
166. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова // Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.

167. Кулаева О.А. Язык и речь – противоположность или единство? / О.А. Кулаева // Вестник самарского государственного экономического университета. – 2014 – №5 (115). – С. 131–133.
168. Кустова Г.И. Словарь как лексическая база данных / Г.И. Кустова, Е.В. Падучева // Вопр. языкознания. – 1994. – №4. – С. 96–106.
169. Лакофф Дж. Когнитивная семантика / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 143–184.
170. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
171. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения / М.В. Лебедев. – М., «Едиториал УРСС», 1998. – 168 с.
172. Леонтьев А.Н. Эмоции / А.Н. Леонтьев // Философская энциклопедия. – Т.5. – М., 1970. – С. 553.
173. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции : конспект лекций / А.Н. Леонтьев. – Москва, 1971. – 40 с.
174. Леч Р. К вопросу о соотношении категорий "язык" и "диалект" / Р. Леч // Русское и славянское языкознание. – М., 1972. – С. 163 – 169.
175. Липпманн У. Общественное мнение / У. Липпманн. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
176. Логвиненко А.Д. Перцептивная деятельность при инверсии зрительного образа / А.Д. Логвиненко // Восприятие и деятельность.– М., 1976. — С. 208—265.
177. Локк Дж. Собрание сочинений: в 2 т / Дж. Локк. – М., 1988. – Т. 2. – 560 с.
178. Ломаев Ю.С. Территориальная диалектическая вариативность английского языка / Ю.С. Ломаев // Молодёжь и наука: Сборник материалов VII Всероссийской научно– технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. – Красноярск: Сибирский федеральный ун–т, 2011. http://elib.sfukras.ru/bitstream/handle/2311/6336/s22_153.pdf?sequence=1&isAllowed=y
179. Лоуэн А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела/А. Лоуэн – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2007 – 253 с.

180. Лукина А.Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции / А.Е. Лукина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2014. – № 1 – том 11 – С. 7–11.
181. Лукина А.Е. Диасистемные особенности употребления глагольных форм времени и склонения в пикардских скриптах / А.Е. Лукина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2015. – № 12(54): в 4-х ч. – Ч. III. – С. 124–130.
182. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов / А.Р. Лурия. – М. : Наука. – 1974. – 172 с.
183. Лурия А.Р. Объективное исследование динамики семантических систем / А.Р. Лурия, О.С. Виноградова // Семантическая структура слова. – М. : Наука. – 1971, – С. 27–63.
184. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Р.Д. Льюис. – М.: Дело, 2001. – 448 с.
185. Любова С.Г. Лексика эмоциональной привязанности в современном русском языке (семантика, функционирование, лексикографическое описание): дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 2015. - 247 с.
186. Маклаков А.Г. Общая психология / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.
187. Маковский М.М. Универсалии в социолингвистике (Опыт социальной типологии лексико-семантических систем) / М.М. Маковский // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Вып. 4. – М., 1974. – Т. 33.– С. 331–340.
188. Мацумото Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2003. – 720 с.
189. Мельникова В.С. Синонимы-репрезентанты концепта «жалость» в лексикографическом аспекте / В.С. Мельникова // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». - Вып. 2. - 2010. - С. 59-63.
190. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М., 1994. – 95 с.
191. Митчелл П. Чинглиш – культурный феномен / П. Митчелл, А.Н. Зарубин // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 1. – С. 69– 80.

192. Михайлов И.Ф. К гиперсетевой теории сознания / И.Ф. Михайлов // Вопросы философии. – 2015. – № 11. – С. 87 – 98.
193. Млодинов Л. Неосознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением / Л. Млодинов. – М. : Livebook, 2012. – 360 с.
194. Морковкин В.В. Язык как проводник и носитель знания / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина // Русский язык за рубежом. – 1997. – № 1–2. – С.44–53.
195. Москвин В.П. Русская метафора: параметры классификации / В.П. Москвин // Филологические науки, 2000. – № 2. – С. 34—45.
196. Мун Чун Ок. Лексико-семантическое поле страх в современном русском языке (на фоне корейского языка): автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Мун Чун Ок. - СПб., 2004. - 23 с.
197. Мусорин А.Ю. Что такое отдельный язык? / А.Ю. Мусорин // Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск. 2001, – № 1. – С. 12–16.
198. Наний Л.О. Прилагательные простейших форм и размеров китайского и русского языков в типологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.О. Наний. - Москва, 2016. - 28 с.
199. Нашхоева М.Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста / М.Р. Нашхоева // Вестник Южно–Уральского государственного университета. – 2011. – № 1 (218) – С.95–98.
200. Нейман Фон И. Математические основы квантовой механики / фон И. Нейман. – М.: Наука, 1964. – С. 325 – 356.
201. Немов Р.С. Психология / Р.С. Немов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.
202. Овчинникова И.Г. Что скрывается за термином «языковое сознание»? [Электронный ресурс] // Филологические заметки. – 2008. – Ч.1. – Режим доступа: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/vol1/1/8.pdf>, свободный.
203. Ортони А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. – М., 1996. – 384 с.
204. Панкина М.Ф. Семантическое пространство языка и подходы к его изучению / М.Ф. Панкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 – С. 146–149.

205. Панькин В.М. Языковые контакты: краткий словарь / В.М. Панькин, А.В. Филиппов. – М., 2011. – 157 с.
206. Первашова О.В. Британский и американский стандартные варианты английского языка в современном мировом англоязычном континууме / О.В. Первашова // Вестник Харьковского национального автомобильно–дорожного университета. – 2005. – № 31 – С. 16–21.
207. Перцова Н.Н. К понятию вещной коннотации / Н.Н. Перцова // Вопросы кибернетики: язык логики и логика языка. – М., 1990. – С. 96 – 105.
208. Перфильева С.Ю. Употребление слов–эмономов в тексте. Попытка интерпретации эксперимента / С.Ю. Перфильева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог. – МГУ, 2000. – Вып. 11. – С.24–29.
209. Перфильева С.Ю. Теоретико-экспериментальное исследование слов-названий эмоций и их функционирования: автореф. дис. . канд. филол. н. / С.Ю. Перфильева. - М., 2001. - 26 с.
210. Петренко В.Ф. Динамика семантического поиска / В.Ф. Петренко // Исследование речемыслительной деятельности. – Алма–Ата, 1974. – С. 109– 118.
211. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – М.: Изд–во Моск. ун– та, 1988. – 208 с.
212. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений / Ю.М. Плотинский. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
213. Плунгян, В.А. Именная классификация: грамматический аспект / В.А. Плунгян, Романова, О.И. // Известия Академии Наук, Серия Литературы и Языка. Т. 49. - №3. - 1990. - С.231-247.
214. Поляков В.Н. Квантитативные закономерности типологического сдвига в языках Евразии (на материале БД «Языки мира» ИЯ РАН) / В.Н. Поляков, Е.И. Ярославцева // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. - Казань: Казанский государственный университет, 2008. – Т.150, кн. 2. – С. 97-118.
215. Попова З.Д. Язык и национальное сознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.
216. Порхомовский В. Я. Конго-кордофанские языки / В. Я. Порхомовский // Языкознание : большой энцикл. словарь. – 2-е изд. – М., 1998. – С. 235-236.

217. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике : [в 4 т.] / А.А. Потебня. – М. : Просвещение, 1958–1985. – Т. 1–4. – 406 с.
218. Потебня А.А. Из записок по истории словесности / А.А. Потебня. – М., 1976. – С. 286–463.
219. Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М., 1989. – 97 с.
220. Прикладная и компьютерная лингвистика / под ред. И.С. Николаева, О.В. Митрениной, Т.М. Ландо. – М.: ЛЕНАНД, 2016 – 320 с.
221. Прошина З.Г. Английский язык и культура Восточной Азии / З.Г. Прошина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.
222. Прошина З.Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 2005. – № 1(5). – С. 124–128.
223. Прошина З.Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация / З.Г. Прошина // Личность. Культура. Общество. Вып. 2. – 2010а. – Т. XII, № 5556. – М. – С. 242–252.
224. Прошина З.Г. World Englishes Paradigm, или Контактная вариантология английского языка / З.Г. Прошина, Т.А. Иванкова // Личность. Культура. Общество. Вып. 1. – М., 2010b. – Т. XII., № 53–54. – С. 173–174.
225. Прошина З.Г. Глокальный английский язык как средство опосредованного выражения культурной идентичности / З.Г. Прошина // Язык, культура, перевод. Материалы международной очно–заочной научно–практической конференции. 15–16 июня 2010с. г. Магадан. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. - С.93–99.
226. Прошина З.Г. Легитимность вариантов «неродного» английского языка / З.Г. Прошина // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Том 13., № 4 (67–68). – С. 164–165.
227. Прошина З.Г. Динамика развития английского языка в его региональных вариантах / З.Г. Прошина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 2s (18) / 2012. С. 200–206.
228. Прошина З.Г. Динамика развития английского языка в его региональных вариантах / З.Г. Прошина // Вестник ИГЛУ. – 2012. – Том 2., № 18. – С. 200–206.

229. Прошина З.Г. Дистинктивные признаки вариантов английского языка, неродного для его пользователей / З.Г. Прошина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014а. – Том 56., № 3. – С. 123–128.
230. Прошина З.Г. Учебники английского языка с позиции контактной вариантологии (WorldEnglishesParadigm) / З.Г. Прошина // Межкультурная коммуникация: Взаимодействие языков, культур и менталитетов. – Владивосток: ДВФУ, 2014b. – С. 220–230.
231. Разумникова О.М. Особенности селекции информации при креативном мышлении / О.М. Разумникова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2009. – Т. 6. – №3. – С. 134–161.
232. Рамачандран В. Мозг рассказывает, что делает нас людьми / В. Рамачандран. – М. : Карьера Пресс, 2012. – 422 с.
233. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
234. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова // Вопросы языкознания. - 2013. - №2. - С. 3-31
235. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика / В.Ю. Розенцвейг. – Л.: Наука, 1972. – 80 с.
236. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда : коллективная монография. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2012. – 389 с.
237. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. / С.Л. Рубинштейн. – Т. II. - М., 1989.
238. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Издательство: Питер, 2002. – 720 с.
239. Руссо Жан–Жак. Избранные сочинения: в 3 т. / Жан–Жак Руссо. – М.: Гослитиздат, 1961. – Т. 3. – 728 с.
240. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А.П. Садохин. – М.: Высшая школа, 2005. – 310 с.

241. Саркисян Ж.П. Уточнение основных терминов современной диалектологии, используемых в лингвистической подготовке переводчиков / Ж.П. Саркисян, Н.А. Дацун // Инновационная наука. – 2015. – № 3. – С.113– 116.
242. Сарсембаева А.Ж. О применении статистических методов в языкознании / А.Ж. Сарсембаева, С.Л. Турбскопа //«Русское языкознание: теория и лингводидактика»: Тр. Междунар. науч.–теорет. конф., посвященной 85–летию проф. Л.А.Шеляховской. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2013. – С.125–128.
243. Свааб Дик. Мы – это наш мозг. От матки до Альцгеймера / Дик. Свааб // *Wij Zijn Ons Brein: Van Vaarmoeder Tot Alzheimer*. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2013. – 544 с.
244. Седых А.П. Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании / А.П. Седых // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Вып. № 6 (125). – 2012. – Т. 13. – С.108– 114.
245. Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях / В.М. Сергеев // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 3–20.
246. Симонов В.П. Эмоциональный мозг / В.П. Симонов. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
247. Словарь социолингвистических терминов / ответ. редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. – Москва. : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312 с.
248. Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго–Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Таиланд) : кол. монография / под ред. Л.П. Бондаренко. – Владивосток : Изд–во Дальневосточного университета, 2007. – 176 с.
249. Сова Л. З. Африканистика и эволюционная лингвистика/Л.З. Сова// Отв. редактор В. А. Лившиц. – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2008. – 397 с.
250. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31– 43.

251. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания: формирования и функционирование / Е.Ф. Тарасов. – М., 2000. – С. 9.
252. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: монография / И.А. Тарасова. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 196 с.
253. Тарасова О.Д. Основные направления исследования эмоций в лингвистике / О.Д. Тарасова // Вестник МГОУ. – 2015 – № 3. – С. 38–45.
254. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988а. – С. 26–52.
255. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и языковая картина мира. – М.: Наука, 1988b. – С. 173–204.
256. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь– справочник. – Назрань: ООО «Пилигрим» / под ред. Т.В. Жеребило. - 2011. – 280 с.
257. Тимошенко Л.О. Лексическая дублетность и ребрендинг как виды семантических переходов / Л.О. Тимошенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13, № 2. – С. 16–19
258. Толстая С.М. Семантические категории языка и культуры: Очерки по славянской этнолингвистике / С.М. Толстая – М., 2010. – 368 с.
259. Тронева Е.В. Гнев в английской лингвокультуре / Е.В. Тронева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 37. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С.61–71.
260. Трошина И.А. Функционально-семантический подход в изучении проблемы языковой эмотивности / И.А. Трошина // Язык и эмоции : сб. науч. трудов ВГПУ. – Волгоград : Перемена, 1995. – С. 60–68.
261. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных / В.А. Успенский // Семиотика и информатика. Вып. 35. – М., 1997. – С. 146–152.
262. Ушакова Т.Н. Функциональные структуры 2-й сигнальной системы. Психофизиологические механизмы речи / Т.Н. Ушакова. – М., 1979. – 248 с.
263. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 13–23.

264. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече–мысле–языковой системы / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей. – М., Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2004. – С.6–17.
265. Федотова О.С. Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях / О.С. Федотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики - Тамбов: Грамота, 2015. - № 4 (46) - Ч. II. - С. 199-202.
266. Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): автореф. дис. ... доктора филол. наук / О.Е. Филимонова. - СПб, 2001. – 44 с.
267. Фомина З.Е. Эмоциональные концепты в русской, немецкой, австрийской и швейцарской художественной картине мира (коллективная монография) / А.Э. Левицкий, О.П.Воробьева, В.К. Щербин // Лингвоконцептология: перспективные направления " Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко. - Украина. Луганск, 2013. – С. 247-274.
268. Фомина З.Е. Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства ее вербализации / З.Е. Фомина. - Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2006. -336 с.
269. Фрит Крис. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / Крис. Фрит. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 335 с.
270. Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике: Языковые контакты. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 344–382.
271. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур. Язык, коммуникация и социальная среда / Language, Communication and Social Environment. Выпуск / Issue 12. Воронеж. – Voronezh, 2014. P. 9– 49. –G. Hofstede, 2014. / пер. В. Б. Кашкин, 2014.
272. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка / А.А. Худяков. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
273. Цицерон. Эстетика. Трактаты. Речи письма / Цицерон. Вып. 19. – М.: 1994. – 850 с.

274. Черниговская Т.В. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга / Т.В. Черниговская, В.Л. Деглин // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 19. Труды по знаковым системам. – Тарту, 1986. – С. 68–84.
275. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание / Т.В. Черниговская. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.
276. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
277. Шабанов Л.В. Особенности и барьеры непонимания в процессах метафорического моделирования смыслов / Л.В. Шабанов // Известия ТПУ. 2007. – № 2. – С. 232.
278. Шайбакова Д. Исследование плюрицентрического языка: проблемы, метаязык, методы / Д. Шайбакова // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. – 2014. – № 10. – С. 155–165.
279. Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола / А.Л. Шарандин. – Тамбов. : ТГУ, 2001. – 209 с.
280. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж.гос. ун-та, 1987. – 190 с.
281. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций / В.И. Шаховский // Язык и эмоции. Сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 3–15.
282. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
283. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 128 с.
284. Шерер К.Р. Эмоция / К.Р. Шерер // Перспективы социальной психологии – М., 2001 – с.304-341.
285. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 24–39.

286. Эдельман Д.И. К проблеме "язык или диалект" в условиях отсутствия письменности / Д.И. Эдельман // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 127 – 147.
287. Яблокова Т.Н. Современные подходы к изучению эмоций в лингвистике (на материале английского языка) / Т.Н. Яблокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2016. - № 6. Ч. 2– С. 180-183.
288. Язык и эмоции: сборник научных трудов / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1995. – 252 с.
289. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, – 2 изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685с.
290. Якубинский Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17– 58.
291. Янда Л.А. Русские приставки как система глагольных классификаторов / Л.А. Янда // Вопросы языкознания. – 2012. – № 6. – С. 3–47.
292. Янковская Е.А. Гетерархия как нередукционистская модель когнитивной системы [Электронный ресурс] / Е.А. Янковская // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ– 2013». – М.: МАКСПресс, 2013. – Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2233/22025_933c.pdf.
293. Aamodt S. Welcome to Your Brain: Why You Lose Your Car Keys but Never Forget How to Drive and Other Puzzles of Everyday Life / S. Aamodt, S. Wang. – Bloomsbury USA, 2008. – 240 p.
294. Adams K.L. Towards a theory of natural classification / K.L. Adams, N.F. Conklin // Papers from the 9th Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. - 1973. - P. 1-10.
295. Adebija E.E. Lexico–semantic variation in Nigerian English / E.E. Adebija // World Englishes.– 1989. –8(2). – P. 165–177.
296. Adebija E.E. Multilingualism: A Nigerian Case Study / E.E. Adebija // Last paragraph: Africa World Press. – 2003. – P. 55.
297. Adelaar A. The Austronesian languages of Asia and Madagascar / A. Adelaar, N.P. Himmelmann. – Taylor and Francis Group, 2005. – 864 p.

298. Afendras E.A. Language and society in Singapore / E.A. Afendras, E. C.Y. Kuo.– Singapore University Press,1980. – 300 p.
299. Alatis J.E. Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1999 / J.E. Alatis, Ai–Hui. Tan. – United States: Georgetown University Press, 1999. – P. 492-508.
300. Aikhenvald A.Y. Classifiers. A Typology of Noun Categorization devices / A.Y. Aikhenvald. - Oxford University Press Inc., New York, 2000. - 535.c.
301. Albas D. C. Perception of the emotional content of speech. / D.C. Albas, K.W. McCluskey, C.A. Albas //Journal of Cross-Cultural Psychology – №7 – 1976 – p. 481-90.
302. Alison I.A Good Command of the English Language: Phonological Variation in the Jamaican Acrolect / I.A Alison // Journal of Pidgin and Creole Languages, 19 (1). – 2004. – P. 41–76.
303. Allan K. Classifiers / K.Allan // Language. - 1977. – Vol. 53. No2. – P. 285.
304. Allport W. Gordon. The Nature of Prejudice / W. Gordon. Allport. – Cambridge: Addison– Wesley, 1954. – P. 20–23.
305. Ammon U. Sociolinguistics / U. Ammon, N. Dittmar, K. J. Mattheier // An international handbook of the science of language and society. 3. – Berlin: Walter de Gruyter, 2006 – P. 1967.
306. Andaya, B.W., Andaya, L.Y. A History of Malaysia / B.W. Andaya, L.Y. Andaya. – MacMillan Press Ltd, 1982. – 392 p.
307. Avis W.S. A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles / W.S. Avis. – Toronto, ON: Gage Ltd. pp. s.v. "Canadian English", 1967. – 1000p.
308. Bailey R.W. Varieties of present– day English / R.W. Bailey, J. Robinson. – New York: Macmillan; London: Collier– Macmillan, 1973. – 461 p
309. Bailey R.W. English as a world language. / R.W. Bailey, M.Görlach. – Cambridge: University Press, 1982. – 496 p.
310. Bailey R.W. Images of English: a Cultural History of the Language. / R.W. Bailey. – University of Michigan Press, 1991. – 344 p.
311. Bailey G. Some patterns of linguistic diffusion / R.W. Bailey. // Language variation and change. 1993. – V. 5. – P. 359– 390.

312. Baker C. *Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education* / C. Baker, J.S. Prys // *Multilingual Matters*. – 1998. – P. 367.
313. Bales R.F. *Social interaction systems: theory and measurement* / R.F. Bales. – 2001. – P. 139–140.
314. Bandaranayake S. *Sri Lankan Role in the Maritime Silk Route. Sri Lanka and the silk road of the sea* / S. Bandaranayake. – 1990 – P. 21.
315. Bann E.Y. *The Conceptualisation of Emotion Qualia: Semantic Clustering of Emotional Tweets* / E.Y. Bann, J.J. Bryson // In: *Proceedings of the 13th Neural Computation and Psychology Workshop*. – 2013. – P. 249 – 263.
316. Barrett L.F. *Solving the Emotion Paradox: Categorization and the Experience of Emotion* / L.F. Barrett // *Personality and Social Psychology Review*. – 2006 – №10 (1). – P. 20–46.
317. Barrett L.F. *Do discrete emotions exist?* / L.F. Barrett, M. Gendron, Yang-Ming. Huang // *Philosophical Psychology*. – 2009a– № 22 (4). – P. 427–437.
318. Barrett L.F. *Variety is the spice of life: A psychological construction approach to understanding variability in emotion* / L.F. Barrett // *Cognition & Emotion*. – 2009b – 23 (7). – P. 1284–1306.
319. Bauer L. *8: English in New Zealand* / Burchfield, Robert // *The Cambridge History of the English Language* /// 5: *English in Britain and Overseas: Origins and Development*. – Cambridge University Press, 1994 – P. 382–429.
320. Bauer L. *Getting into a flap!: /t/ in New Zealand English* / L. Bauer, J. Holmes // *World Englishes*. - 1996. – Vol. 15(1). – P. 115–124.
321. Bayard D. *New Zealand English: Origins, Relationships, and Prospects* / D. Bayard. – Moderna Språk. Sweden: Linnaeus University. – 2000. – №94 (1). P. 8–14.
322. Beardsly M.C. *The metaphorical twist* / M.C. Beardsly // *Philosophy and Phenomenological Research*. – International Phenomenological Society, 1962. – №3. – P. 293 —307.
323. Becht M.C. *Crying across countries.* / M. C. Becht, Y. H. Poortinga, A.J.J.M. Vingerhoets // *Adult crying: A biopsychosocial approach*. - Hove, UK: Brunner-Routledge. - 2001 - p. 135-158.
324. Bender T.A *Nation Among Nations: America's Place in World History* / T.A. Bender. – New York: Hill & Wang, 2006 – P. 61.

325. Bernstein A. English in Jamaica: The Coexistence of Standard Jamaican English and the English-based Jamaican Creole / A. Bernstein // English Language and Literature Studies. seminar paper. – 2006. – 470 p.
326. Bickerton D. Dynamics of a Creole System / D. Bickerton. – Cambridge University Press, 1975. – 224 p.
327. Billow R. Metaphor: A Review of Psychological Literature / R. Billow // Psychological Bulletin. – 1977. – Vol. 84.1. – P. 81 – 92.
328. Binder J.R. Where Is the Semantic System? A Critical Review and Meta-Analysis of 120 Functional Neuroimaging Studies / J.R. Binder, R.H. Desai, W.W. Graves, L.L. Conant // Oxford Journals. Medicine & Health & Science & Mathematics. Cerebral Cortex. – 2009. – Vol.19, Issue 12. – P. 2767– 2796. – Mode of access: <http://cercor.oxfordjournals.org/content/19/12/2767.abstract>.
329. Birdwhistell R. L. Kinesics and context. / R. L. Birdwhistell - Philadelphia, PA: University of Philadelphia Press, 1970 – 352 p.
330. Blainey G. The Rush that Never Ended: a History of Australian Mining / G. Blainey. – 4 ed. – Carlton, Vic.: Melbourne University Press, 1993. – 414 p.
331. Bloomfield L. Language / L. Bloomfield. – London : George Allen & Unwin, 1935. – 51 p.
332. Bolton K. Chinese Englishes : A Sociolinguistic History / K. Bolton. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 338 p.
333. Booth R. Polish becomes England's second language / R. Booth // The Guardian. – London, 2013. – (30 January 2013). – 20 p.
334. Boriskina, O.O. An Algorithm for Analysis of Distribution of Abstract Nouns in Cryptotypes / O.O. Boriskina, T. Marchenko // Proceedings of the 2010 International Conference on Artificial Intelligence, ICAI 2010. – 2010. – P. 907– 913.
335. Boriskina O.O. A Corpus- Based Study of Noun Cryptotypes in English / O.O. Boriskina // Компьютерная лингвистика интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции. – 2011.– С.135–145.
336. Boriskina O.O. Metaphor comprehension of grief in Englishes / O.O. Boriskina, O.V. Donina. - International Symposium «Metaphor as Means of Knowledge Communication»: book of abstracts. – Perm, Russia, 2016. – P.19-21.

337. Boster J.S. Emotion categories across languages / J.S. Boster // Handbook of categorization in cognitive science – Elsevier, 2005 – P. 188-223.
338. Bowerman S. White South African English: phonology / Schneider E.W., Burrige K., Kortmann B., Mesthrie R., Upton C. // A handbook of varieties of English, 1: Phonology. – Mouton de Gruyter, 2004 – P. 931–942.
339. Boyle G.J. Reliability and validity of Izard's Differential Emotions Scale / G.J. Boyle // Personality and Individual Differences. – 1984. – №5. – P. 747–750.
340. Boyle G.J. Multidimensional measures of affects: Emotions and mood states / G.J. Boyle, E. Helmes, G. Matthews, C.E. Izard // Measures of Personality and Social Psychological Constructs. Elsevier –Academic Press, 2015. - 810 p.
341. Bradley M.M. Remembering pictures: Pleasure and arousal in memory / M.M. Bradley, M.K. Greenwald, M.C. Petry, P.J. Lang // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition. – 1992. – № 18. – P. 379–390.
342. Brinton L.J. Canadian English / Brinton, Laurel J., and Fee, Marjery // The Cambridge history of the English language. – English – 2005. – Vol. VI., ch. 12. – P. 422–440.
343. Bruthiaux P. Squaring the circles: issues in modeling English worldwide / P. Bruthiaux // International Journal of Applied Linguistics. – 2003. – №13. – P.159–178.
344. Brutt–Griffler J. World Englishes : a study of its development / J. Brutt–Griffler. – Clevedon : Multilingual Matters, 2002. – 215 p.
345. Buck R. Nonverbal Behavior and the Theory of Emotion: The Facial Feedback Hypothesis / R. Buck // Journal of Personality and Social Psychology. – 1980. – № 38 (5). – P. 813.
346. Cacioppo J.T. Emotion / J.T. Cacioppo, W.L. Gardner // Annual Review of Psychology. – 1999. – P. 191.
347. Canagarajah A. Resisting linguistic imperialism in English teaching / A. Canagarajah. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 180.
348. Carroll J.B. The function of language classifications in behavior / J.B. Carroll, E.E. Maccoby, T.M. Newcomb, E.L. Hartley // Reading in social psychology. – Holt, Rinehart and Winston, 1958. – P. 18–31.
349. Carlisle R.P. Manifest Destiny and the Expansion of America / R.P. Carlisle, J.G. Golson // Turning Points in History Series. – ABC–CLIO, 2007. – 238 p.

350. Cassidy F.G. Multiple etymologies in Jamaican Creole / F.G. Cassidy. – *Am Speech*, 1966. – № 41. – 215 p.
351. Cavallaro F. Between status and solidarity in Singapore / F. Cavallaro, Ng B. Chin // *World Englishes*. – 2009. – № 28 (2). – P.143–159.
352. Cazacu B. In jurul unei controverse lingvistice: limba sau dialect? (Problema clasificării idiomurilor romanice sud-dunerene) / B. Cazacu // *Studii și cercetări lingvistice*. – București, 1959. – T. X. – № 1. – P. 23.
353. Chambers J.K. *Canadian English: 250 Years in the Making* / J.K. Chambers // *The Canadian Oxford Dictionary*. – 1998. – P. XI.
354. Clyne M.G. *Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations* / M.G. Clyne // *Contributions to the sociology of language*. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1992. – № 62. – 481 p.
355. Colombetti G. From affect programs to dynamical discrete emotions / G. Colombetti // *Philosophical Psychology*. – 2009. – 22 (4). – P. 407–425.
356. Constantino R. *The Philippines: a Past Revisited* / R. Constantino. – Quezon City: Tala Pub. Services, 1975. – Mode of access: <https://siagrey.files.wordpress.com/2014/09/the-philippines-a-past-revisited-renato-constantino.pdf>.
357. Cosmides L. Evolutionary psychology and the emotions / L. Cosmides J. Tooby // *Handbook of Emotions* – Guilford Press, New York, 2000 – P. 91–115.
358. Crabtree S. What Alabamians and Iranians Have in Common / S. Crabtree, B. Pelham. – Gallup, 2009. – Mode: of access: <http://www.gallup.com/poll/114211/alabamians-iranians.aspx>.
359. Craig R.D. *Historical Dictionary of Polynesia* / R.D. Craig. – Scarecrow Press, 2002. – 33 p.
360. Cran W. *The Story of English* by Robert McCrum / W. Cran, R. MacNeil. – London : BBC Publications and Faber and Faber, 1986. – 384 p.
361. Croft W. *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective* / W. Croft. - Oxford: Oxford University Press, 2001. – 448p.
362. Cruse D.A. *Lexical Semantics* / D.A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 71 p.

363. Crystal D. English as a Global Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P.150.
364. Crystal D.A. Dictionary of Linguistics & Phonetics / D.A. Crystal. – Blackwel, 2003a. – 560 p.
365. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge University Press, – 2003b. 491 p.
366. Cryptotypes of the English Language = COEL [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.rgph.vsu.ru/coel>.
367. Danes F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field / F. Danes // XIVth International Congress of Linguistics. Berlin. 10– 15 August. – Berlin, 1987. – P. 272 – 291.
368. Daniel M. Linguistic Typology and the Study of Language. / M. Daniel // The Oxford Handbook of Linguistic Typology. – Oxford University Press, 2010. – P. 43- 68.
369. Davies A. Is International English an interlanguage? / A. Davies // TESOL Quarterly. – 1989. – Vol. 23, № 3. – P. 447– 467.
370. Davies M. Corpus of Contemporary American English / M. Davies. - Mode of access: <http://corpus.byu.edu/coca/>.
371. Davies M. Corpus of Global Web-Based English / M. Davies. – 2013. - Mode of access: <http://corpus.byu.edu/glowbe/>.
372. Davies M. NOW Corpus / M. Davies. – 2016. - Mode of access: <http://corpus.byu.edu/now/>.
373. DeCamp D. Social and geographic factors in Jamaican dialects / D. DeCamp, R.B. Le Page // Creole Language Studies. – London: Macmillan, 1961. – P. 61–84.
374. DeCamp D. Understanding Jamaican Patois: An Introduction to Afro–Jamaican Grammar / D. DeCamp, D. Hymes // Pidginization and Creolization of Languages. – Cambridge, 1971. – P. 349–370.
375. DeGraff M. Against Creole exceptionalism / M. DeGraff // Language. – 2003. – №79. – P. 391– 410.

376. Desai D. Human development in India / D. Desai, S. Joshi, V. Sharif. – Oxford University Press, 2010. – 261 p. Mode of access: <http://www.sonaldedesai.org/human-development-in-india.pdf>.
377. Deterding D. Singapore English / D. Deterding. – Edinburgh University Press, 2007. – 135 p.
378. Deterding D. The pronunciation of Hong Kong English / D. Deterding, J. Wong, A. Kirkpatrick // *English World–Wide*. – 2008. – №29. – P. 148–149.
379. Dewey J. The theory of emotion / J. Dewey // *Psychological Review*. – 1895. – № 2 (1). – P. 13–32.
380. Dickason O.P. Canada's First Nations: A History of Founding Peoples from Earliest Times / O.P. Dickason. – University of Oklahoma Press, 1992. – 419 p.
381. Dicker S.J. Languages in America: A Pluralist View / S.J. Dicker. – Clevedon, UK: Multilingual Matters., 2003. –216 p.
382. Dixon R. M.W. Basic Linguistic Theory / R.M.W. Dixon // *Methodology*. - Oxford: Oxford University Press, 2010. – Vol. 1. – 400p.
383. Dolan T.P. A dictionary of Hiberno–English: the Irish use of English / T.P. Dolan. – Dublin, IE: Gill & Macmillan, 2004. – 292 p.
384. Dollinger S. New–Dialect Formation in Canada / S. Dollinger. – Amsterdam: Benjamins, 2008. – P. 279.
385. Dollinger S. English in Canada / S. Dollinger // *Handbook of World Englishes*. - Wiley– Blackwell, 2016. – 811p.
386. Domrös M. Sri Lanka, past and present: Archaeology, Geography, Economics / M. Domrös // *selected papers on German research*. – 1998. – 197 p.
387. Dufter A. La linguistique variationnelle et les changements linguistiques «mal compris»: Le cas de la «disparition» du ne de négation / A. Dufter, E. Stark // *Etudes sur le changement linguistique en français*. – Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 2007. – P. 115– 128.
388. Eid M. Norms for experiencing emotions in different cultures: Inter– and intranational differences / M. Eid, E. Diener // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2001. – №81 (5). – P. 869–885.

389. Ekman P. Constants Across Cultures in the Face and Emotion / P. Ekman, W.V. Friesen // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1971. – №17 (2). – P. 124–129.
390. Ekman P. An Argument for Basic Emotions / P. Ekman // *Cognition and Emotion*. – 1992. – №6 (3/4). – P. 169–200.
391. Ekman P. Emotions Revealed. Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life / P. Ekman. – Henry Holt and Company, 2007. – 13 p.
392. Ellsworth P.C. Sense, culture, and sensibility / P.C. Ellsworth // *Emotion and culture: Empirical Studies of Mutual Influence* – American Psychological Association, Washington, DC, 1994 – P. 23–50.
393. Englewood C. Color categories are not universal: Replications and new evidence from a stone– age culture / C. Englewood, D. Roberson, I. Davies, I. Davidoff // *Journal of Experimental Psychology: General*. – NJ: Prentice– Hall, 2000. – P. 129, P. 369– 89.
394. English F. Rackets and Racketeering as the Root of Games / F. English. – N – Y, 1997. – 27p. - Mode of access: http://www.fanita-english.com/fileadmin/fanita_content/downloads/021_Rackets%20and%20Racketeering%20as%20the%20root%20of%20games.pdf.
395. Eur. The Far East and Australasia 2003 / Eur. – Psychology Press, 2002. – P. 1137.
396. Faraclas N.G. Nigerian Pidgin / N.G. Faraclas // Routledge. – 1996. – 297 p.
397. Fernández-Dols J.M. Is the meaning perceived in facial expression independent of its context? / J.M. Fernández-Dols, J.M. Carroll // *The Psychology of Facial Expression* – Cambridge University Press, Cambridge, 1997 – P. 275-294.
398. Feuerstein, G., Kak S., Frawley D. In search of the cradle of civilization: new light on ancient India / G. Feuerstein, S. Kak, D. Frawley. – Wheaton, Illinois: Quest Books, 1995. – 367 p.
399. Filppula M. Early Contacts between English and the Celtic / M. Filppula, J. Klemola, H. Pitkänen // *The Celtic Roots of English, Studies in Languages 37*. - University of Joensuu, Faculty of Humanities, 2002. – P. 1 – 26.

400. Finn P. Cape Flats English: phonology / P. Finn, E.W. Schneider, K. Burrige, B. Kortmann, R. Mesthrie, C. Upton // A handbook of varieties of English, 1: Phonology. – Mouton de Gruyter, 2004. – P. 934–984.
401. Fogelin R.J. Figuratively Speaking / R.J. Fogelin. – Oxford University Press, 2011. – 144 p.
402. Fomina S. Emotional werdende Lexik der deutschen Gegenwartssprache / S. Fomina. -Woronesh: Istoki, 1999. - 208 p.
403. Fontaine R. J. Cognitive structure of emotion terms in Indonesia and The Netherlands / R. J. Fontaine, Y. H. Poortinga, B. Setiadi, S. S. Markam // Cognition and Emotion. – 16 (1) - 2002 - p. 61-86.
404. François A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. // From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic / M. Vanhove (ed.). Amsterdam-New York: Benjamins (Studies in Language Companion Series 106), 2008. P. 163-215.
405. Frank R.H. Passions within Reason: The Strategic Role of the Emotions / R.H. Frank – Norton, New York, 1988 – 320 p.
406. Freedman D.J. Categorical representation of visual stimuli in the primate prefrontal cortex / D.J. Freedman // Science. – 2001. – № 291.– P. 312–316.
407. Fridlund A. J. The new ethology of human facial expression. / A. J. Fridlund // The psychology of facial expression. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997 – p. 103-129.
408. Gadet F. La variation plus qu 'une ecume / F. Gadet // Langue frangaise. – 1997. – № 115. – P. 5– 18.
409. Gadet F. La variation sociale en français / F. Gadet. – P.: Editions OPHRYS, 2007. – P. 186.
410. Galloway N. Introducing Global Englishes / N. Galloway, H. Rose. – London: Routledge. Taylor & Francis Group, 2015. – 296 p.
411. Gargesh R. South Asian Englishes / R. Gargesh // The Handbook of World Englishes. – Blackwell Publishing, 2006 – P. 92.
412. Geipela J. Foreign language affects the contribution of intentions and outcomes to moral judgment / J. Geipela, C. Hadjichristidisb, L. Suriana // Cognition – Volume 154, September 2016 – P. 34–39

413. Gerber E.R. Rage and Obligation: Samoan Emotion in Conflict / G.M. White, J.K. Berkeley // *Person, Self and Experience* - LA - London, 1985. – P. 121 – 167.
414. Gazzaniga M. The Split Brain Revisited / M. Gazzaniga // *Scientific American*. – 1998. – no. 1(279). – P. 51–55.
415. Gazzaniga M.S. The cognitive neurosciences. / M.S. Gazzaniga - Cambridge, MA: MIT Press, 2004 – 1385 p.
416. Gendron M. Reconstructing the Past: A Century of Ideas About Emotion in Psychology / M. Gendron, L.F. Barrett // *Emotion Review*. – 2009. – №1(4). – P. 316–339.
417. Gibbs R.W. Bodily action and metaphorical meaning / R.W.Jr. Gibbs, N.L. Wilson // *Style*. – 2002. – Vol. 36 (3). – P. 524 – 540.
418. Gilbert A. Whorf hypothesis is supported in the right visual field but not the left / A. Gilbert, T. Regier, P. Kay, R. Ivry // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2006. – №103(2). – P. 489–494.
419. Glasser M.F. A multi-modal parcellation of human cerebral cortex / M.F. Glasser, T.S. Coalson, E.C. Robinson, C.D. Hacker, J. Harwell, E. Yacoub, K. Ugurbil, J. Andersson, C.F. Beckmann, M. Jenkinson, S.M. Smith, D.C. Van Essen // *Nature*. – Mode of access:<http://www.nature.com/nature/journal/vaop/ncurrent/full/nature18933.html>. – Date of access: 20.07.2016.
420. Global Terrorism Database (gtd1993_0616dist.xlsx) // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. - Univ. of Maryland, 2016.- URL: <https://www.start.umd.edu/gtd>.
421. Goddard C. Anger in the Western Desert: A Case in the Cross-Cultural Semantics of Emotion / C. Goddard // *Man*. – 1991. - V. 26 (2). – P. 265–279.
422. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ / D. Goleman. – 1st edition. – Bantam, 1997. – 352 p.
423. Görlach M. Varietas delectat: forms and functions of English around the world. An historic tongue / M. Görlach // *Studies in English linguistics in memory of Barbara Strang*. – London: Routledge, 1988a. – P. 167– 208.
424. Görlach M. English as a world language – the state of the art / M. Görlach // *English World-Wide*. – 1988b. – № 10. – P. 279–313.

425. Görlach M. *Studies in the History of the English Language* / M. Görlach. – Heidelberg: Carl Winter, 1990. – P. 9-64.
426. Görlach M. *Englishes. Studies in varieties of English 1984–1988* / M. Görlach. – Amsterdam: Benjamins, 1991. – 211 p.
427. Gough D.H. *English in South Africa. Introduction to the Dictionary of South African English on Historical Principles* / D.H. Gough. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. XXX, 825.
428. Graddol D. *The future of English? A guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century* / D. Graddol. – London: British Council, 1997. – 64 p.
429. Graddol D. *English Next : Why Global English May Mean the End of ‘English as a Foreign Language’* / D. Graddol. – London : British Council, 2006. – 128 p.
430. Gramley S. *The History of English: An Introduction* / S. Gramley. – London : Routledge. – 2012. – 464 p.
431. Granger S. *Learner English around the world* / S. Granger // *Comparing English Worldwide: The International Corpus of English*. - Oxford: Clarendon Press, 1996. - P. 13–24.
432. Greene J.P. *A Companion to the American Revolution* / J.P. Greene, J.R. Pole. – 2008. – P. 352–361.
433. Grierson G.A. "Language" and "Dialect" / G.A. Grierson // *Linguistic Survey of India*. – Calcutta, 1927. – Vol. 1. – Pt. 1.
434. Grosjean F. *Life with Two Languages: An Introduction to Bilingualism* / F. Grosjean. – Harvard University Press, 1982. – P. 8.
435. Gupta A.F. *The Step– Tongue: Children's English in Singapore* / A.F. Gupta. – United Kingdom: WBC Ltd, Bridgend, 1994.- 231p.
436. Haas M. R. *The Use of Numeral Classifiers in Thai* / M.R. Haas // *Language*. - 1942.- Vol.18, No3. – P. 201-205.
437. Hackermüller L. *Decoherence of matter waves by thermal emission of radiation* / L. Hackermüller, K. Hornberger, B. Brezger, A. Zeilinger, M. Arndt // *Nature*. – 2004. – № 427 – P.711– 714.

438. Hagmann P. Mapping the structural core of human cerebral cortex / P. Hagmann, L. Cammoun, X. Gigandet, R. Meuli, C.J. Honey, V.J. Wedeen, O. Sporns // *PLoS Biol.* – 2008. – № 6 (7). – P.159.
439. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment / J. Haidt // *Psychological Review.* – 2001. – №4(108). – P. 814–834.
440. Hall E.T. *The Silent Language* / E.T. Hall–Anchor Books,1959.- 217 p.
441. Hall E.T. *The Hidden Dimension* / E.T. Hall – Anchor Books, 1966. – 240 p.
442. Hall E.T. *Beyond Culture* / E.T. Hall // Garden City. – Anchor Books, 1989. – 320 p.
443. Hall E. *Hidden Differences, Studies in International Communication: How to communicate with Germans* / E. Hall, M. Hall. — Hamburg : Stern Magazine, 1983. — 97 p.
444. Hall, E.T. *Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans.* – Intercultural Press, 1990.- 224 p.
445. Halliday M.A.K. *Categories of a Theory of Grammar* / M.A.K. Halliday // *Word.* – 1961. – No. 3(17). – P. 67.
446. Hammarström H. *Old English* / H. Hammarström, R. Forkel, M. Haspelmath, S. Bank // *Glottolog 2.7.* Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History. – 2016. – Mode of access: <https://en.m.wikipedia.org/wiki/Glottolog>.
447. Hancock I. F. *Malaysian Creole Portuguese: Asian, African or European?* / I.F. Hancock // *Anthropological Linguistics.* – University of Texas,1975. – №17 (5). – P. 211–236.
448. Harada S. *The Roles of Singapore Standard English and Singlish* / S. Harada // *Information and communication studies.* – 2009. – № 1. – P. 69– 81.
449. Hashmi A. *Preface. Pakistani Literature: The Contemporary English Writers* / A. Hashmi. – Islamabad : Gulmohar Press. – 1987. – 160 p.
450. Haspelmath M. *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook.* / M. Haspelmath, U. Tadmor - Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. - 1081 p.

451. Haspelmath M. 2010. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies / M. Haspelmath // *Language*. – 2010. – Vol. 86. No.3. – P. 663-687.
452. Haugen E. *The Ecology of language. Essays by Einar Haugen* / E. Haugen. – Stanford: Stanford University Press, 1972.- 366 p.
453. Happy Planet Index. – 2016. - URL: <http://happyplanetindex.org>.
454. Hay J. *New Zealand English, Dialects of English* / J. Hay, M. Maclagan, E. Gordon. – Edinburgh University Press. – 2008.- 184 p.
455. He D., Li, D.C.S. Language attitudes and linguistic features in the 'China English' debate / D. He, D.C.S. Li // *World Englishes*. – 2009. – Vol. 28, No.1. –P. 70– 89.
456. Hebb D.O. *The organization of behavior: a neuropsychological theory* / D.O. Hebb. – New York., 2002. –P. 62.
457. Heger K. "Sprache" und "Dialect" als linguistisches und soziolinguistisches Problem / K. Heger // *Folia linguistica*. - The Hague.,1969. – P. 46 – 67.
458. Heider K. *Landscapes of Emotion: Mapping Three Cultures of Emotion in Indonesia* / K. Heider - Cambridge University Press, Cambridge, 1991 – 352 p.
459. Hellsten I. Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism / I. Hellsten // *Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research*. – Tartu, 1997. – P. 121 – 141.
460. *Legacies of Colonial Englishes: Studies in Transported Dialects* / ed. Hickey, R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.- 374 p.
461. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values* / G. Hofstede. – Beverly Hills CA: Sage Publications, 1980. – 328 p.
462. Hofstede G. *Allemaal andersdenkenden: omgaan met cultuurverschillen* / G. Hofstede. – Business Contact, 1983. – 341p.
463. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind, Third Edition* / G. Hofstede. – McGraw– Hill Education., 2010. – 576 p.
464. Hofstede G. *Interculturelle Zusammenarbeit. Kulturen Organisationen Management* / G. Hofstede. – Wiesbaden, 1993.- 328 p.
465. Hogg R.M. *The Cambridge History of the English Language* / R.M. Hogg. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 117.

466. Hogg R.M. History of the English Language / R.M. Hogg, D.A. Denison. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 495 p.
467. Honna N. English as an International Language / N. Honna – Tokyo : ALC Press, 2005. – 276 p.
468. Howard I. Semantics of the Japanese passive / I. Howard, H.A. Niekawa // Syntax and Semantics v: Japanese generative grammar – New York : Academic Press, 1976. – P. 201 – 238.
469. Hu X. Why China English should stand alongside British, American, and the other ‘world Englishes’ / X. Hu // English Today. – 2004. – № 78 (20.2). – P. 26– 33.
470. Hu X. Kachru's Three Concentric Circles and English Teaching Fallacies in EFL and ESL Contexts / X. Hu, X. Jiang // Changing English. – 2011. – №18 (2). – P. 219.
471. Huber M. Ghanaian Pidgin English in its West African Context: a sociohistorical and structural analysis / M. Huber. – John Benjamins Publishing Company, 1999. – 322 p.
472. Hunston S. Corpora in Applied Linguistics / S. Hunston. – Cambridge University Press, 2005. – P. 241p.
473. Hunt E.B. The Whorfian hypothesis: A cognitive psychology perspective / E.B. Hunt, F. Agnoli // Psychological Review. – 1991. – №98. – P. 377– 389.
474. Huth A.G. Natural speech reveals the semantic maps that tile human cerebral cortex / A.G. Huth, W.A. de Heer, T.L. Griffiths, F.E. Theunissen, J. L. Gallant // Nature. – 2016. – 532. – P.453–458.
475. Iliev R. Linguistic positivity in historical texts reflects dynamic environmental and psychological factors / R. Iliev, J. Hoover, M. Dehghani, R. Axelrod // Proceedings of the National Academy of Sciences – 2016 – Mode of access: <http://www.pnas.org/content/early/2016/11/15/1612058113.full>.
476. Isidore D.A. Lexicostatistical Classification of the Austronesian Languages / D.A. Isidore // International Journal of American Linguistics. Memoir. – 1965. – № 19. – P. 38–46.
477. Izard C.E. Stability of emotion experiences and their relations to traits of personality / C.E. Izard, D.Z. Libero, P. Putnam, O.M. Haynes // Journal of Personality and Social Psychology. – 1993. – № 64. – P. 847–860.

478. Jakobson R. Linguistics. Relationship between the science of language and other sciences / R. Jakobson // Main trends of research in the social and human sciences. - The Hague: Mouton, 1970. - P. 419—453.
479. James W. What is an Emotion? / W. James // Mind. – 1884. – № IX (34). – P. 188–205.
480. Janda L. A Semantic Analysis of the Russian verbal Prefixes ZA- PERE-, DO-, and OT- / L. Janda // Hh.D. dissert., University of California, Los Angeles. 1982/// In Slavistische Beiträge. – München: Velag Otto, 1986. – 261p.
481. Jayasurya M. Terror and Reconciliation: Sri Lankan Anglophone Literature, 1983– 2009. – Lexington Books, 2012. – P. 21.
482. Jaydeep S. Indian Variety of English: A Socio–Linguistic Study / S. Jaydeep // Studies in ELT, Linguistics and Applied Linguistics. – Atlantic Publishers & Distributors, 2004. – P. 50.
483. Jenkins J. World Englishes. A resource book for students / J. Jenkins. – London and New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 2003. – 233 p.
484. Jenkins J. World englishes : a resource book for students / J. Jenkins. – London: Routledge, 2006.
485. Jenkins J. English as a lingua franca: interpretations and attitudes / J. Jenkins // World Englishes. – 2009. – Vol.28, № 2. – P. 200–207.
486. Jenkins J. Global Englishes. A resource book for students / J. Jenkins.– Abingdon, GB, Routledge, 2015. – 280 p.
487. Jennings J. Killing Civilization: A Reassessment of Early Urbanism and Its Consequences / J. Jennings. – UNM Press, 2016. – 368 p.
488. Jettka D. English in Jamaica: The Coexistence of Standard Jamaican English and the English– based Jamaican Creole – Hamburg Centre for Language Corpora / D. Jettka. - Hamburg University, 2010. – 15 p.
489. Johnson M. Google's Multilingual Neural Machine Translation System: Enabling Zero-Shot Translation/ M. Johnson, M. Schuster, Q. V. Le, M. Krikun, Y. Wu, Z. Chen, N. Thorat, F. Viégas, M. Wattenberg, G. Corrado, M. Hughes, J. Dean // Computer Science – 2016 – Mode of access: <https://arxiv.org/abs/1611.04558>.

490. Johnstone T. Vocal communication of Emotion / T. Johnstone, K. Scherer // Handbook of Emotions – Guilford Press, New York, 2000 – P. 220–235.
491. Kabatek J. La variation linguistique dans le domaine des langues romanes: théorie et réalité empirique / J. Kabatek // Actes du XXII– e congrès international de Linguistique et de Philologie Romanes. Vivacité et diversité de la variation linguistique. Travaux de la section «Dialectologie, géolinguistique, sociolinguistique». – Tübingen: Niemeyer, 2000. – T. III. – P. 215– 224.
492. Kachru B.B. The Other Tongue: English Across Cultures / B.B. Kachru. – Oxford: Pergamon Press, 1982. – 384 p.
493. Kachru B.B. The Indianization of English: English Language in India / B.B. Kachru. – Oxford University Press, 1983. – 280 p.
494. Kachru B.B. Editorial / B.B. Kachru, L.E. Smith // World Englishes. – 1985. – Vol. 4, № 4. – P. 209–212.
495. Kachru B.B. The Alchemy of English. The Spread, Functions, and Models of Non– Native Englishes / B. Kachru. – Urbana & Chicago : University of Illinois Press, 1986. – 200 p.
496. Kachru B. Models for Non–native Englishes / B. Kachru // The Other Tongue: English across cultures. – Urbana: University of Illinois Press, 1992. – 356 p.
497. Kachru B.B. Asian Englishes : Beyond the Canon / B. Kachru. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2004. – 333 p.
498. Kachru B.B. World Englishes in Asian Contexts / B. Kachru, Y. Kachru, C. Nelson. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2006b. – 412 p.
499. Kachru B.B. The handbook of world Englishes / B.B. Kachru, Y. Kachru, C.L. Nelson. – Oxford: Blackwell, 2006c. – 832 p.
500. Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle / B.B. Kachru, K. Bolton // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics. – London and New York: Routledge, 2006d – Vol. 3.
501. Kachru B.B. Language in South Asia / B.B. Kachru, Y. Kachru, S.N. Sridhar. – Cambridge University Press, 2008. – 632 p.
502. Kachru Y. Cultures, Contexts, and World Englishes / Y. Kachru, L. Smith. – London, New York : Routledge Taylor & Francis Inc., 2008. – 231 p.

503. Kachru Y. The Karmic cycle of world Englishes: some futuristic constructs / Y. Kachru, L. Smith // *World Englishes*. – 2009. – Vol. 28, No.1. – P. 1–14.
504. Kandiah T. Why New Englishes? / T. Kandiah, J.A. Foley // *English in New Cultural Contexts: Reflections from Singapore* – Singapore: Oxford University Press, 1998. – P. 1–40.
505. Kendall M. A New Measure of Rank Correlation / M. Kendall // *Biometrika*. – 1938. – №30 (1–2). – P. 81–89.
506. Kendall M. Rank Correlation Methods / M. Kendall. – Charles Griffin & Company Limited, 1948. – 160 p.
507. Kennedy G. The Influence of Maori on the New Zealand English Lexicon / G. Kennedy, Y. Shinji // *Corpora Galore: Analyses and Techniques in Describing English*. – Amsterdam: Rodopi, 1999. – P. 33– 44.
508. Kierkegaard S. Der Begriff Angst/ S. Kierkegaard. – Dusseldorf : Diederichs, 1958. – 280p.
509. Kirkpatrick A. World Englishes. Implications for International Communication and English language teaching / A. Kirkpatrick. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 257 p.
510. Kirkpatrick A. The Routledge Handbook of World Englishes / A. Kirkpatrick. – Routledge: Taylor and Francis, 2010. – 708 p.
511. Kirkpatrick A. English as an International Language in Asia: Implications for Language Education / A. Kirkpatrick, R. Sussex.– Springer, 2012. – 226 p.
512. Klein G. Sources of Power: How People Make Decisions / G. Klein. – Cambridge, MA: MIT Press —1999. – 352 p.
513. Klineberg O. Social psychology. / O. Klineberg - New York: Holt, 1954 –578 p.
514. Kloss H. Abstandsprachen und Ausbausprachen [Abstand-languages and Ausbau-languages] / In Göschel, Joachim; Nail, Norbert; van der Elst, Gaston // *Zur Theorie des Dialekts: Aufsätze aus 100 Jahren Forschung. Zeitschrift für Dialektologie and Linguistik, Beihefte, n.F., Heft 16.* - Wiesbaden: F. Steiner, 1976. - P. 310–312.
515. Kloss H. Abstandsprachen und Ausbausprachen [Abstand– languages and Ausbau– languages] / H. Kloss // *Zur Theorie des Dialekts: Aufsätze aus 100*

- Jahren Forschung. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Beihefte, n.F., Heft 16. – Wiesbaden: F. Steiner, 1976. – P. 310–312.
516. Kloss H. Abstand languages and Ausbau languages / H. Kloss // Anthropological Linguistics. – Harvard: Harvard Press, 1967. – P. 29 – 41.
517. Koch P. Langage parlé et langage écrit / P. Koch, W. Oesterreicher // Lexikon der Romanistischen Linguistik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. – T. 1. – P. 584– 627.
518. Kovesces Z. Emotion Concepts / Z. Kovesces. – New York : Springer-Verlag, 1990. – 230 p.
519. Krishnaswamy N. The story of English in India / N. Krishnaswamy, L. Krishnaswamy. – Foundation Books, 2006.- 226 p.
520. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. - Cambridge: Cambridge University Press, 2000 – 223 p.
521. Labov W. Quantitative Analysis of Linguistic Variation / W. Labov // Sociolinguistics. An International Handbook of the science of Language and Society – New York, 2004. P. 6– 21.
522. Labov W. The Atlas of North American English / W. Labov, S. Ash, C. Boberg. – Berlin: Mouton, 2006. – 318 p.
523. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. - Chicago : University of Chicago Press 1980. – 256 p.
524. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
525. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 210.
526. Lameli A. Strukturen im Sprachraum. Analysen zur arealtypologischen Komplexität der Dialekte in Deutschland / A. Lameli. – Berlin – Boston, 2013. – 355 p.
527. Lass R. South African English / R. Lass // Language in South Africa. – Cambridge University Press, 2002. – P. 104-126.
528. Lawrence J.C. A History of Guam / J.C. Lawrence, J.B. Janice. – Bess Press, 2001. – 203 p.
529. Lazarus R. Emotion and Adaptation / R. Lazarus – Oxford University Press, Oxford, 1991 – 576 p.

530. Lazarus R.S. *Passion and Reason: Making Sense of Our Emotions* / R.S. Lazarus, B.N. Lazarus. – Oxford University Press, 1996. – 336 p.
531. Le Doux J. *The Emotional Brain: the Mysterious Underpinnings of Emotional Life* / Le Doux J. – New York: Simon and Schuster, 1996. – P. 32–33.
532. Lee K.Y. *From Third World to First* / K.Y. Lee. – Singapore: Marshall Cavendish, 2000. – P. 31.
533. Leimgruber J.R.E. *Singapore English* / J.R.E. Leimgruber // *Language and Linguistics*. – Compass, 2011. – № 5.1. – P. 47–62.
534. Leitner G. and Hesselmann, M. (1996) “What do you do with a ball in soccer?” Medium, mode, and pluricentricity in soccer reporting / G. Leitner, M. Hesselmann // *World Englishes*. - 1996. – Vol.15(1). – P. 83–102.
535. Levinson S.C. *Studying spatial conceptualization across cultures* / S.C. Levinson // *Anthropology and cognitive science. Ethos*. – 1998.– № 26. – P.7– 24.
536. Lewis M.P. *Ethnologue* / M.P. Lewis, F.G. Simons, D.C Fennig // *Languages of the World*. – Dallas, Tex.: SIL International, 2015. – <http://www.ethnologue.com>. Viewed June 9, 2015.
537. Lim L. *The Politics of English: South Asia, Southeast Asia and the Asia Pacific* / L. Lim // *Studies in world language problems*. – John Benjamins Publishing, 2013. – Vol 4. – P.74.
538. Lövheim H. *A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters* / H. Lövheim // *Med Hypotheses*.– 2001. – № 78. – P. 341 – 348 p.
539. Lutz C. *Goals, events, and understanding in Ifaluk emotion theory* / C. Lutz // *Cultural Models in Language and Thought*. - Cambridge University Press, Cambridge, 1987 – P. 290–312.
540. Lyons J. *Introduction to Theoretical Linguistics* / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1975. – 356 p.
541. Maguire J. *Essential Buddhism. A Complete Guide to Beliefs and Practices* / J. Maguire. – Simon and Schuster, 2001. – P. 69.
542. Mahboob A. *Language Variation and Education* / A. Mahboob, S. Buschfeld, T. Hoffmann, M. Huber, A. Kautzsch // *The Evolution of Englishes*. – Amsterdam: John Benjamins, 2014. – Vol. 2. – P. 267– 281.

543. Mair C. Linguistics, literature and the Postcolonial Englishes: An introduction / C. Mair // *The Politics of English as a World Language. New Horizons in Postcolonial Cultural Studies.* – Amsterdam: Rodopi, 2003. – P. IX – XXI.
544. Mallikarjun B. Fifty Years of Language Planning for Modern Hindi—The Official Language of India / B.Mallikarjun // *Language in India.* – 2004. – № 4 (11).
– Mode of access: <http://www.languageinindia.com/nov2004/mallikarjunmalaysiapaper1.html>.
545. Mannell R. Impressionistic Studies of Australian English Phonetics / R. Mannell. – 2009. – Mode of access: <http://clas.mq.edu.au/speech/phonetics/phonetics/ausenglish/impressionistic.html>.
– Date of access: 03.08.2016 г.
546. Matras Y. Mixed Languages: a functional– communicative approach / Y. Matras // *Bilingualism: Language and Cognition.* – 2000. – Vol. 3. № 2. – P. 79 – 99.
547. Matras Y. The Mixed Language Debate: Theoretical and Empirical Advances / Y. Matras, P. Bakker. – Walter de Gruyter, 2003. – 301 p.
548. Mathews H.F. The directive force of morality tales in a Mexican community / H.F. Mathews // *Human Motives and Cultural Models.* - Cambridge University Press, 1992. – P. 127 – 162.
549. Matthews P.H. *Oxford Concise Dictionary of Linguistics* / P.H. Matthews. – Oxford, 2007.
550. Mauranen A. Exploring ELF: academic English shaped by non–native speakers / A. Mauranen. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012. – 271 p.
551. McArthur T. The English languages? / T. McArthur // *English Today.* – 1987. – Vol.3. №3. – P. 9–13.
552. McArthur T. *The English Languages* / T. McArthur. – Cambridge, New York, Melbourne : Cambridge University press, 1998a. – 247 p.
553. McArthur T. *Pakistani English* / T. McArthur // *Concise Oxford Companion to the English Language.* – Oxford, UK: Oxford University Press, 1998b.
554. McArthur T. *Philippine English* / T. McArthur // *Concise Oxford Companion to the English Language.* – Oxford, UK: Oxford University Press, 1998c.
555. McArthur T. *Oxford Guide to World English* / T. McArthur. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 501 p.

556. McArthur T. Canadian English / T. McArthur // Concise Oxford companion to the English language. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. – P. 96–102.
557. McCluskey K. Cross-cultural differences in the perception of the emotional content of speech. / K. McCluskey, D. Albas, R. Niemi, C. Cuevas, C. Ferrer // Developmental psychology - №11 – 1975 – p. 551-555.
558. McCrum The Story of English / McCrum. – Penguin Books, 2002. – 496 p.
559. McDermott J.H. Indifference to dissonance in native Amazonians reveals cultural variation in music perception. / J.H. McDermott, A.F. Schultz, E.A. Undurraga, R.A. Godoy // Nature. – 2016. – vol. 535 – P. 547 – 550.
560. MacDonald M. Your Brain: The Missing Manual (Missing Manuals) / M. MacDonald. – O'Reilly Media, 2008. – P. 280.
561. McEnery T. Corpus Linguistics / T. McEnery, A. Wilson. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. – 235 p.
562. McEnery T. Corpus Linguistics: method, theory and practice / T. McEnery, A. Hardie. – Cambridge University Press, 2012. – 235 p.
563. McIntyre D. History of English: A Resource Book for Students / D. McIntyre– Routledge, 2008. – 224 p.
564. McKay S.L. Principles and Practices for Teaching English as an International Language / S.L. McKay. – Routledge, 2012. – P. 28.
565. McKittrick D. Census Reveals Northern Ireland's Protestant Population is at Record Low / D. McKittrick. – London, 2002. - Mode access: <http://archive.ec/0begT>.
566. McNaughton N. Biology and emotion. / N. McNaughton // Cambridge: Cambridge University Press, 1989 – 228 p.
567. Meade R.R. Acquisition of Jamaican Phonology / R.R. Meade. – Dordrecht: Holland Institute of Linguistics, 2001.- P. 107-123.
568. Mehdi S.M.H. Condition of English in Bangladesh: Second Language or Foreign Language / S.M.H. Mehdi // ESL Teachers Board. – 2002. – Mode of access: <http://www.eslteachersboard.com/cgi-bin/asia/index.pl?read=165>.
569. Mehrabian A. Basic dimensions for a general psychological theory / A. Mehrabian. – Oelgeschlager, Gunn & Hain Publishers, 1980. – 38 p.

570. Melchers G. Varieties of English / G. Melchers // English Language and Linguistics. – 2010. – №14(3). – P. 485– 506.
571. Melchers G. World Englishes / G. Melchers, P. Shaw // Hodder Education. – 2011. – P. 254.
572. Melton J.G. Religions of the World: A Comprehensive Encyclopedia of Beliefs and Practices / J.G. Melton, M. Baumann. – Oxford, England: ABC CLIO, 2010. — 3200 p.
573. Mercer N. Using English / N. Mercer, J. Maybin // From Conversation to Canon. – United Kingdom: Routledge, 1996. – P. 195 – 209.
574. Mesquita B. Cultural variations in emotions: a review / B. Mesquita, F. Nico // Psychological Bulletin. – 1992. – №112 (2). – P. 179–204.
575. Mesquita B. Culture and emotion. / B. Mesquita, N. H. Frijda, K. R. Scherer // Basic processes and human development - Boston, MA: Allyn and Bacon. - 1997 - p. 255-297.
576. Mesthrie R. Indian South African English: phonology / R. Mesthrie // A handbook of varieties of English, 1. Phonology. – Mouton de Gruyter, 2004. – P. 953–963.
577. Mesthrie R. World Englishes : The Study of New Linguistic Varieties / R. Mesthrie R.M. Bhatt. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 276 p.
578. Metaphor and Thought / A. Ortony. – Cambridge Univ Press, 1993. – 678 p.
579. Meyer C.F. Coordinate structures in English / C.F. Meyer // World Englishes. – 1996. – Vol.15(1). – P. 29–41.
580. Michaelis S. Roots of Creole structures / S. Michaelis. – John Benjamins Publishing Co, 2008. – P. 279.
581. Millward C.M. Biography of the English Language / C.M. Millward, M.A. Hayes. – Cengage Learning, 2011. – 496 p.
582. Milroy J. Linguistic variation and change: on the historical sociolinguistics of English / J. Milroy. – Oxford, Cambridge, MA: Blackwell. 1992. – 256 p.
583. Mitchell T.M. Predicting Human Brain Activity Associated with the Meanings of Nouns / T.M. Mitchell, S.V. Shinkareva, A. Carlson, Kai–Min Chang, V.L. Malave, R.A. Mason, A. Just Marcel // Science – 2008. – Vol. 320, № 5880 – P. 1191–1195.

584. Modiano J.P. International English in the global village / J.P. Modiano // *English Today*. – Cambridge University Press, 1999a. – №15/2. – P. 22–34.
585. Modiano J.P. Standard English(es) and educational practices for the world's lingua franca / J.P. Modiano // *English Today*. – Cambridge University Press, 1999b. – №15/4. – P. 3–13.
586. Montemurro M. A. Coherent oscillations in word-use data from 1700 to 2008 / M. A. Montemurro, D.H Zanette // *Palgrave Communications 2* - №16084 - 2016 – Mode of access: <http://www.palgrave-journals.com/articles/palcomms201684>.
587. Moore B. *Who's Centric Now? The State of Postcolonial Englishes* / B. Moore. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 122 p.
588. Mufwene S.S. *The Ecology of Language Evolution* / S.S. Mufwene. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2001.- 276 p.
589. Muljačić Ž. Standardization in Romance / Ž. Muljačić // *Bilingualism and Linguistic conflict in Romance. Trends in Romance Linguistics and Philology*. – 1993. – №5. – P. 77–116.
590. Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe* / A. Musolff. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. – 211 p.
591. Nakayama N. A Proposal for Extraction of Emotional Expression / N. Nakayama, K. Eguchi, N. Kando // *IEICE Technical Report*. – Vol. 104, № 416. – 2004. – P. 13–18.
592. Nelson G. Modals of obligation and necessity in varieties of English / P/H. Peters // *In From Local to Global English: Proceedings of the Style Council 2001/2*. - Sydney: Dictionary Research Centre, Macquarie University, 2003. - P. 25–32.
593. Nelson G. *World Englishes and Corpora Studies* / B.B. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson // *The Handbook of World Englishes*. - Blackwell Publishing, 2006. - P.733-750.
594. Nesse R. Evolutionary explanations of emotions / R. Nesse // *Human Nature* - №1 – 1990 – P. 261–289.
595. Nisbett E.R. Telling more than we can know: Verbal reports on mental processes / E.R. Nisbett, W.T. DeCamp // *Psychological Review*. – 1977a. – № 84 (3). – P. 231–259.

596. Nisbett, E.R. Verbal reports about causal influences on social judgments: Private access versus public theories / E.R. Nisbett, W.T. DeCamp // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1977b. – № 35(9). – P. 613–624.
597. Nisbett R.E. *Rules for Reasoning*. Hillsdale / R.E. Nisbett. - NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. – P. 10.
598. Nisbett R. *The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently... And Why* / E.R. Nisbett. – Free Press, 2003. - 288 p.
599. Nurse D. *Bantu Languages* / D. Nurse, G. Philippson. – Routledge, 2006. – P. 197.
600. Onions C.T. *The Oxford Dictionary of English Etymology* / C.T. Onions. - Oxford: Clarendon Press, 1982. – 1040 p.
601. Ortony A. What's basic about basic emotions? / A. Ortony, T.J. Turner // *Psychological Review*. – 1990a. – № 97. – P. 315– 331.
602. Ortony A. *The Cognitive Structure of Emotions* / A. Ortony, G.L. Clore, A. Collins. – Cambridge University Press, 1990b. – P. 224.
603. Osgood Ch. Studies on Generality of affective meaning system / Ch. Osgood // *American Psychology*. – 1962. – Vol.17. – P. 10—28.
604. Ottenheimer H.J. *The Anthropology of Language. An Introduction to Linguistic Anthropology* / H.J. Ottenheimer. – Cengage, 2008. – 457 p.
605. Pakir A. Connecting with English in the Context of Internalization / A. Pakir // *TESOL Quarterly*. – 1999. – Vol. 33, № 1. – P. 103– 114.
606. Parins J.W. *Literacy and Intellectual Life in the Cherokee Nation, 1820–1906* / J.W. Parins. – University of Oklahoma Press, 2013. – P. 248.
607. Paris R. Kosovo and the Metaphor War / R. Paris // *Political Science Quarterly*. - 2002. – Vol. 117. № 3. – P. 423 – 450.
608. Parrott W. *Emotions in Social Psychology* / W. Parrott. – Philadelphia : Psychology Press, 2001. – 378 p.
609. Patrick P.L. *Urban Jamaican Creole* / P.L. Patrick // *Variation in the Mesolect*. – Amsterdam–Philadelphia: Benjamins, 1999. – P. 127-152.
610. Pearson K. Notes on regression and inheritance in the case of two parents / K. Pearson // *Proceedings of the Royal Society of London*. – 1895. – № 58. – P. 240–242.

611. Pennycook A. The Cultural Politics of English as an International Language / A. Pennycook. – London: Longman Group Limited, 1994. - Mode of access: <http://www.teara.govt.nz>.
612. Pennycook A. Global Englishes and Transcultural Flows / A. Pennycook // Applied Linguistics. – 2009. – № 30 (2). – P. 305–307.
613. Phillipson R. Linguistic Imperialism. / R. Phillipson. – Oxford University Press, 1992. – 365 p.
614. Phillips J. The New Zealanders – Bicultural New Zealand / J. Phillips // Te Ara – the Encyclopedia of New Zealand. – 2009. – P. 9.
615. Phillipson R. Linguistic Imperialism Continued. / R. Phillipson. – Routledge, 2010. – 288 p.
616. Phillipson R. English as Pandemic? / R. Phillipson// The Interrelation between the Right to Identity of Minorities and their Socio– economic Participation: Studies in International Minority and Group Rights. – Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – Vol.6. – P. 189– 204.
617. Pierce L. J. Past experience shapes ongoing neural patterns for language / L. J. Pierce, J.-K. Chen, A. Delcenserie, F. Genesee, D. Klein // Nature Communications - №6 – 2015 – Mode of access: <http://www.nature.com/articles/ncomms10073#affil-auth>.
618. Pingali S. Indian English / S. Pingali. – Edinburgh University Press, 2009. – P. 116.
619. Platt J. The new Englishes. / J. Platt. - Ho. – London: Routledge and Kegan Paul, 1982. – P. 225.
620. Plutchik R. Emotion: A psychoevolutionary synthesis / R. Plutchik – Harper & Row, New York, 1980 – 440 p.
621. Plutchik R. The Nature of Emotions / R. Plutchik // American Scientist. – 2001. – Vol. 89, № 4. – P. 344–350.
622. Posner J. The circumplex model of affect: An integrative approach to affective neuroscience, cognitive development, and psychopathology / J. Posner, J.A. Russell, B.S. Peterson // Developmental and Psychopathology. – 2005. – №17. – P. 715–734.

623. Pride J.B. *New Englishes* / J.B. Pride. – Rowley, Mass.: Newbury House, 1982. – P. 286.
624. Proshina Z. *The ABC and Controversies of World Englishes* / Z. Proshina. – Хабаровск: Издательство Дальневосточного института иностранных языков, 2007. – 181 с.
625. Quilis A. *Spanish creole* / A. Quilis // *La lengua española en Filipinas*. – Cervantes virtual, 1996. – P. 54–55.
626. Raghavan M. *Genomic evidence for the Pleistocene and recent population history of Native Americans* / M. Raghavan, M. Steinrücken, K. Harris, S. Schiffels, S. Rasmussen, M. DeGiorgio, A. Albrechtsen, C. Valdiosera, M.C. Ávila– Arcos, A.– S. Malaspina, A. Eriksson, I. Moltke, M. Metspalu, J.R. Homburger, J. Wall, O.E. Cornejo, J.V. Moreno– Mayar, T.S. Korneliussen, T. Pierre, M. Rasmussen, P.F. Campos, P. de Barros Damgaard, M.E. Allentoft, J. Lindo, E. Metspalu, R. Rodríguez– Varela, J. Mansilla, C. Henrickson, A. Seguin– Orlando, H. Malmström, Jr.T. Stafford, S.S. Shringarpure, A. Moreno– Estrada, M. Karmin, K. Tambets, A. Bergström, Y. Xue, V. Warmuth, A. Friend, J. Singarayer, P. Valdes, F. Balloux, I. Lebreiro, J.L. Vera, H. Rangel– Villalobos, D. Pettener, D. Luiselli, L.G.Davis, E. Heyer, C.P.E. Zollikofer, M.S. Ponce de León, C.I. Smith, V. Grimes, K.– A.Pike, M. Deal, B.T. Fuller, B. Arriaza, V. Standen, M.F. Luz, F. Ricaut, N. Guidon, L. Osipova, M.I. Voevoda, O.L. Posukh, O. Balanovsky, M. Lavryashina, Y. Bogunov, E. Khusnutdinova, M. Gubina, E. Balanovska, S. Fedorova, S. Litvinov, D. Malyarchuk, M. Derenko, M.J. Mosher, D. Archer, J. Cybulski, B. Petzelt, J. Mitchell, R. Worl, P.J.Norman, P. Parham, B. Kemp, T. Kivisild, C. Tyler– Smith, M.S. Sandhu, M. Crawford, R. Villems, D.G. Smith, M.R. Waters, T. Goebel, J.R. Johnson, R.S. Malhi, M. Jakobsson, D.J. Meltzer, A. Manica, R. Durbin, C.D. Bustamante, Y.S. Song, R. Nielsen, E. Willerslev // *Science*. – 2015. – V. 349 (6250). – Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/early/2015/07/20/science>.
627. Rahman T. *Pakistani English: The linguistic description of a non– native variety of English* / T. Rahman. – Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, 1990. – 101 p.

628. Rahman T. Language and Politics in Pakistan / T. Rahman. – Karachi: Oxford University Press, 1996. – P. 22– 58.
629. Rahman T. Language, Ideology and Power. Language– learning among the Muslims of Pakistan and North India / T. Rahman. – Karachi: Oxford University Press, 2002. – 712 p.
630. Ramachandran V.S. Perceptual filling– in of artificially induced scotomas in human vision / V.S. Ramachandran, R.L. Gregory // Nature. – 1991. – Vol. 350. – P. 699 – 702.
631. Rampton M.B.H. Displacing the ‘native speaker’: expertise, affiliation, and inheritance / M.B.H. Rampton // E.L.T. Journal. – 1990 – №44 (2). – P. 97– 101.
632. Raymond H. Irish English. History and Present– day Forms / H. Raymond. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2007. – 526 p.
633. Readings in English as an International Language / L.E. Smith – Oxford, New York, Toronto, a.o. : Pergamon Press, 1983. – 180 p.
634. Regier T. Languages Support Efficient Communication about the Environment / T. Regier, A. Carstensen, C. Kemp // Words for Snow Revisited. PLoS ONE № 11(4). – Mode of access: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0151138>– Date of access: 07.2016.
635. Remington N.A. Re– examining the circumplex model of affect / N.A. Remington, L.R. Fabrigar, P.S. Visser // Journal of Personality and Social Psychology. – 2000. – № 79. – P. 286–300.
636. Remington N.A. Re– examining the circumplex model of affect / Remington N. A., Fabrigar L. R., Visser P.S. // Journal of Personality and Social Psychology. – 2000. – №79. – P. 286–300.
637. Rickford J.R. Dimensions of a Creole Continuum. History, Texts, Linguistic Analysis of Guyanese / J.R. Rickford. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 364 p.
638. Ritchie D. "ARGUMENT IS WAR"– Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors / D. Ritchie // Metaphor and Symbol. – 2003a. – Vol.18, № 2. – P. 125-146.

639. Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity / D. Ritchie // *Metaphor and Symbol*. – 2003b. – Vol.18, № 1.– P. 49-53.
640. Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation / D. Ritchie // *Metaphor and Symbol*. – 2004a. – Vol.19, № 3. – P. 233-244.
641. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation / D. Ritchie // *Metaphor and Symbol*. – 2004b. – Vol.19, № 4. – P. 265-287.
642. Riney T.J. Phonetic Parameters and Perceptual Judgments of Accent in English by American and Japanese Listeners / T.J. Riney, N. Takagi , K. Inutsuka // *TESOL Quarterly*. – 2005. – Vol.39, № 3. – P. 441– 466.
643. Robertson L. *Space, Objects, Minds, and Brains* / L. Robertson. – New York, 2004.- 263p.
644. Rogers E.M. *Diffusion of innovations* / E.M. Rogers. – New York: Free Press. 2003, – 512 p.
645. Rooy van B. Black South African English: phonology / E.W. Schneider, K. Burrige, B. Kortmann, R. Mesthrie, C. Upton // *A handbook of varieties of English, 1. Phonology*. – Mouton de Gruyter, 2004. – P. 943–952.
646. Rosch E. *Principles of Categorization* / E. Rosch, B. B. Lloyd // *Cognition and Categorization*. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
647. Rothwell W. The missing link in English etymology: Anglo– French / W. Rothwell // *Medium Aevum*. – 1991. – №60. – P. 173–96.
648. Rotter J.B. *Social learning and clinical psychology* / J.B. Rotter. – New York: Prentice– Hall, 1954. – 540 p.
649. Royen G. *Die nominales Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde* / G. Royen. - Mödlingbei Wien: Anthropos, 1929. – 1030 p.
650. Rubdy R. A Review of “Contending with globalization in World Englishes” / R. Rubdy // *Language and education*. – 2011. – № 25 (5). – P. 467.
651. Rubin D.C., A comparison of dimensional models of emotion / D.C. Rubin, J.M. Talerico // *Memory*. – 2009. – №17. – P. 802–808.
652. Rudby R. Introduction. In *English in the world: Global rules, global roles* / R. Rudby, M. Saraceni. – New York: Continuum, 2006. – P. 5–16.

653. Ruiz– Garido M. F. English for Professional and Academic Purposes/ M.F. Ruiz– Garido // Utrecht studies in language and communication. – Rodopi, 2010. – Vol.22. – P. 21.
654. Russell J. A circumplex model of affect / J. Russell //Journal of Personality and Social Psychology. – 1980. – №39. – P. 1161–1178.
655. Russell J. Culture and Categorization of Emotions / J. Russell //Psychological Bulletin. – 1991. – №110 (3). – P. 426–450.
656. Russell J. Core affect, prototypical emotional episodes, and other things called emotion: dissecting the elephant / J. Russell, B.L. Feldman // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999a. – № 76. – P. 805–819.
657. Russell J.A. On the bipolarity of positive and negative affect / J.A. Russell, J.M. Carroll // Psychological Bulletin. – 1999b. – №125. – P. 3–30.
658. Russell J.A. Core affect and the psychological construction of emotion / J.A. Russell // Psychological Review. – 2003. – №110(1). – P. 145–172.
659. Russian Englishes // World Englishes (Special Issue) / Z.G. Proshina. – 2005. – Vol. 24, №4. – P. 437– 532.
660. Sand A. First findings from ICE-Jamaica: The verb phrase / A. Renouf // In Explorations in Corpus Linguistics. - Amsterdam: Rodopi,1998. – P. 201–216.
661. Sand A. Linguistic Variation in Jamaica. A Corpus– Based Study of Radio and Newspaper Usage / A. Sand. – Tübingen: Narr, 1999. – 197 p.
662. Santa I.L. Linguistic influences on visual learning / I.L. Santa, L. Baker // Memory and Cognition, –1975. – №3. – P. 445– 500.
663. Schachter S. Cognitive, social, and physiological determinants of emotional state / S. Schachter, E.J. Singer // Psychological Review. – 1962. – № 69 (5). – P. 379–399.
664. Scherer K. R. Evidence for Universality and Cultural Variation of Differential Emotion Response Patterning. / K. R. Scherer, H. G. Wallbott // Journal of Personality and Social Psychology – 66(2) – 1994 – p. 310–328.
665. Schlosberg H. Three dimensions of emotion / H. Schlosberg // Psychological Review. – 1954. – №61. – P. 81.
666. Schmied, J. Analyzing the style of East African newspapers in English / J. Schmied, D. Hudson-Ettle // World Englishes. – 1996. – Vol.15(1). – P.103–113.

667. Schmidt J. Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen / J. Schmidt. – Weimar: H. Böhlau, 1872. – 68p.
668. Schmied J. Englisch in Tansania. Sozio–und interlinguistische Probleme / J. Schmied. – Heidelberg: Groos, 1985. – 374 .
669. Schmied J. Language use, attitudes, performance and sociolinguistic background: a comparison of English in Kenya, Tanzania and Zambia / J. Schmied // *English World– Wide*. – 1990. – №11. – P. 217–238.
670. Schmied J. English in Africa. An Introduction / J. Schmied. – London: Longman, 1991. – 264 p.
671. Schneider E.W. Corpus linguistics in the Asian context: Exemplary analyses of the Kolhapur corpus of Indian English / M.L.S. Bautista, T.A. Llamzon, B.P. Sibayan // *In Parangalcang Brother Andrew: Festschrift for Andrew Gonzalez on His Sixtieth Birthday*. - Manila: De La Salle University Press, 2000. - P. 115–137.
672. Schneider E.W. The dynamics of New Englishes: From identity construction to dialect birth / E.W. Schneider // *Language*. – 2003. – №79. – P. 233 – 281.
673. Schneider E.W. Postcolonial English. Varieties around the world / E.W. Schneider. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – P. 367.
674. Schreier D. The lesser-known varieties of English / D. Schreier, P. Trudgill, E.W. Schneider, J.P. Williams. – Cambridge University Press, 2010. - 386 p.
675. Schreier D. Further studies in the lesser-known varieties of English / D. Schreier, P. Trudgill, E.W. Schneider, J.P. Williams.–2015. - Mode of access: https://www.researchgate.net/profile/Peter_Trudgill/publications.
676. Scott S. The history of English: a linguistic introduction / S. Scott. – Wardja Press, 2008. – 232 p.
677. Sedlatschek A. Contemporary Indian English: Variation and Change / A. Sedlatschek // *Series: Varieties of English Around the World*. – John Benjamins Publishing, 2009. – 363 p.
678. Selinker L. Interlanguage / J.C. Richards // *Error Analysis : Perspectives on Second Language Acquisition*. – London : Longman, 1974. – P. 31– 54.
679. Setter J. Hong Kong English / J. Setter, C.S.P. Wong, B.H.S Chan.. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 23 p.

680. Sharpe E.F. Psycho-Physical Problems Revealed in Language: an Examination of Metaphor / E.F. Sharpe // *The International Journal of Psycho-Analysis*. – 1940. – № 21. – P. 201.
681. Shaver P. Emotion knowledge: further exploration of a prototype approach / P. Shaver, J. Schwartz, D. Kirson, C. O'Connor // *Journal of personality and social psychology*. - 1987. – №52(6). – 1061 p.
682. Siegel J. *The Emergence of Pidgin and Creole Languages* / J. Siegel. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. XIV, 320.
683. Sims-Williams P. Common Celtic, Gallo-Brittonic, and Insular Celtic. *Gauloise et celtique continentale* / P.Y. Lambert, G.J. Pinault. – Droz, 2007. – P. 327.
684. Skinner B. *Verbal behavior* / B. Skinner. – New York, Appleton Century Crofts, 1957. – 492 p.
685. Slobin D.I. From "thought and language" to "thinking for speaking." / D.I. Slobin // *The cross-linguistic study of language acquisition*. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996. – Vol. I – V. – P. 70-96.
686. Smith L.E. English as an international language. No room for linguistic chauvinism / L.E. Smith // *Readings in English as an International Language*. – Oxford, New York, Toronto, a.o.: Pergamon Press, 1983. – P. 7–11.
687. Smith N. An annotated list of creoles, pidgins, and mixed languages / J. Arends, P. Muysken, N. Smith // *Pidgins and Creoles*. – John Benjamins, 1994. – 412 p.
688. Smith C.A. Patterns of cognitive appraisal in emotion / C.A. Smith, P.C. Ellsworth // *Journal of Personality and Social Psychology* – №48 – 1985 – P. 813–838.
689. Solovev V.D. Dynamics of emotions in European languages / V.D. Solovev, V.V. Vochkarev, V.R. Vaygasheva // *Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016* / отв. ред. Ю.И. Александров, К.В. Анохин. – М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2016. – С.71–72.
690. Spolsky B. *Language policy* / B. Spolsky. – Cambridge: Cambridge University, 2004. – P. 191.
691. Sporns O. The human connectome: A structural description of the human brain / O. Sporns, G. Tononi, R. Kötter // *PLoS Computational Biology*. – 2005. – №1. – P.42.

692. Stanlaw J. Japanese English. Language and Culture Contact / J. Stanlaw – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2004. – 375 p
693. Stein B. A History of India / B. Stein. – 1st ed. – Oxford : Wiley–Blackwell, 1998. – 469 p.
694. Stewart W. Urban Negro speech: Sociolinguistic factors affecting English teaching / R. Shuy, A. Davis, R. Hogan // Social dialects and language learning, National Council of Teachers of English. – 1965. – P. 10–18.
695. Stewart W.A. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism / J.A. Fishman // Readings in the Sociology of Language. The Hague. – Paris: Mouton, 1968. – P. 534.
696. Stick D. Ion trap in a semiconductor chip / D. Stick, W.K. Hensinger, S. Olmschenk, M.J. Madsen, K. Schwab, C. Monroe // Nature Physics. – 2006. – Vol.2. – P. 36 – 39.
697. Streed E.W. Continuous and Pulsed Quantum Zeno Effect / E.W. Streed, J. Mun, M. Boyd, G.K. Campbell, P. Medley, W. Ketterle, D.E. Pritchard // Phys. Rev. Lett. – 2006. – Vol.97, №26. - Mode of access: <http://journals.aps.org/prl/abstract/10.1103/PhysRevLett.97.260402>.
698. Strevens P. English as an international language: directions in the 1990s / B.B. Kachru // The Other Tongue. English Across Cultures. – Urbana, IL: University of Illinois Press, 1980a. – P. 27 – 47.
699. Strevens P. Teaching English as an International Language / P. Strevens. – Oxford: Pergamon Press, 1980b. – 374 p.
700. Ternes E. Brythonic Celtic – Britannisches Keltisch: From Medieval British to Modern Breton, Münchner Forschungen zur historischen Sprachwissenschaft / E. Ternes.– Bremen : Hempen Verlag, 2011. – 530 p.
701. The Three Circles of English. Language specialists talk about the English language / E. Thumboo – Singapore : Unipress, 2001. – 446 p.
702. Todd L. Review of Kachru Braj B., Kachru Yamuna, Nelson Cecil L. The Handbook of World Englishes / L. Todd // Journal of Linguistics. – Cambridge University Press, 2008. – № 44. – P. 248-253.
703. Tomkins S.S. Affect Imagery Consciousness. The Positive Affects / S.S. Tomkins. – London: Tavistock, 1962. – Vol.1. – 536 p.

704. Tomkins S.S. Affect Imagery Consciousness. The Negative Affects / S.S. Tomkins. – London: Tavistock, 1963. – Vol.2. – 588 p.
705. Tripathi D.P. Redefining Kachru's 'Outer Circle' of English / D.P. Tripathi // English Today. – 1998. – Vol.14. № 4. – P. 55–58.
706. Tristram H. Why don't the English speak Welsh? / N.J. Higham // Britons in Anglo– Saxon England, Publications of the Manchester Centre for Anglo– Saxon Studies. – Woodbridge: Boydell Press, 2007. – №7 – P. 192–214.
707. Trudgill P. The social differentiation of English in Norwic / P. Trudgill. – Cambridge-London: Cambridge University Press, 1974. – 208 p.
708. Trudgill P. Determinism in new– dialect formation and the genesis of New Zealand English / P. Trudgill, E. Gordon, G. Lewis, M. Maclagan // Journal of Linguistics. – 2000. – № 36 (2). – P. 300.
709. Trudgill P. Glocalisation and the Ausbau sociolinguistics of modern Europe / ed. A. Duszak, U. Okulska / P. Trudgill // Speaking from the margin: Global English from a European perspective. – Frankfurt: Peter Lang, 2004. – P.35–49.
710. Tulviste P. On the origins of theoretic syllogistic reasoning in culture and in child / P. Tulviste //Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1978. – Вып. 474. – P. 68-84.
711. Turner M. Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner , G. Fauconnier // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10, № 3. – P.183 – 204.
712. Turner M. Metaphor, Metonymy, and Binding / A. Barcelona, G. Fauconnier // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133-145.
713. Ullmann S. Semantic universals. Universals of language / J. Geenberg.– Cambridge. 1966. – P. 217 – 262.
714. Verma M.R. Reflections on Indian English literature / M.R. Verma, K.A. Agrawal. – Atlantic Publishers & Dist, 2002. – P. 163.
715. Viereck W. Dtv–Atlas Englische Sprache / W. Viereck, K. Viereck, H. Ramisch. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2002. – P. 95–99.
716. Völker H. La linguistique variationnelle et la perspective intralinguistique / H. Völker // Revue de linguistique romane. Publiée par la société de linguistique romane. –2009. –T.73. –P. 27–76.

717. Wager D.T. Placebo– induced changes in fMRI in the anticipation and experience of pain / D.T. Wager // *Science*. – 2004. – № 303 – P.1162 -1167.
718. Wager D.T. The neural bases of placebo effects in pain / D.T. Wager // *Current Directions in Psychological Science*. – 2005. – Vol.4, № 4. – P. 175–179.
719. Wallenfeldt J.H. Britannica Educational Publishing / J.H. Wallenfeldt // *The American Civil War and Reconstruction: People, Politics, and Power. America at War*. – Rosen Publishing Group, 2009. – P. 264.
720. Watson D. Toward a consensual structure of mood / D. Watson , A. Tellegen // *Psychological Bulletin*. – 1985. – № 98. – P. 219–235.
721. Watson D. The two general activation systems of affect: Structural findings, evolutionary considerations, and psychobiological evidence / D. Watson, D. Wiese, J. Vaidya, A. Tellegen // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – № 76. – P. 820 – 838.
722. Watts R.J. *Alternative Histories of English* / R.J. Watts, P. Trudgill. - Psychology Press, 2002 - 280 p.
723. Webb E.J. Schwartz R.D. Sechrest L. B. *Unobtrusive measures: nonreactive research in the social sciences* / E.J. Webb, D.T. Campbell. – Chicago : Rand McNally, 1966. – 240 p.
724. Wellek R. *A History of Modern Criticism: 1750– 1950: The Romantic Age* / R. Wellek. – Yale University Press,1955. – 343 p.
725. Wermke K. Fundamental frequency variation within neonatal crying: Does ambient language matter? / K. Wermke, J. Teiser, E. Yovsi, P. J. Kohlenberg, P. Wermke, M. Robb, H. Keller, B. Lamm // *Speech, Language and Hearing - Volume 19, 2016a - Issue 4* – P. 211-217.
726. Wermke K. Fundamental Frequency Variation in Crying of Mandarin and German Neonates / K. Wermke, Y. Ruan, Y. Feng, D. Dobnig, S. Stephan, P. Wermke, L. Ma, H. Chang, Y. Liu, V. Hesse, H. Shu // *Journal of Voice* – №16 – 2016b – Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/27397111>.
727. Westra N. *Hong Kong as a Cantonese speaking city* / N. Westra // *Westra N. Hong Kong as a Cantonese speaking city* / N. Westra // *Journalism and Media Studies Centre*. – University of Hong Kong, 2007. - (5 June 2007).

728. White J.G. The structure of the nervous system of the nematode *Caenorhabditis elegans* / J.G. White, E. Southgate, J.N. Thomson, S. Brenner // *Phil. Trans. Royal Soc.* – London, 1986. – № 314 – P. 1– 340.
729. Whorf B. L. Language, thought and reality / J. Carroll. – Cambridge, MA: MIT Press., 1956. – P. 212.
730. Wierzbicka A. Human Emotions: Universal or Culture– Specific? / A. Wierzbicka // *American Anthropologist.* – 1986. – № 88 (3). – P. 584–594.
731. Winawer J. Russian blues reveal effects of language on color discrimination / J. Winawer, N. Witthoft, M.C. Frank, L. Wu, A.R. Wade, L. Boroditsky // *The proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America.* – 2007. – Vol.104. № 19. – P. 7780– 7785.
732. Winks Q. Tanzania – Culture Smart! The Essential Guide to Customs & Culture / Q. Winks. – Kuperard, 2011. – P. 145.
733. Witkin H. Cognitive style: essence and origins / H. Witkin, D. Goodenough – New York, 1982. – P.135.
734. Wittgenstein L. Philosophical investigations / L. Wittgenstein. – Oxford, 1958. – 250 p.
735. Wolfson N. Language of Inequality / N. Wolfson, J. Manes. – Walter de Gruyter, 1985. – P. 176.
736. Wolpert D.M. A unifying computational framework for motor control and social interaction / D.M. Wolpert, K. Doya, M. Kawato // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B – Biological Sciences* – 2003. – № 358 (1431). – P. 593–602.
737. Wong J. Postcolonial english: Varieties around the world / J. Wong , E.W. Schneider // *Language in Society.* – 2008. – № 37(5). – P. 756– 759.
738. Worsley P.M. 1954. Noun-classification in Australian and Bantu: Formal or Semantic? / P.M. Worsley // *Oceania.* – 1954. - Vol.XXIV, No 24. – P. 275 – 288.
739. Wundt W.M., *Outlines of Psychology* / W.M. Wundt // *Classics in the history of psychology.* – Toronto: York University, 2010. – 368 p.
740. Xu Z. Chinese English : Features and Implications / Z. Xu. – Hong Kong : Open University of Hong Kong Press, 2010. – 244 p.

741. Yano Y. World Englishes in 2000 and beyond // World Englishes. – 2001. – Vol.20, № 2. – P. 119–132.
742. Yano Y. English as an international lingua franca: from societal to individual // World Englishes. – 2009. – Vol. 28, № 2. – P. 246–255.
743. Yasmeen N.M. Pakistan: a global studies handbook. – ABC–CLIO publishers, 2006.
744. Yuko G.B. How Are Nonnative– English– Speaking Teachers Perceived by Young Learners? // TESOL Quarterly. – 2007. – Vol. 41, № 4 – P. 731– 755.
745. Zadeh L.A. Fuzzy sets / L.A. Zadeh // Information and Control. – 1965. – Т. 8., № 3. - pp. 338–353
746. Zajonc R.B. Social Facilitation / R.B. Zajonc // Science (American Association for the Advancement of Science). – 1965. – №149 (3681). – P. 269–274.
747. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition / J. Zinken // Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002. – 262 p.
748. Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse / J. Zinken // Discourse and Society. – 2003. – Vol.14, № 4. – P. 507-523.

Словари:

749. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Науч. изд-во «Большая Рос. Энциклопедия», 2000. – С. 227.
750. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцев. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
751. Словарь лингвистических терминов: взд. 5-е, испр-е и дополн / Т.В. Жеребило. — Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010. - 486 с.
752. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. — Москва. : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. - 312 с.
753. Collins Cobuild English Dictionary. - Harper Collins Publishers Ltd, 2010. - URL: <http://www.collinsdictionary.com>.
754. Longman Dictionary of English Language and Culture / D. Summers. - Addison Wesley Longman Ltd, 2002.

755. Online Etymology Dictionary, Douglas Harper. – 2001. – URL: www.etymonline.com.
756. Oxford Advanced learner's Dictionary. - Oxford University Press, 2005. - URL: <http://www.oxforddictionaries.com>.
757. Webster's dictionary, 2010. - Mode of access: <http://www.merriam-webster.com/>

Приложение 1.

Культурно-историческая справка по идиомам

Причины гегемонии английского языка

Причины современного доминирования английского языка были заложены в 19-ом веке: стремительное расширение Британской империи шло рука об руку с промышленной революцией и появлением Соединенных Штатов Америки в качестве важного промышленного и финансового игрока. Распространение технологических знаний по всему миру происходило на английском языке и к концу 19-го века английский окончательно стал языком прогресса [Crystal 1997]. В 20-м веке английский язык укреплял свои позиции, благодаря международным отношениям, СМИ, зарубежным поездкам и туризму, образованию и различным средствам коммуникации, включая интернет. Историческое распространение английского языка посредством торговли, колонизации и рабовладения не было намеренной попыткой навязать английский всему миру, а явилось побочным продуктом экспансии Британской Империи и усиления влияния Британии на мир. Среди основных причин распространения английского языка и его современной гегемонии Т. Кандиа называет колонизацию, в результате которой английский приобрел важное административное значение в бывших британских колониях, и феномен «глобальной деревни» ('global village') [Kandiah 1998]. Д. Граддол также подчеркивает фактор колониальной экспансии Британской империи в 17-19 веках и рассматривает влияние экономической и политической гегемонии США в 20 веке [Graddol 1997]. Н. Гэллоуэй и Х. Роуз в свою очередь [Galloway, Rose 2015] выделяют четыре канала: 1) колонии поселенцев, 2) рабовладение, 3) торговая колонизация, 4) глобализация (последнее распространение) (рис.1). Государство стремилось расширить свои ресурсы торговли через: 1) исследование и колонизацию новых территорий (США, Австралия и т.д.), 2)

колонизацию известных прибыльных портов и рынков (например, Индия), 3) расширение трудовых ресурсов (например, рабовладение).

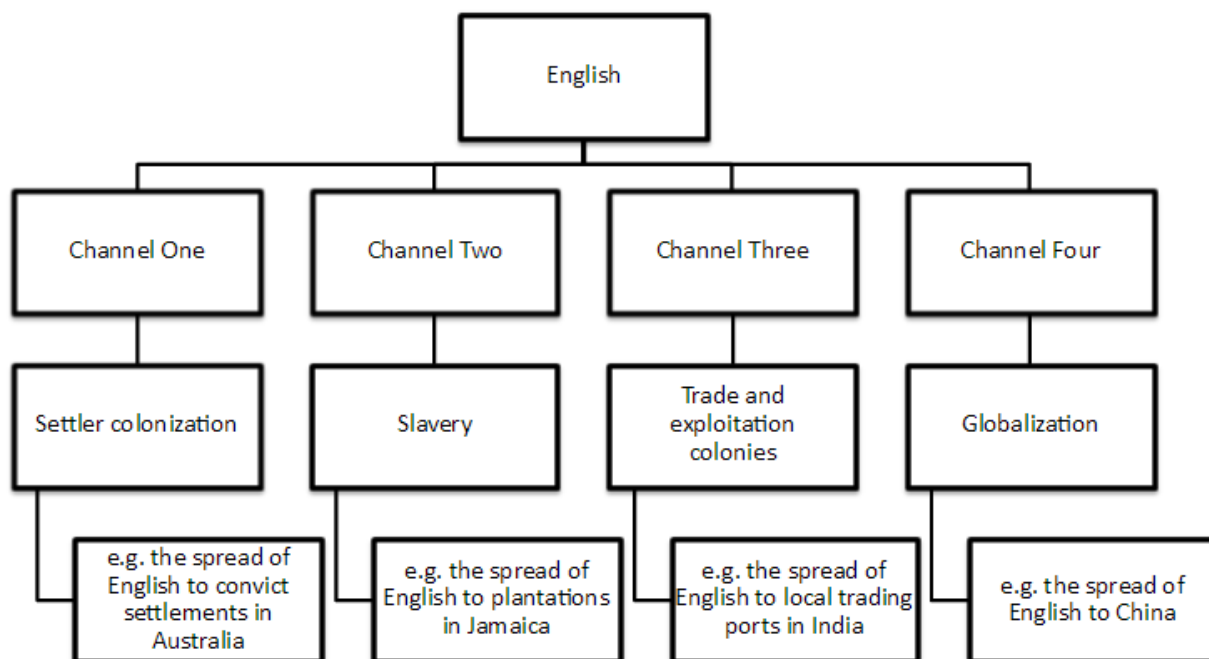

Рис. 1. Каналы распространения английского языка [Galloway, Rose 2015]

Распространение английского по первому каналу включало в себя колонизацию Америки, Австралии и Новой Зеландии. Экспансия Америки началась в 17 веке: к 1640 году только в Новой Англии проживало 25000 англоговорящих (ср., ‘by 1640 there were 25,000 English speakers in New England alone’) [Melchers, Shaw 2011]. Колониальная история Австралии началась с отправления туда осужденных, свободные поселенцы смогли приезжать в Австралию позже (в то время как в Новой Зеландии наблюдалась противоположная ситуация - свободные граждане прибывали туда изначально). Жестокое обращение с коренным населением привело к минимальному влиянию местных языков на английский (в Австралии, например, «белая политика» (‘white policy’) просуществовала до 1969 года и предусматривала изъятия 6000 детей аборигенов у их родителей в целях «белого образования» (‘white education’)). Вторым каналом является рабовладение. Несмотря на то, что рабы ввозились на многие новые территории (Америка, страны Карибского бассейна), влияние данного

фактора на английский язык сильно отличалось. Одной из причин является разница в родных языках ввозимого африканского населения (diverse linguistic background). На новых территориях возникали пиджины, которые с последующими поколениями перерастали в креольские языки. После обретения независимости появились новые ENL страны (English as a Native Language, т.е. страны, для граждан которых английский является родным языком) (например, Ямайка). Третьим каналом выступили торговые колонии: Британия была нацелена контролировать рынки, которые приумножили бы ее торговую мощь, поэтому особый интерес проявляла к прибыльным рынкам (Индия) и важным торговым портам (Сингапур, Гонконг, западноафриканское побережье). Английский язык также использовался в менее важных торговых портах в качестве арго (там возникали пиджины). В более важных портах в связи с колониальным правлением английский использовался как официальный язык образования и управления, но в этих регионах проживало довольно небольшое количество носителей английского (native English speakers), поэтому он в основном использовался в качестве дополнительного языка (к уже имеющимся местным диалектам) [Gramley 2012]. Последним каналом распространения английского является глобализация: в настоящее время английский, безусловно, является глобальным языком – в 2014 году Британский Совет назвал 88 государств (60 суверенных и 28 не являющихся суверенными (non-sovereign)), где английский язык обладает официальным статусом [Galloway, Rose 2015]. Согласно другим источникам, английский играет важную роль в общей сложности в 90 странах, в 70 из которых обладает официальным или полуофициальным статусом (official or semi-official capacity) [McArthur 2002]. Английский также является официальным или рабочим языком в различных сферах международной дипломатии: в какой бы стране мира не базировалась организация, английский является главным служебным языком (ср., ‘The overriding assumption is that, wherever in the world an organization is based, English is the chief auxiliary language’) [Crystal 2003b]. 75% мировой почты и

информации, хранящейся в электронном виде, написано на английском [McArthur 2002]. Английские радиопрограммы транслируются на 150 млн. человек в более чем 120 странах мира [Crystal 2003b]. Английский язык доминирует в современной популярной культуре; он является лингва франка в управлении воздушным движением (air traffic control), гражданской авиации и судоходстве. На английском преподаются многие академические дисциплины, он широко используется на рабочих местах, в международной коммуникации и публикациях, выступая ведущим языком науки, медицины и технологий. Более того, он является наиболее широко преподаваемым иностранным языком, т.к. свыше 1 млрд. человек изучает английский язык по всему миру [McKay 2012]. Среди причин, повлиявших на становление английского в качестве глобального языка, основными являются не собственно лингвистические (например, нет различия в роде, незначительное количество сложных грамматических окончаний и пр.), а экстралингвистические (изначальному распространению способствовал британский империализм, затем влияние оказало доминирование США в качестве ведущей мировой державы в период, когда глобализация только набирала обороты): по мнению Д. Кристала, английский неоднократно оказывался в нужном месте в нужное время (ср., '[English] repeatedly found itself in the right place at the right time') [Crystal 1997].

Ф. Шарифиан, изучая 'Semantics and Pragmatic Conceptualisations within an Emerging Variety' [Kirkpatrick 2010], подчеркивает важность включения исследования культурных ценностей в изучение мировых вариантов английского языка (World Englishes) для того, чтобы достичь лучшей межкультурной коммуникации при использовании английского языка в качестве языка-посредника (language medium).

Таблица 1. Две диаспоры распространения английского языка [Jenkins 2015]

Первая диаспора/the first diaspora	
Переселение в Северную Америку, Австралию, Новую Зеландию -> L1 варианты английского языка (английский как первый язык)	
США/Канада	С начала 17-го века (английский язык) – в США. С 17-го века – африканские рабы в южноамериканские штаты и Карибские острова. С 1776 г. (американская независимость) – британские поселенцы в Канаде.
Австралия	С 1770 г.
Новая Зеландия	С 1790-х гг. (официальная колония – в 1840 г.)
Вторая диаспора/the second diaspora	
Переселение в Африку и Азию -> L2 варианты английского языка (английский как второй язык)	
Южная Африка	С 1795 г. 3 группы говорящих на английском в качестве второго языка (L2 English speakers)
Южная Азия	Индия, Бангладеш, Пакистан, Шри-Ланка, Непал, Бутан – с 1600 г. (Британская Ост-индская компания). 1765-1947 гг. – британское правление в Индии
Юго-восточная Азия и Южный Тихоокеанский регион	Сингапур, Малайзия, Гонконг, Филиппины – с конца 18-го века (Стэмфорд Раффлз основал Сингапур в 1819 г.).
Колониальная Африка	Запад: Сьерра-Леоне, Гана, Гамбия, Нигерия, Камерун, Либерия – с конца 15-го века (но отсутствуют постоянные англоговорящие поселения (major English emigrant settlement) -> пиджины, креольские языки). Восток: Кения, Танзания, Уганда, Малави, Замбия, Зимбабве – с 1850 г.

Национальная специфика вариантологии

В целях классификации культур нидерландский социолог Г. Хофстед ввел понятие «измерение культур» [Hofstede 1980, 1983, 1991, 1993]. В рамках этой модели было выделено шесть параметров количественной характеристики национальных культур: «дистанцированность власти», «индивидуализм / коллективизм», «избегание неопределённости»,

«маскулинность / фемининность», «долгосрочная / краткосрочная временная ориентация» и «потворство желаниям / сдержанность» [Хофстеде 2014].

Рис.2. Сопоставление рассматриваемых стран в рамках классификации Г. Хофстеда; параметр – «дистанция власти» [<https://geert-hofstede.com>]

Индекс дистанцированности власти указывает на восприятие обществом распределения власти: низкий показатель отражает демократические отношения с властью и равенство внутри общества; высокий индекс показывает строгую формальную иерархию в обществе. Среди двадцати стран, идиомы которых изучаются в работе, самый высокий индекс по этому параметру у Малайзии (100), а самый низкий у Новой Зеландии (22) (рис.2).

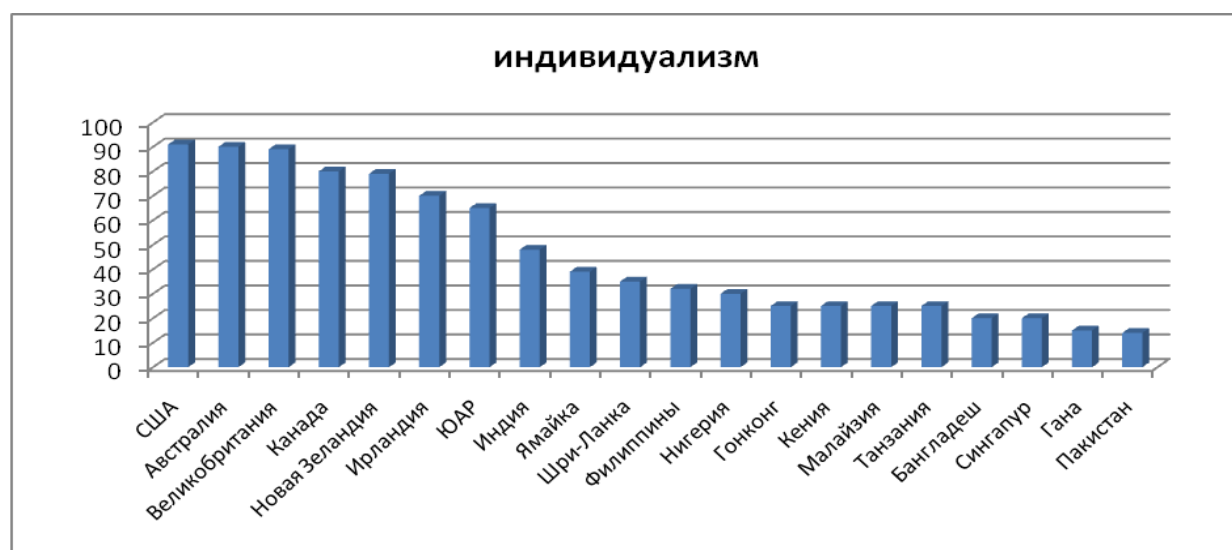

Рис.3. Сопоставление рассматриваемых стран в рамках классификации Г. Хофстеда; параметр – «индивидуализм» [<https://geert-hofstede.com>]

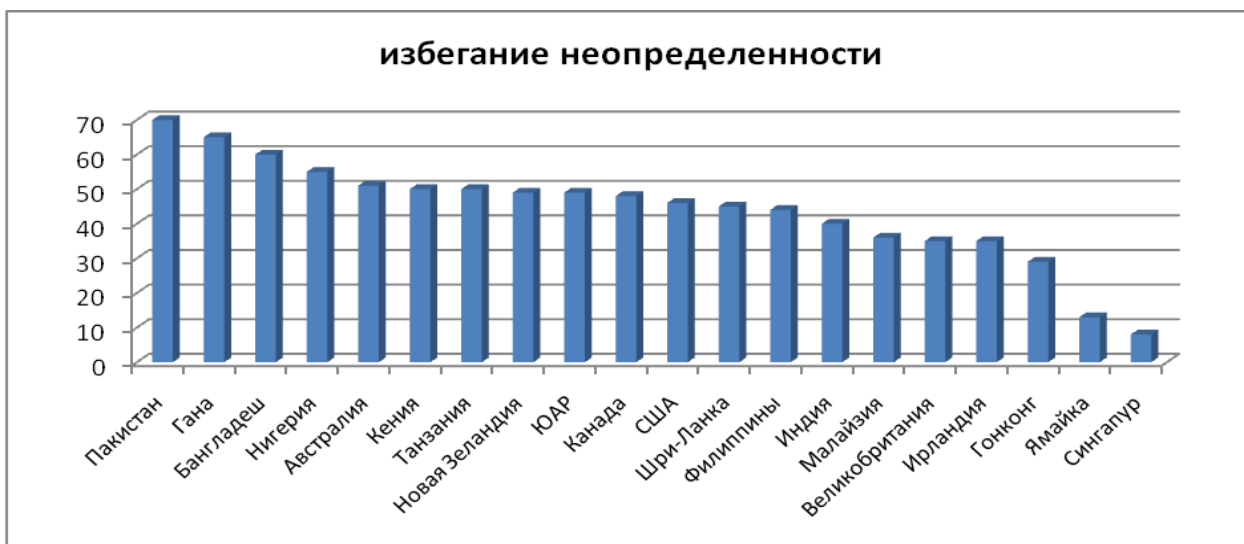

Рис.4. Сопоставление рассматриваемых стран в рамках классификации Г. Хофстеда; параметр – «избегание неопределенности» [<https://geert-hofstede.com>]

Индекс «индивидуализм/коллективизм» указывает на склонность членов сообщества формировать группы: в коллективистских странах общественные цели преобладают над личными, в то время как для индивидуализма свойственно ставить личные цели выше. В нашей выборке наиболее высокий показатель по данному параметру у США (91), а самый низкий в Пакистане (14) (рис. 3).

Рис.5. Сопоставление рассматриваемых стран в рамках классификации Г. Хофстеда; параметр – «маскулинности/фемининности» [<https://geert-hofstede.com>]

Индекс «избегание неопределенности» отражает реакцию общества на перемены: высокий индекс показывает нетерпимость к изменениям, попытку

избежать неизвестности при помощи введения строгих законов и правил; низкий индекс отражает открытость переменам и менее строгий и обязательный характер правил и обычаев. Самый высокий показатель среди рассматриваемых стран у Пакистана (70) (что может быть связано с нестабильной ситуацией в стране – см. [Борискина, Донина 2016а]), а наиболее низкий показатель у Сингапура (8) (рис. 4).

Параметр «маскулинности/фемининности» отражает стремление культуры к традиционно мужским (материализм, стремление к власти, склонность к достижению целей) или традиционно женским (взаимоотношения) ценностям: высокий индекс означает амбициозность, склонность к соперничеству, четкое разделение между полами; низкое значение индекса характеризует ценность взаимоотношений в культуре и менее строгую дифференциацию полов. По этому параметру лидируют Ирландия и Ямайка (68), а самый низкий показатель у Шри-Ланки (10) (рис.5).

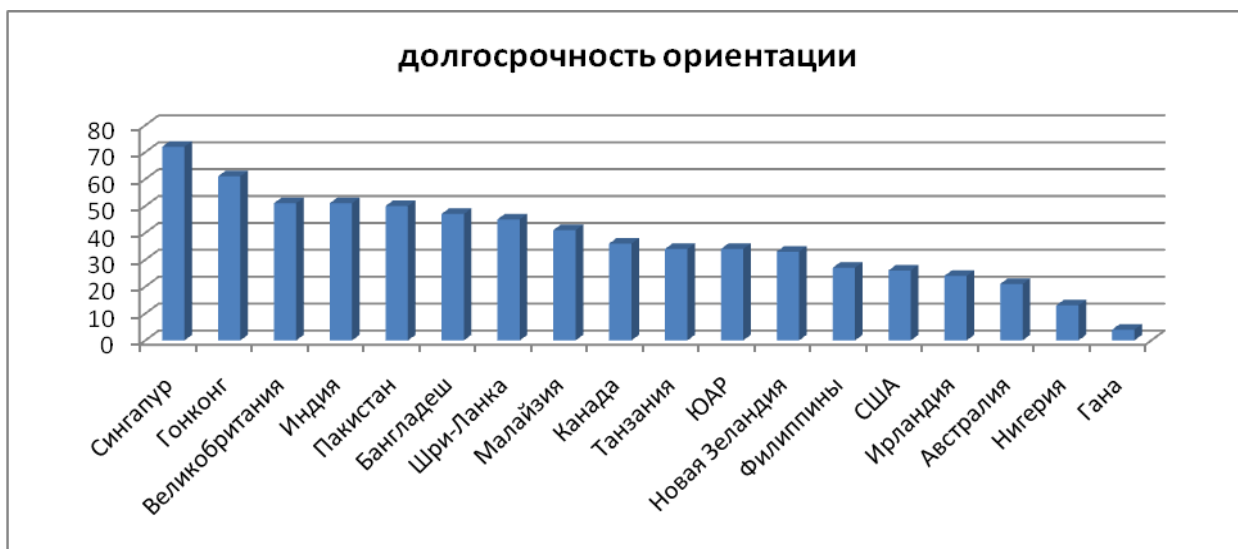

Рис.6. Сопоставление рассматриваемых стран в рамках классификации Г. Хофстеда; параметр – «долгосрочность ориентации» [<https://geert-hofstede.com>]

Параметр «долгосрочной/краткосрочной ориентации на будущее» характеризует временной горизонт культуры: при долгосрочной ориентации время воспринимается как вектор, общество нацелено на будущее и не сильно обращает внимание на настоящее или прошлое, поэтому важен результат; при краткосрочной ориентации время воспринимается как

замкнутый круг, будущее и прошлое связаны, ценится настоящее и развитие отношений. Наиболее высокий показатель по этому параметру среди рассматриваемых стран у Сингапура (72), а самый низкий – у Ганы (4) (рис.6).

Последним индексом является «потворство своим желаниям». Данный параметр отражает склонность общества к удовлетворению своих сиюминутных желаний и потребностей; противоположностью выступает сдержанность, при которой не поощряется потворство личным желаниям. Желания сдерживаются в том числе благодаря строгим социальным нормам и правилам. В рамках данного параметра самый высокий индекс оказался у Нигерии (84), а самый низкий у Пакистана (0) (рис.7)

Рис.7. Сопоставление рассматриваемых стран в рамках классификации Г. Хофстеда; параметр – «потворство желаниям» [<https://geert-hofstede.com>]

Р. Льюис, специалист в области межкультурных отношений, предложил классифицировать культуры, базируясь на комплексе показателей, таких как: степень открытости, отношение к планированию, эмоциональность и пр. [Льюис 2001] и выделил 3 типа культур: моноактивные, полиактивные и реактивные (рис.8). Представители моноактивных культур – интроверты, они достаточно бесстрастны и предпочитают планировать свое будущее, составлять расписание, заниматься одним делом в определенный момент (например, американцы, англичане, немцы и т.д.). В полиактивных культурах преобладают экстраверты с высокой степенью эмоциональности, которые

часто меняют свои планы, совершают несколько дел одновременно (например, латиноамериканцы, арабы и т.д.). Для реактивных культур характерно планирование в соответствии с принципами, предпочтение небольших корректив в зависимости от обстоятельств, интроверсия, редкое проявление агрессии и отсутствие стремления к лидерству (например, Китай, Сингапур, Япония, Финляндия и т.д.).

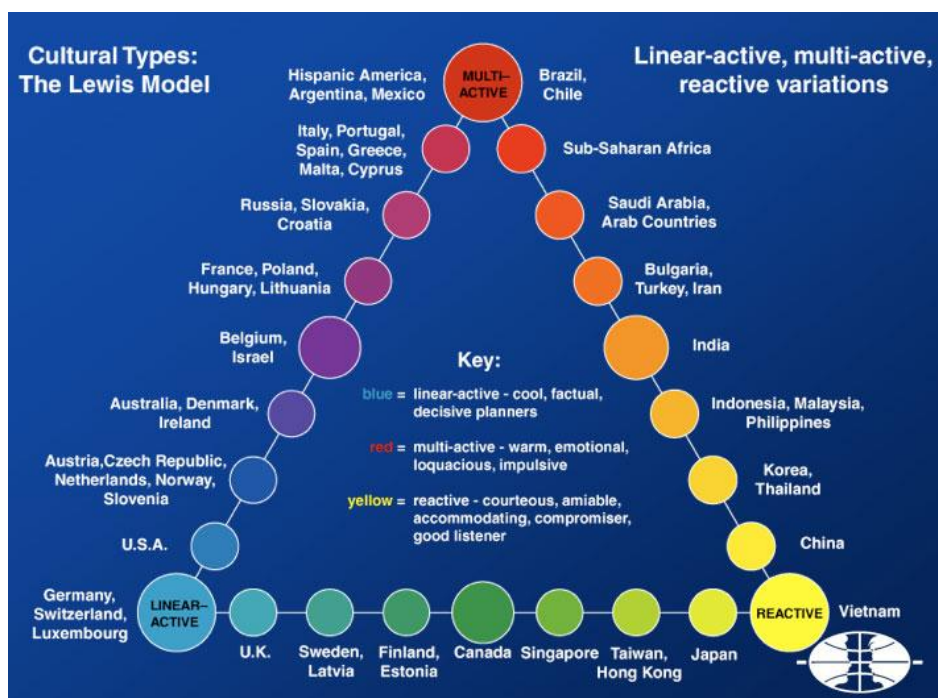

Рис.8. Модель Р.Льюиса «Культурные типы»

Кросс-культурный исследователь Э. Холл предложил теорию высоко- и низкоконтекстуальных культур [Hall 1959, 1966, 1989, 1983, 1990], обозначив как одну из базовых характеристик культур контекст – информацию, сопровождающую событие и необходимую для корректной интерпретации сообщения, понимания скрытых правил межличностного общения. Культуры отличаются тем, какое значение они придают контексту, насколько от него зависят и как часто используют в сообщениях скрытую информацию. Высококонтекстуальные культуры характеризуются высокой плотностью информационных сетей, и, как следствие, тесными, длительными связями между людьми, однородностью, стабильностью, сложностью изменений, предсказуемостью реакций. В связи с накопленными традициями в культуре присутствует множество скрытых требований и правил, поэтому в процессе

общения не требуется подробного предоставления информации, т.к. многое может быть считано реципиентом из невербализованного контекста, в том числе из поведения говорящего, иерархии, статуса и пр. Культурам с высоким контекстом не свойственно открытое выражение эмоций: «Даже в самых сложных ситуациях китайцы и японцы делают вид, что ничего не случилось. Подобное поведение объясняется сплоченной и стабильной культурной системой» [Hall 1989, p.135]. В низкоконтекстуальных культурах практически отсутствуют информационные сети, поэтому они не столь однородны, слабо информированы, отличаются разграниченностью контактов, связи между людьми поверхностные и довольно краткосрочные, взаимоотношения не являются ценностью, преобладает индивидуализм. В процессе общения основным является вербальное выражение, передача информации посредством слов, а не контекст, реципиент не использует скрытую в ситуации общения информацию для интерпретации сообщения, поэтому вербально передается максимально подробная информация, общение происходит прямо и открыто [Садохин 2005]: «Низкоконтекстуализированные люди, включая американцев, немцев, швейцарцев, скандинавов и других северных европейцев, делят свои личные отношения, работу и многие аспекты ежедневной жизни на различные отсеки. Поэтому каждый раз, когда они общаются с другими, им нужна детальная фоновая информация. Французы находятся гораздо выше на шкале контекста, чем немцы или американцы. Эта разница может оказывать существенное влияние на любую ситуацию и отношения, в которые вступят представители этих двух противоположных традиций» [Hall 1990, p.189] (табл.2).

Э. Холл также разделяет культуры в зависимости от системы использования времени на монохронные и полихронные. Особенности монохронных культур являются: последовательность выполнения действий, тщательное планирование, сконцентрированность на одном виде деятельности в определенный момент времени, организованность жизни. Полихронное использование времени отличается динамичностью,

одновременным выполнением нескольких действий, отсутствием плана и распорядка, важностью межличностных отношений.

Таблица 2. Основные характеристики высоко- и низкоконтекстуальных культур.

Высококонтекстуальные	Низкоконтекстуальные
Скрытая манера речи	Прямая манера речи
Важен способ передачи сообщения, а не вербальное выражение	Формализованный объем информации
Многозначительные паузы	Изложение сути простым языком
Невербальные сигналы	Невербальные формы общения почти отсутствуют
Важен зрительный контакт	Вербальная, эксплицитная коммуникация
Передается минимум информации, остальное – из контекста	Отсутствие недосказанности. Недосказанность воспринимается как слабая компетентность или информированность
Уклонение от конфликтов	Четкая оценка обсуждаемых тем
Отсутствие открытого выражения недовольства	Открытое выражение недовольства

Варианты английского языка в корпусах GloWbE и NOW

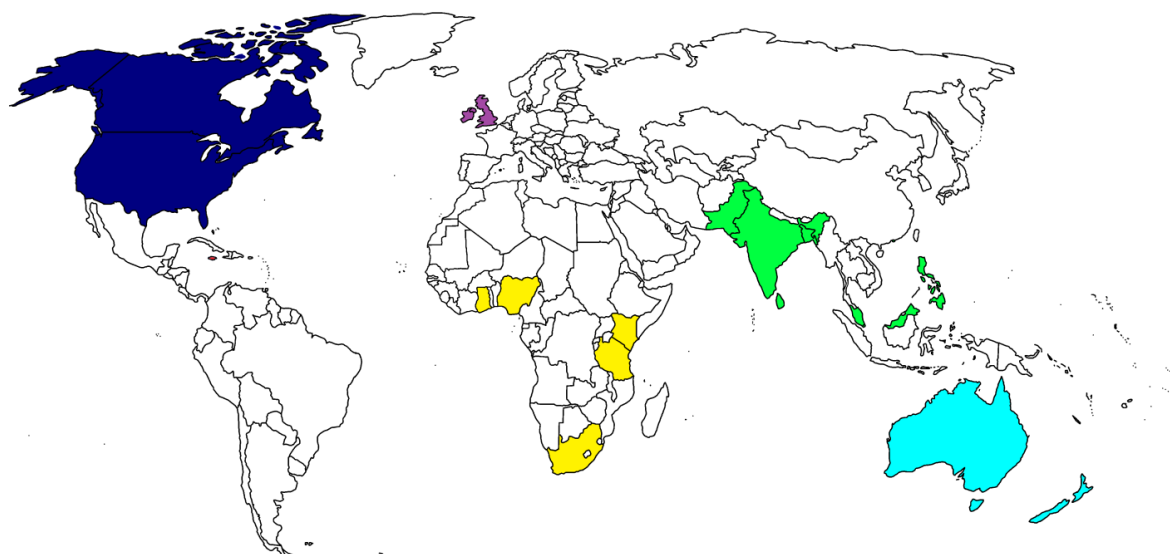

Таблица 3. Страны, в которых используется английский язык [Crystal 2003b]

Территория/Territory	Usage estimate		Население/Population (2001 год)
	L1 (первый язык)	L2 (второй язык)	
Австралия	14987000	3500000	18972000
Бангладеш		3500000	131270000
Канада	20000000	7000000	31600000
Гана		1400000	19894000
Гонконг	150000	2200000	7210000
Индия	350000	200000000	1029991000
Ирландия	3750000	100000	3850000
Ямайка	2600000	50000	2665000
Кения		2700000	30766000
Малайзия	380000	7000000	22230000
Новая Зеландия	3700000	150000	3864000
Нигерия		60000000	126636000
Пакистан		17000000	145000000
Филиппины	20000	40000000	83000000
Сингапур	350000	2000000	4300000
ЮАР	3700000	11000000	43586000
Шри-Ланка	10000	1900000	19400000
Танзания		4000000	36232000
Великобритания	58190000	1500000	59648000
США	215424000	25600000	278059000

Австралия и Океания

Австралийский вариант английского языка

Австралия расположена в южном полушарии между Тихим и Индийским океанами. Страна состоит из материковой части австралийского континента, острова Тасмания, а также многочисленных мелких островов, и носит официальное название Содружество Австралии. Она является шестой страной в мире по размеру территории и входит в регион Океании и Австралазии. По данным переписи 2011 года Австралия является многоконфессиональной страной: большая часть населения исповедует христианство, при этом преобладает католицизм (25,3% населения); 22,3% считают себя атеистами; англиканство исповедуют 17,1%; буддизму привержены 2,5%; ислама придерживаются 2,25%, индуизма – 1,3% и иудаизма – 0,5% [2071.0 - Reflecting a Nation: Stories from the 2011 Census, 2012–2013. Abs.gov.au (21 June 2012)], [2011 Census QuickStats : Melbourne (Statistical Division). Australian Bureau of Statistics]; некоторые аборигены-кочевники придерживаются языческих верований. Хотя в Австралии нет официального языка, английский закрепился в качестве де-факто национального языка (его использует 81% населения). Следующими по распространению идут языки: мандаринский китайский (1,7%), итальянский (1,5%), арабский (1,4%), кантонский диалект (1,3%), греческий (1,3%) и вьетнамский (1,2%), но на них общаются преимущественно дома ["Cultural Diversity In Australia". Australian Bureau of Statistics. 16 April 2013]. Значительная часть первой и второй волны мигрантов являются билингвами. Во время первого контакта с европейцами на территории Австралии существовало 250 коренных языков, из которых на данный момент

ежедневно используются всеми возрастными группами менее 20. Австралийский английский является одним из основных вариантов английского с характерным акцентом и лексиконом и незначительными особенностями в грамматике и орфографии. Этот вариант начал отделяться от британского варианта английского языка после образования колонии Нового Южного Уэльса в 1788 году, и к 1820 году был признан отличающимся от британского английского. Наиболее ранняя форма австралийского варианта английского языка была впервые использована в речи детьми колонистов, рожденными в колонии Нового Южного Уэльса. Это первое поколение детей создало новый диалект, который впоследствии стал языком нации. Дети, рожденные в новой колонии в Австралии, были подвержены влиянию широкого круга диалектов со всех уголков Британских островов, в частности, из Ирландии и Юго-Восточной Англии [Moore 2008]. Дети-уроженцы колонии создали новый диалект из речи, которую они слышали вокруг. Даже когда прибыли новые поселенцы, этот новый диалект был достаточно силен, чтобы притупить другие модели речи. Четверть осужденных в колонии были ирландцы. Многие из них арестовали в Ирландии, а некоторых в Великобритании, но при этом большинство осужденных либо не говорили по-английски вообще, либо говорили плохо и редко. Были и другие значительные популяции заключенных из неанглоязычных частей Великобритании, таких как Шотландия и Уэльс. С первой золотой лихорадкой в Австралии, в 1850-х годах, началась большая волна иммиграции, в ходе которой около 2% населения Соединенного Королевства эмигрировало в колонии Нового Южного Уэльса и Виктории [Blainey 1993]. Австралийский английский перенял некоторые элементы языков аборигенов – в основном, названия мест, флоры, фауны и местной культуры. Многие из них узко локализованы и не относятся к общеупотребительной лексике, в то время как некоторые стали международными. Австралийский английский также подвергся влиянию американского английского. Во время Второй мировой войны многие

американские солдаты проживали в Австралии. Кроме того, в 1950-х гг. американские телевизионные шоу и музыка пользовались популярностью среди австралийцев. В целом, на австралийский английский было оказано разнообразное влияние: от диалектов первых поселенцев и языков коренных народов до современных общин иммигрантов [Kirkpatrick 2010]. Внутри австралийского английского выделяют три социокультурных диалекта (sociocultural varieties): «широкий», ярко выраженный (broad), на котором говорит примерно треть населения; «общепринятый, стандартный» (general), используемый более половиной жителей; «образованный, изящный», (cultivated) характерный для десятой части австралийцев [Mannell 2009].

Согласно подходу Р. Льюиса Австралия является моноактивной культурой (рис.8) [Льюис 2001]. В модели Э.Холла о низко- и высококонтекстуальных культурах Австралия отнесена к культурам с низким контекстом [Hall 1989]. Согласно данным Г. Хофстеда в Австралии высокий индекс индивидуализма (90), потворства желаниям (71), мужественности (61), средний показатель избегания неопределенности (51), низкие данные по дистанции власти (36) и долгосрочности ориентации (21) [Hofstede 1993], [https://geert-hofstede.com] (культурный портрет Австралии по Г. Хофстеду представлен на рис.9).

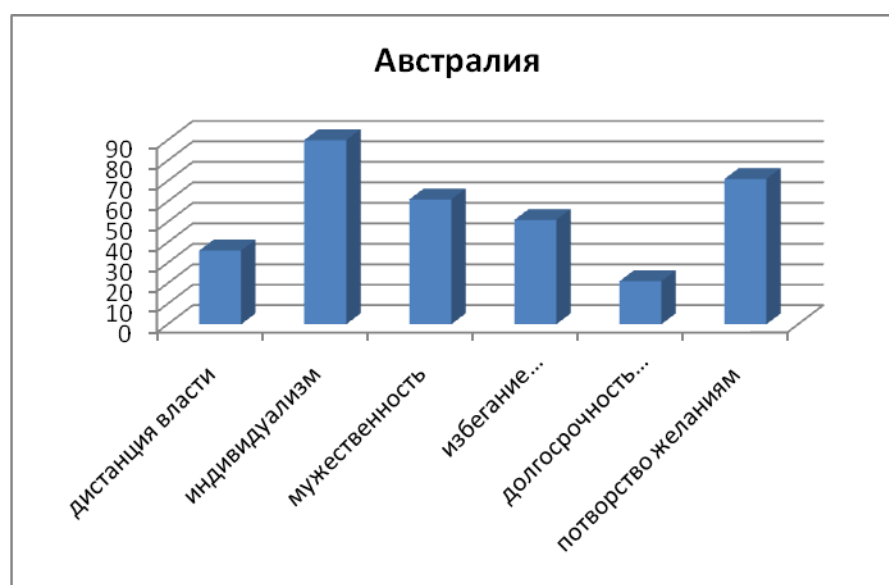

Рис. 9. Портрет Австралии по Г. Хофстеду

Наиболее влиятельной моделью распространения английского языка является модель World Englishes Б. Качру, где диффузия/распространение английского языка заключена в термины трех концентрических кругов языка: внутреннего круга, внешнего круга и расширяющегося круга. В рамках этой модели Австралия относится к внутреннему кругу [Kachru 2006d]. Вместо концентрической модели Дж. Модiano развил центростремительную модель, которая базируется не на географических признаках, а на степени владения языком (proficiency). Внутренний круг состоит из тех, кто владеет английским языком как языком международного общения (proficient in English as an International Language (EIL)), следующий круг включает тех, для кого английский является родным или кто изучил его на высоком уровне как иностранный (proficient in English as a native and foreign language), третий круг содержит изучающих английский язык, и последний круг – людей, которые не владеют английским. Австралийский английский входит в список основных вариантов (Major Variety) английского языка [Modiano 1999b]. В центре «модели колеса» Т. МакАртура ('wheel model') находится 'World Standard English' (мировой стандартный английский), который лучше всего представлен в международном письменном английском ('written international English'). Следующий круг состоит из региональных стандартов или стандартов, которые возникают. И, наконец, наружный слой состоит из локализованных разновидностей, которые могут иметь сходство с региональными стандартами или возникающими стандартами. Австралийский английский входит в круг региональных стандартов [McArthur 1987]. В круговой модели английского языка М. Горлача (Görlach's Circle model of English) австралийский английский отнесен к «субрегиональному полустандарту» ("subregional semi-standard") [Görlach 1988a, 1988b, 1991]. Согласно мировой карте английского языка П. Стривенса (World map of English) австралийский английский берет свое начало от британского варианта английского языка [Stevens 1980b]. В соответствии с динамической моделью Э. Шнайдера такие бывшие колонии,

как Австралия, Канада и Новая Зеландия, завершили эволюционный цикл английского языка, хотя это и произошло в разные исторические периоды и при различных политических и лингвистических обстоятельствах [Schneider 2007].

Новозеландский вариант английского языка

Новая Зеландия является островным государством в юго-западной части Тихого океана. Государство состоит из двух основных островов – Северного, или TeIka-a-Māui, и Южного, или TeWairounamu – и многочисленных более мелких островов. Новая Зеландия расположена на расстоянии около 1500 километров к востоку от Австралии через Тасманово море и примерно в 1000 километров к югу от тихоокеанских островных районов Новой Каледонии, Фиджи и Тонга. Новая Зеландия является одним из наиболее светских государств в мире: по данным 2013 года верующими являются только 55% населения, при этом доминирующей религией выступает христианство (49% населения) ["2013 Census QuickStats about culture and identity – Religious affiliation". Statistics New Zealand. 15 April 2014]. Преобладающим языком Новой Зеландии является английский, на нем говорят 98% населения ["QuickStats About Culture and Identity: Languages spoken". Statistics New Zealand. March 2006]. После 1840 г. на территории острова появилось внушительное европейское поселение, в основном состоящее из приезжих из Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии; в меньшей степени на остров прибывали из Соединенных Штатов, Индии, Китая и различных частей континентальной Европы. Из Великобритании прибыло 400000 поселенцев, из которых 300000 остались на постоянной основе. Новая Зеландия перестала быть частью Нового Южного Уэльса и 1 июля 1841 года стала британской колонией. В соответствии с Законом о

поселении в Новой Зеландии 1863 г. (New Zealand Settlements Act 1863) в период 1864-1865 гг. в Новую Зеландию прибыло 13 судов с гражданами Англии, Ирландии и Южной Африки. В 1870-х и 1880-х гг. несколько тысяч китайцев, в основном из провинции Гуандун, мигрировали в Новую Зеландию для работы на приисках Южного острова (Те-Ваи-Поунаму). Число европейских поселенцев выросло взрывообразно и к 1911 г. достигло миллиона человек. Именно смешение народов со всей Европы, Австралии, Южной Африки и Азии с коренным народом маори способствовало появлению новозеландского акцента ("New Zealand accent") и уникального регионального словарного запаса [Cran, MacNeil 1986.], [Hay, et al. 2008]. Со времен Второй мировой войны, и особенно с 1970-х гг., постепенно происходит американизация новозеландского общества и языка, кроме этого, с начала 21 века, в связи с увеличением «небританской» иммиграции (non-British immigration), общество Новой Зеландии становится все более многонациональным и подвергается влиянию различных культур со всего мира [Bauer 1994]. Учитывая, что английский язык появился в Новой Зеландии благодаря колонистам в 19 веке, он является одним из новейших существующих вариантов английского языка, который развил свои отличительные характеристики за последние 150 лет (ср., "the newest native-speaker variet[ies] of the English language in existence, a variety which has developed and become distinctive only in the last 150 years") [Trudgillet al. 2000]. Наибольшее влияние на новозеландский вариант английского языка оказали австралийский английский, английский южной Англии, ирландский английский, шотландский английский, престижное Британское нормативное произношение (Received Pronunciation (RP)) и маори [Bayard 2000]. После Второй мировой войны маори запрещали использовать свой родной язык (маори, Te reo Māori) в школах и на рабочих местах, и он существовал только в качестве языка сообществ (community language) в нескольких отдаленных районах [Phillips 2009]. Через полвека произошло возрождение маори: в 1987 году ему был присвоен статус официального языка Новой Зеландии,

сейчас на нем говорят 4,1% населения [QuickStats About Culture and Identity: Languages spoken". Statistics New Zealand. March 2006]. Многие слова были заимствованы новозеландским английским из языка маори, в том числе слова для местной флоры, фауны, географических названий и окружающей природной среды: количество слов английского языка, корни происхождения которых лежат в языке маори (Māori origin), составляет 0,6% [Kennedy 1999]. Из наиболее распространенных неофициальных языков Новой Зеландии стоит упомянуть самоанский (2,3%), хинди, мандаринский диалект китайского, французский, и юэ (кантонский диалект) ["2006 Census Data – QuickStats About Culture and Identity – Tables". 2006 Census. Statistics New Zealand].

Рис.10. Портрет Новой Зеландии по Г. Хофстеду

Согласно подходу Э. Холла Новая Зеландия является страной с низкоконтекстуальной культурой [Hall 1989]. По данным Г. Хофстеда в Новой Зеландии высокий уровень потворства желаниям (75), индивидуализма (79) и мужественности (58), промежуточный показатель избегания неопределенности (49), низкий уровень долгосрочности ориентации (33) и дистанции власти (22) (рис.10) [Hofstede 1993], [https://geert-hofstede.com].

В модели концентрических кругов Б. Качру [Kachru 1992] новозеландский английский входит во внутренний круг, который представляет исторические и социолингвистические основы английского в

тех регионах, где он в настоящее время используется в качестве основного языка. Английский язык является родным (native language or mother tongue) для большинства людей в странах внутреннего круга. Согласно динамической модели Э. Шнайдера новозеландский вариант английского языка завершил свой эволюционный цикл [Schneider 2007].

Америка

Канадский вариант английского языка

Канада располагается в северной части Северной Америки. Канада является многоконфессиональной страной: большая часть населения считает себя христианами (71,6% исповедуют протестантизм); 16% относят себя к атеистам; 2,7% являются приверженцами ислама, 0,5% - иудаизма, 0,3% - буддизма, 1% - индуизма [Данные переписи населения 2001 года: религиозный состав: <http://www.statistics.gov.uk/StatBase>]. Жители Канады используют множество языков, но официальными являются английский и французский, обладающие равным статусом в федеральных судах, парламенте и во всех федеральных учреждениях ["Official Languages and You". Office of the Commissioner of Official Languages. June 16, 2009]. Согласно переписи 2011 г., английский выступает в качестве родного языка для 58% населения (19 млн. человек), а французский - для 22% населения ["Population by mother tongue and age groups (total), 2011 counts, for Canada, provinces and territories"]. Примерно для 6,8 млн. (21%) канадцев родными являются неофициальные языки страны ["What Languages Do Canadians Speak? Language Statistics From the 2011 Census of Canada". About.com: Canada Online. October 31, 2012], [Dollinger 2016], включая китайский (в основном кантонский; 1072555 чел. используют его в качестве первого

языка), пенджаби (430705 чел.), испанский (410670 чел.), немецкий (409200 чел.) и итальянский (407490 чел.) ["Population by mother tongue, by province and territory". Statistics Canada. January 2013]. Выделяют 11 групп аборигенных языков Канады, включающих более 65 различных языков ["Aboriginal languages". Statistics Canada], из них только языки кри, оджибве и инуитские обладают достаточно большим количеством свободно говорящих носителей, чтобы считаться жизнеспособными и выжить в долгосрочной перспективе [Dickason 1992]. Языки коренных народов Канады начали влиять на европейские языки, используемые в стране, еще до широкого распространения европейских поселений в стране [Chambers 1998].

Английский язык является основным языком повсюду в Канаде, кроме Квебека, и большинство канадцы (85%) говорят по-английски ["Population by mother tongue and age groups, percentage distribution (2006), for Canada, provinces and territories – 20% sample data". Statistics Canada. 2007]. Канадский английский содержит в себе элементы британского английского и американского английского, а также много канадизмов (Canadianisms), т.е. отличительных характеристик канадского словоупотребления (ср., "distinctively characteristic of Canadian usage") [Dollinger 2008]. В некоторых контекстах термин «канадизм» ("Canadianism") относится к характеристикам в области фонетики, фонологии, морфологии и синтаксиса, но более предпочтительным использованием термина является для обозначения уникальной для данной местности лексики. Хотя в общем смысле считается, что английский, на котором говорят в Канаде, наиболее тесно связан с вариантом, признанным во всем мире как общеамериканский (ср., "the English spoken in Canada is most closely related to the variety recognised around the world as 'General American'") [Boberg 2004], работы, начиная с В. Ависа [Avis 1967], показали, что характеристики канадского английского отличаются от американского варианта английского языка (что легко увидеть при сравнении двух вариантов). Понятие "канадский английский" ("Canadian English") впервые засвидетельствовано в речи

преподобного констебля А. Гейки в обращении к Канадскому институту в 1857 г. А. Гейки, канадец шотландского происхождения, приравнял язык ("Canadian English") к «испорченному диалекту» в сравнении с тем, что он считал «правильным английским» (the proper English), который использовали иммигранты из Великобритании, отразив, тем самым, англоцентрическое (Anglocentric) отношение, которое будет превалировать в Канаде еще последующие сто лет. Канадский английский язык является продуктом пяти волн иммиграции и более чем двухсот лет заселения континента [Dollinger 2016]. Первая большая волна заселения Канады англоговорящим населением (и, с лингвистической точки зрения, наиболее важная) состояла из лоялистов, бегущих от американской революции, в основном из Средне-Атлантических штатов – таким образом, как полагают некоторые ученые, корни канадского варианта английского языка лежат в североамериканском английском (northern American English) [Brinton 2005], [McArthur 2005]. Историческое развитие канадского английского еще недостаточно изучено, но недавние исследования уже показали, что канадский английский развивал свои характерные черты с начала 19 века [Dollinger 2008], [Labov et al. 2006]. Вторая волна из Великобритании и Ирландии поселилась в Канаде после войны 1812 года по предложению правителей Канады, которые были обеспокоены американским господством и влиянием среди своих граждан. Дальнейшие волны иммиграции со всего земного шара, пики которых пришлись на 1910 г., 1960 г. и настоящее время, имели меньшее влияние, хотя благодаря им Канада стала многонациональной, мультикультурной страной, готовой принять языковые изменения со всего мира в современный период глобализации.

В соответствии с моделью Э.Холла Канада относится к низкоконтекстуальным культурам [Hall 1989]. Согласно подходу Р.Льюиса [Льюис 2001] Канада занимает промежуточное положение между моноактивными и реактивными культурами. В соответствии с данными Г. Хофстеда в Канаде высокий индекс индивидуализма (80), потворства

желаниям (68), средний уровень мужественности, т.е. умеренно «мужское» сообщество (52), низкий показатель дистанции власти (39), избегания неопределенности (48), долгосрочности ориентации (36). (рис.11) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

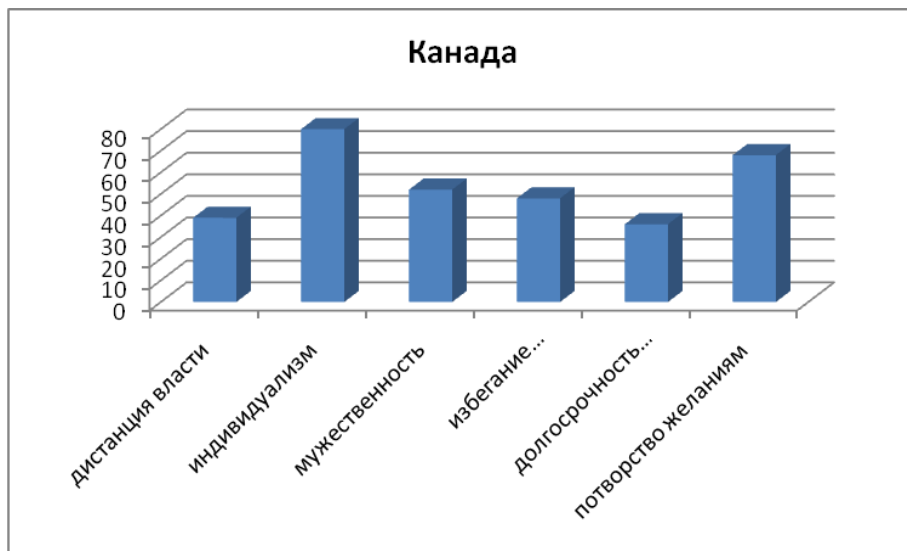

Рис.11. Портрет Канады по Г. Хофстреду

Согласно модели World Englishes Б. Качру канадский английский находится во внутреннем круге, который относится к английскому в том виде, в котором он изначально складывался и был распространен по всему миру первой диаспорой (first diaspora) [Kachru 1992]. Во время этого «переселения» английского он был привнесен англичанами в Австралию, Новую Зеландию и Северную Америку. Общее число говорящих на английском языке во внутреннем круге достигает 380 миллионов человек, из которых около 120 миллионов находятся за пределами Соединенных Штатов Америки. Согласно динамической модели Канада завершила эволюционный цикл английского языка [Schneider 2007]

Американский вариант английского языка

Соединенные Штаты Америки являются федеративной республикой и располагаются в Западном полушарии на континенте Северной Америки. 48 сопредельных штатов находятся в центральной части Северной Америки и на севере граничат с Канадой, на востоке – с Атлантическим океаном, на юге – с Мексикой и Мексиканским заливом, на западе – с Тихим океаном; Аляска, 49-й штат, на севере граничит с Северным Ледовитым океаном и морем Бофорта, на востоке – с Канадой, на юге – с заливом Аляска, Тихим океаном и Беринговым морем, на западе – с Беринговым проливом, Чукотским морем, и Северным Ледовитым океаном; Гавайи, 50-й штат, являются архипелагом в Тихом океане. Соединенные Штаты – одна из самых этнически разнообразных и многонациональных стран в мире, продукт крупномасштабной иммиграции из многих других государств [Adams et al. 2001]. Большая часть американцев являются христианами (70,6% населения), из них 46,5% - протестанты, 20,8% католики, 1,6% - мормоны; приверженцами иудаизма являются 1,9%, ислама – 0,9%, буддизма и индуизма – по 0,7% ["America's Changing Religious Landscape". Pew Research Center: Religion & Public Life. May 12, 2015]. Согласно последним исследованиям первые поселенцы (палеоиндейцы) мигрировали на североамериканский материк из Сибири примерно 23000 лет назад [Raghavan et al. 2015]. Европейская колонизация территории началась в 16-м веке. Соединенные Штаты возникли из 13 британских колоний, расположенных вдоль восточного побережья. Многочисленные споры между Великобританией и колониями в период после Семилетней войны привели к американской революции, которая началась в 1775 году. Война закончилась в 1783 году признанием независимости Соединенных Штатов от Великобритании [Greene et al. 2008], [Bender 2006]. В течение всего 19-го века Соединенные Штаты Америки занимались решительной экспансией североамериканского континента, вытесняя племена американских индейцев, овладевая новыми территориями и признавая новые штаты, и к 1848 году государство уже простиралось от берега Тихого океана

до Атлантического [Carlisle et al. 2007]. Во второй половине 19-го века американская гражданская война привела к концу легального рабства в стране ["The Civil War and emancipation 1861–1865". Africans in America. Boston, Massachusetts: WGBH Educational Foundation. 1999], [Wallenfeldt 2009].

Американский английский является де-факто национальным языком государства. В 2010 году около 230 миллионов или 80% населения в возрасте от пяти лет и старше, говорили только по-английски; испанский, на котором в домашних условиях говорят 12% населения, является вторым наиболее распространенным языком в стране ["Language Spoken at Home by the U.S. Population, 2010", American Community Survey, U.S. Census Bureau, in World Almanac and Book of Facts 2012, p. 615.]. По закону штата на Гавайях два официальных языка: гавайский и английский [The Constitution of the State of Hawaii, Article XV, Section 4". Hawaii Legislative Reference Bureau. November 7, 1978.], Аляска признает двадцать языков (recognizes twenty Native languages) [Alaska OKs Bill Making Native Languages Official April 21, 2014; Bill Chappell; NPR.org]. Несмотря на то, что в Нью-Мексико нет официального языка, законы штата предусматривают возможность использования английского и испанского, в Луизиане такая же политика для английского и французского [Dicker 2003]. Некоторые островные территории наравне с английским официально признают языки коренных народов (native languages): Американское Самоа и Гуам признают самоанский язык [Frederick T.L. Leong; Mark M. Leach (April 15, 2010). Suicide Among Racial and Ethnic Minority Groups: Theory, Research, and Practice. Routledge. p. 185.], [Craig 2002] и чаморро [Wolfson; Manes 1985], [Lawrence et al. 2001], [Eur 2002]; Северные Марианские Острова признают каролинский язык и чаморро [Matras; Bakker 2003]; в округе Чероки в восточной части штата Оклахома официально признан язык чероки [Parins 2013]; официальным языком Пуэрто-Рико является испанский, более распространенный на этой территории, чем английский. По данным Центра изучения иммиграции (Center for Immigration Studies), наиболее быстро распространяющимися

иностранными языками (fastest growing foreign languages), на которых говорят в американских семьях, являются арабский и урду. В последние годы количество жителей, говорящих на арабском, увеличилось на 29%, говорящих на урду – на 23%, говорящих на персидском – на 9% [Zeigler, Karen; Camarota, Steven A. (October 2015). "One in Five U.S. Residents Speaks Foreign Language at Home". Center for Immigration Studies. Center for Immigration Studies]. Самым распространенным языком в Соединенных Штатах является американский английский [Crystal 1997]. Использование английского является результатом британской колонизации Америки. Первая волна англоговорящих поселенцев прибыла в Северную Америку в 17 веке, дальнейшие миграции последовали в 18-м и 19-м веках. С тех пор американский английский подвергался влиянию языков Западной Африки, коренного населения Америки, немецкого, голландского, ирландского, испанского и других родных языков иммигрантов.

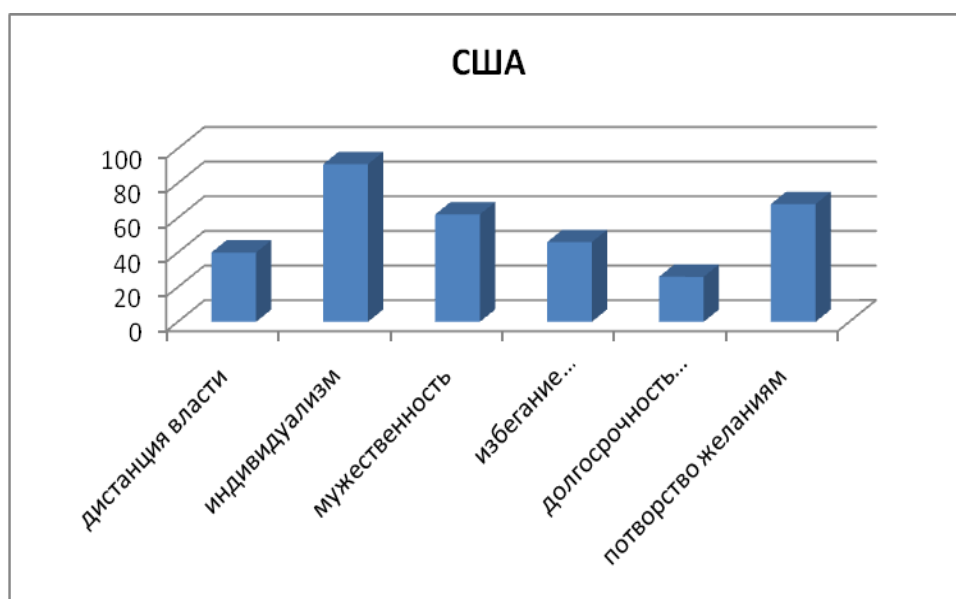

Рис.12. Портрет США по Г. Хофстеде

В соответствии с классификацией культур Г. Хофстеда [Hofstede 1993] культура США является индивидуалистической (91), маскулинной (62), с высоким индексом потворства желаниям (68), с низкой дистанцией власти (40), избеганием неопределенности (46), долгосрочностью ориентации (26) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>] (рис.12). Согласно теории высоко-

и низкоконтекстуальных культур Э.Холла [Hall 1990] США относится к странам с низким контекстом культуры и монохронным восприятием времени. Р. Льюис [Льюис 2001] относит американскую культуру к моноактивным, т.е. характеризующуюся линейной активностью.

Американский английский в модели трех концентрических кругов [Kachru 2006b] входит во внутренний круг. Хотя американский английский сейчас функционирует как один из двух базовых вариантов английского, исторически он рассматривается Э. Шнайдером как постколониальный вариант [Schneider 2007], который уже прошел полный цикл и распался на новые региональные и социальные диалекты (ср., "has already come full cycle, experiencing a fragmentation into new regional and social identity carriers") [Schneider 2007]. В настоящее время американский английский развился во множество новых вариантов, которые проявили и выделили свои отличительные черты (ср., "host of new varieties [that] have emerged or intensified their distinctive features") [Schneider 2007].

Карибский бассейн

Ямайский вариант английского языка

Ямайка является островным государством в составе Британского Содружества в Вест-Индии. На северо-западе она граничит с территориальными водами Кубы, на востоке – с Гаити, на юге – с территориальными водами Колумбии. Большая часть населения Ямайки исповедует протестантство (62,5% населения), которое представлено пятидесятниками, Церковью Бога и Ассамблей Бога, методистами, баптистами, англиканцами и др.; римско-католическое меньшинство составляет 2,6%; растафари – 10%; свидетели Иеговы – 2%; последователи

веры бахаи – 2%; мусульман – около 5000 человек ["Jamaica". State.gov. 14 September 2007]. Христианская вера получила признание после того, как британские христианские аболиционисты и баптистские миссионеры присоединились к борьбе против рабства. Британское господство на острове продлилось с 1655 по 1962 гг. Сейчас Ямайка считается двуязычным государством (bilingual country) [Ronald C. Morren and Diane M. Morren (2007). Are the goals and objectives of Jamaica's Bilingual Education Project being met?" – SIL International (working paper)]: официальным языком выступает ямайский вариант английского языка (Jamaican Standard English (JSE) или Standard Jamaican English (SJE)), который "используется во всех сферах общественной жизни", в том числе правительства, правовой системы, средств массовой информации и образования [Bernstein 2006], но при этом основным разговорным языком является ямайский креольский язык (Jamaican Patois or Patwa). Опрос 2007 года, проведенный Подразделением ямайского языка (Jamaican Language Unit) показал, что 17,1% населения страны говорят только на ямайском английском (monolingual in JSE), 36,5% - только на ямайском креольском языке (monolingual in Patois) и 46,5% являются билингвами, хотя предыдущие исследования указывали на большую степень билингвизма (до 90%) [Jettka 2010]. Ямайский английский, как и канадский английский, обладает характеристиками как британского, так и американского вариантов английского языка, но имеет и уникальные черты ирландской интонации, при этом варианты написания используются, как правило, те же, что и в британском варианте [Sand 1999]. Ямайский креольский язык является контактным языком на английской основе (English-based creole), подвергшимся влиянию языков Западной Африки (большинство заимствованных слов – из языка акан) [Cassidy 1966]. Язык сложился в 17-м веке, когда рабы из Западной и Центральной Африки были вынуждены выучить разговорный язык и диалектные формы английского (vernacular and dialectal forms of English), на котором говорили рабовладельцы: британский, шотландский и гиберно-английский варианты

[DeCamp 1961]. Ямайский креольский язык представляет собой посткреольский языковой континуум (creole continuum or a linguistic continuum) [Rickford 1987] [Meade 2001] [Patrick 1999]: в нем наблюдается спектр (а не четкое разграничение) языковых вариантов – от креольского (базилекта) через промежуточный вариант (мезолект) к литературному ямайскому английскому (lexifier language) (акролекту) [DeCamp 1971, 1961]. Такая ситуация возникла в связи с контактами с носителями, с одной стороны, нигеро-конголезских языков и, с другой стороны, различных вариантов английского языка, последние из которых воспринимались как престижные и несущие социально-экономические выгоды [Alison 2004].

Согласно подходу Г. Хостеда [Hofstede 1993] у Ямайки высокий уровень мужественности (68), низкие показатели по дистанции власти (45), индивидуализму (39), избеганию неопределенности (13), данных по долгосрочности ориентации и потворству желаниям в базе [https://geert-hofstede.com] не представлено (рис.13).

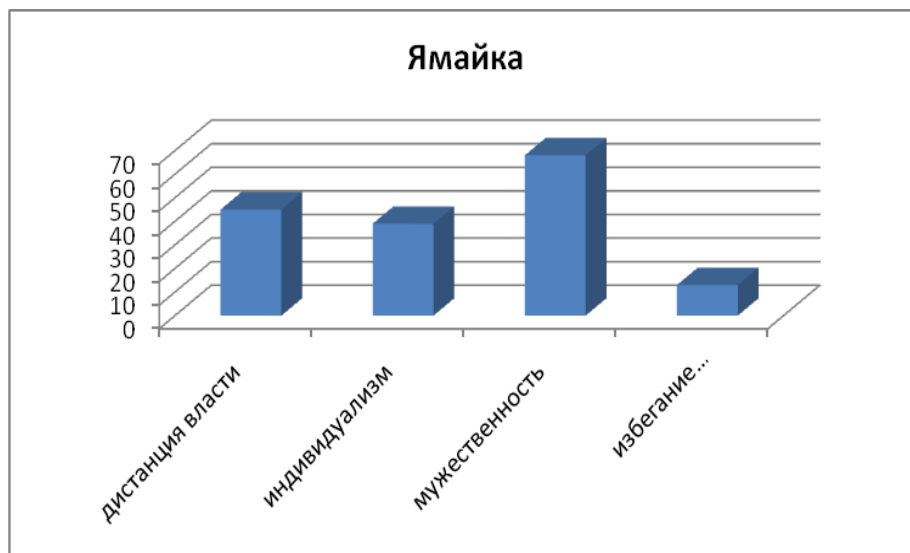

Рис.13. Портрет Ямайки по данным Г. Хофстеда

В соответствии с моделью Б. Качру [Kachru 2006b] ямайский вариант английского языка относится к внешнему кругу. Согласно динамической модели Э. Шнайдера Ямайка находится на четвертом этапе, и, несмотря на сильную конкуренцию со стороны ямайского креольского языка (Jamaican

Creole), ямайский вариант английского, являющийся языком повседневного межличностного общения, по мнению автора указанного подхода, близок к переходу в пятую фазу [Schneider 2007].

Европа

Английский язык в Великобритании

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии состоит из ряда островов, расположенных у северо-западного побережья Европы между Атлантическим океаном и Северным морем. Территория государства разделена на 4 основных «исторических провинции» (countries). Крупнейшей является Англия, к западу от нее располагается Уэльс, а на севере – Шотландия; Северная Ирландия является частью острова Ирландия и граничит с Ирландской Республикой. Совместно Англия, Уэльс, Шотландия известны как Великобритания. В состав Соединенного Королевства также входит множество мелких островов, таких как Оркнейские острова, Шетландские острова, Внешние Гебридские острова, Скай, Арран, остров Мэн, острова Силли и Нормандские острова. Христианство остается доминирующей религией Великобритании со времен Раннего средневековья (сейчас его исповедуют 71,6% населения). По данным 2001 года в стране 2,7% населения являются последователями ислама, 1% - приверженцы индуизма, 0,6% - сикхизма, по 0,3% последователей буддизма и иудаизма ["Religion: Key Statistics for urban areas, results by population size of urban area". Statistics.gov.uk.].

Английский язык является западногерманским языком, который возник из англо-фризских диалектов, привнесенных в Британию германскими

поселенцами из различных частей территории, известной сейчас как северо-запад Германии и север Нидерландов. Местное население в то время говорило на Common Brittonic – островном варианте континентальных кельтских языков, наследии римской оккупации [Filppula et al. 2002], [Ternes 2011], [Sims-Williams 2007]. Эта группа языков (валлийский, корнский, кумбрийский) сосуществовали с английским языком, но, в связи с удаленностью от германских языков, их влияние на английский было заметно ограничено [Tristram 2007].

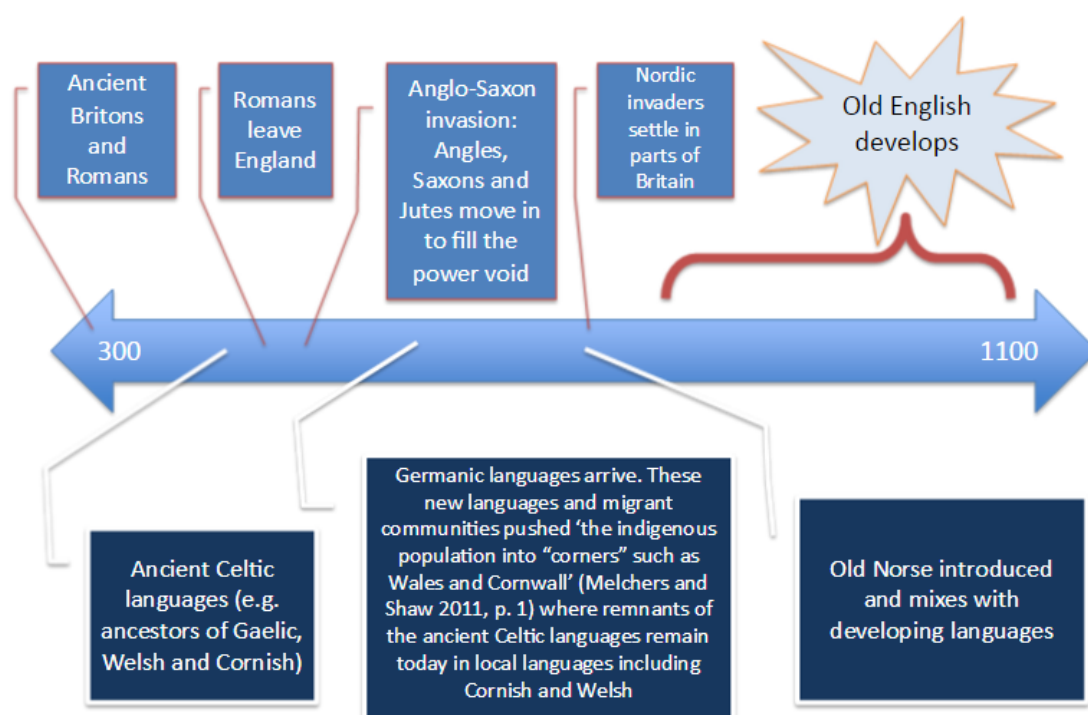

Рис.14. Раннее развитие английского языка [Galloway, Rose 2015]

Изначально древнеанглийский (Old English) представлял группу разнообразных диалектов [Hammarström 2016], [Millward 2011], [Scott 2008]. Один из этих диалектов (Уэссекский диалект древнеанглийского языка – Late West Saxon) в итоге стал доминировать [Hogg 1992]. Изначальный древнеанглийский язык (original Old English language) подвергся влиянию двух вторжений: первое со стороны скандинавской ветви германской языковой семьи, носители которой завоевали и колонизировали Великобританию в 8-м и 9-м веках, а второе со стороны старонормандского (Old Norman) языка, на котором говорили норманны, появившиеся в

Британии в 11-м веке, вследствие чего появился английский вариант так называемого англо-нормандского языка (Anglo-Norman) [Crystal 2003b], [Rothwell 1991] (рис.14).

В результате этих двух волн вторжений английский язык стал относительно «смешанным» (mixed language) (хотя в строгом смысле слова английский никогда не был смешанным языком, под которым обычно подразумевают гибридный язык, возникший для облегчения общения в процессе совместного проживания носителей разных языков [Matras 2000]). Скандинавское влияние проявилось в значительном упрощении грамматического и лексического богатства англо-фризской основы английского языка, позже норманнская оккупация привнесла к этому германскому ядру слой более богатой лексики из романской ветви европейских языков. Именно благодаря заимствованиям английский язык приобрел обширный словарный запас и гибкость (рис.15).

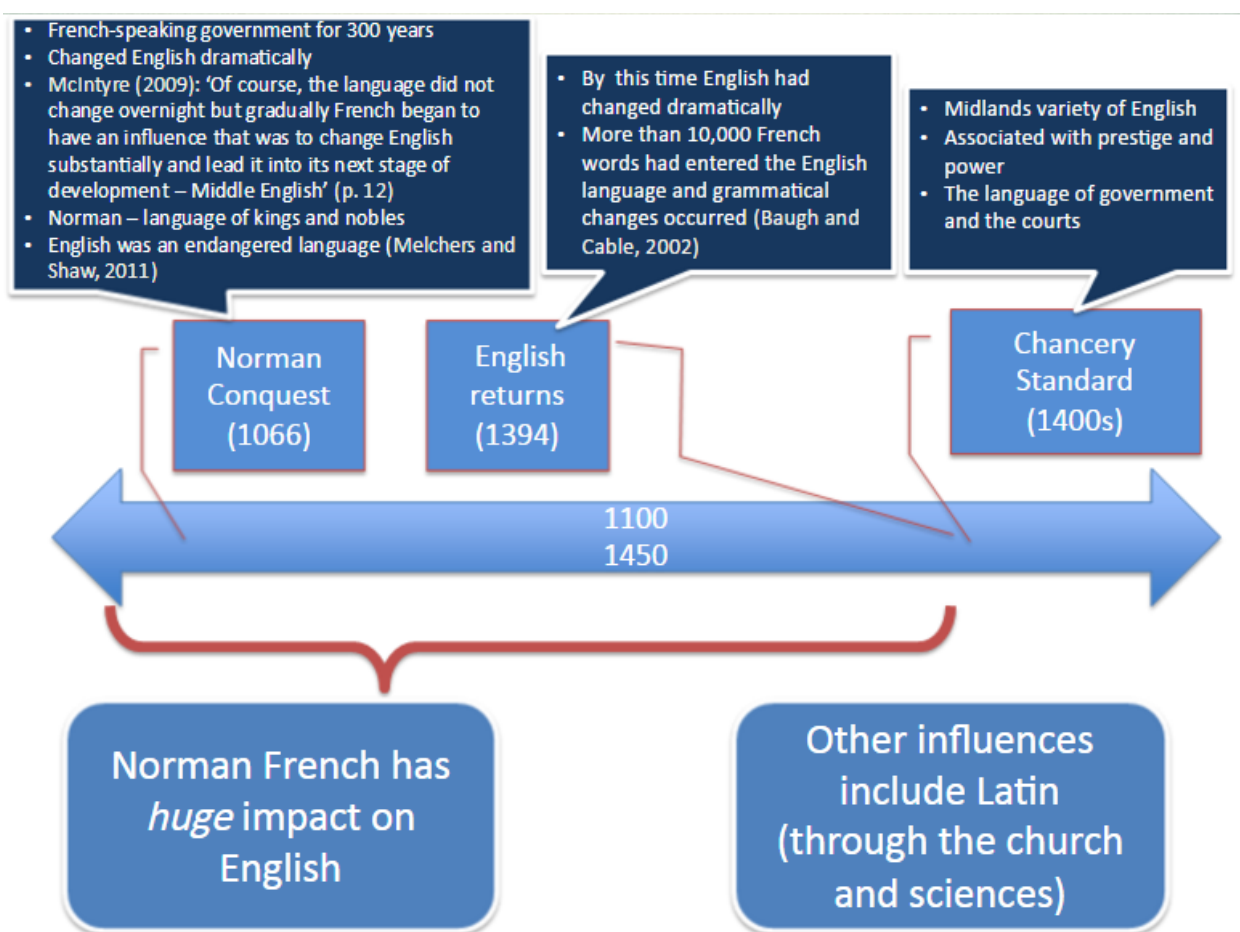

Рис.15. Историческое развитие английского языка [Galloway, Rose 2015]

До 15-го века диалекты английского (English dialects) сильно отличаются друг от друга, но с развитием книгопечатания в 15-ом веке начинается стандартизация языка: по мнению С. Грэмли, диалект Мидлендса был выбран не только из-за того, что эта территория находится в центре страны, но и потому что он не настолько инновационен, как диалект севера, и не настолько консервативен как диалект Юга (ср., ‘not only because the Midlands are located in the middle, but because the language was not as extreme as that of the innovative North or as conservative as in the south’) [Gramley 2012], а также этот диалект ассоциировался с влиятельными людьми, а влияние приравнивалось к престижу (ср., ‘the dialect was associated with powerful people – and, as we have already seen, power equals prestige’) [McIntyre 2008] (рис.16). Р. Хогг и Д. Дэнисон подчеркивают, что появление стандартного английского было связано с теми же факторами, которые влияют на доминирование престижных языковых вариантов и сегодня, а именно: с политическими, социальными, религиозными, экономическими, образовательными, т.е. 1) диалект Мидлендса использовался большим количеством населения; 2) территория изобиловала сельскохозяйственными ресурсами; 3) здесь находились правительство и администрация; 4) в связи с близостью Кембриджа и Оксфорда регион ассоциировался с образованием и обучением; 5) здесь располагались хорошие порты; 6) у территории была прочная связь с церковью и архиепископом [Hogg, Denison 2006].

Рис.16. Цепь событий, повлиявших на становление современного английского языка [Galloway, Rose 2015]

Сейчас в Соединенном Королевстве английский язык является де-факто официальным и почти 95% населения Великобритании являются монолингвами (monolingual English speakers); остальные 5,5% населения

владеют языками, появившимися в Великобританию в результате относительно недавней иммиграции. Наиболее представленными являются языки Южной Азии, включая пенджаби, урду, хинди, бенгали, тамильский и гуджарати, на которых говорят 2,7% населения Великобритании. По данным переписи 2011 года, польский язык стал вторым по распространенности языком в Англии (the second-largest language spoken in England), на котором говорят 546000 человек [Booth 2013]. В Великобритании также используются 4 кельтских языка: валлийский, ирландский, шотландский (Scottish Gaelic) и корнский, признанные региональными языками или языками меньшинств, по отношению к которым применяются особые меры защиты и стимулирования в рамках Европейской хартии региональных языков (European Charter for Regional or Minority Languages) ["European Charter for Regional or Minority Languages, Strasbourg, 5.XI.1992". Council of Europe] и Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (Framework Convention for the Protection of National Minorities) ["Framework Convention for the Protection of National Minorities, Strasbourg, 1.II.1995". Council of Europe], в связи с этим количество школьников, обучающихся на валлийском, ирландском и шотландском языках растет: например, в Уэльсе все школьники до 16 лет изучают валлийский как второй язык или обучаются на валлийском языке. В ходе переписи 2001 года более одной пятой (21%) населения Уэльса подтвердили, что они могут говорить на валлийском языке ["Welsh Language". National Statistics Online. Archived from the original on 28 July 2011], что является более высоким показателем по сравнению с переписью 1991 года (18%) ["Differences in estimates of Welsh Language Skills". Office for National Statistics. Archived from the original on 12 January 2010]. Под британским английским (British English) понимают вариант английского языка, используемый в письменной и устной речи на территории Великобритании или, более широко, всех Британских островов (ср., «spoken or written in the British Isles; esp[ecially] the forms of English usual in Great Britain») [Oxford English Dictionary]. Несмотря на незначительные региональные особенности,

в письменном английском в границах Объединенного Королевства присутствует существенная доля единообразия. Однако формы разговорного английского различаются между собой намного значительнее, чем в большинстве других районов мира, где говорят по-английски. По словам Т. МакАртура, в термине «британский английский» присутствуют те же неясность и напряженность, что и в слове «британский» и поэтому данное понятие может интерпретироваться двумя способами: в широком и узком смысле (ср., «British English shares all the ambiguities and tensions in the word British and as a result can be used and interpreted in two ways, more broadly or more narrowly, within a range of blurring and ambiguity») [McArthur 2002]. Применяемый в широком смысле, этот термин может использоваться при противопоставлении американскому варианту английского языка и тогда он объединяет различные варианты английского, используемые в государствах-членах Содружества Наций, за исключением давно стандартизированных диалектов, таких как австралийский или канадский.

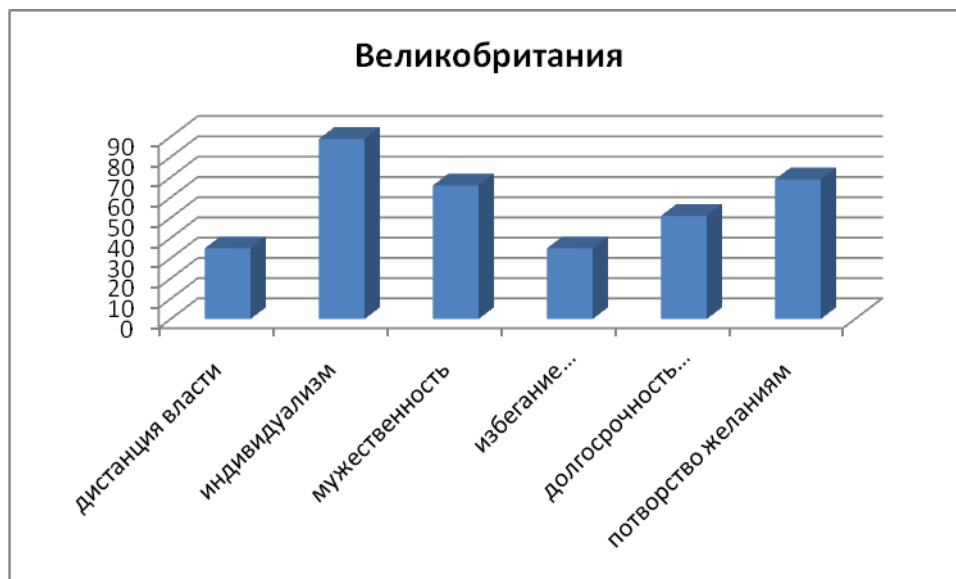

Рис.17. Портрет Великобритании согласно модели Г. Хофстеда

Согласно модели Э. Холла Великобритания относится к низкоконтекстуальным культурам [Hall 1989] В модели Р. Льюиса Великобритания принадлежит к моноактивным культурам [Льюис 2001]. Согласно Г. Хофстеду для страны характерен высокий уровень

индивидуализма (89), потворства желаниям (69), мужественности (66), промежуточный показатель долгосрочности ориентации (51), низкий индекс дистанции власти (35) и избегания неопределенности (35) (рис.17) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

В модели Баджа Качру британский вариант английского языка относится к внутреннему кругу [Kachru 2006b].

Ирландский вариант английского языка

Ирландия является островом в Атлантическом океане, отделенным от Великобритании Северным проливом, Ирландским морем и проливом Святого Георга. Традиционной религией Ирландии является католицизм латинского обряда (86,8% населения), при этом пресвитериан и православных всего по 0,5% верующих; мусульман в стране 0,77%; 3% являются приверженцами «Церкви Ирландии» [McKittrick 2002]. Английский язык появился в Ирландии в результате нормандского вторжения в конце 12-го века. Изначально его использовали в основном на территории известной как Пейл с центром в городе Дублин, в то время как в остальных частях страны говорили преимущественно на ирландском. К периоду правления династии Тюдоров (1485-1603), ирландский язык и культура были возвращены на большую часть территорий, однако, английское завоевание и колонизация Ирландии в 16 веке возродило использование английского языка. К середине 19-го века английский стал использоваться большинством населения страны, и на сегодняшний день он сохранил свой статус (даже те, чей первый язык ирландский, свободно говорят по-английски) [Spolsky 2004]. Современный гибберно-английский (или ирландский английский)

обладает рядом особенностей, сформировавшихся под влиянием ирландского языка, а также сохраняет некоторые архаические элементы английского, большинство из которых используются в устной речи, а не в письменном языке, который гораздо ближе к стандартному британскому английскому (Standard British English). Гиберно-английский использует орфографию британского варианта английского и, в основном, британский (а не американский) стандарт произношения, хотя различные ирландские говоры (Irish dialects) все еще обладают собственными уникальными системами звуков. Современные фонологи делят гиберно-английский на пять основных говоров: среднеольстерский (Ulster English), западный и юго-западный ирландский английский (включая, например, коркский говор (Cork English)), локальный дублинский (local Dublin English), нелокальный дублинский (non-local Dublin English) и межрегиональный гиберно-английский (supraregional Hiberno-English) [Raymond 2007], [Dolan 2004]. Ирландский английский смог распространиться в другие страны мира и повлиять на другие варианты английского языка, такие как британский, североамериканский, австралийский и варианты стран Карибского бассейна [Kirkpatrick 2010].

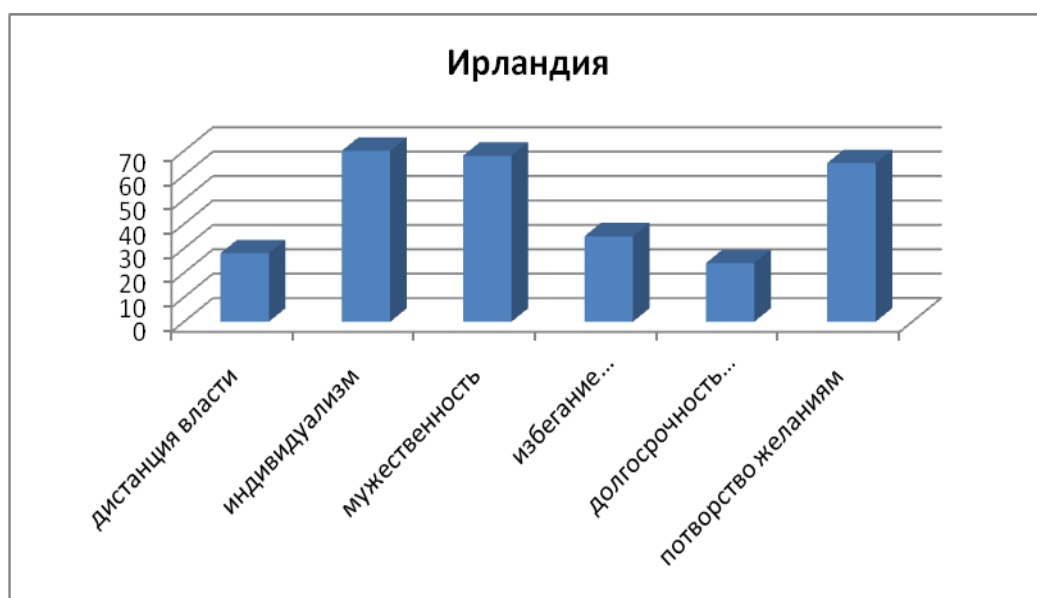

Рис.18. Портрет Ирландии согласно подходу Г. Хофстеда

В соответствии с теорией Э.Холла Ирландия относится к культурам с высоким контекстом [Hall 1989]. В соответствии с моделью Р.Льюиса

Ирландия относится к моноактивным культурам [Льюис 2001]. Подход Г. Хофстеда показывает, что в Ирландии высокий индекс индивидуализма (70), мужественности (68), потворства желаниям (65), низкий уровень избегания неопределенности (35), дистанции власти (28), долгосрочности ориентации (24) (рис.18) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

Согласно модели Б. Качру [Kachru 2006b] ирландский английский соответствует внутреннему кругу, наравне с американским, австралийским, новозеландским, канадским и британским вариантами английского языка.

Азия

Английский язык в Бангладеш

Бангладеш (официально Народная Республика Бангладеш) – одна из самых маленьких стран Южной Азии. Эта суверенная страна расположена в верхней части Бенгальского залива. На севере, западе и востоке она граничит с Индией, а на юго-востоке – с Мьянмой. С юга страна омывается Бенгальским заливом Индийского океана. Большая часть населения Бангладеш являются приверженцами ислама (89,5%), 10,5% населения исповедуют индуизм, христианство, буддизм и пр. [2001 Bangladesh Census]. Официальным языком Бангладеш является бенгальский, принадлежащий к индоевропейской языковой семье. Он выступает в качестве общепринятого языка (*lingua franca*) страны: 98% жителей Бангладеш свободно владеют стандартным вариантом бенгальского языка или его диалектов в качестве первого языка. Присутствуют также неофициальные региональные языки: например, язык Chittagonian или Chatgaya в округе Читтагонг, и языки коренных меньшинств. Бихарцы – беженцы из Пакистана, проживающие с

1971 г. в различных лагерях в Бангладеш, говорят на урду, а беженцы из Бирмы – рохинджа, прибывающие в страну с 1978 г., говорят на языке рохинджа. Английский, не имея официального статуса, также является одним из языков Бангладеш. Он используется в качестве второго языка среди среднего и высшего классов, а также в сферах правительства, права, бизнеса, средств массовой информации и образования, и может де-факто рассматриваться как второй официальный язык Бангладеш. Английский часто используется для служебных целей. Английские газеты, среднее образование, бизнес и неправительственные организации широко распространены по всей стране. По оценкам, 18 миллионов жителей Бангладеш способны использовать английский язык в качестве второго языка. Английский широко распространился в связи с тем, что страна была колониальным владением Великобритании. Территория современного Бангладеш была центром Бенгальского президентства Британской империи. Исторически сложилось, что бенгальский класс *bhadralok* (в буквальном смысле "хорошо воспитанный человек"; новый класс «господ», поднявшихся в британские колониальные времена (приблизительно с 1757 г. по 1947 г.) в Бенгалии) ощущал сильное влияние британского акцента. Усилия сэра Сайеда Ахмеда Хана играли ключевую роль в создании в Бенгалии говорящей по-английски мусульманской интеллигенции и среднего класса. Современный *Bangladeshi English* (бангладешский вариант английского языка) известен своим нейтральным акцентом по сравнению с другими вариантами английского языка в Азии, на который оказывал влияние также американский акцент. Правописание продолжает заимствоваться из британского варианта английского языка. В 2012 году Верховный суд запретил использование "Banglish", описанный как сленговое объединение бенгальского и английского языков, в радио- и телевизионных программах, в целях предотвращения искажения обоих языков. После получения независимости, в 1972 г. конституция Бангладеш была написана на двух языках: английском и бенгальском. Тем не менее, правительство Бангладеш

преобразовало многие изначально английские заведения (университеты, школы и колледжи) в обучающие бенгальскому языку с целью распространения массового образования. В 1987 году президент Эршад заменил язык большинства судов низшей инстанции с английского на бенгальский, но статус английского был восстановлен в 2001 году. Сейчас правительство Бангладеш активно использует английский язык в качестве рабочего языка, законы страны написаны и на английском, и на бенгальском языках [Mehdi 2002].

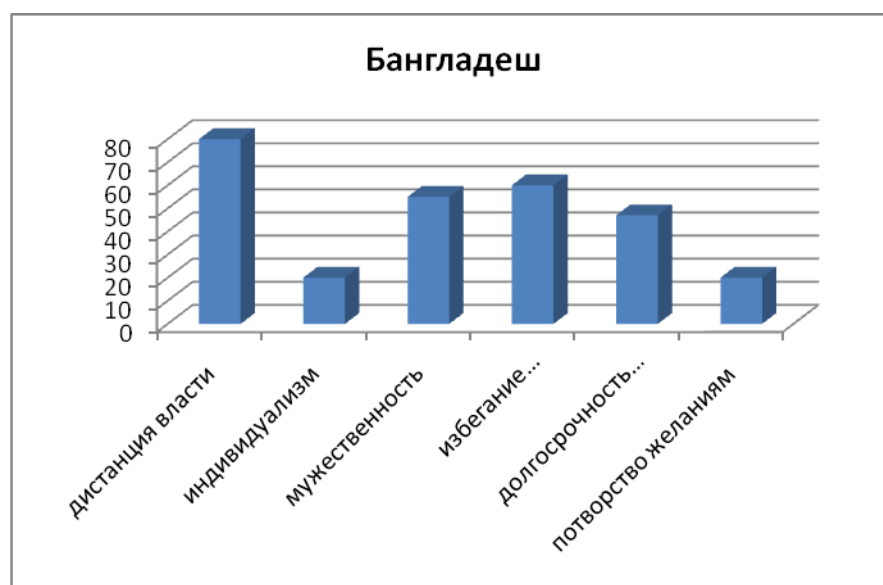

Рис.19. Портрет Бангладеш согласно подходу Г. Хофстеда

Согласно данным Г. Хофстеда в Бангладеш высокий уровень дистанции власти (80), избегания неопределенности (60), мужественности (55), промежуточный уровень долгосрочной ориентации (47), низкий уровень индивидуализма (20) и потворства желаниям (20) (рис.19) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

Согласно лингвистической модели трех концентрических кругов Б. Качру языки внешнего круга появились в связи со второй диаспорой (second diaspora of English), которая распространила язык через имперскую экспансию Великобритании в Азию и Африку. В этих регионах, английский язык не является родным языком, но служит общепринятым языком (lingua franca) общения различных этнических и языковых групп. Высшее

образование, законодательная и судебная власть, национальная торговля и пр. используют преимущественно английский язык. Бангладешский вариант английского языка входит именно в этот круг [Kachru 2006d].

Английский язык в Гонконге

Гонконг является автономной территорией на южном побережье Китая у дельты Жемчужной реки Южно-Китайского моря. На севере Гонконг граничит с провинцией Гуандун материкового Китая. В Гонконге живут 7,2 млн. представителей различных национальностей, он является четвертым наиболее густонаселенным суверенным государством / территорией в мире. Большая часть населения Гонконга исповедует буддизм и даосизм (85%); католицизм исповедуют 4,8%; протестантизм – 4,1%; ислам – 3,4% ["China (includes Tibet, Hong Kong, Macau)", 2009. International Religious Freedom Report, Washington, DC: United States]. Де-факто официальным языком в Гонконге является кантонский – диалект китайского языка, распространенный в провинции Гуандун к северу от Гонконга [Westra 2007]. Английский также выступает в качестве официального языка и, в соответствии с переписью 1996 г., в качестве языка повседневного общения его используют 3,1% населения, а в качестве второго языка – 34,9% ["ICE Hong Kong". University College London]. Гонконгский вариант английского языка (Hong Kong English) появился в результате британской колониальной истории Гонконга и влияния носителей кантонского диалекта (native Cantonese speakers). В этом варианте английского преимущественно используется британский вариант написания. Произношение [Deterding, Wong, Kirkpatrick 2008] и лексика также преимущественно британские, хотя существует влияние американского, канадского и австралийского вариантов

английского языка в результате большого числа репатриантов. Помимо этого, присутствуют слова индийского и малайского происхождения, вследствие экспансии Британской империи в 19-м веке [Setter et al. 2010]. В первую очередь на гонконгском варианте английского говорят носители кантонского диалекта, поэтому, несмотря на то, что этот вариант принято называть «гонконгским английским» (Hong Kong English), его используют не только коренные жители Гонконга, но и люди из Макао, Кантона (ныне широко известного как Гуанчжоу) и те, для кого первым языком является кантонский диалект (Cantonese speakers), поэтому он также известен как кантонский английский (Cantonese English). Данный диалект рассматривается (особенно местным населением) как гонконгский вариант чинглиша (Chinglish) [Hu 2004], [Митчелл, Зарубин 2013], [He 2009]. В связи с тем, что многие «характеристики» гонконгского английского воспринимаются как ошибочные, этот термин часто используется местными жителями как пренебрежение, а не для описания языковой идентичности. Как правило, большинство жителей Гонконга и Макао, изучающих английский язык, предпочитают следовать британскому или американскому вариантам.

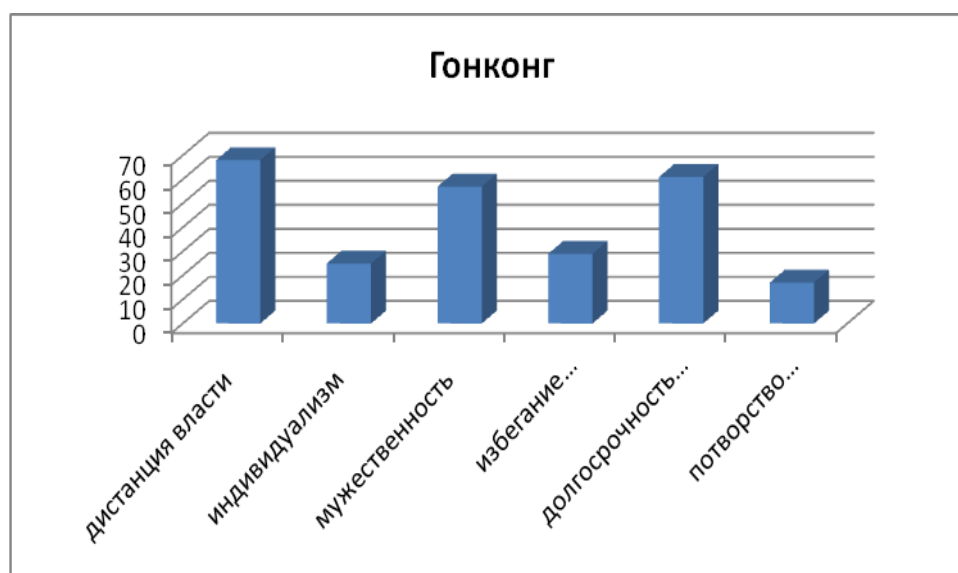

Рис.20. Портрет Гонконга в подходе Г. Хофстеда

В модели Р. Льюиса Гонконг относится к реактивным культурам [Льюис 2001]. Подход Г.Хофстеда отражает, что в Гонконге высокий индекс

дистанции власти (68), мужественности (57), долгосрочности ориентации (61), низкий показатель индивидуализма (25), избегания неопределенности (29), потворства желаниям (17) (рис.20) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

Согласно Б. Качру [Kachru 2006b] вторая диаспора (second diaspora) явилась результатом колонизации Африки и Азии, что привело к развитию «Новых английских» ('New Englishes'), вариантов, где английский является вторым языком (the second-language varieties of English). Британское влияние в Юго-Восточной Азии началось в конце 18-го века, в основном на территории сейчас известной как Сингапур, Гонконг и др. Гонконг является одним из последних форпостов британского колониализма, получившим независимость только в 1997 году. Этот недавний контакт с колониаторским английским языком, кажется, не дает дополнительных преимуществ гонконгскому варианту английского языка для завершения эволюционного цикла в динамической модели [Schneider 2007]. Этот вариант все еще находится на третьем этапе и является, по мнению Э. Шнайдера, интересным тестировочным случаем для прогнозирования последствий динамической модели (ср., 'an interesting test case for the predictive implications of the Dynamic Model') [Schneider 2007].

Английский язык в Сингапуре

Сингапур (официально Республика Сингапур) является глобальным городом (global city) и суверенным государством в Юго-Восточной Азии и единственный в мире островным городом-государством. Он находится на один градус (137 км) к северу от экватора, на южной оконечности

континентальной Азии и полуостровной Малайзии, гранича с островами Риау в составе Индонезии на юге. Территория Сингапура состоит из главного острова ромбовидной формы и 62 маленьких островов. С момента обретения независимости общая площадь суши государства увеличилась на 23% (130 км²) благодаря методу намывной мелиорации, а политика экологизации способствовала тому, что густонаселенный остров стал покрыт тропической растительностью, парками и садами. По данным 2010 года треть населения Сингапура является буддистами (33,3%), 18,3% исповедуют христианство, 14,7% - ислам, 10,9% - даосизм, 5,1% - индуизм [Census of Population 2010 Statistical Release 1. Department of Statistics]. В Сингапуре четыре официальных языка: английский, малайский, китайский и тамильский ["Republic of Singapore Independence Act, s.7"]. Английский выступает как язык бизнеса и правительства, а также как средство обучения в школах. Вариант английского в Сингапуре базируется на британском варианте английского. В основном жители Сингапура говорят на двух языках; общем для всех английском (common language), которым владеют 80% населения (80% literacy), и их родном языке. Больше чем для половины населения Сингапура родным является китайский язык (Mandarin) ["Census of Population 2010: Key Indicators of the resident Population" 2010], при этом доля способных писать и читать на этом языке равна 65%. Малайский был выбран в качестве официального языка после получения независимости, чтобы избежать возможных трений с соседями – Малайзией и Индонезией [Lee 2000], поэтому он имеет скорее символическое, а не функциональное назначение [Afendras et al. 1980] [Ammon et al. 2006]. В основном на нем говорят только в малайских общинах Сингапура, для 12% населения он является родным ["Census of Population 2010: Key Indicators of the resident Population". 2010.], а 17% им владеют (17% literacy) [Literacy and Language". Singapore Statistics. Archived from the original on 15 March 2010]. Только для 100000 человек, или 3% населения, тамильский является родным, а 4% способны писать и читать на нем (4% literacy) ["Census of population 2010:

Statistical Release 1 on Demographic Characteristics, Education, Language and Religion" (Press release). Singapore Statistics. 12 January 2011. Archived from the original on 24 January 2011], ["Census of Population 2010". Singapore Statistics. Archived from the original on 28 February 2011]. У сингапурского варианта английского языка (Singapore English) выделяют 2 основные формы: стандартный (Standard Singapore English или SSE) и разговорный Singapore Colloquial English или Singlish) [Cavallaro et al. 2009]. Выделяют 3 социолекта: акролект, мезолект и базилект. Акролект (не имеет существенных отличий от стандартного британского английского (SBE)) и мезолект (обладает некоторыми характерными чертами, отсутствующими в британском варианте (SBE)) рассматриваются как стандартный сингапурский вариант английского (Standard Singapore English), а базилект – как разговорный вариант (Singlish) [Harada 2009]. Singlish относится к контактными языкам на английской основе (English-based creole language), он подвергся влиянию малайского языка, мандаринского (Mandarin) и южноминьского диалектов (Hokkien) и обычно рассматривается как обладающий низким престижем и, соответственно, не используется в официальной коммуникации (formal communication) [Mercer; Maybin 1996]. Стандартный сингапурский вариант английского языка (Standard Singapore English) напоминает британский английский и обычно используется в формальной обстановке, в образовании и в качестве единого способа общения для различных этнических групп [Leimgruber 2011]. В Сингапуре, космополитическом городе, 42% населения родилось за пределами страны. У жителей Сингапура, даже принадлежащих к одной этнической группе, сильно различаются культуры и первые, родные языки (first languages and cultures). Например, в 2005 году среди жителей Сингапура родом из Китая (Chinese Singaporeans) почти треть использовала английский в качестве основного языка общения дома, в то время как почти половина общалась на мандаринском диалекте китайского языка, а остальные говорили на различных взаимно непонятных китайских тополектах [Chapter 2 Education

and Language". General Household Survey 2005 Statistical Release 1: Socio-Demographic and Economic Characteristics. Department of Statistics, Ministry of Trade and Industry, Republic of Singapore. 2005]. В индийской общине большинство сингапурцев индийского происхождения говорят на английском или тамильском языках в домашних условиях. В быту многие постоянно используют 2 или 3 языка, и английский часто один из них. Изначально в 1819 году англичане установили на острове Сингапур торговый пост, и впоследствии население начало быстро расти, привлекая многих иммигрантов из китайских провинций и Индии [Deterding 2007]. Корни стандартного сингапурского варианта английского языка (Standard Singapore English) лежат в почти полуторавековой истории нахождения под контролем Британии. Его местная специфика начала оформляться рано – в английских средних школах 19-го и начала 20-го веков, где часто преподавали учителя из Индии и Цейлона, а также из различных частей Европы и Соединенных Штатов Америки [Gupta 1994]. Помимо периода японской оккупации (1942-1945 гг.), Сингапур оставался британской колонией до 1963 года, когда он присоединился к Малайской Федерации, но это оказался недолгий союз, в основном из-за этнического соперничества. После отделения от Федерации в 1965 году Сингапур действует в качестве независимого города-государства. Английский являлся административным языком британского колониального правительства, и, когда Сингапур получил самоуправление в 1959 году и независимость в 1965 году, правительство страны решило сохранить английский в качестве основного языка, чтобы максимизировать экономическое процветание. Использование английского языка в качестве первого государственного языка направлено на преодоление разрыва между различными этническими группами в Сингапуре; английский выступает в качестве общепринятого языка нации (*lingua franca of the nation*). Использование английского (как глобального языка для торговли, технологии и науки) также способствовало ускорению развития и интеграции Сингапура в мировую экономику [Alatis 1999]. Школы обычно используют

английский язык в качестве языка обучения, хотя дети также изучают традиционные языки Сингапура, чтобы укреплять связи с национальной культурой и традициями [Leimgruber 2011].

Согласно модели Р.Льюиса Сингапур относится к реактивным культурам (при этом находится ближе к промежуточному значению между моноактивными и реактивными) [Льюис 2001]. По данным Г. Хофстеда для Сингапура характерен высокий индекс дистанции власти (74), долгосрочности ориентации (72), средний показатель мужественности (48) (но при этом ближе к «женскому» обществу), промежуточный параметр потворства желаниям (46), низкий уровень индивидуализма (20) и избегания неопределенности (8) (рис.21) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

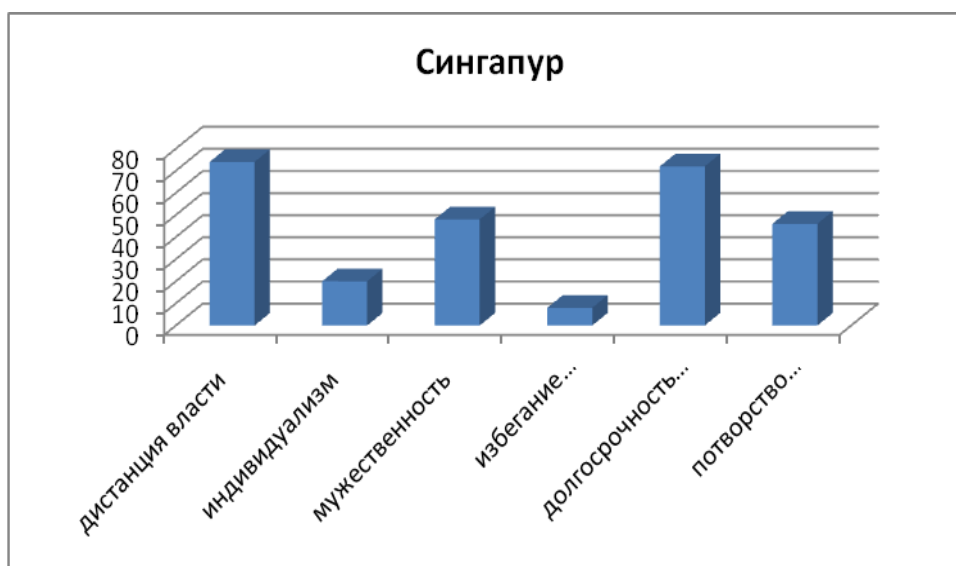

Рис.21. Портрет Сингапура в модели Г. Хофстеда

В соответствии с моделью Б. Качру [Kachru 2006b] во время второго расселения (Second dispersal) английский распространился в Азии и Африке, в том числе в Сингапуре, таким образом, вариант английского языка в этой стране относится к внешнему кругу. В динамической модели Э. Шнайдера (Schneider's dynamic model) данный вариант английского языка находится на четвертой стадии (Stage 4 – Endonormative Stabilization). Этот этап характеризуется постепенным принятием местных норм, появлением лингвистической «уверенности» (a new locally rooted linguistic self-confidence). К этому времени политические события ясно дают понять, что

колониистское и коренное неразрывно связано, и принятие местного варианта английского выражает эту новую идентичность. Начинает процветать литературное творчество на местном варианте английского [Schneider 2007], [Mesthrie, Bhatt 2008]. Для сингапурцев характерна общность их местного варианта английского языка, который для них является символическим выражением гордости за свою страну (ср., "symbolic expression of the pride [...] in their nation") [Schneider 2007]. Если такая тенденция сохранится, Сингапур будет уверенным кандидатом (из числа бывших колоний) на завершение цикла динамической модели (как Австралия, Канада и Новая Зеландия).

Английский язык в Малайзии

Малайзия располагается в Юго-Восточной Азии и представляет собой федеративную конституционную монархию, состоящую из 13 штатов (государств-субъектов федерации) и 3 федеральных территорий. Государство состоит из двух аналогичных по размеру регионов, разделенных Южно-Китайским морем: Западной Малайзии (Peninsular Malaysia) и Восточной Малайзии (East Malaysia). Западная Малайзия граничит с Таиландом и имеет морские границы с Сингапуром, Вьетнамом и Индонезией. Восточная Малайзия граничит с Брунеем и имеет морские границы с Филиппинами и Вьетнамом. Государственной религией Малайзии является ислам (61,3% населения), приверженцев буддизма – 19,8%, христиан – 9,2%, индуистов – 6,3%; 1,3% придерживаются конфуцианства, даосизма и других традиционных религий Китая; 0,4% исповедуют анимизм, сикхизм и прочие религии ["Population Distribution and Basic Demographic Characteristics". Department of Statistics, Malaysia. p. 82]. Официальным и национальным

языком (the official and national language) является малайзийский язык (Malaysian) – стандартизованная (standardised) форма малайского языка (Malay language) ["Malay, Standard". Ethnologue. 2009]. Исторически английский де-факто был административным языком, но после расовых беспорядков 1969 г. малайский (Malay) стал доминировать [Andaya, Andaya 1982], были закрыты английские средние школы и с 1970-х гг. использование английского языка стало резко снижаться. Сейчас английский остается вторым языком, его использованием разрешено для некоторых официальных целей в соответствии с национальным Законом о языке 1967 г. (National Language Act of 1967) ["National Language Act 1967". Malaysian Attorney General Chambers], но, согласно статистике, только 20% населения Малайзии свободно владеют английским (proficient in English). В штате Сарах английский является официальным государственным языком наряду с малайзийским. В Малайзии проживают носители 137 языков ["Ethnologue report for Malaysia". Ethnologue], в Западной Малайзии говорят на 41 из них ["Ethnologue report for Malaysia (Peninsular)". Ethnologue]. Языки коренных племен Восточной Малайзии связаны с малайским, но легко отличимы от него. Ибанский язык является основным племенным языком в штате Саравак, в то время как туземцы штата Сабах говорят на языках Dusunic и Kadazan [Adelaar, Himmelmann 2005]. Китайские малазийцы преимущественно говорят на диалектах китайского языка, используемых в южных провинциях Китая: наиболее распространенными вариантами китайского в стране выступают кантонский, мандаринский, хакка, хайнаньский, Hokkien и Fuzhou. Тамильский язык преимущественно используется тамиллами, которые составляют большинство малайзийских индийцев. В Малайзии также широко распространены другие языки Южной Азии и тайский. Небольшое число малазийцев говорят на креольских языках, таких как малаккское наречие (на португальской основе) (Portuguese-based Malaccan Creoles) [Hancock 1975] и чабакано (на испанской основе) (Spanish-based Chavacano language) [Michaelis 2008]. Малазийский вариант английского языка, также известный как

стандартный малазийский английский (Malaysian Standard English) в отличие от разговорного малазийского английского (Malaysian Colloquial English) или Manglish, происходит от британского варианта английского языка. В первой половине 20-го века малазийский английский был очень похож на британский вариант (хотя присутствовал малазийский акцент), однако, после обретения независимости в 1957 г. американская культура стала оказывать сильное влияние на использование данного варианта. Английский в Малайзии делят на 3 уровня: акролект, мезолект и базилект [Asmah 2004], при этом уровни объединяются в континуум, и говорящие могут переключать коды (code-switch) между ними в зависимости от контекста. Акролект рассматривается как английский в качестве «почти родного» (near-native) языка, т.е. на акролекте могут говорить только получившие образование, начиная с младшей школы и до университета, в основных англоговорящих странах. Данной разновидностью языка владеет очень небольшой процент населения Малайзии. Малазийский английский, в том числе используемый в повседневном общении является мезолектом. Большинство ученых, дипломированных специалистов и малазийцев, получивших образование на английском языке, используют мезолект. Manglish относится к разговорной, неофициальной устной форме малазийского английского языка и является базилектом, который образовался под сильным влиянием малайского, китайского и тамильского языков. Лоу Ии Линг отмечает, с одной стороны, сходства в историческом развитии сингапурского и малазийского вариантов английского языка, с другой стороны, различия в последующей роли английского в этих странах, что, по мнению автора, в дальнейшем приведет к отдалению этих двух вариантов друг от друга [Kirkpatrick 2010].

Согласно Р. Льюису культура Малайзии относится к реактивным [Льюис 2001]. По данным, полученным по методу Г. Хофстеда, в Малайзии высокий индекс дистанции власти (100) и потворства желаниям (57), промежуточный показатель мужественности (50), низкий показатель

избегания неопределенности (36), долгосрочности ориентации (41), индивидуализма (26) (рис.22) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

Рис.22. Портрет Малайзии по методу Г. Хофстеда

Согласно модели трех концентрических кругов [Kachru 2006b] малазийский вариант английского языка относится к внешнему кругу. В динамической модели Э. Шнайдера малазийский английский в настоящий момент находится на третьем этапе эволюции [Schneider 2007]. Хотя имеются некоторые признаки более поздних стадий, Э. Шнайдер считает, что было бы нецелесообразно утверждать, что вариант Малайзии движется за пределы третьей фазы (ср., "it would be futile to claim that Malaysia has moved or is moving beyond phase 3") [Schneider 2007] из-за распространенности экзонормативных (exonormative) стандартов.

Пакистанский вариант английского языка

Пакистан (официальное название – Исламская Республика Пакистан) – государство в Южной Азии, граничащее на юго-западе с Ираном, на северо-

востоке – с Китаем, на востоке – с Индией, на северо-западе и севере – с Афганистаном, и омываемое на юге водами Аравийского моря. Как суверенная политическая единица Пакистан возник в 1947 году при разделе Британской Индии, в него вошли северо-восточные и северо-западные регионы Индостана, где преобладало мусульманское население. В 1956 году была принята новая конституция, где государство признавалось исламской республикой; в 1971 году в результате гражданской войны Восточный Пакистан отделился в качестве новой страны Бангладеш. Доминирующей религией в Пакистане является ислам (96,4%), религиозными меньшинствами (3,6%) являются индуисты, христиане, сикхи и пр. ["Religions: Islam 95%, other (includes Christian and Hindu, 2% Ahmadiyyah) 5%". CIA. The World Factbook on Pakistan. 2010]. Территория, в настоящее время занимаемая Пакистаном, считается колыбелью цивилизации [Feuerstein et al. 1995], [Yasmeen 2006], [Jennings 2016]; здесь располагалось несколько древних цивилизаций, таких как, например, Индская или Хараппская цивилизация в бронзовом веке (Bronze Age Indus Valley Civilisation), а позже царства, управляемые людьми различных исповеданий и культур, включая индуистов, мусульман, сикхов, тюрко-монгольские народы и пр. Сейчас Пакистан является федеративной парламентской республикой, состоящей из четырех провинций и четырех федеральных территорий. Этнически и лингвистически это очень разнообразная страна: здесь представлено более 60 языков, в том числе ряд региональных, включая панджаби, пушту, синдхи, белуджский, кашмирский, калашский, брауи, шина, балти, кховар, бурушаски, йидга, дамели, гавар-бати, думаки. Официальных языков в стране два: урду и английский. Урду – символ мусульманской идентичности и национального единства, он выступает как лингва франка, как основной способ коммуникации внутри страны, его понимают более 75% пакистанцев, но при этом только для 8% населения урду является основным языком [Yasmeen 2006], [Kachru 2008]. Примерно половина населения Пакистана владеют английским на среднем уровне и

выше. Наиболее распространенным языком считается панджаби, который является родным для 66% населения, в основном в провинции Пенджаб. Синдхи используется в провинции Синд, а белужский язык – в провинции Белуджистан ["Country Profile: Pakistan". Library of Congress. 2005. pp. 2, 3, 6, 8], ["Background Note: Pakistan-Profile". State.Gov. 6 October 2010]. Английский язык используется в основном в сферах бизнеса, правительства, образования и юриспруденции; местный вариант английского известен как пакистанский английский (Pakistani English или Paklish) [McArthur 1998b]. Впервые пакистанский английский был выделен в 1970-х – 1980-х гг. [Hashmi 1987]. В конце 19 века территория современного Пакистана была оккупирована английскими войсками и включена в состав Британской Индии, но, хотя правление Британии в Индии продолжалось почти 200 лет, область современного Пакистана была аннексирована одной из последних. В связи с этим, у английского языка было меньше времени, чтобы стать частью местной культуры, но он успел стать частью элитарной культуры, т.к., аналогично всей Британской Индии, использовался в элитных школах и высших учебных заведениях [Rahman 2002]. Английский воспринимался как язык власти, пакистанское правительство продолжило эту политику и в Конституции Пакистана закрепило за английским статус де-факто официального языка государства [Rahman 1996]. Пакистанский английский подвергается сильному влиянию других языков Пакистана, а также других вариантов английского языка, например, английский заимствовал много слов и понятий из урду. Изучаемым (и предпочтительным) является британский английский, но, в связи с распространением американской культуры посредством телевидения, кинематографа и СМИ, американский вариант английского также оказал значительное влияние. Пакистанский Английский имеет много общего с индийским вариантом английского языка, но с момента провозглашения независимости Пакистана произошли некоторые заметные изменения. Пакистанский английский рассматривается как вариант интерференции в результате контакта английского языка с урду, панджаби,

пушту, синдхи и другими языками Пакистана [Rahman 1990]. Выделяют 4 типа пакистанского варианта английского языка [Rahman 1990]: 1) англиканизированный английский (Anglicised English) очень похож на устную и письменную речь носителей стандартного британского английского (British Standard English), 2) акролект используется пакистанцами, получившими образование в английских средних школах, 3) мезолект применяют пакистанцы, получившие образование на урду, 4) базилект используют люди, не получившие полного формального образования (of little formal education), например, гиды и официанты. Процесс переключения кодов (code-switching), т.е. одновременное использование более одного языка (или языкового варианта) в разговоре, распространен в Пакистане, и почти все разговоры на любом языке содержат значительный компонент английского.

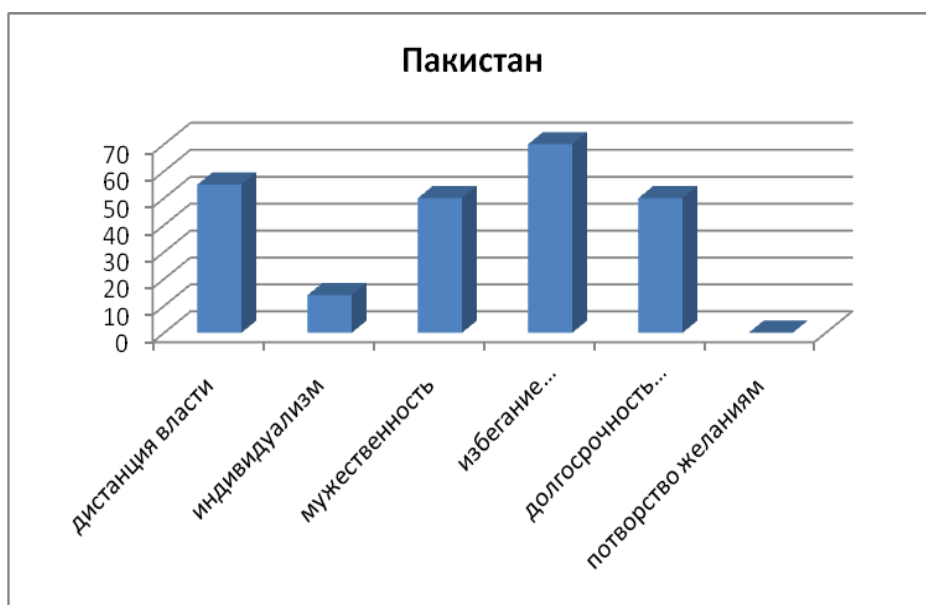

Рис.23. Портрет Пакистана согласно данным Г. Хофстеда

Э. Холл относит Пакистан к высококонтекстуальным культурам [Hall 1989]. Согласно данным Г. Хофстеда Пакистан характеризует высокий показатель избегания неопределенности (70), промежуточные индексы дистанции власти (55), мужественности (50), долгосрочности ориентации (50) и низкие индексы индивидуализма (14) и потворства желаниям (0) (рис.23) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

В соответствии с моделью Б. Качру [Kachru 2006b] пакистанский вариант английского языка относится к внешнему кругу, т.е. возникшему в результате распространения языка второй диаспорой (second diaspora) во время экспансии Британской империи в Азии и Африке.

Филиппинский вариант английского языка

Республика Филиппины – это государство, состоящее из 7641 островов и расположенное в Юго-Восточной Азии в западной части Тихого океана между Индонезией и Тайванем; страна расположена на Тихоокеанском вулканическом огненном кольце, близко к экватору, что, с одной стороны, влияет на высокую вероятность землетрясений и тайфунов, а с другой, наделяет территорию богатыми природными ресурсами и биологическим разнообразием. В государстве представлены различные этнические группы и культуры. Большая часть населения Филиппин является христианами: по данным 2010 года католицизм исповедуют 80,58%, евангельское христианство - 2,68%, последователями Церкви Христа являются 2,45%; мусульман в стране 5,57% ["Table 1.10; Household Population by Religious Affiliation and by Sex; 2010". 2015 Philippine Statistical Yearbook. East Avenue, Diliman, Quezon City]. Одними из первых жителей архипелага были негритосы (Negritos), после них прибыли австронезийские народы [Isidore 1965]. Дальнейшее смешение культур и народностей происходило с народами китайского, малайского, индийского и исламского государств. В 16 веке Филиппины стали частью Испанской империи и оставались в ее составе на протяжении 300 лет, вследствие чего доминирующей религией стал римский католицизм. В конце 19-го века, после филиппинской

революции, была утверждена Первая Филиппинская республика, просуществовавшая около 2 лет, и после кровавой филиппино-американской войны последовало американское правление, продолжавшееся до окончания Второй мировой войны, когда была признана независимость Филиппин [Constantino 1975].

На территории Филиппин насчитывается 186 языков. Большинство коренных языков относятся к филиппинским языкам малайско-полинезийской подсемьи в составе австронезийской языковой семьи [Lewis et al. 2015]. Единственным языком, не относящимся к австронезийской языковой семье, является чабакано – креольский язык на основе мексиканского испанского (creole language of Mexican Spanish), классифицируемый как романский язык [Quilis 1996]. Филиппинский и английский являются официальными языками страны [Joselito Guianan Chan; Managing Partner. "1987 Constitution of the Republic of the Philippines, Article XIV, Section 7.". Chan Robles & Associates Law Firm]. Филиппинский язык базируется на тагальском (a standardized version of Tagalog), его используют в основном жители столичного региона Метро Манила и других городских районов. Оба официальных языка используются в сферах правительства, образования, СМИ и бизнеса. Однако большинство людей за пределами городов не говорят по-английски, а используют местные языки коренного населения. Учитывая, что испанский широко использовался в качестве лингва франка в конце девятнадцатого века, во многих языках Филиппин присутствуют испанские заимствования. Несмотря на то, что Конституция предусматривает возможность использования испанского и арабского [Joselito Guianan Chan; Managing Partner. "1987 Constitution of the Republic of the Philippines, Article XIV, Section 7.". Chan Robles & Associates Law Firm], ни один из них широко не употребляется: доля использования испанского значительно снизилась за последний век, а арабский применяется в основном в исламских школах на острове Минданао. Филиппинский английский является вариантом английского языка на архипелаге, используемым в

средствах массовой информации и преобладающим большинством образованных жителей. Процесс переключения кодов (code-switching) характерен для неформальных ситуаций. Появляются «под-варианты» (sub-varieties) филиппинского варианта английского, базирующиеся на региональном местоположении и, таким образом, находящиеся под влиянием местных языков региона. Филиппинский опыт западного колониализма и его языковых эффектов уникален тем, что на архипелаге присутствовало два колонизатора подряд: сначала Испания с 16-го века, а затем США с 1898 года, последние как раз и привезли английский язык на острова. Он быстро распространился (в ущерб испанского), т.к. являлся новым языком правительства, продвижения по службе и образования. Английский был повсеместно распространен в системе начальной школы, созданной колониальным правительством. Таким образом, в связи с прошлым колониальным статусом Филиппин, на филиппинский английский оказывает влияние американский вариант английского языка и американская культура, что до сих пор отражается в образовательной системе страны [Kirkpatrick 2010]. На развитие филиппинского варианта английского языка повлияли коренные языки малайско-полинезийской семьи (взаимно непонятные, но генетически родственные), такие как тагальский, бикольский, себуанский, илоканский, вараийский и хилигайнон [McArthur 1998c].

Согласно теории высоко- и низкоконтекстуальных культур Э.Холла [Hall 1989] Филиппины относятся к культурам с высоким контекстом. В подходе Р.Льюиса Филиппины отнесены к реактивным культурам [Льюис 2001]. По данным Г. Хофстеда Филиппины характеризуются высокой дистанцией власти (94), мужественностью (64) и низким индивидуализмом (32), избеганием неопределенности (44), потворством желаниям (42), долгосрочностью ориентации (27) (рис.24) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

В модели трех концентрических кругов Б. Качру [Kachru 2006b] филиппинский вариант английского языка располагается во внешнем круге,

где находятся языки, для которых английский не служит родным, но выступает в качестве лингва франка между этническими и языковыми группами. В соответствии с моделью Т. МакАртура филиппинский английский относится к наружному (внешнему) слою, который состоит из локализованных разновидностей, схожих с региональными стандартами или возникающими стандартами [McArthur 1987]. Согласно мировой карте английского языка П. Стривенса филиппинский английский берет свое начало от американского варианта английского языка [Strevens 1980b]. В динамической модели Э. Шнайдера Филиппины находятся на третьей стадии (stage 3) с указанием на возможность перехода в четвертую стадию (stage 4), что выглядит довольно неопределенно в связи с изменением внешних экологических реалий (external ecological realities), в частности, независимостью от английского языка (non-attachment to English) [Schneider 2007].

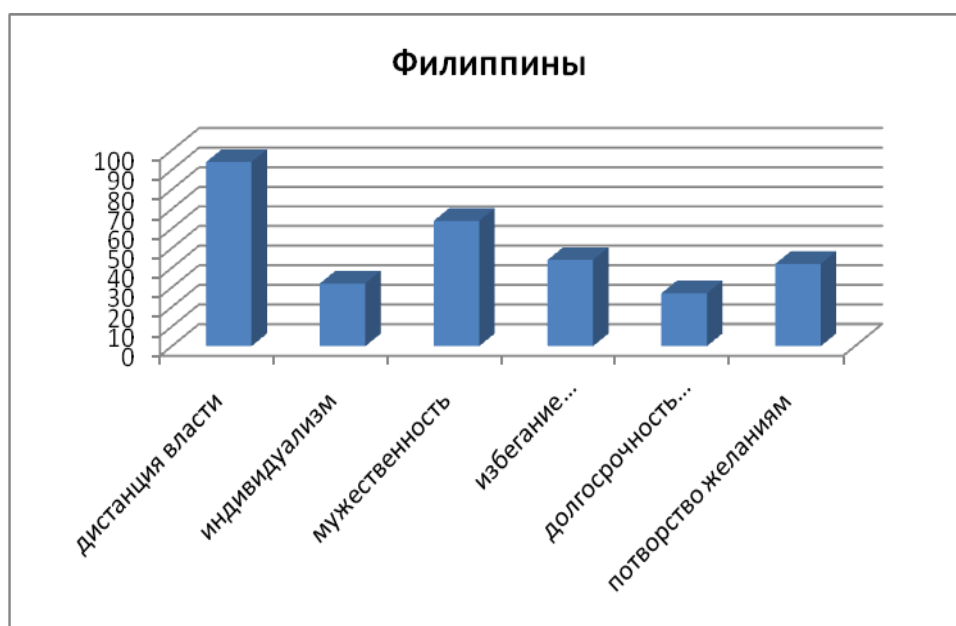

Рис.24. Портрет Филиппин по Г. Хофстеду

Английский язык в Шри-Ланке

Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка является островным государством в Южной Азии, имеющим морские границы с Индией на северо-западе и с Мальдивами на юго-западе. Благодаря географическому положению и глубоким гаваням Шри-Ланка имела важное стратегическое значение со времен Великого шелкового пути и вплоть до Второй мировой войны [Bandaranayake 1990]. С начала британского колониального правления до 1972 года Шри-Ланка была известна как Цейлон. Многонациональная Шри-Ланка объединяет разнообразные религии, языки и этнические группы [Domrös 1998]: наряду с сингальцами в стране проживают ларакалла, ланкийские тамилы, индийские тамилы Шри-Ланки, бюргеры Шри-Ланки, малайцы Шри-Ланки, кафры Шри-Ланки и веды; страна обладает богатым буддийским наследием [Maguire 2001]. В 2008 году Шри-Ланка была признана третьей в списке наиболее религиозных стран в мире [Crabtree, Pelham 2009]. По данным 2011 года в стране 70% населения являются буддистами тхеравадами, 13% - индуистами, 10% - мусульманами, 7% - христианами-католиками ["Sri Lanka Census of Population and Housing, 2011 – Population by Religion". Department of Census and Statistics, Sri Lanka. 20 April 2012]. Сингальский и тамильский являются официальными языками Шри-Ланки, английский выступает как язык межнационального общения, он широко используется в образовании, научных и коммерческих целях. Члены общины бюргеров (Burgher community) в различной степени владеют различными вариантами контактных языков на португальской основе и голландским языком, а члены

малайской общины (Malay community) говорят на форме креольского малайского, которая является уникальной для острова [Peter Bakker. "How unique is Sri Lanka Malay?" Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology]. Шриланкийский (или цейлонский) английский язык [Kirkpatrick, Sussex 2012], [Ruiz-Garido 2010] появился в связи с Британским колониальным присутствием в Южной Азии. С 1681 года происходило взаимопроникновение языков Шри-Ланки и английского, в том числе в английский были заимствованы некоторые слова (например, Будда – Buddha и анаконда – Anaconda), большая часть из которых относится к понятиям флоры и фауны [Boyle 2004]. В 1948 году Шри-Ланка получила независимость от британской монархии, и английский язык перестал быть единственным официальным языком. В последующие годы неравенство в отношении образования, а также национальный конфликт мешали развитию и использованию местного варианта английского, в частности в литературе [Jayasurya 2012], [Lim et al 2013]. Разнородность шриланкийского английского обусловлена различными первыми языками (L1), религиями, социальным происхождением его носителей. Необычен и статус английского языка в Шри-Ланке: хотя он не является официальным языком, а только языком межнационального общения (link language), используемым в качестве нейтрального языка в обществе, его применяют в некоторых официальных контекстах, таких как Верховный Суд Шри-Ланки [Kirkpatrick 2010].

Согласно подходу Г. Хофстеда [Hofstede 1993] в Шри-Ланке высокий индекс дистанции власти (80), средний показатель избегания неопределенности (45), промежуточный индекс долгосрочности ориентации, т.е. нет четкого предпочтения (45), низкий индивидуализм (35) и мужественность (10). По потворству желания данных не обнаружено [<https://geert-hofstede.com>] (рис.25).

Согласно модели Б. Качру [Kachru 2006b] шриланкийский вариант английского языка относится к внешнему кругу, наряду с индийским, нигерийским, пакистанским, малазийским вариантами английского языка.

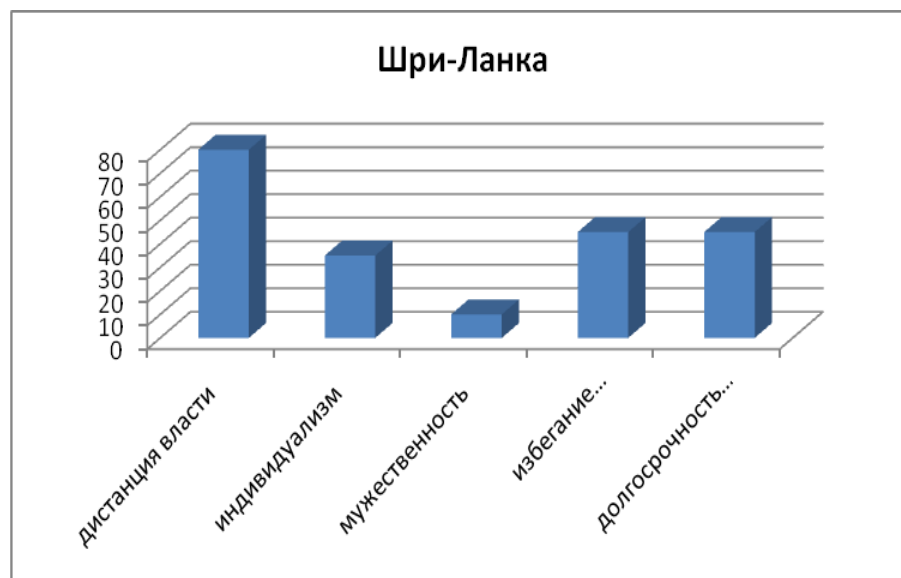

Рис.25. Портрет Шри-Ланки по Г. Хофстеду

Индийский вариант английского языка

Республика Индия находится в Южной Азии и является второй страной в мире по численности населения. Полуостров с трех сторон окружен водой: на юге – Индийским океаном, на юго-западе - Аравийским морем, на юго-востоке – Бенгальским заливом; на западе Индия разделяет сухопутные границы с Пакистаном, на северо-востоке – с Китаем, Непалом и Бутаном, на востоке – с Мьянмой (Бирмой) и Бангладеш; имеет морские границы с Мальдивами, Шри-Ланкой, Индонезией и Таиландом. На этой территории зародилась древняя Индская цивилизация, проходили исторические торговые пути; Индийский субконтинент на протяжении всей своей истории был известен своим культурным богатством [Stein 1998]: здесь зародились индуизм, буддизм, джайнизм и сикхизм, а в 1-м тысячелетии до н.э. появились зороастризм, иудаизм, христианство и ислам, которые повлияли на формирование многоаспектной местной культуры. По данным 2011 года

сейчас наиболее представленной религией в стране является индуизм (79,8% населения), затем следует ислам – 14,23%, христианство исповедуют 2,3%, сикхизм - 1,72%, буддизм - 0,70% [Abantika Ghosh; Vijaita Singh (24 January 2015). "Census: Hindu share dips below 80%, Muslim share grows but slower". Indian Express. Indian Express]. Начиная с 17 века при помощи Ост-Индской компании, происходила постепенная колонизация Индии Британской империей, и в 1857 году после «Восстания сипаев» страна стала колонией Британской империи. Индия получила независимость в 1947 году после борьбы за независимость – ненасильственного сопротивления во главе с Махатмой Ганди. Индия является родиной двух языковых семей: индоарийской (говорят около 74% населения) и дравидийской (24%). Также в Индии говорят на языках австроазиатской и сино-тибетской семей. Хинди, на котором говорит наибольшее количество населения, является официальным языком правительства [Ottenheimer 2008], [Mallikarjun 2004]. Английский, на котором говорят 90 млн. человек и который является родным для 250000 жителей [Census of India's Indian Census. Issue 25, 2003, pp 8–10, (Feature: Languages of West Bengal in Census and Surveys, Bilingualism and Trilingualism)], [Desai 2010], широко используется в бизнесе, управлении и высшем образовании и имеет статус «вспомогательного официального языка» ("subsidiary official language") [Notification No. 2/8/60-O.L, Ministry of Home Affairs, Government of India, 27 April 1960]. Индийский английский постепенно стал одним из лингва франка индийского субконтинента (включая Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри-Ланку), и сейчас является языком культурной и политической элиты региона, предлагая значительные экономические, политические и социальные преимущества для владеющих языком [Sedlatschek 2009]. Английский язык начал использоваться в Индии во время правления Ост-Индской компании – в то время Индия, как и сейчас, была одним из самых разнообразных в языковом отношении регионов мира [Lalmalsawma, David (7 September 2013), India speaks 780 languages, 220 lost in last 50 years – survey, Reuters], в 1837 году английский заменил персидский в

качестве официального языка Компании. В период с 1840-х по 1850-е гг. во многих районах Британской Индии были открыты школы, в которых некоторые предметы преподавались на английском языке. С 1858 г. по 1947 г., во время Британского владычества (Crown Rule in India, или the British Raj) английский распространился по всей Индии. На момент провозглашения независимости Индии в 1947 году, английский язык был единственным функционирующим языком общения (*lingua franca*) в стране. В связи с влиянием различных языков, на которых говорят в разных частях страны, индийский английский сам разбился на подварианты (*variants of the Indian English dialect*), которые отличаются от стандартного индийского варианта английского (*General/Standard Indian English*), такие как *Malayali English*, *Maharashtrian English*, *Punjabi English*, *Bengali English*, *Hindi English*, *Butler English*, *Babu English*, *Bazaar English* [Krishnaswamy 2006], [Kirkpatrick 2007], [Gargesh 2006]. Таким образом, индийский английский представляет собой комплекс подвариантов ("*network of varieties*"), в результате чрезвычайно сложной языковой ситуации в стране [Jaydeep 2004], [Schneider 2007], хотя при этом между подвариантами индийского английского сохраняется некая гомогенность в фонетике, лексике и фразеологии [Verma, Agrawal 2002], [Pingali 2009]. Согласно Дж. Мухержи многие особенности индийского английского возникли в основном не из-за вмешательства первого языка населения (*L1 interference*), а благодаря нативизированной семантико-структурной аналогии ('*nativised semantic-structural analogy*'), поэтому данный вариант является полуавтономным [Kirkpatrick 2010].

Согласно теории Э.Холла Индия относится к высококонтекстуальным культурам [Hall 1989]. В соответствии с подходом Р.Льюиса Индия занимает промежуточное положение между полиактивными и реактивными культурами [Льюис 2001]. Подход Г. Хофстеда отражает, что в Индии высокий индекс дистанции власти (77) и мужественности (56), промежуточный уровень долгосрочности ориентации, т.е. предпочтение в индийской культуре не может быть определено (51), средний показатель

индивидуализма (46), избегания неопределенности (40), низкое значение потворства желаниям (26) (рис.26) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

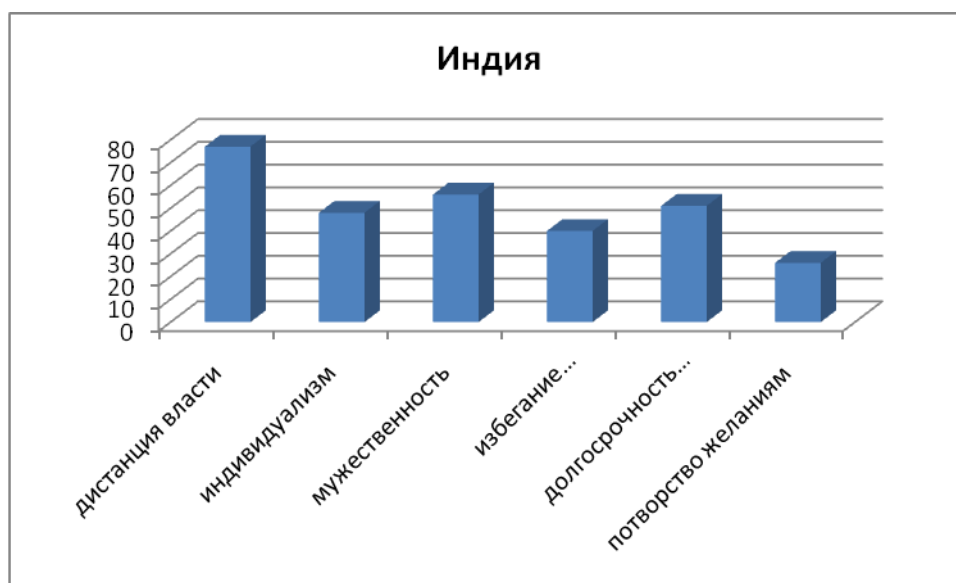

Рис.26. Индия в подходе Г. Хофстеда

В модели World Englishes Б. Качру [Kachru 2006b] индийский английский относится к внешнему кругу, т.к. он был распространен посредством второй диаспоры (second diaspora) во время экспансии Британской империи. В динамической модели Э. Шнайдера (Schneider's dynamic model) Индия, с ее длительной историей контакта с английским языком, находится на третьем этапе, но в то же время появляются ранние признаки четвертой стадии [Schneider 2007], [Mesthrie 2008]. Несмотря на «оттепель», английский язык все еще рассматривается, как подчеркивающий классовое неравенство (class-pruned language), и эта обида не пройдет, если индийцы будут использовать английский язык исключительно в утилитарных целях, а не рассматривать его как код социальной солидарности (community solidarity code) [Schneider 2007]. В модели «колеса» (Circle of World English) т. МакАртура индийский английский относится к стандартизированной английской группе Южной Азии (South Asian Standardizing English group) [McArthur 1987]. В круговой модели английского языка М. Горлача (Görlach's Circle model of English) индийский английский расположен во втором круге и относится к ESL (английский как второй язык - English as a Second Language)

[Görlach 1990]. В модели Дж. Модiano индийский английский относится ко второму кругу, который включает тех, для кого английский является родным или кто изучил его на высоком уровне как иностранный (proficient in English as a native and foreign language) [Modiano 1999b]. Согласно мировой карте английского языка П. Стривенса (World map of English) индийский английский берет свое начало от британского варианта английского языка [Stevens 1980b].

Африка

Английский язык в Гане

Республика Гана расположена вдоль Гвинейского залива и Атлантического океана, в субрегионе Западной Африки. Большая часть населения страны придерживаются христианства (порядка 75% [Christian Population in Numbers by Country. The Pew Research Center's Religion and Public Life Project (19 December 2011)]). В 1874 году Великобритания установила контроль над некоторыми частями страны, присвоив этим районам статус Британского Золотого берега (British Gold Coast). Против Британии проводилось много войн и сражений, и в итоге 6 марта 1957 года регион Золотого берега (the Gold Coast region) провозгласил независимость от Соединенного Королевства, и было создано государство Гана. Но английский остался официальным языком страны и сейчас на нем говорят 67,1% населения. В стране насчитывается 11 языков, обладающих статусом «поддержки правительства» (government-sponsored languages): 4 из них – это языки народа аканов (Akan ethnic languages) – чви (Asante Twi, Akuapem

Twi), мфантсе и нзима (Mfantse и Nzema), 2 языка оти-вольтийской группы семьи гур (Mole-Dagbani ethnic languages) – дагааре и дагбани (Dagaare и Dagbanli), а также эве, адангме, га, гонджа и касем (Ewe, Dangme, Ga, Gonja, и Kasem) ["The Bureau of Ghana Languages-BGL". National Commission on Culture. 2006]. Английский (Ghanaian English) является государственным языком и широко используется в качестве лингва франка (lingua franca): высшее образование, законодательная и судебная власть, национальная торговля применяют в основном английский язык. Выделяют также Ghanaian Pidgin English (в том числе известный как Kru English) [Hammarström et al. 2016] как разновидность контактного языка на английской основе (English-based creole languages) [Smith 1994], который относится к West African Pidgin English. В основном он используется в южных городах и столице Аккре [Huber 1999]. Большинство контактных языков на английской основе (English creoles) сформировались в британских колониях в связи с экспансией британских военно-морских сил и торговли в 18-м и 19-м веках. Выделяют 2 группы подобных языков: группа Атлантического океана (Atlantic) (Северная и Южная Америки и Африка) и группа Тихого океана (Pacific) (Азия и Океания).

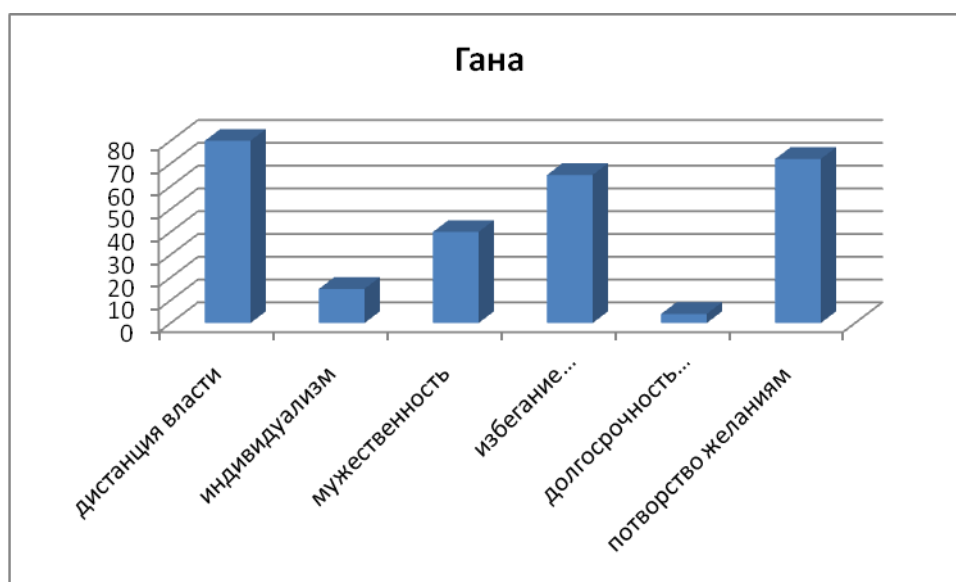

Рис.27. Портрет Ганы согласно подходу Г. Хофстеда

По мнению Э. Холла [Hall 1989] Гана относится к высококонтекстуальным культурам. Согласно Р.Льюису Гана является

полиактивной культурой, т.е. для нее характерна многомерная активность [Льюис 2001]. Согласно подходу Г. Хофстеда в стране высокий индекс дистанции власти (80) и потворства желаниям (72), средний показатель избегания неопределенности (65), низкий уровень индивидуализма (15), мужественности (40) и долгосрочности ориентации (4) (рис.27) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

Согласно модели Баджа Качру английский в Гане принадлежит к так называемому внешнему кругу [Kachru 1992].

Нигерийский вариант английского языка

Федеративная Республика Нигерия является федеративной конституционной республикой в Западной Африке, она граничит с Бенином на западе, с Чадом и Камеруном на востоке, Нигером на севере, а на юге омывается Гвинейским заливом Атлантического океана. Государство состоит из 36 штатов и одной федеральной столичной территории (Federal Capital Territory), где расположена столица – Абуджа. Официально Нигерия является демократическим светским государством [Nigerian Constitution". Nigeria Law]. На территории нынешней Нигерии на протяжении тысячелетий существовали многочисленные королевства и племенные государства. На образование современного государства повлияло британское колониальное правление, начиная с 19-го века, а также слияние Южной Нигерии (Southern Nigeria Protectorate) и Северной Нигерии (Northern Nigeria Protectorate) в 1914 году. Нигерия формально стала независимой федерацией в 1960 г. Страна является самой густонаселенной в Африке и седьмой по численности населения страной мира [Library of Congress – Federal Research Division (July

2008). "Country profile: Nigeria"]. Она рассматривается как многонациональное государство, поскольку здесь проживает более 500 этнических групп, самыми крупными из которых являются хауса, игбо и йоруба ["Nigeria's Identifiable Ethnic Groups". OnlineNigeria. Otite, O.]. Нигерия разделена примерно поровну между христианами (48,2%), которые живут в основном в южной части страны, и мусульманами (50,4%) в северной части. Небольшая часть населения исповедует религии коренных народов Нигерии, таких как игбо и йоруба [Melton 2010]. В стране был зафиксирован 521 язык (9 из которых уже исчезли). В некоторых районах Нигерии, этнические группы говорят более чем на одном языке. Английский язык в качестве официального языка Нигерии был выбран (в связи с британской колонизацией) для облегчения культурного и языкового единства страны. Большая часть населения говорит на двух языках: английском и родном. Многие носители французского языка из соседних стран повлияли на английский, используемый в приграничных районах Нигерии. Французский, на котором говорят в стране, может смешиваться с местными языками, но, в основном, он используется в том варианте, на котором говорят в Бенине. Французский также может смешиваться с английским, как это происходит в Камеруне. Основные языки, на которых говорят в Нигерии, представляют собой три основные семьи языков Африки: 1) большинство из них нигеро-конголезские языки, такие как игбо, йоруба и пулар-фульфульде; 2) канури, на котором говорят на северо-востоке, в первую очередь в штатах Борно и Йобе, принадлежит к нило-сахарской семье; 3) хауса относится к афразийским языкам. Несмотря на то, что большинство этнических групп предпочитают общаться на своем родном языке, английский, как официальный язык, широко используется в сферах образования и бизнеса. Английский в качестве первого языка применяется только незначительным меньшинством городской элиты страны, и совсем не используется в некоторых сельских районах. Хауса является наиболее распространенным из трех основных языков, на которых говорят в Нигерии (игбо, хауса и йоруба).

Учитывая, что большая часть населения Нигерии проживает в сельских районах, основными языками общения в стране остаются языки коренных народов. Нигерийско-креольский язык (Nigerian Pidgin English, также известный как 'Pidgin' или 'Broken' (Broken English)) – креольский язык на английской основе, широко используемый в качестве лингва франка, несмотря на различные региональные влияния и особенности, его применяют в основном в неформальных беседах [Faraclas 1996]. «Креольский английский» или «нигерийский английский» широко распространен в регионах дельты Нигера, преимущественно в Варри, Сапеле, Порт-Харкорт, Agenebode, Ewu и Бенин-Сити [Adegbija 2003]. «Нигерийский английский» (Nigerian English), также известный как стандартный нигерийский английский (Nigerian Standard English), базируется на британском английском, но в последние годы, из-за увеличения контактов с Соединенными Штатами Америки, наблюдается влияние американского варианта английского языка. Помимо этого в языке есть заимствования из коренных языков для обозначения культурно специфичных понятий (например, старшая жена) [Adegbija 1989]. Стандартный нигерийский английский (Nigerian Standard English) используется в политике, формальном образовании, средствах массовой информации и для других официальных целей. А.С. Бодба показывает, насколько колониальные языки до сих пор доминируют в странах Африки, затмевая богатство и разнообразие местных языков, при этом автор сомневается, что подобная ситуация гегемонии сможет измениться в будущем [Kirkpatrick 2010].

По мнению Э. Холла [Hall 1989] Нигерия относится к высококонтекстуальным культурам. Р.Льюис [Льюис 2001] считает Нигерию реактивной культурой. По методике Г. Хофстеда у Нигерии высокий показатель дистанции власти (80), мужественности (60) и потворства желаниям (84), промежуточный индекс избегания неопределенности (55), низкий показатель индивидуализма (30) и долгосрочности ориентации (13) (рис.28) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

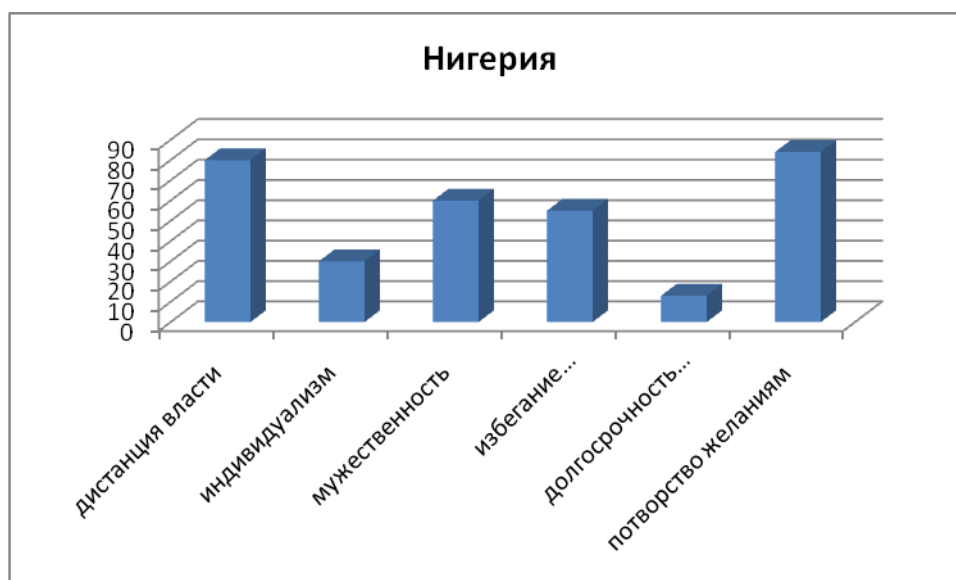

Рис.28. Портрет Нигерии согласно подходу Г. Хофстеда

Согласно модели Б. Качру [Kachru 2006b] нигерийский вариант английского языка относится к внешнему кругу. В соответствии с динамической моделью Э. Шнайдера Нигерия находится в процессе перехода от третьей к четвертой стадии [Schneider 2007]. Даже в отсутствие однородного стандартного нигерийского варианта английского языка ("stabilization of a more homogenous concept of a Standard Nigerian English") [Schneider 2007] английский язык (в том числе Pidgin English – креольский английский) смог распространиться и приобрести солидный статус среди нигерийских обывателей.

Кенийский вариант английского языка

Кения (официальное название – Республика Кения) располагается в Восточной Африке и является членом Восточноафриканского сообщества (ЕАС). Территория страны располагается на экваторе в Восточно-

Африканской рифтовой долине, охватывающей обширные территории от озера Виктория до озера Туркана (или Рудольф) и далее на юго-восток до Индийского океана. Кения граничит с Танзанией на юге, Угандой на западе, Южным Суданом на северо-западе, Эфиопией на севере и Сомали на северо-востоке. Превалирующее число жителей Кении исповедуют христианство (83%); мусульман в стране 7%; сторонников африканских культов 8,9% (примерно 3,6 млн. человек) [Melton 2010], [Christian Population as Percentages of Total Population by Country. Pew Research Center (January 2011)], [The Future of the Global Muslim Population. Pew Research Center (January 2011)], [Kenya - Religious Adherents, 2010. The Association of Religion Data Archives]. Кения является многоязычной страной. Различные этнические группы, как правило, говорят на своих родных языках внутри общин. Два официальных языка, английский и суахили (последний признается в качестве национального языка ["Constitution of Kenya. National, official and other languages". National Council for Law Reporting (Kenya Law)]), используют для общения с другими группами населения. Английский язык широко распространен в торговле, образовании и правительстве [Proquest Info & Learning (COR) (2009). Culturegrams: World Edition. Proquest/Csa Journal Div. p. 98]. Многие жители пригородов и сельской местности говорят только на своих родных языках [Brown et al. 2006]. В общей сложности в Кении насчитывается 69 языков, большинство из которых принадлежит к двум языковым семьям: нигеро-конголезская (языки банту) и нило-сахарская (нилотские языки), на которых говорят народы банту и нилоты. Кушитские и арабские этнические меньшинства говорят на языках афразийской макросемьи, а индийцы и европейцы используют индоевропейские языки [Languages of Kenya. Ethnologue.com.]. Английский язык появился в Кении в связи с Британской колонизацией в 1895 году, когда возникла Британская Восточная Африка, прежде чем государство было объявлена отдельной колонией Великобритании в 1920 году. Во времена колонизации суахили использовался как язык образования и торговли на побережье (Swahili Coast).

Британцы ослабили влияние суахили и установили английский в качестве средства обучения в кенийских школах. Английский остался официальным языком и после получения независимости Кенией 12 декабря 1963 года. В основном в Кении используется британский вариант английского языка. Помимо этого выделяют кенийский вариант, содержащий уникальные характеристики, появившиеся под влиянием местных языков банту, таких как суахили и кикуйю [Nyaggah, Lynette Behm. "Cross-linguistic influence in Kenyan English: The impact of Swahili and Kikuyu on syntax". University of California]. Он изменился со времен колонизации и сейчас также содержит элементы американского английского. В некоторых городских районах используют арго Sheng, базирующееся на суахили (a Kiswahili-based cant): состоящий в основном из смеси английского и суахили, он является примером лингвистического переключения кодов (code-switching) [Nurse, Philippon 2006].

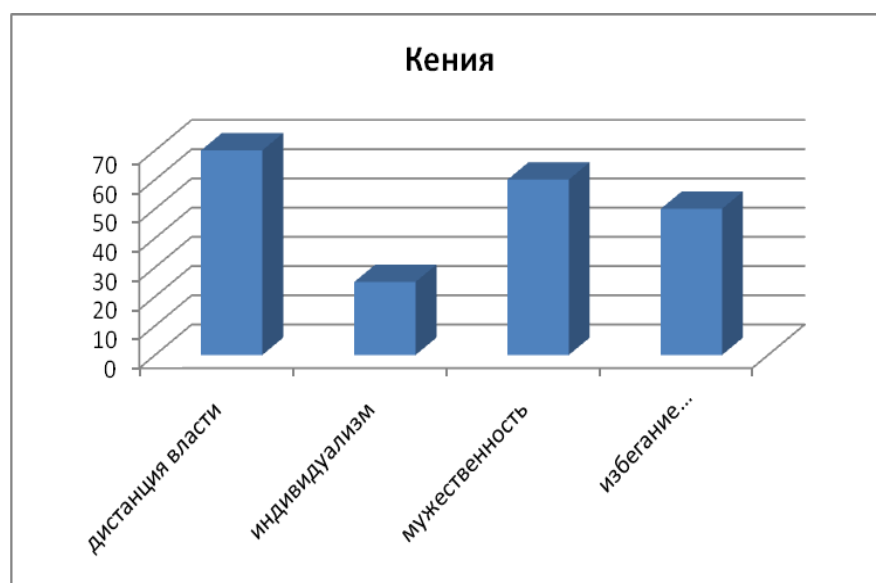

Рис.29. Портрет Кении по данным Г. Хофстеда

В соответствии с моделью высоко- и низкоконтекстуальных культур [Hall 1989] Кения принадлежит к культурам с высоким контекстом. Согласно подходу Р.Льюиса Кения является полиактивной, т.е. для нее характерна многомерная активность [Льюис 2001]. Согласно данным, полученным в соответствии с подходом Г. Хофстеда, в Кении высокий уровень дистанции

власти (75) и мужественности (60), промежуточный уровень избегания неопределенности, т.е. нет четких предпочтений по данному показателю (50), низкий индекс индивидуализма (25), по долгосрочности ориентации и потворству желаниям в базе данных не обнаружено (рис.29) [<https://geert-hofstede.com>], [Hofstede 1993].

Согласно модели трех концентрических кругов [Kachru 2006b], данный вариант английского языка относится к внешнему кругу. Хотя в Кении по приблизительным подсчетам по-английски говорит 80% населения, Э. Шнайдер относит ее к третьей стадии эволюции [Schneider 2007]. В связи со смешением языков (language mixing), конкуренции со стороны других языков, особенно суахили, в Кении все еще продолжается процесс нативизации, английский язык распространяется довольно постепенно и его потенциальный диапазон кажется сильно ограниченным ('its potential scope seems largely confined') [Schneider 2007].

Английский язык в Танзании

Объединенная Республика Танзания – государство в Восточной Африке в регионе Великих Африканских озёр. Часть страны находится в Южной Африке. Большая часть населения Танзании являются христианами (55%) (включая католиков, лютеран, пятидесятников и англикан) [Christian Population as Percentages of Total Population by Country. Pew Research Center (January 2011)], треть (30%) исповедуют ислам [The Future of the Global Muslim Population. Pew Research Center (January 2011)], и 12% исповедуют местные автохтонные верования [Tanzania - Religious Adherents, 2010 (World Christian Database). The Association of Religion Data Archives]. Европейские

колонисты пришли на материковую часть Танзании в конце 19 века, когда Германия образовала Германскую Восточную Африку, что открыло путь для британского правления после Первой мировой войны. Британцы принесли английский язык и распространили его по всей стране, где он начал соседствовать с этническими языками. После войны Лига Наций установила территорию Британского мандата. Британское правление закончилось 9 декабря 1961 года. На данный момент в Танзании насчитывают порядка 126 различных языков, что делает ее наиболее разнообразной, с лингвистической точки зрения, страной в Восточной Африке [Ammon et al. 2006]. Из этих языков 2 являются институциональными (institutional), 18 развивающимися (developing), 58 активными (vigorous), 40 под угрозой исчезновения (endangered) и 8 исчезающих (dying) ["Tanzania". Ethnologue. <http://www.ethnologue.com/country/TZ>]. Большинство языков, на которых говорят на местном уровне, относится к двум языковым семьям: нигеро-конголезская (языки банту (Bantu branch)) и нило-сахарская (нилотские языки (Nilotic branch)), которые используют народности банту и нилоты, проживающие в стране. Кроме того, охотники-собиратели народов хадза и сандаве говорят на языках со щёлкающими согласными, которые предварительно были классифицированы как койсанские языки (Khoisan phylum) (хотя хадза может быть изолированным языком). Кушитские и арабские этнические меньшинства говорят на языках афразийской макросемьи, а хиндустанцы и британцы используют индоевропейские языки ["Languages of Tanzania". Ethnologue. <http://www.ethnologue.com/country/TZ/languages>]. Несмотря на разнообразие языков, ни один из них не является родным для большинства населения. Различные этнические группы обычно используют родной язык внутри своих общин, а для общения с другими группами используются языки лингва франка. Официальными языками Танзании являются суахили и английский (унаследованный после колониального господства): суахили используется в парламентских дебатах, в судах низшей инстанции, а также в качестве

средства обучения в начальной школе; английский используется во внешней торговле, в дипломатии, в судах высшей инстанции, а также в качестве средства обучения в системе среднего и высшего образования (хотя правительство Танзании намеревается отменить использование английского языка в процессе обучения) [Schmied 1985, 1990]. Примерно для 10% жителей Танзании суахили является первым языком, а 90% используют его в качестве своего второго языка [Ammon et al. 2006]. Таким образом, большая часть населения владеет двумя языками: суахили и местным наречием, а образованные люди говорят на трех языках (trilingual), включая английский [Winks 2011], [Baker, Prys 1998], [Grosjean 1982]. Х.-Г. Волф отмечает, что на сходства и различия восточно- и западноафриканских вариантов английского языка повлияла колониальная политика, при этом западноафриканские варианты отличаются большим разнообразием, чем восточноафриканские [Kirkpatrick 2010].

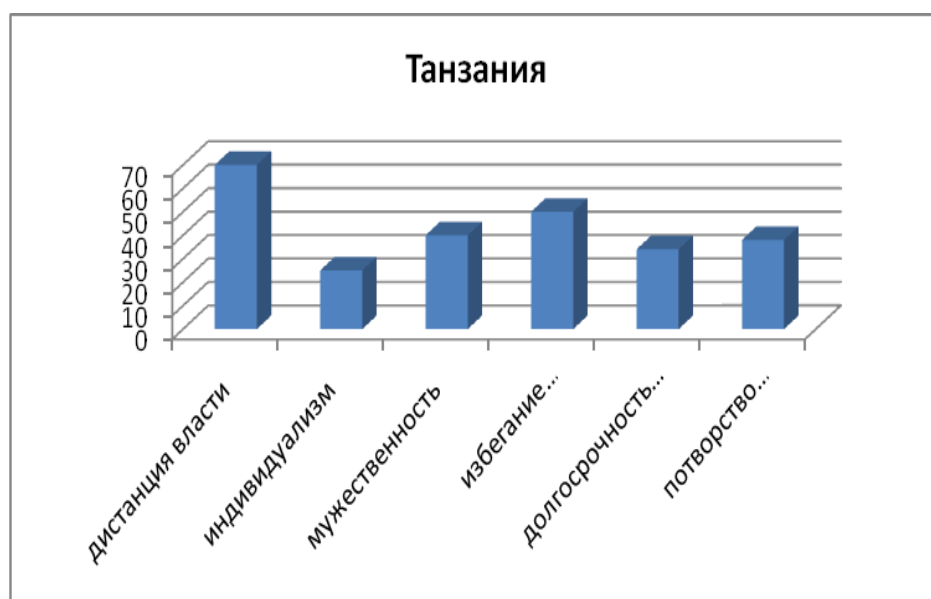

Рис.30. Портрет Танзании по данным Г. Хофстеда

Согласно модели Э.Холла [Hall 1989] Танзания принадлежит к высококонтекстуальным культурам. Согласно Р.Льюису [Льюис 2001] Танзания относится к полиактивным культурам, т.е. для нее характерна многомерная активность. По методике Г. Хофстеда Танзания описана как обладающая высоким индексом дистанции власти (70), промежуточным

показателем избегания неопределенности (50), средними уровнями мужественности (40) и долгосрочности ориентации (34), низкими индексами потворства желаниям (38) и индивидуализма (25) (рис.30) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

В соответствии с моделью трех концентрических кругов [Kachru 1992] английский в Танзании относится к внешнему кругу. Он появился в связи со второй диаспорой (second diaspora of English), которая распространила английский язык посредством экспансии Британской империи в Африку, где английский не является родным, но служит в качестве лингва франка (lingua franca) между этническими и языковыми группами. Хотя исторически Танзания и Кения похожи, у Танзании другой лингвистический опыт, учитывая, что английский язык прошел через «фазу репрессий» ('repression phase') [Schmied 1991], после которой он застрял на ранних этапах третьей стадии в динамической модели Э. Шнайдера [Schneider 2007]. Практически кажется, что статус английского языка понизился: если раньше он использовался в качестве второго языка (ESL – English as a second language), то сейчас все чаще употребляется в качестве иностранного (EFL – English as a foreign language).

Английский язык в ЮАР

Южно-Африканская Республика является самым южным суверенным государством в Африке; оно омывается Атлантическим и Индийским океанами; на севере граничит с Намибией, Ботсваной и Зимбабве, на востоке и северо-востоке – с Мозамбиком и Свазилендом; внутри страны находится государство-анклав Лесото. Около 80 % жителей ЮАР происходят из Черной

Африки (of Sub-Saharan African ancestry) [Census 2011: Census in brief. Pretoria: Statistics South Africa. 2012], они разделены на различные этнические группы и говорят на разных языках банту, 9 из которых имеют официальный статус. Оставшаяся часть населения состоит из крупнейших в Африке общин европейского («белых») (European (white)), азиатского («индийцев») (Asian (Indian)) и многорасового («цветные») (multiracial (coloured)) происхождения. Южная Африка является многонациональным государством, включающим в себя широкий спектр культур, языков и религий. По данным 2001 года 79,77% населения ЮАР исповедуют христианство, 1,46% - ислам, 1,36% - индуизм, 0,28% - африканские традиционные религии, 0,17% - иудаизм и 15,1% являются атеистами ["South Africa – Section I. Religious Demography". U.S. Department of State]. С 1994 года, после продолжительного апартеида, в стране политически представлены все этнические и языковые группы. В Конституции ЮАР официальными признаны 11 языков, и это третья страна по количеству официальных языков в мире (после Индии и Боливии) ["Constitution of South Africa, Chapter 1, Section 6". Fs.gov.za. Archived from the original on 2012-11-13]: африкаанс, английский, южный ндебеле, коса, зулу, северный сото, сесото, тсвана, свази, венда, тсонга. Два официальных языка имеют европейское происхождение: африкаанс развился из голландского и служит в качестве первого языка для большинства «белых» (white) и «цветных» (coloured) южноафриканцев; английский отражает наследие британского колониализма, половина населения владеют им на разговорном уровне, и обычно он используется в общественной и коммерческой жизни, торговле, бизнесе, правительстве, образовании и науке, но по количеству использующих его как первый язык он занимает только 4 место (9,6% населения или 4892623 человек, при этом треть из них не является «белым» населением ЮАР) [Census 2011: Census in brief. Pretoria: Statistics South Africa. 2012. pp. 23–25]. Территории со значительным количеством англоговорящего населения: Западно-Капская провинция (20,2% населения провинции говорят по-английски), Гаутенг (13,3%) и

Квазулу-Натал (13,2%) [Census 2011: Census in brief. Pretoria: Statistics South Africa. 2012]. Хотя все языки формально равны, некоторые из них используются чаще, чем другие: по данным переписи 2011 года тремя наиболее используемыми первыми языками являются зулу (22,7%), коса (16,0%) и африкаанс (13,5%) [Census 2011: Census in brief. Pretoria: Statistics South Africa. 2012. pp. 23–25]. Государство также признает несколько неофициальных языков, включая фанагало, кхое, Lobedu, нама, северный ндебеле и Phuthi ["The languages of South Africa". SouthAfrica.info. 4 February 1997]. Многие языки готтентотов и бушменов, которые физически отличаются от других африканцев и имеют собственную культурную идентичность на основе своих обществ охотников-собирателей, находятся под угрозой исчезновения. Многие «белые» жители Южной Африки говорят на европейских языках, включая португальский (который в том числе используется «черными» выходцами из Анголы и Мозамбика), немецкий и греческий; некоторые южноафриканцы азиатского происхождения используют для общения гуджарати, хинди, тамильский, телугу и урду. По-французски в Южной Африке говорят мигранты из франкоязычной Африки. Английский был объявлен официальным языком Капской колонии в 1822 году (вместо голландского), а заявленной языковой политикой правительства того времени была англизация (Anglicization). При создании в 1910 году доминиона ЮАС (Южно-Африканского Союза) английский стал официальным языком вместе с голландским, но последний в 1925 году был заменен на африкаанс. С течением времени под влиянием языков коренного населения сформировался отдельный вариант английского языка. Самое сильное влияние оказал язык африкаанс, имеющий голландские корни. Помимо этого на английский язык в ЮАР оказывали влияние такие местные языки, как зулу, коса, сесото, нама и койсанские. Также на лексику данного варианта повлияли слова, используемые в других британских и голландских колониях, таких как Индия и Индонезия, и вокабуляр более поздних иммигрантов – греков, ливанцев, евреев Восточной Европы, португальцев и

других. Сегодня английский является де факто лингва франка страны [Gough 1996]. Южноафриканский английский представлен набором диалектов английского языка (set of English dialects), которые используют жители ЮАР, при этом внутри южноафриканского варианта существуют значительные социальные и региональные различия. Три варианта (определенные Р. Лассом как «Великая трихотомия» ("The Great Trichotomy") [Lass 2002]), как правило, выделяют внутри «белого» южноафриканского английского (White South African English) [Bowerman 2004], на котором, в первую очередь, говорят «белые» в ЮАР (White South Africans): 1) «образованный, изящный» ("cultivated") максимально приближен к Британскому нормативному произношению (England's standard Received Pronunciation) и ассоциируется с высшими слоями общества; 2) «общепринятый, стандартный» ("general") является социальным показателем среднего класса; 3) «широкий» ассоциируется с рабочим классом и приближен к варианту Afrikaans English (подобная классификация аналогична разбиению австралийского варианта английского языка на диалекты [Mannell 2009]). В посткреольском континууме выделяют два варианта «черного» южноафриканского английского (the second-language Black South African English) [Rooy 2004], на котором говорит большинство чернокожих южноафриканцев (Black South Africans): престижный акролект и преобладающий мезолект среднего уровня. Другие разновидности южноафриканского варианта английского языка включают Cape Flats English [Finn 2004], изначально ассоциируемый с носителями Cape Coloured (Cape Coloured speakers), проживающими в гетто, и индийский южноафриканский английский (Indian South African English) [Mesthrie 2004], который используют индийцы в ЮАР.

В соответствии с моделью Э.Холла о низком и высоком контексте культуры ЮАР, относится к высококонтекстуальному блоку [Hall 1989]. В соответствии с подходом Г. Хофстеда ЮАР характеризуется высоким индивидуализмом (65), мужественностью (63) и потворством желаниям (63),

средним уровнем дистанции власти (49), т.е. человек принимает иерархический порядок, низкими избеганием неопределенности (49) и долгосрочностью ориентации (34) (рис.31) [Hofstede 1993], [<https://geert-hofstede.com>].

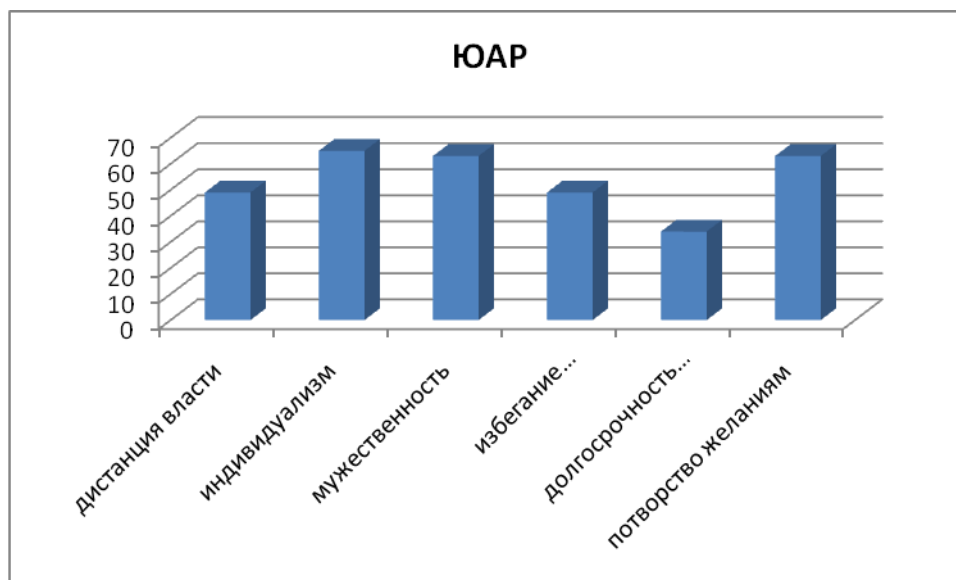

Рис.31. Портрет ЮАР по данным Г. Хофстеда

В модели трех концентрических кругов Б. Качру [Kachru 1992] южноафриканский английский относится к внутреннему кругу, который представляет традиционные исторические и социолингвистические основы английского языка в тех регионах, где он в настоящее время используется в качестве основного языка. Но некоторыми лингвистами отмечается неоднозначность такого деления, т.к., исходя из характеристик, южноафриканский вариант английского языка может быть классифицирован и как ENL (English as a native language – английский в качестве родного языка), и как ESL (English as a second language – английский в качестве второго языка), также его можно отнести и к внешнему, и к внутреннему кругу по модели трех концентрических кругов [Schneider 2007], [Mesthrie, Bhatt 2008]. Подобная ситуация релевантна и для динамической модели Э. Шнайдера, в рамках которой южноафриканский английский отнесен к четвертой стадии (Stage 4 (Endonormative Stabilization)), хотя и не оправдано говорить о едином, стабилизированном варианте (ср., "it is not justified to talk

of a single, stabilised, variety") [Schneider 2007]. «Радужная революция», которая покончила с апартеидом и привела к власти Нельсона Манделу в 1994 году, изменила южноафриканскую идентичность и возродила интерес к английскому языку, делая возможным переход к пятой стадии динамической модели. В модели «колеса» Т. МакАртура (McArthur's Circle of World English) английский в ЮАР относится к группе стандартизированного английского Южной Африки (South African Standardizing English group) [McArthur 1987]. В круговой модели английского языка М. Горлача (Görlach's Circle model of English) южноафриканский вариант английского языка расположен во втором круге и отмечен как ESL (английский как второй язык English as a Second Language) [Görlach 1990]. Согласно модели Дж. Модино южноафриканский вариант относится ко второму кругу, состоящему из людей, для кого английский является родным или кто изучил его на высоком уровне как иностранный (proficient in English as a native and foreign language) [Modiano 1999b]. Согласно мировой карте английского языка П. Стривенса (World map of English) южноафриканский английский берет свое начало от британского варианта английского языка [Strevens 1980b].

Таблица 4. Поуровневое соотнесение лингвистических и культурологических моделей

<i>Качру</i>	Внутренний круг					Внешний круг							
<i>Стривенс</i>	American		British								American		
<i>МакАртур</i>	Canadian Standard English	American Standard English	Australian, New Zealand and South Pacific Standard English	British and Irish Standard English	West, East and South(ern) African Standard(izing) English		South Asian Standard(izing) English		Caribbean Standard English	East Asian Standardizing English			
<i>Льюис</i>	моноактивные				полиактивные		реактивные	реактивные					
<i>Холл</i>	низкоконтекстуальные			высококонтекстуальные				высококонтекстуальные					
<i>Шнайдер</i>					Stage 3			Stage 4		Stage 3			
<i>Горлач</i>	CanE	UsE	AntepodeanE	BrE	African E-es			S Asian E-es		CarE	Subregional	subregional	

<i>Диаспоры</i>	Первая					Вторая											Вторая			
<i>Страны</i>	Канада	США	Австралия	Новая Зеландия	Великобритания	Ирландия	ЮАР	Гана	Кения	Танзания	Нигерия	Индия	Пакистан	Шри-Ланка	Бангладеш	Ямайка	Сингапур	Гонконг	Малайзия	Филиппины
<i>Ареалы</i>	американский		австралийский		европейский		африканский					азиатский			карибский	азиатский				

Приложение 2.

Таблица базовых эмоций

	Basic Emotions / Базовые эмоции
<i>М. Арнольд / Arnold</i>	Anger (гнев), aversion (отвращение), courage (смелость), dejection (уныние), desire (желание), despair (отчаяние), fear (страх), hate (ненависть), hope (надежда), love (любовь), sadness (печаль)
<i>П. Экман, В. Фрисен, П. Элсворт / Ekman, Friesen, Ellsworth</i>	Anger (гнев), disgust (отвращение), fear (страх), joy (радость), sadness (печаль), surprise (удивление)
<i>Н. Фрижда / Frijda</i>	Desire (желание), happiness (счастье/радость), interest (интерес), surprise (удивление), wonder (изумление), sorrow (скорбь)
<i>Дж. Грей / Gray</i>	Rage (ярость), terror (ужас), anxiety (тревога), joy (радость)
<i>К. Изард / Izard</i>	Anger (гнев), contempt (презрение), disgust (отвращение), distress (дистресс), fear (страх), guilt (вина), interest (интерес), joy (радость), shame (стыд), surprise (удивление)
<i>В. Джемс / James</i>	Fear (страх), grief (грусть), love (любовь), rage (ярость)
<i>У. Мак-Дугалл / McDougall</i>	Anger (гнев), disgust (отвращение), elation (воодушевленность), fear (страх), subjection (покорность), tender-emotion (нежность), wonder (изумление)
<i>О. Маурер / Mowrer</i>	Pain (боль), pleasure (удовольствие)
<i>К. Оутли, П. Джонсон-Лаурд / Oatley, Johnson-Laird</i>	Anger (гнев), disgust (отвращение), anxiety (тревога), happiness (счастье/радость), sadness (печаль)
<i>Дж. Панксепп / Panksepp</i>	Euphoria (предвкушение), fear (страх), rage (ярость), panic (паника)
<i>Р. Плутчик / Plutchik</i>	Acceptance (принятие), anger (гнев), anticipation (предвкушение), disgust (отвращение), joy (радость), fear (страх), sadness (печаль), surprise (удивление)
<i>С. Томкинс / Tomkins</i>	Anger (гнев), interest (интерес), contempt (презрение), disgust (отвращение), distress (дистресс), fear (страх), joy (радость), shame (стыд), surprise (удивление)
<i>Д. Уотсон / Watson</i>	Fear (страх), love (любовь), rage (ярость)

<p><i>Б. Вайнер, Л. Грэхем / Weiner, Graham</i></p>	<p>Happiness (счастье/радость), sadness (печаль)</p>
<p><i>Ричард Лазарус</i></p>	<p>Anger (гнев), Envy (зависть), Jealousy (ревность), Fright (испуг), Anxiety (тревога), Guilt (вина), Shame (стыд), Relief (облегчение), Hope (надежда), Sadness (печаль), Depression (депрессия), Happiness (счастье/радость), Pride (гордость), Love (любовь), Gratitude (благодарность), Compassion (сострадание), Aesthetic Experience (эстетический опыт)</p>
<p><i>Эндрю Ортони</i></p>	<p>Appraisal of an event (Оценка события):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Joy (радость) = Pleased by the appraisal of an event (доволен) • Distress (страдание) = displeased by the appraisal of an event (недоволен)
	<p>Fortune of others (Удача других):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Happy-for (рад за другого) = Pleased about an event desirable for another (доволен из-за желательного для другого события) • Sorry-for (жалеешь другого) = Displeased about an event undesirable for another (недоволен из-за нежелательного для другого события) • Resentment (обида) = Displeased about an event desirable for another (недоволен из-за желательного для другого события) • Gloating (злорадство) = Pleased about an event undesirable for another (доволен из-за нежелательного для другого события)
	<p>Appraisal of an agent's action (Оценка действий):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Pride (гордость) = Approving of one's own action (одобрение собственных действий) • Shame (стыд) = Disapproving of one's own action (неодобрение собственных действий) • Admiration (восхищение) = Approving of another's action (одобрение чужих действий) • Reproach (упрек) = Disapproving of another's action (неодобрение чужих действий)
	<p>Appraisal of an Object (Оценка объекта):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Love (любовь) = Liking an appealing object (нравится привлекательный объект) • Hate (ненависть) = Disliking an unappealing object (не нравится непривлекательный объект)
	<p>Appraisal of a possible future (prospective) event (Оценка</p>

	<p>возможного будущего):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Hope (надежда) = Pleased about a prospective desirable event (доволен предполагаемым желательным событием) • Fear (страх) = Displeased about a prospective undesirable event (недоволен предполагаемым нежелательным событием) • Satisfaction (удовлетворение) = Pleased about an confirmed desirable event (доволен, что желательное событие подтвердилось) • Relief (облегчение) = Pleased about a disconfirmed undesirable event (доволен, что нежелательное событие не подтвердилось) • Fears-confirmed (подтверждение опасений) = Displeased about a confirmed undesirable event (не доволен, что нежелательное событие подтвердилось) • Disappointment (разочарование) = Displeased about a disconfirmed desirable event (не доволен, что желательное событие не подтвердилось)
	<p>Compound Emotions (составные эмоции):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Gratification (удовлетворение) = Pride (гордость) + joy (радость) • Gratitude (благодарность) = Admiration (восхищение) + joy (радость) • Anger (гнев) = Reproach (упрек) + distress (страдание) • Remorse (раскаяние) = Shame (стыд) + distress (страдание)
<p><i>Дэниел Гоулман (базовые семьи эмоций / basic families of emotions)</i></p>	<p>Fear (Страх): (Safety (Безопасность)) anxiety (тревога), apprehension (опасение), nervousness (нервозность), concern (беспокойство), consternation (испуг), misgiving (опасение), wariness (настороженность), qualm (опасение), edginess (нервозность), dread (страх), fright (испуг), terror (страх), phobia (фобия) panic (паника).</p> <p>Anger (гнев): (Justice (Справедливость)) fury (бешенство), outrage (возмущение), resentment (обида), wrath (гнев), exasperation (раздражение), indignation (возмущение), vexation (досада), acrimony (раздражительность), animosity (враждебность), annoyance (досада), irritability (раздражительность), hostility (враждебность), hatred (ненависть) violence (жестокость).</p>

	<p>Sadness (печаль): (Loss (потеря)) grief (горе), sorrow (печаль), cheerlessness, gloom (мрачность), melancholy (тоска), self-pity (жалость к себе), loneliness (одиночество), dejection (уныние), despair (отчаяние), depression (депрессия).</p>
	<p>Enjoyment (Наслаждение): (Gain) happiness (счастье), joy (радость), relief (облегчение), contentment (довольство), bliss (блаженство), delight (радость), amusement (развлечение), pride (гордость), sensual pleasure (чувственное наслаждение), thrill, rapture (восторг), gratification (удовольствие), satisfaction (удовлетворение), euphoria (эйфория), whimsy, ecstasy (экстаз), mania (мания).</p>
	<p>Love (любовь): (Attraction) acceptance (принятие), friendliness (доброжелательность), trust (доверие), kindness (доброта), affinity (близость), devotion (преданность), adoration (поклонение), infatuation (одержимость), agape (агапэ).</p>
	<p>Disgust (Отвращение): (Repulsion (отталкивание)) contempt (Презрение), disdain, scorn (презрение), abhorrence (омерзение), aversion (отвращение), distaste (отвращение), revulsion (отвращение)</p>
	<p>Surprise (удивление): (Attention (Внимание)) shock (шок), astonishment (изумление), amazement (удивление), wonder (удивление)</p>
	<p>Shame (стыд): (Self-control (Самоконтроль)) guilt (чувство вины), embarrassment (смущения), chagrin (огорчение), remorse (раскаяние), humiliation (унижение), regret (сожаление), mortification, contrition (раскаяние).</p>

Приложение 3.

Дерево решений. Правила.

Номер правила	Показатель	Условие		Следствие
		Знак	Значение	Кластер
1	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	Азия
	Res Liquidae	<	0,521428572	
	Res Acutae	<	0,792857143	
	Res Filiformes	<	0,018743581	
2	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	Америка
	Res Liquidae	<	0,521428572	
	Res Acutae	<	0,792857143	
	Res Filiformes	>=	0,018743581	
	Res Parvae	<	0,866071429	
	Res Filiformes	<	0,039351852	
3	Res Filiformes	<	0,039351852	Азия
	Res Longae Penetrantes	<	0,6875	
	Res Parvae	<	0,000974659	
	Res Filiformes	>=	0,866071429	
	Res Rotundae	<	0,00974026	
	Res Acutae	<	0,083916084	
	Res Liquidae	<	0,376470588	
	Res Filiformes	<	0,6875	
4	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	Африка
	Res Parvae	<	0,866071429	
	Res Filiformes	>=	0,039351852	
	Res Liquidae	<	0,41885965	
	Res Rotundae	<	0,00974026	
	Res Acutae	<	0,083916084	
	Res Liquidae	>=	0,376470588	
	Res Filiformes	<	0,6875	
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
5	Res Parvae	<	0,866071429	Африка
	Res Filiformes	>=	0,039351852	
	Res Liquidae	<	0,41885965	
	Res Rotundae	<	0,00974026	
	Res Acutae	>=	0,083916084	
	Res Acutae	<	0,093073593	
	Res Filiformes	<	0,6875	
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Parvae	<	0,866071429	
6	Res Filiformes	>=	0,039351852	Австралия
	Res Liquidae	<	0,41885965	
	Res Rotundae	<	0,00974026	
	Res Filiformes	<	0,000974659	
	Res Parvae	<	0,866071429	

	Res Acutae	<	0,146428572	
	Res Acutae	>=	0,093073593	
7	Res Filiformes	<	0,6875	Африка
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Parvae	<	0,866071429	
	Res Filiformes	>=	0,039351852	
	Res Liquidae	<	0,41885965	
	Res Acutae	<	0,1875	
	Res Rotundae	<	0,00974026	
	Res Acutae	>=	0,146428572	
8	Res Filiformes	<	0,6875	Америка
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Parvae	<	0,866071429	
	Res Filiformes	>=	0,039351852	
	Res Liquidae	<	0,41885965	
	Res Acutae	<	0,1875	
	Res Rotundae	>=	0,009402595	
9	Res Filiformes	<	0,6875	Европа
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Parvae	<	0,866071429	
	Res Filiformes	>=	0,039351852	
	Res Liquidae	<	0,41885965	
	Res Acutae	<	0,258241759	
	Res Acutae	>=	0,1875	
10	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Acutae	<	0,792857143	
	Res Parvae	<	0,866071429	
	Res Filiformes	>=	0,039351852	
	Res Liquidae	<	0,41885965	
	Res Acutae	>=	0,258241759	
11	Res Filiformes	<	0,6875	Австралия
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	<	0,521428572	
	Res Acutae	<	0,792857143	
	Res Parvae	<	0,866071429	
	Res Filiformes	>=	0,039351852	
	Res Liquidae	>=	0,41885965	
12	Res Filiformes	<	0,6875	Австралия
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	<	0,521428572	
	Res Acutae	<	0,792857143	
	Res Filiformes	>=	0,018743581	
	Res Parvae	>=	0,866071429	
13	Res Filiformes	<	0,6875	Африка
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	<	0,521428572	
	Res Acutae	<	0,823699082	

	Res Acutae	>=	0,792857143	
	Res Parvae	<	0,146654719	
14	Res Filiformes	<	0,6875	Европа
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	<	0,521428572	
	Res Acutae	<	0,823699082	
	Res Acutae	>=	0,792857143	
	Res Parvae	>=	0,146654719	
15	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	<	0,521428572	
	Res Acutae	<	0,866071429	
	Res Acutae	>=	0,823699082	
16	Res Filiformes	<	0,6875	Австралия
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	<	0,521428572	
	Res Acutae	<	0,940476191	
	Res Acutae	>=	0,866071429	
17	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	<	0,521428572	
	Res Acutae	>=	0,940476191	
18	Res Filiformes	<	0,6875	Африка
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	<	0,6181818	
	Res Liquidae	>=	0,521428572	
19	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	<	0,653125	
	Res Liquidae	>=	0,618181818	
20	Res Filiformes	<	0,6875	Африка
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	>=	0,653125	
	Res Parvae	<	0,209375	
21	Res Filiformes	<	0,6875	Австралия
	Res Longae Penetrantes	<	0,000974659	
	Res Liquidae	>=	0,653125	
	Res Parvae	>=	0,209375	
22	Res Longae Penetrantes	>=	0,000974659	Европа
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	<	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,208191137	
	Res Filiformes	<	0,004330587	
23	Res Filiformes	<	0,6875	Америка
	Res Longae Penetrantes	>=	0,000974659	
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	<	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,208191137	

	Res Filiformes	>=	0,004330587	
24	Res Filiformes	<	0,6875	Европа
	Res Longae Penetrantes	>=	0,000974659	
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	<	0,005610375	
	Res Acutae	>=	0,208191137	
25	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Parvae	<	0,052980133	
26	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Parvae	>=	0,052980133	
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Parvae	<	0,251865672	
27	Res Filiformes	<	0,6875	Австралия
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Parvae	>=	0,251865672	
	Res Parvae	<	0,275252526	
28	Res Filiformes	<	0,6875	Европа
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Parvae	>=	0,275252526	
	Res Parvae	<	0,325287356	
29	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Parvae	>=	0,325287356	
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Liquidae	<	0,348484849	
	Res Parvae	<	0,605210197	
30	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Liquidae	<	0,348484849	
	Res Parvae	>=	0,605210197	
	Res Longae Penetrantes	<	0,007720834	
31	Res Filiformes	<	0,6875	Америка
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Liquidae	<	0,348484849	
	Res Parvae	>=	0,605210197	
	Res Longae Penetrantes	<	0,25	

	Res Longae Penetrantes	>=	0,007720834	
	Res Parvae	<	0,631648936	
32	Res Filiformes	<	0,6875	Америка
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Longae Penetrantes	<	0,25	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,007720834	
	Res Parvae	>=	0,631648936	
	Res Liquidae	<	0,185030396	
	Res Parvae	<	0,734310134	
33	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Longae Penetrantes	<	0,25	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,007720834	
	Res Liquidae	<	0,185030396	
	Res Parvae	>=	0,734310134	
	Res Acutae	<	0,066133721	
	Res Parvae	<	0,766666667	
34	Res Filiformes	<	0,6875	Австралия
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,007720834	
	Res Liquidae	<	0,185030396	
	Res Acutae	<	0,066133721	
	Res Parvae	<	0,908333334	
	Res Parvae	>=	0,766666665	
	Res Longae Penetrantes	<	0,044642858	
35	Res Filiformes	<	0,044642858	Азия
	Res Rotundae	<	0,6875	
	Res Liquidae	<	0,000851789	
	Res Acutae	<	0,185030396	
	Res Parvae	<	0,066133721	
	Res Parvae	>=	0,908333334	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,766666665	
	Res Longae Penetrantes	<	0,044642858	
36	Res Filiformes	<	0,6875	Австралия
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Longae Penetrantes	<	0,25	
	Res Liquidae	<	0,185030396	
	Res Acutae	<	0,066133721	
	Res Parvae	<	0,908333334	
	Res Parvae	>=	0,766666665	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,1125	
37	Res Filiformes	<	0,6875	Америка
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Longae Penetrantes	<	0,25	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,007720834	
	Res Liquidae	<	0,185030396	
	Res Acutae	<	0,066133721	

	Res Parvae	>=	0,908333334	
38	Res Filiformes	<	0,6875	Европа
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Longae Penetrantes	<	0,25	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,007720834	
	Res Liquidae	<	0,185030396	
	Res Parvae	>=	0,734310134	
	Res Acutae	>=	0,066133721	
39	Res Filiformes	<	0,6875	Африка
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Liquidae	<	0,348383838	
	Res Longae Penetrantes	<	0,25	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,007720834	
	Res Parvae	>=	0,631648936	
	Res Liquidae	>=	0,185030396	
40	Res Filiformes	<	0,6875	Африка
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Liquidae	<	0,348484849	
	Res Parvae	>=	0,605210197	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,25	
41	Res Filiformes	<	0,6875	Африка
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Parvae	>=	0,325287356	
	Res Rotundae	<	0,000851789	
	Res Liquidae	>=	0,348484849	
42	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	Европа
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Parvae	>=	0,325287356	
	Res Rotundae	<	0,052139037	
	Res Rotundae	>=	0,000851789	
	Res Filiformes	<	0,007042254	
43	Res Filiformes	<	0,6875	Америка
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Parvae	>=	0,325287356	
	Res Rotundae	<	0,052139037	
	Res Rotundae	>=	0,000851789	
	Res Filiformes	>=	0,007042254	
44	Res Filiformes	<	0,6875	Австралия
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Parvae	>=	0,325287356	
	Res Rotundae	>=	0,052139037	

	Res Parvae	<	0,450724638	
45	Res Filiformes	<	0,6875	Азия
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Acutae	<	0,427202473	
	Res Rotundae	>=	0,052139037	
	Res Parvae	>=	0,450724638	
46	Res Filiformes	<	0,6875	Австралия
	Res Rotundae	<	0,183932347	
	Res Longae Penetrantes	>=	0,005610375	
	Res Parvae	>=	0,052980133	
	Res Acutae	>=	0,427202473	
47	Res Filiformes	<	0,6875	Европа
	Res Longae Penetrantes	>=	0,000974659	
	Res Rotundae	>=	0,183932347	
48	Res Filiformes	>=	0,6875	Африка

Приложение 4.

Криптоклассные цепочки последовательностей (по данным NOW)

	hope	surprise	anger	passion	happiness	joy	grief	sympathy	terror	pleasure	fear	love	pride	pity	relief	concern	distress	shame	guilt	anxiety	emotion	feeling	interest
A U	P	P-R- A=F= L=LP	P- L= A= F	P=L -LP- A-F	L- P=A =R	P- LP -A	LP- L-P- A-F	L- P=R	P- L=LP- F	P-R	L-A- LP= P=R	P- L- F- R- A= LP	P- LP- L	P- L	P- A- L- L P	P-L- A-R	A- P- F- L	P-A- LP= R	P- A=L P	A- P- R- LP	P-L- R- F=L P	P- A- LP	P- A- LP- F- L- R
B D	-	P	P	L=F	P	P	-	-	F	P	P	-	P-A	P	A	A	-	-	-	-	P	-	P- A- LP- F
C A	F-P P	P-R-A	P- L- A- R- LP	L-P- F-A	P-L- R	P- L= F	P-L- LP- A	P-L- A	L-P- LP-F- A=R	P-L- A- LP	P-A- L- LP- F-R	P- L- F- LP- A= R	P- LP- L-A	P	A- L- P- L P- F	P-A- L-R	A- P	P-L	P- L=LP -F	A- P- L- F= LP	L-P- F-R- A	P-L- LP= A-R	P- A- LP- F- L- R
G B	P- F- L = A	P-LP- A=F= L	P- L- A- F=R	L-P- A-F	P-L- LP- F- A= R	P- L- R- A- F= LP	L-P- A-F- LP- R	L-P- A-F- LP= R	P-LP- L-F=R	P-A- L-F- LP- R	A-P- L- LP= R-F	P- LP- L- F- A-R	P-L- LP- F- A-R	P- L	A- L- P- L P- F = R	P-A- L-LP	A- P- L	R-P- A- LP	P-L- A=F =LP- R	A- P- F- L= LP- R	P-L- F- A=R -LP	P-L- A- F- LP- R	P- A- LP- F- L- R
G H	F	-	P	-	P	P- L	-	L	-	P	-	P	P	P	A	P	-	P	P=F	-	P=A	-	P- A-

																							LP=F	
H K	F	P	-	P	-	P	-	L-P	-	P	-	-	P	P	-	P	-	-	-	-	-	-	-	P-A- LP- F
I E	P-F- A	P	P- L- R- A= LP	L-P- R- A= LP	P-L- R	P- L- A	P-L- A=L P	L-P	P-R	P-A- F=L	A=L -P- LP- F=R	P- LP= F- L- R-A	P- LP= A	P- L = A	A- P- L	A-P- L-LP	A- P- F= LP	R-P- L	P-L- A=F	A- P-L	L-P- R-A	L-P- A	A- P- LP- F- R- L	
I N	P-F- L	P-F- A=R= L	P- L- A= F	P=F -L- A	P-L- LP= R	P- L- LP- R	L-A- P-F	L-P	P-L- A=F= LP=R	P	P-A- F- LP= L	P-F- L- A= R- LP	P-L- F- LP= A	P- L	P- A- L- F = R	P-A- L-F	A- P- L	P- A=L =LP	P-A	A- P- L= F	L-P- A-F- R	L-P- A=F	P- A- LP- F- L- R	
J M	F- L	P=F	-	-	P	P	L-A	P	-	P	-	P- L=F =R	P-L	P	A	P=L- A	-	-	P	-	L-A	L	P- A- LP- L	
K E	P	P	-	P=F	-	-	-	-	-	P-L	A- LP= P	P-L	P- LP	P	-	P=L	A	L	-	-	L	P- L= A= R	A- P- LP =F- L	
L K	-	-	-	F	-	-	-	-	P	P	A=L	L	P	P	P	A-P	A	-	-	-	-	L	P- A- LP =F	
M Y	L =A	P	P	F	L=F	P- L= A	L-A	P	-	P	F- P=A =R	F-P	P-A	P	A- L	P=LP	P- A	P	P=A =LP	P	L-P- R	A-L	P- A- LP- F- L-	

																							R
N	F-P	P-F	P-L	L-P-A=LP	P-R	P-F	A-P=L P=R	P=L =LP	P-LP=A- L=F	P-LP	P	L-P-R	P	P-L	A-P	P-L=LP =F	A	P-L	L=A	-	L-P	P=L -R	P-A- LP =F- L
N	F	P-L	P	P-L	P	P	P=R	L-P	P	P	P-LP= A	P-L	P-L =F	P	P-L- A- R	P-A	A- P	R-P- A	P	A= R	P-L- F	P-L	P-A- LP- L- F-R
P	F-P= L	P-L	P-L	P-L=F	L=F	P-F	L-F- P=R	L-P	P=L	P	P-L- LP= F	P-L- LP- F	P-LP- L	P	L-A- P- F	P-A- LP	A= P	-	LP-P	P-A	L- F=R	P-L	P-A- LP- F-L
P	F-P	P-L	P	L	P-LP	P-F	P=L- LP	P-L	L-P-R	P	P-L	L=F	P-F	P	P-A- L- L- L- P	P-A=F	A	A	A	A- P= LP	L-P- A	P=A - F=L P	P-A- LP- F- L- R
S	P	P-F	P=L	P-L	P	P	L	L=L P	-	P	A-P- L=F =LP	P-F	P	P	A- L	A- P=L= LP=F	A- L	P-LP	P=L	-	P-F- R=L P=L	P	P-A- LP- F= L
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	L	-	P	P	A	P	-	-	-	-	-	-	P-A- LP
U	F-P- L- A	P-L-F- R-A	P-L- LP- F	L-P- F-A	P-L- F- A= LP- R	P-L- F- A= LP	P-L- A-F- LP- R	L-P- F-LP	P-L-F- R-LP	P-A- L=F =LP	P-A- L- LP-F	P-L- F- A- R- LP	P-LP- L- A=F =R	P-L- L- P- L- A- R	A-L- P- F- R- L- P	P-A- L- F=LP	A- P- F- LP	P- A=F =L- LP= R	P-L- F-A- LP	A- P- R- L- F- LP	P=L- F-R- A- LP	P- A= L-F- R	P-A- LP- F- L- R

Z	F-L	P-L=A	P-R	L-P- A=F =R	P- L=F	P- L- LP	L-P	P-L	-	P	P=L- A- F=R	P-F- L	P-L	P- L	A- L- P- F = R	P-A- LP- L=F	A	P- LP= R	L-R- P=A =F	A	P-L- F-LP	P-L- A- LP	P- A- LP- F-L
----------	-----	-------	-----	-------------------	-----------	----------------	-----	-----	---	---	-------------------	-----------	-----	---------	-------------------------------	--------------------	---	----------------	-------------------	---	--------------	------------------	------------------------

Обозначения:

A = Res Acutae

F = Res Filiformes

L = Res Liquidae

LP = Res Longae Penetrantes

P = Res Parvae

R = Res Rotundae

= одинаковый ПоКА

- последовательность криптоклассов

Криптоклассные цепочки последовательностей (по данным GloWbE)

<i>Glo wbe</i>	hope	surprise	anger	passion	happiness	joy	grief	sympathy	terror	pleasure	fear	love	pride	pity	relief	concern	distress	shame	guilt	anxiety	emotion	feeling	interest
AU	P- A= F=L	P- LP- A	P-L-F- A- LP=R	P-L- F- LP-R	P=L -F-R	P- L- F- LP	L-P- A- R=L P	P- L	P-L- A=L P=R	P-A- F=L= LP=R	P-A- F=L - LP= R	P-L- F- A=L P-R	P- LP -L- F	P- LP	A- P- L- LP	P- F=L	A -L	P-L- R- A=F =LP	P-L- A- F=R	A-P- R-LP	L- P- F- A- R= LP	L-P- F-A- R- LP	P- A- L- F- LP
BD	P-F	P	L-P- LP=R	P-L	P-L	P-L	-	P = L	P	P-LP	P-R- A=L P	L-P- A= R=L P	P- A	P	A =P	P	A -P	P=F	P-F	A	L- P- F- R	P-L	A- P-F
CA	P- F- L- A= LP	P=L P=L	P-L- A=L= LP=R	P-L- F=L P-A	P-L- F=R	P- L- LP =R- A= F	P- L=A - F=R	A	P- F=L P-L	P-LP- A-L	P-L- LP- F- =R- A	P=L- LP- A=R -F	P- L- F= A	P- LP -L	A- L	P- L- F= A	A - L = P	P-A- F	P-L	P-A- L=LP	L- P- F- R	P-L- A=L P	P- A- L- F- LP
GB	P- F- L- A= LP	P- A=L =LP	P-L- A-LP- F=R	P-L- A-F- LP	P-L- F- LP	P- L= LP- A= R-F	L-P- A-F- LP	L- P- A- F	P-L- A=R	P-A- LP-L- R	P-A- L-F- R- LP	P-L- R-A- LP-F	P- L- LP -A	P- L= LP	A- P- L- LP	P- L- A- LP- F	A -P	P- A=R -L- F-LP	P- L=L P-A- F	A-P- LP- L=R	L- P- F- A- R- LP	P-L- A-F- R	P- A- F- L- R- LP
GH	P-L	P	L-P- LP	P-L- F	P	P- L- R	L	L	-	P	P- L=A	P-L	P	P	A- L	P	P	P-L- R	P=L	L- A=LP =P=R	L- F= R- P	P=L -A-F	A- P- F-R
HK	P	P	P- L=F= R	P- LP= L=A-	P=L -F	P	L	P- L	-	P-A	P-R- LP= F	P- L=F- A=R	P- F	P- L	A- L	A- P-L	-	L=P =R	P	A=P	L- P	P-L- A- F=L	A- P- F-

				F							=LP										P=R	LP	
IE	P-F-L	P	P-LP-L	P-L-F	P-L	P-L-L-F=R	P-L-F	L-P	P=L P=R	P-A	P-L-A-LP=R	L-P-A-F-R-LP	P-L-A	P-LP	A-P-L	P-A-F=L	A-P	P=R - F=L P=L	P-LP-L	A-P	L-P-F-A	P-L-F-A	A-P-R-L-F=LP
IN	P-F	P-LP	P-L-F-LP-A	P-L-F	P-L-F-LP-A	P-L-A	P=A =L	P-L-A	P	P	P-L-F=L P=R	P-L-R-F=A-LP	P-F	P	A-L-LP	P-A=F=L	A-P	P=A =F	P=A - L=L P	A-P	L-P-A-F=R	L-P-F-A=L P	A-P-L-F
JM	P-L	L	P-L	P-F-A=L	P	P	P	P	A	P-LP	P	P-L-F-A=R	P-A=L	P	A	P-L	L	P-L	A	P	P-L-A-F	P-L	A-P-F-L-LP
KE	P=L-F	P	P-A=LP	P-F	-	P-L	P	-	P	P	P-L=R-LP	P=L-F=R	P-F-L=LP	P	A-L	P-F	L-A	P	P	A-P	P-A=F	P-A=L-LP	A-P-F-L
LK	F-P-L	P-A	P-L=F=LP-A	P=L P-F-L	P-L=L P	P-L	P=L	A	P	P-A-LP	P-L-A	P-L-F=A=R	P-L	P	A-L	P-A=L	A	P	P-A=L=LP	P	P-L-LP	A-L=P	A-P-F-L
MY	P-L-F	P	P-L-R	P-A=F=LP	P-L-F	P-L-LP=F	P=A =R	P=A	P-R	P	P-LP=R	P-L-F-A	P-L	P	A	P=F=L	-	P	LP	-	L=P-F-A	P-L-A	P-A-LP
NG	P-F	-	P-L	P-L-A-F	F-P	P-L	P-A-L	L	P-LP	P-L	P-L-A=R	P-L-F-A=R=LP	P	P	A-P-L	P=F	A-P	P-A	P-LP-L=A	A	P-L-F	P-L	A-P-L
NZ	P-F=L	-	P-L-LP	P-L-A	L-P-F	P-L	L-P	L-P	P	P-A	P-L=F	P-L-R-LP-F=A	P-F-L	P	A-P	P-F-L	A-P	P-F=L-A	P-LP	A-P-R=L	L-P-F-R	L-A-P-LP-R	A-P-L-LP

																							=R-F
PH	P=L	P	P-L	P-L-A=F	P-L-LP=F	P-A-L	P=A=L	A	P	P-A	P-L-A-F=L P	P-L-LP-A-R	P-A=L	P-L	A-P	P-A	A-P	F-P-LP-L=A	P-L	A	L-P-P-F=R-LP	L-P-A=F=LP	P-A-L
PK	P-F	-	P-L	P-L-F	P-F=L=LP	P-L	P-L=L P=A	P-L	P-L	P-F=LP	P-L-A	L-P-F=A	P-F	P	A-L-P	P=A	P-A	A-F=L P=P	A=L	A-P	L-F-P-R	A-P=L - F=R	P-A-L-F
SG	P-F-L	P	P-L	P-L-F	P-F=L	P-L=R	A-P=L	-	-	P	P-L	P-L-F-R-A	P-F=L	P	A=P-L	P	-	A-L=P	A-P	A=P=L	L-P-A=R	L-LP=P	A-P-F=L
TZ	P-L	P	P-LP	P-L=F	L=R	P-LP	A-P	A	F	P-A	P-L-LP	P=L-F=A -LP	P	P	A-P	P	A	P	L	-	L-P-LP	L-P=A	A-P-F-L
US	P-F=L -A-LP	P-LP-A=L	P-L-LP-A=F=R	P-L-F-LP=A	P-F-L-LP-R	P-L-F-R-A=LP	P-L-A-R-F-LP	P-L-A=F	P-L-A=F=R	P-A-LP-L	P-L-F=A -LP-R	P-L-F-A-LP-R	P-L-F-LP	P-LP	A-L-P-LP	P-L=A-F-LP	A-P-F=L	P-L-LP-F-R	P-L-F=L P	A-P-L-R	L-P-F-R-A-LP	L-P-A=F -LP-R	P-A-F-L-LP=R
ZA	P-F=L -A	P	P-L-LP	P-L-A=F	L-P	L-F=P	P-A=F	-	P	P-A-L	P-L	P-L-F-R	P-L	P-L	-	P	-	LP-L=P	P-A=F	A=P	F-L-P-A	P-L-A=L P	A-P-L-F=LP

Таксономии (по данным GloWbE)

